

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

1/2012

Журнал
«Семь искусств»

Январь 2012

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2012

Журнал

«Семь искусств»

Январь 2012

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Василий Демидович	
И.Р. Шафаревич	5
Евгений Майбурд	
Когда проваливаются провалы: свободный рынок и государство	28
Игорь Фунт	
Пушкин в джинсах Levis.....	61
Леонид Столович	
Структурализм с человеческим лицом	87
Михаил Цаленко	
Другой взгляд на сегодняшнюю Россию.....	135
Борис Тененбаум	
Кем был Шекспир?.....	146
Игорь Ефимов	
Три романа «про это».....	168
Ион Деген	
Память и покаяние.....	193
Борис Рублов	
Мой мир оперы	206
Артур Штильман	
«В Большом театре и Метрополитен Опере».....	260
Соня Тучинская	
Внук Чуковского.....	274
Дмитрий Хмельницкий	
«Учиться у СССР – значит учиться побеждать».....	287
Борис Сулович	
Моление о чуде	296
Ирина Егорова	
Место встреч параллельных прямых	303
Ольга Олгерд	
Ангелы трёхмерного пространства	324
Ирина Маулер	
Эмиграция... Скоро осень	331
Людмила Штерн	
Десять минут о любви	335
Евсей Цейтлин	
Талант исчезновения	343
Фреда Калин	
Москва без Петушков.....	351
Александр Бураковский	
Абрам дурак	370
Нина Горланова	

Лав стори	385
Андрей Чередник	
Теплый снег	399
Эдуард Бормашенко	
"Огненный лед" Генриха Соколика	424
Лорина Дымова	
О Левике, Шуберте и о том, какие игры играет с нами жизнь	433
Алла Цыбульская	
«Ричард III» – трагедия В. Шекспира	439
Михаил Юдсон	
Края рая	445
Борис Кушнер	
Ты, сердце, можешь разорваться	454
Виктор Гопман	
Под эгидой ООН	479
Об авторах	529

Василий Демидович

И.Р. Шафаревич

б интервью с академиком РАН Игорем Ростиславовичем Шафаревичем, долгое время преподававшим на Мехмате МГУ (на условиях совместительства) по кафедре высшей алгебры, договорился, в конце июня 2008 года сотрудник этой кафедры Игорь Андреевич Чубаров. Игорь Ростиславович любезно пригласил нас к себе домой. И вот мы вдвоём, предварительно обсудив вопросы, приехали к Игорю Ростиславовичу.

Прежде всего, мы поздравили Игоря Ростиславовича, а также подошедшую его супругу Нину Ивановну, с только что прошедшим его 85-летним юбилеем. Затем мы передали Игорю Ростиславовичу заготовленные вопросы. Просмотрев бегло вопросы, он счёл их «разумными», и сказал, что готов на них отвечать. Мы включили свои диктофоны, и наша беседа началась. Длилась она в непринуждённой обстановке часа полтора. Ниже приводится текст расшифровки её диктофонной записи.

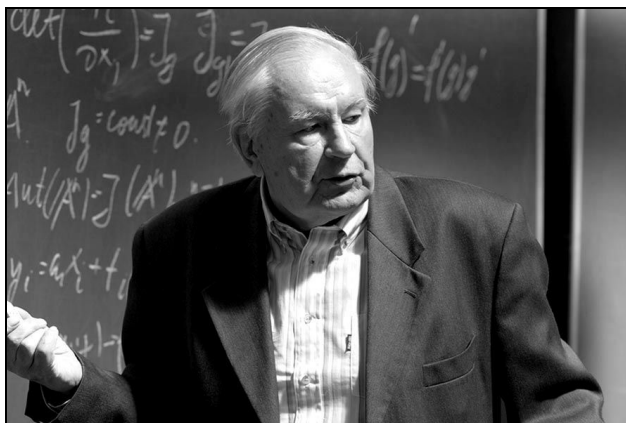
ИНТЕРВЬЮ С И.Р.ШАФАРЕВИЧЕМ

Д. Мы очень рады, Игорь Ростиславович, что Вы согласились на это интервью. Нам интересна Ваша точка зрения на историю Мехмата МГУ, который Вы закончили и с которым, во многом, была связана Ваша творческая жизнь. Но вначале мы просим Вас рассказать немного о себе, своей семье и своих школьных годах.

Мне известно, что родились Вы на Украине (в Житомире) 3 июня 1923 года. А как звали Ваших родителей и чем они занимались, в частности, кто-нибудь из них был ли «связан с математикой»?

Ш. Отец мой окончил тот же факультет Московского университета (тогда он назывался ещё физико-математическим), только по специальности астрономия, но не попал в аспирантуру. Позже он пытался приступить к преподаванию математики, но тогда, во время гражданской войны и сразу после неё, это было трудно. А через несколько лет он стал преподавать в различных институтах теоретическую механику. Фамилия его была такая же,

как у меня – Шафаревич, звали его Ростислав Степанович. Мать мою звали Юлия Яковлевна.

Доклад И.Р. Шафаревича на семинаре в МИАН 17 июня 2008 г.

Д. Они оба с Украины?

Ш. Ну, как сказать... Познакомились они на Украине в Житомире, где отец моей матери был управляющим городского отделения государственного банка.

Д. Это ещё до революции?

Ш. И до, и в течение, и после. Это было очень опасное занятие, потому что первые же вошедшие войска забирали всё золото, а все следующие требовали, чтобы он его отдал. Несколько раз его водили на расстрел.

Так что, родом они были, может быть, и не оттуда. Откуда родом мой отец – не очень ясно. То есть, сам он родом из Житомира, а откуда его родители – мне не очень понятно. Сам корень «шафар» есть в словаре южнославянских или западнославянских корней. Я встречал такую фамилию в ссылках на какого-то польского автора, встречается она и в Сербии. По семейным слухам, мой дед пришёл из Сербии. Это заключение сделано, во-первых, из того, что он был православным (был дьячком в церкви), а во-вторых, он пришёл с запада: говорил по-русски с акцентом. А какой же ещё есть православный запад...

Д. Были ли у Вас братья и сестры?

Ш. Нет, не было, я был единственным ребенком. Надо сказать, это было типично для того поколения. Русская интеллигенция тогда вымирала. Я ещё подростком стал обращать внимание на то, что к моим родителям ходит в гости только

определённый круг знакомых. Раз в год родители ходили к ним. Это были, в основном, школьные, гимназические приятели мамы или папы. И либо они были не женаты, либо у них не было детей. Герберт Уэллс (он приезжал в Россию во время гражданской войны) очень интересно рассуждал, что русская интеллигенция вымирает, и не потому что тяжело жить (хотя это, конечно, тоже играет роль), а потому что она уже не нужна. Точно как в краалях у кафров она была бы не нужна... Так что я был единственным сыном, и у родителей всегда была мечта вырастить меня достойно... А школу я закончил в 15 лет и сразу же поступил на Мехмат МГУ. Там я стал учиться экстерном.

Д. Скажите, пожалуйста, а медали в школе тогда давали?

Ш. Нет, государственных медалей тогда не было. Да и вообще, школу я окончил не бог весть как...

Ч. Было, кажется, понятие «аттестат отличника».

Ш. Может быть, но у меня его не было. В школе мне тоже разрешили учиться экстерном, но на Мехмате МГУ я учился лучше.

Д. А школьный учитель математики как-нибудь повлиял на Ваш интерес к своему предмету?

Ш. На меня повлияло в этом отношении одно лицо – тогдашний декан факультета Лев Абрамович Тумаркин (его студенты звали «Лев Арапович»). Он потом перестал быть деканом и сделался очень суровым и влиятельным членом партбюро. И влияние его на математическую жизнь было, скорее, реакционным. Партбюро не любило, чтобы студенты или преподаватели увлекались каким-нибудь одним направлением.

Д. То есть, вы считаете, что он был жёстким деканом.

Ш. Очень жёстким. Тем не менее, в моей жизни он сыграл положительную роль, потому что в первые экзамены он направил меня сдавать аналитическую геометрию Борису Николаевичу Делоне, алгебру – Александру Геннадьевичу Курошу...

Д. А надо было получить направление на экзамен лично у декана?

Ш. ...Да, он сам решал, к кому дать направление. По крайней мере, в первые мои экзамены так было... А математический анализ он меня направил сдавать Израилю Моисеевичу Гельфанду. Так вот все эти трое со мной очень возились и дали мне какой-то толчок. Интерес же к математике появился у меня ещё в школе. Очень странным образом. Я заболел, мне было скучно, и я стал читать учебники – когда сидишь один, учеба идёт как-то быстрее. Я прочел учебники за свой класс, и за следующий. Но когда меня перевели в следующий

класс, мне математика всё ещё плохо давалась. Я даже получил две двойки по контрольным, и учительница мне сказала, что если я их не исправлю, то вернусь обратно на класс назад. А я тогда, помню, был очень заинтересован одной девочкой в своём классе...

Д. Она была отличницей, да?

Ш. ...Да нет, вроде. Точнее, не помню. Помню лишь, что она была очень активная... Так вот, мне очень не хотелось никуда переходить из своего класса. И когда наступили зимние каникулы, я все каникулы сидел дома (в то время как основным развлечением школьников тогда было ходить на каток кататься на коньках) и решал задачи из задачника Шапошникова и Вальцова. И мне очень понравилась алгебра преобразований, когда из сложных выражений в конце концов получается, например, ноль.

Д. Вы закончили Мехмат МГУ экстерном за 2 года. Вы учились по какой-то своей программе, или вам её составил Лев Абрамович Гумаркин?

Ш. Нет, учил то, что полагалось обычным студентам, был список всех предметов. Каждый из тех, с кем я общался, интересовывал меня своими областями. Я помню, что Борис Николаевич Делоне (он был довольно необычным человеком и не возился со мной особо – у меня было много учеников, и я их воспитывал совсем по-другому) ради меня пошёл, как я потом понял, «на преступление»: брать книги из библиотеки Стекловского математического института и не сдавать их вовремя было запрещено, а он взял две книги и дал их мне читать на всё лето. Это были книги Гильберта и Гаусса. Они произвели на меня колоссальное впечатление – я и не подозревал о существовании таких вещей и таких красивых теорий.

Д. Книги эти были на немецком языке или уже на русском?

Ш. Нет, эти книги тогда ещё были на немецком, это сейчас они переведены на русский язык.

Д. Значит, Вы уже хорошо знали немецкий язык к тому времени?

Ш. Ну да, то есть, я мог читать на нём. Родители думали, что это с моей стороны какая-то блажь, но сказали, что разрешат мне читать учебники на иностранных языках и дальше, если только алгебру я буду читать по-немецки, а геометрию мне следует читать по-французски. Помню, как я ездил в магазин иностранной книги покупать такие учебники...

Д. Разве в те довоенные времена в Москве были магазины иностранной книги? Мне казалось, при Сталине их не было.

Ш. Были, были. Помню, был один магазин на Садовой,

недалеко от Парка Культуры.

Д. Понятно. А вот скажите, когда Вы учились на Мехмате МГУ экстерном, были ли какие-нибудь занятия, на которые вам обязательно надо было ходить? На марксизм-ленинизм, например. Вы его сдавали?

Ш. Нет, нет, как-то мне удалось это обойти, и я только сдавал по нему экзамен. Потом ко мне подошел преподаватель, который мне сказал: «Я понял, что вы ничего не знаете», – хотя я «Капитал» Маркса тогда внимательно прочёл, – «но я просто не хотел вам мешать».

Д. Да, это я знаю, почему-то те, кто внимательно изучал «Капитал», потом получали от преподавателей нарекание вроде: «Вы неправильно всё понимаете». А всё, как раз, было наоборот. Это известная вещь у математиков. Еще такой вопрос: обучение для Вас было платным? Вам пришлось платить за экстернат?

Ш. Да нет... по-моему... вроде, нет... А может и приходилось... Вы знаете, я не помню, у меня своих денег не было, поэтому я не могу точно сказать.

Д. Понятно.

Ш. Вот когда я поступил на пятый курс, то есть, стал студентом пятого курса, я стал получать сталинскую стипендию. Это была колоссальная сумма, больше, чем зарабатывал мой отец.

Д. А скажите, как у Вас в экстернате курсы отсчитывались? Скажем, Вы учились в группе 1-го курса первые два-три месяца, считаясь «первокурсником» пока Вы не сдали все предметы за 1-й курс, потом Вас переводили в группу 2-го курса и Вы считались уже «второкурсником» следующие несколько месяцев до тех пор, пока Вами не были сданы все предметы 2-го курса, и так далее – так? Вот Вы говорите «на пятом курсе», а когда у Вас начался пятый курс?

Ш. Да, так. Но свой пятый курс я проучился уже целый год в одной группе и вместе с ней его закончил. В этой группе, помню, учился Рохлин, ставший моим приятелем – с ним я и закончил пятый курс.

Д. А, знаменитый Владимир Абрамович Рохлин. Вот ещё вопрос: курсовые работы у Вас были? Вам приходилось их писать?

Ш. Да нет, курсовых не было...

Д. Не было... Но дипломная работа, конечно, была?

Ш. Да, дипломная была.

Д. И Вы диплом писали уже у Бориса Николаевича, так?

Ш. Да.

Д. Ясно. У меня вопрос про Бориса Николаевича. Дело в том, что я живу в одном доме с его внуком Серёжей.

Ш. Какой же это внук?

Д. Серёжа Шаров.

Ш. Это, значит, сын дочери?

Д. Да. И мне очень интересно, как произошло ваше знакомство с Серёжиным дедом?

Ш. А вот так и произошло. Я пришёл к Борису Николаевичу с бумажкой, подписанной Тумаркиным, где было сказано, что он направляет меня к нему сдавать экзамен. Борис Николаевич спросил меня: «Проводите меня домой?» Я, конечно, согласился. Мы, я помню, шли через мост Москвы-реки – он жил где-то в Замоскворечье. По дороге он расспрашивал меня обо всем, но, по-моему, о геометрии он ничего меня не спросил. Потом Борис Николаевич сказал: «Знаете, вы не читаете алгебру, геометрию, а читаете книжку Чеботарёва «Теория Галуа»». Я попробовал читать её летом, но я ничего в ней не понимал. У меня тогда ещё была малярия, и как раз в те дни ко мне привязался очередной малярийный приступ – они часто со мной происходили. Всё это, вместе с непонятной книгой Чеботарёва, и слилось для меня в единый комок... А потом, вернувшись в Москву, я узнал, что переведена книжка Ван-дер-Вардена, где всё было абсолютно понятно.

Д. С Николаем Григорьевичем Чеботарёвым Вы лично были знакомы?

Ш. Да, с Чеботарёвым я потом лично познакомился. Потому что Стекловский математический институт, в котором я стал докторантом, во время войны был эвакуирован в Казань, где Чеботарёв жил постоянно. Там мы и стали хорошими знакомыми. Потом он был моим оппонентом по докторской диссертации.

Д. Понятно. А скажите, вот сейчас на втором курсе мехматяне МГУ выбирают себе кафедру. А тогда такое было?

Ш. Нет, тогда такого не было.

Д. То есть, кафедра определялась тогда «по руководителям» – кто согласился с вами работать, на кафедре такого преподавателя вы и пишете, скажем, свою дипломную работу?

Ш. Нет, и никакого специального руководителя тогда не было.

Д. Как так – ведь Борис Николаевич Делоне был Вашим официальным руководителем, разве не так?

Ш. Нет-нет, он просто ко мне очень хорошо относился. Даже когда аспирантом я поехал в эвакуацию сначала в Ташкент, а

потом в Ашхабад, он прислал телеграмму: «Присылайте Шафаревича, я готов взять его членом семьи».

Д. Здорово! А в одном справочнике я прочитал, что Вы стали кандидатом наук в 19 лет – это верно?

Ш. Да, наверное, так.

Д. То есть, в 1942 году или 1943-м?

Ш. Да, где-то так.

Д. А Вам пришлось формально оканчивать аспирантуру? При Стекловке, наверное, да?

Ш. Нет, это была аспирантура Мехмата МГУ. Моим руководителем в ней был Александр Геннадьевич Курош.

Д. Как, не Борис Николаевич, а Александр Геннадьевич?

Ш. Да-да. Мне даже Михалёв говорил, что нашёл где-то в кафедральном архиве мою кандидатскую диссертацию, аккуратно написанную ручкой.

Д. Название Вашей кандидатской не помните?

Ш. Помню, я потом напечатал по ней работу в Докладах АН СССР. Называлась она «О нормируемости топологических полей».

Д. А, да-да, я знаю это – это было в 1943 году, я в одном справочнике видел.

Ш. Не исключено, что она могла где-то и сохраниться. Я, например, как-то встречал рукописно написанную курсовую Винберга.

Д. Ну, его работа, должно быть, была написана гораздо позже – ведь Эрнест Борисович лет на пятнадцать Вас моложе.

Ш. Ну да, гораздо позже.

Д. А в 1943 году, в военное время, было, наверное, трудно организовывать защиту?

Ш. Да вы знаете, собрать кого-то на Совет было не трудно, потому что было мало, кого собирать.

Д. Это уже в Москве было?

Ш. Нет, это было ещё в Ашхабаде. Голодно было очень. Помню, я получал полкило хлеба в день, в очереди за ним стоял. Четвертушку его я съедал утром. Моей стипендии хватало на то, чтобы утром же купить себе ещё баночку тамошнего кислого молока «мацони» – с ним я потом съедал ещё четвертушку хлеба. А оставшуюся половинку хлеба я съедал в обед в столовой, на которой была надпись: «Воду из супов рядом со столовой выливать запрещено». И вечером ужасно хотелось ещё поесть, это я помню. Я тогда шёл в библиотеку и брал какие-нибудь интересные книги, которые бы меня отвлекли от голода – по литературе, истории, еще какие-нибудь...

Д. Я читал где-то, что как раз в Ашхабаде, куда эвакуировался МГУ, погибла сестра Израиля Моисеевича Гельфанда.

Ш. Да.

Д. И Вы это помните?

Ш. Да-да. Она была там с мужем – или это был просто её друг. И как-то раз они вдвоём пошли на прогулку в пустыню. А там она вдруг почувствовала себя плохо. Он побежал принести ей воды, но, вернувшись, не смог уже её найти. Потому что эти барханы совершенно одинаковые. Её потом искали на аэроплане, но не нашли...

Д. Да, про это я, как раз, и читал. Так что, это при Вас было... После кандидатской диссертации Вы сразу стали работать в Стекловском математическом институте?

Ш. Да.

Д. То есть, получается, Вы там проработали уже 65 лет?

Ш. Ну как сказать. После кандидатской я переехал из университета в академию. Университет был сначала в Ашхабаде. Но потом старенькие профессора стали быстро умирать, и было решено перевезти всё в более мягкий климат – в Свердловск. Так вот, уже из Свердловска я переехал в Казань, где находился Стекловский математический институт, и сделался его докторантом. Там я до 1944 года, наверное, и был докторантом. А в 1944 году я уже вернулся в Москву.

Д. Потому что Стекловка возвратилась в Москву?

Ш. Да-да.

Д. Но всё равно, получается, что у Вас стаж работы в Стекловке – 65 лет.

Ш. Ну, наверное...

Д. Докторскую Вы защитили в 1953 году. Где проходила защита, в Стекловке?

Ш. Нет, докторскую я защитил не в 1953 году.

Д. Нет? А по справочнику – в 1953-м.

Ш. Нет, нет. В 1946 году.

Д. Даже так? Докторскую?

Ш. Да. Я помню атмосферу защиты. Помню, что моими оппонентами были Дмитрий Константинович Фаддеев и Анатолий Иванович Мальцев, ныне уже покойные. А третьим оппонентом был Николай Григорьевич Чеботарёв.

Николай Григорьевич тогда написал мне письмо, что всё это он уже забыл и что не сможет разобраться в моей диссертации, если я не приеду к нему и не расскажу её ему сам. Я приехал в Казань, остановился в какой-то гостинице. Позвонил ему, сказал,

что приехал. Он попросил немедленно прийти к нему. Я пришёл к нему. Он сказал, что я, конечно, должен жить у него, а не в гостинице (такой у него был стиль, барский, что ли). Я помню, что мы с ним разговаривали по вечерам, потому что он ждал своего сына, который ухаживал там за какой-то барышней и возвращался поздно. А его близкие женщины в семье, с одной стороны, боялись воров на улице, с другой, боялись дверь в дом открывать. Вот ему и велели караулить вечером у двери, чтобы открыть её сыну. О моей же диссертации мы так и не разговаривали, кроме как в последний вечер. Он тогда сказал: «Ну, вот теперь пора, завтра вы улетаете, так что расскажите, что у вас здесь за диссертация». Я ему стал рассказывать, и когда дошёл до последней части, то он сказал: «Ну, эта часть, наверное, не существенная». Я ответил: «Конечно, не существенная», хотя там, как раз, решалась проблема, которую он когда-то сам поставил. В итоге он написал на неё вполне удовлетворительный отзыв.

Д. Такой ещё вопрос: помните ли Вы, кто у Вас был первым аспирантом? Это был Юрий Иванович Манин?

Ш. Нет, он был далеко не первым моим аспирантом. Я помню, что одного из первых мне завещал ещё Чеботарёв.

Николай Григорьевич приехал в Москву оперироваться, так как у него нашли рак и ему сказали, что нужна операция. Он сказал мне, что на всякий случай я должен позаботиться об его аспиранте. Это был некто Павлов. Он был, кажется, из Мордвы или Чувашии. А жил он в Казани.

Он был каким-то странным: в армии всей его части велели вступить в партию, и он вступил вместе со всеми, но потом выкинул свой партбилет. Это обнаружилось и ему сказали, что он должен заплатить партвзнос. Он ответил, что таких денег у него просто нет. Тогда ему сказали, что, так уж и быть, деньги ему простят, но в партию он должен вступить вновь. А он ответил, что вступать больше не будет ... Он был аспирантом пединститута, причём единственным за многие годы в этом институте, окончившим аспирантуру с диссертацией. Но когда его распределяли, то его спросили, что за дела у него с парторганизацией. На это он ответил: «А вас сюда прислали не для того, чтобы рассуждать, а для того, чтобы распределять». В итоге его распределили в какое-то село Мясобутово. «Наверное, – говорил, – там мяса много». Больше я его не видел.

Д. И судьбу его Вы не знаете... Вот еще вопрос, легко ли Вам было общаться с Иваном Матвеевичем Виноградовым? Говорят, у него был очень сложный характер.

Ш. Знаете, мне кажется, что ко мне лично он относился очень доброжелательно. Главная его черта была, что он был страшно одинок. Ему было очень скучно, жизнь его была очень однообразной. У него было два основных интереса – это аналитическая теория чисел (его теория тригонометрических сумм) и Стекловский институт. Постепенно теория чисел стала отпадать, и остался только Стекловский институт. Для этого института он, действительно, сделал очень много. Я не знаю ни одного выдающегося математика того времени, который бы не работал долго в Стекловском институте. Там же работал и Гельфанд...

Д. Вот мне рассказывал Николай Михайлович Коробов, Вы его конечно знали, что они как-то поссорились...

Ш. Да, они поссорились, но это, я думаю, скорее, свойство Николая Михайловича, нежели Ивана Матвеевича.

Д. Да, у Николая Михайловича тоже был свой характер.

Ш. Я помню, на каком-то общем собрании сотрудников – такие у нас собрания проходили – Виноградов говорил, что есть у нас и докторанты, что вот он, например, руководит Коробовым. И вдруг встаёт Коробов и заявляет: «Нет, вы мной не руководите». «Как не руководжу?» – «А вот так, вы меня не воспитываете!». Так что уж и не знаю, кто тут виноват...

Д. Теперь перейдём к Мехмату МГУ. Вы же никогда не были там на полной ставке?

Ш. Да, я всегда был там на полставки. На полной ставке я был в Стекловском математическом институте.

Д. Но Вы же читали на Мехмате МГУ и основные курсы, и спецкурсы... Это когда началось, в пятидесятые годы? Или ещё в сороковые?

Ш. Я думаю, что в сороковые.

Д. А потом Вы ушли с факультета?

Ш. Я помню, что меня уволили.

Д. Эта ситуация была связана с Петром Матвеевичем Огибаловым?

Ш. Не знаю. Мне кажется, Огибалов всегда был таким воротилой, начальником...

Д. Он стал потом деканом Мехмата МГУ.

Ш. Да, потом он стал деканом... Помню, что во время войны я хотел эвакуироваться вместе с университетом. И я пришёл, сразу после знаменитой московской паники, получить справку на эвакуацию. Но мне заявили, что такую справку мне давать не велено. Я спросил, как же так? Мне ответили, что за

разъяснениями следует идти к Огибалову. Я пришёл к Огибалову...

Д. Тогда он, кажется, был заместителем секретаря парткома МГУ – ведь дело, наверное, происходило в сентябре 1941 года?

Ш. Да-да, осенью 1941 года. Огибалов спросил меня, рыл ли я окопы. Я ответил, что только что вернулся оттуда. Тогда он отправил меня обратно, и велел передать, что разрешает выдать мне справку.

Я не знаю, какое отношение он имел к моему увольнению из МГУ. Оно было очень обширным: тогда были уволены и Отто Юльевич Шмидт, и Сергей Натанович Бернштейн...

Д. Это, наверное, было сразу после войны?

Ш. Кажется так, но точно не помню.

Д. Но Отто Юльевич ведь тогда заведовал кафедрой алгебры на Мехмате МГУ...

Ш. Знаете, не постоянно. Когда я стал работать преподавателем на этой кафедре, Отто Юльевич, действительно, ею заведовал. Но реальным заведующим был Александр Геннадьевич Курош.

Д. И при Шмидте тоже?

Ш. Да, и при Шмидте. Именно Курош составлял план, кому какая нагрузка, и всё такое.

Д. Мой следующий вопрос, как раз, про Отто Юльевича.

Ш. А я его помню очень хорошо. В 1956 году в Москве был Второй Всесоюзный Съезд математиков...

Д. Было такое...

Ш. ...И алгебраисты решили навестить Шмидта, поехав к нему на дачу. Поехали Делоне, который был с ним знаком ещё с молодости, Курош, который его тоже давно хорошо знал, Мальцев. Они взяли с собой и меня, так сказать, как представителя младшего поколения. Он тогда нам сказал: «Я ясно понимаю, что мне осталось жить лишь полгода. Всё идёт по ступенькам». На самом деле, ему оставалось полмесяца, а не полгода. Я тогда уезжал на Памир и сказал ему, что мы собираемся переходить перевал в Верховьях ледника...

Д. Вы уезжали туда вместе с Борисом Николаевичем? Или сами, отдельно?

Ш. Отдельно.

Д. Я, почему-то, подумал, что с Борисом Николаевичем... И вот в том же 1956 году Шмидта не стало.

Ш. Да, это всё было в 1956 году. Когда я вернулся, я узнал, что его уже нет.

Д. А прямого влияния на Ваше научное творчество он не оказал?

Ш. Да нет.

Д. Вот такой ещё вопрос. Я поступил на Мехмат МГУ в 1960 году, и знаю, что в 1950 и 1960 годы на факультете было два больших семинара – колмогоровский и гельфандовский. Вам приходилось в них участвовать? Или это было в стороне от Ваших интересов?

Ш. Помню, что я ходил на лекции Колмогорова. Он рассказывал то, что сейчас называется КАМ-теорией.

Д. Да-да, теорией Колмогорова-Арнольда-Мозера.

Ш. Идеи у него были, но он сам говорил: «Я не достаточно сильный аналитик, чтобы все это сделать». Я ходил на его лекции. Они были очень интересные, но малопонятные. И на доклады его я ходил – тоже было абсолютно ничего не понятно...

Д. Я знаю, что Андрея Николаевича очень трудно было понимать.

Ш. И вы это помните, да? Вот я помню, что тогда появились алгоритмические задачи, про которые можно было ставить проблему об их разрешимости...

Д. Потом этим стал заниматься Юрий Владимирович Матиясевич, так?

Ш. Потом, да, многие стали этим заниматься. И прежде всего, Андрей Андреевич Марков.

Д. Да-да, конечно.

Ш. Колмогоров же первый решил рассказать математикам, что это такое, на заседании Московского математического общества. Я сразу побежал на этот его доклад, и помню, что было всё абсолютно не понятно. Какой-то он придумал педагогический приём – у него ведь всегда доклады основывались на том, что он придумывал какие-то свои приёмы, чтобы лучше донести их до аудитории. Так вот, в том докладе он что-то сравнивал с бумагами, что-то – с папками, что-то – со шкафами и ящиками. Понять, что имеется в виду, было совершенно невозможно. Помню, что рядом со мной сидел Гельфанд и написал мне, что когда-то он купил ручку и, решив её опробовать, стал писать фразы внешне бессмысленные, вроде «кривизна интеграла», а потом долго не мог понять, что же это значило – теперь он находится точно в таком же состоянии.

Д. А расскажите про Израиля Моисеевича Гельфанда и про общение с ним.

Ш. В моей жизни первый специальный курс, который я слушал, был гельфандовский спецкурс. У меня такое подозрение,

что это был его первый спецкурс, который он читал на Мехмате МГУ. Он тогда ещё не защитил свою докторскую диссертацию.

Д. Это было ещё в 40-е годы?

Ш. Ой, знаете, точно не вспомню... По-моему, конец сороковых...

Д. Конец сороковых... понятно, понятно... Гельфанда я слушал один раз, и даже, кажется, что-то понял. Колмогорова я тоже, как-то, слушал, но практически ничего не понял...

Ш. На Мехмате МГУ училась дочка Бориса Николаевича Делоне, Аня, которую я очень хорошо знал. Так она была просто в ярости. Лучшим студентам даже нравилось, что такой великий математик – Колмогоров – что-то непонятное говорит, а её это ужасно раздражало, что он пишет, потом говорит «что это за бред я написал», стирает, опять пишет...

Д. Ну, с великими математиками это случается. Вот, например, я как-то слушал, как читал свой доклад Андрей Николаевич Тихонов: во-первых, тихо, во-вторых, отвернувшись от аудитории, что-то там писал на доске, в-третьих, быстро стирал написанное и только тогда поворачивался к аудитории, так что никто не мог понять, что он там писал, а потом стирал.

Ш. Из таких «непонятных» математиков я помню покойного Боголюбова Николая Николаевича. К ним же я отношу и ныне живущего Виктора Павловича Маслова. Абсолютно было не понять его: говорит он явно неверную фразу, пока поймешь, что она неверная и построишь противоречащий пример, он уже что-то совсем другое говорит, и ты за ним совершенно не успеваешь.

Д. Говорят, что Виктора Павловича Маслова умеет доходчиво «расшифровывать» Владимир Игоревич Арнольд...

Ну, вот еще вопрос: Вы, насколько я понимаю, хорошо знали Ивана Георгиевича Петровского, так?

Ш. Да, так.

Д. Можете ли Вы вспомнить и рассказать немножко про Ваше общение с ним?

Ш. Иван Георгиевич был деканом Мехмата МГУ как раз тогда, когда факультет эвакуировали. Я уже тогда был с ним связан и по каким-то бытовым вопросам: он, в частности, мне выдавал квартиру, в которой я должен был жить. А в начале 50-х годов он сделался ректором университета. И после того, как меня на несколько лет уволили из университета, я там оставался на почасовой оплате. Потом Иван Георгиевич меня пригласил в университет снова на полставки, и я стал читать на Мехмате МГУ свой курс лекций. Так что, с ним мы хорошо знакомы. Я помню

его очень хорошо, заходил к нему на дачу – она была в том же поселке, что и у Бориса Николаевича Делоне.

Д. Это не в «Ново-Дарьино»?

Ш. Нет, в «Абрамцево». Я сейчас сам там живу.

Д. А верно ли, что Иван Георгиевич приглашал Вас заведовать кафедрой после смерти Александра Геннадьевича Куроша? Я имею в виду кафедру алгебры.

Ш. Знаете, не от самого Иван Георгиевич это исходило, а через Павла Сергеевича Александрова. Он был заведующим Отделением математики Мехмата МГУ. Вот он-то меня и очень уговаривал. Но я не рискнул как-то оставлять Стекловский институт. Да у меня были и «грехи» по диссидентской линии, о которых я не хотел бы сейчас говорить.

Д. Понятно... Но тем не менее в связи с Вашими «грехами»: Вы были знакомы, конечно, с Андреем Дмитриевичем Сахаровым?

Ш. Да, конечно.

Д. Скажите, как Вам теперь кажется, все ли его идеи оказались позитивными для нашей страны? Или его «заносило»?

Ш. Вы знаете, его образ представляется мне как образ русского юродивого, который болеет душой и ругается грешному миру, как писали о юродивых. Его травмировала любая несправедливость, не важно, касалась ли она десятков миллионов раскулаченных или одного какого-то человека, которому не разрешают уехать за границу. Поэтому, я думаю, как образ он, конечно сохранился. Его влияние на общество было очень большим. То есть, на то, что называется обществом или общественным мнением, что ли. Но, по-видимому, он не способен был почувствовать, что является положительным явлением, а что нет, он чувствовал только то, что противоречило его ощущению справедливости.

Д. Ну, это типично русская черта, «бороться за справедливость», да?

Ш. Да, да.

Д. Вот тут я позволю себе отвлечься на историю. Недавно я с любопытством прочёл Вашу книгу «Трёхтысячелетняя загадка» о «еврейском вопросе». Но я хочу спросить Вас о другом: не считаете ли Вы что для России не менее важно осмыслить и, так сказать, «русский вопрос»? Именно, мне хотелось бы услышать Ваше мнение, почему русские люди часто бывают между собой так бестактно грубы и беспощадно жестоки друг к другу при малейшем «инакомыслии»? Я просто испытал это на

себе в своей молодости. А еврейской взаимной солидарности, по моему, можно только поучиться.

Ш. Ну, знаете, здесь есть принципиальная разница: русские не живут среди какого-то другого народа. Свою страну им, начиная с десятого века, нужно было очистить от леса, распахать, а уже потом появилась в ней какая-то культура. Так что в этом смысле русские играли здесь другую роль.

А почему русские люди являются такими нетерпимыми по отношению друг к другу? Вы знаете, мне кажется, что западные люди не менее нетерпимы между собой. Вот у них сейчас есть такое понятие, как «политкорректность». И то что считается у них в разговорах «неполиткорректностью» совершенно соответствует тому, что в советские времена называлось «антисоветским высказыванием». Но ведь оба эти утверждения нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Я, например, могу вам рассказать историю, которую мне поведал Гельфанд о Колмогорове.

Колмогорова перестали пускать за границу, и он попытался узнать, в чём дело. В ЦК КПСС работал его ученик Монин, который потом стал академиком. Сейчас он уже, кажется, умер (примеч.Д.: академик РАН Андрей Сергеевич Монин скончался в 2007 году), а тогда он писал докторскую диссертацию, и ему были очень важны хорошие отношения с Колмогоровым. Вот через Монина Колмогоров и узнал, что во время поездки в Венгрию «Колмогоров вёл себя несоответственно облику советского ученого». Это и есть типичное обвинение в «неполиткорректности». Но Монину до зарезу была нужна дружба с Колмогоровым. Поэтому он продолжал разузнавать, в чём именно заключалось «недостойное советскому учёному поведение» Колмогорова в этой поездке. И выяснил: оказывается, когда там была экскурсия на озеро Балатон, Колмогоров поехал на неё в «коротких брюках» – по-нынешнему «в шортах». Конечно, это смехотворное обвинение Колмогорову вскоре сразу же отпало...

Вообще, мне кажется, на Западе останавливаются на том уровне, на котором Монин не остановился: на уровне «политкорректности-неполиткорректности». Я помню свои разговоры с западными коллегами. И все они были политически крайне осторожными, готовы были обсуждать КГБ, еще что-то, но только не свои власти.

Д. И у Вас создалось впечатление, что насчёт своих властей у них особой критики не было?

Ш. Не было. Я помню, даже с одним коллегой

разговаривал в каком-то французском ресторанчике, и на какое-то мое высказывание он замахал руками: «No, no! You are going too far!» – «Вы заходите слишком далеко!» Не то что я говорил что-то неверно, а что я заходил слишком далеко. Вот такая у них система воспитания. И началось это с английской интеллигенции, воспитывавшейся в закрытых школах. Мы знаем, что это такое, знаем английскую поговорку о том, что у матери есть два счастливых дня в году: один – когда сын приезжает на каникулы из школы, второй, когда он, наконец, уезжает с каникул в школу. В школе там была «система фагов»: было такое взаимное подчинение, когда младший – фаг - был вроде слуги у старшего, и должен был караулить у окна, когда тот ходил в какие-то пивнушки или к девицам. В таком вот состоянии они и воспитывались. Вот эта система воспитания, как мне кажется, привела их к такой осторожности, взвешенности.

Д. Но ведь в России тоже такое было: вот у Николая Герасимовича Помяловского в «Очерках бурсы» описано, как бурсаки-старшеклассники подчиняли себе младшеклассников.

Ш. Ну, «Очерки бурсы» – это же было что-то украинско-польское...

Д. Ну хорошо. Я свои вопросы к вам почти исчерпал, и у меня их осталось всего два. Да у Игоря тоже будет ещё пару вопросов – так?

Ч. Да.

Д. Я знаю, что Ваш сын, Андрей Игоревич, работает на Мехмате МГУ, являясь профессором на кафедре дифференциальной геометрии. А Ваша жена связана с математикой?

Ш. Да, она работала всё время, пока не ушла на пенсию, преподавала в инженерно-физическом институте математику.

Д. То есть, она кончала Мехмат МГУ?

Ш. Да, такой же факультет, но только в Ленинграде.

Д. А, Матмех ЛГУ. Понятно. И один последний мой вопрос, который – Вы полистаете мою книжку, поймёте – я всем задавал. Довольны ли Вы, как сложилась Ваша судьба? О чём-нибудь Вы жалеете? Я всем его задаю, хотите, отвечайте, хотите, нет. Все отвечали.

Ш. Да, я думаю, что все так отвечали: судьбу себе не выбираешь, какая есть – такой и доволен.

Д. Нет, ну вот некоторые говорили: сожалею о том-то и о том-то. Как правило, сожалеют о том, что долг перед родителями не отдали, не достаточно, точнее, отдали. Вот такие я ответы слышал.

Ш. Может быть, это верно, конечно. Тут есть, над чем задуматься... сложный вопрос.

Д. Ну хорошо... Игорь, а теперь Ваши вопросы?

Ч. Игорь Ростиславович, я хотел бы Вас спросить ещё о некоторых Ваших учениках. Прежде всего, как мой научный руководитель, Алексей Иванович Кострикин, стал Вашим учеником?

Ш. Это произошло очень странно. Я помню, что Александр Геннадьевич Курош, на кафедре которого я работал – Шмидт тогда умер, и Курош официально заведовал кафедрой – сказал мне: «Вы знаете, тут у нас есть такая группа, где занимаются специальными, секретными вопросами. Так вот, им нужно заканчивать факультет и писать дипломные работы. Может, вы сможете сформулировать какие-нибудь простые задачи?». Я сказал, что придумаю. Позвал к себе эту группу. Придумал им следующее – нужно было, например, что-то прочитав, какую-нибудь старинную книжку, и переизложить её своими словами. А потом мне в голову «стрельнуло», и я сказал: «А кто хочет сам попытать свои силы, так есть такая область, в которой в последнее время стало появляться что-то новое». И вдруг ко мне подходит молодой человек, в пользу которого говорит только то, что у него очень широкая и приятная улыбка. Он говорит: «Вот это я хочу взять себе». Я думаю: куда же я влез, ведь он, наверное, самых простых вещей в математике ещё не знает... И говорю ему: «Знаете, вы сначала решите все задачи, которые у Ван-дер-Вардена есть по теории групп». Через неделю он принёс мне их все, прекрасно решённые. Тогда я подробно сформулировал ему уже серьёзную задачу, сказал, что можно почитать. В конце концов, он и эту задачу – проблему Бернсайда – решил.

Ч. Да, интересно...

Д. А ведь параллельно проблемой Бернсайда занимался ещё Сергей Иванович Адян, так?

Ш. Понимаете, эту проблему можно формулировать по-разному. Кострикин двигался в том варианте, который я ему посоветовал. И он доказал, что та проблема, которую я ему предложил, решается положительно – сначала он это сделал для показателя пять, потом для любого простого показателя. Позднее в случае, когда показатель есть степень любого простого числа, проблема эта была решена Зельмановым (примеч. Д.: математик из Новосибирска Ефим Исаакович Зельманов, эмигрировавший в конце 80-х годов прошлого века в США, в 1994 году получил Филдсовскую премию). А Новиков вскоре опубликовал заметку в Докладах АН СССР, где предлагался план доказательства того, что

в другой постановке (идушей от самого Бернсайда) это уже неверно. Правда он это сформулировал при некоторых условиях, при которых до сих пор так и не доказано. Но им, вместе с Адяном, при определённых предположениях о порядках элементов группы, было найдено необходимое доказательство. И это была громадная работа. Я тогда был в редколлегии журнала «Известия АН СССР» и помню, что публикация её заняла три номера! Очень знаменитая работа.

Д. Сергей Иванович Адян, кстати, чей ученик, Андрея Андреевича Маркова?

Ш. Нет, я думаю, что он ученик Новикова и есть.

Д. Петра Сергеевича, конечно?

Ш. Да, конечно. Это и была их с Петром Сергеевичем совместная работа.

Ч. В дальнейшем ваши отношения с Алексеем Ивановичем Кострикиным, видимо, вышли за пределы чисто научных?

Ш. Знаете, они были смешанные. Мы ходили, например, за город гулять. Как-то, я помню, мы ездили на байдарке по Карелии вместе, а потом, в походе, я его потерял. Я пошёл его искать, дав себе клятву, что никогда не буду оставлять своего спутника одного. А когда я вернулся, то увидел, что он спокойно сидит возле палатки.

Д. Живой и здоровый...

Ш. Да. А потом мы с ним часто ходили гулять в Подмоскowie. Я помню, мы как-то, уже усталые, возвращаемся в электричке, сидим. Я тогда интересовался одним вопросом, он – другим. И мы начали сравнивать. Оказалось, что у нас одинаковые результаты. И у нас появилась совершенно неожиданная гипотеза... Потом она, также неожиданно, материализовалась... Это было что-то «полунаучное и полуличное».

Ч. Да,... Ясно... А вот о Юрии Ивановиче Манине Вы можете что-нибудь рассказать?

Ш. Манин очень нравился мне своими первыми работами. А потом он стал заниматься какими-то другими работами, в которых я не специалист.

Д. Он ушел в физику, да?

Ш. В дифференциальные уравнения, в физику...

Д. А Вы видели его последнюю книжку «Математика как метафора»?

Ш. Да, конечно.

Д. Я просто вчера её купил в университетском книжном магазине, но ещё не успел её прочитать.

Ш. Так она что, на русский переведена?

Д. Да, в этом году...

Ч. Ещё вот Евгений Соломонович Голод, он тоже был Вашим учеником?

Ш. Да-да. Вы знаете, была такая задача, которую я сформулировал в теории алгебраических чисел. Этот вопрос был интересен тем, что Гильберт был просто уверен в положительном его решении (для каждого поля алгебраических чисел существует другое, которое играет роль универсальной накрывающей римановой поверхности) – мне рассказывала Ольга Таусски, работавшая секретарём у Гильберта, когда тот издавал своё собрание сочинений, что он ей говорил, что вопрос, конечно же, решается положительно (примеч. Д.: здесь речь идёт об Ольге Таусски-Тодд (1906-1995), жене известного логика Джона Тодда (1911-2007)).

И вот как-то в Германии, где я гостил у своего немецкого ученика, мы были с ним в театре, и в первом действии мне пришлось в голову, что из тех соображений, которые сделали мои ученики, становится вероятным то, что ответ-то будет отрицательным. Я был настолько этим возбужден, что совершенно не помню той оперы, на которой мы были. Кажется, это была опера Рихарда Штрауса «Кавалер розы». Но что там происходило, я совершенно не помню. Ни музыки, ни того, какие действия были... какие интриги...

Потом я свёл всё к задаче теории групп, и эта задача была сформулирована в докладе на международном математическом конгрессе в Стокгольме. Но мне, почему-то, ужасно не хотелось заниматься этим вопросом самому, и поэтому я его всячески пропагандировал. Кому я только его не рассказывал. Помню, тот же Манин говорил, когда я уговаривал знаменитого английского специалиста по теории групп Джона Томпсона этим заняться: «Вот Вы козла в огород пустили». И вдруг, вечером, мне звонит Женя Голод, который уже, по-моему, защитился к тому времени (он был моим аспирантом), и говорит, что у него есть соображения в пользу того, как это можно доказать. Я сказал ему сейчас же приходите. Как всегда, разговор с ним был похож на разговор у психоаналитика – он сомневался, а мне нужно было его убеждать, что он прав. В конце концов, мы разобрались, и получилось, что у него есть полное доказательство.

Потом ночью я всё не мог спать, думал, что нужно ещё продумать это доказательство. Потом подумал, что, всё-таки, надо спать, а то я совсем не засну. Потом подумал, что можно провести и бессонную ночь ради такого случая... Утром же мне позвонил

Женя Голод и сказал, что придумал гораздо более простое доказательство. И действительно, эта работа содержит, наверное, странички три.

Я помню, что ходил по городу и думал, кому бы это рассказать. А потом подумал: конечно же, Алексею Ивановичу! И пошёл к Алексею Ивановичу. Рассказал ему. Он сказал, что это, конечно же, верно. Рассказал, что был недавно на конгрессе во Франции – а меня тогда не пускали за границу, – и что привез оттуда бутылку вина. Предложил выпить по этому поводу.

Д. Кстати, а можно еще такой вопрос: циркулируют слухи, что проблема Ферма, всё-таки, ещё не совсем доказана? Это неверные слухи?

Ш. Не знаю, я не слышал о таких слухах... Было первое доказательство, в котором имелся пробел. Это доказательство было предложено англичанином Эндрю Уайлсом. А потом Ричардом Тэйлором (кажется, он был учеником Уайлса) этот пробел был заделан. И появилась совместная работа Уайлса-Тэйлора. И уже по поводу этой работы нет никаких сомнений.

Д. Я тоже так полагаю. Особенно после Берлинского математического конгресса, где Эндрю Уайлсу присудили специальную награду – серебряный знак Филдсовского комитета – и весь пяти тысячный зал встал ему аплодировать. Я не думаю, что столь мощное содружество математиков могло ошибаться. Но год назад я услышал, что в доказательстве проблемы Ферма есть какие-то «незакрытые места»...

Ш. Нет-нет, «незакрытые места» были, но это всё история. Тэйлор их «закрыл»...

Ч. Видимо, совместно с Уайлсом...

Д. Осталось доказать гипотезу Римана о нулях дзета функции – и список проблем Гильберта будет исчерпан.

Ш. Но она, по-видимому, никак не поддается... Тут трудно делать прогнозы... Известно, например, мнение самого Гильберта, что проблема Ферма, всё-таки, скоро решится, и тот же Гильберт считал, что вопрос о трансцендентности числа «два в степени квадратный корень из двух» не будет решён даже в следующем поколении.

Д. А всё оказалось не так, как полагал Гильберт. Ну что, Игорь, у Вас есть ещё вопросы?

Ч. Ну, последнее такое воспоминание. Будучи на пятом курсе мне посчастливилось послушать Ваш годовой спецкурс, который состоял из двух частей – теории Галуа и теории представлений. А потом я, в качестве отчёта, ездил сдавать его к Вам в Стекловку, когда уже поступил в аспирантуру. Так вот,

благодаря ему получилось, что теорию представлений в столь полном виде я узнал раньше, чем начал заниматься ею у Алексея Ивановича Кострикина. Это меня как-то подготовило.

Ш. А Вы были у Алексея Ивановича?

Ч. Я сначала был у Аркадия Львовича Онищика. А потом, после пятого курса, получилось так, что Алексей Иванович мне предложил поступить к нему в аспирантуру. У Аркадия Львовича были ещё ученики. Правда, у меня до сих пор в душе осадок, что Аркадий Львович вскоре оказался не на Мехмате МГУ. Как-то в тот момент мне это показалось удивительным...

Ш. Знаете, мне вот как раз тогда Иван Георгиевич Петровский жаловался, мол, обратите внимание на такой факт, что число преподавательских мест на Мехмате МГУ ограничено, а способная молодёжь появляется на факультете всё время. Устраивать её, сказал, зачастую некуда. Спросил меня, кого я хочу устроить. В первую очередь я назвал, конечно, Голода. А вот что касается Аркадия Львовича...

Ч. Он уже докторскую диссертацию тогда защитил.

Ш. Вот об этом мне Петровский тоже говорил: докторских защищалось больше, чем было профессорских мест на Мехмате МГУ. И они образовывались лишь за счёт смертей профессоров.

Это поразительное явление. Когда я только начинал учиться на Мехмате МГУ, то все знаменитые профессора были очень молодыми. Вот мы вспоминали Колмогорова и Гельфанда. А ведь Гельфанд был тогда совсем молоденьким. Колмогоров – постарше, но тоже молодой ещё...

Д. Сергей Львович Соболев был также молодым.

Ш. Соболев был тогда в Ленинграде.

Д. Но потом он ведь переехал в Москву.

Ш. Ну, это потом.

Д. Был ещё молодой Лев Семёнович Понтрягин.

Ш. Да, да. Лекции Понтрягина слушал и я. Но, понимаете, к нему было «не пробиться». Специфическая это публика – знаменитые математики, с ними со всеми было трудно разговаривать. Да к тому же Понтрягин был слепой...

Д. Я знаю: он читал нам лекции, а Николай Христович Розов писал на доске.

Ш. ...И если тебе не удалось что-то записать, то ты уж с ним не поговоришь... Вот с Колмогоровым было то же самое. С ним нужно было бежать: он, не обращая внимания на собеседника, шёл очень быстрыми шагами. И приходилось за ним бежать. Но кто-то другой тоже, одновременно с тобой, бежал с ним. Нужно было просто «вклиниться» между ними, чтобы спросить что-то

такое, на что Колмогоров ответил бы. Но кому он ответил – тоже надо было ещё догадываться.

Д. А с Павлом Сергеевичем Александровым легче было общаться?

Ш. Я не помню. Вероятно... Я его лекции слушал... Кажется, это были лекции по топологии... Но я не помню, как мы с ним тогда разговаривали.

Д. Когда я поступил на Мехмат МГУ, то математиков-академиков на факультете было три – Андрей Николаевич Колмогоров, Павел Сергеевич Александров и Иван Георгиевич Петровский. Это было в 1960 году.

Ш. Разве в 1960-м Александров уже был академиком?

Д. Да, был. Он, по-моему, в 1953 году избрался в академики, а до того долгое время был членом-корреспондентом – кажется, с 1929 года.

Ш. Да, Александров как-то очень болезненно относился к тому, что он не академик. Я помню, как бывали выборы, на которых избирали кого-то другого – ведь отделение физико-математических наук было громадным, в него входили и физики, и астрономы, и геологи и кто угодно. И кого они там выберут, было очень трудно предсказать. И когда Александрова вновь не выбирали, то он некоторое время ходил с лицом человека, у которого несчастье произошло.

Д. Про механиков-академиков – тогда на Мехмате МГУ таковыми были Леонид Иванович Седов, Георгий Иванович Петров, Александр Юльевич Ишлинский и Юрий Николаевич Работнов – у нас ходили слухи, что между собой они часто «ссорятся». А о конфликтах среди математиков-академиков мы, как-то, не слышали.

Ш. Ну, как же, был же знаменитый случай с Лузиным и Колмогоровым...

Д. Ну, это, наверное, было в 30-е годы...

Ш. Нет, это уже было в послевоенные годы.

Д. А, вы имеете в виду инцидент 1946 года о публичной пощёчине Николаю Николаевичу Лузину от Андрея Николаевича Колмогорова в стенах Академии Наук за отрицательное голосование Лузина по кандидатуре Павла Сергеевича Александрова во время академических выборов?

Ш. Ну да. Я был уже сотрудником Стекловки и прекрасно помню, как висел приказ на стенке о том, что академик Колмогоров временно переведен из заведующих отделом в лаборанты.

Д. Забавно ... Ну что ж, не будем Вас больше утомлять. И

большое Вам спасибо за эту беседу.

Ч. Всё было очень интересно, Игорь Ростиславович.
Огромное Вам за это спасибо.

Д. Мы расшифруем запись нашей беседы к осени и
расшифровку принесём Вам. Что не так – Вы сможете подправить.

Ш. Очень хорошо, как раз, что осенью.

Июнь 2008 года

Евгений Майбурд

Когда проваливаются провалы: свободный рынок и государство

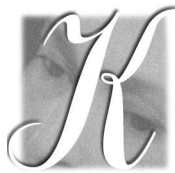
*Милицционеры заплатили, деликатно
осведомившись, с какой целью взимаются пятаки.
- С целью капитального ремонта Провала, - дерзко
ответил Остап, - чтоб не слишком провалился.*

И.Ильф и Е.Петров.

*Экономистам в полной мере свойственна всеобщая
способность придумывать и совершать ошибки. И
возможно, самая их распространенная ошибка – верить
другим экономистам.*

Джордж Стиглер

Страшная сила асимметричной информации

ак-то один малоизвестный профессор экономики предложил в научный журнал статью о несовершенствах свободного рынка. Ему отказали: «тривиально». От сунулся в другой и его тоже завернули: мол, если по-вашему, то рынок вообще работать не может. Отказали еще в одном, но он позволил таким невзгодам обескуражить себя и упорно продолжал свои попытки. Наконец, на четвертый год попыток, ему повезло, и солидный ежеквартальник опубликовал статью проф. Джорджа Акерлофа «Рынок “лимонов”»: неопределенность качества и рыночный механизм».¹

Хотя впоследствии история статьи стала преподноситься как курьез (не могли оценить новизну и плодотворность!), нужно сказать, что и опубликование статьи в 1970 г. первоначально не

---

¹ "The Market for Lemons: Quality Uncertainty and the Market Mechanism". *Quarterly Journal of Economics* (The MIT Press) 84 (3).

вызвало громогласного научного эха. И это тоже один из курьезов современной научной среды.

Только в 2001 г., когда профессорам Джорджу Акерлофу, Джозефу Стиглицу и Майклу Спенсу была присуждена Нобелевская премия по экономике, «рынок лимонов» стал знаменит и прославил его автора.

Как уверяет Википедия, «сегодня эта статья – одна из самых цитируемых в современной экономической теории (более 8500 цитат в академических статьях до мая 2011 г.) и оказала влияние на экономическое мышление практически в каждой области экономической науки, от отраслевой организации и государственных финансов до макроэкономики и теории контрактов». Может и правда. Все может быть. Даже «влияние на экономическое мышление». Вот только - к добру ли такое влияние?

Один автор в интернете сообщает, что слово «лимон» употреблялось еще в 1906 г. в британском сленге, обозначая случаи, когда нестандартный товар представляют покупателю как доброкачественный» и что уже в 1909 г. в Америке слово «лимон» понималось как «ничего не стоящая вещь».

А вот выражение «лимонный социализм» появилось совсем недавно - так называли меры государства по «выкупу» (bailout) неэффективных компаний («лимонов»), которым угрожал обвал, - под предлогом, что они too big to fail - слишком большие, чтобы позволить им обанкротиться. Принятый в 2008 г. (инициатива уходящего президента Буша) Демократическим большинством Конгресса США закон - Emergency Economic Stabilization Act – как раз и получил название «лимонного социализма» (подписан новоизбранным президентом Обамой).

В статье Акерлофа «лимонами» названы подержанные автомобили. «Наличие товаров с множеством степеней качества ставит интересные и важные проблемы для теории рынков» - пишет Акерлоф. Проблемы эти – «взаимодействие между различиями в качестве и неопределенностью». В центре статьи – проблема *информационной асимметрии*.

Продавец автомобиля, Петров, знает больше о его качестве, чем потенциальный покупатель, Андреев. Главное, Петров знает о дефектах машины, о которых Андреев не имеет понятия. Знает, но скрывает. Только купив товар и начав на нем ездить, Андреев узнает, что потратился на «лимон». А пока налицо **асимметрия информации**: всегда владелец машины знает о ней больше, чем потенциальный покупатель.

Многие важные части и узлы в машине скрыты от глаз и

практически недоступны для инспекции. Поэтому покупатель заранее не имеет представления о том, что ему предлагают. Ему остается только предполагать, что данная машина – среднего качества, и потому готов уплатить соответствующую цену – как за машину среднего качества.

В это самое время хочет продать свою машину Трушин. Она у него – о-го-го! И наездил он немного, и холил-лелеял он ее... Однако, все как один покупатели, не зная качества подержанных машин, готовы покупать их только по средней цене. И Трушин не может поэтому продать свою машину по цене выше средней, чего она безусловно заслуживает. Его машина – выше среднего качества. Но покупателям откуда это знать, верно?

То ли еще будет, ой-ой-ой!

Дальше начинаются интересные вещи. Владельцы качественных машин (совокупный Трушин), увидев такое дело, перестают выставлять свои товары на продажу. Как только лучшие из б/у машин исчезают с рынка, совокупный Андреев сообщает: ага, максимальная цена на рынке понизилась. Но он по-прежнему не знает ничего о качестве машин. Он видит только цены. Теперь средняя цена стала ниже, и покупатели соответственно понижают свои предложения о ценах. А коли средняя цена спроса понижается, теперь владельцы машин следующего после Трушина (по убывающей шкале) ранга качества не могут продать свои товары по подобающей цене, которая стала уже выше средней, и уводят их с рынка. Так оно и идет далее.

Похоже на своего рода «Закон Грешема» - плохие машины вытесняют хорошие.¹ Пока не останется на рынке одно барахло – «лимоны», которые никому не нужны. В итоге, рынок подержанных машин практически исчезает с лица земли.

Так рассуждает Акерлоф. Вот что вытворяет асимметрия информации. Страшная сила!

«В результате, все идет к снижению среднего качества товаров и также размеров самого рынка», пишет Акерлоф. Но до каких размеров сокращается рынок при таком рассуждении? Где предел вытеснению приличных машин? Не видно такого, пока не останется скопление одних развалюх. Да он так и пишет дальше, проводя аналогию с Законом Грешема: «Ибо большинство машин

---

¹ «Закон Грешема» - наблюдение, приписываемое лорду Грешему, министру финансов королевы Елизаветы I : Если в обращении нахолятся два рода монеты – плохая и хорошая, то плохая монета вытесняет хорошую из обращения.

на рынке будут «лимонами», а хороших машин не останется вовсе». А еще дальше, уже рассуждая вообще, он пишет: «Наличие на рынке людей, готовых предлагать товары низкого качества,¹ ведет к прекращению существования рынка – как в случае машин-«лимонов». Рынок подержанных машин обречен на смерть!

Следом в статье даются другие примеры влияния информационной асимметрии на рынки медицинского страхования, рабочей силы и пр. Поднимается общая проблема нечестности в деловых отношениях и влияние ее на рынки. Дается математическая модель: вероятностные оценки, функции полезности и вообще все в лучшем научном виде.

Но мы пока воздержимся от рассмотрения этой модели и обратимся к статистике. В том самом 2001 г., когда проф. Акерлоф получил Нобеля в Стокгольме (и через 10 лет после выхода его статьи), в США было продано более 42 миллионов подержанных пассажирских машин. Новых – 8,5 млн. Рынок, который теоретически давно не существует, практически очень даже существует. Проще сказать! Известно всем, кто интересуется, что из года в год подержанные машины продаются и покупаются в огромном количестве, сохраняя примерно ту же пропорцию к продажам новых машин, 5:1². Никаких симптомов упадка, не говоря уже о худшем. Слышал я, что в 2007 (кажется) средний возраст машин на руках у населения США составлял 10,8 года.

В обзорах и пересказах статьи Акерлофа иногда говорят, что «рынок лимонов» это лишь образ, метафора. Может, и метафора. А аналогия с Законом Грэхема – тоже метафора? Если да, тогда пропадает не только соль статьи Акерлофа, но и вся его идея. А если нет, тогда рынок лимонов должен рухнуть. А он не... В чем же дело?

Есть такое наблюдение: все множество A автовладельцев в США (и не только, наверное) делится на два подмножества: N , - тех, кто покупает новые машины, и U , тех, кто покупает подержанные. Эти два подмножества отчасти пересекаются, что не отменяет общей закономерности. Профессор Акерлоф несомненно принадлежит к славному подмножеству N , - то есть, на основании статьи правдоподобно предположить, что он никогда не был в роли (в шкуре) покупателя подержанной машины. И хуже того, он очевидно не имеет представления о том, как работает рынок б/у

---

¹ По контексту – выдавая их за товары приемлемого качества.

² По данным Бюро Транспортной Статистики (BTS). На сайте:http://www.bts.gov/publications/national_transportation_statistic/s/html/table_01_17.html

машин. Иначе вряд ли бы он стал писать то, что написал и что можно без опасений назвать высоконаучным термином ахиenea.

Как уже говорилось в этой (и не только) книге, зачастую самые интересные вещи в моделях, доказательствах, рассуждениях – это предпосылки автора, не сформулированные явно. Их присутствие в сознании автора может быть выявлено логическим анализом. В сознании проф. Акерлофа выявляется следующая неявная предпосылка: средний человек, выходящий на рынок подержанных машин с целью купить одну из них, ничего про машины не знает и никаких источников информации не имеет. Будь это хоть капельку близко к действительности, указанный рынок и вправду имел бы шансы умереть скоро после рождения.

Тем не менее, асимметрия информации стала рассматриваться как пример «провалов рынка» - market failure.

Теоретическое отступление:

Экономическая теория благосостояния «для чайников»

1. Концепция провалов рынка является неотъемлемым и, пожалуй, главным элементом современной *экономической теории благосостояния*, или, короче, *экономики благосостояния*. Начало этой теории заложил один из выдающихся экономистов конца XIX - начала XX вв. Артур Пигу, который – после выхода на пенсию Альфреда Маршалла - возглавил кафедру экономики Кембриджского университета (Англия), самую престижную в мире на тот момент. Короткий обзор теории Пигу я когда-то поместил на своем блоге в «Семи искусствах».

Известно ехидное замечание проф. Стивена Чунга: после одного урока у Пигу, любой новичок уже чувствует, что может улучшить наш мир.¹

К тому времени были уже в наличии главные составляющие Экономической Теории Благосостояния.

(а) *Неоклассическая экономика* заменила классическую теорию, когда был открыт *предельный анализ*. Своей завершенной (стандартной) формы неоклассическая теория достигла в трудах Альфреда Маршалла (1842-1914).

Слегка упрощая, можно сказать, что объектом внимания в классической науке были *средние* величины (затрат, выпуска, дохода).

Иные из тех, кто имел несчастье изучать только марксистскую теорию, возможно, до сих пор убеждены в том, что ценность («стоимость») товара связана с трудом «среднего

---

¹ Steven N.S. Cheung. *The Myth of Social Cost*. Cato Institute. 1980.

рабочего при средней умелости и при средних условиях производства». В те годы, когда писался «Капитал», однако, уже было открыто, что основные закономерности следует искать в области не средних, а *предельных* величин.

Понятие предельных величин связано с понятием *приращений*. Поясним сказанное примером.

Допустим, ваше хобби – плотничать. Вам нравится работать с деревом – пилить, строгать, делать скамеечки, полочки и пр. И вот в выходной день вы беретесь за работу. Поначалу (после большого перерыва) у вас не все ладится. Но постепенно вы входите в ритм и во вкус, дело идет хорошо, растет ваше удовлетворение трудом. С какого-то момента начинает ощущаться утомление. Но удовольствие еще растет. Постепенно, однако, вы ощущаете, что прирост удовольствия от часа к часу снижается, а утомление нарастает. В какой-то момент удовольствие уже не перевешивает утомления, и вы прекращаете работу. В этот момент *прирост* вашего удовольствия уравнивается *приростом* утомления. Мы говорим: *предельное* удовольствие равно *предельному* утомлению. Это – точка насыщения, она же – точка *равновесия*.

Расширив понятия, можно представить «удовольствие» как отдачу от производства, а «утомление» как издержки производства. И тогда: производство растет до точки, *где предельная отдача равна предельным издержкам*. (Конечно, вы можете продолжать через силу продолжать работу, чтобы доделать полочку, но при этом утомление будет уже выше удовольствия – просто, вы усилием воли наплевали на равновесие).

Неоклассическая теория предполагает, что каждый человек (или каждый агент рынка – скажем, фирма) стремится максимизировать свое удовлетворение (выгоду, отдачу затрат, прибыль, свободное время..). Вместо слова «удовлетворение» принято говорить *полезность* – в самом широком смысле этого слова. И мы получили ключевое понятие неоклассической теории: **предельная полезность**.

Было показано, что при обмене товаров цена устанавливается, когда достигается равенство предельных полезностей партнеров по обмену.

Каждый экономический агент действует в условиях определенных ограничений. Ограничены ресурсы, которые нужны ему для деятельности (для производства, скажем), потому что они не бесплатны. И его бюджет тоже ограничен. Он может потратить его многими разными способами, в зависимости от того, какую часть своего бюджета он выделит на тот или иной ресурс. Итак, у

него есть ресурсные ограничения и бюджетные ограничения. В этих условиях он ищет максимум полезности (скажем, прибыли, но не только). *Он стремится максимизировать свою функцию полезности при данных ограничениях.* Максимизирующее поведение – один из базовых постулатов неоклассической теории.

(б) *Теория общего рыночного равновесия* Леона Вальраса (1834-1910) формулирует условия, при которых все ресурсы общества используются и все доходы находят применение, так что нет ничего лишнего и всего хватает (при определенных ценах, разумеется). Существует эта теория в виде системы линейных уравнений (уравнения равновесия), где число переменных равно числу уравнений – то есть, система имеет единственное решение. В модели Вальраса нет каких-либо экзогенных факторов, отсюда следует, что экономическая система сама находит свое общее равновесие.

(в) *Понятие оптимального состояния экономики* Вильфредо Парето (1848-1923) предполагает такое ее состояние, когда никто не может улучшить свое положение (в любом смысле) без того, чтобы не ухудшилось положение у кого-то другого.

(г) Наконец, в 50-х гг. прошлого века была доказана Основная Теорема Благосостояния – об идентичности Парето-оптимального состояния и Общего Вальрасова равновесия.

2. Все сказанное пребывает на бумаге, в умах экономистов и на классной доске в аудиториях университетов. В виде рассуждений и, что чаще, математических формул и кривых. А как оно соотносится с реальной экономической системой? – спросите вы.

Тут у нас закавыка. Есть сегодня экономисты, которые отдают себе отчет, в том, что Теория Благосостояния (как она описана выше) есть условная умозрительная конструкция, в общем, мало отвечающая реальности. Они рассматривают ее как удобный инструмент для понимания экономических закономерностей и отношений. Другие, и таких немало, не особо озабочены вопросом адекватности и подчас пишут и преподают эту теорию так, будто она адекватно описывает реальность. Среди них есть такие, кто на основе этой теории вырабатывает рекомендации об экономической политике государства и регулировании хозяйственной деятельности.

3. Возможно, у читателя уже наготове вопрос: какая, к чертям, политика и какое еще регулирование, если общее рыночное равновесие достигается работой самого рынка в частном секторе?

Вот именно, в самый корень. Дело в том, что Пигу нашел

определенные *несовершенства* в распределительной работе рынка. Например, дымит заводская труба. Хозяину дела нет до того, что он загрязняет воздух. И не существует рыночного механизма, который бы заставил его поставить фильтры. Более того, фильтры увеличивают его расходы, делают продукцию дороже – тем самым вызывая сокращение его выпуска продукции и, следовательно, недоиспользование такого ресурса, как капитал; недоиспользование капитала вызывает частичную безработицу ну и так далее. Налицо расхождение между частными издержками и социальными (издержками общества). Вторые выше первых. Другой пример Пигу: некто разбил парк на своей земле, а соседи наслаждаются чистым воздухом. Бесплатно. По мысли Пигу, здесь есть неоплаченная услуга. Она не попадает в величину национального дохода, потому что не проявлена и не измерена в деньгах. Поэтому социальная выгода меньше, чем сумма частных.

4. Адепты Пигу как раз и разработали понятие «провалов рынка». Дело в том, что такие случаи, как труба, вызывают отклонение от Парето-оптимума в экономике страны. Перед нами неоптимальное распределение ресурсов. Завод получает прибыль за счет других, непричастных людей. Сам рынок вызывает такие моменты, а исправить их он бессилён.

Вот тут, говорит Пигу, нужно вмешательство государства. Скажем, обложить налогом дым из трубы. Налоговые сборы не пойдут на компенсацию жертвам загрязнения (так мы к оптимуму не придем), это стимул для заводчика поставить фильтры.

Такие побочные явления нормальной экономической деятельности назвали *экстерналиями*, и на них была накручена весьма изощренная теория. Пока за нее не взялись экономисты иной формации. Первым выступил Рональд Коуз,¹ один из самых глубоких экономистов нашего времени. Он показал, что всякая экстерналиа есть проблема двусторонняя. Дым причиняет ущерб окружающим жителям. Устранение дыма причиняет ущерб заводу. Что более эффективно – поставить дымоуловители или оставить трубу в покое – решается числовыми сравнениями ущербов и выгод в каждом конкретном случае. Может статься, что выгоднее окрестным жителям потратиться на переезд в другой район...

Затем выступили другие экономисты. По теории, рынку присущи провалы. Рынок не совершенен. Но в таком случае, отчего сама модель благосостояния никак не отражает это

---

¹ Ronald Coase. *The Problem of Social Cost*. The Journal of Law and Economics 3 (October 1960). После этого были перепечатки в сборниках. Статья издана в русском переводе (1990?).

имманентное свойство рынка? Сама модель должна в принципе допускать провалы рынка. Но этого нет. Тут уже – провал самой теории, который назвали *провалом по модели*. Теория настолько идеальна, что попросту не адекватна. Уже в самой себе, в своей структуре, имплицитно предполагает она, что реальность с ней не совпадает. То есть, теория тавтологична.

С другой стороны, следуя Коузу, было высказано такое соображение: а что если устранить дым оказывается дороже, чем величина ущерба от него? Тогда *устранение экстерналии приведет к росту социальных издержек в сравнении с данной ситуацией*. Такая ситуация получила название **Дилемма Панглосса**.

Мы сейчас не задаемся вопросами о чистоте воздуха как таковой, о здоровье окружающих жителей и т.д. Все это в литературе рассматривается в подробностях, куда нам не нужно сейчас углубляться. Не всегда и не всякие экстерналии вызывают загрязнение и причиняют ущерб здоровью. К примеру, скотовод выращивает бычков, которые иногда со своего пастбища забредают на пшеничное поле соседнего фермера... Оставить это как есть – ущерб фермеру. Уменьшить стадо – ущерб скотоводу..

Итак, мы ставим простой вопрос. И получаем простой ответ. Если устранение вредной экстерналии обходится дороже, чем причиняемый ею ущерб, значит мы уже сейчас имеем Парето-оптимальное состояние!

Действительно, ситуация такова, что улучшение в одном месте может вызвать ухудшение в другом. Иначе говоря, ничего нельзя улучшить без ухудшения чего-то другого (а это и есть формальное определение оптимума Парето). *Теория благосостояния не учитывает издержки устранения экстерналий* (в том числе, и руками государства тоже).

Дилемма Панглосса провозглашает: *при данном запасе знаний и данном наборе институтов, все, что есть – оптимально*.

Теперь мы в состоянии подвести итог затянувшимся дебатам о нынешней теории благосостояния (она же - теория социальных издержек). Окончательный вывод звучит так: **существующая ценовая система свободного рынка, не будучи совершенной по природе, тяготеет к состоянию оптимума согласно формальному критерию Парето**. Все побочные эффекты, которые могут быть устранены рынком, устраняются. Те, что не устраняются рынком, вписываются в состояние оптимального распределения. Правда, при таком представлении, понятие «провалов рынка» оказывается пустым, а сама нынешняя теория благосостояния – ну да, тавтологией.

***

В 1976 г. Рональд Коуз выступил с речью по случаю 200-летия «Богатства Народов» Адама Смита.¹ Очень интересная речь. В заключение он сказал: «*Богатство Народов* – работа, о которой размышляешь с благоговением. Проницательностью анализа и широтой охвата она превосходит любую другую книгу по экономике. Ее превосходство, однако, вызывает смущение. Чем мы занимались последние двести лет?».

Не так уж трудно сообразить, что выделенная выше формула, по своей сути, есть парафраза положения Адама Смита о невидимой руке, которая ведет всех и каждого к общей эффективности. Отсюда можно увидеть, насколько пигуанцы заморочили головы всем, начиная с самих себя. И в самом деле, чем же мы занимались последние двести лет?

Ответ на этот вопрос неожиданно находим у Джорджа Стиглера. В обращении по случаю избрания его президентом Американской Экономической Ассоциации в 1964 г. он сказал, что после Смита экономисты занимались, в основном, исправлением его ошибок. «И на каждую исправленную ошибку было сделано семь новых»².

***

Последнее замечание. Если подумать, то мы живем в мире, полном экстерналий (их еще называют «брызгами»). Каждое экономическое явление так или иначе влияет на что-то, прямо к нему не относящееся, практически каждое отзывается «брызгами», которые попадают на не причастных к нему людей. В экономике все взаимосвязано и переплетено. Неурожай в сельскохозяйственном регионе страны может отозваться повышением спроса на ювелирные изделия (и их цен) в столице. Новое изобретение в конструкции телевизоров может вызвать рост спроса на шоколад. Резкое увеличение строительства жилья в СССР в 60-е годы вызвало взрывной спрос на книги и появление черного книжного рынка. Нетрудно сообразить, что действительная экономическая (и не только) жизнь переполнена «экстерналиями», точнее – побочными эффектами.

Развитие технологии приводит к тому, что исчезают целые

---

¹ *The Wealth of Nations*. Речь дана была в университете Калифорнии, Лос Анджелес. Опубликовано в: *Economic Inquiry* (July 1977) и в сборнике: R.H.Coase. *Essays on Economics and Economists*. University of Chicago Press, 1994.

² *The Economist and the State*. *American Economic Review* 55, no. 1 (March 1965).

профессии. Кто сегодня умеет прясть с веретеном? Кто помнит, что умел делать углежог? Автомобиль Форда привел к исчезновению с лица земли не только гужевого транспорта, но целых отраслей: разведение упряжных лошадей и торговля ими, изготовление упряжи, колясок, а также смежных бизнесов, поставлявших им сырье, не говоря уже о торговых посредниках...

И это только наблюдаемые вещи. Но множество «брызг» разного рода происходит ежедневно в повседневной жизни. Чук чихал, и Гек заболел гриппом. Отрицательная экстерналия. Гог сделал укол от гриппа, и Магог не заболел. Положительная экстерналия. Обе вызывают разницу между издержками социальными и частными, значит, отклоняют состояние экономики от Парето-оптимального. Гек теоретически может предъявить Чуку претензию на оплату его медицинских расходов, а Гог – Магогу за оказанную услугу. Но так это практически невозможно (*так как не определены права собственности*¹), то государство, согласно Пигу, должно обложить налогом каждый чих... и т.п.

Да стоит просто пройтись по улице, и на каждом шагу вас поджидают «эффекты брызг»: вот дети разыгрались и орут, как ненормальные; вот потянуло шашлыком из соседнего двора; вот идет красивая девушка, отвлекая вас от размышлений о смысле жизни; вот пронеслась машина с сиреной; вот собака оставила на дороге свое добро; вот переливается огнями реклама (дурацкая или информативная? чтобы понять, надо вникнуть), вот дорожные рабочие оставили заграждение на тротуаре, и вы ступили на мостовую, а тут прошла поливалка и обрызгала вас уже в буквальном смысле...

Всякий, кто приобретает право собственности на что-то, лишает других права получить это «что-то» себе, и таким образом создает побочный эффект. Всякий, кто приобретает порцию какого-то ограниченного ресурса или блага, тем самым уменьшает количество этого блага, доступное для других, и так же создает побочный эффект.

Этот «всякий» есть каждый из нас, и, следовательно, все мы, миллионы нас, не только ходим «обрызганными», но также сами ежедневно испускаем «брызги» – отрицательные и положительные.

Если цель пигуанцев – ликвидация экстерналий «как класса», то это – идея, неосуществимая практически и ложная в

---

¹ Теория прав собственности – современное ответвление институциональной экономики. Она концептуально связана с вещами, о которых говорится в данной статье.

принципе. Если же, как считают некоторые, понятие «экстерналии» относится только к таким побочным эффектам, устранить которые сами агенты рынка не могут, но государство – может, то мы уже знаем, что таких вещей просто не существует.

Теория социальных издержек – второе, после марксизма, массовое заблуждение умов. Как и старший ее брат, идея эта навредила (и продолжает вредить) многим народам. Обе суть утопии, а всякие попытки осуществления утопии неизбежно ведут к катастрофе. Современная Теория Благополучия фактически не принесла всеобщему благополучию ничего, кроме ущерба.

5. Не успела теория экстерналий потерпеть заслуженное поражение, как появилась «асимметрия информации». И даже была отмечена Нобелевской премией. Информационная асимметрия, говорят нам, искажает работу рынков, нарушая равновесие, а рынки сами с этим не справляются. Так что, уже даже нет необходимости вспоминать предельные величины и прочую муру. Просто, рынки не справляются, и все. Налицо опять провалы рынка. И неизбежность государственного регулирования.

А теперь вернемся к нашим баранам.

Рынок лимонов и реальность

Что имеет место в реальном мире? Начнем с информации самого продавца. Вы ездите на своей машине сколько-то лет, и в один прекрасный день, скажем 30 марта, у нее летит трансмиссия. Скорее всего, это для вас полный сюрприз. Вы делали все, что могли, – следили за уровнем масла. У вас не было информации о состоянии шестеренок – в коробку передач так просто не залезть (а и залезешь – что там увидишь?). Вы только теоретически можете предполагать усталость металла (если знаете, что это такое), но ничего поделать с этим не можете, а главное – никак не можете знать наперед, когда и как это может сказаться.

Теперь допустим другой вариант: вы продали эту машину 29 числа того же месяца. И у нее ломается трансмиссия на следующий же день 30 числа, только ремонт теперь повешен на нового счастливого обладателя машины. Может ли он предъявить вам какие-то претензии? Вряд ли. Не только потому, что вы не давали и не могли дать ему какой-то гарантии. А просто потому что все понимают: это случайность, которой никак не избежать и точный момент которой предвидеть невозможно. При всем желании, если такое у него найдется, он не сможет доказать, что вы могли знать заранее, что трансмиссия сломается так скоро. Это значит, что до продажи машины между вами и покупателем не было информационной асимметрии в отношении трансмиссии.

Что знает продавец наверняка (а покупатель знать никак не может) так это – исправно ли он следил за уровнем масла в коробке передач. То же самое относится к двигателю. Об этом покупатель может косвенно (и лишь в малой мере) судить, проверив уровень масла и посмотрев, нет ли там следов черноты.

Люди, как правило, довольно много знают о машинах вообще (что и как работает, какие детали и узлы – критические и т.п.), о данном автостроителе и данной модели каждого года выпуска. Всегда известна репутация фирмы вообще, данной модели в частности и т.д. Например, в 90-е гг. прошлого века, года два спустя после переезда в США, я уже знал (из разговоров), что подержанные Форды и Мазды покупать не следует – это, как правило, «лимоны»,¹ а самые надежные машины в США – Хонды и Тойоты. Такого рода информация постоянно циркулирует в народе. Мне сказали также, что в 70-е годы общее качество и надежность машин американских компаний стали заметно ухудшаться...

Далее, у каждого уважающего себя автомобилиста есть «свой» механик, которому он доверяет, – как есть у каждого «свой» врач и (хотя не у всех), «свой» адвокат. Есть родные, друзья, соседи, коллеги, которые порекомендуют, кому можно доверять или у кого проконсультироваться. Кто-то из них непременно согласится вместе с вами посмотреть машину, которую вы хотите купить. Не говоря уже про специальные журналы, отслеживающие и оценивающие качество потребительских благ.

Кроме того, принято хранить все ремонтные квитанции – для своей пользы. Это – история ремонтов, и продавец охотно покажет их покупателю, чтобы тот узнал, какие части, детали или узлы были обновлены. По этой же истории покупатель также может в известной мере судить о том, насколько хорошо владелец машины ухаживал за ней. И, как общее правило, прежде чем выставить подержанную машину на продажу, ее проверят и подремонтируют (хотя бы по мелочам) – для своего блага, опять же.

Покупатель оценивает (примерно) вероятность того, как машина будет себя вести дальше, сопоставляет с запрашиваемой ценой и решает *для себя*, стоит ли товар таких денег. В последнем помогает *доступная ему разнообразная информация* – возраст машины и ее общий пробег (километраж, майладж), знание цен на рынке, сравнение с известными ему случаями, интуитивные оценки качества данной машины, репутация надежности машин

---

¹ С тех пор ситуация в этих компаниях изменилась кардинально, и это тоже широко известно.

данной компании и, в частности, данной модели. Для одного запрашиваемая цена приемлема, для другого – нет. Если продавец – не первый владелец машины (скрыть это невозможно, как и то, использовалась ли машина когда-либо в полиции или такси), цена ее будет ниже, чем если наоборот.

Короче, покупатель б/у машины располагает довольно существенным объемом информации о ней. Он не ориентируется, как думает Акерлоф, на среднюю цену – она дает ему нулевую информацию. Скорее, он сравнивает с максимальной ценой и прикидывает, насколько данная машина должна быть дешевле, исходя из ее состояния (по его оценке).

В октябре 2011 г. пишущий эти строки продал Тойоту-Короллу 1996 г. Сам купил с рук в 2001 г. Это была машина, восстановленная после серьезной аварии (что фиксировал выданный властями титул). Некто имеет бизнес – покупает разбитые машины по цене металлолома и восстанавливает их для продажи. В титуле, выданном на мое имя после покупки, также было указано происхождение машины. Многое из того, что знал продавец, было мне не известно – какие были повреждения, например. Можно было испросить такую информацию, но что бы она дала? Очень мало, так как важнее в такой ситуации знать не – что ремонтировалось, а качество ремонта. На этот счет была рекомендация людей, которым доверяю, – мол, человек надежный, никаких трюков. Формально имела место асимметрия информации, а фактически недостаток технической информации у меня был компенсирован рекомендацией друзей и репутацией продавца (его *неосязаемым достоянием*, как говорил Коммонс¹). То есть, практически имела место почти *симметрия* информации.

Задолго то этой истории мой знакомый купил машину у того же продавца. Через год или два полетела трансмиссия, но как? Во время езды лопнул корпус и вытекло масло. Возможно, еще во время аварии в корпусе образовались микротрещины. Но знать этого наверняка не мог никто, начиная с ремонтника-продавца. Только сама машина это знала. И если можно говорить здесь об асимметрии информации, то лишь между покупателем и самой машиной. На репутации продавца тот случай не сказался.

...И вот, пришел ко мне очередной покупатель. Поспрашивал об истории машины. Осмотрел снаружи и внутри. Попросил завести двигатель. Все, кто приходили до него, тоже просили: как заводится и как звучит – это хороший источник

---

¹ Джон Роджерс Коммонс (1842-1945) – один из основателей институциональной экономики.

информации о двигателе. Потом мой покупатель попросил открыть капот, вынул и осмотрел маслощупы. Затем попросил разрешения проехать на Королле, оставив в залог свою машину. Как машина ведет себя в движении, как звучит, как слушается руля, тормозов и пр. – тут очень много косвенной информации о ее важных узлах для того, кто имеет опыт и примерно знает, как это все должно быть...

За годы жизни в Америке я купил четыре и продал две подержанных машины. Однажды, через год после переезда, нарвался на «лимон». Машина наездила 80 тыс. миль, но была на ходу, и все было нормально. Не прошло и года, как начало ломаться все, что может сломаться. Правда, ни трансмиссия, ни движок не подвели ни разу. Но все остальное – генератор, батарея, разнообразные шланги, приводные ремни, мафлер и т.д. – поочередно побывало в ремонте, пока наконец не взорвался радиатор, после чего отправить на свалку машину уже было выгоднее, чем чинить. Правда, и купил я ее у дилера б/у машин по смехотворно низкой цене (и он сам вызвался заменить колеса). Видимо, он знал (а я – нет), что в те годы Меркюри (дочерняя компания Форда) выпускала ненадежные машины (и потом новые местные друзья говорили мне, мол, ты бы хоть спросил у нас!). Так что, асимметрия информации несомненно имела место.

Ну? И что должен был делать дилер? Согласно Акерлофу, поделиться со мной информацией о дефектах. Но дефектов не было – все исправно работало. Что он знал (а я – нет) – так это общее реноме машин Меркюри. Может, он должен был сказать: друг мой, не советую тебе покупать у меня этот потенциальный «лимон»?

Акерлоф говорит об асимметрии информации относительно *качества* машин вообще. В моем конкретном случае это имело место. Но это было, скорее, исключение - все кругом знали о качестве этой машины достаточно, чтобы не советовать ее покупать (если бы я поспрашивал). То есть, информация о качестве была доступной для всех - только я лично не сумел ею воспользоваться. Единичный случай. А типовой покупатель знал о качестве машины ровно столько, сколько мог знать ее продавец. В общем случае, асимметрии информации не было.

Слишком большое место занимает автомобиль в жизни американцев. Автомобиль - это свобода не только ездить, куда хочешь, но и селиться, где хочешь. Поэтому неизбежно, в массе, знание его устройства и работы, даже и умение заменить какие-то части, не говоря уже об элементарном техническом обслуживании. Отсюда способность разобратся и с чужой машиной, а также

общий интерес к ситуации на рынке. Навстречу такому интересу движутся реки всевозможной информации разного рода – от молвы до телевизионных и газетно-журнальных сообщений и обзоров. Короче, у типового покупателя подержанной машины степень неопределенности качества существенно меньше, чем представлялось (и, видимо, представляется до сих пор) профессору Акерлофу и его ученым коллегам. Скажем так: какая-то асимметрия информации имеет место, но, как правило, степень ее много меньше, чем предполагает модель Акерлофа. Можно сказать, в пределах допустимого риска.

Между прочим, бывает, что и новые машины оказываются «лимонами». В 2007 г. Крайслер снял с производства практически новую (с 2004 года) модель «Пасифика». Великолепная была машина. Но у многих купивших ее начались неполадки. Однажды взял ее в аренду, и дня через два – по Высоцкому: «акселераторам, подсосам больше дела не найдется». Сколько ни жал на педаль, машина этого не чувствовала... Какие-то экземпляры были отозваны, и выявились неустранимые дефекты. Вряд ли кто-то, включая инженеров компании Крайслер, мог знать об этом заранее и скрывал информацию. Впрочем, даже сегодня «Пасифику» можно иногда встретить на дорогах.

Марсианские хроники

У Акерлофа типовой покупатель на рынке – марсианин. Существо без собственного земного опыта и понимания реалий нашего мира. У него нет на земле родни-друзей-знакомых-коллег, он не умеет читать, не знает, кого спросить и о чем спрашивать. Он не слышит или не понимает ежедневных разговоров и сообщений о машинах. Нулевая информация человека без земного прошлого. Потому что сам Акерлоф – марсианин. Конечно, у него есть на земле родные, знакомые, коллеги, может даже и друзья. Но весь его круг общения тоже, как и он сам, пребывает на другой планете.

Университетскому профессору, который живет в мире искусственном, изолированном от реальной жизни, - который сам никогда в жизни не забил ни одного гвоздя и не знает, как это делается, и который (с вероятностью, близкой к единице) вряд ли когда-либо открывал капот своих машин, и возможно даже не знает, как это делается, - все рассказанное выше у нас про особенности рынка подержанных машин не просто не известно, но даже сама возможность такого в подлунном мире не может быть помыслена.

Есть у меня такая информация: купившему новую машину дилер дает рекомендации по ее техобслуживанию. Это список и график проверок того-сего, целью которого, помимо

прочего, является еще и выкачивание денег из клиента. Дилер не знает, что я это знаю, так что моя с ним информация *асимметрична*. Я-то знаю, а вот профессор не знает (и тут асимметрия информации). Еще дилеру помогает то обстоятельство, что при академических доходах, такие издержки - приемлемая плата за свободу от забот. Чтобы он, по профессорской рассеянности, не забыл про очередной визит, дилер заблаговременно посылает ему письмо-напоминание. Поэтому, скорее всего, он периодически отвозит машину к дилеру, который и делает проверки и замены деталей руками своих рабочих. Разделение труда! Клиенту не нужно знать ничего - вот он и не знает. Свое абсолютное невежество в данных вопросах он приписывает нормальному человеку и на этой предпосылке строит свое рассуждение и свою математическую модель.

В основе всей концепции Акерлофа легко выявляются две предпосылки: (1) владелец продаваемой машины располагает полной информацией о ее качестве; (2) покупатель не имеет никакой информации о ее качестве. Это и есть асимметрия информации. Обе предпосылки – в общем, глупость.

Неопределенность и риск

Теперь, без риска ошибиться, позволим себе такое утверждение: *асимметричность информации не выдумка, но это отнюдь не экстраординарное явление*. Этот феномен не только реален, он еще и распространен. Можно сказать без преувеличения, что рынки (как и вся наша жизнь) пронизаны информационной асимметрией. И еще больше того можно сказать: это *естественное* явление - так было и так будет. Всегда, когда взаимодействуют две стороны или больше, по общему правилу, у кого-то может оказаться больше информации, чем у его партнеров. *Асимметрия информации – явление повсеместное, заурядное, банальное*. На этом явлении основаны всевозможные обманы и мошенничества, деловые успехи предпринимателей (особенно, эффект ноу-хау), изобретательство, охрана авторских прав и патентное право. На нем основаны преимущества образования против отсутствия такового. На нем же основаны различные случаи оппортунистического поведения в контрактах, о чем писал Уильямсон. И он же объяснил, как чреватая оппортунизмом асимметрия информации преодолевается путем формирования *достоверных обязательств*¹.

---

¹ Никакой контракт не может предусмотреть все возможности. «Оппортунизм» понимается в данном контексте как попытки извлечь выгоду из такой неполноты. Это может быть

Это нередко случается: некий предприимчивый человек однажды соображает, как извлечь прибыль из того, что всем вокруг известно, но никем не используется. Он соединяет, объединяет, комбинирует известные всем вещи и получает новый вид продукта, прирост производительности, экономический эффект. Фактически, он извлек из мира информацию, которая неявно содержалась в природе вещей и в сочетании определенных условий. Все видели вещи по отдельности, их нужно было только связать, но никто этого не сообразил. Так делали великие организаторы промышленности, от Аркрайта до Карнеги. Так делали и делают изобретатели. У Адама Смита есть рассказ о мальчике, которого поставили передвигать рычаги клапанов на паровой машине. Видимо, мальчику хотелось поиграть со сверстниками, он связал рукоятки рычагов веревочкой и убежал. А машина себе работала... с веревочкой. Получился механизм автоматической регулировки.

Асимметрия информации – органичное и необходимое явление нашей жизни - залог самой жизни. Уравнивание информации в системе означает рост энтропии и сползание к смерти – будь то живой организм или социальная система. Деградация предотвращается только за счет создания новой информации. Притом новая информация возникает не повсеместно, а локально – то есть, в виде асимметрии, которая постепенно рассасывается.

Риск всегда был, есть и будет частью нашей жизни. Только благодаря этому существует вся индустрия страхования – здоровья, автомобилей, домов и всего-всего. Как правило, мы стараемся избежать риска, если это возможно, если нет – уменьшить его величину, насколько это в наших силах, а на оставшуюся и неустранимую часть неопределенности мы покупаем страховки. При этом мы обычно сопоставляем деньги и время, связанные с риском, и выигрыш денег и времени от снижения или устранения риска и тогда решаем, стоит ли овчинка выделки. Иногда в таких случаях купить страховку может оказаться выгодней, чем снижать риск ¹. А в других случаях

непредусмотренное толкование каких-то фраз или следование букве контракта за счет общего духа соглашения. Когда обе стороны опасаются подобного поведения со стороны партнера, оказывается взаимно выгодным обоюдный обмен частной информацией, что значительно повышает степень доверия между партнерами.

¹ К примеру, такая дилемма может возникнуть при решении о

бывает выгоднее подвергнуть себя риску и не страховаться.

В общем, мы видим здесь все тот же рисунок. Если в одном случае наблюдалось стремление устранить из мира побочные эффекты, то здесь налицо требование устранить любой риск. Однако, полностью исключить риск из жизни невозможно, потому что мы живем в вероятностной среде, где неизбежна та или иная степень неопределенности. Пытаться свести к нулю любые риски во всех сферах жизни – даже во имя Парето-оптимальности – задача такая же дурная и невыполнимая, как в случае «экстерналий». Особенно, если для этой цели приглашается государство.

О таких вещах заметил экономист Рональд Маккин: «Что-то делать с этим подчас обходится дороже, чем получаемая выгода, и в таких случаях “отклонение от оптимальности” больше похоже на наш “провал” в попытке сделать мир свободным от болезней и жучков-вредителей».

Говорили, что некий сатирик в СССР 20-х годов предложил вскипятить всю воду на Земле – реки, озера, моря, океаны, дождевые тучи, - чтобы раз и навсегда устранить риск кишечных заболеваний...

Эффект Пелцмана

С другой стороны, замечено, что люди, получившие какие-то гарантии от риска нередко склонны вести себя менее осторожно, чем те, у кого таких гарантий нет. Это называется **эффект Пелцмана**¹. Примеры проявления эффекта Пелцмана

покупке автомобильной страховки на случаи вандализма. Можно снизить риск такого события, если мы решим платить за охраняемый паркинг. Мы сопоставляем наши выплаты по страховке с расходами на паркинг и с затратами на ремонт незастрахованной и неохраняемой машины в случае вандализма, интуитивно оценивая вероятность такого события (на основе информации об обстановке в окрестности, где мы паркуемся, и подобных случаях в недавнем прошлом). Если наша вероятностная оценка происшествия, скажем, раз в пять лет, мы расходы на паркинг и страховку считаем тоже в расчете на пять лет. Решив застраховаться, мы перекладываем риск на страховую компанию, а там уже давно рассчитаны все вероятности и издержки, так что в большинстве случаев это самый выгодный вариант.

¹ Сэм Пелцман – профессор экономики университета Калифорнии, Лос Анджелес, а затем Чикагского университета. Известен своими исследованиями эффектов государственного регулирования различных отраслей.

находят в поведении людей за рулем (большие машины, более безопасные, побуждают водителей вести себя более беспечно), в спорте (шлемы в американском футболе внушают ощущение безопасности, и игроки меньше опасаются столкнуться головами, отчего сотрясение мозга остается частым случаем в этом виде спорта). Главный и бесспорный пример: поведение гигантских финансовых корпораций во период «пузыря домов» (1994-2006). Руководство таких корпораций уже знало, что государство не даст им обанкротиться (*too big to fail*)¹ и безответственно наживалось на торговле дериватами от ссуд на недвижимость, не заботясь о будущем.

Далее, из того, что мы знаем и узнали только что, напрашивается вывод, что степень разрыва в информированности между партнерами по транзакциям – как общий случай – иные авторы склонны сильно преувеличивать. Еще больше преувеличено воздействие этой асимметрии на поведение рынков. Допустимо сказать, что это частная проблема, не имеющая парадигмальной значимости, каковую ей иногда приписывают. *Асимметрия информации - определенно не есть фактор, решающий судьбу целого рынка.* Она была всегда, на всех рынках и при любой погоде. Если это «провалы рынка», тогда рынок «проваливается» повсеместно и постоянно из года в год, из века в век. Так и живем...

«Эффекты «рынка лимонов» также были замечены на других рынках, - сообщает та же статья в Вики, - таких как рынок компьютеров». Надо понимать, что также и рынок компьютеров уже умер. На Марсе.

Наука и жизнь

В той же статье Акерлоф пишет: «Также следует осознать, что на таких рынках социальная и частная выгоды различны и, следовательно, в каких-то случаях вмешательство государства может увеличить благосостояние обеих сторон». Ну конечно, с приветом от Пигу!

Но сигнал был услышан и правильно истолкован. Как только возникает повод для регулирования, тут у нас осечек не

---

¹ Прецедент был в 1984 г., когда банк Continental Illinois, один из семи крупнейших, оказался на грани банкротства и был «выкуплен» государством за 4,5 млрд. долл. Тогда впервые прозвучал лозунг *too big to fail*. Расследование выявило, что некий высший менеджер присвоил 2, 25 млн. долл. и получил «откат» в полмиллиона за одобрение рискованных ссуд как доброкачественных (получил 3,5 года тюрьмы).

бывает. В 1982 г. в штате Коннектикут был принят первый в стране «лимонный закон», регулирующий продажу подержанных машин. Затем подобные законы были введены в 33 других штатах. Все та же статья в Вики утверждает, что первый из таких законов был принят в Калифорнии в 1980 г., но другие источники говорят, что тогда закон в Калифорнии провалился. К вопросу о доверии к иным сообщениям в статье в Вики об Акерлофе... Правда, позже в Калифорнии был принят «лимонный закон», охватывающий уже все, что движется...

Законы различаются по штатам. Из самых «крепких» - в Висконсине, где требуют, чтобы дилер подержанных машин вывешивал плакат с информацией обо всем, что он знает про «механические дефекты, структурные дефекты и повреждения» различных узлов и частей машины. Штат Айова принял на вооружение «сертификацию безопасности». Любая машина – новая или подержанная – перед предполагаемой сменой владельца должна пройти «инспекцию безопасности» в одном из удостоверенных властями гаражей. После всего этого профессора из Вирджинии Дж. Хоффер и М. Прагт опубликовали статью «Подержанные машины, рынки лимонов и правила о подержанных машинах: некоторые эмпирические свидетельства». Авторы провели исследование о влиянии «лимонных законов» на практику «рынка лимонов». В теории они согласны с подходом Акерлофа и высоко оценивают его «основополагающую» статью. Их исследование касалось результатов регулирования.

Для примера, штаты Висконсин и Айова сравнивались со штатом Миннесота, где нет таких требований, как в Айове или Висконсине, и каждый автомобиль продается «как он есть». В Заключении статьи авторы пишут: «Нам не удалось найти свидетельств того, что требуемое в Висконсине и Айове раскрытие информации повлияло на увеличение числа машин хорошего качества, продаваемых на рынке. Следовательно, непохоже, чтобы эти требования о раскрытии информации уменьшали, в среднем, риск покупателя приобрести лимон». Разумеется. Того и следовало ожидать по всему, что нам известно как о рынке подержанных машин, так и об успехах государственного регулирования частного сектора вообще.

Нобелевская лекция Акерлофа посвящена, в основном, проблеме увязки неокейнсианства с микроэкономикой. Насущная проблема, что и говорить... Само собой, в той микроэкономике, с которой увязывается кейнсианство, Акерлоф выделяет особенно проблему информационной асимметрии...

Однако, проблема всей это истории совсем в другом. На

самом деле, в основе концепции Акерлофа лежит *асимметрия информации между автором и реальностью, о которой он пишет*. И ничем тут не поможет Нобелевская премия. Решением, которое напрашивается, должно быть не вмешательство государства в рынок, а правила для ученых: писать о вещах, которые знают, и изучать вещи, о которых хотят писать. Здесь перед нами пример провала концепции, который можно назвать *провалом по ученому незнанию реальности*.

Ученое незнание как принцип

Артур Пигу (1877-1959) приводит службу маяка как пример услуги высокой общественной важности, которую не может выполнять частное лицо. С кораблей, проходящих мимо и пользующихся светом маяка, никак не соберешь платы, поэтому расходы на обслуживание маяка не окупаются. Этой службой должно заниматься государство.

Еще раньше него тот же пример привел Генри Сиджвик (1838-1900) один из крупнейших английских экономистов. А еще раньше то же самое писал Джон Стюарт Милль (1806-1873), завершитель классической школы экономики. В XX столетии Пол Самуэльсон (1915-2009) привел тот же пример в своем прославленном учебнике, переведенном чуть ли не на все языки мира. В числе многих, и я тоже учился по этой замечательной (без иронии) книге.

В 1974 г. Р. Коуз написал статью «Маяк в экономической науке».

Что сделал Коуз? Самую простую вещь. Он поинтересовался, как работают и обслуживаются маяки острова Великобритания *на самом деле*. Сперва он узнал, что суда, которые пользуются маяками, издавна за эту услугу платят. Ради этого не требуется гоняться за ними по морю, так как все суда неизбежно заходят в порты. Там и взимают с них плату таможенные службы – пропорционально тоннажу судна. Затем Коуз поинтересовался историей Британских маяков. И выяснил, что маяки в Англии стали строить примерно с XVII - XVIII вв. И что было много частных лиц, желающих этим заниматься. Они получали лицензии, строили маяки, учреждали на каждом службу и несли все расходы. А расходы их возмещались сборами с судов в портах, через уполномоченных комиссаров. Как видно, это был прибыльный бизнес. Потом парламент создал монополию и т.д., но это уже не так важно.

Остается вопрос, пишет Коуз, как вышло, что эти великие люди в своих трудах делали утверждения о маяках, не соответствующие фактам, и затем давали рекомендации о

государственной политике, ошибочные скорее всего? Объяснение состоит в том, говорит он, что утверждения их не были результатом изучения маяков или ознакомления с исследованиями других экономистов. «Несмотря на широкое использование примеров маяка в литературе, - говорит Коуз, - ни один экономист, насколько мне известно, не предпринял серьезного изучения маяков с точки зрения финансовой и административной. Маяк просто хватали из воздуха ради иллюстрации».

Еще одна интересная история. Британский профессор Джеймс Мид (Meade), получивший Нобелевскую премию по экономике в 1977 г. «за первопроходческий вклад в теорию международной торговли и международного движения капитала», еще в 1952 г. привел интересный пример экстерналии в реальной жизни. «Предположим, - писал он, - в каком-то регионе имеется определенное число яблоневых садов и определенное число пасек, и что пчелы питаются от яблоневых цветов. Если садоводы увеличат на 10% труд, землю и капитал на своих фермах, это увеличит на 10% урожай яблок, но также и объем нектара для пчел. С другой стороны, если пчеловоды увеличат на 10% применяемые труд, землю и капитал, они не смогут увеличить добычу меда, если садоводы не увеличат на 10% питание пчел... Мы называем это неоплаченным фактором, потому что очевидно, что садовод не может взимать плату с пчеловода за нектар [своих цветов]». Затем Мид берет обратный пример: яблони дают пчелам нектар для меда, но зато пчелы опыляют их цветы. И садоводы не могут взимать плату за опыление... Из обоих случаев делается вывод о необходимости вмешательства государства в виде субсидий и налогов.

Проще говоря, цветы дают сырье для меда и потому, в принципе, этот ресурс должен иметь свою цену. Но если садоводы не в состоянии обеспечить свое право на нектар (так как пчелы и знать не хотят о правах собственности), тогда взимать плату с пасечника невозможно, цветы остаются без оценок, уравнения максимизации полезности не могут учесть все факторы, и эффективное распределение ресурсов становится невозможным.

Пример Мида пошел по статьям, монографиям и учебникам как неотразимый, притом самый, что ни на есть жизненный случай «провала рынка». Но прошло время, и нашелся один вьедливый тип... В 1973 г. вышла статья «Басня о пчелах». Ее написал профессор Стивен Чунг.

«Легко понять, почему пример “яблоки с медом” стал широко популярным, - пишет Чунг. - Здесь свежесть и очарование. Пасторальная сцена, с умильными образами пчелок,

собирающих нектар на яблонях в цвету, прельщала воображение экономистов и студентов. Однако всеобщее доверие к этой беззаботной сказочке удивляет, поскольку - в Соединенных Штатах, по крайней мере, – контрактные отношения между садоводами и пчеловодами давно уже являются обычным делом».

Проф. Чунг основательно изучил вопрос на месте. Его исследование покрывает девять пчеловодов в штате Вашингтон, которые держат, в сумме, около десяти тысяч колоний и обслуживают примерно двести ферм (он приводит, с благодарностью, более дюжины имен сельских хозяев – садоводов, полеводов и пчеловодов, - которые рассказывали ему о своем бизнесе, показывали документы и пр.).¹ При этом он не упускает добавить: чтобы убедиться, что нектар и опыление служат предметами торговли, достаточно, мол, заглянуть в телефонную книгу города. Кстати, всем, кто еще не знает, он сообщает что как раз яблоневый цвет дает ничтожно мало нектара для пчел...

Что тут скажешь? Представим себе: ясным майским днем, наслаждаясь остуженным хайболлом, такой ученый, многими научными знаниями обогащенный, сидит под развесистой клоквой и мечтает: «Какой бы еще провал рынка придумать?» Тут пролетает пчела и садится на цветок картофельного дерева. Ага, вот. С пчел какой спрос? Уж наверное никак не собрать платы за их работу! Только вот заменим-ка мы грубую картошку нежной яблоней... Короче, пример Мида - еще один «маяк в экономической науке». Случаи, подобные «маяку» и «яблокам с медом», наряду с «рынком лимонов», тоже являют примеры *провалов по ученому невежеству*.

Все это выявляет нечто характерное в подходе современных экономистов к своей профессии. Дело в том, что ученый не знает и не желает знать предмет, о котором толкует. Он использует свои собственные представления о реальных вещах там, где следовало бы изучить эти вещи, а затем своими же соображениями подменяет реальное положение вещей, которое ему на самом деле не известно и не интересно. А так как сказанный подход является нормой и широко распространен в мире академической экономики, ученая масса принимает подобные «примеры из жизни» без малейшего сомнения, воспроизводит в своих трудах, подводит теоретическую базу...

---

¹ Steven N. S. Cheung. *The Fable of the Bees: An Economic Investigation*. Journal of Law and Economics, Vol. 16, No. 1 (Apr., 1973). // Стивен Чунг. «Басня о пчелах. Экономическое исследование».

Как таковое, понятие «провалов рынка» восходит к Пигу, хотя у него говорится только о «разных несовершенствах и провалах (failures), которые следует изучать». Как указывал Коуз, в последующий период сформировалась вполне отчетливая *устная традиция*, за которой в литературе не обнаружить каких-либо теоретических разработок – если не считать таковыми несколько неясных и туманных ссылок на Пигу. Коуз назвал это явление «экономической теорией классной доски».

Вообще, скандальная ситуация. Самое интересное, что она повторяется из года в год на новых примерах.

Ладно. Кто сказал, что ценовая система свободного рынка совершенна? Кто сказал, что она способна всегда и везде решать все проблемы? Коуз? Нет, он такого не говорил. Стиглер? Чунг? Тоже нет. Кто еще мог такое сказать? Ага, наверное, это от Адама Смита пошло! Похоже, так думают многие. Может, наконец, обратимся к первоисточнику?

Адам Смит и провалы рынка

Певец экономической свободы и «невидимой руки», как ни странно, не проходит мимо недостатков свободного рынка. В книге Смита легко обнаружить немало мест, которые можно интерпретировать в современных терминах монопольных злоупотреблений, отрицательных экстерналий, неэффективного распределения и других «провалов рынка».

Так, в главе VIII книги I, сперва говорится, что зарплата рабочих устанавливается соглашением между ними и хозяевами. Затем читаем: «Нетрудно, однако, предвидеть, какая из этих сторон должна при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и вынудить другую подчиняться этим условиям. Хозяева, будучи в меньшинстве, гораздо легче могут сговориться между собой...» Здесь Смит описывает совершенное отклонение от выведенных им в предыдущей главе законов установления естественной и рыночной нормы зарплаты. Монопольный сговор в целях искажения естественной рыночной цены - чистый образец «провала рынка».

То же самое про купцов и промышленников, которые «редко собираются вместе, даже на торжества или для отдыха, без того, чтобы разговор не завершился каким-нибудь сговором против публики, или какой-то комбинацией ради повышения цен. И ведь невозможно предотвратить такие собрания никаким законом, который был бы выполнен и совместим со свободой и справедливостью». Или его замечание, что в отношении законов об ученичестве, интересы мастеров и подмастерьев расходятся с интересами общества...

Смит подчеркивает рациональность и благоразумие агентов свободного рынка, которые, преследуя собственный интерес, тем самым служат интересам общества. Тем интереснее обнаружить у него, что иррациональность не только не является исключением, но что «люди обычно переоценивают шансы на успех рискованных предприятий, вследствие чего слишком большая доля капитала нации уходит на такие авантюры». Неэффективное распределение ресурсов – провал рынка.

Еще пример: иной торговец зерном, которому «выгодны неурожаи и дороговизна» как дома, так и за границей, «еще усиливает бедствия дороговизны дома, вывозя зерно за границу». У Смита можно найти даже, что «нельзя доверять частной инициативе в деле надлежащего содержания дорог».

Пожалуй, самое поразительное (с данной точки зрения) место в книге Смита – о мелких банкирах без заработанной репутации. Никто не примет у них банкноты, скажем, на 5 фунтов, а в 6 пенсов, вполне могут взять. Если такой банкир обанкротится (что весьма вероятно), многие бедняки потеряют свои деньги. Казалось бы, частное дело, свободный рынок, каждому нужно позволить преследовать свой интерес... Однако, Смит пишет без обиняков: «Такое употребление естественной свободы немногими индивидами, которое может подвергать опасности благополучие всего общества, нужно и должно ограничивать законами всех правительств – не только самых деспотичных, но и самых свободных».

Все эти и другие вещи подобного рода не помешали Смигу в итоге сформулировать свой знаменитый тезис о «невидимой руке», которая направляет ко благу общества людей, преследующих свой личный интерес. Не раз писалось об эклектизме Смита и его самопротиворечивости. Но если еще подумать, может оказаться, что подобные самопротиворечия, скорее, результат нашего недопонимания.

Адам Смит лучше многих из нас понимал несовершенство человека и человеческих институтов – в частности, свободного рынка. Различие между воззрениями Смита и современных адептов «провалов рынка» заключается в том, что, по мнению Смита, присущие рынку несовершенства не органичны и могут успешно выправляться самим рынком, а государство не является всеблагим и всезнающим сверхсуществом. Но главное отличие Смита от этактистов состоит в том, что он не мечтал о рае на земле.

Между прочим, Смит был лично знаком с «государством» – с парламентариями и министрами – и хорошо представлял себе, что к чему.

Многие «провалы рынка» могут быть устранены самим рынком (пример Смита с рабочими ассоциациями, уравнивающими переговорную силу сговорившихся нанимателей). При всех обвинениях государственной власти в неэффективном регулировании экономической жизни, Смит не говорил, что государство должно быть вообще устранено от этой сферы. Во-первых, государству следует обеспечивать public goods: оборона, полиция, уличное освещение – короче, разные аспекты общественной безопасности. Во-вторых, государству не следует ограничивать свободу граждан преследовать свой интерес, пока они *не нарушают законов справедливости* (слова самого Смита), поэтому его, государства, обязанность – гарантировать права собственности, поддерживать систему правосудия и ограждать общество от злоупотреблений экономической свободой со стороны отдельных лиц.

Ни шагу без начальства

«С тех самых пор, когда А.С. Пигу написал свою книгу, расхождение между частными и социальными издержками представляло главный аргумент в обоснование действий государства, направленных на корректировку предположительно неэффективной рыночной деятельности. В подобных случаях анализ задумывался не столько, чтобы помочь нашему пониманию работы экономической системы, сколько ради отыскания ее пороков и оправдания рекомендаций по регулированию», - заявил тот же Ст. Чунг, наплевав на политкорректность. Что и подтверждается в последнее время.

Идея «провалов рынка» концептуально связана с другой идеей, бытующей в современной экономической науке, – о необходимости регулирующего воздействия государства на рынок в частном секторе ради достижения того уровня эффективности, какой возможен, исходя из наличных ресурсов, но не может быть достигнут, пока и если рынок остается предоставленным сам себе. Основой этой идеи как раз и служит концепция «провалов рынка».

В совокупности, обе концепции представляют собой традицию, которую позволительно назвать - в силу отсутствия теоретической основы, - скорее, идеологией, чем наукой. А когда идеология принимается некритически, то есть становится предметом веры, возникают параллели с религией. Как ее ни называй, эта совокупность взглядов приобрела вид науки и стала уважаемым предметом преподавания в университетах. Иные (многие?) профессора по сей день читают свои лекции и строчат учебники так, будто сокрушительной критики «теории провалов рынка» просто нет и не было.

Никто, нигде, никогда не доказал, что вмешательство государства всегда обеспечит более высокий уровень эффективности. Никто. Никогда. Не доказал. Даже не пытался доказать. Что государство может починить провал рынка лучше самого рынка. И не задавались таким вопросом, вот что достойно удивления. Это подразумевалось само собой. Как же иначе? Кто шляпку взял, тот и тетку пришил!..

Существо суеты вокруг «провалов рынка» лежит не просто в признании несовершенств рыночного механизма. Самое главное здесь – это замечательный вывод из такого признания, а именно: коль скоро рынок в каких-то случаях (как мы думаем) не справляется, необходимо действие государства. Логики и мудрости в подобном выводе не больше, чем логики и мудрости в лозунге «барин нас рассудит». Это не логика, а психология: чуть что покажется не так – сразу звать к начальству.

Носителям такой психологии государство представляется неким мистическим - сверхчеловеческим, всезнающим, всевидящим, всемогущим и, конечно, всеблагим - существом. «Бог умер», - заметил Ницше. Он должен был бы добавить: «Но свято место пусто не бывает». Отвергнув одно божество, люди неизбежно, и притом немедленно, создают себе другое. Именно так атеисты фактически обожествовали государство.

Как ни странно, такая психология проникла и в науку экономику. Можно сказать, что в экономической науке, точно как в известной квартире № 50 возле Патриарших, некоторое время назад начались необъяснимые происшествия. «Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там его ничем не остановишь»¹...

Очень возможно, что не все экономисты – сторонники государственного вмешательства – разделяют описанное выше крайнее представление о государстве. С другой стороны, не все люди (даже не все ученые) строго последовательны в том, что касается системы их собственных убеждений. И многие люди (а экономисты ведь тоже люди) не всегда откровенны сами с собой до конца. Так или иначе, приписывая государству мудрость, не доступную нормальным людям, и способность совершать то, что нормальным людям не под силу, они наделяют государство сверхмудростью и всемогуществом. Говоря иначе, они его мистифицируют.

А что, если спустить государство с небес на землю? На нашу - *по природе грешную* землю?

---

¹ М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Гл. 7.

«В государственном секторе выбор тоже делают люди. Политики, руководители, главы агентств подобны менеджерам в бизнесе, остальной персонал – те же рабочие... Каждое такое лицо неизбежно имеет свою собственную функцию полезности. Не думайте, что каждое утро он пробуждается с вопросом: «Что я могу сегодня сделать для Парето-оптимальности?». Он точно так же, как и все мы, максимизирует свою полезность». Так писал Рональд Маккин в пионерной статье «Невидимая рука в государстве»,¹ которую мы здесь рассматривать не будем.

Интересно, приходила ли в голову Пигу или его эпигонов одна простая мысль: о том, что *действия государства, предпринимаемые ради устранения отрицательных экстерналий рынка, сами могут вызвать к жизни отрицательные экстерналии?* Разве нельзя такого представить хотя бы чисто теоретически? В таком контексте можно считать **провалы государства**. Ввел этот термин Р. Маккин в упомянутой выше статье.

Случаются ли в жизни провалы государства?

Ответ на этот вопрос известен: они случаются сплошь и рядом!

Провалы государства (в первом приближении)

Самый очевидный случай – это когда государство решает потратить какой-то лоббирующей группе и учредить в ее пользу особый налог, либо особые субсидии или таможенные тарифы. Все такие вещи делаются под лозунгами общего блага для страны. В 99 случаях из 100 такие меры идут во вред другим группам населения, чаще всего – потребителям. Накоплен и продолжает пополняться большой массив исследований поведения политиков и государственных структур и их последствий. Джордж Стиглер (Нобелевская премия по экономике 1982 г.) провел некоторые исследования и показал, что, как правило, бизнесы *хотят регулирования, потому что оно защищает их от рисков конкуренции*. А ведь как раз об этом предупреждал никто иной, как Адам Смит.

Но даже без очевидного влияния лоббистов государство подчас совершает удивительные вещи.

Один из примеров: принятый в 1962 г. закон о регулировании лекарственного бизнеса. Исследование последствий этого закона было проведено Сэмом Пеллцманом в Университете Калифорнии (Лос-Анджелес), и его статья,

---

¹ Ronald McKean. *The Unseen Hand in Government*. “The American Economic Review”. 1965, 55 (3).

опубликованная в 1973 г., показывает, что закон принес больше вреда, чем пользы – по всем основным показателям: количество новых лекарств, их качество и цены.

Другой пример приводит Тодд Бакхольц.¹ В 70-е годы прошлого столетия власти США установили закон о регулировании арендной платы за жилье. Объявленной целью мероприятия было обеспечить как можно большему числу граждан доступные расценки на аренду квартир в доходных домах (apartment buildings). Домовладельцам было запрещено повышать арендную плату.

По общему правилу, плата за квартиры регулируется соотношением спроса и предложения (в условиях конкуренции на рынке предложения квартир в аренду). Без изменения этих показателей, квартплата повышается вследствие роста цен на энергию или воду, или увеличения налогов на недвижимость (нередкое явление в США, где это – муниципальный налог). Случаются и другие изменения, повышающие расходы домовладельцев.

Во что вылился запрет? С одной стороны, вырос спрос на доступное жилье. С другой стороны, домовладельцев стимулировали сокращать предложение. Кто-то просто экономил на содержании и ремонте, отчего вскоре квартиры, одна за другой, делались все менее приспособленными для жилья. Кто-то мог обращать apartment buildings в office buildings, продавать здания жилищным кооперативам или лечебным учреждениям и т.д. Создалась ситуация нехватки квартир для аренды. Вместо «доступного жилья» получилось недоступное (для многих) жилье. Обратный результат - точно как примеры у Адама Смита. На ученом жаргоне – отрицательная экстерналия.

В ответ на такие действия домовладельцев, в Санта-Монике, Калифорния, власти ввели против них жесткие меры - штраф за каждую квартиру, обращенную в нежилое помещение. Это резко понизило ценность доходных домов. Какие-то из них просто выбыли из бизнеса. В иных стали селиться наркоманы, дельцы черного рынка, сутенеры и прочая подозрительная публика разного рода, что ухудшало криминогенную ситуацию во всей окрестности и способствовало дальнейшему снижению ценности недвижимости в таких районах. Иной домовладелец, ограниченный в своем праве повышать арендную плату, придумывал различные сборы с новых жильцов – например,

---

¹ Todd G. Buchholz. *New Ideas from Dead Economists*. A Plum Books. 1999 (2-nd edition).

обязательство купить у него жалюзи на окна по цене, втрое превышающую месячную плату за квартиру, и т.п.

Выиграли от всего этого регулирования две группы: политики, провозгласившие свою победу над жадными домовладельцами, и те жильцы, которые уже занимали квартиры до введения закона. Этим последним стало невыгодно переселяться из Санта-Моники в другие места. Квартиры освобождались все реже, приток новых людей в город ослаб, а студенты расположенного рядом университета не могли найти себе жилья в Санта-Монике и снимали его в более отдаленных городах. В 1995 г. некоторые ограничения, введенные муниципалитетом Санта-Моники, были ослаблены властями штата Калифорния.

«Такого рода контроль, - замечает Бакхольц, - плохое средство, чтобы помочь бедным, и хорошее, чтобы разрушить жизнь города».

Рассказанное выше – то, что на поверхности.

Провалы экономистов

В статье «Экономисты и государственная политика» (1975) Рональд Коуз ссылается на результаты Пелцмана (о регулировании фармацевтической отрасли) и пишет: «Я полагаю, это общая ситуация, хотя экономисты, как кажется, обычно считают наоборот. Причина такого сангвинического подхода в том, что большинство экономистов, не игнорируя неэффективность рынка (которую они нередко склонны преувеличивать), обычно закрывают глаза на неэффективность, присущую государственной организации. Едва ли удивительно поэтому, что в последние сто (или около этого) лет экономисты шли впереди, поддерживая (или молча признавая) непрерывно растущую роль государства в экономических делах и не ощущали нужды в сколь-нибудь серьезном исследовании работы государственных организаций. Что требуется – если мы хотим, чтобы политические рекомендации были серьезно обоснованы, - так это принимать во внимание и то, как в действительности оперирует рынок, и то, как государство на деле выполняет задачи, которые ему доверены».

Коуз отмечает, что ситуация меняется. За период 1960-75 гг. имело место больше серьезных исследований государственного регулирования – в том числе на основе реальных числовых данных, - чем за все предшествующее время. Помимо упомянутых им исследований в области лекарств и газа, Коуз ссылается также на исследование регулирования в таких областях, как сельское хозяйство, авиация, банковое дело, широковещание, электроснабжение, распределение молока, железные дороги и автогрузовой транспорт, такси, категоризация виски... –

оговариваясь, что упоминает только те исследования, о которых знает, а в целом их гораздо больше. И заключает: «Главный урок, который можно вывести из этих исследований, очевиден: все они показывают, что регулирование либо не оказывает эффекта, либо – когда его влияние можно заметить – в целом эффект регулирования выходит вредным, так что потребители получают продукт хуже, или по повышенной цене, или то и другое. Поистине, этот итог оказывается настолько единообразным, что возникает вопрос: можно ли найти хотя бы одну государственную программу, которая произвела бы больше пользы, чем вреда».

Да уж. «Сухой закон» президента Вильсона провалился, но пока действовал, породил отрицательную экстерналию в виде мафии, особенно чикагской. Закон отменили в 1933 г., но с тех пор политическая жизнь Чикаго и всего штата Иллинойс так и осталась окрашенной мафиозными нравами.

А «Новый Курс» президента Рузвельта? Контроль цен и всевозможное вмешательство государства в частный сектор – не это ли десять лет держало экономику страны в состоянии глубокой депрессии при среднем уровне безработицы в 14-17%? Так, что даже в этом состоянии (о чем редко упоминается) случился еще спад в 1937 г. Историю, как известно, пишут победители. И «Новый Курс» до наших дней считается успехом, политикой, которая спасла страну от чего-то еще худшего. Можно верить, конечно, что если бы не всесторонний государственный контроль над рынком, ситуация могла бы быть еще хуже. Особенно, если ты при этом не веришь в самокоррекцию ценового механизма рынка. Однако, в истории мы имеем достаточно примеров эффективности свободного рынка и практически ни одного примера тому, чтобы вмешательство государства улучшило экономику.

Среди отрицательных экстерналий Нового Курса можно назвать возвышение и распространение влияния целого слоя левацкой интеллектуальной элиты. Этим были подготовлены условия для захвата ведущих университетов страны левыми радикалами в 60-е годы, следствием чего стала политизация и снижение качества гуманитарного образования в Америке – сперва высшего, а затем и школьного. Процесс деградации образования, раз начавшись, продолжается и по сей день...

Все программы *борьбы с бедностью* в США, начиная с «Великого Общества» президента Джонсона (кстати, «новокурсника»), - провалились. Не знаю, правда, были ли исследования. Сужу по тому, что число бедных в стране, по официальным данным, не сокращается.

Наконец, не нужно ходить далеко, чтобы увидеть

катастрофический **провал государства**, вызвавший всеобщий экономический кризис 2008 года. Как известно, все началось под тем же лозунгом «доступного жилья», на этот раз - семейных домов.

И везде при сем присутствовали, а чаще принимали активное участие (как советники политиков или разработчики программ) экономисты – ученые и профессора. Не нужно думать, что эта порода вывелась перед лицом упомянутых Коузом (и множества других) исследований. Напротив, в последнее уже время они увеличились – если и не в числе (нет данных), то в активности.

Кто-то же вписал в одну из недавних речей президента Обамы фразу: «свободный рынок не работает и никогда не работал»...

Мы видим, как в научной среде возникают устойчивые предрассудки, из которых формируется настоящая научная мифология. Не всегда, но в определенных случаях это происходит на основе априорных идеологических установок. Такие случаи вскрывал Стиглер применительно к «монополиям» и «монополизации рынков». О том же говорил Коуз применительно к «провалам рынка» (не употребляя этого выражения) и государственному регулированию. Там и тут кто-то честно заблуждается, а кто-то действует в угоду политической идеологии и своекорыстному интересу. Не забудем, что все они – профессора, притом, в основном, самых престижных университетов.

Давно замечен был этот синдром на Восточном побережье (университеты Гарвардский, Йельский, Колумбийский, Принстонский...). «Восточная академическая элита не может расстаться с умонастроением величавых и мудрых старейшин, выдающих правительству свои Олимпийские решения. Они всегда представляют себя советниками Вашингтона», - заметил когда-то Джеймс Бьюкенен (Нобелевская премия по экономике 1986 г.). Но в нынешнее время эпидемия пошла уже по всей стране.

В современной экономической науке проявляется тенденция к деградации и превращению ее в идеологию. Если эта тенденция возобладает, итогом станет то, что понималось в СССР как экономическая наука, называлось «политэкономией», а по сути было, скорее, шаманством.

Игорь Фунт

Пушкин в джинсах Levi's

**К 175-летию со дня преступной дуэли
или «...поля, сад, крестьяне, книги, труды
поэтические, семья, любовь. Религия,
смерть...»¹**

*Как громко мы молчим, как тихо спорим,
как медленно горим, как горько пьём,
как гибнем врозь, как верим каждой ссоре, –
безропотно стоим под проливным дождём.*

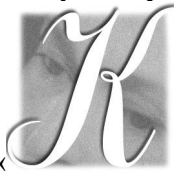
Б. Марковский

*Теперь еду опять другим трактом.
Авось без приключений.*

(Из письма П. к жене)

В день Вознесения помянем...

«Почуяв мёртвого, храпят и бьются кони»

«Краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел и для полного наслаждения всеми страстями. А кто не успевает, тот не успеет никогда...» – мало того, Платонов, конечно, знал, что сын Пушкина – Саша, Александр Александрович, полковник русской армии – принимал участие в русско-турецкой войне, получил саблю с надписью «За храбрость», был награждён георгиевским крестом, а к столетию своего великого отца произведён в генералы, и умер в возрасте 81 года, в самый первый день войны 1914-го, оставив солидное потомство – аж 13 детей; – а ведь батюшка его прожил бы не меньше, ей богу, но... Пушкин... Пушкин... Пушкин – это религия! – вторим мы пушкинисту Сергею Бонди, проклиная известную петербургскую немку-гадалку Кирхгоф, напророчившую молодому поэту (1819), не чуравшемуся суеверных примет, «согласных с чувствами души»: «Проживёшь долго, если на 37-м году жизни ничего не случится».

Кстати, Александр Александрович и передал отцовские рукописи, доставшиеся ему по семейному разделу имущества, в Румянцевский музей (библиотека им. Ленина) по случаю торжеств в связи с открытием памятника Пушкину в Москве на Тверском бульваре (1880); правда, ревностно утаив, видимо, от любви к «отеческим гробам» дневник¹ отца, к рассказу о котором мы ещё вернёмся.

...А люди с вольнолюбивыми фамилиями Ленский были уже рождены и разлетались по России, как посеяны были Пушкиным зёрна Петровской, европейской романтики – заветы свободы, взлелеявшие возможность совершенствования мира и конечного торжества добра в ущерб «обыкновенному уделу». И набоковский гувернёр Ленский из «Других берегов», «человек разносторонний, сведущий, умеющий разъяснить решительно всё, что касалось школьных уроков», в то же время проявлявший совершенную «бездарность в области финансовой и государственной, то есть именно в той области, которую он избрал для изучения», уничижительно был похож на преподавателя законоведения Н.А. Ленского из Тенишевского училища, где учился сам Владимир Владимирович Набоков... (сделавший впоследствии сложнейший по стилистической задаче перевод «Евгения Онегина» (1964), работавший над ним около 30 лет, снабдив сей труд уникальными по своим лингвистическим, сравнительно-литературоведческим, историко-культурно-бытовым значениям комментариями – тысяча и одно примечание!).

Какое-то невыносимое, нереальное наполнение, насыщение столь короткой жизни, начиная с особенного происхождения – «потомок негров безобразный»; – потом Арина Родионовна; лицейская юность с мимолётным рифмованием в центре блистательно-беспечного дружеского круга будущих столпов отечества – «милого лицейского народца» – чуждого мертвящей зависти, кипевшего избытком молодых весёлых сил, грезящего о счастье и, – что простимо, – по возможности избегавшего тягости труда: «храбрый Данзас», преданный Дельвиг – Вальтер Скотт с истинно британским юмором, Горчаков (проживший дольше всех из лицейстов – до 83-х лет), Кюхель – «чистейшее существо» и т.д. и т.п. «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочёл, о чём мы и не слыхали!» – восклицал Иван Пущин (сосланный впоследствии на пожизненную каторгу по делу декабристов); – затем чрезвычайно

---

¹ Почти детективная история дневника Пушкина, описанная пушкиноведом С. Лифарём.

ранний литературный успех; ссылки, похожие на путешествия, возвышающие дух до «недостижимой высоты!» (Вяземский); неусыпный секретный полицейский надзор (с 1827); несбывшийся рискованный побег в Китай – «Поедем, я готов»...

Любимые женщины, блестящая женитьба – сама его жизнь становится невероятной художественной ценностью, цельностью – рукописи (уральские, болдинские, оренбургские, михайловские), статьи, черновые манускрипты (лицейские, кишинёвские, масонские, отрешковские, арзрумские тетради – всего 18), беловые автографы, речи, пред которыми бледнели профессорские изречения Вильмена и Гизо; полемические заметки, стихи, поэмы, зловреднейшие эпиграммы-отзывы («беззубая собака, которая не кусает, а мажет слюнями» – о Каченевском), альбомные записи («уездной барышни альбом»), драматические произведения, романы, повести, путевые записки, исторические исследования (историком «Пугачёвского бунта», приготавливаясь к «Истории Петра», Пушкин и умер), анекдоты – *table talk*, критические статьи, заметки на полях (на книге Батюшкова, напр.) – пометы («тайны письмена») и маргиналии на чужих книгах («ркучи», «стязи», «рози», «истягнеши», «стуга» – в «Слове о полку...»); переводы, дневник (2 части из 3-х утеряны), письма (почти 800), деловые бумаги, да ещё и 2000 рисунков... Хм, ещё и Гоголь с пушкинскими сюжетами «Ревизора» и «Мёртвых душ»; ненавязчивое признание Толстого о промелькнувшем вдруг замысле «Анны Карениной» при чтении пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...»; а заглавие главного романа Льва Николаевича, не исключено, взято из этих строк: «...Описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель в жизни будешь: войну и мир...» («Борис Годунов»); подражание юного демониста Лермонтова, будущего сладострастного «поэта сверхчеловечества» (Мережковский), как знак принятой эстафеты русской аполлинической мысли; прядка пушкинских локонов – святыня на всю жизнь – срезанная слугой для 19-летнего Тургенева, не написавшего пока ни строчки; – сколько ещё? – да бесконечно! Не говоря об эпистолах фальсифицированных, исковерканных, по словам Л. Павлищева, а также о письмах и тетрадях, сожжённых под страхом приезда царского фельдъегеря, уничтоженных и до сих пор не найденных («Сожжённое письмо»), начиная с лицейских воспоминаний. (Хотя, несомненно, «чемпион» по невосполнимым утратам творческого наследия – Лермонтов.)

Время непростое (а бывают простые времена?), конфликтное, осыпающее камнями и кремнием жизненный путь

молодых поэтов, дворян, русских людей, но... – юнкерские кутежи, великосветские балы, ослепительно красивые, утончённые женщины, благородные, умные друзья... Одновременно в высшей степени обладание чувством родины, её истории, культуры, вообще чувством народности; – конечно же, казни-высылки-изгнания, декабристы с их барской беспочвенностью («Любовь ли петь, где брызжет кровь...»), кавказская война (куда ж без неё?) с лермонтовской симпатией к Востоку, не затухшее эхо Бородино («...Вотще лишь гневом дух пылал!...»), заморские приключения с бурной и крупной карточной игрой и дуэлями (несостоявшаяся стрельба П. с Толстым-Американцем)² – но ведь дуэли, впрочем, как и волокитство были тогда обыкновенны и в жизни, и в романах (правда, восемь из десятка кончались ничем): Онегин с Ленским, Печорин с Грушницким, Пьер Безухов с Долоховым, и далее – от «Вешних вод» до чеховской «Дуэли»; Грибоедову тоже на дуэли пуля прошла мизинец; Тургенев с Толстым чуть не пострелялись, в конце концов; Михаил Юрьевич, святая душа в святом порыве, хотел вызвать убийцу Пушкина (вслед за горячо любимым А.С. братом Львом); и далее, далее... – по-шиллеровски брошенные в гроб друга перчатки Вяземского и Жуковского – тайный знак неприятия «тяжкого млата» судьбы; пуля «бравого майора Мартынова», срезавшая верхушку с дерева русской поэзии, суровый голод Некрасова, каторга Достоевского, разжалованный в солдаты Полежаев, вынужденная эмиграция Герцена, туберкулёз Белинского, и далее... далее... Сама История, как кипящая страсть – «источник наслаждения и горя» (Висковатый) – наводит на мысль о неизбежности трагедии величайшего из великих, убрать, изъять которого из памяти-сознания народа стоило бы этому народу ещё большей трагедии, если не сказать перерождения, ведь даже в самые худые времена мы во многом спасались и спасаемся Пушкиным. И это не удивительно: образ Пушкина существует в нашем национальном духовном бытии уже сам по себе, как бы помимо даже стихов: «так иной раз истово чтущие Христа могут не знать и трёх строк Священного писания и спотыкаются сразу за первыми словами “Отче наш”...» (Н. Скотов).

Но дух – известно, что такое дух:

Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух...

***

С моим названьем станут повторять твоё...

(Лермонтов)

«Назовут меня, сразу же назовут и тебя», – сформулировал Михаил Булгаков славу обольстителя-балагура, проходимца, имевшего три отечества – два имени, пустого светского льва

поручика Дантеса, будто славу Понтия Пилата с Брутом, Лермонтова и Мартынова – скопца Смерядкова с Иваном Карамазовым... Какого «Гамлета», какого «Макбета» унёс он с собой в могилу, и что было бы с русской литературой, если бы Пушкин прожил столько же, сколько Шекспир?² – с горечью спрашивает потомков Л. Шестов, и тут же отвечает, что каждый раз, когда приходится вспоминать об ужасном событии, нет возможности подавить рвущийся из груди невольный вздох: мы не можем простить судьбе и её орудию, Дантесу, их жестокости – Пушкина у нас нет, вместе с ним ушли навсегда в могилу бесценнейшие перлы художественного творчества. Но, – Пушкин у нас был, и от него осталось великое наследие, которое уже никакими силами не может быть вырвано. Это наследие – вся русская литература.

Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?..

***

Он истину мира сего
Принёс на ладони тебе...

(Ю. Кузнецов)

3 февраля 1837 года московский почт-директор А.Я. Булгаков, должностные обязанности которого в полной мере соответствовали его «любопытному» и общительному характеру, в письме к своей дочери О.А. Долгоруковой, находившейся в тот момент в Баден-Бадене, сообщает: «Несчастный отец поэта ни о чём не подозревает. Третьего дня я встретил его идущим пешком; мы побеседовали с минутку, и мне было так тяжело видеть этого несчастного спокойным и не подозревающим несчастья его ожидающего».

...И пред ним, со всех сторон
Тени, тени, тени –
Пуцин, Кюхля и барон
Огненный Катенин.

...Кончен путь. Последний брег.
Чей-то крик: «Начните!»
И без чувств упал на снег
Пушкин, сочинитель.

М. Кузмин, 1927

«Мне остаётся одно: молить Бога не отнять у меня памяти,

---

² См. «Жил бы Пушкин долее...» (И.Гречаник):
<http://www.hrono.info/proekty/parus/gre0611.php>

чтоб я его не забыл», – это было произнесено папой с раздирающей «ласковостию», по словам Баратынского, навестившего Сергея Львовича в ту самую минуту, как того уведомили о страшном происшествии, – «Он, как безумный, долго не хотел верить», – сообщает Евгений Абрамович в письме к Вяземскому о том, как воспринял трагическое известие отец, узнавший о смерти Саши от своих близких знакомых, которые «уведомили» его о случившемся почти неделю спустя – между 3 и 5 февраля.

Именно к упомянутому почт-директору обратился Жуковский коротенькой и важной записочкой, рассчитывая на крайне неумеренное любопытство Булгакова (получившего послание от Ж. 25 февраля): «Вот тебе, милый Александр, письмо, которое передай от меня Сергею Львовичу». – И добавил: «Можешь его после вытребовать и прочитать в нём описание последних минут Пушкина». – Вне всякого сомнения, Булгаков тут же полностью скопировал оригинал; не приходится сомневаться и в том, что такую же возможность почт-директор предоставил также и другим лицам, пожелавшим иметь список со знаменитого письма, сослужив, в принципе, добрую службу потомкам и самому П. (Жуковский реабилитировал А.С. в глазах царя, превознося и возвеличивая государя, пренебрегая истиной, таким образом обеспечив материальное будущее семье поэта, защитив его творческое наследие от запрета и гонений), заставив лишь наморщить лбы дотошных учёных-пушкиноведов, потерявших (не по воле своей, а ввиду активного обмена копиями дуэльных писем между московским и петербургским почтамтом) непосредственно оригинал: «Прости, мой бедный Сергей Львович! Я не думал, что мне придётся хоронить его, быть опекуном его сирот и издателем его сочинений, оставшихся по смерти. Лучше когда бы он мог оказать эту последнюю услугу мне... Прилагаю список с собственноручной записки Государя, который оригинал написанный карандашом хранится у меня; я получил её от него лично на другой день смерти Пушкина... Не знаю, прочтёшь ли ты что я написал; я имею привычку писать мелко, когда пишу скоро, а перечитывать нет время. Прости»³.

«Числось по России»

Черна роля заорана
И кулями засияна
Билым тилом взволочена
И кровию сполочена
Гей гей.

(Укр. нар. песня, записанная П.)

«Счастливые» подмосковное Захарово «с заборами в реке волнистой», голицынская библиотека в Вяземах, царскосельское «отечество», Кишинёв, говорящий по-французски, с попугаем губера Инзова, наученным П-м горланить матом (сродни Вяземскому, обученному П-м боксировать и картёжничать); Аккерманская крепость – неистовые споры о гробнице Овидия, оренбургская станица Берды – легенды о пушечных выстрелах с колокольни вора Пугача пятаками вместо картечи, десятидневный Екатеринослав («Братья-разбойники») с мазанкой на берегу Днепра, одесский театр – напротив казино, Тверь, Бахчисарай и дорожный Торжок, Болдино, Остафьево (с подписью П. на исподней доске стола в Карамзинской комнате); Могилёв (один день!), псковское Михайловское, сувенирный ныне Арбат и дом Волконской на Мойке, 12, близ Певческого моста – последняя его квартира, чтимая уже современниками как памятная святыня, – постепенно стали анфиладой мемориального пушкинского дома. Пушкин и годинуновской Москвой распоряжался со свободой и правом коренного москвича (чем очень гордился), с уверенностью наследника – ведь он «дома!» – с шекспировским размахом разбрасывая сцены по Кремлю и Красной площади, по монастырям и палатам: его предок расхаживает по Москве не только как вершитель российской истории, но и как искони московский житель. (Мыслимое ли дело – с марта 1799 по май 1811 года семейство Пушкиных меняло своё местожительство в Москве 11 раз! – просто Надежда Осиповна, матушка поэта, терпеть не могла засиживаться на одном месте, к тому же не умела вести хозяйство, что тяжело отзывалось на семейном бюджете и домашнем порядке.)

Конечно, Александр Сергеевич прекрасно знал проделки и «следствия невоздержанной жизни» своего прадеда-абиссинца «арапа Петра Великого» и деда Осипа Абрамовича, двоюродного брата; с детства привык Саша к беспечному образу жизни своих родителей, отдававших земли в залог, и не считал их поведение чем-то ненормальным: куда бы Пушкины не переезжали, везде устраивались приёмы, давались балы, покупались роскошные платья в фешенебельном французском магазине для «La belle steole», как в свете называли блистательную Надежду Осиповну; а жителей Харитоньевского переулка в Москве очень смешил курчавый мальчик в потёртых штанишках из перелицованного и вылинявшего сукна, тайком пробиравшийся в отцовскую библиотеку по ночам, сочиня там катрены.

Дети ходили в обносках; няня Арина, истинный ангел-хранитель семьи, кроила какую-то ветошь, а крепостной Никита

мудрил из старых фраков детские одеяния. «Дом их представлял какой-то хаос: в одной комнате богатые мебели, в другой – пустые стены, даже без стульев, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всём, начиная от денег и до последнего стакана, – вспоминал близкий сосед Пушкиных и лицейский товарищ А.С. барон Корф. – Когда у них обедало два-три человека, то всегда присылали к нам за приборами». Радовало одно: при недостатке средств и при всей скупости Сергей Львович не жалел денег на образование детей; не зря школяры прилепили нелестный тогда собрикет «француз» из-за совершенного знания Сашкой французского языка с его утончённой «отравой», привитой гувернёром графом де Монфор.

Ощущая национальный характер исторических творений Петра Великого – пушкинского идола – А.С. подчёркивал, прежде всего, национально-русский патриотизм – будучи несомненным «отголоском своего поколения, со всеми его недостатками и добродетелями», будучи по непосредственным устремлениям и оценкам западником, высоко ценя западную культуру и веруя в её необходимость для России, глубоко сожалея также и о разделении церковью, отделившем Россию от остальной Европы и лишившем её участия в великих событиях европейской истории. Ужасаясь жестокости Петровских указов (противопоставляя их мудрости его законодательных мер), Пушкин остро сознавал, что вся русская культура 18-го – 19-го века и все начатки науки и искусства в России имеют своим источником ту европеизацию, основу которой положил Пётр Великий, оставаясь в контексте пушкинских произведений подлинно русским, со своим исконным своеобразием, правителем. Пушкин как бы объединяет не развернувшихся пока в полную силу и не приготовившихся к непримиримому бою поборников запада и славянофилов, совмещая русскую «благодать», как призыв милости к «падшим рабам», и западную «свободу», как полноту наслаждения и раскованности, доставляемых искусством, тем самым снимая саму дилемму, лежащую в основе спора между «националистами» и сторонниками «общечеловечности»: либо преданность своему, исконному, родному, либо доступность чужим влияниям: «Я далёк от того, чтобы восхищаться всем, что вижу вокруг себя; как писатель, я огорчен..., многое мне претит, но клянусь вам моей честью – ни за что в мире я не хотел бы переменить родину, или иметь иную историю, чем история наших предков, как её нам дал Бог». – Начиная с середины 20-х годов, особенно в связи с собиранием исторических материалов для «Бориса Годунова»,

Пушкин отчётливо осознавал всё значение православия для русского национального духа и для русской культуры, как символа примирения. В образах летописца Пимена и патриарха в «Годунове» он обнаружил глубокую сердечную симпатию к традиционному типу православного благочестия, гениальную способность понять и художественно его воспроизвести.

«Бориса Годунова» П. начал в Одессе, в мае 1824 г. – в так называемой «второй масонской тетради» (в 1-й и 3-й были «Онегин», «Цыгане» и наброски «Арапа») – полной черновой рукописи которой не сохранилось (писарская копия части трагедии с поправками Пушкина выжила благодаря «жандармским тетрадям» – спасибо Бенкендорфу!). Вообще, количество рукописей, разошедшихся даже при жизни Пушкина, доходит до 400 (не считая писем) – история многих из них недвусмысленно пахнет «детективщиной». К примеру, тетрадь, приготовленная А.С. для выпуска самого первого собрания стихотворений (конец 1819), – так называемая «тетрадь Всеволожского», полупроданная-полупроигранная, – вновь попала к П. только в 1826, и то за 500 рублей. (Изданные с тетради «Стихотворения Александра Пушкина» были, к сожалению, значительно изменённым вариантом рукописи, изначально переданной богатенькому питейно-кутёжно-картёжному другу по «Зелёной лампе» Никите Всевожскому – «...так исчезают заблужденья с измученной души моей».) Много позже тетрадь в своём первоначальном виде (что важно!) обнаружилась крайне неожиданно – в 1936 г. – никто из специалистов даже не предполагал о её существовании. Найдена была она в «непросчитанном» и нерасшифрованном пушкинистами месте – Белграде! – как она туда попала, можно строить только гипотезы. Так, по иронии судьбы, первая намечающаяся в печать книга Пушкина увидела свет последней – в «Летописях Государственного литературного музея», публикация Б.В. Томашевского, 1936.

Да... кто ж спорит с ехидным вольтерианским провидением, столь близким своей нешуточной серьёзностью Пушкину: ведь даже в день дуэли, утром, А.С. получил пригласительный билет на похороны младшего Греча, умершего от скоротечной чахотки.

А вот ещё одна по-стендалевски полуироничная запутанная история.

Итак, Александр Александрович, сын Пушкина, оставил дневник при себе. После кончины А.А. рукопись перешла к его сестре – дочери Александра Сергеевича, Марии Александровне –

по мужу Гартунг (ставшей прообразом Анны Карениной), а после её смерти, в глубокой старости (1919), дневник достался внуку Пушкина, сыну А.А. – Григорию, бывшему тогда доблестным командиром Красной Армии. В том же 1919 году Григорий, не мудрствуя лукаво – и молодец, передал драгоценный манускрипт Румянцевскому музею – «В сафьяне, по краям окован, замкнут серебряным замком...» («Онегин») – тогда такие замочки на альбомах и дневниках были в моде; ключ от него П. носил при серебряных часах, на цепочке (часы впоследствии Жуковский передал П.В. Нащокину, «истинному другу» погибшего поэта). На внутренней стороне переплёта было написано: №2, и оканчивался дневник 1835 годом...

Значит, должны были где-то существовать №1 и №3, охватывающие период до 1835 года и вплоть до рокового 1837-го (об этом также упоминают В.А. Жуковский, князь П.А. Вяземский, критик и драматург барон Е.Ф. Розен; а Баратынский, Н.В. Путья и «хромой Тургенев», любивший вздремнуть во время пушкинских чтений, и вовсе лицезрели дневник воочию).

«Что касается до имеющегося неизвестного дневника (1100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше, чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года», – через советское торгпредство писала из Константинополя внучка Пушкина – дочь А.А., придумавшего, по её словам, такой необычайный коленкор с разрешением публикации, – Е.А. Розенмайер пушкинисту М.Л. Гофману, приехавшему в Париж в конце 1922 г. в качестве официального представителя Российской Академии наук.

Гофман рванул за манускриптом в Турцию.

Увы, поездка в Константинополь окончилась полной неудачей. Вместо самой внучки Пушкина Модесту Львовичу пришлось говорить с её мужем, офицером Розенмайером, который без колебаний заявил:

– С неизданным дневником произошло недоразумение. Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается передать рукопись своего деда. – Это противоречило письму Пушкиной-Розенмайер Гофману, в котором она, после длительной переписки, наконец, соглашалась уступить дневник и просила «поторопиться с приездом в Константинополь, так как они собирались уезжать в Африку» – она хотела вручить манускрипт лично Гофману, как представителю Пушкинского Дома.

Никакие уговоры и доводы не действовали, муж внучки Пушкина был удивительно непоколебим. Когда же Гофман заметил

ему, что неосторожно везти с собой такую драгоценность в Африку, Розенмайер лукаво ухмыльнулся:

– Не беспокойтесь. Дневник находится в очень надёжном, безопасном месте.

Так, сокрушительным фиаско и закончились розыски.

Не лишним будет добавить, что из этой поездки М.Л. Гофман, известнейший пушкинист, филолог и преподаватель в СССР не вернулся, и причину «невозврата» мы, наверно, опустим.

В 1935 году поиски реликвии продолжил Сергей Лифарь, ведущий солист балета театра Парижской оперы, 12 лет уже проживавший в Париже: по «наводке» самой Е.А. Пушкиной-Розенмайер, вернувшейся к тому времени из Африки, Сергей Михайлович проехал от Константинополя до Гельсингфорса и нашёл-таки предполагаемого владельца дневника, но тот запросил за него просто астрономическую сумму. К тому времени, как столь огромные средства Лифарю были обещаны в долг, ему было отвечено, что драгоценный документ ушёл... в Лондон, к английским потомкам поэта.

– Лифарь, я знаю, что вы купили у французского правительства письма Пушкина. Ну так вот, я хочу, чтобы вы продали их обратно мне.

– Но позвольте, мэ, эти сокровища принадлежат России, а не семье. – На этом разговор, произошедший уже в 1956 году, в театре Ковен Гарден, был закончен.

– Мэм... – Сергей Михайлович чувствовал подвох и недоговорённость из уст этой леди, но про дневник так и не спросил, оборванный резким нежеланием дамы вступать в полемику.

Она быстро и величественно подошла к Лифарю в антракте балета «Ромео и Джульетта», который привёз Большой театр – Уланова тогда впервые танцевала в Лондоне – это была леди Мильдфорхевен, Надежда Михайловна, правнучка Пушкина, приходившаяся (по мужу) тёткой принцу Филиппу Эдинбургскому, супругу английской королевы Елизаветы.

Так создалось родство русского национального поэта с английским королевским домом. Возможно, дневник до сих пор у них.

Елена Пушкина-Розенмайер, попавшая, не исключено, в корыстолюбивый водоворот деяний своего жадного до денег мужа, к тому же произведшая на Лифаря впечатление женщины не совсем уравновешенной, умерла в 1943 году, в Ницце, в большой нужде и нищете – смерть внучки Пушкина прошла никем не

отмеченной.

Помяни, мя, Господи, егда́ прийдеси во Царствие Твоем⁴

Кто близ небес, тот не сражён земным.

(М. Лермонтов.)

«...Если общество ещё не совершенно распалось, если люди не дышат полною непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату»⁵. – И Гоголь не начертал бы этих строк без «совета» А.С. – «...ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему». – Недаром его называли Богом русской поэзии – только предельно сконцентрированная сила библейских формул может навести на понимание значения П. в русской жизни – гений есть труд! – «борение до кровавого пота» (2-й Завет) – «Слово есть Бог», по Евангелию, а Пушкин, прежде всего, – и есть это богоборимое слово; а по глубокому определению Белинского – поэт формы, действительно «оформивший» русский мир; русский человек должен говорить языком русским – языком Пушкина, «ударившего об наковальню русского языка», и оскорбление, нанесённое этому языку, «поэт принимает за оскорбление, лично ему нанесённое, то есть как бы отождествляя себя именно с русским языком» (Вяземский). Пушкинская эпоха самая культурная в жизни России (Блок), пушкинский язык равен нации, народу, равен школе мировой духовности, своеобразной всемирной энциклопедии, вместившей Овидия, Горация, Гёте и Шекспира («Я как будто смотрю в бездну при чтении Шекспира!»), Шенье и Байрона, Саади, Гафиза, Державина, Монтескье, Альфьери и Руссо, и далее... метафизически богоборческий, «святой» лермонтовский бунт, далее... Достоевский, Бердяев, Шестов, завершившие пожелание П. о «русском метафизическом языке».

«С общечеловеческим элементом, к которому стал жадно склонен русский народ, он, мы уверены, наиболее познакомится через Пушкина. ...Эту-то способность, – писал Достоевский о всемирной отзывчивости Пушкина, – главнейшую способность нашей национальности он именно разделяет с народом нашим, и тем главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю загаённую глубину этого духа и всю тоску его призвания...»; хотя нельзя не отметить веской, значительной горечи русской философской мысли (отец Сергей Булгаков,

«чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой...», друг Бердяева, Флоренского, Шестова, Гершензона) о том, как же так П. не заметил, хотя бы через своих друзей – Гоголя («вошёл я к старцу одним, вышел – другим») и славянофила Киреевского – изумительнейшего явления Оптиной пустыни с её старцами? Как он мог не знать о «самом великом подвижнике благочестия последних времён» преподобном Серафиме, своём великом современнике? Как не встретились два солнца России?! – в этом есть роковой и значительный, хотя и отрицательный, факт в жизни Пушкина, странным образом не коснувшейся символического опыта Данте (не успел!!! – кричу я); – личная его церковность не была достаточно серьёзна и ответственна (что уж говорить о порочащих духовенство высказываниях), вернее, она всё-таки оставалась барски-поверхностной, с непреодоленным язычеством сословия и эпохи: «...У нас убийство может быть гнусным расчётом: оно избавляет от дуэли и подвергается одному наказанию, а не смертной казни». – Больно слышать в письме к жене – особенно в свете собственной судьбы – совершенно языческое, хотя и свойственное его кругу суждение о дуэли (письмо от 18.05.1836, из Москвы) из уст человека, являющего собой образ верующего христианина, способного прозревать глубину вещей, постигая действительность, обретая в прошлом России канонический лик летописца и слепца, прозревшего на мощах царевича Дмитрия, «усыновлённого тенью» Грозного, постигшего всю единственность и единообразие Библии и Евангелия... располагавшего за дуэль с Дантесом поплатиться лишь новой ссылкой в Михайловское.

Крестя, он призывал благословление Христово на семью свою при жизни (во многих письмах) и перед смертью. Вослед ушедшему священнику А.С. чуть было не застрелился от мучавших его невыносимых болей, борясь, страдая, крестясь... заставив содрогнуться даже привычного к подобным сценам доктора Арендта – Пушкин умилился перед детской простотой молитвы своей жены, он знал Бога и «божие веленье», подтверждая тем самым собственное своё страшное таинство совмещения величайшего ничтожества с пифийным наитием «божественного глагола», «двух планов» жизни безо всякой связи между ними: «Доколь не требует поэта к священной жертве Аполлон... И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Отца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,

Благословляет мать и молит за отца...

(Высечено на надгробном памятнике П.)⁶

«...Я долго смотрел один ему в лицо после смерти. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нём в эту первую минуту смерти... Это было не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу. Это не было также выражение поэтическое. Нет, какая-то глубокая удивительная мысль на нём разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворённое знание... В эту минуту, можно сказать, я видел самое смерть, божественно тайную смерть без покрывала» (В.А. Жуковский – С.Л. Пушкину). – Простая наивная вера в Бога и Его милосердие, столь свойственная светлой детскости пушкинского духа, озарившая его своим миром... Приняв церковное напутствие, он благословляет семью, прощается с друзьями и безропотно и бесстрашно отстрадывает последние часы. «Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт смерть, боюсь, что это примирение...» (Д. Мережковский).

Пушкин лежал в гробу во фраке, за который ещё не было заплачено портному...

«Пушкин обладает в большей степени, чем какой-либо другой поэт, привилегией лишь кажущейся смерти. Пуля, которая его сразила, дала ему бессмертие на земле и на небе. С несравненным изяществом его произведения, непере译имые благодаря их единственности, легко распространяются по всему миру, победят множество людей, всё более и более относящихся к его гению как привилегии избранных. У Пушкина, большого барина и человека из народа, эти два качества сочетаются и дополняют одно другое, образуя феномен, способный победить земные разногласия. Он царит над благодарными душами, к какому бы лагерю они не принадлежали», – писал французский академик Жан Кокто за год до смерти. Когда академик умер, в гроб ему положили горсточку земли с Чёрной Речки – с того места, где был убит Пушкин (землю привёз из Ленинграда Сергей Лифарь).

Кто близ небес, тот не сражён земным...

Не входить от часа до трёх!

– То, мой батюшка, он ещё сызмала к историям охотник.

– Митрофан по мне.

Летом 1830 года, когда Пушкин жил на Чёрной речке, на одной из соседних дач вечером собралось довольно большое карточное общество – все гости расположились вокруг зелёного

стола, и один из них начал метать банк. Игроки совершенно погрузились в свои ставки и расчёты, так что внимание их ничем нельзя было отвлечь от стола, на котором решалась участь многочисленных понтёров.

В это время в калитку палисадника, в который распахнутыми ставнями и рамами смотрели открытые окна и балконные двери дачи, вошёл молодой человек очень высокого роста, закутанный в широкий плащ. Увидя играющую компанию, он, незаметно для занятых своим делом игроков, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошёл в комнату и остановился за спиной одного из понтёров.

Такая нецеремонность в обращении не покажется удивительною, ежели сообщить, что молодой человек этот был князь, отставной штабс-капитан, поэт, переводчик и музыкант Сергей Григорьевич Голицын (автор текстов романсов Глинки) – хороший приятель Пушкина и прочих лиц, бывших в компании. Должно заметить, что дня за два до описываемого вечера Голицын находился в том же обществе, которое сошлось ныне на даче у Чёрной речки, и выиграл тысячу рублей именно у банкомёта, державшего теперь банк, и что выигрыш этот остался за банкомётом в долгу.

Голицын известен был в обществе любезностью и остроумием и «вопросы решал», как бы сейчас сказали, талантливо и блестяще, имея к тому же шутовское греческое прозвище Фирс – «премилый Serge Galitz Firce» – называли его дамы. Князь подошёл к столу, простоял никем не замеченный несколько минут, и наконец, взявши со стола какую-то запомненную и увиденную цепким взглядом карту, бросил её, закричав: «Ва-банк!!» – Все подняли глаза и обнаружили со смехом и изумлением неожиданного гостя в его странном костюме. Банкомёт, озадаченный ставкою Голицына, встал и, отведя его немного в сторону, спросил:

– Да ты на какие деньги играешь? На эти или на те? – Под «этими» он разумел ставку нынешнего вечера, а под «теми» свой долг.

Голицын ему ответил:

– Это всё равно: и на эти и на те, и на те, те, те.

Игра продолжилась, но Пушкин, услышав ответ Голицына, не усидел за сукном и, ненадолго оторвавшись от карт, наскоро начертил следующие стихи, очень забавляясь этим «те, те, те», сам частенько просящий у «жидов-кредиторов» отсрочки долгов:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.

...О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те. –

Пушкин, конечно же, адресовал эти строки шутнику Голицыну, много позже князь поведал про тот забавный случай Михаилу Логинову, известному в 50-е годы государственному деятелю, библиографу, а Михаил Николаевич, в свою очередь, увековечил этот рассказ-анекдот в «Библиографических записках» (1858).

***

Александр Сергеевич требовал, по словам его шурина С.Н. Гончарова, чтобы никто не входил в его кабинет от часа до трёх: это время он проводил за письменным столом или, ходя по комнате, обдумывал свои творения и встречал далеко не гостеприимно того, кто стучался в его дверь.

Но однажды наверху (пушкинский кабинет был над комнатой Гончарова) раздались звуки нестройных и крикливых голосов – стало быть, Пушкин был не один... – как он допустил нарушения привычки, которой так строго держался?

Когда все собрались к обеду, Пушкин сказал шурину:

– Жаль, что ты не пришёл, у меня был вантрилок.

...Ты слух внимательный дивил:
Как два охотника кричали,
Собаки лаяли, визжали,
Как мужем вдруг пробуждена
Шумела сонная жена. –

Так писал восхищённый непередаваемым талантом артиста-чревоушателя, «вентролога», слепой поэт Иван Козлов в стихотворении, посвящённом Александру Ваттемару, коллекционеру, человеку чрезвычайно образованному, с широким кругом интересов в области культуры, уникальному актёр-мимисту, «говорящему за десятерых, действующему за десятерых», по отзывам А.В. Никитенко – хорошего знакомого А.П. Керн (об этом, в скобках, далее):

(Упомянув замечательного поэта и переводчика Ивана Козлова («Вечерний звон»), вспомнился презабавный случай, описанный Анной Керн, онегинской Татьяной, прекрасной пушкинской музой (в ключья изорвавшей подлинник стихотворения «Я ехал к вам, живые сны...»), племянницей владелицы Тригорского П.А. Осиповой. Как-то, во время пребывания Анны в Тригорском, она пела романс на стихи Козлова «Ночь весенняя дышала...». Пушкин, с упоением слушая музыку и глядя на красавицу Керн, одновременно строчил в это время Плётнёву письмо-«смс»: «Скажи слепцу Козлову, что здесь есть одна прелесть, которая поёт его ночь. Как жаль, что он её не увидит! Дай бог ему её слышать!»)

Но продолжим.

Этот вот удивительный человек – «вентролог» – и посетил А.С. в неурочное время, заставив поэта в неуёмном впечатлении и возбуждении от увиденного и услышанного машинально открыть Евангелие, лежавшее перед ним, – по воспоминанию Гончарова, – и, случайно напав на слова: «Что ти есть имя? Он же рече: легион: яко беси мнози внидоша в он»⁷ (от Луки, гл. VII, ст. 30), подняв голову и устремив вперёд взор, иногда вскакивая и потирая руки – «смешивая вдохновение с восторгом», как он любил говорить, – принялся писать, останавливаясь, от времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное.

Всё было окончено через час: «Слушай», – пробежав стихотворение глазами, Пушкин прочитал его шурина, затем выдвинул ящик стола, у которого сидел, и бросил в него испещрённую чернилами бумагу, не разрешив Гончарову списать восхитительно получившиеся строки – он этого никогда и никому не позволял (разве только от «эпикурейца» Нащокина не скрывал), – слова Евангелия были взяты эпитафой, а стихи относились к вантрилоку.

Вечером, когда семейство разошлось, шурина украдкой вернулся в гостиную с надеждой, что обнаружит стихотворение в столе и перепишет его... – ящик был пуст, а стихотворение не найдено до сих пор.

***

Пушкина всегда раздражала мелочная скупость отца-«шалбера» – Сергей Львович, военный, впоследствии статский советник, знакомец Фонвизина, Батюшкова, Карамзина, на любую просьбу отговаривался недостатком средств, к тому же был в постоянном безмолвном рабстве у своей жены. Когда он провозжал сына в новооткрытый Царскосельский лицей (1811, «И мы пришли. И встретил нас Куницын...»), тётушка Анна Львовна при

прощании подарила племяннику «на орехи» 100 рублей, из которых отец вручил Сашке только 3 р., взяв себе остальные. В лицей, благодаря авторитетному ходатайству друга семьи А.И. Тургенева, двенадцатилетнего Пушкина привёз дядя Василий Львович, отставной гвардии поручик – «C'est un Poete!!!» – преостроумнейший и занимательнейший человек – (см. «Дробы жизни» о В.Л. Пушкине:

<http://magazines.russ.ru/bereg/2010/29/fu28.html>).

***

В полицейском списке московских картёжных игроков значились: №1 граф Фёдор Толстой (американец) – тонкий игрок и планист. №23 Нащокин – отставной гвардии офицер, игрок и буян. №36 Пушкин – известный в Москве банкомёт. «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму... Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня: у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю». Вяземскому: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю главу «Онегина», я проигрываю в штос – четвёртую: не забавно?»

По городу ходила эпитаграмма:

Глава «Онегина» вторая

Съезжала скромно на тузе.

Понтируя А.М. Загряжскому, Пушкин проиграл все бывшие у него в наличии деньги. Он предложил в виде ставки только что оконченную им пятую главу «Евгения Онегина». Ставка была принята, так как рукопись представляла собою тоже деньги, и очень большие, – Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись.

Отсюда возникает вопрос: а не поставил ли П. на кон и 6-ю главу «Онегина» – дуэль Евгения с Ленским – рукописным текстом которой до сих пор не владеют учёные? – и, вы понимаете, вообще можно сокрушённо сказать, что наука не обладает всеми рукописями больших произведений Пушкина, что трагически лишает мир возможности составить исчерпывающую картину творческого процесса от момента зарождения произведения до окончательного текста, пошедшего в цензуру и в типографию.

***

«Коли хочешь быть умён – учись, коли хочешь быть в раю – молись, коли хочешь быть в аду – женись», – любил повторять Пушкин. Венчался он 18 февраля 1831 года, у Старого Вознесения, на Никитской, причём в нащокинском фраке, стараясь казаться ироничнее и скупее. В день свадьбы мать невесты послала сказать

счастливому жениху, что у неё нет денег на карету, и поэтому свадьбу надобно отложить. Пушкин послал деньги. (Это не говоря о 25 тысячах, отданных самим П. на приданое во имя скорейшего исполнения бракосочетания!)

В минуты венчания нечаянно свалились с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли вокруг, – Пушкин побледнел, с его-то отношением к разным тайным знакам! Потом у него погасла свечка. «Плохая примета», – прошептал Пушкин. Во время обряда обручальное кольцо жениха упало на ковёр, кроме того, его шафер раньше передал венец, а не шафер невесты. Суеверному Пушкину было всего этого более чем достаточно, чтобы с тревогой ждать грядущих неудач и несчастий... Да... задумываюсь я, ведь и «прижизненных страстей логика может быть свята» (Розанов):

– На кой чёрт ты женился? – спрашивал Брюллов Пушкина, когда гостевал у того в 1836 («Жена моя – художество, я никогда не женюсь», – говорил сам Б.).

Пушкин отвечал:

– Я хотел ехать за границу, в Польшу – меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что мне делать, – и женился...

После таких откровений он обычно задумывался на миг и язвительно добавлял напоследок: «Je ne suis qu'un hypocrite!» (Я просто хитёр! – *фр.*) – полностью сбивая с толку собеседника. А мне бы хотелось завершить этот *table-talk*, как прозывал застольные рассказы Пушкин, его любимым изречением – в период сватовства и женитьбы – из Шатобриана: «Если бы я мог ещё верить в счастье, я бы искал его в единообразии житейских привычек».

***

Коснувшись Брюллова, хочу присовокупить, что в минуты отдыха Карл Павлович (прототип гоголевского Черткова) частенько просил своих учеников почитать Пушкина, по ходу повествования делая замечания не всегда справедливые по отношению к П., но неизменно повышающие собственную авторскую экзальтацию, сквозь призму «гения», канонизированного при жизни, преломлявшего порой реальные жизненные факты.

После трагической гибели Пушкина Брюллов очень сокрушался о ранней кончине великого поэта, крайне упрекая себя в том, что не отдал рисунка, о котором тот так просил его – это была акварель потешных Смирнских полицейских во главе со спящим посреди улицы полицмейстером, расслабленно-безалаберно, карикатурно охранявших «бал у австрийского

посланника». Пушкину так приглянулась работа, что, насмеявшись до слёз, он стал просить художника подарить ему «это сокровище»... Но Брюллов отказал, сославшись, что потешные стражи уже принадлежат княгине Салтыковой. Безутешный Пушкин стал на колени, умоляя отдать рисунок.

Брюллов не отдал, пообещав написать другой. Это было за пару дней до преступной дуэли. (Изустные, неподтверждённые воспоминания А.Н. Мокрицкого, ближайшего ученика Брюллова.)

***

В конце 1836 г. французский лингвист Эйхгоф готовился читать в Сорбонне лекции по литературе и обратился к жившему в Париже Н.И. Тургеневу (заочно осуждённому в России к смертной казни за дело декабристов) с просьбой достать ему «Слово о полку Игореве». Николай Иванович в свою очередь обратился с этой просьбой к брату в Петербург. В ответ Александр Иванович, закадычный друг Жуковского, писал брату Николаю 13 декабря 1836 г.: «Заходил к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский, немецкий и польский; и в конце написал и своё мнение о сих переводах. У него случилось два экз. этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлёцера «Нестора» (перевод Языкова – авт.), и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочёл несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: всё основано на знании наречий славянских и языка русского». Смею добавить, что при работе над «Словом» Пушкину с головой пришлось окунуться в «обветшалые» ломоносовские времена в поисках «правильных» толкований множественных переводов (Жуковский, Пожарский, Грамматин, Вельтман, Малиновский), адресуясь к трудам Тредьяковского.

***

Из воспоминаний балетмейстера и величайшего танцовщика Сергея Лифаря.

В марте 1937 г. в Париже открылась Выставка (параллельно с московской, в Гос. историческом музее) «Пушкин и его эпоха», организованная Лифарём, идея которой обогащала и расширяла рамки самой Выставки, делая из неё грандиозную манифестацию русского искусства начала XIX века: худ.

Боровиковский, Кипренский, Брюллов («Графиня Самойлова с негрятёнком» – во всю стену), Соколов, Орловский, Венецианов, Рейтерн («Жуковский на диване»), Бруни, Тропинин (миниатюры портретов Пушкина, вывезенные за границу ближайшим другом С.А. Соболевским); Вуальер (портреты родителей П.) и др. На призыв Сергея Михайловича откликнулось более 100 коллекционеров, предоставивших ему подчас драгоценнейшие экземпляры документов, рисунков, рукописей, первых изданий Пушкина и современных ему альманахов, а также великолепный фарфор, столовое серебро, мебель карельской берёзы, ковры, шали и пр., пр. Потомок декабриста В.Л. Давыдова предоставил «Сибирский альбом» – это единственный в своём роде альбом с тщательно выполненными рисунками (Давыдов и Поджио), дающий наглядное представление об обстановке и условиях, в которых жили и работали сосланные в Сибирь декабристы. Родственники французского посла в Петербурге Баранта – (кстати, одного из немногих высших чинов, не убоявшись царского гнева присутствовавшего совместно с графом Фикельмоном на отпевании П. в Конюшенной церкви), – одолжившего сто лет назад дуэльные пистолеты секунданту Дантеса барону Даршьяку, также предоставили эти пистолеты Лифарю.

«Золотую книгу» Выставки украсили имена Алданова, Бердяева, Евреинова, Гиппиус, Вертинского, Керенского, Мережковского, братьев Мозжухиных, Б. Зайцева, Плещеева, И. Шмелёва, М. Фокина, Рожиной-Инсаровой, Ремизова, Н. Тэффи, Ходасевича, М. Цветаевой и многих, многих других. По Выставке мерно прохаживались, беседуя, потомки Дантеса, «...замешанного во всех событиях и происках Второй империи» (Вересаев), Керн, Дениса Давыдова, Плетнёва, Пущина, Дельвига, Щербинина, Воронцова; герцог и герцогиня Кентские, вел. Князь Андрей, вел. Князь Гавриил, барон Ротшильд, принцесса де Полиньяк, князь Ф. Юсупов; князь Церетели с М. Кузнецовой-Маснэ – оба так плодотворно послужившие русскому оперному искусству и театру за границей.

Посетил Выставку и Ф.И. Шаляпин в сопровождении своего импресарио Кашука – Шаляпин останавливался перед каждой реликвией, витриной, картиной, автографом П. – всматривался, восхищался; он был в прекрасном расположении духа, много смеялся, шутил, и его настроение передавалось окружавшей и следовавшей за ним, впрочем, как всегда, толпе посетителей Выставки. ...И вдруг настрой Шаляпина сменился – он притих. Я.Н. Горбов, впоследствии известный русский журналист и публицист, рассказывал о том глубококом впечатлении,

которое произвёл Шаляпин, когда он вполголоса запел мелодию на слова Пушкина – едва уловимое «пианиссимо» акафиста Пушкину все присутствующие слушали с напряжённым вниманием.

В апреле, после закрытия Выставки, когда Лифарь работал с дирижёром Гобером над партитурой своего балета «Александр Великий», в артистическую уборную ворвался, распахнув дверь, в сияющей улыбке, огромный Шаляпин³. Горячо поздоровавшись, Фёдора Ивановича сразу пригласили спуститься в кабинет директора театра Ж. Руше, но певец отклонил приглашение и сказал, что заехал сюда только для того, чтобы увидеться и поблагодарить за Пушкинскую Выставку. Расставаясь, в тесном кольце оперных и балетных артистов, Шаляпин крепко-накрепко по-отцовски ещё раз обнял Сергея Михайловича, очень взволнованного, – чувствовавшего в этом дружеском объятии что-то прощальное...

Пора прощаться и нам.

Ad majorem gloriam⁸

«Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро!» – карточные, издательские и поместные долги, семейные «меркантильные обстоятельства»: «О, бедность! Затвердил я наконец урок твой горький!»; малое число людей, понимавших и одобрявших его творчество; ревность («...болезнь так точно, как чума»), ежеминутно терзавшая восприимчивую пламенную душу; светский заколдованный круг петербургского двора, преследовавший придворного камер-юнкера-царедворца пяти с небольшим вершков росту оскорбительными сплетнями и эпиграммами («Пушкин камер-юнкер, раззолоченный как клонкер»), жена (мадонна иль венера?), по лучезарной красоте которой тайно вздыхала чуть ли не половина юного Петербурга; подозрительность (вплоть до «офицеришки» государя Ник. I); аллегории равновеликих обстоятельств: волокитство и комеражи – одомашненность; беспутство молодости – отец семейства; таинство брака – вздохи по неизбывному; Пушкин с Наташей – Эсмеральда и Феб; «аполлиническое» уживается с мрачными безднами трагического «дионисизма» – распалённая лава страсти легко разрывает тонкую кору призрачного аполлинизма, выплёскиваясь вконец извержением; дойдя до роковой черты барьера, – вспыхивый до исступления, в минуту опасности являясь льдом! – он стал перед жребием: убить или быть убитым.

---

³ См. «Лико, ребята, – какой выродок!» о Ф.И. Шаляпине:
<http://www.hrono.ru/text/2011/funt0511.php>

Драматический рок судьбы освободил его от земного плена и, взяв плату за ожидание великими предсмертными страданиями, заменил утраченную им свободу обителью Вечной красоты, наполнив, озарив катарсис смерти величественным смыслом Божьего Промысла.

«Сверкающие влюблённости, страсть к игре, дуэли, веселье и слёзы, – Пушкина влекли к себе попеременно то жажда работы, то искушение удовольствиями. Беспорядочное существование и постоянно крайний риск. Произведения, наполненные чувством меры и большой чистоты. Если бы он писал так, как жил, то был бы большим поэтом-романтиком, несравненным в своём вдохновении. Если бы он жил так, как писал, то он был бы человеком уравновешенным, чувствительным и счастливым. Он не был ни тем, ни другим. Он был Пушкиным. На заре русской литературы, пророческой и взволнованной, стояло это молодое существо в ореоле радости» (Анри Труайя, член Французской Академии, 1962).

«Из 60 000 моих долгов половина – долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя», – писал уставший Пушкин жандармскому шефу Бенкендорфу. Помните, как иступлённый бурно вспыхнувшим пламенем ревности и настоящим безумием страсти, так же как непосильными долгами – особенно в последние годы жизни, Пушкин, погибая в дворцовых великосветских оковах, хочет вырваться в глушь? – «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню!» – Но эти порывы остаются бессильны, к сожалению, и он спасается в творчестве, находя убежище «пророка» в поэте, – вещун... не в состоянии прорвать окружающую его цепь заимодавцев, выдающий «на три аршина под землёю».

Этим моментом я и хотел воспользоваться, полермонтовски вылив «усмирительный елей» на бунтующие пушкинские волны, – куда конь с копытом, туда и рак с клешней, – и постараться упростить, приземлить, что ли, повествование, забыв на миг о трагедийном конце, – представив аллегорически, как Александр Сергеевич скидывает фрак, натягивает гипотетические джинсы, плюнув на грибоедовских «тузов, живущих и умирающих в Москве», и сматывается в деревню: «Эван, эвое, дайте чаши!» – день-два отдыха – и, под расслабленное шумом зимнего леса настроение, я подготовил (выудив из архива) пару другую смешных и забавных, как лыко в строку, с налётом горечи и грусти историй – где «кружок бутылоч

тесен», и ванна из шампанского лишь присказка... – историй про пушкинское долговое головотяпство, замешанное на распушенности русского барства, заём-перезаём денег у сомнительных людей в счёт чего-то написанного «потом», про длиннющие «фармазонские» ногти – символ гениальности; марциальную привычку наступать всем кряду на ноги (специально?!) во время начавшегося спектакля, стрельбу в постели голышом, «любовные болезни», страсть к женским ножкам маленького размера, Бендерскую секту с ужасами оскотления, про карточное шулерство, африканский темперамент в стихийном желании разобраться с недругами пистолетной пальбой, про опускавшиеся руки в бессилии создать тёплый семейный очаг – полную чашу... Как карамазовский чёрт хочет обернуться в толстую семипудовую купчиху, так задумалось и мне перевоплотить Александра Сергеевича в простого рубаху-парня – но, знаете ли, что-то внезапно расхотелось опрощать начатый очерк джинсовой повседневности, пусть и с налётом мнимой читательской привлекательности; показалось это уж совсем пустым, невозможным даже и намёком на гипотетичность, и... вычеркнул – как вымарывал П. всякие «слиони» (по Горчакову) да «матершину французскую и отечественную» из «Бориса» – правда, жалел потом об этом – дабы не превратить чистый жемчуг в поддельные «восковые бусы» (по Катенину), – да я бы и не смог...

А название решил оставить – вдруг сын-девятник оторвётся от весело палящих друг в друга огнёмётами супергероев – из пресловутой «Call of Duty» – и, привлечённый броским названием статьи, откроет для себя что-то потрясающе новое. «Засыпать с чувством, что за день я сделал какую-нибудь потрясающую вещь – вот что меня интересует. – И может быть, заденут у современных детей «Ромеоовскую» струнку, привязанную к самым глубинным нашим первоосновам, истокам, «вечным спутникам» – Пушкину, Пришвину, Толстому, Достоевскому, – слова недавно ушедшего в безмерное Море «пожирательницы людей» кумира поколения «пехт» (да и моего совкового поколения «before» тоже), создавшего философию гениальной хайтек-«простоты», Стива Джобса: – Мне безразлично, господа, буду ли я самым богатым человеком на кладбище».

Ну, что ж? – убит! («Онегин»)

P.S.

Хотелось бы добавить в заключение словцо... О Пушкине можно думать и писать бесконечно, находя бесчисленные материалы и интерпретируя их по своему разумению или, в крайнем случае, по недоразумению «сюжетных ожиданий», как

выразился сам А.С., – недоразумению, не всегда становящемуся «распутанным» (Лернер); ясно одно, «je le fais en toute sureté de conscience au nom et de la part du défunt»⁹: уж как не наедайся ты своей полбы – никак не изъять и не вырвать из нас этого треклятого «бедства»: Золотого Века русской литературы, неиссякаемого и дрящущегося до сих пор, да-да! – до сих пор, благодаря решительному неприятию Пушкиным дешёвого фрондёрства и, к печальной жалости, неоскудевающей «бездны соединения зол, мучений и страданий».

...о, старец – Море. (Лерм.)

Примечания

1 Из приписки к стихотворению «Пора, мой друг, пора».

2 Вообще, в пренеприятных столкновениях, со стрельбой и без неё, П. участвовал неоднократно: с В.А.Сологубом, Н.Г.Репниным, с московским знакомцем С.С.Хлюстиным, полковником Старовым в Кишинёве и т.д. «Я был один. Врага я видел в каждом...» – Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах. (Кстати, и через 30 лет после дуэли с П. п-к Старов корил себя за «капитальную глупость», кот. он сделал в своей жизни, стрелявшись с гением.)

3 Из завершающей, не очень известной широкой публике части письма Жуковского к С.Л.Пушкину, легшего в основу статьи Ж. «Последние минуты Пушкина»; копия этого письма была найдена в «парижских тетрадах» (с материалами о дуэли и смерти П.) известного собирателя и знатока национальных русских ценностей Александра Яковлевича Полонского.

4 Воззвание благоразумного разбойника, возопившего ко Христу на кресте (Евангелие от Луки, 23, 42).

5 Из «Размышлений о божественной литургии» (1845), не вошедших в академическое Полное собрание сочинений Гоголя.

6 Эпитафия на смерть первенца декабристов Волконских. М.Н.Волконская (утаённая любовь П.) – связующее звено между Пушкиным и декабристами.

7 Эпиграф к утерянному стихотворению: «Имя ваше – легион, так как вас несколько. 16 июня ст. стилия 1834. С-Петербург. А.Пушкин».

8 К вящей славе (лат.).

9 (Фр.): «Я со спокойной совестью говорю от имени покойного» (из воспоминаний близкого друга П. «Фальстафа» –

Соболевского).

Леонид Столович

Структурализм с человеческим лицом

Воспоминания о Юрии Михайловиче
Лотмане

Юрием Михайловичем Лотманом я познакомился по приезду в Тарту в 1953 г., хотя еще в Ленинграде слышал об очень талантливом человеке, который после окончания филологического факультета ЛГУ уехал в этот университетский город. У нас оказались общие знакомые, знавшие его по факультету, и от них я получил рекомендательное письмо для знакомства.

Жену Юрия Михайловича – *Зару Григорьевну Минц* я знал еще с 1949 года, так как новый, 1950 год, мы встречали в одной компании, в доме сокурсницы моего школьного друга *Яши Любарского – Норы Тронской*. На самом деле Нора, как и ее отец, известный архитектор *Ной Абрамович*, была *Троцкая*, но носители этой троцкистской фамилии – среди них был и автор «Истории античной литературы И.М. Тронский – вынуждены были маскироваться под фамилией «Тронский». Почти всю новогоднюю ночь мы с Зарой проспорили по проблеме типологии литературы: правомерны ли такие понятия, объединяющие писателей и их произведения, как «классицизм», «романтизм», «реализм». Я уже сейчас точно не помню, что кто отстаивал, но спор был азартный. И потом мы часто любили спорить, притом, вполне дружелюбно. Юрий Михайлович подшучивал над этими спорами и остроумно их пародировал, показывая, как Зара и я, в очередном споре прогуливались на улице под окном комнаты, в которой они жили, и где находился полугодовой их первенец Миша, и поочередно выкрикивали: «Гегель!», «Чернышевский!». Поэтому мы с Зарой сразу перешли на «ты». С Юрием же Михайловичем так и остались на «Вы», но он часто звал меня просто «Лёней» (в

именном указателе к «Письмам» Ю.М. Лотмана (М.: «Языки русской культуры», 1997) дано пояснение: «Ленька, Леня – см. Столович Л.Н.»).

Мир тесен! Позже я узнал, что моя двоюродная сестра (дочь сестры моей матери) *Лидия Наумовна Авербух* дружила с сестрой Юрия Михайловича – Викторией Михайловной, училась с ней в медицинском институте, часто бывала в доме Лотманов и хорошо помнила умного Юрочку. Как-то я спросил Ю.М., помнит ли он Люсю Авербух (хотя она была Лидия, но звали ее обычно Люся). Ю.М. шуточно ответил: «Кто же не помнит Люсю Авербух?!» Но Виктория Михайловна хорошо помнила свою давнюю подругу и спрашивала о ее жизни.

Мои, смею сказать, дружеские отношения с семейством Лотман-Минц продолжались до самой кончины Зары в 1990 году и Юрия Михайловича в 1993-м. Я часто навещал их и с глубочайшей благодарностью вспоминаю их моральную (и не только!) поддержку в то время, когда я, снимая угол, читал лекции «по часовой оплате», не удостоенный чести быть устроенным на какую бы то ни было «штатную должность». Юрий Михайлович и Зара Григорьевна окончили Ленинградский университет на два года раньше меня. Это им позволило получить работу в Тартуском Учительском институте, притом, что родной их город на Неве был для них закрыт. Я же, приехавший в Тарту во время начавшегося «дела врачей», не мог устроиться даже на должность лаборанта. Все личные и государственные праздники мы проводили вместе. Сколько было сказано–пересказано друг другу! Сколько было шуток и подшучиваний друг над другом! Именно «другом», а не кем-либо другим.

Юрий Михайлович Лотман, которого коллеги звали *ЮрМих'ом*, стал легендарной личностью задолго до своей кончины. Сейчас его имя можно встретить не только в научной литературе, в которой он признан классиком. Оно не только стало предметом для академических ссылок, заменяя, подчас, ссылки на «классиков марксизма-ленинизма», но проникло в романы, стихи и, конечно же, в публицистику и эссеистику.

Эта легендарность, при всей ее значимости и справедливости, таит в себе одну опасность: человек-миф утрачивает живые человеческие черты. Этой метаморфозе я посвятил двестише

Всех филологов затмив,
Был ЮрМих, а стал ЮрМиф.

Но Юрий Михайлович обладал живой человечностью в высшей степени. Может быть, особенно это проявлялось в его отношении к юмору.

Юмор и остроумие

Он был необычайно остроумным человеком. Его остроумие было органичным, оно прорывалось в различных ситуациях, подчас отнюдь не веселых. Но, как однажды заметил Зиновий Паперный, это не правда, что юмор нам помогает жить. Юмор помогает *выжить*. Помогал он в этом и Лотману. Вместе с тем, в его юморе был заряд удивительного чувства жизни и критического отношения к тому, что этого заслуживает.

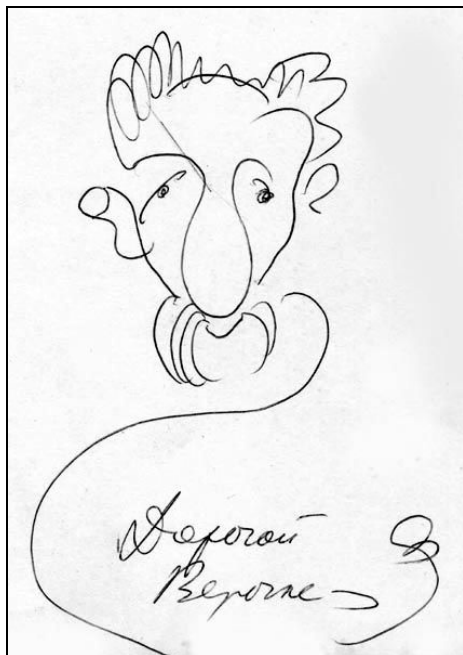
Юрий Лотман. Автошарж. Рисунок из архива Л.Н. Столовича

Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича четыре десятилетия и среди того, что сохранилось в памяти, имеется несколько эпизодов, которые высвечивают его и без того светлую личность с необычной стороны. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он бы не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутливо. В его талантливых рисунках преобладают автошаржи¹.

---

¹ Многие рисунки Ю.М. Лотмана воспроизведены в Интернете:
<http://www.ruthenia.ru/lotman/draw/>

Однажды, придя к нему, я увидел иронический автопортрет, изображенный... повешенным на веревке, другой конец которой был прикреплен через перекладину к большой плите. И надпись: «Повесился на Блоке». Крупнейшая специалистка по творчеству Блока незабвенная Зара Григорьевна Минц, жена Юрия Михайловича, озорно улыбаясь, разводила руками...

Автошарж на оборотной стороне фотографии, подаренной Вере Столович

«Вопросы философии»

1956 год. Юрий Михайлович послал в журнал «Вопросы философии» статью о Радищеве. Я тоже в этот же журнал послал свою статью. Когда мы встречались, то обменивались информацией, пришел ли ответ из редакции. Его долго не было. Однажды ЮрМих меня утешил:

– Это же *вопросы* философии, а не *ответы*!

Процесс есть процесс

1966 год. «Оттепель» сменили заморозки. В Москве судят писателей Синявского и Даниэля. До Тарту волна пока не

докатилась. Летом благополучно состоялась вторая «летняя школа» по семиотике. Но новая у нас отрасль знания начинает вызывать повышенный интерес у литературоведческих ортодоксов: появляется новый идеологический противник. Однако прежнего единодушия нет. И среди филологов, и даже философов немало тех, кто сочувствует методологическим поискам «Тартуской школы». Меня пригласили оппонировать в Ленинградском университете философскую диссертацию «Художественный образ как процесс», в которой автор солидаризируется со взглядами Ю.М.Лотмана на знаковую природу искусства. Рассказываю об этом Юрию Михайловичу.

– Как называется диссертация? – Спрашивает он.

– «Художественный образ как процесс».

– Это что, о Синявском?

Пророческая шутка

Конец 60-х гг. Мой минский коллега Н.И. Крюковский прислал мне свои тезисы о системе эстетических категорий и просил показать их Ю.М. Лотману. И вот я иду к Юрию Михайловичу за ответом и застаю его гостей – Бориса Андреевича Успенского и Александра Моисеевича Пятигорского. Хозяин и гости собирались выйти в город. Идем мы по улице Кастаны, и я спрашиваю Юрия Михайловича о переданных ему тезисах.

– Прошу меня простить, – говорит Юрий Михайлович, – но я их куда-то задевал. Все чего-то пропадает.

– Не беспокойтесь, Леонид Наумович! – утешает меня Успенский. – Я посмотрю у себя. Когда Юрий Михайлович посылает мне письмо, он обычно вкладывает в конверт все, что лежит у него под рукой.

Юрий Михайлович виновато-хитровато усмехается в усы и замечает:

– Такой, знаете, беспорядок! Не знаешь, что и где лежит. Надо наверно попросить произвести обыск!

Все весело засмеялись и согласились, что без обыска не найти нужные бумаги...

Но через некоторое время обыск на квартире у Лотмана действительно состоялся.

«Нашел пятак...»

Лето 1972 г., поселок Валгеметса. Я приехал из Тарту и привез свежий номер «Литературной газеты». В этом номере от 9 августа 1972 г. было напечатано «открытое письмо» верноподданного партийного публициста Александра Кривицкого в западно-германскую газету «Дер Тагесшпигель», в котором

гневно разоблачаются утверждения немецкого журналиста Вольфганга Крауса о том, что в Советском Союзе нет свободы слова и мысли. В качестве примера такой «свободы» Кривицкий приводит серию ученых записок Тартуского университета под общим названием «Труды по знаковым системам». Эта информация явно предназначалась «на экспорт»: вот де какая у нас свобода, публикуем работы и по семиотике, хотя «здесь многое еще спорно, далеко не все убедительно в равной мере». Кривицкий, разумеется, умалчивает, что по поводу зарубежных и отечественных структурно-семиотических исследований уже прозвучали руководящие окрики, появились разоблачительные статьи в столичных журналах, что каждая публикация стоит невероятных усилий, а в Тарту существовал далеко не типичный для всей страны оазис, на который после 1970 г. тоже надвигалась пустыня.

Спешу поделиться с Юрием Михайловичем, который в это время был в Валгеметса, публикацией в «Литературной газете». Он слушал напряженно, ожидая очередной удар по семиотике. Но когда узнал, что на этот раз его не поносят, а Кривицкий даже приводит «Труды по знаковым системам» в качестве положительного примера, брезгливо бросил:

– Фу, нашел пятак в говне!

Где место санитарного врача?

В середине 70-х годов по Москве поползли слухи, что Ю.М. Лотман собирается эмигрировать за границу. Такого рода разговоры, запускаемые официальными и неофициальными недоброжелателями, помогали ужесточить обстановку вокруг подозреваемого в «измене родине», ибо только так официально рассматривалось намерение уехать на Запад или Ближний Восток. Намеренно распускаемые слухи, даже если они были «дымом» без «огня», приносили немало вреда: мешали публикациям книг и статей, зарубежным поездкам, создавали соответствующую «репутацию» и т. п. (В Эстонии была популярна формула: «Ходят шлюхи»). Юрий Михайлович уже давно был «невъездной» и многочисленные приглашения на зарубежные поездки складывал в папку с надписью: «Письма к русскому путешественнику». Слух в отношении эмиграции Лотмана казался тем более правдоподобным, что немало активных участников тартуских «школ» и конференций уже находилось за рубежом. Приехавший в Тарту литературовед и культуролог Георгий Гачев, когда мы с ним пришли навестить Юрия Михайловича, решил проверить

достоверность этих слухов и задал вопрос, что называется, «в лоб»:

– Юрий Михайлович, Вы не собираетесь уехать?

Ответ на него прозвучал такой:

– Видите ли, Георгий Дмитриевич, я занимаюсь русской культурой и мое место здесь. Место санитарного врача в бараке. Там, среди клумб, может оно и приятней, но место – в бараке.

И как бы обосновывая свое понимание долга, Юрий Михайлович обратился к примеру из армейской жизни, памятной ему со времени Отечественной войны:

– Вот поставили часового у склада, и он должен стоять. Что на складе, неважно. Может быть снаряды. Может быть говно. Но раз поставили, значит нужно стоять.

Кстати, в конце войны Юрий Михайлович был поставлен охранять военнопленного немецкого офицера, как оказалось, аристократа. И этот офицер-аристократ был потрясен тем, что охраняющий его простой молодой солдат читал французскую книжку. Дело в том, что этот молодой солдат, чтоб не терять время, учил французский язык. Немецкий он уже знал, так как учился в Ленинграде в немецкой школе, так называемой Peter-Schule

Немецкая и русская бюрократия

Как-то, не помню уже по какому поводу, Юрий Михайлович задался вопросом: «В чем состоит отличие между немецкой и русской бюрократией?» и следующим образом ответил на него.

– В Германии приказ, данный сверху, идет вниз до последней инстанции, которая его исполняет. В России же ниспосланный сверху приказ спускается вниз, доходит до последней инстанции, а инстанция идет к бабе. – И помолчав добавил:

– Может в этом наше спасение.

Почему Наполеон не мог стать русским царем

Однажды Юрия Михайловича спросили, мог ли Наполеон стать русским царем, если бы стал победителем в войне 1812 года.

– Ни в коем случае. Ведь он был француз. А русскими царями могли быть только немцы.

«А тикать я буду сам!»

Юрий Михайлович был остроумно наблюдательным. В простых житейских фактах он подмечал не просто забавное, но имеющее смысл, выходящий за пределы факта. В разговоре, на лекциях и даже в докладах он вспоминал эти житейские истории,

оживляя свою речь и проясняя подчас сугубо научную проблему. Так, выступая в 60-е годы на одном из симпозиумов по комплексному изучению художественного творчества, он вспомнил, как один из его сыновей нарисовал часы, и на вопрос отца: «А как они будут тикать?» ответил: «А тикать я буду сам!»

В Интернете опубликована подборка забавных ситуаций, анекдотических случаев, связанных с Ю.М. Лотманом, а также его находчиво-остроумные высказывания².

Юрий Михайлович не был «испытанным остряком», говоря словами А. Блока. Но, будучи творческой натурой, он думал и говорил образно. Как-то мы встретились после того, как долго не виделись. «Да Вы совсем не изменились», – сказал я ему. «И Вы, Лёня, тоже», – ответил он. А потом добавил: «Вы знаете, нам кажется, что мы не изменяемся, как кажется пассажирам идущих параллельно поездов, что они никуда не движутся».

Вспоминаю, как Юрий Михайлович говорил мне в начале 60-х годов, когда в бурной эстетической дискуссии в меня летело много критических стрел: «Что-то у нас критика стала какая-то неэффективная. Вот Вас критикуют, а Вы всё ещё существуете. Вот раньше покритикуют человека, глядишь, а его уже нет».

Юрий Михайлович при всей своей научной академичности был человеком необычайно живым, я бы даже сказал, озорным. Как-то он с удовольствием читал такое четверостишие:

Сидит мальчонка у пруда,
девчонку обнимает,
вот это жизнь, вот это – да,
вот это – я понимаю.

Не могу сказать, чей стишок сохранила его память. В ней было необъятное количество поэтических произведений. Может быть, это он сочинил сам. Так же, как Ю.М. рисовал при каждом удобном случае многочисленные рисунки, он сочинял шуточные стихи, которые тоже разбрасывал, как и свои рисунки.

На философских семинарах, которые проводились на кафедре русской литературы во второй половине 50-х годов, Ю.М. непрерывно рисовал, и я сохранил несколько его рисунков, в том

---

² *Амелин Григорий*. Анекдоты из жизни Ю.М.Лотмана // <http://www.sem40.ru/famous2/m1502.shtml>
Плуцер-Сарно Алексей. Седой шалун // http://www.litera.ru/slova/gorny/tpk/plitser_shalun.html

числе его изображения автора этих строк. Вот одно из них:

Хорошо, если кто-нибудь сохранил в памяти или, еще лучше, записал стихотворные экспромты Ю.М. В посвященном Лотману номере журнала «Вышгород» воспроизведено несколько его шуточных стихотворений, некоторые даже иллюстрируются его рисунками³.

На мой первый юбилей я получил от Ю.М. цветную фотографию Царкосельской скульптуры-фонтана «Молочница» с таким его посвящением:

Дражайшему Леониду Наумовичу –
Вместо запоздалого поздравления к 50-летию

Стихи к царкосельской «Молочнице»

Дева несла молоко, водою его разбавляя,
Но уронила кувшин. Что ж потекло из него?
Диво! Не сякнет вода, молоко же давно уж иссякло...
Если угодно мораль – можешь сходить в магазин.
Млеко мыслей своих ты носи лишь в железном

бидоне

И разбавляй не водой, а водкой за дружным столом.
Деву же ты приспособь к производству молочных

продуктов –

---

³ См. «Вышгород», Таллинн, 1998, № 3. С. 154, 155, 156, 169, 170.

Тут источник воды будет уместен вполне.

Ю.М. Лотман был не только остроумным человеком. Он глубоко понимал природу комического, в частности, в анекдоте, да и сам феномен анекдота. Об этом он писал в своих письмах от 10 мая и в июне 1991 г. М.В. Колокольниковой – дочери своей сокурсницы-друга Ф.С. Сонкиной⁴. Эти заметки могли бы быть, как справедливо отмечает Б.Ф. Егоров в комментарии к этой переписке, «конспектом большой статьи или даже монографии об анекдоте», тем более что Ю.М. раньше теорией анекдота не занимался⁵. Рассуждения Ю.М. Лотмана о природе комического и анекдота – проявление его необычайной способности к теоретическому осмыслению огромного эмпирического материала. Но эта его способность зрела и развивалась на протяжении становления его творческой деятельности.

Отношение к теории

В наших отношениях ни разу не было ни одной ссоры или серьезной размолвки, но наши поиски истины шли в разных направлениях. Я как философ по образованию стремился, прежде всего, *теоретически* осмыслить художественный материал. Сейчас я хорошо понимаю, что это было излишне самонадеянно, тем более с тем методологическим багажом, которым наградил меня университет им. А.А. Жданова. Но в то время я был одержим разрабатываемой мной тогда концепцией эстетического отношения, которая после моей диссертации «Некоторые вопросы эстетической природы искусства» (1955) и статьи «Об эстетических свойствах действительности» («Вопросы философии», 1956, № 4) вызвала неожиданно для меня самого огромную дискуссию об эстетическом. Об этой дискуссии я писал в очерке «Начало дискуссии об эстетическом. Исповедь “общественника”», опубликованном в моей книге «Философия. Эстетика. Смех» (С.-Петербург – Тарту, 1999, с. 109-178).

Юрий Михайлович же до начала 60-х годов, когда он открыл для себя семиотику, с пренебрежением относился к теории и вообще к философии. Он говаривал, что профессиональный философ – «едок приправ, а приправа должна подаваться к основному блюду». Наверно, понятным основанием для такого отношения было воистину жалкое состояние советской

---

⁴ Лотман Ю.М. Письма. 1940-1993. – М.: «Языки русской культуры», 1997, с. 459, 460-462.

⁵ Там же, с. 451.

философии, пережевывающей марксистско-ленинскую жвачку. Только позже он узнал, что в самой советской философии в послесталинское время вызревали новые недогматические тенденции. Уважительно Ю.М. воспринимал тогда только историю философии как часть истории культуры. Ею он не только интересовался, но и творчески занимался, исследуя мировоззрение просветителей XVIII – начала XIX века, особенно Радищева и Руссо. Но основная сфера тогдашних изучений и исследований Ю.М. – живая история литературы и культуры прошлого и позапрошлого (с точки зрения XX столетия) веков. Он попытался меня склонить к чисто историческому подходу к самой философии, предложив мне тему диссертации, когда я решал, чем непосредственно заняться, по малоисследованным воззрениям русского шеллингянца М.Г. Павлова. Но я тогда твердо решил «идти путем другим» и Ю.М. в этом плане, как говорится, махнул на меня рукой, продолжая по-прежнему дружески ко мне относиться.

Ю. Лотман и Л. Столович. Вторая половина 50-х годов

Мне всегда было очень интересно то, чем занимался Ю.М. Он дарил мне с теплыми надписями оттки все своих публикаций и я их читал с большой пользой для себя. Преимущественный интерес к теории для меня, разумеется, не исключал изучения истории. Я написал несколько историко-эстетических работ, к которым Ю.М. отнесся одобрительно и даже рекомендовал своим коллегам. Когда же Ю.М., еще недавний отвергатель теорий, сам начал осенью 1960 года читать *теоретический* курс по структуральной поэтике, из которого затем

возникла его ставшая знаменитой книга «Лекции по структуральной поэтике. Вып. I (Введение, теория стиха)», составившая первый том прославленных «Трудов по знаковым системам»), я не пропускал ни одной лекции. 26 сентября 1960 года Ю.М. писал своему ближайшему другу *Борису Федоровичу Егорову*: «Я здесь барахтаюсь во взбаламученном море органических остатков, но читаю курс “Теории”, где крою напролом. Ленька и Зара ходят на каждую лекцию (хвала Ленькиной незлобивости, я бы ни за что не ходил!), Зара все стенографирует – переверну науку!»⁶.

Когда же Ю.М. приступил к написанию «Лекций по структуральной поэтике», он почувствовал себя дискомфортно, так как должен был вступать на теоретическую стезю, которую сам не жаловал и которая ассоциировалась со мной как ее ближайшим олицетворением. 30 августа 1961 года он сообщает Борису Федоровичу: «Мотаюсь, волнуясь, а книгу пишу – пахнет Столовичем за десять верст, аж самому смéшно»⁷. К этому месту *Б.Ф. Егоров* как составитель и комментатор подготовленного текста писем Ю.М., делает следующее примечание: «Ю.М. с долей иронии относился не только к Л.Н. Столовичу, но и ко всем нашим философам, считая, что они слишком теоретизируют, игнорируя конкретные факты. А в эти месяцы Ю.М. сам начал свою первую теоретическую книгу, обозначенную как 1 том новой серии ТГУ “Труды по знаковым системам”: “Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. Введение, теория стиха” (книга вышла в 1964 г.)». Эту книгу, пахнувшую «Столовичем за десять верст», Ю.М. подарил мне с надписью:

Дорогому Леониду Наумовичу Столовичу от сердечно его уважающего

Ю. Лотмана –
Тарту
30.XI.64.

За многие годы, прошедшие с тех пор, многое изменилось, но не менялось благорасположение ко мне Ю.М., как и мое глубочайшее уважение и дружеская симпатия к нему. Я старался, чем был способен, помогать ему и тому возглавляемому им направлению в семиотике, которое получило наименование «Тартуская школа» (позже ее называли «Тартуско-Московская школа» или даже «Московско-Тартуская школа»). Он приглашал меня на все конференции, семинары, а также летние школы по так

---

⁶ Там же. С. 172.

⁷ Там же. С. 132.

называемым «Вторичным моделирующим системам», порой даже доверял вести отдельные заседания. По его просьбе я написал рецензию на 2-ой, уже коллективный, том «Трудов по знаковым системам». Когда же эту рецензию, посланную в «Вопросы философии», журнал не опубликовал, я переслал ее в парижский журнал «Revue d'Esthétique» (1969, N. 1, p. 102-106), который ее напечатал под названием: «Les recherches sémiologiques et l'esthétique». На испанском языке она вышла в свет в журнале «Santiago (Santiago de Cuba)», 1972, No. 6, p. 246–254. Своей «внутренней» рецензией я помог выходу в свет в 1970 году в издательстве «Искусство» книги *Л.Ф. Жегина* «Язык живописного произведения (Условность древнего искусства)» с большим предисловием и комментариями *Бориса Андреевича Успенского* – близкого друга и соавтора целого ряда трудов Ю.М. Само собой, ни одну просьбу Ю.М. я не оставлял без внимания, о чем он писал, например, 28 июля 1969 года *Борису Андреевичу*⁸.

Вспоминается в этой связи такой эпизод. После того, как я в 1966 году стал единственным в Эстонии доктором философских наук, меня назначили Председателем экспертной комиссии по общественным наукам. Деятельность этой комиссии была чисто формальной, так как экспертные комиссии были призваны охранять государственные секреты, которых в области общественных наук вроде бы не было. Но наша комиссия должна была давать свое заключение на пересылку научных работ для зарубежной публикации. И в этом плане особых проблем не было. Но вот однажды, в конце 60-х годов, меня вызывает проректор по научной работе университета и от лица ректората требует объяснения, на каком-то основании я поставил свою подпись под актом экспертизы, разрешающем посылку в Италию статьи Ю.М. Лотмана «Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI-XIX веков». «Статья Лотмана, – говорю я, – не разглашает никаких государственных тайн». «Но на нее есть резко отрицательный отзыв в Таллинне». Прошу показать мне этот отзыв. Мне дают многостраничный идеологический донос на Лотмана, явно инспирированный ЦК партии Эстонии, автор которого засекречен. Своей некомпетентностью и просто безграмотностью этот «отзыв» вызывает у меня только усмешку. Проректор, сам по себе человек порядочный, просит меня написать объяснительную записку тогдашнему ректору – А.В. Коопу. беру бумагу и пишу: «Еще раз подтверждаю свою подпись под актом экспертизы статьи Ю.М. Лотмана». Моя строптивость

---

⁸ См. там же. С. 500.

последствий не имела, но статью послать за границу ректорат не разрешил. Ю.М. опубликовал эту статью в 1-ом выпуске своего ротاپринтного сборника «Статьи по типологии культуры», изданного в 1970 году. Такая публикация позволяла печатать статью за границей без какого-либо разрешения. Я получил в подарок этот сборник с надписью на титуле:

Дорогому соратнику и союзнику Леониду Наумовичу
Столовичу с любовью

Ю.Лотман
8.VI.70.

Со своей стороны Ю.М. и мне помогал, чем мог. 29 марта 1975 г. Он написал на французском языке рекомендацию для издания моих работ за границей, а в 1992 г. он дал рекомендацию для моей поездки на XII Международный конгресс по эстетике в Мадриде.

При этом наши теоретические воззрения были близкими, но не тождественными. Ю.М. и его единомышленники видели в семиотике единственное средство для научного осмысления гуманитарного знания. Лотман рассматривал семиотику как *научную дисциплину*, объект которой он, вслед за Ф. Соссюром, определял в качестве сферы «знакового общения». Притом, он проводил различие между семиотикой как *наукой* и как *методом* гуманитарных наук, справедливо полагая, что «один и тот же научный объект допускает и семиотический и несемиотический подход». Разумеется, для Ю.М., еще до 60-х годов, до перехода в семиотическую «веру», получившего репутацию серьезнейшего исследователя своими конкретно-историческими трудами, это было очевидно. Но в то же время, исходя из своего опыта, он отмечает в связи с семиотикой «своеобразие научной психологии исследователя», в силу которой «все, привлекающее внимание исследователя-семиотика, семиотизируется в его руках»⁹.

Мне были чрезвычайно интересны семиотические исследования, проводившиеся «Тартуской», или «Тартуско-Московской» школой. Но у меня были претензии к нашим семиотикам и в связи с тем, что они, по крайней мере, на первых порах, в своей теории продолжали пренебрегать философией, позитивистски подменяя ее семиотикой, игнорируя, по словам А.Ф. Лосева, «философский анализ предмета»¹⁰. Однажды во

---

⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 5-6.

¹⁰ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.:

время одной из конференций по семиотике, организованной Ю.М. Лотманом в 1972 (или в 1973 г.), я в своем выступлении выразил пожелание, чтобы семиотики обратились к философии в утверждении основ своей области знания. Притом, я подчеркнул, что речь не идет о марксистской философии, но о философии, имеющей вековые традиции и богатую современную историю. Не скажу, что все участники конференции отнеслись к моему призыву благосклонно. Но во время перерыва ко мне подошел замечательный лингвист и мыслитель *Исаак Иосифович Ревзин* и подарил мне оттиск своей статьи «К соотношению структурного и системного подходов в современной лингвистике», опубликованной в ежегоднике «Системные исследования» за 1972 г. (М.: издательство «Наука», 1972) с такой надписью:

Глубокоуважаемому Леониду Наумовичу Столовичу с благодарностью за его выступление.

Правда, семиотики в их отношении к философии проделали определенную эволюцию и стали выходить на философские рубежи.

Ю.М. Лотман и А.Ф. Лосев

Эти два имени нередко сближают, правда, по разным основаниям. В конце 80-х годов я в одном из зарубежных русских журналов прочел стихи не известного мне тогда поэта Тимура Кибирова:

Лотман, Лотман, Лосев, Лосев
де Соссюр и Леви-Стросс!

Дальше следовало неприличное слово¹¹. Я поделился с Юрием Михайловичем своим открытием, настояв на том, чтобы две его внучки были удалены из комнаты. Он посмеялся. Его неприличные слова не смущали.

Лосева и Лотмана объективно сближала необычайная популярность в интеллигентской среде. И тот и другой уже при жизни своей (правда, уже в конце ее) стали, что называется «живыми классиками». Их книги расхватывались, едва поступив в продажу. Но после их кончины (Лосева в 1988 г., Лотмана в 1993) популярность их только возросла. Стали издаваться ранее не публиковавшиеся рукописи и переиздаваться прежние труды в небольших и увесистых томах. Казалось, что авторы их находятся среди нас. Это походило на чудо. Поэт, писатель и философ В.Б. Микушевич, видимо, наблюдая этот феномен, главного героя

Издательство Московского университета, 1982. С. 243

¹¹ См. *Кибиров Тимур*. Сантименты. Восемь книг. – Белгород: издательство «Риск», 1994. С. 177.

своего романа «Воскресение в Третьем Риме» философа Платона Чудотворцева, прототипом которого во многом стал Лосев, наделил даром бессмертия.

Конечно же, сфера научного творчества двух выдающихся ученых была разная: Лосев был философ и классический филолог, Лотман – историк русской литературы и культуры XVIII-XX веков, семиотик и культуролог. Но интересы их, несомненно, пересекались. Они знали друг о друге и проявляли интерес к творчеству друг друга. Я бы даже сказал, что это взаимное внимание было небеспристрастным. А.Ф. Лосев написал статью «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа», посвященную анализу понятий «модель», «структура», «знак», используемых в «Трудах по знаковым системам» (I-VII, Тарту, 1964-1975).

Я имел уникальную возможность в течение 25 лет, смею сказать, дружески общаться с «последним классическим мыслителем», как именует А.Ф. Лосева писатель Вик. Ерофеев, и 40 лет со своим коллегой по Тартускому университету Ю.М. Лотманом. В некоторой мере я был посредником между ними. Я посылал Алексею Федоровичу выпуски знаменитых «Трудов по знаковым системам» («Семиотика»), которые издавались в Тартуском университете под редакцией Ю.М. Лотмана и с публикацией его многих работ. Это и позволило А.Ф. Лосеву написать статью «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа»¹².

В семиотических кругах статья А.Ф. Лосева была воспринята болезненно. Для этого были психологические основания. Ведь труды тартуских, московских, ленинградских семиотиков, объединенных «Трудами по знаковым системам», в то время подвергались официозной критике. На семиотический подход шла массированная атака со стороны ряда литературоведов, включавшая в себя методологические и идеологические обвинения в структурализме, субъективизме, формализме. И в этих условиях любое критическое замечание воспринималось многими семиотиками как огонь, ведущийся с другой стороны баррикады. Но ведь А.Ф. Лосев как раз и показывает полную обоснованность подобных обвинений. Он

---

¹² Лосев А.Ф. Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа // Языковая практика и теория языка, вып. 2., 1978. С. 3-26. Статья перепечатана в кн.: Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Издательство Московского университета, 1982. С. 220-245.

отмечает, что «многие литературоведы чересчур поспешно снижают значимость тартуских исследователей и не хотят учитывать того большого вклада в науку, который в них содержится»¹³.

Однако автор статьи полагает, что «некоторое впечатление негативности от этих семи томов (имеются в виду I-VII тома «Трудов по знаковым системам».– Л.С.) получается в результате того, что здесь постоянно избегается философский анализ предмета»¹⁴. И несколько ранее: «При таком составе авторов и при такой важной и малоизученной проблематике эти семь тартуских томов располагают большим материалом и большим богатством теоретических выводов, чем можно было бы ожидать от подобного издания, – конечно, испытывается насущная нужда в строгом логическом исследовании того, что понимается под моделью и структурой. Точный и критический анализ этих терминов или даже хотя бы только единообразный характер их понимания уже избавил бы тартуские исследования от методологической пестроты и терминологического разнобоя»¹⁵. Аналогичные пожелания связаны с необходимостью философского анализа понятия «знак».

Для более полного понимания отношения А.Ф. Лосева к семиотическим исследованиям, на мой взгляд, важно письмо, написанное 30 марта 1968 г. и адресованное автору этих строк. Вот его полный текст¹⁶:

«Дорогой Леонид Наумович!

Я очень жалею, что задержался с ответом к Вам. Но, к сожалению, для этого была более чем уважительная причина. Последний месяц я весьма недомогал, получивши большое нервное утомление и изнуряющую бессонницу после того, как сдал в печать несколько томов своих трудов. Сейчас как будто я начинаю чувствовать себя лучше, но все же своих институтских занятий я не прекращал. Меня чрезвычайно тронула Ваша отзывчивость, благодаря которой я довольно быстро получил сначала № 2 Вашей «Семиотики», а потом и № 3 – от издательства, как Вы об этом мне писали. Своей огромной незадачей я считаю то, что вовремя не успел приобрести № 1 с работой Ю.М. Лотмана. Конечно, о присылке Вами экземпляра, подаренного Вам самим

---

¹³ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. С. 243.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 234.

¹⁶ Впервые текст этого письма опубликован в моей статье «А.Ф. Лосев о семиотике в Тарту», опубликованной в 8-ом выпуске «Нового литературного обозрения» за 1994 год.

Ю.М. Лотманом, даже и говорить стыдно. Я могу только просить Вас при случае вспомнить об этом деле, и если представится какая-нибудь возможность, то осчастливить меня присылкой этого экземпляра¹⁷.

О научном направлении университета Тарту и, в частности, о деятельности Ю.М. Лотмана я слышал от своих учеников, которые бывали у Вас на конференциях. Однако то, что я прочитал в двух полученных томах «Семиотики», превзошло все мои ожидания. Я думаю, Вам небезызвестно, что в молодости, когда еще оставалась некоторая возможность печатать труды по эстетике символизма, я успел напечатать несколько больших книг из этой области как теоретического, так и историко-философского характера (напр., «Философия имени», М., 1927, «Диалектика художественной формы», М., 1927, «Очерки античного символизма и мифологии», т. 1. М., 1930, «Диалектика мифа», М., 1930, «Античный космос и современная наука», М., 1927 и др.). В этих работах я тоже пытался представить в логически обработанном виде разные восприятия пространства и времени, все время неустанно борясь с кантианским дуализмом. В настоящее время, на старости лет, я могу только порадоваться, что тогдашние мои философско-эстетические концепции отнюдь не умерли, но, пережив страшную эпоху, вновь стали проявлять себя, хотя и в другом виде. С этой точки зрения меня удивляет тот факт, что Ваши тартуские товарищи, для которых интересна история семиотики, не нашли нужным хотя бы даже упомянуть о моих тогдашних многочисленных трудах, не говоря уже об их изложении или использовании. Кроме того, и в трудах последующего времени я неизменно проводил свои прежние подходы к науке, правда, ориентируя их уже совсем на иной почве. Всякий, кто читает, напр<имер>, мою работу об эстетической терминологии в ранней греческой литературе (1954 г.)¹⁸ или об истории античной эстетики (1963)¹⁹ и мн<огое> др<угое>, должен будет установить мое неизменное внимание к структурам, символам и знакам. От деятелей Вашего университета, вообще говоря, я резко отличаюсь только одним: я считаю совершенно

---

¹⁷ Этот том «Семиотики» позже был послан мною А.Ф. Лосеву.

¹⁸ Речь идет о статье А.Ф. Лосева «Эстетическая терминология ранней греческой литературы (эпос и лирика). – Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Т. LXXXIII, 1954.

¹⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). – М.: Высшая школа, 1963.

излишним нагромождение разного рода псевдоматематических формул в тех случаях, где они говорят не прямо о математической стороне предмета, а являются только внешней стенографией. Насколько я себе представляю, наши структуралисты и отвергают меня за это обстоятельство, в то время как против самого принципа структуры или знака я не только нигде ничего не говорил, но, наоборот, являюсь горячим сторонником структурных методик. Впрочем, в настоящее время все эти вопросы для меня почти безразличны; и проламывать какие-нибудь стены в этом отношении, как я это делал несколько десятков лет назад, я не испытываю ни малейшей потребности. А работой я и без того завален. До сих пор в Философской энциклопедии все еще никак не выработают окончательного текста моей статьи «Эстетика». Поэтому я до сих пор не знаю, что сделано с моими характеристиками Ваших работ по эстетике. Замечу, что с этой статьей спешили уже год назад и ставили мне разные сроки. А теперь вот и весь V том застопоривается на несколько лет²⁰.

Еще раз прошу принять от меня горячую благодарность за присланные книги и пожелать Вам процветания в Вашей деятельности, которую я глубоко ценю. Если Вы сочтете удобным передать мой привет Ю.М. Лотману и мою высокую оценку его работ, то прошу Вас это сделать, хотя лично с ним я не знаком. Прошу Вас навестить меня в Москве, если Вам случится здесь быть.

Глубоко преданный Вам

А. Лосев

30/III – 68 г.»

Небезынтересны высказывания А.Ф. Лосева о Лотмане, зафиксированные его «Эккерманом» – В.В. Библихиным: «Лотман – у него внушительная, интересная первая книга по семиотике. Его называют столпом формализма. Но там не формализм, а учение о форме; это не есть формализм» (запись 27.9.1971); «Структуралисты просто хотят разграничить слишком сложный, насыщенный процесс в реальном языке от чистого, логического. Столович, Лотман мои знакомые. Ко мне писал года полтора назад Лотман и даже просил участвовать в своем издании. В общем я тебе скажу, что их работы очень интересные, но я скажу и то, что они злоупотребляют внешностью, чертежами, названиями. Ну хотя бы такой термин, как “иррелевантный”».

Чистосердечно говоря, то, что они делают, полезно. И вот

---

²⁰ Пятый том «Философской энциклопедии», в котором напечатана статья А. Ф. Лосева «Эстетика», вышел в 1970 г.

пер вый среди них там Лотман, у него просто хорошая работа. И структурализмом он занимается в меру. Но всё-таки, особенно у других, много лишнего, вздора, пускания пыли в глаза. “Языкознание и математика”!..» (запись 9.2.1972)²¹.

В соответствии с тем, о чем написано в публикуемом письме, А.Ф. Лосев в своей статье «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа» обнаруживает в работах семиотиков отзвуки своих философско-эстетических концепций, «хотя и в другом виде». Он усматривает, в частности, в определениях Ю.М. Лотмана понятия знака размышления о том, что сам Лосев называет *смыслом*²², философская категория которого – одна из центральных в лосевских трудах 20-х годов. «То, что у исследуемых нами авторов называется знаком, часто весьма близко к тому, что можно было бы назвать выражением», — отмечает далее А.Ф. Лосев. Приведя понимание Ю.М. Лотманом знака как единства внутреннего и внешнего, он считает, что это близко к тому, что сам Лосев «называл во многих своих работах по эстетике *выражением*, или *выразительной формой*»²³. Притом А.Ф. Лосев в качестве примера ссылается на свою статью «Эстетика» в 5-м томе «Философской энциклопедии». Вероятно, по цензурным соображениям он не ссылается на свою книгу «Диалектика художественной формы» (М., 1927) (эта книга, как и другие книги А.Ф. Лосев 20-х годов находилась только спецхранах советских библиотек), в которой понятие выражение, или выразительная форма, является центральным.

Не беря на себя роль третьей стороны, кто более прав в этом «терминологическом расхождении» при общей направленности мысли, – семиотики или А.Ф. Лосев, я хотел бы отметить на основании письма, что поздний Лосев остался верен философско-методологическим принципам своей молодости при всей модификации его работ послесталинского периода, когда он получил возможность их публиковать.

Что касается отношения к Лосеву тартуских семиотиков и обоснованности его обиды на игнорирование его трудов, то я могу поделиться следующими соображениями. На мой взгляд, это связано с эволюцией отношения к философии в Тартуско-

---

²¹ Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. С. 113, 137.

²² Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. С. 235-236.

²³ Там же. С. 242.

Московской школе семиотики. В своих воспоминаниях о летних тартуских школах Ю.И. Левин, отмечая специальности ее участников, писал: «Между прочим, характерно отсутствие философов (появившиеся на школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг, а А. Пятигорский шел по индологическому ведомству, как и Л. Мьяль), – характерно в плане специфического отношения к философии у нашей интеллектуальной элиты, – что восходит как к традиционной слабости философской культуры в России, так и к упразднению философии в 1922-23 годах с заменой ее марксизмом. В результате даже не возникал вопрос о философской базе семиотических исследований (ср. ситуацию во Франции и Италии)»²⁴. Это очень точное наблюдение, характеризующее первый этап семиотического движения в Тарту–Кяэрику (Кяэрику – спортивная база Тартуского университета, в помещениях которой проводились семиотические школы и порой конференции). К философии и к философам существовало предубеждение. Помню восклицание Ю.И. Левина относительно автора этих строк: «Диаматчик, знающий Мандельштама?! Это невероятно!»

Но, обжегшись на воде, дули и на молоко. У интеллектуалов, занимавшихся конкретными исследованиями, возникла своего рода аллергия на всякую философию. Семиотика, открытая для себя этими интеллектуалами в 60-х годах, казалась единственно достойной внимания теорией. Как вспоминал А.М. Пятигорский, «у нас, в Москве и Тарту, метод фигурировал как своего рода “прикладная“ философия. Может быть, оттого, что на первых порах ни в какой другой философии не было особой нужды. При этом семиотика не имела и своей теории, теории как *рефлексии* над методологическими предпосылками»²⁵. Это признание одного из лидеров Тартуско-Московской школы полностью совпадает с упреком Лосева в том, что «здесь постоянно избегается философский анализ предмета».

Вместе с тем, нужно признать тот факт, что философы при всех ограничениях, связанных с их профессиональной деятельностью как преподавателей в советских вузах и НИИ, в отличие от многих литературоведов, не бросали камней в появившийся огород семиотики и, наученные постыдным опытом идеологической борьбы с генетикой и кибернетикой, относились в

---

²⁴ Левин Ю.И. «За здоровье ее величества!..» – «Новое литературное обозрение», № 3 (1993). М. С. 43.

²⁵ Пятигорский А.М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов. – «Новое литературное обозрение», № 3 (1993). С. 78

целом сочувственно к структуральным исследованиям в лингвистике и литературоведении, к возможностям семиотического подхода к различным сферам бытия и сознания. Разумеется, были индивидуальные различия в отношении к семиотике как среди литературоведов, так и среди философов.

Появление Ю.А. Левады – талантливейшего социолога, «Лекции по социологии» (1969) которого подверглись уничтожающей идеологической критике в Академии общественных наук при ЦК КПСС (Наум Коржавин писал тогда: «И на растоптанной Леваде пасутся жирные ослы»), – было не случайно на IV Летней школе в 1970 г. Что касается автора этих строк, то его участие почти на всех школах «по вторичным моделирующим системам» и семиотических конференциях было обусловлено не только причастностью к Тартускому университету. Мой интерес к обсуждению проблематики «вторичных моделирующих систем» и семиотики связан был с изучением возможности моделирования эстетического отношения и художественной деятельности, выражения ценностной природы красоты через словесно-знаковое обозначение категории прекрасного, с разработкой идеи семиотической структуры эстетической ценности и семиотического аспекта искусства²⁶.

Но для меня семиотический аспект культуры и, в частности искусства, не был универсальным и единственно-правомерным с научной точки зрения, а представлял собой важный, но *один из* столь же правомерных аспектов *системы*

---

²⁶ См. работы автора этого очерка: Опыт построения модели эстетического отношения // Ученые зап. Тартуского гос. Университета, вып. 124. Труды по философии, VI. – Tartu, 1962. С. 124—144; Die Hauptaspekte und Funktionen der Kunst. Zur Methode ihrer Erforschung // Proceedings of the VIIth International Congress of Aesthetics. Bucarest. 1972. I. – Bucarest, 1976, S. 695-698; Les recherches sémiologiques et l'esthétique [Рецензия на Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 181, Труды по знаковым системам, II, Тарту, 1965] // «Revue d'Esthétique» (Paris), 1969, Nr. 1, P. 102-106; Опыт построения модели художественной деятельности // Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 324, Труды по философии, XVII, Тарту 1974. С. 85-104; Ценностная природа категории прекрасного и этимология слов, обозначающих эту категорию // Проблема ценности в философии.– М.-Л., 1966. С. 65-80; L'etymologie du mot "beauté" et la nature de la catégorie du beau // «Revue d'esthétique», N. s. 1966, Nr. 3 –4. P. 243-257 и др.

культуры или искусства. Это и давало основание одному из активных участников летних семиотических школ *Ю.И. Левину* писать в своих воспоминаниях о том, что «появившиеся на летних школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг»²⁷. Разумеется, социолог Ю. Левада не собирался семиотикой подменить социологию, а Ваш покорный слуга не вписался «в семиотический круг» потому, что при всем глубочайшем уважении к семиотическим исследованиям и пониманию их важности отказывался видеть в семиотике универсальный метод решения всех теоретических проблем, будучи убежденным в ее необходимости, но в *системе* различных видов научного знания. *Семиосфера*, разработка понятия которой составляет одну из несомненных научных заслуг Ю.М. Лотмана, конечно же существует, однако не может покрыть собою все иные сферы – *ноосферу* (сферу разума), *аксиосферу* (сферу ценностей)²⁸, *пневматосферу* (гипотеза П.А. Флоренского о существовании «вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства»), не говоря уже об *атмосфере* и *биосфере*.

Однако, как бы первоначально ни дистанцировались семиотики от философии, она проникала в определенном виде и в их среду. «Поначалу в атмосфере наших собраний, — вспоминает А.М. Пятигорский, – витал дух позитивистов и Венского кружка; едва ли кто из нас серьезно считал это нашей или *своей* философией, но при этом какая-то связь идей московско-тартуской семиотики с идеями, скажем, Карнапа нами не только ощущалась, но и осознавалась». И далее: «влияние, прямое или косвенное, позитивизма чувствовалось сильнее, чем влияние выросшей из позитивизма лингвистической философии»²⁹.

Вот этот-то «дух позитивистов» и отделял А.Ф. Лосева от семиотиков 60-х годов и, в свою очередь, семиотиков от Лосева. К позитивизму А.Ф. Лосев, вслед за Вл. Соловьевым, относился всегда отрицательно. В послесловии же к книге Артура Хьюбшера «Мыслители нашего времени (62 портрета)», вышедшей на русском языке в 1962 г., Лосев в резкой форме выступил против

²⁷ «Новое литературное обозрение», № 3 (1993), с. 43.

²⁸ *Столович Л.Н.* Об аксиосфере // «Вестник Санкт-Петербургского университета». Серия 6, 1997, вып. 2 (№ 13). С. 11- 16; *Stolovich Leonid.* On the Concept of 'Axiosphere' // Twentieth World Congress of Philosophy. Abstracts of Invited and Contributed. - Boston, Massachusetts USA, 10-16 August, 1998. P. 192.

²⁹ «Новое литературное обозрение», № 3 (1993). С. 77.

неопозитивистов и философов Венского кружка³⁰. И хотя Лосев сводил с позитивистами и неопозитивистами свои старые счета за враждебное отношение ко всякой онтологии вообще и «аннулирование всех традиционных проблем», стилистика его обвинений оказывалась созвучной официальной разоблачительной борьбе против «буржуазной философии».

Вероятно, такого рода выступления против неопозитивизма, столь авторитетного в семиотической среде, и структуралистов, прячущихся за кулисами «псевдоматематических формул и исчислений», как писал Лосев³¹, создавали впечатление, что Лосев сомкнулся с официальной идеологией, «сломался», как мне однажды сказал Ю.М. Лотман. Это впечатление, как показывает текст публикуемого письма и внимательное прочтение работ Лосева в контексте его философских воззрений, было ошибочным³². Тем не менее, оно при тенденции «к герметическому замыканию» в тартуско-московском семиотическом движении, о которой пишет Б.М. Гаспаров³³, выразилось в игнорировании трудов Лосева, даже 20-х годов, хотя в тартуской «Семиотике» публиковались (притом впервые!) работы П.А. Флоренского, философские взгляды которого в ряде отношений близки к лосевским³⁴. А.Ф. Лосев говорил мне с обидой, что посланная им Ю.М. Лотману большая статья о символе так и не была напечатана в тартуской «Семиотике».

Следует отметить, что в дальнейшем философские ориентации ведущих участников тартуско-московского семиотического движения значительно изменились, о чем совершенно правильно пишет А.М. Пятигорский в «Заметках из 90-х о семиотике 60-х годов». Это, по его определению,

---

³⁰ См. *Лосев А.Ф.* Гибель буржуазной культуры и ее философии (Послесловие). – В кн.: *Хьюбер Артур.* Мыслители нашего времени (62 портрета), М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 344-346.

³¹ *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 1968. С. 275.

³² *Stolovich Leonid.* The Systemic Pluralism of A.F. Losev's Philosophy // Russian Studies in Philosophy SUMMER 2005/VOL. 44, NO. 1: A.F. Losev and Twentieth-Century Human Sciences. – 2005 M.E.Sharpe, Inc. All rights reserved. 80 Business Park Drive, Armonk, NY. P. 5-12.

³³ *Гаспаров Б.М.* Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен. – *Alma mater*, № 3 (5) (Тарту). С. 1.

³⁴ См. «Труды по знаковым системам», 3 (Тарту, 1967) и 5 (Тарту, 1971).

«культурологический онтологизм» Ю.М. Лотмана с идеей *семиосферы* и «историософская аксиология» В.Н. Топорова. «Подобрили» к Лосеву и сами семиотики. В книге Вяч.Вс. Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР» (1976) имеются ссылки на 3 работы А.Ф. Лосева: книгу «Философия имени» (1927), статьи «Современные проблемы изучения античной мифологии» (1957) и «Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем» (1968). При этом отмечается, что А.Ф. Лосев в свое время много сделал «для исследования мифологической философии имени»³⁵.

Б.Ф. Егоров – один из основателей тартуско-московского семиотического движения – самокритично писал в своей книге «Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана»:

«А.Ф. Лосев, законно считавший себя одним из первых отечественных исследователей категорий “структура”, “знак”, “пространство и время”, был недоволен, что тартуанцы нигде не ссылаются на его труды 1920-х гг. – он откровенно писал об этом Л. Н. Столовичу 30 марта 1968 г. В самом деле, незнание трудов выдающегося философа – неприятная деталь в истории тартуско-московской семиотической школы. Хотя методологии Лосева и тартуанцев существенно различались, но все же забывать предшественников – досадная промашка; она объясняется многолетними гонениями на Лосева со стороны официальных советских философов, приведшими к почти полному запрету его “идеалистических” книг и потому к незнанию его идей в кругах гуманитарной научной молодежи 1940-1950-х гг.»³⁶.

Мировоззрение Лотмана

Теоретические воззрения Ю.М. Лотмана не были статичными. Он никогда не ограничивался формальной семиотикой. Уже в начале своих семиотических исследований он сочетал семиотику с теорией моделирования (понятие «моделирующая система»), трактуя образы искусства не только как *знаки*, но и как *модели*, не говоря уже о том, что он не прерывал свои конкретно-исторические исследования литературы и культуры. Неудовлетворенность существовавшим уровнем семиотики вела его к подключению к гуманитарным исследованиям достижений естественно-научных и междисциплинарных областей знания (теория информации, кибернетика, теория систем и структур, учение о функциональной

---

³⁵ См. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. – М.: Наука, 1976. С. 286, 37.

³⁶ Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 140-141.

асимметрии мозга, синергетика). Неслучаен был его выход из литературоведения в культурологию. В своей первой лекции спецкурса «Семиотика культуры», прочитанной им 7 марта 1991 года, он говорил (его мысль я записал слово в слово): «Нельзя заниматься семиотикой, оставаясь в рамках семиотики»; «Семиотик должен быть историком»; «Полезно иметь разные языки описания. В культуре много языков. Иначе слепой ведет слепых». Из года в год, особенно в последний период жизни Ю.М., повышался философский градус его трудов и, я не сомневаюсь, проживи он еще, философский накал его размышлений был бы очень значителен. Но уже сделанного им достаточно, чтобы лотманологи обсуждали философскую позицию Лотмана: был ли он позитивистом и структуралистом, платоником или кантианцем, гегельянцем или же очищенным от вульгаризаций марксистом³⁷. Так или иначе, его имя уже вносится в словарь русской философии («Русская философия. Словарь», М., 1995), в энциклопедию русской философии («Русская философия. Энциклопедия. – Москва: Алгоритм, 2007, с. 312-313), в биобиблиографический словарь «Философы России XIX–XX столетий». Не буду скрывать, что эти словарные статьи написаны автором этих строк.

В 2005 году издательство «Macmillan Reference USA» опубликовало мою статью о Лотмане во втором издания Американской Философской энциклопедии³⁸. В этой статье я подытожил свои многолетние раздумья о философских воззрениях Лотмана. Воспроизведу на русском языке ту часть своей статьи, в

³⁷ Определение философских позиций Ю.М. Лотмана – дело не простое. Вот некоторые попытки определить его философские воззрения: *Vetik R. Platonism of Yu. Lotman // Semiotika* (1994) V.99, # 1 / 2; *Егоров Б.Ф.* Об изменениях в методе Ю.М. Лотмана // «Одиссей», М., 1996. С.143–148; *Лотман М.Ю.* За текстом: Заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // «Лотмановский сборник». 1. – М.: Издательство «ИЦ - Гарант», 1995. С. 214–222; *Александров Владимир.* «Семиосфера» Лотмана и разновидности человеческой личности // «Звезда», 1998, № 10. С. 180–192; *Ревзин Г.И.* Ю.М. Лотман. Культура и взрыв [Рецензия] // «Вопросы искусствознания», 1993, 1. С. 212–216. *Žilko Boguslaw.* *Jurija Lotmana wizja historii // “Odra”, 2006, nr 3. S. 39-44.*

³⁸ *Stolovich Leonid.* Lotman, Jurii Mikhailovich // *Encyclopedia of Philosophy*, 2nd edition. Vol. 5.– Detroit - New York - San Francisco - San Diego - New Haven, Conn. - Waterville, Maine - London - Munich: Macmillan Reference USA, Thomson–Galle, 2006. P. 578-580.

которой речь идет об эволюции взглядов и его философской позиции:

ОТ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ К СЕМИОТИКЕ

Основные историко-научные труды Лотмана посвящены истории русской литературы XVIII – середины XIX века. При этом литература рассматривается им в неразрывной связи с другими явлениями культуры, в особенности с философской мыслью, с историей, социально-политической жизнью. С начала 1960-х Лотман разрабатывает структурально-семиотический подход к изучению художественных произведений, организует издание серии «Труды по знаковым системам» («Семиотика»), возглавляет систематически проводимые «летние школы», конференции, семинары по семиотическому исследованию различных областей культуры. Совокупность этих мероприятий, в которых помимо тартуских ученых принимают участие исследователи из Москвы и других городов, и стала получившая международную известность *Тартуско-Московская школа*. В 1-м выпуске «Трудов по знаковым системам» (1964) напечатаны его *«Лекции по структуральной поэтике»*. Работы Лотмана и его единомышленников и последователей в области семиотического анализа различных текстов культуры, в том числе и особенно художественных текстов, объединены идеей «вторичных моделирующих систем», т. е. текст интерпретируется как единство модели объективной и субъективной действительности, а также в качестве знаковой системы, вторичной по отношению к знакам естественных языков, являющихся «первичной моделирующей системой». Возглавляемая Лотманом «тартуская школа» семиотики про должает традиции русской «формальной школы», особенно Тынянова, структурной лингвистики (Ф. Де Соссюр, Р. Якобсон), учитывая опыт развития семиотического структурализма в различных странах, но не ограничивается изучением формальной структуры художественных произведений, уделяя первостепенное внимание семантике знаковых структур. Одновременно с семиотическими исследованиями Лотман продолжает историко-литературные труды, в которых использует структурно-семиотические методики. С другой стороны, новаторство Лотмана заключается том, что в своих трудах он стремится сочетать структурализм с историзмом, считая, что семиотик должен быть историком. Теоретическая концептуальность характеризует его историко-литературные труды.

ОТ СЕМИОТИКИ К КУЛЬТУРОЛОГИИ

С начала 1970 годов Лотман приходит к понятию того, что семиотический предмет нужно адекватно осмыслять не просто

как отдельный знак, а как текст, существующий в культуре, – текст, представляющий собой «сложное уст роительство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности»³⁹. Исходя из этого, Лотман рассматривает и саму культуру в семиотическом ее аспекте, в многообразии ее коммуникативных связей. По аналогии с понятиями В.И. Вернадского «биосфера» и «ноосфера» он вводит понятие «семиосфера», характеризующееся границами семиотического пространства, его структурной неоднородностью и внутренним разнообразием, образующим структурную иерархию, составляющие которой находятся в диалогическом отношении⁴⁰. Таким образом, Лотман осуществляет преобразование первоначальной семиотики, преодолевает ее тотальный схематизм, но не через постструктурализм и «деконструкцию» (в духе Жака Дерриды), а благодаря семиотической интерпретации текстов культуры, учитывающей их уникальность, творческий характер, межтекстовые диалоги. Не только культура в целом осмысливается как текст, но и любой текст рассматривается как порождение культуры. Теоретические воззрения Лотмана учитывают развитие современного научного знания, особенно теорию информации, кибернетику, теорию систем и структур, учение о функциональной асимметрии мозга, идеи синергетики⁴¹ и в то же время они опираются на богатейший материал мировой культуры, в первую очередь русской, который предстает в своем типологическом значении. Большую ценность представляют работы Лотмана по истории русской культуры. Очень популярным был цикл его телевизионных передач о русской культуре, опубликованных посмертно в 1994г.⁴².

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Лотман не декларировал свои философские взгляды. В

---

³⁹ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста [1981] // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Том I, – Таллинн: «Александра», 1992. С. 132.

⁴⁰ Лотман Ю.М. О семиосфере [1984] // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Том I. С. 11-24.

⁴¹ См. Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Том II. – Таллинн: «Александра», 1992. С. 46-57; Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гносис-Прогресс, 1992.

⁴² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII– начало XIX века). – СПб.: «Искусство–СПБ», 1994.

досемиотический период своей деятельности философия интересовала его только как предмет исторического изучения. Но семиотические и культурологические исследования предполагали теоретико-философское самоопределение. Лотман обладал большой философской эрудицией, изучал воззрения Мабли, Руссо, Радищева, мастерски выявлял философский эквивалент творчества писателей. Его собственные философско-методологические взгляды прошли определенную эволюцию. В 60-е годы сторонники «тартуской школы» стояли на позитивистских позициях, полагая, что семиотика и есть их философия. В дальнейшем у Лотмана начались поиски философии, которая бы соответствовала его семиотической культурологии. Он обращается к монадологии Лейбница, считая, что семиосфера состоит из множества «семиотических монад» как интеллектуальных единиц, носительниц Разума. По его словам, «человек не только мыслит, но и находится среди мыслящего пространства, так же как носитель речи всегда погружен в некое языковое пространство». Признается существование внешнего мира, но и он «активный участник семиотического обмена»⁴³. Бог для Лотмана – общезначимое явление культуры. Уважительно относясь к религии, сам он был теологическим агностиком.

Лотман чутко воспринимал идеи различных мыслителей – Лейбница, Руссо, Канта⁴⁴, Гегеля, Фрейда. Он впервые опубликовал в 1967 и 1971 гг. в «Семиотике» некоторые труды русского религиозного философа и ученого П. Флоренского, репрессированного советской властью. Сочувственно отнесся к концепции диалога М. Бахтина. Однако собственные философские воззрения Лотмана нельзя свести к какой-либо одной известной системе, будь то платонизм или кантианство, гегельянство или марксизм. Они могут быть определены как вид «системного плюрализма»⁴⁵, предполагающего сочетание в определенной

---

⁴³ Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама-себе объект // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Том III, – Таллинн: «Александр», 1993. С. 372, 375.

⁴⁴ Ю.М. очень высоко чтит Канта. Незадолго до своей кончины он предлагал мне написать вместе с ним письмо в «Литературную газету» с предложением переименовать город Калининград в *Кантоград*.

⁴⁵ О понятии «системный плюрализм» см. Столович Л.Н. О «системном плюрализме» в философии // «Вопросы философии», 2000, № 9, с. 46-56; Столович Л.Н. Плюрализм в философии и философия плюрализма. – Таллинн: ИнГри, 2005.

системе разнородных идейных компонентов.

Живя и получая образование в СССР, Лотман не мог не чувствовать воздействие марксизма. Он воспринял ту сторону марксизма, которая была усвоена им от диалектики Гегеля, принцип историзма и учет социального фактора в развитии культуры. Но идеологическое содержание марксизма было ему чуждо.

Я позволю себе прокомментировать некоторые моменты этой энциклопедической характеристики мировоззренческой позиции Лотмана.

Начну с отношения его к марксизму. Я однажды спросил моего польского коллегу и друга *Стефана Моравского*, чем объясняется международная популярность трудов Лотмана. *Стефана Моравский* (1921–2004) – выдающийся польский эстетик и философ, был марксистом западной ориентации. Он много работал в различных странах (Англии, США, Голландии и др.), публиковал на Западе многие свои труды, пользовался большим уважением западных эстетиков (последние годы своей жизни он был Почетным президентом Международной Ассоциации Эстетики), критически относился к политическому режиму в Польской Народной Республики и СССР, в конце 60-х годов был смещен Гомулкой с поста декана философского факультета Варшавского университета. И вот, что мне ответил С. Моравский: «Видишь ли, сейчас (речь шла о 60-70 гг. прошлого века) на Западе структурализм очень популярен. Но Лотману удалось соединить структурализм с марксизмом. И это оказалось оригинально и продуктивно». С. Моравский имел в виду то, что западный структурализм рассматривал структуры статично, только в синхронии, тогда как Лотман трактовал структуры исторично, в динамике, в диахронии. Это, по существу, справедливое соображение. Но историзм не изобретен марксизмом, как и диалектика. Марксизм их наследовал от своих предшественников, прежде всего от Гегеля. Но, действительно, Лотман в силу существовавших условий образования непосредственно воспринял принцип историзма через марксизм. Об этом хорошо написал академик *Михаил Леонович Гаспаров* в статье «Лотман и марксизм»⁴⁶.

---

⁴⁶ *Гаспаров М.Л.* Лотман и марксизм // «Новое литературное обозрение», № 19 (1996), с. 7–13. Трактовка М.Л. Гаспаровым марксизма рассматривается также в разделе «Марксистский элемент в системном плюрализме “общественной концепции”» статьи «“Системный плюрализм” в эстетической аксиологии. О

М.Л. Гаспаров очень точно показал противоречие между *методологией* и *идеологией* марксизма: «Метод марксизма и вправду требовал от исследователя доказательств (альбомный девиз Маркса был “во всем сомневаться”), – читаем мы в его статье. – Но идеология предпочитала работать с очевидностями: иначе она встала бы перед необходимостью доказывать свое право на существование». Вопиющее несоответствие существует между диалектикой, провозглашенной основным методом марксизма, и идеологией, «считавшей свой вкус абсолютным», полагавшей, что «у мировой культуры есть лишь один язык и она, идеология, – его хозяйка». Если диалектика утверждала, что история движется внутренними противоречиями, то идеология представляла как «демонстративно непротиворечивая». Если марксистская диалектика предполагала принцип историзма в научном исследовании, то идеология его отвергала. «Марксизм, – отмечает М.Л. Гаспаров, – возник на переломе от утопизма романтиков к позитивизму постромантиков, метод его был научным, идеология – утопической». Разумеется, сомнение как исходный принцип познания выдвинул задолго до Маркса. Диалектика и вытекающий из неё историзм возникли также до него. «Вера в истину и науку» как «жизненная позиция» – не порождение марксизма. Однако, по справедливому утверждению М.Л. Гаспарова, «эту веру, выработанную человечеством, советская культура приняла из рук марксизма», вопреки его идеологии.

Г.М. Гаспаров противопоставляет методологию и идеологию марксизма в связи с отношением к марксизму Ю.М. Лотмана и делает, на мой взгляд, обоснованный вывод: «Лотман относился к марксистскому методу серьезно, а к идеологии – так, как она того заслуживала»; «Лотман был верен научному методу. Он не объявлял себя ни марксистом, ни антимарксистом – он был ученым».

Я вспоминаю, как убежденный марксист М.А. Лифшиц, уважительно относившийся к известным ему историко-литературным работам Лотмана, отказывался в нем видеть марксиста-единомышленника, когда тот обратился к семиотике, по отношению к которой Лифшиц четко сформулировал дилемму: «Или марксизм – или семиотика!» И это притом, что семиотика не является философской дисциплиной. Каково же его было отношение к аксиологии, поле которой было возделано чуждыми марксизму философскими течениями! М.А. Лифшиц тоже четко

методологии социокультурной концепции эстетической ценности», опубликованной в этом сборнике.

различал научную методологию и идеологию, но *вне* марксизма, полагая, как и Ленин, что у буржуазных ученых действительно научный подход может сочетаться с ненаучной («буржуазной») идеологией. В самом же марксизме он строго придерживался ленинского указания: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не впадая в объятия буржуазно-реакционной лжи»⁴⁷. Конечно, взгляды М.А. Лифшица на марксизм не являются единственно возможными. В трудах выдающегося эстетика, культуролога, философа М.С. Кагана марксизм вполне может уживаться с семиотикой, аксиологией и синергетикой.

Что касается Ю.М. Лотмана, то характеристика его методологии как не противостоящей марксистской, данная М.Л. Гаспаровым, относится к его *научной* деятельности. Однако в его трудах выражается, как я стремился показать, и *философское* мироосмысление, хотя до начала 60-х годов – до начала его занятий семиотикой – он к любой философии относился отрицательно. Полагаю, что в системный плюрализм его философских воззрений были включены и некоторые элементы марксистской методологии, главным образом, принцип историзма и учет социального фактора в развитии культуры. Речь, разумеется, не идет о ссылках на произведения «классиков марксизма-ленинизма», которые были «принудительным ассортиментом», необходимым для публикации в СССР, в работах не только Лотмана, но и Лосева, и Бахтина.

Другая проблема, на которой я хотел бы задержать свое внимание, – это отношение Ю.М. Лотмана к религии. Оно также отличается от безоговорочного атеизма, постулируемого марксистским мировоззрением, не говоря уже о т. н. «воинствующих безбожниках». Ю.М. не был религиозным человеком. Он не последовал примеру своей жены Зары Григорьевны, которая незадолго до своей кончины обратилась к православию (над ее могилой, находящейся рядом с могилой Ю.М., возвышается стилизованный крест работы тартуского скульптора С.Д. Нечволодова). Ю.М. в конце своей жизни говорил моей жене Вере Ивановне: «Я хотел бы верить, но не могу». Б.Ф. Егоров, сравнивая миропонимание и эстетико-литературоведческие воззрения Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина, писал «об атеизме Лотмана, идущем от семейного и общественного воспитания», в противоположность религиозности

---

⁴⁷ Ленин В.И. Пол. собр. соч., т. 18, с. 346.

Бахтина.

В то же время, по словам Б.Ф. Егорова, «ведь все или почти все рассуждения ученого о смерти в общеполитическом, семиотическом, историко-литературном и даже физиологическом смысле соотносятся с мыслями о Боге. Лотман, в отличие от многих своих ближних, не стал верующим, не стал христианином; семейное и общественное воспитание, а потом постоянная опора на Просвещение и просветителей позволили сохранить атеизм ученого. Но исследователь русской, да и мировой культуры XVIII-XX веков не мог не соприкоснуться постоянно с идеей Бога. К этому вели и проблематика научных трудов, и биографическое соприкосновение с грандиозной темой смерти и бессмертия: кончина жены, неуклонное физическое ослабление своего организма и мужественное ожидание своей кончины». И далее: «в работах последних лет представления ученого о творческих на чалах Вселенной, о многочисленных и многоаспектных обращениях изучаемых объектов культуры, истории, литературы к роли Творца выливаются в собственные убеждения: если Вселенная сотворена, если происходит ее усложнение и развитие, если сонмы мыслителей и писателей опираются на божественные начала, то необходимо признать общекультурное значение Бога. Но Лотман с его творческой жилкой не желал признавать Бога как всезнающего хозяина Вселенной, развертывающего жизнь во времени и пространстве по заранее известному ему плану. Лотману был куда более симпатичен образ Бога – ученого и художника. Эта идея “...может быть проиллюстрирована образом творца-экспериментатора, поставившего великий эксперимент, результаты которого для него самого неожиданны и непредсказуемы. Такой взгляд превращает вселенную в неистощимый источник информации” (“Культура и взрыв”. С. 247)»⁴⁸. На мой взгляд, воззрения Ю.М. Лотмана, характерные для многих интеллектуалов советского времени, можно определить не как атеистические, а *агностические в теологическом смысле*. Ярким примером теологического агностицизма этого типа может быть мировоззрение *Андрея Дмитриевича Сахарова*, которого Ю.М. необычайно чтит⁴⁹.

---

⁴⁸ *Егоров Б.Ф.* Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. - М.: «Новое литературное обозрение», 1999. С. 236. Высказывание Ю.М. Лотмана приводится по кн.: *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: “Гнозис”, 1992. С. 247.

⁴⁹ *Ю.М. Лотман* опубликовал в январе 1990 в народно-фронтальной газете «Тартуский Курьер» эссе-некролог «Памяти

Теологический агностицизм, по моему убеждению, терпимо относится не только к религии, но и к *умному* атеизму. Примером такого умного атеизма являются воззрения на религию академика *Виталия Лазаревича Гинзбурга* – лауреата Нобелевской премии по физике за 2003 год. В статье «Религия и наука. Разум и вера», напечатанной в журнале «Наука и жизнь» (2000 г., №7) и в целом ряде других своих публикаций (см. их список на сайте <http://atheismru.narod.ru/Catalogues/Ginzburg.htm>) он отстаивает принципы действительно научного и гуманистического атеизма. В статье «Религия и наука. Разум и вера» В.Л. Гинзбург отметил, наряду со взглядами теистов и атеистов, позицию агностицизма. «На вопрос, существует ли Бог, – пишет он, – агностики отвечают: не знаю, на этот вопрос нельзя ответить. Для подобной позиции имеются основания, ибо доказать отсутствие Бога невозможно, как нельзя доказать и его существование».

Теологический агностицизм, находясь как бы между теизмом и атеизмом, обладает толерантностью, основанной на правомерности мировоззренческого плюрализма. Он отстаивает свободу совести личности, вольной исповедовать любую религию или быть вне ее. Но *свобода совести – это не свобода от совести*. Теологический агностицизм не есть безверие. Он, не веря в стоящую над миром высшую силу, исполнен веры в общечеловеческие ценности, в том числе и в нравственной сфере.

Если Ю.М. двигался, говоря схематично, от истории к теории, в том числе философской, то мой путь развития был обратным: от философско-эстетической теории к историческим изучением, хотя главным образом в области истории философии. Ю.М. одобрительно относился к моим историко-философским интересам: к поиску архива Канта, к занятиям историей эстетики и аксиологии – теории ценностей, к изучению русской философской мысли. За полтора года до своей кончины он написал предисловие к моей книге «Красота. Добро. Истина. *Очерк истории эстетической аксиологии*», которая вышла в свет в московском издательстве «Республика», уже после его смерти – в 1994 году.

На мой взгляд, творчество Ю.М. «не делится без остатка» на его теоретические рассуждения. Можно соглашаться или не соглашаться с теоретическими построениями Ю.М. (хотя даже и в

Сахарова». *Андрей Дмитриевич Сахаров* и *Юрий Михайлович Лотман* были полными единомышленниками в своей нравственной позиции, о чем *Юрий Михайлович* прекрасно написал, подчеркнув, что главное в деятельности Сахарова – «это *реабилитация* совести как основного принципа жизни».

случае несогласия нельзя не восхищаться его творческой оригинальностью), но и в своих напечатанных трудах, и, особенно в своих устных выступлениях, он буквально захватывает вживанием в конкретный материал, увлекает новизной самого этого исторического материала, тонкостями житейских наблюдений, благородством нравственной позиции. Этим обусловлена необычайная популярность его телевизионных выступлений с беседами о русской культуре.

Отношение к политике

Ю.М. был членом партии, но в партию он вступил на фронте. И вот при каких обстоятельствах это произошло. Ю.М. рассказывал, что в 1941 г. его часть попала в окружение. Он стоял на посту и заметил, что комиссар его подразделения закапывал свои документы, среди которых был наверняка и его партийный билет. Ю.М., по его словам, очень хотел посмотреть в глаза этому комиссару и понес ему заявление о вступлении в партию. Войну он прошел от начала до конца. Военный период в его жизни наложил отпечаток на всю его последующую жизнь. Опыт военных лет пронизывал всё, чем он жил и чем занимался. Он часто вспоминал эпизоды своей военной жизни, даже порой на лекциях. У него не было сомнений в справедливости борьбы с фашизмом, не только немецким, итальянским, но и прочим. Высшие идеалы просветителей и благородных борцов за свободу были и его личными идеалами. И ему нередко пришлось видеть, что эти идеалы вступали в противоречие с тем, что реально делалось в жизни под руководством партии и правительства. Несправедливостью уже было то, что он сам, коренной петербуржец-ленинградец, фронтовик, блестяще учившийся в университете и уже показавший свои незаурядные способности, не имел возможности продолжить учебу в аспирантуре и вообще не мог найти работу в своем родном городе из-за своего этнического происхождения. То, что Ю.М. обладал уникальными знаниями и способностями, воочию обнаружилось, когда он уже через год, после окончания университета, написал и защитил свою первую диссертацию, работая в Тартуском учительском институте. Но дело не только в личном опыте несправедливости. Его глубоко возмущала любая несправедливость по отношению к любому человеку. И он, как мог, на это откликался, прежде всего, желанием и стремлением сделать то, что он мог.

Основным призванием Ю.М. была наука, и он полагал, что через свою деятельность ученого, притом деятельность не только индивидуальную, но и организационную по созданию

научного центра, он реализует свое жизненное призвание.

В Эстонии идеологическая ситуация в 60-е годы несколько отличалась от всесоюзного стандарта. Не знаю, был ли это план сделать в Прибалтике некую витрину, показывающую Западу, что за ней «вольно дышит человек», или партийные и советские руководители Эстонии были умнее своих коллег в других республиках СССР. Но факт есть факт. Не только сельское хозяйство Эстонии развивалось успешнее, чем где бы то ни было в Союзе, но и Кафка по-эстонски вышел раньше, чем по-русски, а во время всеобщей борьбы с абстракционизмом, в Таллинне и в Тарту на художественных выставках вполне легально демонстрировались абстрактные и сюрреалистические произведения эстонских художников. В этих условиях, правда, не без труда и некоторой хитрости, можно было, устраивать «Летние школы по вторичным моделирующим системам» на спортивной базе Тартуского университета в Кяэрику, благо начальство на первых порах не очень понимало, что это такое.

В Тарту в эти годы возникла совершенно уникальная ситуация. Помимо семиотической школы в Тарту возникла и социологическая школа, причем тоже с интереснейшей историей. Социологи впервые в Советском Союзе собирались именно здесь, в Тарту и в Кяэрику, и обсуждали проблемы массовых коммуникаций. Приезжали интереснейшие люди, в том числе *Юрий Александрович Левада* (1930-2006), один из ведущих социологов России, именем которого назван им созданный авторитетнейший центр социологических аналитических исследований – «Левада-центр», выдающийся социолог *Владимир Александрович Ядов*, активно помогавший эстонским социологам, один из зачинателей конкретно-социологических исследований *Борис Александрович Грушин*, философ *Пиамы Гайдено* – великолепный знаток классической и современной философии и социологии, *Георгий Петрович Щедровицкий* – крупнейший методолог и немало других замечательных людей. Юрия Михайловича приглашали тоже участвовать в работе социологических семинаров. Однажды его даже попросили вести заседание. На этом заседании бы ли острые дискуссии, и Ю.М. потряс участников социологических обсуждений своей необыкновенной деликатностью. Говорили: «Вот это настоящий петербургский про фессор».

В конце 60-х годов в Тарту возникло то, что по-эстонски называли «Tartu vaim» – «тартуский дух», или, по-русски говоря, «тартуская вольница», которую ЦК Эстонской компартии ненавидел всеми силами, но до какого-то времени не мог с ней

справиться. Притом, вот что интересно и своеобразно: одним из заводил этой тартуской ситуации был... комитет комсомола университета. Когда ЦК и Министерство культуры запретили спектакль по пьесе Пауля-Ээрика Руммо (ставшего впоследствии министром правительства независимой Эстонии) «Игра Золушки», то комитет комсомола организовал демонстрацию, которая называлась «Похороны Золушки». Это был скандал! В это время на Западе начинаются студенческие движения, и у нас возникало нечто аналогичное. Ситуация становилась все более неуправляемой. Большое воздействие на нас оказала «Пражская весна» с ее стремлением придать социализму «человеческое лицо» (тогда большинство из нас еще не понимало, что у крокодила не может быть человеческого лица).

Ю.М. и близкие ему люди были воодушевлены тем, что, касалось, «оттепель» переходит в настоящую весну, хотя на первых порах и пражскую. Он участвовал в тех общественных акциях, которые были характерны для тартуской интеллигенции 60-х – 70-х годов. Например, идут разговоры, что XXIII съезд партии опять восстановит культ личности Сталина. Не только в Тарту, по всему Союзу пишутся письма против возрождения культа Сталина. Естественно, не все подписываются под письмом, написанном по этому поводу в Тарту, но Юрий Михайлович среди тех, кто его подписал. Или другой пример. «Комсомольская правда» в 1967 году, после 6-дневной войны на Ближнем Востоке, публикует откровенно антисемитскую статью Е. Евсеева, который потом стал одним из идейных лидеров пресловутой «Памяти». Тартуские интеллигенты разных национальностей пишут протестующее письмо. Подпись Ю.М. есть и под этим письмом.

И в то же время Юрий Михайлович как-то сторонится политической суеты, которую создавали не только порядочные люди. Это вызывает даже некоторое недовольство наших активных политических деятелей, людей необычайно благо родных и честных. Юрий Михайлович как-то мне сказал: «Знаете, есть все-таки один критерий для оценки человека – это критерий личной порядочности».

Теперь, с высоты нынешнего состояния, видишь, насколько Юрий Михайлович был дальновидней многих из нас. Юрий Михайлович делал такое дело, которое было для него самым важным. Он занимался наукой, но само это занятие уже имело такое радикальное, даже политическое значение в то время, что не могло не быть замечено наверху.

В начале 70-х годов над Тарту сгустились тучи, по мере того, как танками подавлены были чехословацкие устремления.

Уже сменили старого ректора университета Ф.Д. Клемента, который много сделал для развития науки (в частности, он содействовал Лотману в его начинаниях), пришел новый – А.В. Кооп с явной установкой разогнать тартуское гнездо оппозиции. В этой ситуации появляется интересный документ. Это закрытое постановление ЦК Компартии Эстонии. Оно не было опубликовано (и не опубликовано до сих пор), но тогдашний секретарь по идеологии Л.Н. Ленцман его зачитывал в зале Ученого совета университета. Несколько человек обвинялись в идеологически порочной деятельности. Среди этих обвиняемых фигурировал Юрий Михайлович Лотман. За что? За работы по семиотике как не соответствующие марксистско-ленинской методологии. Это постановление было уже сиг налом для расправы, и стали искать поводы, предлоги для того, чтобы расправу учинить⁵⁰.

Юрий Михайлович не участвовал в диссидентском движении, но его научная деятельность, образованный им центр семиотики и его издания, получившие мировой резонанс, вызывали большое подозрение у начальства и соответствующих структур, для которых само слово *семиотика* как-то связывалось со словом *семиты*, а неприязнь к малопонятной семиотике, так сказать, *антисемиотизм*, вполне сочетался с заурядным *антисемитизмом*, хотя ряды семиотиков были вполне интернациональны. Обстановка в начале 70-х годов всё более мрачнела, но в этой ситуации проявлялась отважность Ю.М. Я бы даже сказал, солдатская отважность и находчивость. Например, где-то, кажется, в Бельгии, проводился сионистский конгресс. Секретарь парткома вызвал Ю.М., экономиста М.Л. Бронштейна, философа Р.Н. Блюма и меня, и потребовал, чтобы мы написали коллективное письмо против сионистского конгресса. Сказать вот так: «Нет, писать не будем!» – это дать повод для идеологических обвинений. Юрий Михайлович, как и другие, вызванные в партком, не хотел какими-то политическими действиями ставить под угрозу свою научную и педагогическую деятельность. Письмо писалось, но такое, которое послать было невозможно: в нем порицался сионизм не в большей мере, чем антисемитизм. Начальство сердилось, очень сердилось, но, тем не менее, сделать в то время ничего не могло.

Началом серьезной расправы с Лотманом был обыск, произведенный у него в квартире в начале января 1970 г. Поводом

---

⁵⁰ Об этом обвинительном постановлении ЦК КПЭ речь шла в очерке «Кафедра философии».

для него была связь семейства Лотман-Минц с поэтессой *Натальей Горбаневской*, той диссиденткой, которая осмелилась выйти на Красную площадь, когда советские танки вошли в Прагу. Ее тогда не арестовали, т. к. у нее был грудной ребенок. Но вот теперь готовился над ней судебный процесс и следственные органы добывали для него материалы. Наталья Горбаневская бывала в Тарту и даже останавливалась в квартире, принадлежавшей тете Зары Григорьевны. Ю.М. и З.Г. были людьми необычайно добрыми и отзывчивым. Целое лето в поселке Валгеметса, в их семье, вместе с их ребятами, жил и сын Натальи Горбаневской. Поиски материалов для дела Горбаневской были поводом для проведения обыска, но было очевидно, что причина обыска связана с деятельностью самого Лотмана, его международными связями и диссидентскими знакомствами, с его сомнительными для начальства занятиями семиотикой, со стремлениями обнаружить в его квартире самиздатские рукописи и тамиздатские книги, которые мы все читали, доставая их из разных источников.

Сам процесс обыска описан Ю.М. в его воспоминаниях, опубликованных с уточнениями его сына Михаила Юрьевича⁵¹, а также в воспоминаниях Л.И. Вольперт, друга семьи Лотман-Минц, преподавателя зарубежной литературы Тартуского университета, Международного гроссмейстера по шахматам среди женщин, ставшей впоследствии профессором университета⁵².

Я остановлюсь только на одной фигуре, связанной с процедурой обыска. Речь идет о следователе в то время Тартуской прокуратуры, который формально возглавлял «бригаду коммунистического труда» из работников КГБ, которая явилась со словами «С Новым годом, Юрий Михайлович, с новым счастьем!» и проводила сам обыск. По словам Ю.М., тот, человек, о котором пойдет речь «был муж моей ученицы, известный пьяница, – потом он специально заходил, извинялся передо мной и расписывал, как ему было стыдно принимать участие в обыске. При этом от него пахло водкой, а она, как известно, пробуждает совесть. Но, видно, дело было не только в водке. Некоторое время спустя он ушел из прокуратуры и перешел на гораздо менее престижную должность юрисконсульта».

---

⁵¹ *Лотман Ю.М.* Воспоминания. Опубликовано в качестве приложения к кн.: *Егоров Б.Ф.* Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 317-319.

⁵² *Вольперт Лариса.* «Как это все быстро пролетело...» // «Вышгород», Таллинн, 1998, № 3. С. 180-182.

Я думаю, что не выдам большого секрета, назвав этого человека, покинувшего этот свет, его именем, тем более и сам Ю.М. пишет не без сочувствия к нему в связи с той подлой ролью, в которой оказался этот, в общем, не подлый, хотя и не сильный духом, человек. Его зовут *Анатолий Карамков*. Я был знаком с ним еще с 1954 г., когда получил крохотную комнатку в студенческом общежитии, где жил студент-юрист Толя Карамков, уже в то время предпочитавший алкогольные напитки неалкогольным. Потом я иногда с ним встречался на улицах нашего небольшого городка. И вот однажды в сильном подпитии, но в полном сознании, он и передо мной каялся, что вынужден был принимать участие в столь гнусном мероприятии. Его слова о том, что он во время обыска не проявлял служебного рвения, подтверждаются и воспоминаниями Лотмана. В частности, он по достоинству оценил «документ», составленный романтически настроенным десятилетним сыном Ю.М. и его другом, «Общество физического уничтожения князей зла и врагов рыцарства». В ответ на требование одного из кэбистов объяснить, кто организовал это общество, его состав и преследуемые им цели, Карамков отправил этот «документ» в топившуюся печку. Я думаю, то, что при обыске не нашли ничего предосудительного, хотя в комнате хранились бумаги (впрочем, совершенно безобидные) Натальи Горбаневской и кое-какой самиздат, в определенной мере заслуга Карамкова. Я не хочу его идеализировать. Как-то во время одного его покаянного посещения семейства Лотман-Минц, когда он, каясь, сослался на свою службу, Зара Григорьевна ему заявила: «Надо уметь выбирать место работы!».

От Карамкова я услышал о некоторых деталях проведенной органами операции, имея возможность сопоставить сказанное с тем, что мне рассказывал сам Ю.М. Но я узнал и нечто другое. Оказывается, в списке людей, у которых должен был проведен обыск, значился и Л.Н. Столович. К счастью, эта участь меня обошла. Может быть потому, что я не контактировал с Горбаневской (я видел ее только один раз), т. к. контакт с нею был формальным поводом обыска у Лотмана. Может по какой-либо другой причине. Но самое интересное, что по Таллинну прошел слух, что обыск был и у Лотмана, и у Столовича. Я, получив от Карамкова важную для меня информацию, перепрятал имевшийся у меня самиздат и отдал Б.Ф. Егорову в Ленинград хранившиеся у меня пленки с записями песен Галича и Окуджавы.

Хотя обыск оказался безрезультатным (Ю.М. продолжал заведовать кафедрой русской литературы и не получил даже никакого партийного взыскания), сам его факт бросал тень на его

общественно-политическую репутацию в глазах власть предержащих. Отныне поездки за рубеж ему были запрещены, его книги не смели переводить в т. н. «странах народной демократии». Но, как говорится, «нет худа без добра». Обыск, допросы в КГБ и другие репрессивные меры, предпринятые властями против ученого, усилили влияние Лотмана на зарубежную научную общественность. Росла его необычайная популярность как крупного ученого и выдающейся личности в интеллектуальных кругах СССР и за рубежом. Он был избран членом-корреспондентом Британской Академии, академиком Норвежской, Шведской академий наук, был вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики. Зарубежные академические звания и научный авторитет, вполне легальные издания книг за границей, в свою очередь, в определенной мере защищали Ю.М. от излишнего рвения партийных и советских чиновников, позволяли ему успешно продолжать, хотя и не без препятствий, свою научную и педагогическую деятельность, организовывать конференции в Тарту и участвовать в научных собраниях во многих городах страны.

Слева направо: Л.Н. Столович, Ю.М. Лотман, Лемби Лоопер, И. Галкина, Р.Н. Блюм, З.Г. Минц, В.И. Логинова (впоследствии Столович). На заднем плане В.П. Хютт и Л. Соколинская

В Эстонии официальные преследования Лотмана вызвали усиление его авторитета в культурно-интеллектуальных кругах, традиционно настроенных оппозиционно по отношению к союзным и местным властям. Его избирают, правда, со второго захода, членом эстонской Академии Наук. В Академии Наук СССР для него не находится места и в качестве члена-корреспондента,

впрочем, как и для Лосева, не говоря уже о Бахтине, которому не присвоили даже докторскую степень. Во время «перестройки» снимаются барьеры, мешающие Ю.М. пересекать границы страны. Он в 1988 г. избирается на Конгресс Народного Фронта Эстонии, а после обретения Эстонии политической независимости он получает эстонское гражданство с формулировкой «За особые заслуги перед Эстонской Республикой».

Для характеристики общественно-политической позиции Ю.М. достоин внимания такой факт. Мою жену Веру Ивановну, любимую ученицу Зары Григорьевны, Ю.М. пригласил на работу в семиотическую лабораторию, которую он возглавлял. Участвуя в подготовке издания трехтомника статей Лотмана, она пришла к нему, уже тяжело болевшему, домой в начале путча ГКЧП в августе 1991 г. И он говорил ей: «Ах, как бы я хотел быть там у Белого Дома!»

Середина 70-х годов

***

Для Юрия Михайловича не было барьера в общении с другим человеком, к какому бы социальному слою этот человек не относился, каким бы образованием он не обладал. В нем, в этом выдающемся ученом, был где-то и старшина, и он мог со старшиной, с солдатом, с дворником, с любым человеком поговорить, не снисходя к его уровню, а проявляя какую-то сторону своей внутренней сущности. Он был чрезвычайно демократичен в общении со студентами, что было несколько необычно для местной профессуры, соблюдавшей субординацию в отношении со студентами. Эстонских студентов это приятно удивляло. Первый президент новой Эстонской Республики Леннарт Мери с благодарностью вспоминал, как он, будучи студентом, обратился к Ю.М. за консультацией по какой-то проблеме, связанной с декабристским движением, и Ю.М. не только обстоятельно поговорил с ним, но и ознакомил его с собранной им самим библиографией по этой проблеме. Достоин внимания, что Президент Эстонии, когда скончался Ю.М. прервал свою зарубежную поездку и присутствовал на его похоронах до последней минуты.

Мне иногда приходилось быть посредником между Ю.М. и людьми, нуждавшимися в общении с ним. Особенно запомнился такой эпизод. В сентябре 1970 г. прекрасный режиссер и, смею сказать, гениальный актер *Ролан Быков* показал в Тартуском Доме Офицеров свой новый фильм «Внимание: черепаха!» Перед показом этого фильма меня попросили рассказать присутствовавшей на просмотре довольно разнородной публике о

том, что такое искусство. Фильм мне очень понравился. Там был прелестный литературный и зрительный текст и антимилитаристский подтекст. Так мы познакомились и вместе провели несколько дней. *Ролан Анатольевич (Антонович)* попросил меня познакомить его с Лотманом. Он хотел с ним посоветоваться в связи со своим замыслом поставить спектакль или кинофильм (точно не помню) по «Запискам сумасшедшего» Гоголя, в котором собирался сам играть все роли, включая женские и собачьи. Ю.М. охотно согласился. Мы втроем встретились за обедом в моей квартире к нашему всеобщему удовольствию. В непринужденном разговоре *Ролан Быков*, поделившийся своим замыслом, выяснил то, что ему было нужно. К сожалению, замысел этот так и не был реализован. Но след нашей встречи оказался в книге Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», вышедшей в Таллинне в 1973 г. На стр. 53 можно прочесть: «Но как бы ни были, однако, значительны неизобразительные элементы фильма (слово, музыка), они играют все же подчиненную роль. Здесь можно привести параллель: живой устный рассказ, конечно, не представляет собой словесного текста в чистом виде. В него включаются иконические знаки – мимика, жест, а для повышено эмоциональной или детской речи (равно, как и при разговоре с собеседником, не достаточно владеющим данным языком) – элементы театральной игры. Когда монолог разыгрывается – перед нами активное вторжение иконических знаков в речь. Нам приходилось с интересом наблюдать, как один известный актер в домашней беседе сначала высказывал мысль при помощи словесной фразы, а затем непроизвольно (ему казалось, что он просто повторяет то же самое второй раз) разыгрывал ее в жестах. Текст представлял типичную билингву, в которой одно и то же сообщение давалось на словесном и изобразительном языках» (подчеркнуто мною. – Л.С.).

Я очень любил слушать лекции и доклады Юрия Михайловича и Зары Григорьевны, посвященные поэзии и поэтам. Это как бы возвращало меня в мою поэтическую юность, тем более, что учителем Зары был тот самый *Дмитрий Евгеньевич Максимов*, который сыграл такую большую роль в моем поэтическом самообразовании⁵³. Сам *Дмитрий Евгеньевич* иногда приезжал в Тарту на организованные Зарой Григорьевной Блоковские конференции. На одну из них он привез юного Сашу

---

⁵³ См. *Столович Леонид*. Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии. – Таллинн: ИнГри, 2003. С. 38-40

Кушнера и говорил, что ему предстоит большое поэтическое будущее. Когда я возобновил свое стихотворное творчество, каждое новое стихотворение я читал Ю.М. и Заре. Их одобрителное внимание к моим стихам меня подбадривало, а они даже просили, чтобы я каждое новое стихотворение передавал им в рукописи. В этой благожелательной атмосфере Ю.М. и написал предисловие к первой публикации моих стихотворений в университетской газете.

Первая подборка моих стихотворений, в которую вошли «Оттепель» (1946), «Осень» (1946), «Простота» (1980), «Могила Канта» (1980), была опубликована в газете «ТГУ – Тартуский госуниверситет» 28 ноября 1980 г. под рубрикой ARS. Предисловие к этой подборке написал *Юрий Михайлович Лотман*. Вот его текст:

Возраст – вещь относительная, особенно у поэтов. Есть поэты молодые, есть поэты маститые, есть поэты вечно юные. Иногда маститые поэты – сущие младенцы как мыслители и наоборот. В последнем случае их называют поэтами-философами.

Леонида Наумовича Столовича не надо представлять читателям «ТГУ» – все они знают его как ученого, опытного лектора, остро умного собеседника. Настоящая публикация открывает им его новую сторону – как поэта. Часть из публикуемых стихотворений написана Л.Н. Столовичем в 1946 г., – часть – в 1980 г. Таким образом автор выступает перед нами как юный и маститый поэт одновременно. А еще и как философ – не только как профессор философии, но и как поэт философски мыслящий.

В промежутке между 1946 и 1980 гг. Л.Н. Столович стихотворений не писал – читатели, вероятно, об этом пожалеют. Пожелаем, чтобы следующие плоды его музыки появились не с такими интервалами.

Ю. М. ЛОТМАН

К 60-летию *Юрия Михайловича* я посвятил ему стихотворение «ТАРТУСКАЯ ШКОЛА». Эпиграфом к нему я взял слова знаменитого филолога *Ефима Григорьевича Эткинды*:

«Тартуская школа – это структурализм с человеческим лицом».

Как известно, «пражская весна», которая летом 1968 года была задавлена советскими танками, своим идеалом имела «Социализм с человеческим лицом». Возможно, придание социализму человеческого лица было тоже иллюзорным идеалом. Но, тем не менее, это было реальное стремление вырваться из тоталитарного социализма советского типа. Потому-то это

стремление вызвало такую жестокую реакцию со стороны социализма с нечеловеческим лицом не только по отношению к самой Чехословакии, но и тем, увы, немногочисленным открытым протестам в самой стране против социализма с *бронетанковым лицом*. Наталья Горбаневская, знакомство с которой и было поводом для проведения обыска в доме Лотмана, была из тех восьми человек, которые посмели в знак протеста выйти на Красную площадь. Ю.М. и З.Г. очень любили Чехословакию, в которой им посчастливилось однажды побывать. У них там были верные друзья и единомышленники, подвергшиеся гонениям после подавления «пражской весны». Смысл афористического определения Е. Эткиндом «Тартуской школы» раскрывается, таким образом, в контексте чехословацких событий.

Но в этом афористическом определении была и другая сторона, связанная с собственно структурализмом. Структурализм – явление простое. Он был отнюдь не однороден и лицо у него бывало всякое. Среди французских философов-марксистов тоже были структуралисты. И некоторые из них оправдывали вторжение советских танков: дескать надо сохранять существующую структуру. Но и вообще структура – это лишь каркас явления, без которого оно, конечно, не может существовать, однако каркас сам по себе не имеет лица. У «Тартуской школы», безусловно, было человеческое лицо.

Вот текст моего стихотворения:

ТАРТУСКАЯ ШКОЛА

*Тартуская школа - это структурализм с
человеческим лицом.*

Ефим Эткинд

«Лицом к лицу лица не увидать».

Профессор из Сорбонны лучше видит,

Хотя, конечно, в самом общем виде,

То, в Тарту до чего рукой подать.

Дом на Бурденко. Вот звонок у двери.

Легенда приглашает вас рукой,

Другой мешая в печке кочергой,

И лапу вам дает на счастье Джерри.

Здесь в Тарту убеждаетесь вы сами:

Структурализм стал мужем и отцом

С добрейшим человеческим лицом,

С эйнштейново-старшинскими усами.

Весною, летом, осенью, зимой,

Презрев все ущемленья и уколы,
И с внучкою своей очередной
Идет спокойно тартуская школа.

И счастлив ты, что в Тарту ты живешь,
Бог дал или не дал тебе таланта;
Когда вдруг встретишь Лотмана, поймешь
Того, кто видел в Кёнигсберге Канта.

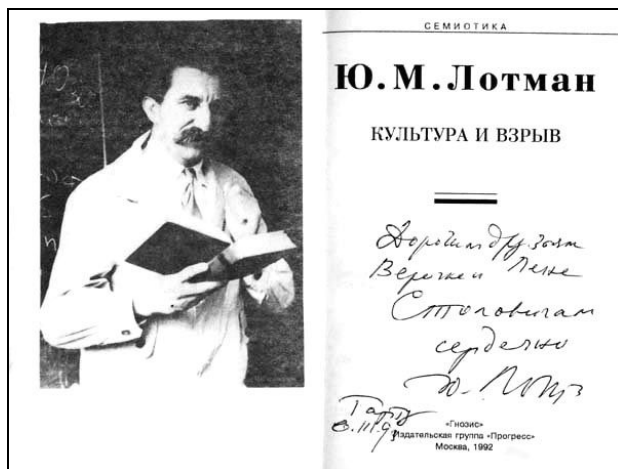
28 февраля 1982 г.

Теперь, когда имя Лотмана стало легендой и еще при жизни вошло в ряд выдающихся имен только что ушедшего века, последние строки этого стихотворения не кажутся преувеличением. Но эта легенда жила в набитой книгами квартире с печным отоплением, носила усы, похожие на усы Эйнштейна и старшин времен второй Отечественной войны. *ЮрМих*, как его звали коллеги, был чутким, сердечным, мудрым, добро-ироничным, доступным каждому человеком, доброжелательным и требовательным к себе и другим, прощающим всё, кроме личной непорядочности и научной недобросовестности. Сила его научной одаренности, поразительная широта кругозора и образованность, оригинальность мышления, масштаб личности были не видны разве лишь тем, кто умел не видеть, глядя в упор.

Происходящая на наших глазах переоценка всех ценностей показывает, что научная и общественная репутация не защищены никакими званиями. Труды же Лотмана по изучению русской культуры и в области семиотики выдержали испытание на прочность в период всеобщей ломки ценностных критериев. Те, кто имел счастье находиться с ним рядом, знают, что это не случайно. Помимо всепоглощающего труда и исключительного таланта, он воплощал в себе единство науки и нравственности, всегда считая недопустимым приспособленчество и конъюнктурность не только в жизни, но и в научной работе.

Юрий Михайлович с честью выдерживал испытание «медными трубами». Его имя стало легендой. Еще при жизни, слава Богу, оно вошло в ряд выдающихся имен XX столетия.. 70-летие ученого было ознаменовано международными конференциями в Венесуэле и Англии. Впрочем, им предшествовали и другие испытания. Годы Отечественной войны, все проведенные на фронте. Вынужденная необходимость покинуть родной город на Неве в начале пятидесятых. Обыск и допросы в начале 70-х. Сотни приглашений за границу, которые нереализованные складывались в папку с надписью: «Письма к

русскому путешественнику».

Дарственная надпись на книге «Культура и взрыв», сделанная за несколько месяцев до кончины *Юрия Михайловича*

Юрий Михайлович был природенный объединитель. Этот его талант проявился в образовании знаменитой Тартуско-Московской школы семиотики и издании всемирно известной серии научных трудов «Семиотика». Он духовно объединял миллионы читателей и зрителей в разных странах мира своими книгами о Карамзине, Пушкине, Лермонтове, Гоголе, телевизионными передачами о русской культуре и интеллигентности, трудами по семиотике и культурологии. В трудах Лотмана редкое сочетание широкой доступности и научной основательности, богатства фактического материала и теоретической обоснованности.

В одном из последних своих интервью Юрий Михайлович говорил: «В объеме хронологии нашей жизни механизмы уничтожения гораздо более действенны. В объеме же хронологических пространств, в которых живет история, или шире – биология, или еще шире – космос, устойчивость проявляется сильнее. Что нам с нашими бедными пятьюдесятью – восьмьюдесятью годами жизни до этих вековых повторений? Есть кое-что. Потому что мы в нашей недолгой жизни включены в

гораздо более длительную память»⁵⁴. Не знаю, относится ли это к
недолгой жизни каждого из нас, но о жизни *Юрия Михайловича*
Лотмана можно с уверенностью сказать словами его любимого
поэта – Пушкина: «Нет, весь я не умру...»

Из книги Леонида Столовича
«Мудрость. Ценность. Память»
Tartu-Tallinn, 2009

---

⁵⁴ Из интервью Ю.М.Лотмана корреспонденту газеты «Эстония»
Этэри Кекелидзе, «Эстония», 13 февраля 1993 г.

Михаил Цаленко

Другой взгляд на сегодняшнюю Россию

Ответ Ю.Н. Афанасьеву

После прочтения недавно опубликованной на Радио Свобода статьи Ю.Н. Афанасьева «Возможна ли сегодня в России либеральная миссия?» и прослушивания выступления Е.Г. Ясина на «Эхо Москвы» 1 августа 2011 года в программе «Дневной разворот» **осознанная необходимость** в другом концептуальном подходе к осмыслению происходящего в сегодняшней России вынудила меня написать эту статью. Основной вопрос, на который отвечает Ю.Н. Афанасьев, таков: как могло случиться, что в России в течение одного столетия дважды установилась нелегитимная тоталитарная преступная власть? Предлагаемый ответ – на протяжении последнего столетия происходит крушение Русской Системы. Этот ответ выводится из следующих утверждений:

«Системные либералы смотрят на Россию и мыслят ее прошлое сквозь призму теорий, понятий, категорий ценностей, **не имманентных самой России**, а **внеположных** для нее, наработанных в ходе изучения совсем другой, а именно западноевропейской исторической реальности...

Предела в своем развитии – и в плане общественного сознания, и в плане социально-политического развития – Россия достигла к концу XV века. Потолка достигли, когда множество разрозненных, изолированных каждый в самом себе локальных миров, разбросанных на огромном лесостепном и болотистом евразийском пространстве, было насильственно соединено в большое общество, ставшее одной страной и единым государством. Соединение прежде изолированных миров, представленных к тому же разными этносами – угро-финским, восточнославянским, тюркским и монгольским - произошло не

естественным путем преодоления их догосударственной, архаичной еще культуры, а извне и насилем. Порядок большого общества был привнесен, нахлобучен на такие локальные миры и навязан им извне и силой. Русский мир тем самым уже при рождении оказался и, как показала вся наша история, неизлечимо расколотым. Цивилизационной нормой для России остается самовоспроизведение на основе **неизменного матричного основания**.

Такие категории (они, в сущности, и есть западные ценности), как рынок, собственность, стоимость, личность, право, судебная система, права человека, правовое государство, гражданское общество, государство на службе у общества, государство как нечто отличное от страны, родины, державы, разделение властей, демократия, – совершенно никак не отразились в российском общественном сознании к 90-м годам XX века».

Тем самым утверждается, что внутренняя глубинная основа русского общества оставалась архаичной вопреки всему тому, что происходило в мировой истории. Я утверждаю, что все происходящее в России в последние сто лет, есть реализация одного из ужасающих вариантов развития отдельной страны, возникшим под влиянием развития человеческой цивилизации.

Перечисленные выше западноевропейские ценности еще более **внеположны** всему мусульманскому миру, Индии, Китаю, Таиланду и т.д. Однако принятая в 1948 году ООН «Декларация прав человека» утвердила их как нормы международного права, и эти нормы оставили достаточно глубокий след в сознании определенной части российского общества, породив правозащитное движение во второй половине двадцатого века.

Россия, как перечисленные выше и многие другие страны, пережила в двадцатом веке коренные социальные преобразования. Возникшие в результате экономических преобразований социальные системы оказались различными в силу многих конкретных причин – различий в истории, традициях, религиях, культурах, среде обитания, природных ресурсах и т.д. Даже при сходных условиях существует многовариантность политического развития. Реализация конкретного варианта есть результат взаимодействия общих тенденций развития мировой цивилизации и специфических особенностей отдельно взятого социума.

Я утверждаю, что Россия могла избежать установления "ельцинско-путинской" власти и пойти путем трудного и медленного выздоровления, если бы в конце восьмидесятых - начале девяностых годов тогдашние "либеральные" лидеры не

выставили Ельцина как своего лидера против Горбачева, а поставили в основу своей политической платформы **идею декоммунизации общества в целом**, включая отстранение всех членов КПСС от участия в системах управления любого уровня, полную реорганизацию всех силовых структур, особенно КГБ, и создание подлинно независимой судебной системы. Другими словами, не пережив антикоммунистическую революцию, Россия не могла уйти от своего большевистского прошлого.

Арнольд Тойнби в «Постижении истории» описывал мировую историю как процессы зарождения, развития и гибели цивилизаций. Такая точка зрения имела достаточные основания для описания древней истории, поскольку отдельные социумы были сравнительно немногочисленны, отделены друг от друга в пространстве и во времени и новые орудия труда и новые технологии в производстве продуктов питания, в ремеслах, в строительстве, в средствах передвижения внедрялись очень медленно. Однако в истории нового времени доминирующими стали процессы интеграции цивилизаций в единую мировую цивилизацию, которые продолжаются и в настоящее время.

Исчезновение с географической карты «белых пятен» и последующий раздел мира между наиболее развитыми странами, обретшими колонии и сферы влияния, создал основы общемировой экономики и политики.

В XX веке три этапа интеграции: финансовая (создание мировой банковской системы с компьютерными средствами хранения, обработки и передачи данных), технологическая (независимость производства от близости источников энергии и сырья, модульность производства, стандартизация компонентов сложных систем), информационная (компьютерная обработка огромных объемов научной, технологической, социальной информации, глобальные информационные сети), ставшие возможными в результате двух научно-технических революций, заложили основы единой общечеловеческой цивилизации, вбирающей в себя и смешивающей традиционные уклады жизни и культуру народов, населяющих нашу небольшую планету.

Россия не осталась в стороне от этого процесса, в течение четырех веков расширяя свои колониальные владения и сферы влияния, особенно в XIX веке, и преобразуя экономику. По крайней мере трижды «догоняющее развитие» (термин Е.Г. Ясина) позволяло России занимать одно из ведущих мест в мировой экономике; в 1913 году Россия занимала пятое место, а перед второй мировой войной вышла на второе место.

Интеграционные процессы захватили и ментальную сферу

человеческой деятельности, создав в первом тысячелетии новой эры две доминирующие религиозно-мифологические системы – христианство и ислам. Обе религии в течение многих веков служили идеологическим обоснованием многих войн, массовых казней и навязывания силой своих догм. Одновременно они определяли ритуалы, традиции, время отправления религиозных обрядов, а также нормы морали и этики, сохранившиеся до настоящего времени. Жестокая борьба с ересью, с инакомыслием, с малейшим сомнением в истинности религиозных догм характерна для обеих религий. Россия не осталась в стороне, покончив с язычеством и примкнув к христианству более тысячи лет назад. К сожалению, православная ветвь христианства оказалась более консервативной, чем католическая, подобно тому, как шиитская ветвь ислама оказалась более консервативной, чем суннитская.

Эпоха Возрождения породила принципиально новый социальный инструмент – науку, изменивший догматический религиозный подход к объяснению природы, общества и человека. Она начала казаться бы с самого трудного и абстрактного – с математики и физики, включая астрономию, подтверждая мнение Огюста Конта, что математика является самой простой наукой, а затем занялась изучением живой природы и человеческого общества. В частности, благодаря К. Марксу политическая экономия стала университетской академической наукой. Вероятно поэтому туристические путеводители по Лондону рекомендуют посетить тот зал Британского музея, в котором писался «Das Kapital». Изначально наука явилась наднациональным интегрирующим фактором развития цивилизации, освободившись от религиозных догм. И здесь Россия не осталась в стороне: в России в восемнадцатом веке создается Академия наук, одним из первых академиков которой стал великий Л. Эйлер, а в девятнадцатом веке в мировую науку вошли такие имена как Н.И. Лобачевский, Д.И. Менделеев и И.И. Мечников, а науку XX века нельзя представить без А.Н. Колмогорова, И.П. Павлова и Л.Д. Ландау. В то же время были созданы знаменитые российские университеты.

Еще одним интегрирующим фактором стало искусство благодаря миграции художников, архитекторов, музыкантов и распространению художественной литературы. Поразительна творческая восприимчивость русской художественной элиты к достижениям мировой культуры и поразительна быстрота, с которой Л. Толстой и Ф. Достоевский взобрались на вершину мировой литературы, а П.И. Чайковский до сих пор занимает второе место

по количеству исполнений своих произведений во всем мире после В.А. Моцарта. Живопись XX века нельзя представить без М. Шагала, В. Кандинского и А. Малевича.

Разумеется научно-технический и культурный прогресс до двадцатого века был достигнут в основном благодаря опережающему развитию Западной Европы. Колониальный мир еще ждал часа своего пробуждения, а в США только начала формироваться материальная база будущих технических и технологических инноваций. Однако новые социальные идеи, освобожденные от религиозных догм, распространились по всему миру и стали приманкой для различных слоев населения, осознававших или только ощущавших социальную несправедливость господствовавшего порядка вещей. Мировые религии возникли, по-видимому, как единственно возможное в начале новой эры идеологическое выражение социального протеста против существовавшего тогда порядка вещей, против непрерывных войн, грабежей, убийств и т.п. Страхом перед божьей карой апостолы стремились внедрить в повседневную жизнь христовы заповеди. Страхом перед реальными жестокими наказаниями стремились добиться той же цели и создатели ислама. К сожалению, и в новое время свободу, равенство и братство стремятся ввести посредством диктатуры и насилия практически во всех социально отсталых системах.

Закончившийся к девятнадцатому веку раздел мира не означал конец экономического и политического противостояния и противоборства между наиболее сильными государствами. На политической карте мира появились новые молодые игроки: объединенная Бисмарком Германия, объединенная Виктором – Эммануэлем Италия, открытая для мира американскими военными кораблями Япония, опоздавшие к разделу пирога, но успешно реализовывавшие стратегию «догоняющего развития». Первой крупного военного успеха добилась Япония, нанеся поражение России в 1905 году. Через девять лет разразилась Первая мировая война, унесшая миллионы человеческих жизней и вызвавшая экономический хаос в Европе. В результате навсегда ушли в прошлое три великих империи, и по Европе прокатилась волна социалистических революций, но только в России коммунисты на 74 года пришли к власти. Затем в Италии и Германии к власти пришли фашисты, смешавшие оскорбленные военным поражением и Версальским договором националистические настроения с социал-демократической фразеологией. Достаточно напомнить, что партия Гитлера называлась Национал-социалистической рабочей партией Германии. Хорошо известен

параллелизм развития коммунистической системы в бывшем Советском Союзе, возникшем на развалинах российской империи, и фашистского режима в Германии: «догоняющее развитие» промышленности с акцентом на производство вооружений и военной техники, создание однопартийной политической системы во главе с гениальным вождем, подавление любой оппозиции с помощью массовых убийств и концлагерей, стремление к мировому господству, создание «пяток» колонн по всему миру. Таким образом, «левый» социал-демократизм, т.е. марксизм – ленинизм, с его идеей мировой социалистической революции и диктатуры пролетариата, и фашизм привели к тоталитарным режимам в Советском Союзе и в Германии.

С течением времени становятся известными удивительные детали этого параллелизма: с одной стороны, активное экономическое и военное сотрудничество между СССР и Германией в тридцатые годы, с другой стороны, использование в массовой пропаганде одних и тех же лозунгов и даже мелодий широко известных песен, в том числе написанных еврейским композитором Шломо Секундой.

«Правый» социал-демократизм, утвердившийся в некоторых странах Европы и во многом в западной исторической науке, особенно в Англии, оказался не способным осознать чудовищную разрушительную силу тоталитаризма и «во имя мира» пошел на трагические уступки фашизму и коммунизму в ленинско-сталинской интерпретации.

Видимая гуманность привела ко второй мировой катастрофе – ко Второй мировой войне. Ее последствия продолжают сказываться и по сей день. В результате войны немецкая нация потеряла убитыми семь с половиной миллионов мужчин, что отразилось на ее генофонде. В стране осуществлена полная денацификация, пропаганда фашизма считается преступлением, до сих пор продолжают поиски и наказание военных преступников. Военный бюджет минимален. Подавляющее большинство населения выступает против использования немецких солдат за пределами страны. Государственные чиновники, совершившие преступление, теряют право работать в федеральных органах любого уровня. Продуманная экономическая политика позволила Германии стать первым послевоенным экономическим чудом, и в настоящее время она является крупнейшей экономической державой объединенной Европы, занимая первое место в мире по экспорту продукции машиностроительной промышленности. Стоит отметить, что после объединения Германии в ее восточной части члены

Социалистической единой партии Германии были отстранены от занятия руководящих должностей, а руководители ГДР и ее спецслужбы были преданы суду. Декоммунизация стала логическим продолжением денацификации.

Япония также потерпела сокрушительное поражение и пережила впервые в истории человечества ужасы атомной бомбардировки. Она покончила с военным режимом и стала вторым экономическим чудом послевоенного мира, реализовав отличную от немецкой экономическую модель и опять-таки резко сократив военные расходы. Японские автомобильные и электротехнические компании стали крупнейшими в мире.

Италия, покончив с Муссолини, стала шестой экономикой в мире.

В стране – победительнице, в стране победившего социализма, в стране с единственно правильной и не подлежащей критическому анализу ленинско-сталинской генеральной линией, обретшей десятки стран – сателлитов, начался продолжающийся до сих пор период стагнации. Основная фундаментальная причина этого явления, на мой взгляд, состоит в том, что страна не пережила период декоммунизации. Одной реабилитации политических заключенных, увы, оказалось недостаточно для того, чтобы сломать сложившуюся систему репрессивного политического и консервативного экономического управления, отодвинуть Коммунистическую партию от управления на всех уровнях и во всех сферах, отстранив от любой управленческой деятельности всех членов партии. КГБ как репрессивная и стоящая вне закона организация должен был быть ликвидирован. В дополнение к этому плановая экономика и огромные военные расходы препятствовали развитию новых отраслей экономики и внедрению новых технологий. Никто из вдохновителей и исполнителей массовых политических репрессий не был привлечен ни к судебной, ни к моральной ответственности. Население в целом не осознало своей моральной ответственности за гибель миллионов невинных граждан.

После развала в 1991 году советской империи построением нового российского государства занялись прежние партийные боссы (Ельцин, Черномырдин и другие) и сотрудники КГБ (Примаков, Путин и его команда). В недолгий период широкого возбуждения масс, когда стало возможным выплескивать свое недовольство всем сложившимся укладом жизни на митингах, демонстрациях и когда еще не сформировались новые государственные структуры с вышколенным составом бывших партийных функционеров, понадобились яркие либеральные

ораторы из университетской среды, непосредственно связанные с прежними структурами КПСС и умевшие поддерживать иллюзию, что время перемен наступило. И оно действительно наступило в виде экономических реформ Гайдара, приведших к ликвидации всех денежных накоплений основной массы населения из-за чудовищной инфляции и к передаче основных средств производства в собственность руководителей предприятий, большинство из которых были членами КПСС. Напомню, что тремя сопредседателями Межрегиональной депутатской группы были Б.Н. Ельцин, бывший член Политбюро ЦК КПСС, Ю.Н. Афанасьев, бывший проректор Высшей школы комсомольского движения и член редколлегии журнала «Коммунист», Г.Х. Попов, бывший декан экономического факультета МГУ. Особое место среди сопредседателей занимал академик А.Д. Сахаров.

Первые два года правления Ельцина завершились антиконституционным роспуском Верховного Совета, расстрелом Белого дома и парламентскими выборами в декабре 1993 года, когда на первом месте по числу набранных голосов оказалась Либерально-демократическая партия Жириновского, офицера КГБ, на втором – Коммунистическая партия Российской Федерации и лишь на третьем – Выбор России Гайдара. Аграрную партию возглавляет полковник КГБ Харитонов.

В этой статье я не собираюсь подробно анализировать причины такого голосования, но частичный ответ содержится в приводимом ниже тексте, написанным мною в том же 1993 году:

«Неожиданно быстрый распад коммунистической системы выявил наглядно трагическое последствие многолетнего тоталитарного правления – моральную деградацию общества в целом. В условиях наступившего идеологического вакуума и отсутствия общепринятых морально-этических норм общество становится доступным любому агрессивному идеологическому воздействию от порнографии до фашизм».

В России еще раз наступило «смутное» время. Интеллектуально больное общество стало больным и физически – население России ежегодно катастрофически убывает. Оно убывает по двум основным причинам. Во-первых, много людей умирает от злоупотребления алкоголя и наркотиков. Россия занимает первое место в мире по употреблению алкоголя. Во-вторых, из России иммигрируют профессионалы, страна теряет интеллектуальные ресурсы. В 1992 году на первом и единственном Конгрессе интеллигенции я получил возможность спросить и.о. премьер-министра Е.Т. Гайдара о том, как российское

правительство намерено бороться с «утечкой мозгов». Мой вопрос был спровоцирован тем, что именно в 1992 году были впервые присуждены европейские Филдсовские премии по математике – наиболее престижные в то время награды по математике. Три из пяти премий достались молодым российским математикам М. Концевичу, А. Гончарову и Е. Зельманову, но все они уже работали на Западе, а в российских средствах массовой информации об их успехах даже не упоминалось. В настоящее время в Институте математики французской академии наук из шести постоянных членов три (Громов, Концевич, Некрасов) являются российскими математиками. М. Громов имеет наибольшее число международных премий, в том числе он стал первым обладателем премии Абеля – аналогу Нобелевской премии, учрежденной норвежской академией наук. Аналогичная ситуация сложилась и с физиками. В ряде ведущих английских университетов до трети состава физических факультетов составляют выходцы из России, включая Нобелевских лауреатов прошлого года А. Гейда и К. Новоселова, открывших новую эру в использовании нанотехнологий. Даже успешные российские бизнесмены (согласно Ю. Латыниной, 53%) хотят уехать из страны. В ответ Гайдар сказал: «Что поделаешь, когда в Арзамасе физикам четыре месяца не выплачивают зарплату. Иран хочет купить наших физиков. Вы понимаете, как это опасно». Я подумал, что будет еще хуже, если нечего будет скупать.

Последующие годы шаг за шагом привели к концентрации политической и экономической власти в руках сотрудников бывшего КГБ, сменившего свое название. Нефтяные и газовые ресурсы России сыграли с ней злую шутку – Россия стала сырьевым придатком Европы, уподобившись мелким эмиратам Персидского залива, застывшим в своем политическом и культурном развитии, но накопившим огромные финансовые ресурсы благодаря небывало высоким ценам на нефть. Правящая российская элита научилась держать под контролем настроение масс не за счет концентрационных лагерей, а за счет хлеба и зрелищ, выделяя на эти цели часть своего нефтяного дохода. Остальные сотни миллиардов долларов оседают на зарубежных банковских счетах олигархов и подкормленной бюрократии. Именно поэтому число миллиардеров растет в России быстрее, чем в других странах мира. Именно поэтому можно имитировать свободу слова, заранее зная, что большинство населения предпочитает смотреть боевики и порнографию по телевизору и не читает свободную прессу. То, что происходит в России, не является крушением Русской Системы. Крушение российской империи

началось с военных поражений в Крымской войне, в русско-японской войне, в первой мировой войне и завершилось в феврале 1917 года. Если же под Русской Системой понимать архаичный уклад жизни российской деревни и российских окраин, то еще во времена Алексея Михайловича в путевых записках голландского купца на риторический вопрос «А что же делают русские?» был дан ответ: «Пьют, воруют и дерутся». Вся политика современного руководства России направлена на укрепление именно такой Русской Системы, не оставляя надежд на формирование в обозримом будущем гражданского общества.

Следует отметить, что при сходных исторических условиях развитие разных стран может происходить по-разному. Наиболее яркой иллюстрацией сказанного является развитие Китая за те же последние двадцать лет. Послевоенный Китай прошел через культ личности великого кормчего, через «культурную революцию», через трудовое перевоспитание в концентрационных лагерях. В нем Коммунистическая партия сохранила власть в своих руках, но китайское руководство смогло найти такую экономическую политику, которая за двадцать лет превратила Китай во вторую по значимости экономическую силу современного мира. Модернизация Китая идет во всех направлениях: создание современной транспортной инфраструктуры, строительство современных городов (в одном Шанхае более 4000 небоскребов), подготовка научных кадров, доминирование в спорте и т.д. Разумеется, что в полутора миллиардной стране с традиционным деревенским укладом жизни социальные проблемы не могут быть решены в течение двадцати лет, но выбранный путь развития должен привести к коренному преобразованию всей страны. Китай остается недемократической страной, поэтому политические амбиции его руководства могут вызвать серьезные конфликты в Юго-Восточной Азии, но пока Китай проводит экономическую экспансию в Африку и Латинскую Америку, расширяя свои сферы влияния.

Две группы стран по-своему прошли денацификацию или декоммунизацию. Непосредственно не вовлеченные во Вторую мировую войну полуфашистские режимы стран Латинской и Южной Америки в течение десятилетий медленно избавлялись от тоталитарных режимов и в настоящее время с трудом решают проблемы социального переустройства и ликвидации своей экономической отсталости. Некоторые из этих стран (Бразилия, Чили) за последние годы добились существенного экономического прогресса, однако большинство этих стран страдает от высокого уровня криминальной деятельности (коррупция, воровство,

грабежи, торговля наркотиками и т.п.), порожденной нищетой и низким уровнем образования основной массы населения. В этих условиях социалистическая демагогия находит подходящую социальную базу, что приводит к власти революционеров типа Фиделя Кастро или Уго Чавеса.

Другую группу стран составляют европейские страны, попавшие после Второй мировой войны в социалистический лагерь. Каждая из этих стран по-своему прошла период декоммунизации и решает свои экономические проблемы путем вступления в ЕЭС, с одной стороны, и выработки собственной экономической стратегии, с другой. Далеко не все социальные проблемы оказались решенными, но во всех этих странах возникли стабильные демократические политические системы.

Может показаться, что коррумпированность российской бюрократии является серьезным препятствием для всестороннего развития экономики. Однако высокий уровень коррупции в Индии и Индонезии не мешает их быстрому экономическому развитию, поскольку бизнес не находится под контролем силовых структур, а правовые органы защищают интересы бизнеса.

Моисей сорок лет не пускал бывших рабов в Землю Обетованную. Три поколения российских граждан жили в условиях тоталитарного режима, подавлявшего любое свободомыслие и чувство собственного достоинства у членов общества. Чтобы избавиться от этого наследия, должно пройти достаточно много времени. Может быть, через три поколения российское общество избавиться от последствий большевистского правления, и Россия снова станет великой державой.

«Жаль только жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе».
(Н.А. Некрасов)

Борис Тененбаум

Кем был Шекспир?

ебольшое предисловие для читателей:

Данная статья давно планировалась как "последняя глава" для книжки о Тюдорах, которая должна выйти в свет где-то к маю 2012 в издательстве Яуза-ЭКМО. Но публикация первой главы из этой книги в журнале "7 Искусств" вызвала довольно бурную полемику вокруг нее, и в результате подтолкнуло меня на то, чтобы поторопиться с "последней главой" и написать ее уже специально для "7 Искусств".

Мне хотелось бы поблагодарить моего доброго друга, Элизера Мееровича Рабиновича, за его подход к делу, полный здорового скептицизма, и еще отдельная благодарность – Евгению Михайловичу Майбурду, чью стихотворную версию об авторстве произведений Шекспира я включил в мою статью – разумеется, с его любезного разрешения.

О том, что я глубоко признателен Редакции, дающей мне возможность публиковаться на страницах этого журнала, надеюсь, можно и не говорить – это понятно само собой.

Глава из еще не написанной книги, имеющая характер некоего расследования:

I

Фрэнсис Бэкон был человеком поразительного интеллекта, и сфера его интересов была чрезвычайно широкой. По образованию он был юристом, с течением времени стал лорд-канцлером, то есть как бы верховным судьей Англии – но занимался и историей, и философией, и даже основал новое философское направление, названное эмпиризмом. С этого самого эмпиризма, собственно, и началось осознанное построение платформы научно-технической революции, преобразившей Европу.

Если изложить учение Бэкона в самом кратком и упрощенном виде, то, возможно, оно свелось бы к тому, что все выводы, сделанные за счет игры ума, должны проверяться (и тем

самым подтверждаться) практическим экспериментом.

Он полагал, что такого рода методология дает ключи не только к познанию, но и к могуществу, и знаменитый афоризм "Знание-Сила" (лат. *Scientia potentia est*) сформулировал именно он.

Бэкон был человеком систематического склада ума, и афоризмами не ограничился – он написал специальный трактат на эту тему, под названием "Новый Органон". Он, собственно, именно на методе и настаивал, и говорил, что *"...до сих пор открытия делались случайно, а не методически..."*. Узнать же новое гораздо легче, если исследователи вооружены методом. Это – путь, а знать правильный путь – самое главное.

Ибо *"...даже хромой, идущий по дороге, обгонит здорового человека, из всех сил бегущего по бездорожью..."*.

Бэкон был глубоко убежден в своей правоте, и даже трактат свой назвал "Новым Органоном" не просто так, а с целью поправить Аристотеля, общее название логических сочинений которого называлось "Органон" – как бы "орудие, инструмент". А еще Фрэнсис Бэкон верил в индукцию. Наблюдение фактов и их проверка дает вам некое предположение, которое можно попытаться обобщить в виде закономерности. Но при этом критически важным является и поиск фактов, опровергающих ваше первоначальное заключение, ибо оно может оказаться совершенно неверным. Если в цепочке возможных "перечислений" вы сумеете выделить "исключения" – вы сможете придти к важным выводам. Собственно, сама система такого рода так и называется – метод исключения. Вы наблюдаете некий феномен, последовательно перечисляете причины, которые могли бы вызвать наблюдаемое вами явление, и дальше последовательно и доказательно исключаете из рассмотрения вещи явно невозможные.

То, с чем вы останетесь в конце этого процесса, и будет решением – каким бы невероятным оно не показалось вам с первого взгляда. К этому следует добавить и анализ причин, которые могли повести вас к ошибке. Со свойственной ему методичностью Бэкон раскладывает причины ошибок на классы, которые он называет "призраками" ("идолами", лат. *idola*). Мы не будем сейчас вникать во все эти классы ошибок, а ограничимся тем, что выделим один из них, который сам Бэкон назвал "призраком театра" — это усваиваемые человеком от других людей ложные представления об устройстве действительности.

Фрэнсис Бэкон определял этот тип заблуждения следующим образом: *"...аксиомы..., которые получили силу*

вследствие предания, веры и беззаботности...".

Это – важный момент. Потому что именно на его основе некая Делия Бэкон (однофамилица великого философа) выдвинула в 1857 году смелое предположение: истинным автором произведений Шекспира был вовсе не Шекспир.

Согласно ее мнению, это Фрэнсис Бэкон.

II

Ссылаясь она на разные вещи, но в основном упирала на то, что не мог актер Шекспир знать такую кучу вещей, которую он совершенно очевидно почему-то знал, и не мог он писать столь мощные философские произведения, не имея для этого никакой подготовки – следовательно, их писал другой человек, философ, живший примерно в то же время, что и Шекспир – а таковым являлся в первую очередь Фрэнсис Бэкон. Мысль эта некоторым людям показалась вполне здоровой, и они начали, так сказать, "...*вглядываться в проблему ...*". Оказалось, что в труде Бэкона под названием "The Promus of Formularies and Elegancies", наборе всевозможных коротких формул, афоризмов и прочего в том же духе, содержатся абсолютно, буквально-точные "кальки" со слов Шекспира[1].

A fool's bolt is soon shot. (Bacon, Promus)

A fool's bolt is soon shot. (Shakespeare, Henry V)

В приблизительном смысловом переводе – "...*дурак стреляет быстро и не целясь...*".

All is not gold that glisters. (Bacon, Promus)

All that glisters is not gold. (Shakespeare, The Merchant of Venice)

"...не все то золото, что блестит...".

И таковых совпадений там насчитали с дюжину.

Ну, что сказать? Шекспиrowедение к середине XIX века существовало уже пару веков, был накоплен значительный материал – и шекспиrowеды поглядели на "бэконизанство" примерно так, как римская Церковь – на ересь Лютера. Сперва еретические построения игнорировали, потом носителей их попытались переубедить, а когда это не получилось – припечатали к позорному столбу всей силой Знания и Авторитета. Бэконизанцам было сказано, что они дураки и ничего не понимают, что Бэкон не мог писать так, как писал Великий Бард, что философия тут ни при чем, а важна поэзия и мощь поэтического гения, что Шекспиру и не нужна была никакая книжная ученость, ибо он был как бы "...*наивное дитя Природы...*", и его лепет приходил к нему на уста самопроизвольно – а так-то он был вполне невежественным человеком, вполне на уровне своего века

и социального положения. Добавлялось, что, по свидетельству знавшего его Бена Джонсона, латынью он владел не очень, а греческого и вовсе не знал, и что все практические навыки, которые он вроде бы обнаруживает, он подхватил либо в таверне "Русалка", где собирались моряки, либо в кругу своих аристократических знакомых, вроде графа Саутгемптона, которому, по всей видимости, были посвящены знаменитые шекспировские сонеты.

А что до совпадений между строками Бэкона и Шекспира, то, во-первых, это была народная мудрость того времени, во-вторых, неизвестно, кто у кого их копировал. Почему непременно Шекспир брал эти слова у Бэкона, а не Бэкон – у Шекспира?

В общем, с дискуссии между "стрэтфордианцами" (названными так по названию города, в котором актер Шекспир родился и где он умер) и "бэкониянцами", названными так по имени Бэкона, и началось то, что впоследствии приобрело название Великого Спора.

В столкновении вокруг книги Делии Бэкон ряды "бэкониянцев" оказались потрясены и разбиты, они отступили в полном беспорядке – и разделились на два основных направления.

Первое сосредоточилось на том обстоятельстве, что Фрэнсис Бэкон, в числе прочих своих занятий, интересовался и криптографией, и просто обожал создавать свои шифры – или, наоборот, раскалывать чужие. Начались поиски шифровок Бэкона, записанных в тексты Шекспира. Найти, честно говоря, ничего не нашли, но в процессе был сформирован аппарат, который впоследствии раскрыл японские военно-морские коды[2].

Второе направление занялось тем, что стало пристально изучать биографию Шекспира и его окружение.

И в результате их усилий на поверхность стали вылезать кое-какие противоречия.

III

Собственно, проблема с биографией Шекспира стара, как само шекспироведение. От него самого осталось очень мало точных сведений и документов – и никаких рукописей. Известно, когда он родился, известно, что событие это произошло в городе Стрэтфорде, стоящем на берегу реки Эвон, известно, что он там женился каким-то довольно нелепым образом – 18-летним юношей он был окручен чуть ли не под ружьем с девицей на 8 лет его старше – и после этого он появился в Лондоне, где и оказался в итоге пайщиком театральной труппы. В Стрэтфорде в принципе была так называемая грамматическая школа, где преподавали начала латыни, и где он, возможно, учился. Это словечко –

"...возможно..." – следует за ним в его официальной биографии как припев в песенке. Возможно, учился – а возможно, и нет. Списка учеников школы не сохранилось, качество тамошнего преподавания неизвестно, никаких выдающихся выпускников эта школа вроде бы не произвела. Кроме Шекспира, конечно – при условии, что он в ней учился, что, возможно, и правда, но ничем не доказано...

Конечно, на это легко возразить, приведя в пример известного нам уже Томаса Кромвеля. Он начал свою взрослую жизнь 15-летним неграмотным подростком, записавшимся в солдаты-наемники – и без всякой школы к 30-и годам знал полдюжины языков, включая латынь, и вел успешную юридическую практику, не имея диплома.

Что сказать? Гений – он и есть гений...

Считается, что Шекспир приобрел свои обширные познания в кружке графа Саутгемптона. Вот маленький отрывок из книги М.М. Морозова[3] о Шекспире:

"...В кружке графа Саутгэмптона появлялся иногда поэт и драматург Чепмэн, прославившийся своими переводами Гомера ... "оком души", как называет воображение Гамлет, мы видим скромного уроженца Стрэтфорда [Шекспира]: сидя в своем углу, слушает он эти слова, и в глазах его блестит лукавый огонек..."

Насчет "...лукавого огонька..." – это очень поэтично... К сожалению, тут пропущено слово "возможно", потому что ни малейших указаний на то, что в кружке друзей графа Саутгэмптона был хоть какой-то актер – Шекспир, например – не имеется. Однако считается, что он там все-таки был – ибо графу Саутгэмптону оказались посвящены одна за одной две поэмы, подписанные "Шекспир".

Дальше, согласно традиционной версии, дело было так:

"...В следующем, 1594 году он [Шекспир] написал комедию "Тщетные усилия любви", в начале которой несколько знатных молодых людей отрекаются от жизни во имя чистого знания и чистого искусства, а в конце все поголовно оказываются влюбленными в молодых и прекрасных женщин. Ибо Шекспир знал ту старую истину, которую народ выразил в пословице: "Гони природу в дверь, она влетит в окно".

Нет, не по пути было Шекспиру с графом Саутгэмптоном и его друзьями!..."

То есть Уильям Шекспир решил, что ему не по пути с графом Саутгэмптоном? Да, говорит нам М.М. Морозов, и добавляет следующее:

"...Он, по-видимому, стал все реже бывать в этом доме,

где много узнал и на многое насмотрелся. Затем совсем прекратил посещения. И граф Саутгэмптон позабыл о Шекспире. В дошедших до нас письмах графа имя Шекспира не упоминается ни разу. И неудивительно: встреча со скромным начинающим поэтом и драматургом была для знатного вельможи лишь мимолетным впечатлением...”.

Вообще говоря, все вышесказанное поистине поразительно.

IV

Картина получается предельно нелогичной. Шекспир-автор начал с того, что опубликовал поэму, "Венера и Адонис", написанную по мотивам Овидия. Она была посвящена юному графу Саутгэмтону, имела огромный успех, и как нам говорит твердый "стрэтфордианец" М.М. Морозов, Шекспир якобы получил за нее от графа огромную сумму в 1000 фунтов. Это как раз в то время, когда он якобы скромно сидел в уголке в кругу удалых аристократов и записывал себе на коленке накопленные сведения и впечатления.

Морозов оговаривается, что сумма, скорее всего, была много меньше, и что насчет "...сидения в уголке..." – это предположительно. Еще бы не предположительно, как мы видели выше, М.М. Морозов сам пишет, что никаких сведений о Шекспире в письмах графа не отыскалось. Но никакой актер в кругу друзей графа Саутгэмптона не был замечен вообще – никем никогда.

А дальше актер-Шекспир решил, что его место с народом, и стал писать пьесы для народного театра? По тем временам оплата такого рода деятельности сильно разнилась в зависимости от того, ставилась ли пьеса при дворе (или у кого-то из знати для частного развлечения), или она ставилась в одном из публичных театров Лондона. За придворную "маску", как называлось представление, автору платили 40 фунтов. За городскую постановку – от 5 до 7 фунтов.

Откуда мы знаем про такие расценки? От М.М. Морозова. Более того, они подтверждаются и из английских источников. Так почему же автор/актер Шекспир ушел с таких богатых хлебов, как круг друзей-придворных, в театр вроде "Глобуса"? Может, его прогнали? Вроде бы нет – в 1609 в свет вышли сонеты Шекспира, и их адресатом единодушно считается граф Саутгэмптон. Значит, ссоры не было? Почему же связь оказалась как бы расторгнутой? М.М. Морозов твердо говорит – Шекспир хотел быть ближе к народу...

Странно, правда?

Глянем еще разок на поэму – первое опубликованное

произведение Шекспира.

Она была подписана "Shake-Speare", "Потрясающий Копьем". М.М. Морозов говорит нам, что это все ерунда – Кристофер Марло, современник Шекспира, подписывался на дюжину разных ладов, правописание не устоялось. Он прав. Но вот о том, что псевдонимы того времени, как правило, писались через дефис, он нам не сообщает. Пойдем дальше? Первое полное Фолио сочинений Шекспира вышло в свет в 1623 году, лет через 7 после смерти актера-Шекспира, с потрясающей по силе эпиграфией Бена Джонсона.

При этом при жизни Шекспира они не больно-то дружили, смерть поэта прошла незамеченной ровно никем – а вот Джонсону потом, после издания Фолио, заплатили очень даже хорошо, целую 1000 фунтов. Почему? Непонятно, неясно, загадочно и так далее...

Рукописей Шекспира нет. Вообще никаких. Есть пиратские издания, записанные стенографами, есть актерские копии, с пометками режиссуры – и ни единого автографа. Почему?

Джонсон говорит что-то неясное о "...*Высоких Покровителях*..." – но не роняет ни единого словечка по поводу того, откуда он взял тексты, попавшие в Фолио, кто оплатил очень дорогое издание, и так далее... Почему?

Ну, и так далее – таких недоуменных "почему" можно поставить добрую дюжину...

V

Самые большие вызывал единственный известный нам документ, если не написанный, так хоть подписанный Великим Бардом – его завещание. Например, в завещании Шекспира расписано с подробностями, кому должна достаться его "...*вторая по качеству кровать*...". Другим отписана некая малая сумма на то, чтобы заказать себе кольца в память покойного.

Бен Джонсон в списке друзей не упомянут...

Завещание написано очень и очень хозяйственно – завещатель хочет и с того света контролировать свои деньги, и порядок наследования распisan чуть ли не седьмого колена. При этом заботливом отношении к имуществу почему-то оказывается, что дочери Шекспира практически неграмотны – старшая с трудом, но попыталась расписаться, а младшая, Джуди, "...*приложила знак*...".

Подпись завещателя поставлена нетвердой, дрожащей рукой, к письму вроде бы непривычной. Каноническая теория объясняет это тем, что Шекспир был уже очень болен. Возможно...

О рукописях в завещании нет ни слова, хотя их издание принесло бы сумму, раз так в 5-6 большую, чем все движимое

имущество завещателя. Почему они не упомянуты? Это утверждение легко проверить – изданное в 1623 году Фолио стоило по сотне фунтов за копию, а отпечатали их больше тысячи. Шекспир не подозревал, что его рукописи имеют коммерческую ценность?

В опись имущества не внесена ни единая книга – почему? Актер целиком полагался на память, на библиотеки своих друзей-аристократов, на рассказы моряков в пабе, куда он ходил? Неясно, непонятно, таинственно и так далее...

Больше всего людей, читавших завещание, задевала какая-то неприятная хозяйственность документа. Перед глазами предстал мелкий собственник, эдакий куркуль-мироед. Где тот гордый дух, который создал "Гамлета" и "Короля Лира"? Зигмунд Фрейд говорил, что автор завещания и автор творений Шекспира не мог быть одним и тем же человеком – такое вот у него сложилось впечатление. Ну, впечатление – не документ, к делу не пришьешь...

Величайший политический ум Ренессанса, Никколо Макиавелли, замыслил на подкупленные было деньги завести у себя на ферме курятник, и даже пытался торговать дровами. Его бессовестно надули, и тем дело и кончилось...

Так что понятно, что и гению надо есть и пить, и хозяйственные заботы должны быть ему не чужды. Это все, конечно же, было известно давно, и А. Аникст, человек в шекспироведении известный, пишет в очень теплых тонах следующее:

“...Читатель может посетовать: зачем мы занялись столь скучными прозаическими подробностями; не унижает ли это Шекспира? Но Шекспир жил не в облаках, а на земле. За короткий срок ему удалось заработать достаточно, чтобы обеспечить свою семью и помочь отцу. Читателям, которых подобные факты могут шокировать, мы напомним, что и другие великие люди не были безразличны к вопросу о материальном достатке...”

Дальше А. Аникст добавляет, что Шекспир охотно одалживал деньги своим землякам:

...Ричард Куини, приезжавший по делам стрэтфордской корпорации в Лондон и остановившийся в гостинице "Колокол", отправил 25 октября 1598 года письмо, адрес которого был начертан так: "Моему дорогому и доброму другу и земляку мистеру Уильяму Шекспиру доставить это". Повторив еще раз эти эпитеты, Куини прямо приступил к делу:

"Любезный земляк, смело обращаюсь к вам, как к другу,

прося помочь тридцатью фунтами стерлингов под поручительство мистера Бушеля и мое или мистера Миттона и мое. Мистер Россуэл еще не прибыл в Лондон, и я попал в особое затруднение. Вы мне окажете дружескую услугу и поможете расплатиться с долгами, которые я наделал в Лондоне..." Дальше следовали всякие подробности относительно гарантий, которые давал Куини, и просьба поторопиться...

В общем, все как бы хорошо и благолепно. Если, конечно, не знать подробностей.

VI

Атака "бэконянцев" на крепость под названием "Авторство Шекспира" не удалась – но она всколыхнула, так сказать, устоявшуюся среду. Начались интенсивные раскопки в архивах, с целью подтвердить – или опровергнуть – их гипотезу. Никаких доказательств причастности Фрэнсиса Бэкона к произведениям Шекспира найдено не было. Но и никаких подтверждений авторства этих произведений самого Уильяма Шекспира, зажиточного и хозяйственного обитателя города Стрэтфорда, тоже не обнаружилось.

Зато обнаружились кое-какие подробности его *"...обстоятельного подхода к денежным вопросам..."*.

Например, оказалось, что он, предвидя неурожай, скупил загодя зерно с намерением толкнуть его в нужный момент по хорошей цене. Оказалось, что деньги в долг он давал под значительный процент, а неисправных должников безжалостно преследовал по суду. И не только должников, но и их поручителей – мог, например, разорить кузнеца-соседа, который неосторожно подписался под заемным письмом какого-то другого соседа Шекспира, сбежавшего от уплаты. Шекспир подал в суд на должника за неуплату 41 шиллинга – и вдобавок к долгу требовал уплаты набежавших процентов, а еще убытков и проторей. Сумма в 41 шиллинг была чуть выше двух фунтов, нужда Уильяма Шекспира не давила, он купил в Стрэтфорде дом за 60 фунтов, причем цена, указанная в документах, наверняка была заниженной – обычная практика в то время, с целью понизить налог часть уплаченной суммы в документы не вносилась, а шла из рук в руки наличными.

В общем, поверить в то, что один и тот же человек и "Короля Лира" написал, и соседям *"...давал в долг под хорошие проценты..."*, становилось уже действительно трудно. Тем временем в процессе раскопок текстов и документов елизаветинской поры начали возникать некие гипотезы, не связанные напрямую с вопросом *"...авторства произведений"*

Шекспира...", но наводящие на определенные вопросы.

В "Гамлете" на лорда Берли, тогдашнего премьер-министра, нарисована злобноватая карикатура – сейчас считается доказанным, что в роли Полония в пьесе представлен именно он. Например, на вопрос Полония, знает ли он, кто перед ним, Гамлет отвечает "...*fishmonger*..." – "...*толкач, торговец рыбой*...". Лорд Берли завел два рыбных дня в неделю с целью поощрить рыболовный промысел – и в результате его именно так и звали, "*fishmonger*". Не столь достоверно, но предполагается, что Мальволио в "12-й Ночи" – это Кристофер Хаттон, лорд-канцлер и любимец Елизаветы, и изображен он фатом и самовлюбленным дураком. Королева, говорят, очень смеялась, пьесу ставили при дворе. Знать про клички и привычки министров могли и на лондонском рынке, тут ничего особо секретного нет – кроме храбрости насмешника-автора.

Дальше, однако, пошли вещи менее понятные.

Инструкции, которые Полоний дает в письме к своему сыну, Лаэрту, как оказалось, чуть ли не слово в слово совпадают с такими же инструкциями, даваемыми лордом Берли своему сыну Томасу, который в то время жил в Париже. Положим, это тоже совпадение, и так сказать элементы народной мудрости – никогда не бери в долг, никогда не давай в долг, и так далее, подробности смотри по тексту "Гамлета".

Но вот Гамлет говорит о мертвом Полонии, что тот пошел на корм червям. В английском оригинале – "...*worms*..." сделали из трупа Полония свою "...*diet*...". Но, согласно Джеральду В. Филиппсу (Gerald W. Philipps) лорд Берли любил повторять – в домашнем кругу, естественно – что он родился тогда, когда шел Вормский Собор, на котором Мартин Лютер был осужден, но покарать которого не сумели. По-русски – Вормский Собор (или Вормский Рейхстаг), по-английски – "Diet of Worms"[4]...

Опять, само по себе это ничего не доказывает. Может быть – это совпадение. Но может быть – это мрачноватая шутка кого-то, кто был вхож в дом лорда Берли?

А Бэкон, между прочим, доводился ему племянником.

VII

Получается, что Фрэнсис Бэкон снова попадает в число подозреваемых? Пожалуй, что все-таки нет, не попадает. С вопросом "...*авторства произведений Шекспира*..." вообще имеется проблема. Очень нетрудно разделить негодование Делии Бэкон и признать (хотя бы внутренне, как бы без доказательств, про себя – ну не может мелкий, жадный и отвратительно мелочный ростовщик из Стрэтфорда быть автором веселой

комедии "Укрощение Строптивой", глубокой и жуткой трагедии "Макбет", и фантастической "Бури"...

Согласившись с этим, надо бы ответить и на неизбежно логически следующий вопрос – а кто же это написал?

Поглядим в энциклопедии описание биографии Фрэнсиса Бэкона. Он был честолюбивым человеком, ориентированным на успех и карьере:

"...В 1584 году в возрасте 23 лет был избран в парламент. С 1617 года лорд-хранитель печати, затем – лорд-канцлер; барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский ..."

То есть сумел подняться на самый верх – он стал пэрром Англии. Но не удержался на вершине из-за чрезмерного корыстолюбия:

"...В 1621 году привлечён к суду по обвинению во взяточничестве, осуждён и отстранён от всех должностей. В дальнейшем был помилован королём, но не вернулся на государственную службу и последние годы жизни посвятил научной и литературной работе..."

Прибавим, что в молодые годы он оставил, и можно сказать, предал своего друга и покровителя, графа Эссекса, участвовал в суде над ним – и суд отправил графа на плаху.

Такой человек не стал бы, наверное, цепляться к несчастному соседу, выжимая из него ничтожную сумму за чужой долг, так мелок Фрэнсис Бэкон, конечно же, не был – но он не стал бы озорства ради дразнить своего могущественного дядю, лорда Берли, обзывая его рыбником-толкачом...

В окружении лорда Берли нам надо поискать кого-то другого – и такой человек, представьте себе, находится.

Это Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд, кутила, мот и щеголь – а еще отчаянная голова, один из любимцев королевы Елизаветы, прозавшей его своим "турком". Граф Оксфорд был зятем лорда Берли, с которым очень не ладил. Граф к тому же отвечал за развлечения королевы, и в этом смысле его соперником был Кристофер Хаттон. А Хаттон бешено ревновал – и жаловался ей в письмах (доказано, есть документы) – что его преследуют насмешками два шута: сэр Уолтер Рэли, прозванный ею "Водой", "Water", "Уотер", и вепрь-Оксфорд – по гербу Оксфорда, голубому вепрю.

Тогда Мальволио – нелепый мажордом, воображивший, что его престелная госпожа в него влюблена и готова выйти за него замуж – начинает действительно сильно походить на злой шарж на Хаттона, который как раз такие идеи и лелеял. И тогда становится понятно, почему королева Елизавета находила

"Двенадцатую Ночь" такой забавной...

Множество проблем, связанных с несоответствием жизни "...Шекспира, пайщика актерской труппы...", и "...Шекспира, автора произведений Шекспира..." немедленно отпадают.

Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд, тратил деньги не считая, разорился на путешествиях и всякого рода экстравагантных выходках, при возвращении в Англию с континента был ограблен пиратами и высажен на берег только что не нагим – в точности, как это случилось с Гамлетом. Более того – в "Гамлете" есть известнейшая сцена, в которой принц наносит удар сквозь занавес по некоей крысе, и убивает Полония, шпионящего за ним.

Так вот – в жизни графа Оксфорда произошел очень похожий случай. Он в возрасте 12-и лет, после смерти своего отца был отдан под опеку лорда Берли, который, надо сказать, любил все знать. Эдвард де Вер подрос, стал уже юношей, был готов покинуть дом опекуна – и лорд Берли приставил одного из своих слуг следить за юным графом. Оксфорд обнаружил движение за занавеской – и пустил в ход оружие. Дело "...спустили на тормозах..." – было объявлено, что граф всего лишь защищался, так что все обошлось. Но любви между опекуном и его воспитанником это не прибавило...

В общем, по сумме косвенных доказательств, казалось бы, дело решено – настоящим Шекспиром был граф Оксфорд? В надежде найти не косвенные, а прямые доказательства, возьмем довольно известную книгу, специально посвященную этому вопросу – это "Шекспир под другим именем" некоего американца, Марка Андерсона[5]. Автор считает, что Шекспиром был Эдвард де Вер.

А сам он представляется нам как "...астрофизик, заинтересовавшийся вопросом авторства произведений Шекспира...".

VIII

Вообще говоря, когда начинаешь углубляться в такого рода литературу, иной раз натыкаешься на совершенно удивительные открытия, причем как раз у авторов почтенных и консервативных. Скажем, считается общепризнанным, что словарь Шекспира несравненно богат, превышает 20 тысяч слов[6], и что великий Милтон – наверное, следующий сразу за Шекспиром в иерархии английской поэзии – имел словарь примерно вдвое меньший, чем тот, что был у Великого Барда.

После этого вы открываете книгу М.М. Морозова "Шекспир" и читаете следующее:

“...Хотя словарь Шекспира значительно богаче словаря его предшественников и достигает внушительной цифры более двадцати тысяч слов, он, несомненно, намного уступает словарю некоторых реалистов нашего времени.

Даже незначительный по дарованию писатель, щедро детализирующий факты окружающей действительности, в особенности писатель, склонный к натурализму, легко может в этом отношении обогнать Шекспира...”

Безмятежный идиотизм этой фразы, право же, поражает.

Начать с того, что английский отличается от русского именно обилием синонимов. Русский, как и славянские языки вообще, очень богат и ловок всякого рода приставками и суффиксами. Попробуйте сказать на английском что-нибудь вроде "... финтифлюшка ты моя распрекрасная ..." – у вас будут большие затруднения. Но в английском, лишенном всяких там хитрозаверченных частиц и приставок, чуть ли не на каждое слово имеется с дюжину синонимов, тонко отличающихся друг от друга в зависимости от контекста. И выходит, что грамматически простой и вроде бы немногословный английский гораздо разнообразнее или, если так можно выразиться, "многословнее", чем русский. То есть даже вне всякой связи с размерами таланта автора, английский текст будет содержать больше разных слов, чем русский – это системное условие.

Каким же образом *"...незначительный по дарованию писатель, щедро детализирующий факты..."*, и так далее, может *"...легко обогнать Шекспира..."*? А никаким. Это неважно, а важно то, что английский текст вообще, в принципе не может быть богаче словами, чем русский – вот и все.

Однако следует все-таки принимать в расчет время, когда книга М.М.Морозова писалась и готовилась к печати – 1951 год. В те времена за *"...низкопоклонство перед Западом ..."* можно было схлопотать очень и очень, а что считать низкопоклонством, было вопросом, открытым для интерпретаций... Так что в удивительной формуле подсчета богатства словаря М.М.Морозова следует видеть все-таки не глупость, а спасительную осторожность, и винить автора книги за такой абзац мы не будем.

Но вот Марк Андерсон такого оправдания не имеет.

Ему бояться было нечего, кроме разве что собственной лихости – и он соорудил огромный том, размером в 597 страниц весьма убористого шрифта, добрую треть которого составляют детальные примечания очень научного вида, с указанием источников и страниц в этих источниках, и весь этот том заполнен полной и абсолютно бездоказательной чушью. Метод он избрал

абсолютно беспроегранный – берется любой эпизод из жизни Эдварда де Вера, и произвольно соотносится с каким-нибудь куском из любого, произвольно взятого произведения Шекспира. Ясное дело, что всякий раз он попадает прямо в десятку. Берется некий любовный эпизод из жизни пылкого графа – и ему тут же прикручивается что-нибудь, позаимствованное из "Ромео и Джульетты", с замечанием, что вот тут-то автор и выразил свои личные чувства и пережитый им момент восторга.

Ну, таким методом можно доказать, что Шекспиром был Мао-Тзе Дун.

Честно говоря, я сильно усомнился в качествах американской астрофизики при таких кадрах, как Марк Андерсон – но потом глянул в его биографическую справку, и несколько успокоился. Астрофизик он липовый – у него всего-навсего степень бакалавра с 4-х летним циклом обучения, и сразу после получения этой вожденной "научной степени" он решил, что специальность не для него, и он должен заняться "... *расследовательским репортажем* ...". В общем-то – и слава богу, но мы остаемся все на той же точке. Да, по-видимому, "пайщик Шекспир" – маска, которой прикрылся кто-то другой. Кто же это был и почему он это сделал?

Что у нас есть в сухом остатке?

IX

Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд, находится у нас под серьезнейшим подозрением. Собственно, я мог бы здесь сослаться на авторитет – так думал В. Набоков. Но тень великого Фрэнсиса Бэкона, чьему методу мы по мере сил следуем, не рекомендовал доверять авторитетам. Мы уже видели, какие глупости они способны писать, не так ли? Какие факты свидетельствуют в пользу предположения об истинном авторстве, принадлежащим де Веру?

1. Факты его жизни действительно тесно сплетены с эпизодами, попадающими у Шекспира. Он знал языки – и латынь, и французский, и итальянский. Он, как истинный вельможа, понимал и в законах, и в придворных интригах, и в аристократических видах спорта, вроде соколиной охоты – все это тесно коррелирует с Шекспиром-автором и совершенно не коррелирует с Шекспиром-актером.

2. Подпись Shake-Speare, "Потрясающий Копьем", в его случае имеет смысл. Во-первых, подпись двумя словами, разделенными дефисом, по тем временам была стандартной формулой псевдонима. Например – Mar-Prelate, etc. Во-вторых, у

графа Оксфорда был еще один титул, виконта Балбека, гербом которого служил лев, потрясающий копьём.

3. Первые сонеты цикла Шекспира посвящены уговорам некоего юнца, которого человек постарше, любящий его, уговаривает жениться, дабы запечатлеть свою красоту в грядущих поколениях. Юнца мы с большой долей вероятности знаем – это граф Саутгэмптон, с этим не спорит даже М.М. Морозов. А как раз в это время Эдвард де Вер, сильно растрепавший по ветру свое достояние, изо всех сил пытается пристроить одну из своих дочерей, у которой, увы, нет серьезного приданого, за этого самого графа Саутгэмптона – который, однако, жениться упорно не хочет.

Удалось ли нам доказать наш основной посыл – Шекспиром был граф Оксфорд? Нет, не удалось. Им мог быть человек, тесно пристегнутый к кругу Эдварда де Вера, беспутного графа Оксфорд – почему бы и не актер Шекспир?

Эту гипотезу самым лучшим образом – даже в стихах – оформил мой друг, Е.М. Майбурд:

*В пабе, которого имя и адрес для памяти
Мудрая Клио достойными не посчитала,
Там вечерами за кружкой темного эля
Сиживал граф, и беседа неспешно текла.
Слушал его со вниманьем актер-сочинитель.
Так говорил ему граф: расскажу я тебе
Где побывал я, каких повидал я людей,
Образ их жизни тебе опишу без утайки,
Жизнь королей и о принцах легенды, что знаю...
Прямо так просят эти персоны на сцену!
Только загвоздка одна, я скажу тебе честно:
Много пытался писать я – но нету таланта.
Ты же поэтом от Бога рожден, тебе Муза
Благотворит и подсказкой ведет к совершенству,
Драмы законы познал ты и сцены законы.
Переложить, претворить, что услышал, ты
сможешь
В образы великолепные, сильные, чудные,
Словом уверенным, мощным, что дал тебе Бог,
Так, что столетьями будут смеяться и плакать,
И в восхищеньи падут пред тобой на колени
Все, кто услышал, узнал от тебя эти песни,
Ими прославится Англия наша в народах,
И не померкнет вовек, никогда это имя,
Славное имя Вильяма Шекспира! Амен!*

Х

Теория Е.М. Майбурда хороша, как инструмент сомнения. Его "...*быть может...*" трудно опровергнуть – да, могло быть тесное сотрудничество между графом Оксфордом и кем-то из его окружения, обладавшим великим поэтическим даром. К тому же предложенная "...гипотеза о сотрудничестве..." содержит важный новый элемент возможного решения задачи: а кто, собственно, сказал, что "автор Шекспир" – это одно физическое лицо? Интересно, что подобное предположение делают и другие люди, не только Е.М. Майбурд. В качестве примера можно сослаться на Бертрама Филдса, у которого есть книга "Актеры"[7].

Так вот, Бертрам Филдс полагает, что наиболее вероятным сценарием было бы тесное сотрудничество графа Оксфорда, писавшего тексты, с актером Шекспиром, хорошо знавшим сцену – и тогда становится понятным, почему в "Гамлете" после долгих разговоров, и все больше о высоком, в конце вдруг наступает суматоха с дуэлями, смертями, отравлениями – и появлением на сцене военного отряда Фортиnbrаса с речами и барабанами.

Но, кто бы ни входил в предполагаемый "творческий союз", по-видимому, можно считать доказанным некий важный тезис: Шекспир отнюдь не "...*невинное дитя Природы...*", которое поет себе вольные песни, не заботясь о деталях и о правдоподобии.

В этом смысле, надо сказать, сторонникам традиционной, "стрэтфордианской" версии наиболее сильные удары нанесли не их непосредственные противники, а люди сугубо нейтральные. Одним из них мог бы считаться итальянец, профессор Эрнесто Грилло.

Он совершенно не сомневался в Шекспире-актере, простолюдине из Стрэтфорда. Он просто формально доказал, что все слова о "...*невежественном фантазере Шекспире...*" в той части, в которой дело касается Италии – полная чушь[8].

"Стрэтфордианцы" указывали, что в "Двух Веронцах" простодушный Уильям Шекспир, нахватавшийся случайных сведений в таверне "Русалка", заставляет своих героев путешествовать водой между Миланом и Вероной, городами сугубо сухопутными. Нет – отвечает им итальянский профессор – это не так. В XVI веке знатные и богатые люди как раз и предпочитали передвигаться, где только возможно, по воде, используя каналы. Баржа везла их с любым мыслимым количеством груза и слуг, и при этом – со всеми удобствами. Дороги в ту пору были такие, что ехать по ним надо было верхом, ибо кареты с мягкими рессорами изобретены еще не были.

Шекспира бранили за невежество, потому что в "Укрощении Строптивой" он поместил производство парусов в очень сухопутном городе Бергамо. Однако он был прав – их там действительно делали. Более того – указание на ошибку Шекспира в "Ромео и Джульетте", когда он говорит о "вечерней мессе", в то время, как месса служитя по утрам, само оказалось ошибочным – в Вероне вплоть до XIX века мессу служили именно вечером. Получается, что Шекспир либо сам побывал в Италии, либо тесно сотрудничал с кем-то, кто разбирался в итальянских делах.

Но кем же был Шекспир – задачу мы так и не решили? Попробуем использовать путь, рекомендованный Фрэнсисом Бэконом – перечислим все известные нам варианты решения вопроса.

Глядишь, методом исключения мы и дойдем до какого-нибудь разумного предположения?

XI

Насколько мы можем судить, самым сильным кандидатом на роль Шекспира-автора в настоящий момент является Эдвард де Вер, граф Оксфорд. Он знал лорда Берли, и не любил его. Он был, разумеется, прекрасно знаком с его сыном, Томасом Сесилом, человеком не слишком мудреным, но сильно сердившимся на графа Оксфорда. У того плохо складывались отношения с его женой, Анной – а она доводилась Томасу Сесилу сестрой, и он ее любил. Ситуация, как мы видим, сильно напоминающая треугольник между Гамлетом, Офелией и Лаэртом – однако сама по себе аналогия ничего не доказывает. Если уж Марк Андерсон нас чему и научил, так это тому, что "*...методом аналогий...*" можно доказать что угодно.

Фрэнсис Бэкон в качестве претендента на роль Шекспира сейчас популярностью не пользуется, но все же мы его упомянем, потому есть и еще парочка уж совершенно фантастических кандидатов на эту роль.

Во-первых, называется Кристофер Марло, который, согласно выдвигаемой теории, вовсе не был убит в драке, а напротив, смерть его попросту имитировали, а самого Марло заботливо спрятали где-то в Италии, и тут уж он развернулся в качестве автора пьес, приписываемых Шекспиру. Отбросим, в виду явной нелепости?

Во-вторых, совершенно неожиданно в роли автора предлагается сама королева Елизавета. Ну, что сказать? При жизни ее считали женщиной, умной как бес, и способной решительно на все. По-видимому, некую часть этой репутации она сохранила и за гробом – но рассматривать это версию мы все-таки не будем.

Как вам понравится Уильям Стэнли, граф Дерби? Он был зятем Эдварда де Вера, мужем той его дочери, которую отверг граф Саутгэмптон. Его кандидатуру отстаивают во Франции, на том основании, что он, вроде бы, побывал при дворе Генриха Наваррского и насмотрелся там на всякие придворные игры и маскарады, из которых и получились потом "Напрасные Усилия Любви". Сомнительно в высшей степени – в конце концов, почему бы графу Дерби просто не рассказать о полученных им в Европе впечатлениях своему тестю, или все тому же актеру Шекспиру, который мог бывать в кругу знакомых графа Оксфорда? Так что отложим в сторону и его, и обратимся к фигуре поинтересней.

Это Роджер Мэннерс, граф Рэтленд. Он как кандидат на роль Шекспира, в принципе, имеет многие достоинства Эдварда де Вера – и языки знал, и по Италии попутешествовал, и в университете в Падуе поучился, и даже более того – у его брата и наследника, Фрэнсиса Мэннерса, оказались занятные знакомые.

Согласно сохранившимся документам, его дворецкий за создание некоей "импрезы милорда" – то есть, по-видимому, картонной фигуры с гербом графа Рэтленда и каким-то текстом – уплатил двум ее создателям. Один из них – известный актер, игравший в труппе "*...людей лорда-камергера...*", Ричард Бёрбедж (англ. Richard Burbage). Первый исполнитель таких ролей как: Гамлет, Ричард III, Лир, Генрих V, Отелло, Ромео, Макбет, etc. Вообще говоря, это неудивительно – именно труппы людей лорда-камергера, Шекспир как раз и писал.

А второй, человек, получивший от дворецкого деньги за "импрезу" – наш старый знакомый, Уильям Шекспир, актер[9].

Согласитесь, это волнующая находка?

Вдруг, совершенно неожиданно, обнаруживается документально подтвержденный след неуловимого Уильям Шекспира, актера и пайщика труппы людей лорда-камергера – и на этот раз не в мифическом, из пальца высосанном "*...уголке в покоех графа Саутгэмптона...*", а в платежной ведомости дворецкого, служившего одному из людей того аристократического круга, с которым Шекспир был предположительно связан.

Ну, хотя бы своими поэмами, или циклом сонетов ... Связь эта, однако, весьма далекая, и мы с вами, отнюдь не специалисты по английской культуре эпохе Ренессанса, никаких сведений из факта этой связи выжать не сумеем.

ХII

Однако интерес к ней все же проявить стоит, и вот по какой причине: не так давно, в 1997, была опубликована книга Ильи Гилюлова "Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого

Феникса", в которой трактуется вопрос об авторстве произведений Шекспира, и в которой доказывается, что Роджер Мэннерс, граф Рэдланд, как, впрочем, и его жена, имели самое непосредственное отношение к загадочной шекспировской поэме, "Феникс и Голубь".

В России книга стала сенсацией – как-никак, ее написал отнюдь не любитель-энтузиаст, вроде Делии Бэкон, а специалист, ученый-шекспировед, близкий сотрудник А. Аникста[10].

Вот что о нем написано в энциклопедии:

"...В 1997 году опубликовал книгу «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса», в которой подытожил результат своих многолетних исследований и привёл доводы в пользу теории, что под псевдонимом «Уильям Шекспир» скрывался Роджер Меннерс, граф Рэтленд, в соавторстве со своей женой, Елизаветой Сидни-Рэтленд. Книга была сравнена критикой с «разорвавшейся бомбой в шекспироведении».

Книга вызвала активную полемику в печати, найдя своих последователей и противников как со стороны стратфордianцев, так и антистратфордianцев, отстаивающих иные кандидатуры на авторство произведений Шекспира..."

Не хочется разбирать книгу, написанную на русском, неоднократно издававшуюся, вполне доступную в продаже, и даже выставленную в Сети – но все же пару слов сказать можно.

Читатель, ожидающий удара в литавры и ответа на заданные ему загадки, удовлетворен не будет. Великий Спор об авторстве произведений Шекспира не решен.

Да, И.М. Гилилов разносит версию о Шекспире-актере, якобы бывшим и Шекспиrom-автором, с куда больше силой и убедительностью, чем смог бы сделать это я – но в отношении ответа на вопрос – "А кто же?" – уязвимых пунктов остается много, хоть отбавляй.

Действительно, граф Рэтланд был, как и Оксфорд, связан с семейным кругом лорда Берли, дружил с графом Саутгэмптоном, наконец, есть и такое обстоятельство – процитируем книгу И.М. Гилилова:

"...Почти все книги, послужившие источниками для Шекспира при создании его произведений, были в библиотеке Бельвуара (многие из них и сейчас там). Там же находится рукопись варианта песни из "Двенадцатой ночи", написанная, как установил П. Пороховицков, рукой Рэтленда. Это единственная достоверная рукопись шекспировского текста!..."

Ну, сразу же придеремся к заявлению, сделанному выше – самая старая из известных нам рукописей с текстом Шекспира совсем не обязательно означает, что Шекспир ее и писал, не правда

ли?

Более существенный довод – объяснение таинственной истории с изданием Фолио. Оно было как известно, было сделано под редактурой Бена Джонсона, очень щедро оплачено – и почему-то оказалось приурочено к 10-й годовщине смерти Рэтленда и его жены.

А второе издание вышло в 20-ю годовщину.

Платили Бену Джонсону родственники Рэтленда, Пембрук и Монтгомери. Что до назначения именно Бена Джонсона редактором Фолио, то и это становится понятным – он входил в круг почитателей восторженных графини Рэтленд.

В книге И.М. Гилюлова очень обращает на себя внимание такой факт – проделка с фальшивым авторством уже имела место в этом кружке:

"...Рэтленд был одним из вдохновителей и авторов многолетнего литературного фарса вокруг придворного шута Томаса Кориэта, которому приписали несколько книг и объявили величайшим в мире путешественником и писателем..."

То есть это была шуточка в том же духе, что проказа А.К. Толстого и его кузенов, сочинивших маску "Козьмы Пруtkова". И таким образом, у нас есть как бы прецедент – да, Рэтленд и его окружение любили поиграть в прятки. Это хорошее дополнение к версии "Рэтланд как Шекспир", потому что уже давно обращалось внимание на то обстоятельство, что автор-Шекспир, по всей видимости, перестал создавать новые вещи, начиная с 1612 года – а граф Рэтланд как раз тогда и умер.

Вопросы, конечно же, остаются.

Не очень понятно, каким образом сонеты Шекспира, иные из которых дышат просто неистовой страстью (если читать их в подлиннике, а не в переводе С.Я. Маршака) могли быть написаны Рэтлендом, человеком вроде бы куда более скрытным и застенчивым.

Не знаю. Как и всегда, остается ломающая все зыбкие и неточные предположения версия *"...но ведь возможно и иначе..."*. Но одну вещь все-таки хочется добавить уже от себя.

Из книги И.М. Гилюлова видно, какую глубокую трансформацию проделало время с вопросом об авторстве Шекспира – особенно в русскоязычной среде. Оказывается, Луначарский был сторонником ранней "рэтлендовской" версии, задолго до того, как И. Гилюлов провел свой анализ авторства "Голубя и Феникса". Оказывается, еще в 1932 году отношение к текстам Шекспира было вполне разумным и даже довольно скептическим – отмечалось, например, что театральные тексты,

как правило, правят все, кто имеет отношения к постановке, их дописывают, переписывают, сокращают и так далее – так что Фолио, изданное без всяких ссылок на авторские рукописи, не следует считать "...священной коровой...".

Все дискуссии на эту тему, однако, окончились после опубликования материала профессора А.А. Смирнова, в которой были такие строки:

"...Подводя итоги всем этим "теориям", мы должны решительно подчеркнуть то, что делает их не только неприемлемыми для нас, но и идеологически враждебными...".

На этом дискуссия и окончилась – Шекспир был твердо объявлен не графом, а пролетарием.

Так что наши предположения по поводу источника поразительных прозрений М.М. Морозова, объявившего среднего современного писателя обладателем более богатого словаря, чем шекспировский, оправдались. Книга действительно несла печать своего времени, и печать эта ее изуродовала.

К Шекспиру это не относится. Он прожил уже четыре века, и будет жить вечно.

Кем бы он ни был...

Примечания

1. Players, by Bertram Fields, Reagan Books, 2005, page 257.
2. Шифр был "расколот" благодаря усилиям Уильяма Фридмана, который возглавлял исследовательское отделение службы радиоперехвата американской армии. Работал он в частной кампании в Чикаго, и с течением времени стал заведовать там Отделом Шифров и Кодирования. Владелец фирмы попросил его поглядеть, нельзя ли выудить из текстов Шекспира какие-то указания на Бэкона. Фридман ничего не нашел, но в процессе работы раскрыл шифр телеграфной службы США. Впоследствии весь его отдел в полном составе перешел из частного сектора к работе на правительство США. Вот эти-то люди и раскрыли японские коды.
3. Впервые книга М.М. Морозова "Шекспир" вышла в серии "Жизнь замечательных людей" в 1947 году. Книги и статьи М.М. Морозова широко используются литературоведами и работниками театра, занимающимися изучением Шекспира и постановкой его пьес.
4. Alias Shakespeare, by Joseph Sobran, The Free Press, New York, 1997, page 195.
5. Shakespeare by Other Name, by Mark Andersen, Gotham Books, 2006.

6. Мне попадались оценки, варьирующиеся между примерно 18 тысячами слов и 25-ю тысячами.
7. *Players*, by Bertram Fields, Reagan Books, New York, 2005
8. See *Players*, page 88.
9. See *Players*, page 268.
10. Илья Менделевич (также Михайлович) Гилилов (16 февраля 1924, Витебск, БССР – 29 марта 2007, Москва, Россия) – советский и российский литературовед, шекспировед, в 1989-1999 годах учёный секретарь Шекспировской комиссии при Российской академии наук. Автор ряда научных работ по истории английской культуры XVI-XVII веков.

Игорь Ефимов

Три романа «про это»

Главы из новой книги

(Другие главы из новой книги см. в №3 и сл. за 2011 год)

Свободны друг от друга

– А какое мне будет положено наказание?

– Наказание? О, как всегда: одиночество.

Ингмар Бергман. «Земляничная поляна».

а экране телевизора – небольшая квартира, заполненная кошками. Рыжие, чёрные, пятнистые, серые, полосатые кошки расхаживают по коридору, спят на кушетке, едят из мисок, сидят на обеденном столе. Во всех углах – грязные поддоны с песком и кашками. В кресле – хозяйка квартиры, женщина лет шестидесяти, давно махнувшая на себя рукой, расплывшаяся, непричёсанная. Одна кошка у неё на коленях, другая – на руках, третья – на плече.

Да, я люблю их, – говорит она. – В них вся моя жизнь. Дочь и внуки иногда заходят, затыкают нос, уговаривают меня отдать в кошачий приют хотя бы половину. Но как я могу? Расстаться вот с такой чудной мордочкой? (Подносит кошку к лицу, трётся о неё носом.) Страшно боюсь заболеть. Если меня положат в больницу, что с ними станет? Кто их будет кормить? Наверное, воспользуются случаем, увезут всех в приют, и я вернусь в пустую квартиру.

Марк Поповский в своей книге «На другой стороне планеты» рассказывает как раз о старушке, которая из-за болезни лишилась всех своих мурлыкающих друзей. «Поместили её в дом для престарелых, но она убежала оттуда и каким-то образом сняла квартиру в городе... Навестивший её сотрудник соцобеспечения обнаружил, что стены в квартире были разрушены. Старушка разбивала штукатурку и вкладывала в дырки куски хлеба: кормила крыс. Их было великое множество. Но о кошках она тоже не забывала – покупала банки с кошачьей едой, открывала их,

вываливала содержимое на газету, а затем выбрасывала пакет в окно, в надежде, что кошечки её подарок разыщут и голодными не останутся».¹

Канал «Планета животных» не стал бы показывать передачи на эту тему чуть ли не каждый день, если бы они не привлекали массового зрителя. Видимо, проблема достигла масштабов эпидемии. Люди заполняют своё жильё собаками, попугаями, черепахами, обезьянами. И не обязательно одинокие. Показали молодую супружескую пару, дошедшую до грани развода, потому что муж загромоздил квартиру клетками с курами, уверяя всех, что проводит какой-то важный эксперимент. В другой семье пятнадцатилетняя дочь убежала из дома к добрым соседям, потому что мать заполнила квартиру десятками кошек и при этом, со слезами на глазах, объясняет мужу и психиатру, что жить без любимых тварей она не может, хотя бегство дочери терзает ей сердце.

Мания эта получила название «хординг» (от слова hoard – запастись). Параллельно идёт серия передач под названием «фатальная привязанность» (Fatal Attraction). Это про тех, кто выбрал объектом любви *опасных* представителей животного мира. У одного в джакузи живёт крокодил длиной два метра, у другого – удав. Один фермер завёл себе в качестве домашнего любимца взрослого бизона – ему пришлось расширять двери в доме, чтобы четвероногий друг мог свободно переходить из комнаты в комнату. Ньюджерсийская дама в своём загородном поместье завела тигровый питомник, в какой-то момент у неё скопилось 25 зверей. Соседи были в ужасе, потому что тигры иногда ускользали из загонов, бродили по округе. Муниципалитет пытался принять какие-то меры, но соответствующих законов в штате ещё нет, а хозяйка питомника настаивает на полной безобидности своих любимцев. «Но вот в Канаде недавно такой же любитель полосатых хищников был загрызен одним из них», говорят ей. «Наверное, он повёл себя как-то недобро, агрессивно. Сам виноват».

Другой фронт войны американцев с одиночеством развернулся в бескрайних недрах интернета. Блоги, фэйсбуки, эсэмэсы оказались идеальным, ни к чему не обязывающим суррогатом общения. Межчеловеческие связи возникают и рвутся с лёгкостью утренней паутины, покрытой росой. Однако есть чувствительные души, пытающиеся превратить эти ниточки в серьёзные отношения. Таких, как правило, ждёт горькое разочарование. Растёт число покончивших с собой из-за «интернетных измен».

Раньше иллюзия общения цвела в пивной, баре, кабаке, кафе. Человек входил никем не званный, заговаривал с кем угодно, никто не мог его отвергнуть, все были обязаны принимать всех и каждого, никто никому ничем не был обязан, никто не был ни в чём виноват. «Почему у вас так громко играет музыка – невозможно разговаривать?», – спросил я однажды у владельца бара в Новом Орлеане. Владелец был знакомым профессором и сказал с усмешкой: «Для того и играет так громко, чтобы не было нужды в разговорах».

Бар был самым естественным местом пребывания для одиноких героев Хемингуэя, Керуака, Чивера, Сэлинджера. С горькой иронией Саймон и Гарфанкель пели о том, что «дружба не нужна, она причинит боль, поэтому следует быть одиноким, как скала». А как одиноки персонажи на полотнах Эдварда Хоппера и Эндрю Вайета, в фильмах Джима Ярмуша и Роберта Альтмана, в стихах Томаса Элиота, Алена Гинзберга, Уистена Одена!

В веке XIX одиночеством мучились только богачи, живущие в просторных апартаментах или поместьях. Удел Онегина, Печорина, Алеко не грозил обитателям шахтёрских посёлков или доходных домов. Но после Второй мировой войны жилищные условия и благосостояние в Америке стали стремительно улучшаться. Мы приехали в страну, в которой у большинства людей уже не было необходимости тесниться в одном доме с родителями, с престарелыми родственниками, с подростками детьми, с беспомощными инвалидами. Каждый ребёнок претендовал на отдельную комнату и часто запирался в ней наедине с проигрывателем или компьютером. Жизненное пространство быстро расширялось, и в него бесшумно заползали сонмы змей одиночества, которые умели жалить прямо в сердце.

И конечно – автомобиль!

Он открывал бескрайние поля свободы друг от друга. В десятках фильмов герой мчался с развевающимися волосами в машине или на мотоцикле – прочь от всех! – один, гордый, свободный. Даже когда Дастин Хофман в фильме «Выпускник» летит на красненьком «фольксвагене», чтобы отвоевать свою возлюбленную от соперника, что-то говорит зрителю, что он не станет мирно растить с ней детишек и являться каждый день на службу в фирму, производящую пластмассу, а через год-другой снова умчится, влекомый неодолимым зовом новизны.

Десятки миллионов одиноких жаждали избавления от своей тоски и готовы были отдать последние деньги тем, кто обещал им помощь и спасение. Уверен, что именно они обеспечили неслыханный массовый успех проповедникам-

евангелистам на телевиденье. Когда ты сидишь в огромном зрительном зале, окружённый тысячами единоверцев, и слушаешь самозабвенные призывы нового апостола и сливаешься с ним, с Христом, с миллионами телезрителей – о каком одиночестве может идти речь?! Ты принят, растворён в пульсирующем океане веры и любви. И неважно, если через месяц окажется, что новый апостол разворовывал пожертвованные тобою деньги, напивался, блудил направо и налево. Нажатием кнопки ты можешь перейти на другой канал и влиться в новое ликующее братство.

На помощь людям неверующим пришли армии психоаналитиков, захлестнувшие под знаменем Святого Зигмунда Америку от океана до океана. Фигура «шринка» стала такой же привычной и обязательной, какой в веке XIX была фигура священника, пастора, попа. Фильмы, романы, статьи часто изображают шринков иронично, даже карикатурно, но это никак не уменьшает ни числа их пациентов, ни их доходов. Тот же Марк Поповский описал супружескую пару, в которой жена может промолчать все четыре часа совместной поездки с мужем в автомобиле, но уже много лет исправно платит своему шринку 500 долларов в месяц за право говорить о себе, лёжа на кушетке в его кабинете.²

Конечно, остаются в силе – да ещё как! – и традиционные способы бегства от одиночества: пьянство, наркотики. Примечательная деталь: большинство людей любят выпивать в компании, в застолье, потому что алкоголь облегчает общение, взаимное доброжелательство, даже любовь. Напиваться в одиночку – тревожный знак, приближение края пропасти. «Ведь я же, Зин, не пью один», – гордо заявляет герой песни Высоцкого. Любителям марихуаны тоже нравится собираться вместе и передавать самокрутку по кругу. Да и лечение запойных в группах «Анонимных алкоголиков» тоже начинается (а, возможно, и кончается) разрушением проклятья одиночества: они собираются *вместе*, в одной комнате и делятся своим печальным опытом с оправданной уверенностью, что и остальным это важно и интересно.

Не могла остаться в стороне от такой гигантской эпидемии и армия фармацевтов. Новые и новые лекарства от депрессии выбрасываются на рынок каждый год, и цены на них взлетают под потолок, под небеса. Пикантность заключается в том, что испытывать их можно только на людях, давших своё согласие на это, то есть признавших себя больными. Те же, в ком тоска одиночества проявляется вспышками неконтролируемой злобы или, наоборот, параличом воли и полной апатией, выпадают из

рамок проводимых экспериментов.

Ну, а что же происходит в Америке с главным – веками проверенным! – защитником от одиночества – семьёй?

НВ: «Душа Моя скорбит смертельно, – сказал Христос ученикам. – Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною».

«Нет, – сказали ученики. – Ты просто болен. Мы пойдём и достанем Тебе зелье под названием прозак.»

Брачные узы

Отношения между мужчиной и женщиной остаются главным строительным материалом любой цивилизации и одновременно – главной мистической тайной той части Творения, которая именуется Человечество Земли. Десятки и сотни раз я пытался приблизиться к ней в своих романах и трактатах, но не для того, чтобы раскрыть её – этим до скончания веков пусть занимается музыка, – но чтобы заглянуть хотя бы в доступные нам просветы. Как безбилетник, бродящий вокруг концертного зала, я вслушивался в обрывки песен и арий, и всё подслушанное и подсмотренное в преображённом виде потом всплывало в моих книгах.

Американская статистика в начале 1990-х безжалостно подсчитала: каждый второй брак, заключённый в стране, кончится разводом. Но эта статистика не учитывала те союзы, в которые молодые – и не очень молодые – пары вступали без благословения церкви или муниципалитета. Такие «пробные» браки кончались разрывом ещё чаще. Сегодня в жизнь вступает поколение, половина которого росла в разрушенных семьях. Что породило этот океан горечи и страданий? Какие силы отбрасывали друг от друга людей, ещё вчера искренне влюблённых?

В своё время Леонид Зорин рассказал мне, что новая пьеса рождается у него не с придумывания сюжета, а с накапливания драматических деталей, сценок, коллизий. Как живописец, постоянно делающий в блокноте наброски лиц, поз, нарядов, ещё не знает, каким образом они вольются в будущую картину, так и литератор должен вносить в записную книжку мозаику душевных движений, ловимых его глазом и слухом в окружающей жизни, отбирая их только за яркость и своеобразие, а не за пригодность смутно зреющему замыслу. Думаю, я бессознательно подражал зоринскому приёму, когда собирал материалы к роману, впоследствии появившемуся на свет под названием «Суд да дело».

В какой-то мере он подхватывал и развивал главную тему романа «Седьмая жена», так же вглядывался в чехарду влюблённостей и разрывов. Но если герой «Седьмой жены»,

Антон Себеж, подчинялся правилам перехода от одной возлюбленной к другой, то есть каждый раз послушно проходил процедуру развода (в Америке это называют «серийный моногамист» – по аналогии с «серийным убийцей»), герой романа «Суд да дело», Кипер Райфилд, влюбляется в замужнюю женщину, отчаявшуюся найти счастье внутри сложившихся правил брачных отношений. И она не одинока в этом порыве. Из-за неё Киперу приходится встречаться, общаться, диспутировать и бороться с десятками экстравагантных противников традиционной моногамии, ищущих новые варианты устройства семьи.

Мне почти не было нужды напрягать фантазию в этом плане. Купив несколько экземпляров журнала «Больше любви» (*Loving More*), я мог просто выписывать оттуда красочные объявления:

«Счастливая пара, женаты двадцать лет, открыли границы восемь лет назад. Наши дети выросли, теперь у нас больше свободного времени для дружбы, поиска, романтики. Предлагаем – и ищем – любовь, надёжность, веселье, интеллект. Возраст, пол, раса не имеют значения. Пишите...»

«Мечтаю о тройственном союзе! Интеллигентная, успешная, амбициозная, кудрявая львица тридцати пяти лет, с двумя львятами (14 и 7), ищет пару, умеющую обращаться с людьми и миром на высоком уровне. Ревности – нет! Равенству – да!»

«Очаровательный, живой, спортивный, преподаю музыку, питаю неизменную слабость к музыкантам, художникам, танцорам, обожаю остроумную беседу (даже с примесью дурачества), люблю путешествовать, танцевать, целоваться – но! и в этом главная моя трудность! – целоваться непременно с двумя женщинами сразу. Пишите...»

Папка с надписью «Новый роман» быстро наполнялась газетными и журнальными вырезками, конспектами телевизионных передач, историями из жизни, интернетовскими призывами. Поиски альтернативных форм супружества бурлили столь же активно, сколь и поиски альтернативных способов лечения болезней. За пятьдесят лет рамки общепринятого и разрешённого раздвинулись, впусив легитимность отношений бойфренд-гёрлфренд, в некоторых штатах признали однополые браки, в других смотрели сквозь пальцы на полигамистов. Что такого страшного, если какие-то люди захотят построить семью из трёх, четырёх, пяти участников?

Дерзкий сюжетный ход пришёл позднее, когда поле романа уже было вспахано для посева, семена запасены и

обработаны. Если спрятать подзаголовок «Лолита и Холден двадцать лет спустя», читатель может и не заметить, что в образах главных героев автор воскресил двух самых знаменитых подростков начала 1950-х, похитив их у Набокова и Сэлинджера. В журнальной публикации подзаголовок потерялся, и многие рецензенты не обратили внимания на связующие ниточки, рассыпанные в тексте, проглядели факт воровства у классиков. Но и для меня это воскрешение знаменитых героев было не несущей частью конструкции, а скорее литературной игрой, забавлявшей в процессе писания. Здание романа должно было стоять само по себе, без подпорок, даже если бы героев звали Джон и Мэри, Иван да Марья.

Роман кончается поражением Кипера – он теряет возлюбленную, не сумев найти в душе отклика на её антимонагамные искания. Irreconcilable differences – непримиримые различия – наиболее частая причина разводов, объявляемая в суде. Другая часто упоминаемая причина: супружеская неверность. Ревность, желание мести за измену признаются повсеместно чувствами естественными, законными, оправданными. Ещё Достоевский в «Дневнике писателя» рассказывает об адвокате, заявившем на суде, что, если бы его подзащитная не полоснула бритвой по горлу жену своего любовника, она бы тем самым обнаружила отсутствие нормальных человеческих эмоций. Сто лет спустя миллионы женщин в Америке приветствовали Лоретту Боббит, отрезавшую кухонным ножом член своему возлюбленному-изменнику. Но меня всегда занимал вопрос: каким же образом миллионы ловеласов всех времён соблазняли чужих жён и ничуть не страдали при этом от ревности к мужьям? Не может ли оказаться, что страдания ревности вызваны не ущемлением маленького «люблю», а утратой раздутаго и гордого «владею»?

Другой вопрос, другое большое ПОЧЕМУ? окрашивало феномен непостоянства. Да, за измены в цивилизованном мире больше не побивали камнями, не клеймили алой буквой на лбу. Но угроза быть наказанным потерей семьи и детей остаётся вполне реальной. А для профессионального политика дело может кончиться и концом карьеры. Почему же с таким упорством мужчины и женщины, рядовые граждане и столпы общества, ищут любовных утех на стороне? Даже те, кто продолжает любить своих супругов и страшится утратить их? Загадка эта казалась мне столь многозначительной, что вскоре после выхода книжного издания «Суд да дело» папка с надписью «Новый роман» снова начала быстро заполняться «строительным материалом».

НВ: К браку мы предъявляем такие же требования, как к дому: хотим, чтобы он был прочным, тёплым, надёжным, уютным. И лишь одно свойство хорошего дома кажется нам недопустимым в браке: наличие двери, через которую можно выйти погулять и потом вернуться.

Инопланетный Гулливер

Неодолима тяга нашей души вверх, к тому, что мы потом на разных языках назовём Богом.

Непостижимы взрывы страстей, которые превратят эту тягу в массовые убийства, пытки, грабежи.

Про это Ефимовым были написаны – у него сочинились – случились – романы «Свергнуть всякое иго», «Невеста императора», «Новгородский толмач», все философско-исторические трактаты.

Неодолима тяга мужчины и женщины друг к другу.

Непостижимы силы раздора, отбрасывающие их друг от друга в попытках совместной жизни, превращающие часто в смертельных врагов.

Про это были написаны – сочинились – случились – романы «Смотрите, кто пришёл!», «Зрелища», «Как одна плоть», «Седьмая жена», «Суд да дело».

Казалось бы, ты сказал всё, что мог, тысячи людей услышали тебя, откликнулись, но это никак не изменило их жизни. По-прежнему им остаётся выбирать между двумя видами утраты любви, между двумя океанами горя. Один называется Одиночество, другой – охлаждение, раздражение, вражда. И по-прежнему в душе вскипает сострадание и протест. Нет, не может быть, чтобы это было так безнадежно и неизбежно! Тут какая-то ошибка, куда-то мы не туда пошли!

Но как трудно касаться этой темы, как трудно сохранить мину бесстрастного исследователя. С какой стороны ни подойди, так и ждешь, что из зала раздадутся крики: «А сам ты? К чему ты нас призываешь? Уж не хочешь ли ты, чтобы все запреты были сняты, чтобы каждому было позволено проделывать это с каждой?» И вот уже мелькают в воздухе тухлые яйца, гнилые помидоры, а там, глядишь, дойдёт дело и до камней, а за дверью уже маячит ведро со смолой и мешок с перьями.

Видимо, не обойтись здесь без литературных хитростей. В эти мемуары уже были включены десятки отрывков из написанных мною книг. Почему нельзя использовать отрывок из книги, ещё не написанной? Из книги, замысел которой пока лишь смутно зреет, пускает корешки в тёмной и тёплой ямке воображения? Давайте представим, что на Землю явился инопланетный путешественник.

Его послали к нам, чтобы он написал отчёт о жизни землян. И выберем из этого отчёта главу об устройстве брачных отношений у разных народов. Вся ответственность за нижеследующий текст – на инопланетном Гулливере, который – по неизвестным причинам – выбрал явиться к нам в женском облике. Он/она обращается к инопланетному профессору, пославшему его/её на задание.

Дорогой профессор! Вы просили отдел экипировки сделать мой скафандр по возможности привлекательным для землян, и художник честно сидел над картинками и фотографиями из их газет и журналов. Но добился лишь того, что теперь на кампусе я не могу пройти от общежития до библиотеки, без того чтобы за мной не увязались два-три студента. Мне приходится быть крайне осторожной. Если я буду всем говорить «нет», это – по их нынешним нравам – может вызвать подозрения. Если выбрать одного и стать тем, что у них называется бой-гёрл-френд, этот избранник, проводя со мной каждый день, очень скоро начнёт замечать некие странности моего телосложения и поведения. По тонкой, по звенящей струне мне приходится ступать, дорогой профессор.

Но если бы вы видели, с какой несоразмерной страстью они накидываются на все мягкие округлости моего скафандра! А все отверстия в нём вызывают в них почти животный экстаз. Я порой опасаясь даже за ноздри и уши. И, конечно, с трудом удерживаюсь от смеха. Но рассмеяться – недопустимая роскошь. Уже и без того мне доводилось слышать реплики в свой адрес: «колд бич», то есть «холодная сука».

Ещё мне приходится скрывать мою способность усваивать содержание любой книги за пять минут перелистывания. Земляне до сих пор читают букву за буквой и слово за словом – вы можете себе представить, сколько времени у них уходит, чтобы заучить какую-нибудь знаменитую поэму, вроде «Илиады» или «Фауста», о которых я вам писала в предыдущих письмах. Я же, после месяца занятий в библиотеке, проштудировав тысячи томов, могу представить вам краткий отчёт по интересующему нас предмету.

На сегодняшний день на этой Голубой планете брачные отношения существуют в трёх основных формах, связанных с религиозными различиями разных народов:

А) Мусульмане, у которых мужчине разрешено иметь несколько жён и разрешено разводиться с ними.

Б) Католики, у которых жена должна быть только одна и развод с ней запрещён.

В) Все остальные христиане, а также индусы, китайцы, японцы: жена одна, но развод с ней разрешён.

Конечно, все три формы считают свои обычаи наилучшими и смотрят с презрением и осуждением на других.

Во всех известных нациях и религиях осуждаются или запрещены кровосмесительные связи. Видимо, несколько тысяч лет назад земляне заметили, что от брачных отношений между близкими родственниками потомство получается довольно хилым. Зато у многих народов до сих пор не наступило осознание того, что и браки по принуждению приводят к таким же результатам. Все народы, у которых молодые люди были лишены свободы в выборе супруга, у которых браки совершались по сговору родителей, вскоре приходили в упадок, отставали на пути прогресса, даже если до этого они находились на вершине культуры и процветания. Примеры: Древний Египет, Китайская империя, Индия, Древняя Греция, Иудейское царство, Арабский халифат.

В Европе и Америке эта проблема была замечена двести-триста лет назад, и началось мощное движение в защиту права молодых людей на свободный выбор. Писатели, поэты, драматурги, философы прославляли избирательный инстинкт юношей и девушек, который они обозначили неудачным термином «любовь». (Изначально этим термином обозначались отношения между родителями и детьми.) Движение это достигло такой силы, что на сегодняшний день любовь считается единственно правомочным поводом – стимулом – для вступления в брак. Родителей, которые по каким-то причинам попытаются разрушить наметившийся союз, будут считать жестокими тиранами, отсталыми людьми.

Однако при этом никакой народ не может снять с вступающих в брачный союз обязанность производить и растить потомство и с этой целью понуждает их сохранять свой союз хотя бы 15-20 лет. Для этого раздувается культ так называемой верности, сурово осуждается любая попытка одного из супругов вступить в любовную связь на стороне. После того как приманка свободной влюблённости сделала своё дело и ловушка захлопнулась, ты должен оставаться с раз избранным партнером до конца дней своих.

Что же мы имеем на сегодняшний день?

Оказалось, что для большинства американских и европейских земель соблюдение моногамного идеала – задача абсолютно непосильная. Я прочла сотни, если не тысячи биографий их знаменитых художников и музыкантов, королей и генералов, политиков и философов, поэтов и писателей – хорошо, если один из ста мог бы похвастать соблюдением супружеской

верности. Причём все любовные связи, всплывающие посмертно, ничуть не замутняют ореола знаменитости. Да и при жизни никто уже не станет осуждать прелюбодея или порывать с ним отношения. Опасность не в том, что кто-нибудь узнает, а в том, что это будет предано огласке. Если ты не попался, можешь грешить дальше.

Знаете ли вы, дорогой профессор, что у землян можно прославиться, метко посылая пластмассовый шарик ударом клюшки в вырытую в земле ямку? Так вот недавно самый знаменитый забиватель шариков был вынесен на экран всемирного позора за то, что во время своих поездок на состязания он не упускал случая загнать шарик-другой в ямку какой-нибудь поклонницы, без ведома жены.

В течение XX века несколько громких скандалов сотрясли британский королевский дом. Наследные принцы и принцессы заводили романы на стороне, ссорились, разводились. Только что вся Голубая планета праздновала бракосочетание внука правящей королевы. А я смотрела на прелестное лицо молодого жениха и думала: «Господи, неужели никто из взрослых не предупредит, что ты поставлен перед заданием невыполнимым? Что жить без огонька влюблённости землянин не может, а огонёк, горящий у тебя сейчас по отношению к невесте, не может растянуться на годы? Что, пытаешься соответствовать тому, чего от тебя ждут, ты впадёшь в такое же отчаяние, в какое впала твоя мать, и можешь так же погибнуть в развороченной утробе дымящегося автомобиля?»

Список американских политиков, вынужденных покинуть свой пост из-за любовного скандала, наверное уже измеряется сотнями. Несколько лет назад всенародно избранный на второй срок президент чуть не лишился власти, когда вскрылись его любовные похождения. Причём, он уважал и ценил жену, любил дочь, боялся потерять семью, но ничего не мог с собой поделать. Боясь огласки, он перестал встречаться со своей возлюбленной – прелестной сотрудницей в президентском дворце, – и они перешли на то, что здесь называют «любовь по телефону».

Да-да, профессор, бывает здесь и такое. Есть даже платные специалистки этого ремесла, которые могут по тонким телефонным проводам довести мужчину до спермоизвержения. Но не спасло: любовников поймали, и позорное расследование заполняло страницы газет и экраны телевизоров в течение многих месяцев.

Вы, конечно, можете предположить, что любовным разгулом охвачена только верхушка общества. Я тоже допускала

такую возможность, пока не окончила юридический факультет (с отличием, профессор! гордитесь!) и не попала на работу в адвокатскую контору, специализирующуюся на разводах. Вы не можете себе представить, сколько разбитых судеб прошло перед моими глазами, какое море глухой вражды, раздражения, даже ненависти плещется каждый день за дверьми кабинетов в нашей конторе. Горечь разочарования друг в друге усугубляется для наших клиентов тем, что они воображают свой случай исключительным и винят в развале своего брака либо себя, либо партнёра. Ведь их уверили, что миллионы других пар доживают до старости в мире и согласии – поглядите на их счастливые лица, сияющие на рекламных плакатах, на поздравительных открытках, в кинокадрах комедий.

С чем можно сравнить гнусность этого обмана? Вот если бы птицы обещали своим птенцам, только что научившимся летать, что и строить гнёзда, и высиживать яички можно будет, не прерывая счастья полёта, – тогда это было бы похоже на то, что местные земляне проделявают со своими молодыми.

Далеко не все разводы кончаются мирно. Бывают случаи, когда один из супругов впадает в слепое бешенство и может совершить преступление, даже убийство. Причём часто всё объясняющий мотив ревности оказывается неприменим, ибо жена или муж рвутся уйти не к кому-то определённом, а просто убежать куда глаза глядят. Отвергнутый порой мстит страшнее, чем обычный ревнивец. Недавно судья наложил на разведённого им мужа такие тяжёлые алименты, что тот вышел из здания суда, прокрался в дом напротив со снайперской винтовкой и через два окна застрелил не только жену, но и судью. После этого случая наша контора сочла необходимым нанять вооружённого охранника.

Наконец, пришёл тяжёлый момент признания. Дорогой профессор, я нарушила вашу инструкцию и завела роман с одним из землян. Поверьте, у меня не было другого способа довести исследование до конца, понять, что движет ими, когда они снова и снова идут на нарушение одной из важнейших заповедей их моральных устоев.

Моим избранником оказался инженер-конструктор, которому часто приходится приезжать в наш город, чтобы надзирать за возведением большого алюминиевого завода, строящегося здесь по проекту его фирмы. После рабочего дня мы идём с ним в какой-нибудь ресторан, потом уединяемся в номере гостиницы. Все округлости моего скафандра приводят его в экстаз, он покрывает их поцелуями, а порой и слезами. Насытившись друг

другом, мы усаживаемся в постели, подложив под спины подушки с кресел, и включаем очередной фильм, привезённый им с собой. Ему нравятся истории про треугольные любовные драмы, и мы уже посмотрели «Пристрели луну», «В следующем году, на том же месте», «Незамужняя женщина», «Сцены из супружеской жизни», «Кит и кальмар», «Восемь с половиной», «Плотская любовь», «Мужья и жёны» и многое другое.

Как вы могли догадаться, выбор этот связан с тем, что сам он женат, имеет трёх сыновей, и семья остаётся важнейшей частью его жизни. В таких ситуациях героиня в американском фильме может спросить: «Если ты любишь свою жену, что же ты делаешь в моей постели?». Я, конечно, не позволяю себе ломиться так напролом, но всё же обиняками подталкиваю его к ответу на этот вопрос. И вот однажды он сказал мне вещь, которая меня поразила. Мы смотрели фильм под названием «Луной зачарованный» (*Moon Struck*). Там одна немолодая дама, узнавшая, что муж ей изменяет, спрашивает у незнакомца в баре:

– Почему, почему мужчины так гонятся за бабами и не могут успокоиться даже в старости?

– Не знаю, – многозначительно отвечает незнакомец, про которого нам известно, что он и сам очень, очень непрочь. – Может быть, потому что они боятся смерти.

Этот ответ приводит его собеседницу в восторг. Но мой инженер только процедил сквозь зубы: «Какая чушь!».

После конца фильма я спросила его, как бы ответил он. Ведь у него были любовницы до меня, будут после. Зачем мы ему нужны, если он так счастлив с женой и семьёй?

– Ты не поверишь, – сказал он. – Это может прозвучать дико, но вы все нужны мне именно для того, чтобы сбересть мою любовь к жене и семье.

И дальше он разразился длинным монологом, рассказал мне историю своей жизни, которая вкратце сводилась к следующему. В первый раз он женился, как здесь женятся все молодые люди: потому что рвался к независимости, прочь из родительского дома, потому что девушка была обворожительна, потому что вожделение не давало спать по ночам. Они оба были полны веры в святую постоаянства и презирали «изменников и изменниц». Никто не предупредил их о разнице между «влюблён» и «люблю». (Кстати, он потом придумал неплохое сравнение: «влюблён» – это как огонь в печи – красивый, жаркий, недолгий; «люблю» – как согретая печь, всю ночь наполняющая дом теплом.) Никто не объяснил, что электрическая дуга влюблённости загорается только там, где есть свобода выбора, что брачные узы

гасят её неумолимо. Брак живёт и дышит любовью, и самое опасное заблуждение, в которое впадают земляне: мерить тепло любви жаром влюблённости, сравнивать их между собой, принижать любовь за то, что она не пылает, как влюблённость.

Как водится, у молодых началась цепь мелких разочарований друг в друге, тайных обид, тревожных предчувствий. Он вдруг осознал, что вождление отдавало его в полное подчинение жене. Так как проституция у них запрещена, мужчина часто испытывает такие же мучения, как недоенная корова. А женщина, нащупав этот рычаг своей власти над мужем, начинает пользоваться им, порой без всякой корысти прячется за «устала, болит голова, нет настроения». С другой стороны, и мой инженер начал подозревать себя в неискренности, в том, что все его проявления нежности и любви к жене есть на самом деле только стратегические ходы, нацеленные на получение ночных ласк.

Жизнь тем временем текла своим чередом. Они оба ходили в свои конторы, на вечеринки к друзьям, на торжественные юбилеи к родителям. И, будучи хорош собой (я выбрала его не зря), он всюду ловил многозначительные взгляды других женщин, их прелестные лица и стройные фигурки загорались потом в его воображении манящими витражами. К некоторым подругам жены он испытывал такую нежность, что таить её казалось ему позорным лицемерием. Нет, он не поддавался соблазну, не отвечал на заигрывания, не возвращал телефонные звонки. Но тоска по новой влюблённости, по этой жаркой дуге, загорающейся между двумя свободно выбравшими друг друга, томила его не переставая. Она убивала его любовь к жене. Ведь ради кого он держал себя в узде, ради кого так обеднял свою жизнь? Он начинал смотреть на жену как на тюремщицу, поставленную держать под замком золотую ленточку свободы, без которой жизнь теряла волшебный аромат тайны и непредсказуемости.

Их брак продержался меньше двух лет. Слава Богу, не успели завести детей, разошлись без злобы. Но урок, усвоенный из первого брака, мой инженер заучил крепко. На устои он не покушался, не собирався бороться с моральными канонами. Он просто понял, что *для него* они невыполнимы. Что для него отказ от новых влюблённостей был равносильен отказу от любви вообще. И, вступая во второй брак, он твёрдо знал, что будет изменять новой жене, ибо только так он может сохранить свою любовь к ней – *любовь свободного человека*.

Потом, глядяываясь в жизненные драмы клиентов нашей адвокатской конторы, я не раз вспоминала исповедь моего

инженера. Они не умели высказать свои чувства так откровенно и внятно, как он, но весь переплетённый пучок их страданий выросал, мне кажется, из того же корня. Воспитанные в идолопоклонстве перед свободой любовного выбора, они оказываются совершенно не готовы к неизбежному исчезновению золотой ниточки свободы из брачного каната и начинают винить себя, друг друга, родителей, судей – и браки рушатся один за другим, оставляя позади растерянные, заплаканные глаза детей, у которых ни за что, ни про что отняли самое главное: безопасность надёжного домашнего пристанища. И сколько раз уже мне доводилось видеть, как люди, созданные друг для друга, считали своим долгом расстаться только потому, что одного из них опалила мимолётная новая влюблённость.

Культ свободы и равенства между полами доведён у сегодняшних американских землян до гротеска. Я не понимаю, откуда ещё берутся смельчаки мужчины готовые взваливать на себя брачное ярмо. Не пришлось бы им вернуться к обычаям древнегреческой Спарты, где на холостяков накладывали штрафы и водили обнажёнными по базару как товар, предлагаемый на продажу. По их нынешним правилам, жена может в любое время оставить мужа, без всякой вины с его стороны, забрать детей, и суд приговорит оставленного отца оплачивать содержание жены и детей до достижения ими совершеннолетия. Обломки этих семейных корабликов заполняют города и посёлки, трагические истории всплывают в фильмах и книгах, но мечта иметь семью и детей не умирает и манит – толкает – гонит доверчивых под венец снова и снова.

Я не знаю, дорогой профессор, как американские земляне вывернутся из тупика, в который их загнало безудержное прославление двух несовместимых вещей: любви и свободы. Может быть, им следует признать, что выращивание потомства есть важнейший вид трудовой деятельности и потому заслуживает того же, что уже имеют все остальные виды труда: узаконенный ежегодный отпуск. Буду посылать вам дальнейшие отчёты об устройстве их семейных отношений, которое медленно, но неуклонно продолжает меняться у нас на глазах.

NB: «Дорогой, ну что, что ты нашёл в ней, чего нет во мне?!» – «Неужели ты не понимаешь? Это же так очевидно... Я перед ней ещё ни в чём, ни в чём не виноват».

Вариации на тему

Спрашивается: может ли средний американец, который порой не знает имён Гитлера и Сталина, загружать свою память сведениями о семейной жизни и нравах других народов? Да ещё

тех, которые живут в неведомых краях? В диких горах, в полярной ночи? Или жили сто, двести, тысячу лет назад? Какое ему дело до того, что когда-то был матриархат и женщина – продолжательница рода – была естественной руководительницей семейного клана? Или до тех племён, у которых до сих пор существует полиандрия, то есть многомужество? Или до тех, у которых священный закон гостеприимства включает в себя обязательный визит хозяйки дома в постель гостя? Для среднего американца это всё вынесено за границу дикости и может вызывать только любопытство, как жизнь странных существ на дне океана.

Даже если он старательно изучал Библию в воскресных классах церковной школы, он может очень удивиться, если ему напомнить, что все первые пророки и цари иудейские были многожёнцами. Или, что и среди первых христиан многожёнство было так распространено, что апостол Павел должен был призывать диаконов «оставаться мужем одной жены» (1-Тим., 3:12). Или, что легенда о грехопадении говорит вовсе не о *совокуплении* Адама и Евы – это Господь только приветствовал, говорил им «плодитесь и размножайтесь и наполняйте Землю» (Бытие, 1:28), – а о *непослушании*, о нарушении запрета не есть с Древа познания добра и зла, то есть о проявлении самовольства, сделавшего Адама знающим добро и зло, «как один из Нас» (Бытие, 3:22).

Нет, то, что другие народы и племена жили и живут по другим правилам, среднего американца мало волнует. Но океан семейных страданий, горя, раздоров плещет у него перед глазами, порой омывает слёзно-солёной водой его самого, и он не может не искать спасительную бухту хотя бы для одного себя. В какой-то момент он обнаруживает, что выполнение существующих правил брачной жизни ему совершенно не по силам, и решается на открытое нарушение их.

Последние десятилетия были заполнены отчаянной борьбой гомосексуалистов и лесбиянок за право создавать устойчивые семейные союзы, которые регулировались бы теми же законами, что и обычный моногамный брак. Их война идёт с переменным успехом, различные штаты то разрешают подобные союзы, то запрещают их. Но всё равно, достигнутая мера признания их прав показалась бы невероятной и невозможной современникам Болдуина, Чивера, Тенниси Уильямса.

Гораздо труднее приходится адептам традиционной полигамии, но и они не прекращают борьбы. Три года назад вся страна была захвачена новостями из маленького Техасского городка Эльдорадо. Ранним апрельским утром отряды полиции и

части спецназа, вооружённые автоматическими и снайперскими винтовками, поддержанные с воздуха вертолётами, вторглись в жилой комплекс, окружавший четырёхэтажный белый храм, принадлежавший радикальной секте полигамистов FLDS (Fundamentalist Church of Jesus Christ of Latter Day Saints – Фундаменталистская церковь Иисуса Христа и святых Последнего дня). Поводом для рейда послужил телефонный звонок (впоследствии оказавшийся ложным), извещавший власти о том, что в этом жилом комплексе регулярно совершаются сексуальные насилия над детьми. Полиция не обнаружила ни оружия, ни наркотиков, дети выглядели весёлыми и здоровыми, их матери в строгих платьях до земли никак не походили ни на преступниц, ни на жертв преступления. Тем не менее, все дети моложе семнадцати лет (их оказалось несколько сотен) были погружены в автобусы и увезены в военные казармы и приюты.

Общественное мнение было возмущено такими массовыми насилиями, вторжением в частную жизнь. Десятки адвокатов кинулись защищать матерей, разлучённых с детьми, знаменитый телеобозреватель Ларри Кинг пригласил нескольких из них выступить в его программе. Верховный суд Техаса объявил рейд незаконным и приказал вернуть всех детей матерям. К суду были привлечены только несколько мужчин, вступивших в брачные отношения с несовершеннолетними и имевших от них детей. Эти получили тюремные сроки от восьми лет до пожизненного.

Не меньший шум вызвал документальный телесериал из семи частей «Жёны-сёстры» – о семействе некоего Коди Брауна,³ имевшего трёх жён, тринадцать детей и по ходу фильма добавившего к своему клану ещё одну жену с двумя детьми. Интернет заполнился возмущёнными протестами. «У нас есть законы против двоежёнства. Почему этот человек ещё на свободе?». «Брак может существовать только между одним мужчиной и одной женщиной – так сказано в моей Библии, и отступление от этого правила есть нарушение Божьего завета». «Они могут называть себя мормонами, но они не являются таковыми, ибо мормонская церковь запретила полигамию и отлучает тех, кто продолжает её практиковать». «Жёны полигамистов объявляют, что не знают отца своего ребёнка и получают от государства чеки как матери-одиночки. Они живут за наш счёт, за счёт налогоплательщиков».

В другом документальном фильме было рассказано о том, как под общей крышей, укрывавшей мужа с тремя жёнами, появилась четвёртая. Одна жительница Нью-Йорка – полная,

сильно за тридцать, малопривлекательная внешне – так устала от тщетных попыток обрести семью, что сама прислала им письмо с просьбой принять её четвёртой. Муж обсудил просьбу со своими жёнами, и были устроены «смотрины». Женщина показалась разумной, доброй, работающей, но совершенно не приспособленной для самостоятельной жизни. Её приняли и сами совершили дома положенный обряд бракосочетания – со свечами и распеванием гимнов.

В последние десять лет всё чаще доводится слышать об одной странной форме взаимоотношений между полами, получившей название «стокинг» (от английского to stalk – караулить, выслеживать). Стокер не пытается овладеть объектом своего любовного влечения, но начинает как бы кружить вокруг него, постепенно сжимая круги: посылает письма, звонит по телефону, торчит под окнами, оставляет подарки на ступенях дома, фотографирует, собирает сведения о личной жизни, о работе, об отношениях с другими людьми. В какой-то момент может перейти к таинственным намёкам на какую-то якобы грозящую опасность, даже к прямым угрозам.

В прежние времена жертвами такого назойливого внимания обычно становились звёзды театра, кино, концертных залов. Но нынче явление стало массовым. По приблизительным оценкам, около трёх миллионов американцев ощущают себя под душным колпаком, выстроенным вездесущим стокером. Полиция и законодатели не знают, как бороться с этим поветрием. Вы жалуетесь, что этот человек постоянно попадаете вам на глаза, засыпает посланиями, лишает покоя? Но под какое нарушение общественного порядка можно подвести подобное поведение? Мы не можем арестовывать людей за слишком частые телефонные звонки или отправляемые имэйлы. В них нет ни угроз, ни оскорблений, ни шантажа. Если бы у нас существовали законы против назойливости, пришлось бы запретить всю рекламу по почте и телефону – никаких тюрем бы не хватило.

Вспоминая своё отрочество и юность, я вдруг подумал, что и во мне были сильные задатки к тому, чтобы сделаться стокером. Тоненькая ниточка сладкой печали, рождавшаяся в груди при виде лица очередной прелестницы, конечно, манила приблизиться к ней, завоевать, покорить. Порой я не поддавался этому порыву просто потому, что она была намного старше, или уже имела избранника, или принадлежала к компании, куда мне вход был закрыт. Однако порой случалось, что и при самых благоприятных обстоятельствах я предпочитал держаться в стороне от неё, обожать издалека. Будто какое-то предчувствие

говорило мне, что это таинственное сердечное трепыхание испарится, если покров тайны будет снят с него.

Мы с ней уже были соединены таинственной пульсирующей нитью, она была моя *избранная*, и тот факт, что она об этом не подозревала, ничего не менял. Мне было довольно того, что, усевшись на бульварной скамейке, я с замиранием сердца ждал её прохода домой из школы. Или мог подняться на ту лестничную площадку, с которой было видно окно спортивного зала, где её команда играла в волейбол, и когда она выходила на заднюю линию для подачи, я в течение нескольких секунд видел её близко-близко. В этот момент *она была моя*, и никто-никто не мог отнять её у меня.

Реальный союз двух сердец злая судьба может разрушить в любой момент. Иллюзия же обладания останется всегда неуязвимой, и человек может наслаждаться ею всю жизнь. Не здесь ли таится разгадка того, почему стокеры всех времён и народов предпочитали обожать издалека? Разве французские трубадуры, воспевавшие недоступных прекрасных дам, разве Данте с его Беатриче и Петрарка с его Лаурой не были такими же стокерами?

Порой я спрашивал себя: почему меня так занимают именно вариации на тему любовных отношений? Должен ли я стыдиться этого интереса, клеймить его «нездоровым»? Но в какой-то момент понял: нет, не должен. Просто, когда ты видишь, что тысячи людей идут на риск всеобщего осуждения, остракизма, даже ареста и тюрьмы, пытаясь осуществить – сохранить – доставшуюся им любовь, это может говорить только об одном: о глубине и подлинности чувств, движущих ими.

Инопланетный путешественник уже рассказал нам о том, сколько знаменитых землян потеряли свою репутацию, будучи пойманными на супружеских изменах. Этот разряд отступлений от существующих правил нельзя назвать «вариациями», потому что он слишком распространён. В своём цинизме я полагаю, что девять браков из десяти таят в себе нарушения седьмой заповеди. Отклонением, редкостью можно считать случай, когда влюблённость, пронзившая сердце одного из супругов, не смогла пересилить его/её любовь к законному спутнику жизни, и все трое поняли, что у них нет другого выхода, кроме как попытаться – в нарушение всех писанных и неписанных законов – устроить себе тайное прибежище для жизни втроём.

А что случится, если какая-нибудь вариация приобретёт силу неодолимой страсти? Захватит душу человека целиком? И потом вдруг пересечётся с другой вариацией, столь же

напряжённой и неодолимой? То есть соединит дугой влюблённости двух людей абсолютно несовместимых по свойствам доставшегося им дара любви? Тема казалась такой эмоционально насыщенной и сюжетно непредсказуемой, что требовала для своего освещения романа страниц на триста – не меньше.

НВ: Клятва верности, даваемая у алтаря, есть по сути клятва не влюбляться больше никогда в жизни. Уместен ли свадебный, а похоронный марш.

Любовь и влюблённость

Замысел нового романа – это кипение переживаний по поводу своей жизни, чужих судеб, людских страданий, надежд, отчаяния. Кипение это происходит в виде таких эмоциональных импульсов, маленьких вихрей, похожих на те бродячие смерчи, которые иногда доводится видеть в грозовую погоду над морем или над широкой степью. Они движутся в твоей памяти, в твоей душе, часто не подчиняясь твоей воле. Ты всматриваешься в них, пытаешься как-то подтолкнуть их. И вдруг замечаешь, что вот эти вихри сгустились и вот-вот готовы перерасти в настоящую бурю. Или, наоборот, превратиться в цветущие деревья и образовать прекрасную аллею, сад, рощу.

Примерно так созрел, распускал ветви и корни роман «Неверная». В краткой аннотации он описан следующим образом: «Героиня этого романа с юных лет должна была таить от всех свой душевный надлом, свой порок, свою болезнь: неспособность сохранять верность в любви. Любовь вспыхивала и отгорала в ней, как свечка, как факел, как ночной костёр. Даже выйдя замуж и родив ребёнка, даже эмигрировав из России в Америку, она не смогла заставить себя соблюдать седьмую заповедь. Но одна неизменная любовь цвела в ней всю жизнь: к русской речи, к русским книгам, к литературе. И время от времени она прорывалась страстными письмами к тем русским классикам, которые – как ей казалось – страдали тем же недугом, что и она. Письма эти вплетены в ткань исповедального повествования – к Панаевой, Герцену, Тютчеву, Тургеневу, Блоку, Бунину, Маяковскому. Утешение, просветление, надежду – всё что угодно могут подарить нам книги, но они не сумеют защитить нас от реальной жизни. И когда очередная влюблённость втягивает героиню в неразрешимую драму, только преданно любящий друг находит способ спасти её от смертельной опасности».

Начиная с 1996 года журнал «Звезда» безотказно печатал всё, что выходило из-под пера И.Ефимова, включая четыре

предыдущих романа. Естественно, и рукопись «Неверной» была отправлена в первую очередь им. Ответа пришлось ждать три месяца. В нём старый друг, Яков Гордин, писал: «Нет надобности убеждать тебя – как мы ценим и почитаем романиста Ефимова... Но сбои бывают и у авторов, и у издателей. Мы с Андреем [Арьевым] по очереди – дважды! – читали рукопись, потому что сказать тебе “нет” нам весьма нелегко. Может быть, это наш сбой. Но, думаю, что-то тут не прочитано тобой. Какая-то ошибка в замысле. Особенно это относится к филологическим письмам... На душе тяжело. Понимаю, как ты огорчён... Если можешь, не обижайся. Не хотелось бы, чтобы издательские дела как-то повлияли на наши человеческие отношения».

К тому времени я уже был ободрён восторженными откликами читавших друзей, поэтому отказ, полученный от «Звезды», явился для меня полной неожиданностью. Причины отказа не были чётко сформулированы, но весьма многозначительным представлялось выдвинутое предложение: напечатать в виде повести только сюжетную часть романа, без писем героини к русским классикам. Выражение «копаться в грязном белье знаменитостей» не было употреблено, но я догадывался, что в устных обсуждениях оно должно было прозвучать.

Мне казалось: чтобы решиться так огорчить старого приятеля, Гордин должен был сам сильно-сильно огорчиться этим романом. Но почему? что могло вызвать такое огорчение? Неужели образы любимых классиков, представленные в письмах моей героини, *настолько* расходились с образами, которые он лелеял в душе? А возразить было нечего, потому что все главные моменты их судеб были документированы беспощадно? Или он до сих пор презирал «изменниц» и не мог смириться с тем, что моя героиня была изображена чуткой, привлекательной, любвеобильной?

В ответном письме я заверил Гордина, что обиды не держу, но поделился горестным наблюдением: «Моя книга о советской экономике была отвергнута профессиональными экономистами, философские – профессиональными философами, исследование об убийстве Кеннеди – профессиональными историками. Видимо, пришло время, чтобы мой “филологический роман” был отвергнут профессиональными филологами. А так как они заправляют всеми журналами в России, надо готовиться к тому, что журнальная судьба этого детища будет нелегка».

Начались скитания рукописи по другим редакциям. Из «Нового мира» – отказ, из «Знамени» – отказ. Размышляя о причинах редакторских отказов, я склонялся к такому

истолкованию: душа человека больше всего жаждет любви и свободы; а в романе исподволь, под разными углами, на разных драматических судьбах всплывает идея несовместимости этих двух вещей. Читатель, предчувствовавший – из жизни догадавшийся об этой несовместимости, жадно читает дальше; а читатель, живший в иллюзии, что всё можно было бы упорядочить, утрясти, договориться, одолеть неизбежность, впадает в грусть и хочет забросить рукопись подальше.

Журналом «Нева» тогда заведовал Борис Никольский, который печатал меня ещё в «Костре». Он отнёсся к роману одобрительно, но сообщил, что они взяли за правило не печатать вещи с продолжением, а в один номер роман не влезал. Я уже совсем приуныл, но вдруг от него пришло новое письмо, извещавшее меня, что остальные члены редакции тоже прочли и единодушно решили сделать исключение – нарушить принятое правило.

«Неверная» была опубликована в февральском и мартовском номерах «Невы» за 2006 год, и с этого момента началось довольно бурное плавание романа в океане российской словесности. В 2006 году издательство «Азбука» выпустило роман отдельным изданием и выдвинуло его на соискание премии «Большая книга». Я был польщён, роман, одолев первые ухабы, явно завоёвывал признание читателя. Но что меня радовало больше всего – чуть ли не в каждом втором отзыве мелькало признание: «Дочитал вашу “Неверную” и сразу кинулся к книжной полке – перечитывать Тургенева, Герцена, Тютчева, Бунина, Блока. Вы будто оживили их для меня заново».

Отзывы рецензентов распределялись в широком диапазоне – от возмущённо-презрительных до восторженно-благодарных, но ни в одном из попавшихся мне на глаза не мелькнул эпитет «скучно». Возмущённо-презрительные отклики пусть разыскивают в пожелтевших газетах мои недруги. Я же лучше приду на помощь тем, кто захочет переиздать роман, и подберу для них цитаты на заднюю обложку, попавшиеся мне в интернете:

«Автор этого романа совершил невозможное. Взрослый мужчина Ефимов втиснулся в хрупкую оболочку юной героини, натуральной попрыгуньи-стрекозы, от лица которой написана книга. И совместил в одном увлекательном произведении житейскую драму и серьёзные историко-литературные эссе». (Журнал Time-Out)

«Ни один учебник литературы не даёт столь живого представления о писателях прошлого, как эти письма-очерки.

Страсть, измены, свадьбы, муки ревности, скандалы, самоубийства тех, кого давно и надёжно приварили к чугунным пьедесталам, плавно сливаются с душевными метаниями самой героини». (Там же)

«Героиня Ефимова – не столько даже молодая женщина, носящая явно литературную фамилию Денисьева и не мыслящая ни одного дня своей жизни без любви, сколько сама по себе Любовь. Любовь, как изображена она в этом романе, – несомненно живой, одушевлённый предмет, нечто прекрасное само по себе».

«Роман, сюжет которого как бы ходит по острому краешку, нигде тем не менее не срывается в обывательщину, в житейскую трясику. Он, напротив, обыденность поднимает – до уровня высоких человеческих чувств, душевной щедрости и широты». («Континент», № 128)

«Пленяющая и завораживающая история любви. Не какой-то отдельно взятой любовной драмы, а любви как бурного состояния, неистового шквала, мгновенно подчиняющего себе человеческие жизни».

Журналистка Анна Кузминская раззадорила меня на подробный разговор о романе, и я рискнул выглянуть из-за спин своих героев и сказать что-то от себя про их судьбы и чувства. Отвечая на вопрос о выборе темы романа, я говорил, что это в традициях русской литературы – откликаться на горе, которое писатель видит вокруг себя. В советское время горя было полно, причём настоящего – война, террор, голод, нищета, но писать об этом было нельзя. Эмигрировав в Америку, я оказался в стране, которая сумела защититься от террора, голода и нищеты. И здесь, мне кажется, драма личных, семейных отношений выступила на первое место. Главное горе здесь – одиночество. Каждый второй брак кончается разводом, поколение за поколением вырастает в разрушенных семьях. Это какой-то океан горя – взрослого и детского – порой невидимого, не отлитого в слова протеста. Причём оно плодит само себя, потому что в человеке, росшем без любви и заботы родителей, умеющих создать тепло семейного очага, созревает ожесточение, чреватое – снова и снова – одиночеством. Судя по последним новостям из России, там дело обстоит не лучше. Запомнилась статистика: в России 40 миллионов семей, из них только половина имеет детей.

Обо всём этом невозможно не думать, нельзя не писать. Ведь и моя героиня, до её эмиграции в Америку, росла в разрушенной семье. Предлагать рецепты спасения – не дело писателя, но его персонажи, мучаясь своими личными переживаниями, имеют право искать какой-то выход. И их часто

выносит к этой больной теме: как людям – мужчинам и женщинам – жить друг с другом, чтобы стать источником радости и любви, а не подозрений и ненависти? Они страдают, мучаются, ищут – а я только вглядываюсь в их метания с бесконечным сочувствием и интересом. И если они находят какой-то новый – пусть даже не одобренный господствующей моралью – способ рытья туннеля из камеры своего одиночества, это не может не увлечь меня, это непременно будет вплетено в ткань повествования.

Кузминская спросила, не считаю ли я ложным традиционное представление о единственной и верной любви, воспеваемое классиками в последние пару веков. Я уточнил: не ложное, нет, – но неоправданно расширенное. В романе приводятся отрывки из переписки Андрея Белого с Блоком, в котором оба поэта признают – и словами выражают – различие между *влюблён* и *люблю*. Вот эта-то важнейшая разница между двумя эмоциональными состояниями ускользала и ускользает от многих пишущих и читающих до сих пор.

Есть любовь, и есть влюблённость. Нам привычно, когда сначала случается влюблённость, кидает двоих друг к другу, а потом – если повезёт – начинается любовь. Но миллионы раз происходит и в обратной последовательности: в дружеской или служебной или даже родственной компании между мужчиной и женщиной зарождается любовь – сначала почти неотличимая от дружбы, но потом – под ветерком вынужденной тайны – этот уголёк разгорается в костёр влюблённости. И дальше: измены, разводы, «аморалки».

Любить кого-то одного можно всю жизнь. Влюблённость же по самой сути своей, не может длиться вечно, как не может вечно гореть костёр. Опасность этого неразличения состоит в том, что любви предъявляют невыполнимое требование: пылать, манить и волновать, как это по силам только влюблённости. Когда молодые люди, влюблённые друг в друга, вступают в брак и обнаруживают, что влюблённость сходит на нет – а их никто не предупреждал, что это неизбежно! – они впадают в растерянность, в разочарование, ищут причины разочарования в супруге – и, конечно, находят их. А после этого начинают подсознательно и жадно искать новую любовь-влюблённость.

Как защитить семью – столь необходимую для жизни общественного организма – от пожара новой влюблённости? Человечество бьётся над этим тысячелетия и выработало два принципиально разных решения. Были общества, в которых женщину – живой соблазн – просто запирали под замок. Древние греки прятали её в гинекей (женская половина дома), русские – в

терем, мусульмане – в гарем, под чадру. В обществах с более свободным укладом, где мужчинам и женщинам разрешено встречаться друг с другом и чаровать, необходимым учреждением сделался развод. Насколько остро этот вопрос стоял уже в древности, видно из того, как часто развод упоминается в Библии. И когда Христос выдвигает своё требование «не разводиться», ученики его говорят: «если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19:10). На что Он отвечает им: «Не все вмещают слово сие, но кому дано». А те, «кому не дано», пополняют и будут пополнять многомиллионные армии холостяков во всём мире.

Мне хочется думать, что мои герои, мечущиеся в поисках возможности реализовать свой дар любви, вовсе не сластолюбцы в погоне за остренькими удовольствиями, а этикие новые аргонавты, готовые плыть в неведомые страны и, если понадобится, сразиться там с главным своим – и всех наших современников – врагом: драконом одиночества. Но, конечно, они могут и потерпеть поражение, даже погибнуть – ведь опасность тут нешуточная.

NB: Тихо и незаметно ушёл в прошлое ужас перед браком, не освящённым церковью. Перед утратой девственности до брака. Перед рождением ребёнка от неизвестного отца. Перед внебрачным сожительством. Перед однополрой любовной связью. Каким ещё святыням наших родителей суждено истаять в тумане Третьего тысячелетия?

Примечания

1. Марк Поповский. На другой стороне планеты (Филадельфия: «Побережье», 1993), стр. 252.
2. Там же, стр. 266-67.
3. Канал TLC: The Learning Channel.

Ион Деген

Память и покаяние

Приложение. Экспериментальные животные

дивительное дело! Обычно начинаю писать рассказ, уже примерно зная его содержание. Или, в худшем случае, тему. А сейчас понятия не имею, с чего начать. Потому что подобие темы свалилось на меня совершенно неожиданно, неопределённо, невероятно удивительным одновременным потоком писем и телефонных звонков в пору очень печального расставания с книгами. Вероятно, это расставание я предвидел, когда написал:

Баллада со слезами

Как в прошлом пули и осколки,
Как боль в прощальных залпов миг,
Меня пронизывают с полки
Названия любимых книг.
Всей жизни путь послевоенной,
Моё адамово ребро.
На этих полках постепенно
Накапливал своё добро.
Студент. Проблема. Не интрига.
Серьёзней «быть или не быть».
Лимит стипендии. Толь книгу,
Толь хлеба порцию купить...
И после. С нищенской зарплаты
Я книги всласть приобретал.
В бюджете дыры и заплаты,
Но книги – в жизнь мою портал.
Сомнений не было и близко,
Чтоб отстоять (ну, в чём вопрос?)
На сочинения подписку
Ночную очередь в мороз.
Воспринимал всегда, как ренту,

Те книги, не подарок – дар –
От благодарных пациентов
Бесценный щедрый гонорар.
Изюмины литературы
Автографы моих друзей,
Вписавших имена в культуру.
Те книги надо бы в музей.
Приглушены у сердца звуки.
Увы, я знаю, почему.
Моим родным любимым внукам
Богатство это ни к чему.
Для них – ненужное наследство
Чужой незнаемый язык.

На полках цепь причин и следствий,
Всё то, к чему я так привык.
Но только всё это без толку.
И горестный в сознание сдвиг.
Сквозь слёзы я смотрю на полки
С рядами книг. Любимых книг.

Декабрь 2006 г.

Да, вероятно, предвидел, хотя не представлял себе деталей этого похоронного процесса. Проще с художественной литературой. Раздариваю знакомым, библиотекам, которые неохотно принимают книги в связи с отсутствием места. Я их понимаю. Ведь именно поэтому сейчас расстанусь с книгами. А что делать со специальной медицинской литературой? Например, куда деть тридцать восемь фундаментальных томов Медицинской энциклопедии и пять томов дорогого мне Военно-медицинского энциклопедического справочника? Разве только в бумажный мусоросборник. Кому они здесь нужны, да ещё на русском языке? Что уж говорить о книгах с дарственными автографами великих медиков! С какими дипломами и премиями можно сравнить посвящения этих выдающихся людей?

Как малая компенсация, процесс изымания книг, порой приводит к удивительным находкам записей, писем, о существовании которых я уже давно забыл. А о некоторых, как ни странно, даже не имел представления. Именно это причина затянувшегося вступления, возможно, не совсем согласующегося с тем, о чём собирался рассказать.

Хотя, кто знает?

Вот присланный из Киева в 1994 году сценарий документального фильма, написанный Виктором Некрасовым.

Прислал мне его Григорий Кипнис после возвращения из Парижа, где у пасынка Виктора Платоновича он получил архив его отчима. Григорий заведовал в Киеве корреспондентским пунктом «Литературной газеты».

Невероятно! Всё написанное Виктором после 1962 года, он давал мне прочитать ещё в рукописях, а об этом сценарии я не имел представления. К тому же, фильм этот, как выяснилось, должен был снимать мой друг режиссёр Рафаил Нахманович. Но ни он, ни Виктор Некрасов не обмолвились ни словом. Держали от меня в тайне. Не могу уверить, что всё документально точно в этом тексте:

«Поиск другой Елены привёл нас на работу к её знакомому. Он хирург, работает во 2-й больнице Печерского района. Мы прождали его довольно долго и даже стали уже нервничать. Нас успокаивали: «Сложная операция. Надо ждать». «А в чём дело?» – спросили мы. Привезли парня с ампутированной рукой. А доктор пытается эту руку сейчас пришить. Так, чтобы она была абсолютно полноценной. У него уже было несколько подобных случаев. Правда, после первого он получил выговор. Сказали: а вдруг не вышло бы? Зачем экспериментировать?! А восемнадцатилетняя девушка, которой он сохранил ногу, до сих пор носит по праздникам к нему в больницу охапки цветов».

Доктор вышел. Мы решили долго его не задерживать. Спросили о соседке – оказалось не та. Спросили об операции – А что ж такого? – ответил он. – Такую операцию обязан делать каждый хирург.

– Ну, а выговор? – спросили мы.

– А выговор, в конце концов, сняли.

Мы попрощались и уехали. Доктор, кстати, оказался бывшим танкистом, дважды горел в танке».

Ну, не совсем так. Не было ещё ничего подобного до этого случая. Это первая реплантация конечности не только у меня, но вообще в мировой медицине. Случай этот описан в статье в журнале «Хирургия», когда уже чётко определились отдалённые результаты. А у девушки задняя группа мышц бедра не была повреждена. Так что травма у неё далеко не ампутация. И не навели меня после операции Вика и Рафа. Придуманно. И выговора не было. Просто во время операции заведующий отделением сказал: «Сумасшедший!».

Ничего я не знал об этом сценарии. Мог бы уточнить. Но самое забавное, почти невероятное, что примерно за час до этой находки я написал письмо в Киев замечательному человеку Якову

Махлину, журналисту, бывшему редактору газеты, но главное – человеку, который неизвестно почему меня опекает. Это именно он публикует мои рассказы в киевском журнале «Радуга». Это именно он, даже не намекнув мне, оказался редактором, почти без моего ведома изданной в Киеве книги «Записки гвардии лейтенанта». Узнал я, что он редактор, уже, когда изданная книга лежала предо мной. Дело в том, что Яков свои письма мне начинает обращением Дорогой мастер. Без излишней скромности я решил уточнить, в какой именно области действительно мастер, потому что долго учился этому мастерству. Однокурсники как-то обратили внимание на то, что на всех наших фотографиях я всегда на заднем плане. Иногда с трудом угадываюсь. А ещё коллега по Киеву Игорь после недавнего моего вечера в Русском культурном центре в Тель-Авиве вспомнил, что на заседаниях Киевского ортопедического общества в течение 26 лет я постоянно сидел на одном и том же месте в последнем ряду. И если какой-нибудь новичок уже в годы, когда я был доктором медицинских наук, садился на это место, старожилы советовали ему на всякий случай пересесть. Почему задний план, объяснить не могу. Никогда не задумывался об этом. Так получается. Вероятно, осознаю, насколько меньше дал, чем получил. Поэтому решил, что Яков не посчитает моё письмо бахвальством.

«Сейчас регулярно общаюсь по Скайпу с пациентом, живущим на западном побережье США. Он показывает мне свою кисть. Его отлично прооперировали по поводу дюпоитреновской контрактуры. В очередной раз даю ему установку на лечение в течение следующей недели, что, к сожалению, иногда не совпадает с рекомендацией оперировавшего американского ортопеда. Разумеется, разногласие мной излагается весьма деликатно. Тем более что американский ортопед явно хороший врач. Просто он ещё не дожил до моего возраста, то есть, не успел совершить количества совершённых мной ошибок.

А где-то в шестидесятих годах ко мне обратился мой однокурсник, главный врач больницы в Бельцах (Молдавия). У первого секретаря Бельцкого райкома партии – дюпоитреновская контрактура. Миша попросил меня посмотреть этого секретаря и прооперировать. Посмотрел. Случай нелёгкий. Положить пациента в нашу больницу на Козловке невозможно. Даже киевлянина, жителя не Печерского района госпитализировать тут проблема. Отказать сокурснику? Об этом не могло быть и речи.

Осматривал секретаря в поликлинике на Институтской улице. Представьте себе хирургический кабинет этой поликлиники... Никакого специального оборудования. И не

специального тоже. Никого, кроме сестры и меня. Не помню уже, сколько времени смотрел на кисть молдавского господаря, намечая, под какими углами сделать разрезы, чтобы потом, когда распряжится кисть, удалось зашить рану. Короче, приступил к операции в амбулаторных условиях.

В какой-то момент отворилась дверь, и в кабинет из приёмной заглянул доктор Квартин. Вероятно, он кого-то искал.

Тут должен прерваться и представить доктора Квартина. Я работал вместе с его младшим братом, Юрием. Как и все остальные хирурги нашего отделения, прошедшие войну в медсанбатах, он был значительно старше меня. Имени его старшего брата не помню. И мне, и Юрию было далеко до старшего. Он – главный врач Первой Печерской больницы. Но главное не административная должность. Он был действительно выдающимся хирургом. Вдобавок, считал, что подобных ему хирургов в Киеве нет и быть не может.

Доктор Квартин уже повернулся спиной, но, увидев, что в кабинете происходит нечто необычное, закрыл за собой дверь изнутри. И до самого конца операции, до момента наложения повязки, стоял за моей спиной, не проронив ни звука. Операция оказалась невероятно сложной. Кожу на патологически согнутой ладони во всю её величину я разрезал наподобие большой буквы зет. Её предстояло деликатно отпрепарировать. Затем, если это вообще возможно, ещё более деликатно и осторожно, чтобы не повредить сухожилий сгибателей пальцев, убрать перерождённый ладонный апоневроз. Затем...

Затем перестану морочить Вам голову. Зашил. Наложил повязку. Наложил гипс. И тут услышал приглушенный голос доктора Квартина:

– Мастер! Оказывается, то, что Юра рассказывал мне о вас, не легенда. В поликлинике, без ассистента, фактически без инструментов, без стерильного халата, с больным, сидящим на стуле, прооперировать такую дюпюитреновскую контрактуру! Ваше счастье, что вы не в моей больнице. Я за такой кунц погнал бы вас к чёртовой матери! А через неделю приполз бы на пузе пригласить работать у меня на самых лучших условиях. Мастер! – И доктор Квартин вышел, не пожелав выслушать моих объяснений.

Кстати, молдавский господарь, когда через три недели я снял гипсовую повязку, вручил мне 4 (четыре!) бутылки марочного молдавского коньяка. Который по закону не коньяк, а бренди. Но, независимо от названия, пил с огромным удовольствием. А Вы говорите мастер».

Но как я трудился, чтобы заслужить похвалу от самого Квартина! Прежде всего, техника оперативных вмешательств. Как я разрабатывал кисти рук после ранения, чтобы с точностью до долей миллиметра они выполняли команду моего сознания! Затем прочнейшее знание анатомии, которое, разумеется, не ограничивалось многочасовым изучением учебников и атласов, а сопровождалось бесконечными препарированиями трупов. Ну, а о знании предмета и главное – о мышлении врача я уже не говорю. Как трудно, как медленно и с преодолением каких препятствий приобретался этот капитал!

А Яков Махлин говорит: мастер. Не уверен, что память о писаниях, которые Яков считает мастерством, продержится считанные месяцы. Но память о моей работе, которой отдавал всего себя, уже хранится десятилетиями.

Телефонный звонок из штата Орегон:

– Здравствуйте, дорогой Ион Лазаревич. Вас беспокоит пациент, которого пятьдесят лет тому назад вы прооперировали по поводу срединной кисты шеи. Я узнал в Интернете, что вы пишете. Не имел об этом представления. А я ведь так вам благодарен! Так благодарен!

– Боря! Это ты?

– Вы меня помните? Даже моё имя? – Удивляется по моим подсчётам шестидесятилетний мальчик Боря. И начинается разговор.

Чему удивляется Боря? Как можно не запомнить такого пациента? Его, мальчика десяти лет, привели ко мне со срединной кистой шеи, рецидивировавшей после семи операций. Кто-то посоветовал родителям обратиться ко мне. «Но ведь он ортопед, а это операция, не имеющая ничего общего с ортопедией». «Он оперирует всё» – возразили родителям.

Заведовал нашим отделением в ту пору замечательный хирург, профессор Борис Михайлович Городинский. (Тот самый, который сказал «сумасшедший», зайдя в операционную и увидев, что я пришиваю руку). В 1913 году он окончил медицинский факультет Киевского университета имени святого Владимира. Так что опыта ему было не занимать. Увидев, как я осматриваю мальчика, и уже зная его анамнез, профессор мрачно изрёк:

– Ион, отойдите от зла и сотворите благо. Рецидив после семи операций. И учтите, что среди семи оперировавших его хирургов были вовсе неплохие врачи.

– Борис Михайлович, мне понятна причина рецидивов. Ни один из этих хирургов, по-видимому, не знал истинной толщины хряща, что пугало его. Не был радикально удалён источник кисты.

Оказалось, что я прав. После моей операции рецидива не было. Всё просто. Не надо было хирургам лениться препарировать трупы.

Благодарственные письма по почте традиционной и электронной. Телефонные звонки. Вот она – память. Уже привык к этому. Но иногда случаются удивительные совпадения. Одно из них наконец и подвигло меня взяться за этот рассказ. Вернее, ускорило.

В свежем журнале на портале многоуважаемого Евгения Берковича прочитал очень добрый некролог о необычном человеке, с которым имел счастье и честь быть знакомым. Тут же в благодарность отличному автору, которого ещё ранее оценил, читая его умные профессиональные эссе, написал отзыв. Не успел окончить, как позвонила незнакомая женщина из Иерусалима.

Она представилась, напомнила, как родители привели её ко мне, отчаявшуюся восемнадцатилетнюю девушку. Она мечтала стать пианисткой. А врачи заявили, что заболевание её руки неизлечимо и что она в том возрасте, когда просто и естественно подумать о другой профессии.

– Но вы подарили мне сорок шесть лет любимого труда. Вам удалось вылечить меня.

К сожалению, вспомнить эту пациентку не мог. Ведь я лечил много сотен музыкантов со всего Советского Союза, а случай был, по-видимому, не из ряда вон выходящим. Выяснилось, что она ученица ученицы Якова Флиера, который тоже был моим пациентом. Но всё это не идёт в сравнение с удивлением, когда во время этой беседы я узнал, что она жена автора некролога, на который я только что написал отзыв.

Эти многочисленные благодарности иногда помогают мне надеяться на то, что всё сделанное добросовестным старательным врачом в какой-то мере послужит компенсацией за грехи моей первой профессии. А может быть, даже за другие грехи. Может быть, каждая книга, которую я отрываю от своего сердца, тоже крупица покаяния. Кагора.

04.12.2011 г.

Приложение. Экспериментальные животные

С детства люблю кошек и собак, лошадей и птиц (кроме голубей). А ведь экспериментировать приходилось на животных.

Во время самого эксперимента думаешь только о том, что делаешь. Осмысленная работа. Без всяких эмоций. На эмоции нет времени. В мозгу работает только один центр. Остальные заторможены, чтобы не мешать работающему. Сейчас родилось

сравнение с состоянием во время танковой атаки, когда ты уже не испытываешь страха, подлого страха, от которого так трудно отделаться на исходной позиции. Некогда испытывать. Надо работать. Но когда перед экспериментом достанешь животное... Если бы можно было обойтись без этого! Но как?

За всё время медицинской деятельности, включая годы учения в институте, только одна кошка была объектом моего эксперимента. Резекция участка тонкой кишки. Зачем кошка? Вот он случай, когда можно было обойтись без ненужной жестокости, когда незачем было издеваться над животным. Ведь легче и разумнее с учебной целью произвести такую операцию на трупе в анатомке. Обстановку операционной можно было создать без особых усилий. И трупов хватало. В те далёкие голодные послевоенные студенческие годы единственным отсутствием дефицита было неограниченное количество трупов физически крепких мужчин. Убитых бандеровцев. Препарируй, учишь – не хочу!

Зачем же кошка?

Как часто задавал себе этот вопрос – зачем? Задавал его уже потом, уже совершив глупость или гадость. Почему, а ещё лучше – зачем, не задавал вопроса зачем до этого? Каким порядочным и умным дожил бы до этих дней. Но трудноподъёмным грузом тянется за мной это проклятое зачем, внезапно в очередной раз возникшее сейчас при упоминании операции на кошке.

А ведь кошек я не просто люблю. Я их к тому же очень уважаю за логичную самостоятельность. Кстати, в этом случае пользуюсь взаимностью. Кошки меня тоже любят.

Обычным объектом моих экспериментальных операций были собаки и белые крысы.

Написал и задумался: кто умнее, крысы или собаки? Не сомневаюсь в том, что этот вопрос удивит значительное число читателей. (Тешу себя надеждой о значительном числе читателей, может быть, даже около сотни). До определённого момента я и сам бы удивился.

Вспоминаю мою первую экспериментальную работу. Я был студентом второго курса. Мои родные партия и правительство подняли на недостижимую высоту учение о нервизме. У меня, правоверного коммуниста, не могло быть ни малейших сомнений в истинности этого учения, в правомерности его во всех областях и во всех случаях медицинской практики. Я уже наперёд (чтобы подчеркнуть мою ученость, следовало написать a priori) знал результаты экспериментов, которые ещё только предстояло

поставить. Почему-то всё получилось наоборот. Речь идёт о результатах. И первой моей научной работой при всём страстном желании я не сумел поддержать родную партию и правительство.

Но речь не об этом. Собаке следовало вечером и ночью сделать очередные инъекции. Поэтому собаку из вивария привёл домой и поместил её в нашем подвале. Света в подвале не было. Я спускался туда с керосиновой лампой в одной руке и шприцом в другой. Не могу уверить, что при моей инвалидности это было очень просто. Как только я вонзил иглу в собаку, она зубами схватила мою кисть. Но не укусила! Понимаете? Не отомстила за причинённую боль!

Шесть сложных операций я сделал на умнейшей немецкой овчарке, которую подлый хозяин сдал в виварий только потому, что собака не лаяла.

Рыжая дворняжка Венера забивалась в угол своей клетки, как только я появлялся в виварии. Служительница не могла вытащить её оттуда вытащить её оттуда специальными клещами с метровыми ручками. Я подходил к открытой двери клетки и начинал просветительскую работу, объясняя Венере, какое огромное значение для будущего здравоохранения, особенно для лечения воинов с огнестрельными ранениями, имеет следующая в этапе эксперимента операция, которую должен сейчас произвести. Невероятно! Венера, уже имея опыт предварительных операций, не выходила, а испуганно выползала из клетки. Невероятно!

Не спрашивайте о моих чувствах и ощущениях перед тем, как приступал к очередной операции на собаке. А сколько таких операций мне пришлось проделать!

Виварий института ортопедии находился посреди густо населённых жилых кварталов. Ночью собаки оглашали окрестности лаем. Соседи обратились к городским властям с законным и справедливым требованием дать им возможность выспаться. В институте приняли решение обезголовить всех собак. Для этого с двух сторон шеи перерезаются нервы, идущие к голосовым связкам. Гортань не область, на которой работают ортопеды. Правда, лично я всегда считал, что ортопед обязан уметь оперировать всё. К тому же, двенадцать лет в дополнение к своей основной профессии проработал общим хирургом, оперируя все случаи, доставляемые ночью каретами скорой помощи. Даже сегодня, при всём прогрессе медицины, врачей, специализирующихся в какой-нибудь ограниченной области и не умеющих выйти за её пределы, я называю специалистами по ногтевой фаланге четвёртого пальца левой стопы. Я не удостоился чести быть сотрудником института. Более того, был весьма не

желаемой личностью в стенах этого института. (Необходимо объяснить причину?). Не будь поддержки заместителя министра здравоохранения Украины, родственники которого были моими пациентами, меня вообще не допустили бы сюда на пушечный выстрел. Поэтому операциями на шее должен был оплатить пользование виварием и экспериментальной операционной. Оперировав раз, а иногда два раза в неделю по девять собак в день, обезголосил шестьдесят или семьдесят несчастных животных.

Для своих экспериментов собак я, как правило, покупал у мальчишек. Кто знает, только ли бездомных собак они мне сбывали? Какие умницы попадались среди этих животных! И они были обречены на муки. А я ведь так люблю собак!

Но оставим их в покое.

Как писал Александр Галич: «Непричастный к искусству, недопущенный в храм», рядовой врач, научными исследованиями я занимался не совсем в нормальных условиях. Следует даже несколько изменить порядок слов в предложении: научными исследованиями я занимался в совсем не нормальных условиях.

Белые крысы жили в виварии ортопедического института. В субботу и в воскресенье виварий был закрыт. А именно в субботу и в воскресенье у меня выкраивались свободные от работы в больнице и в поликлинике часы для экспериментальных исследований. Поэтому крыс приходилось приносить домой. Находились они в туалете в стеклянных банках, которые я вталкивал за унитаз.

Как-то утром сын, проснувшийся первым, ворвался из туалета с криком «Крыса убежала!».

Этого мне не хватало! Туалет почти примыкал к стене экстраординарной гостиницы Центрального Комитета нашей родной партии, гостями которой были от секретарей обкомов и выше. Представляете себе, что ожидало меня, диверсанта, запускающего в этот сверхизолированный рай белых крыс? К тому же диверсант вполне мог быть идентифицирован агентом Джойнта, который, как известно, является отделением ЦРУ. Поэтому по тревоге с невероятной для меня быстротой я вскопчил в туалет.

Крыса в гостиницу ЦК, оказывается, не торопилась. Она просто пока притаилась за унитазом. Длинным корнцангом я пытался извлечь её оттуда. Но она кричала, увёртывалась, лапами и пастью отбивала корнцанг. Кончилось сражение тем, что, сверкнув красными глазками, крыса впрыгнула в банку, в которой ей надлежало пребывать. За интеллект я тут же вне очереди преподнёс ей кусочек сыра, который она съела весьма деликатно.

Так впервые меня удивила сообразительность крысы. Удивила, но тогда ещё не поразила.

Случилось это во время эксперимента в виварии ортопедического института, где я полулегально проводил серию опытов по влиянию постоянного магнитного поля на сращение отломков костей при переломе. Объектом опытов были белые крысы. Из полихромвинила соорудил тесную коробочку, в которой находилось животное с переломанной лапкой. Коробочка, к сожалению, с весьма эластичными стенками на двадцать минут помещалась между полюсами двух твёрдосплавных магнитов. Магнитами этими, деталью бортовых радиолокаторов, меня щедро снабжали... Не буду здесь уточнять материальных источников, позволявших мне заниматься научной работой. Общим для всех их являлось фактически воровство. Но кто задумывался над этим? Кто считал воровством нелегальный вынос чего-либо за стены производства? Необходимые аппараты безвозмездно сооружали мне на киевских заводах. Магниты, о которых сейчас идёт речь, поставлялись из воинской части.

Это здесь, в Израиле, ничего не понимавший, я столкнулся с проблемой материального снабжения. Это здесь, в Израиле всё необходимое не достают, а просто покупают.

Отвлёкся. Рассказ ведь совершенно о другом. Об уме белых крыс.

У читателя могло сложиться впечатление, что в Киеве у меня были идеальные условия для научной работы. Всё необходимое для неё воровалось в неограниченном количестве. Но как можно было своровать время? Время – именно то, чего постоянно мне не хватало. Я ведь был практическим врачом. Операции в больнице. Приём больных в поликлинике. Руководство работами диссертантов. Рецензии, которые, кстати, неплохо оплачивались. Поэтому в виварии, как и всюду, старался сэкономить каждую минуту.

Крыса пребывала в магнитном поле, находясь в тесной коробочке. Предполагалось, что она будет неподвижной. Но ведь это коробочка из довольно гибкого полихромвинила. В это время за хвост из клетки доставал другую крысу, чтобы сразу же, не теряя времени, поместить её в освободившуюся коробочку.

В тот раз уже корнцангом достал из клетки очередную крысу. У неё даже было собственное имя – Куцый. Потому что не было хвоста. Возможно, потеряла в баталиях. Именно поэтому был применён корнцанг. Куцый сидел на столе, ожидая своей очереди. В этот момент крыса в коробочке начала шевелиться. Такое случалось и раньше. Но на этот раз подлая крыса повалила

магниты. Один из них упал со стола и разбился. Тут же я поставил другой. У меня их хватало, но всё-таки жалко. Крыса продолжала активное шевеление. Я выразился. Конечно, относительно сдержано, так как в помещении были и женщины. Но всё же весьма эмоционально. Куцый посмотрел на меня, подошёл к коробочке и что-то пропищал. Крыса немедленно прекратила шевеление. Все присутствовавшие посмотрели друг на друга, не скрывая удивления.

Крысу из коробочки сменил на другую, оставив Куцего на столе. В это трудно поверить. Куцый стал моим постоянным ассистентом. Как только крыса начинала шевелиться, Куцый немедленно наводил порядок. Я уже не пользовался корнцангом, доставая Куцего. Был уверен в том, что он меня не укусит. Если бы вы знали, чего мне стоило забить Куцего для гистологического исследования!

Продолжение рассказа уже не имеет отношения к интеллекту животных, а только к экстерьеру одного единственного представителя этого вида. И с искренней радостью могу предупредить, что представитель не был экспериментальным животным.

Весной 1977 года у меня дома раздался телефонный звонок:

– Здравствуйте, Ион Лазаревич. Вам звонит музыкант оркестра радио и телевидения. Многие мои друзья-музыканты ваши пациенты. У меня, слава Богу, руки в порядке. Но я очень нуждаюсь в вашей помощи. Разрешите к вам придти.

– На что вы жалуетесь?

– Я же сказал, что здоров. Но это не телефонный разговор. Разрешите к вам придти. Я займу у вас всего несколько минут.

Пришёл ко мне симпатичный молодой человек, и рассказал следующую историю. В Финляндии удалось вывести пусть не породу, но удивительный вид собак. В настоящее время в мире шесть особей этой породы. (Всё-таки, породы! Куда денешься?). Одна собака, сука, в Ленинграде. А у него кобель. В девятимесячном возрасте во время тренировки пёс упал с бума и сломал бедро. Бедро уже срослось, но неправильно. Он обратился к трём ветеринарам. И каждый из них посоветовал обратиться к ортопеду-травматологу Дегену. Вот он и обратился.

Меня рассмешила рекомендация ветеринаров. Кстати, и сегодня не знаю их фамилий, никогда с ними не общался и не догадываюсь, почему они назвали именно меня, почему совпали мнения ветеринаров, не договорившихся между собой.

Я отказал в просьбе, сославшись на то, что у меня нет

места, где мог бы прооперировать собаку. Но основной причиной отказа было то, что в самое ближайшее время мы собирались подать документы на выезд в Израиль, и я вообще сворачивал свою деятельность. Этого, разумеется, я ему не сказал.

Музыкант немедленно объявил, что место операции он обеспечит. Я продолжал стойко сопротивлялся. В конце концов, посетитель произнёс:

– Разрешите хотя бы показать вам собаку.

Я разрешил. Это была моя ошибка.

Вы когда-нибудь видели колли голубого цвета? К тому ещё такого колли, в экстерьере, в осанке, даже во взгляде которого ощущалось нечто царственное? С женой мы онемели, увидев этого красавца. Мы не были в состоянии отпустить наших гостей.

Но что интересно. У подъезда на нашей тихой, почти безлюдной улице, куда мы проводили музыканта с собакой, мгновенно собралась толпа восторженных зрителей.

Летом на собачьей выставке пёс без единого недостатка заслужено получил первое место. Жюри решило единогласно. И в отличие от многих случаев, на сей раз, не было размолвки и разногласий между жюри и мнением многочисленной публики.

Ещё до выставки музыкант сказал мне:

– Я знаю, вы не берёте гонораров. Но сейчас, я уверен, вы не откажетесь. Зимой я повезу пса на случку в Ленинград. Мне положен один щенок из помёта. Это будет ваш щенок.

В данном случае – увы, а вообще – к счастью, мы ничего не узнали о продолжении новой породы голубых колли. Во время рождения обещанного щенка я уже работал в Израиле. Моими пациентами были только люди.

9.10.2011 г.

Борис Рублов

Мой мир оперы

Автор – многолетний поклонник оперы в первую очередь стремится рассказать о том, что слышал, видел и пережил сам. Это не всегда возможно, когда речь идёт о прошлом.

До эмиграции в Германию автор собрал коллекцию книг, посвящённых вокалу, в которую входили почти все произведения Фёдора Ивановича Шаляпина (которому помогал писать М. Горький)

Читатели познакомятся с коллекцией грампластинок, напетых самыми выдающимися певцами прошлых веков, «встретятся» с лучшими певцами Большого театра, «побывают» с автором в Миланском театре Ла Скала. Дань поклонения будет отдана великим корифеям оперной сцены – Фёдору Шаляпину, Марии Каллас, а также нашей современнице известной певице и знатоку музыки прошлых веков – Чечилии Бартоли.

Автор расскажет о певцах начала XXI-го века, завоевавших право называться самыми яркими звёздами своего поколения и о новых постановках опер с их участием...

1. Мой первый «Соловей»

Музыкальный слух – органически присущая человеку способность восприятия звуков, в том числе музыкальных. Людей без слуха не бывает, но одни с детства могут запоминать и записывать музыку, а другие к ней равнодушны.

Оперное пение – сочетание слов и музыки. Об этом хорошо написано у великой русской поэтессы Марии Петровых:

И вдруг возникает какой-то напев,
Как шмель неотвязный гудит, ошалев,
Как хмель отлетает, нет сил разорвать,
И волей- неволей откроешь тетрадь...

Петровых пишет о рождении не музыки, а стихотворений, но музыка и слово – близнецы братья. Эта связь особенно тесно

прорастает в романах и операх – формах отражения жизни.

Истоки моей любви к опере зародились в детстве. Одесса, где я прожил до восьми лет, пока не началась война, была музыкальным городом, полным неосознанных тогда мной благозвучий.

Как ни странно, но иногда приятные звуки вырывались из хрипящих на улицах и в квартирах картонных (или пластмассовых?) громкоговорителей, сеявших до этого страх сообщениями военного времени в Уфе, Саратове или Москве.

В конце войны звуки военных песен и маршей сопровождалась грохотом салютов и фейерверками огней на набережной Москва – реки напротив Кремля, где мы тогда временно жили.

Мелодии победы с громом врывались в юные сердца...

Потом мы переехали в Киев, где я впервые услышал мелодичные украинские песни. В детстве я не сразу их воспринимал, но постепенно они коснулись моих загадочных «внутренних струн», вызывая приятные чувства.

Не только подросткам, но и немолодым людям послевоенного времени очень нравились трофейные и подаренными союзниками кинофильмы с запоминающимися мелодиями и весёлыми красивыми артистами.

Фильмов было много – всех не запомнишь: «Серенада солнечной долины» с музыкой Глена Миллера, «Большой вальс» Йоганна Штрауса, «Пэтэр» с Франческой Гааль, несколько фильмов США с очаровательной Диной Дурбин, английский «Багдадский вор» (1940), «Три мушкетёра» (США).

Некоторые фильмы не разрешалось посещать детям до 14 лет. Иногда помогали взятки, которые давались билетёрам – первые взятки в нашей жизни.

Особым успехом у нас, подростков, пользовался немецкий фильм: «Девушка моей мечты» с Марикой Рёк. Прошёл слух, что героиня совершенно голой выскакивала из ведра. На самом деле на ней были маленькие трусики, напоминающие нынешние «бикини».

Никогда не забуду позора, когда меня за ухо вывели из зрительного зала. Это произошло в Киевском Доме Учёных. Я проник в зал, когда погас свет, но повёл себя неправильно – сжался от страха вместо того, чтобы распрямиться, показывая, что место занято. Контролёр указал на «пустое место» одному из зрителей, а меня с позором выставили в коридор.

Огромным успехом у зрителей всех возрастов пользовался фильм «Тарзан», в котором «дикий», почти полностью

обнажённый атлет издавал пронзительный, отнюдь не благозвучный рёв.

Мы жили против городского парка «Владимирская горка», где мальчишки с помощью рогаток разбивали фонари, чтобы, залезая на деревья издавать по вечерам голосовые рулады...

Потом на экраны вышел замечательный фильм «Антон Иванович сердится...», который с восторгом смотрела вся страна. Главную героиню исполняла первая советская красавица – актриса Людмила Целиковская.

С четвёртого раза я запомнил все мелодии и слова, и дома их напевал.

- Ты знаешь, а у Бобы неплохой слух, - сказала отцу мама.

Моим родителям «медведь наступил на ухо».

***

Первыми музыкальными увлечениями стали для меня русские романсы и среди них «Соловей» Алябьева, написанный для колоратурного сопрано.

Его исполняли многие певицы. Перед именами некоторых голос диктора торжественно объявлял: «русский соловей». Со временем я стал понимать, что соловьи могут быть разными, и влюбился в «соловушку» с изумительным голосом, тёплого, задушевного тембра, исключительной прозрачности и чистоты.

По радио была названа и двойная фамилия певицы, которую я тогда не запомнил. Надеюсь в радиотрансляциях услышать пленивший меня голос. Прислушивался к голосам дикторов, произносивших имена «русских соловьёв»: Антонины Неждановой, Валерии Барсовой и других замечательных певиц.

В концертном зале Дома Учёных мне повезло услышать великую певицу Большого театра Барсову, исполняющую арии из опер, романсы и песни.

После объявления: «Народная артистка СССР, лауреат Сталинских премий Валерия Барсова», на сцену вышла одетая в чёрное платье с бриллиантовым колье тучная дама среднего роста.

Голос у неё лился свободно, без напряжения, был гибким и подвижным, но спетый «Соловей» оказался не той птицей, по которой я уже начал тосковать...

Я прочёл фамилию «своего» «Соловья» с пластинки из коллекции С.Н. Оголевца, про которую я расскажу в следующей главе. Потом много раз имя этой певицы звучало по радио во время трансляций концертов, пока не обернулось живым лицом со сцены Кремлёвского дворца съездов во время Международного противоракового конгресса, в котором я принимал участие.

Дебора Яковлевна Пантофель-Нечецкая выступала со

своим постоянным аккомпаниатором Семёном Стучевским и пела переложенную для неё музыку Фредерика Шопена. Подобные овации я слышал лишь раз на том же концерте после исполнения Майей Плисецкой «Умиряющего лебедя» Сен-Санса...

***

Тайна этой великой певицы советского времени для меня раскрылась через полстолетия, когда, проживая в Кёльне, я прослушал по телевидению очередную передачу из серии: «Абсолютный слух».

Дебора Яковлевна Пантофель-Нечецкая (1905-1998) кроме «Соловья» спела много песен, романсов и оперных партий. В моём любимом фильме «Антон Иванович сердится...» именно она а, не прелестная Людмила Целиковская, исполнила «Весенний вальс» Кабалевского и все другие музыкальные номера.

Она завоевала первое место на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. На оперных сценах, включая филиал Большого театра, спела партии Розины, Джильды, Виолетты, Джульетты, Лакмэ, арию Шемаханской царицы и другие.

Была солисткой Московской филармонии, принимая участие в сотнях сольных, камерных и смешанных концертах. Обладала голосом удивительной красоты, блеска и виртуозности. Её репертуар насчитывал более тысячи произведений композиторов многих стран, и народных песен.

Деборе Яковлевне посвящали свои произведения композиторы самого высоко ранга: Р.М. Глиер, А.К.Глазунов, Дм. Шостакович, Виссарион Шебалин, и др.

Потрясающий успех имели её концерты в Большом театре с участием Семёна Стучевского.

Во время войны она выступала с концертами на фронтах

Была Заслуженной артисткой РСФСР, лауреатом Государственной премии.

Умерла певица на 93 году жизни.

Память о ней, самой яркой звезде советской концертной сцены, навсегда останется в сердцах её слушателей и учеников.

Мир оперы открылся для меня сначала через старые пластинки, на которых были записаны голоса великих певцов.

Подробный рассказ о моих «пластиночных» университетах описан в следующей главе.

Последующие главы посвящены погружению в мир оперы, который сделал мою жизнь более содержательной.

***

В нынешнее время триумф оперы породил замечательных педагогов, которые открывают для нас мир «нескучной» музыки.

Первое место среди них для меня заняла Сати Спивакова, талантливый музыковед и писатель, обладающая глубокими связями с миром музыки.

Её телевизионные передачи открывают студентам музыкальных вузов и широкому слушателю пути в широкий мир музыкального искусства.

Учиться никогда не поздно!

Недавно, благодаря программам You-tube я познакомился с американским музыкальным просветителем Бенджамин Зандером.

Со свойственной ему горячностью и напором он утверждает, что людей без слуха не бывает. Надо с малых лет, играя на любом инструменте, стараться понять музыкальный настрой композитора – весёлый или печальный.

Индикатор восприятия музыки по Зандеру – «горящие глаза».

Теперь, в оперном или концертном зале задолго до грома аплодисментов я безошибочно по горящим глазам слушателей определяю своих единомышленников...

2. Граммофоны и пластинки старого филофониста

В этой главе я расскажу о старом филофонисте – поклоннике и собирателе оперной музыки, его граммофонах, коллекции звукозаписей и о свойствах человеческого голоса.

Я навсегда запомнил холодный апрельский день 1953 года, когда мой лучший друг Юра Фиалков предложил послушать грампластинки из коллекции Сергея Николаевича Оголевца.

Миновал киевский ботанический сад, держась друг за друга, мы заскользили по крутой Паньковской улице, добравшись до старого дома – неопрятного, со старыми осыпающимися балконами, крутыми лестницами, по которым приходилось карабкаться мимо мелькающих дверей с наклепленными, где попало почтовыми ящиками.

Юра почтительно надавил кнопку звонка. Дверь отворила дочь хозяина одной из комнат.

Много лет дважды в месяц мы стали приходить в это убогое жильё - место обитания семьи из трёх человек и одной из лучших в стране коллекций грампластинок.

Пространство вдоль стен было заставлено широкими шкафами с облупленной политуры. На них громоздились коричневые ящики граммофонов и отдельно стоящие изогнутые лакированные рубли.

Старомодными выглядели и хозяева. Внешность Старика

трудно было назвать привлекательной. Большую яйцеобразную голову прикрывала вылинявшая коричневая ермолка; покрытое седеющей щетиной лицо казалось суровым, но ирония скрывалась в его карих, навывкате глазах.

Жена, Наталья Ивановна, худенькая, рано поседевшая, казалось, сошла со старых открыток с невестиным призывом – «люби меня, как я тебя». Много лет назад, сватаясь к симпатичной хористке, Сергей Николаевич честно признался, что приходит к ней не один, а с приданным – коллекцией пластинок, способной пожирать их будущий семейный бюджет. Что делать – сама из оперных фетишисток, она отказалась от ревности – лучше мужу собирать пластинки, чем выпивать и бить посуду.

Жизнь супруги прожили в любви и согласии.

Рассаживались по строго определённым хозяином местам – на широком диване, а кто на доске, поставленной между табуретками. На полинявшую клеёнку была заброшена вышитая скатерть и разложены альбомы с фотографиями знаменитых певцов. Коллекцию Старик претенциозно называл: «АФИША» (Академическая Фонотека имени Шаляпина).

Из 185 напетых Шаляпиным пластинок у Сергея Николаевича не хватало только 34 дисков. Грамзаписи 1902-1905 годов воспроизводили звучание голоса молодого певца, а на более поздних заграничных пластинках записан его голос в оперных партиях Бориса Годунова, Мельника, Ивана Грозного, Мефистофеля, и др.

Начало коллекции положила шаляпинская «Блоха», купленная в 1915 году на деньги, которые мать давала будущему собирателю грампластинок на завтраки...

В рамке под стеклом можно было прочесть слова дочери Шаляпина, Ирины Фёдоровны: *«С благодарностью за любовь к отцу и с пожеланием успехов на ниве искусства».*

Шаляпин был самой большой, но не единственной любовью Старика, который подписывал письма друзьям словами: *от известного Вам филофониста – шаляпиниста, карузиста, ружфиста, вертиниста, и др.*

Домашний музей Оголевца в пору пятидесятилетия «Афиши» кроме огромной фонотеки содержал 10 000 изображений артистов (из них двести с автографами), две тысячи книг с очерками, мемуарами по вокалу, оперными либретто. Им составлена большая дискография всемирно известных певцов – Энрико Карузо, Тито Гобби, Матиа Баттистини, Беньямино Джильи, Гали Курчи, Марии Гальвани, Ван Занд, и наших русских исполнителей.

Сергей Николаевич всё свободное время посвящал дискографии - описанию пластинок: кем, когда напеты, номера матриц, наличие дублирования, и другие данные.

На мелованной бумаге аккуратным почерком коллекционера были записаны биографии певцов.

После просмотра альбомов начинался ритуал прослушивания...

– Вроде этот рыжеватый сегодня в голосе, – говорил Сергей Николаевич, выбирая один из трёх грамофонов и прилаживая трубу. Потом из коробочек поштучно вынимались иголки, острота проверялась приложением к щеке. Строго отмеренным числом оборотов заводилась пружина. Опускалась игла на вертящуюся пластинку – волшебный диск, сохраняющий живой человеческий голос.

Замечу, что тогдашнее замечание Старика о «рыжеватом» грамофоне, казавшееся нам шуткой, получает в наше время неожиданное подтверждение. Выдающиеся музыканты, играющие на старинных инструментах – Страдивари, Амати, Гварнери и лекари-мастера этих дорогостоящих раритетов в один голос утверждают, что их «подопечные» обладают своей внутренней энергетикой, влияющей на человека.

Эти интересные истории я слышал по телевидению от исполнителей, но они отвлекают нас от вокала.

Произвольный вначале выбор грампластинок у Сергея Николаевича сменялся коллективными заявками. Самой популярной у слушателей была ария Беллини «Фенеста», в конце которой в голосе Карузо звучали слёзы, и «Прощание с Неаполем». У певца были сложные отношения с любимым городом, и в эту песню он тоже вкладывал частицу своего сердца.

Нельзя назвать удачными записи знаменитых русских певцов – Неждановой, Собинова, Смирнова, Ершова, Сабина, хотя их голоса сами по себе были уникальными. Например, для тенора Сабина, Михаил Иванович Глинка специально написал арию: «Братцы, в метель!» из оперы: «Жизнь за царя» с верхними «ми» и «до», которую для последующих исполнителей приходилось транспонировать. Неповторимым тенором был и Ершов из Мариинского театра, пластинки которого сейчас представляют большую коллекционную ценность.

Вечер чаще всего завершался знаменитыми романсами Шаляпина: «Элегией», «Клубится волною...», «Сомнением», построенными на контрасте между трагизмом и тонкой лирикой; знаменитый шаляпинский фальцет в конце романсов вызывал у многих слёзы. Часто для поднятия духа Старик ставил напоследок

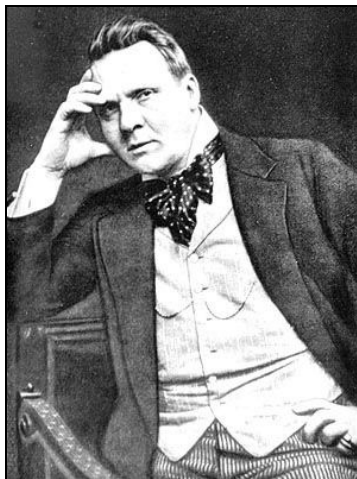
«Очи чёрные», иногда с «сюрпризом» - пьяным казацким хором, вызывавшим общий смех. Стихи Гребинки Шаляпин после свадьбы с итальянской балериной Иолой Торнаги дописал двумя страстными куплетами...

***

Однажды Старик протянул нам с Юрой Фиалковым аккуратно завернутый в газетную бумагу свёрток с «Посево́вским» изданием мемуаров Шаляпина «Маска и душа». В ней великий певец весьма критически отзывался о революции и советской власти. Во время идеологической оттепели разрешены были к печати воспоминания о Шаляпине, написанные А.М. Горьким и бывшим эмигрантом Львом Никулиным.

Узнав о моей командировке в Москву, Сергей Николаевич попросил зайти в особняк на Новинском бульваре в готовящийся к открытию музей музыкальной культуры, (которому ещё не было присвоено имя Шаляпина) и передать сотруднику маленькую коробочку граммофонных иголок.

При мне на одной из первых экскурсий этот молодой человек отбивался от посетителей, пытаясь доказать, что Шаляпин всегда оставался патриотом своей родины, но по причинам экономическим не мог прервать выступлений за границей.

Портрет Шаляпина

Сергей Николаевич подарил музею граммофон и несколько старинных пластинок. Их использовала фирма «Мелодия» при изготовлении новых записей великого певца.

Передав привет коллекционеру, сотрудник музея сказал мне с горечью:

– Для этих оболдуев (посетителей музея) слово «невозвращенец» сейчас звучит хуже, чем эмигрант.

Прошли годы, Сергея Николаевича уже не было с нами, а мы с Юрой доставали у букинистов и читали литературные произведения Шаляпина, который оказался ещё и замечательным прозаиком. Все тома его сочинений я не мог перевезти в Кёльн, но захватил с собой три самых любимых мной книги:

Ф.И.Шаляпин. Страницы из моей жизни. Киев. «МУЗЫЧНА УКРАИНА» 1988.

Ф.И. Шаляпин т. I Литературное наследство. Воспоминания об отце. «Искусство» М. 1953.

Константин Коровин. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1993.

По-моему мнению, Коровин – не только выдающийся художник, но и замечательный писатель, лучший биограф великого певца, который прекрасно знал самые интимные стороны его жизни, великолепно писал о природе, прогулках, охоте, и, разумеется, о работе Шаляпина в оперных театрах.

Автошарж Шаляпина

В своих воспоминаниях я ещё буду не раз возвращаться к этим книгам.

Мы с Юрой в Киевском доме кино оказались одними из первых зрителей фильма-оперы Массне «Дон-Кихот» с

Шаляпиным в главной роли.

Через много лет в Кёльне, в наиболее крупном в Европе магазине компакт-дисков я обнаружил пластинку с надписью: «Карузо-2000». Великий певец пел с обновлённым оркестром – чудо музыкальной вивисекции: голос не тронули, а старый сипловатый оркестр заменили. Увы, на подобное обновление шаляпинских записей в России до сих пор не хватает денег.

***

Сергей Николаевич «знал одной лишь думы власть» – жажда приобретения пластинок, утолить которую не могла жалкая зарплата бухгалтера. Приходилось перепродавать крупные марочные и пластиночные коллекции. По воскресеньям на толчке им выставлялся и столик с энциклопедиями и кляссерами. Старые киевляне, чьи дети и внуки «заболевали» собирательством, – направляли своих отпрысков на учёбу к Старикю.

При оценке уровня вокала Старик был строг и не признавал компромиссов, чем отпугивал даже известных певцов.

Так, при мне он с иронией спросил ведущего киевского баритона, народного артиста СССР и лауреата Сталинской премии Михаила Гришко:

– Вы такой дородный и крупный мужчина. Я специально взял место в партуре, чтобы послушать вас в «Травиате», но ваш Жермон настолько интимно общался с Виолеттой, что слышен был лишь её страдающий голос.

***

Здесь необходимо коснуться проблемы резонансного пения. Этот божественный дар рождения музыки связан с наиболее сложным инструментом – человеческим организмом. «Струнами» его служат резонаторы горла, мышцы, нервы, всё тело артиста. Качество звуков зависит не только от музыкальных способностей и физиологического состояния исполнителя, но и от вокальной школы. Так, в одном из интервью Анна Нетребко объяснила свою способность петь сидя или лёжа на сцене, уникальной постановкой её звукового «аппарата».

Даже очень сильные и красивые голоса не всегда обладают ангельской полётностью звука – формантой, способной сквозь оркестр проникать в зрительный зал.

Этот недостаток был присущ голосу Гришко, великолепно звучащему в концерте рядом с фортепиано или скрипкой, но плохо «прорезавшему» оркестровое сопровождение. Многие известные вокалисты, не обладающие формантой, завоевали заслуженную славу, благодаря записям с использованием микрофона.

В комнате, где проходили прослушивания и в коридоре

вдоль стен стояли шкафы, забитые книгами, посвященными искусству пения.

Иногда наш друг устраивал общественные концерты, собирая зрителей в одной из аудиторий, но при этом он всегда нервничал – разбивалась какая-нибудь из пластинок, слушатели болтали во время пения Шаляпина или Карузо, задавались глупые вопросы, и пр. Но больше всего старый коллекционер не любил советскую власть, проявлениями «хамства» которой он делился осторожно только с моим другом, известным учёным Юрием Фиалковым, со мной и с хирургом Игорем Лиссовым, ставшим впоследствии владельцем его коллекции.

***

У Сергея Николаевича, к большому сожалению, не сложились отношения и с будущим кумиром советской камерной музыки шестидесятых-восьмидесятых годов, народным артистом СССР – Борисом Гмырей.

Сергей Николаевич, работавший вместе с женой Гмыри, Верой Августовной, иногда приглашал семейную пару на свои домашние концерты, пока не обидел певца критическим отзывом о его выступлениях в опере.

Впоследствии, прослушав несколько пластинок Гмыри, Старик горько пожалел, что не смог оценить бархатный баритональный бас и замечательное мастерство певца. Но, увы, старый коллекционер не имел возможности выезжать в города, где тогда гастролировал Гмыря, который, став знаменитым, редко выступал в Киеве.

На сцене Киевской оперы, я слышал его несколько раз – в роли Нилакранты, Томского и Тараса Бульбы. Качество оркестра было низким, дирижёры заглушали певца, не давали возможности показать свой уникальный голос. Над ним издевались - басу предлагали баритональные, и даже теноровые партии.

Плохое отношение к Гмыре носило политический характер – его обвиняли в сотрудничестве с немцами, поскольку он не смог эвакуироваться во время из Харькова, в котором тогда выступал.

Каплей, переполнившей чашу терпения, стал скандал с партией Галицкого в опере "Князь Игорь". Бориса Романовича обвинили «в неправильной трактовке образа, ведущей к растлению молодежи» (?), и он вынужден был уйти из украинской оперы.

Неприятности у певца прекратились, когда Сталин лично присвоил ему звание народного артиста СССР.

Низкий уровень Киевской оперы затянулся на много лет и продолжался до прихода Е. Мирошниченко, Е. Чавдар, Б. Руденко,

Н. Ворвулева, Н. Гуляева, К. Лаптева и дирижёра С. Турчака.

Восторженным поклонником Бориса Гмыри я стал после одной из командировок в Ленинград. Возле знаменитого ленинградского филармонического зала, как всегда стояла густая толпа, и трудно было пробиться к афише.

Перейдя на другую сторону улицы, я собрался уйти, но обратил внимание на пожилого человека, доставшего из бумажника билет. Сразу сработал инстинкт охоты, - со словом: «лишний?», - я выхватил билет, не зная содержания концерта, с трудом пробился к своему месту в последних рядах партера, и, усевшись, увидел на сцене Гмырю с аккомпаниатором Львом Остриным.

После первого романса: «Благословляю вас, леса...», я понял, что слушаю одного из лучших в моей жизни певцов, а романс: «Мы сидели с тобой» вызвал у меня слёзы...

Гмыря, его потрясающей красоты и пластичности бархатный голос в диапазоне от баса до тенора; артистический темперамент в сочетании с безупречной дикцией и чувством меры не имели себе равных. Я ещё несколько раз побывал на его концертах, регулярно слушал выступления по радио, но в опере на его выступлениях, к сожалению, больше не был.

Конец карьеры Гмыри был связан с политической интригой. Его – любимца Ленинграда, Д.Д. Шостакович пригласил исполнить вокальную партию в Тринадцатой симфонии, написанной на слова Евтушенко. Вмешались партийные органы, и певец побоялся дать согласие на участие в концерте, чуть было не сорвав исполнение симфонии. При этом Гмыря боготворил Шостаковича. Совершённое из страха предательство вызвало у артиста тяжёлую нервную депрессию и ускорило его болезнь. Это рассказала мне Вера Августовна, жена Бориса Романовича...

Я посещал организуемые ею в квартире Гмыри на Крещатике вечера его памяти.

Вера Августовна внесла неоценимый вклад в ещё прижизненное формирование архива Гмыри, включающего почти 600 записей оперных и камерных произведений, многих трансляционных концертов, рукописи статей, тетрадей–дневников и писем.

Во время одного из таких вечеров я прочёл письмо Шостаковича, в котором он просил Гмырю спеть партию баса в симфонии «Бабий Яр» на слова Е. Евтушенко.

В письме есть такие строки: *мне очень хочется, чтобы «Бабий Яр» прозвучал и прозвучал в самом лучшем исполнении. Поэтому я обращаюсь к Вам. Если Вы согласны хотя бы*

познакомиться с этим сочинением, я Вам вышлю клавир, а ещё лучше, сам приеду к Вам и сам поиграю. Я бы приехал в Киев и потревожил Вас 20 минут (15 минут длится «Бабий Яр», и пяти минут вполне хватит на переговоры»).

В этих строках из письма – потрясающая скромность гениального композитора и степень его преклонения перед Гмырей...

Жаль, что Вера Августовна не дожила до выхода в серии «Великие певцы России XX века» двух дисков Бориса Гмыри, звучащих одиннадцать часов.

К сожалению, на Украине память самого великого в истории украинского певца пока не отмечена ни памятником, ни музеем....

***

В апреле 2009 года в Киеве скончалась бывшая примадонна Киевской оперы Евгения Мирошниченко (1931-2009). Она была лучшей из четырёх очень хороших певиц, включая Елизавету Чавдар, Беллу Руденко и Ларису Руденко.

Евгения Мирошниченко была в молодые годы лауреатом престижного международного конкурса, короткое время стажировалась в Миланском театре Ла Скала. Она пела заглавные партии в 13 операх, включая три украинских, но по сути дела, оказалась великой певицей одной оперы – Лючии ди Ламмермур, композитора Доницетти.

В бывшем Советском Союзе партию Лючии никто не мог так спеть. Это исполнение стало одним из главных триумфов украинской оперы. Её участники были подобраны самой певицей, в том числе никому не известный тенор, исполнявший партию Эдгара.

Я слышал эту оперу три раза в разные годы, и Мирошниченко каждый раз «жила» по-другому на сцене. Её дуэты с флейтой и сцены безумия часто воскресают в моей памяти, хотя позже я видел и слышал в этой роли лучших европейских певиц.

По моему, за одну эту оперу Мирошниченко заслужила все свои звания – народной артистки СССР, лауреата Государственной премии, Героя Украины.

***

Очень интересен рассказ Сергея Николаевича о жизни «под немцами» – в нём хорошо передано его трепетное отношение к грампластинкам.

Начались ужасы оккупации, но меня больше всего волновала судьба коллекции. В ней было много и «советских» дисков – песен Дунаевского на стихи Лебедева-Кумача, про

вождей, про трёх весёлых танкистов, и прочая дребедень, но за такую музыку можно было попасть под расстрел, однако рука не поднималась перебить опасные пластинки. Ночью при копилке я сложил их в мешок и оставил возле мусорного ящика в соседнем дворе. После осенних дождей повалил снег, а потом мороз под толстым ледяным покровом похоронил кругляки, и я постарался выбросить их из памяти. Однако в марте сорок второго началась оттепель, и обнажился край моего мешка – будто нога покойника после совершённого преступления.

На следующий день, возвращаясь с Евбаза (старый киевский рынок), я увидел как мальчонка, лет десяти, разбивает камнями мои пластинки; бессмысленный вандализм – ну продал бы их на базаре на пуговицы. Тогда по бедности такой промысел процветал.

Камнем или на пуговицы – один чёрт, но я впервые, уже в немолодом возрасте заплакал, а жена говорит:

– Постыдись – людей тебе не жалко, а по пластинкам, как за покойником убиваешься.

***

Юра Фиалков в своей книге «Доля правды» написал рассказ, для которого перед изданием его книги я придумал название: «Любовь Баттистини».

Начну с фактической основы этого рассказа.

Однажды взволнованный Старик показал нам две старые помятые, надорванные открытки с автографами великого певца. Как они могли попасть на толчок? Выяснилось, что открытки были украдены у двух ветхих, полунищих старушек, одна из которых много лет была возлюбленной «короля баритонов», ради которой певец много сезонов приезжал на гастроли в Россию.

Позволю себе привести отрывки из романтического, хотя и не очень достоверного юриного рассказа.

Тридцатипрехлетний баритон на вершине славы, доводивший до экстаза киевлян...- стоит ли удивляться тому, что среди тех, кто сопровождал воплями восхищения карету, которую тащили студенты университета святого Владимира, была девятнадцатилетняя Nadine? Молодая меломанка кричала так восторженно, а ее раскрасневшееся личико было так привлекательно, что Баттистини, не без удовольствия наблюдавший за экспансивными киевлянами, не только приметил поклонницу, но, остановив впрягшихся в пролетку студентов, пригласил девушку следовать с ним...

Потом были совместные поездки по России и другим странам. Певец подписывал невыгодные контракты, лишь бы не

расставаться с Наденькой; их разлучил российский переворот. Надя осталась в России, а Баттистини постригся в монахи ордена Франциска Ассизского...

Дальше – уже наше время. Послевоенный Киев. «Ветхий дом» в районе, прилегавшем к бывшему Евбазу», «зрелище удручающей бедности», «рыдающие старушки», «сожжённые в 1937 году письма баритона», «но осталось несколько фотографий, на которые рука уже не поднялась»....

***

Теперь для окончания рассказа о Баттистини я позволю себе перенестись на короткое время в Кёльн, где мы теперь живём.

У старого коллекционера было меньше десяти пластинок Баттистини, но тут меня осенило – в Кёльне расположен крупнейший в мире магазин компакт-дисков и видеокассет. Дар судьбы, который, возможно, откроет для меня творчество великого баритона?

Задыхаясь, перескакивая через ступени, я оказался на втором этаже отдела классической музыки. С экранов DVD лучшие звёзды оперы исполняли сценические партии, но меня волновал каталог старых компакт-дисков. По алфавиту я нашёл ячейку Баттистини – семь дисков; некоторые повторялись, но здесь хранилось почти полное вокальное наследие певца, включая русские арии Онегина, Демона, Елецкого и даже басового Руслана.

Может быть, это Наденька в глуши Саратова или Тамбова, согревая сердце усатого баритона, рассказывала ему о героях русских книг? Как бы прослушать музыкальные отрывки прямо сейчас?

На помощь мне пришла стоящая рядом девушка - помогла надеть наушники и направить красный луч считывающего устройства на полоски, нанесенные на оборотную сторону коробки с дисками. Нажатие кнопки, и зазвучал голос знаменитого певца. По правде говоря, старый граммофон лучше передавал бархатистость и мягкость его пения, включавшего по диапазону две октавы!

Вечером перед сном я прослушал оба диска и перечитал биографию Баттистини – он был моложе своей жены, но в Италии разводы запрещены – это подтверждало романтическую версию моего друга. Хотя смазливая внешность певца с подкрученными вверх по тогдашней моде кончиками усов – «цель достигнута» – позволяла предположить, что у душки-баритона был богатый любовный опыт, а может, и другие увлечения.

В ту ночь я долго не мог заснуть, а потом вместо итальянского бельканто неожиданно для меня зазвучала русская

мелодия:

*Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит сонное молчанье ночи тёмной...*

Почему вместо баритона звучит женское сопрано, и эти пушкинские строки в конце:

*Мой друг, мой нежный друг... люблю...твоя...твоя.
Засыпая, я понял, что это звучал голос Nadine...*

***

Кроме любви к хорошему пению, старый коллекционер заразил нас желанием собирать пластинки и книги по вокалу и истории оперы. Кроме нас с Юрой постоянными посетителями его вечеров стал хирург Игорь Лиссов и инженер, тенор-любитель Виталий, подготовивший несколько оперных партий.

Отечественных магнитофонов тогда не было, но в продажу поступили магнитофонные приставки, кассеты которых, вращаясь вместе с пластинкой, записывали музыку на целлулоидную ленту. Старик доверял Игорю переписывать на приставку некоторые пластинки из его коллекции.

Встречи с гастролёрами

Все мы стремились услышать со сцены хороших исполнителей и радовались успехам ранее названных певиц - Евгении Мирошниченко, Елизаветы Чавдар, Ларисы Руденко, и таких гастролёров, как Иван Петров (Краузе), эстонцев – Тийта Куузика и Георга Отса, болгарина Николая Гяурова, молдаванки Мария Биешу, и других.

Западные певцы по финансовым соображениям в Киев не приезжали – за одним, впрочем, исключением. Однажды перед оперным театром была вывешена афиша, извещавшая о гастролях премьеры Миланского театра «Ла Скала» некого Луиджи Оттолини в опере Верди «Бал маскарад». В послужном списке загадочного певца значилось даже выступление в «Тоске» вместе с великим баритоном Тито Гобби.

Объявление не вызвало сенсации, поскольку киевские меломаны сочли эту гастроль очередной авантюрой тогдашнего директора киевской оперы, зятя Хрущёва Анатолия Гонтаря.

Первое выступление итальянца прошло без аншлага. Открылся занавес и на авансцене появился полный коротышка, необычайно похожий на куклу из известного спектакля Сергея Образцова «Необыкновенный концерт». Раздался смех, отдельные хлопки, заглушившие первые такты оперы; толстячок вздрогнул, затрясся, распахнул рот..., и произошло чудо - полилась изумительная по красоте мелодия Верди, причём в полном согласии со звуками оркестра. Правда, досконально зная эту арию

по исполнениям Карузо и Джильи, можно было заметить потерю нескольких фиоритур с высокими нотами, но красота голоса певца и мастерство исполнения оказались безупречными. Дирижёр, которого в театре прозвали Громышайло, на этот раз не заглушал певца и умело изменил тесситуру наиболее сложных для вокалиста мест. Восторг публики был неподдельным, и даже Сергей Николаевич украдкой вытирал набегавшую слезу.

В тот вечер мы поняли, что бельканто слагается не только из хорошего пения, но и умения скрывать погрешности голоса.

Я был умеренным фанатом, но впервые достиг безумия в конце 50-х годов во время приезда в Одессу оперной певицы Гоар Гаспарян.

Она была молода, хороша собой и, хотя училась в Египте, прекрасно усвоила итальянскую школу пения; обладала обширным оперным и песенным репертуаром.

Выступала она в зале одесской филармонии, где когда-то помещалась биржа. Говорили, что это здание при строительстве было лишено акустики, чтобы приглушить разговоры брокеров. Но голос Гоар звучал в нём, как на лучшей оперной сцене.

Я прослушал все пять её концертов. Во время первого - зал был полупустым, на последние концерты можно было попасть, только купив билеты у перекупщиков.

В последующие годы она напела много пластинок итальянской, русской и армянской классики. Подобные женские голоса я слышал только в записи на пластинках у Сергея Николаевича Оголевца.

Моё недостаточно хорошее знакомство с вокалом не давало возможности оценить богатство её голоса, диапазон которого был шире, чем у наиболее известных тогда певиц. Ни одна из них не повторила её подвига, не смогла взять ноту «соль» третьей октавы.

В газетах писали, что Гаспарян успешно гастролировала во многих странах, а в СССР стала народной артисткой СССР, лауреатом многих премий и Героем соц. труда.

Приехав через тридцать лет после одесских гастролей певицы в Ереван, я первым делом ринулся в оперный театр, где она должна была петь Розину из «Севильского цирюльника». К моему удивлению, красивый оперный театр был почти пуст. На сцену вышла маленькая, очень полная сильно накрашенная женщина с грудью голубя и выпученными глазами. Её голос, раньше красивый и звонкий, можно было теперь узнать только по характерному тембру. Куда девалась певица-кумир многих поклонников оперы, которую хвалили Зара Долуханова, Ирина

Архипова, дирижер Мелик-Пашаев, а Аветик Исаакян назвал «армянским соловьём»?

Я покинул театр после первого акта и всю ночь не мог уснуть...

***

Теперь мне хотелось бы ещё раз вернуться в концертный зал в Киевского Дома Учёных, в котором состоялось моё «музыкальное крещение», связанное с камерной музыкой.

Три раза я слушал в этом зале выступления Станислава Нейгауза, сына великого пианиста, который сам играл хорошо и при этом был строен и очень красив.

Но мой первый восторг был связан с тремя концертами великой камерной певицы Зары Долухановой. Она была хорошо известна в Москве и Ленинграде, наряду с эстрадой выступала и на оперных сценах, и после одного из киевских концертов призналась, что с удовольствием принимает приглашения выступать в нашем городе.

Среди многого изумительно спетого Долухановой, не забуду арию Золушки из оперы Россини и баркаролу Шуберта. Это было задолго до выступления моих любимых Золушек - итальянки Чечилии Бартоли и американки ДиДонато. Слабеющая память не даёт возможность сравнивать особенности выступлений этих замечательных певиц.

Слушая Долуханову, я впервые понял, каким красивым может быть меццо- сопрано, изумительный тембр и проникновенность её голоса с бархатисто-тёплыми тонами нижнего и среднего регистра. Сердце замирало при исполнении «Элегии на одной ноте» Россини с замирающим прощальным звуком...

А какая у неё была изумительная дикция, как звучала моя любимая, знаменитая мелодия: «...Клубится волною...», трогавшая душу жаждой любви, и окончание: «Если б навеки так было...», повторённое в конце на высокой ноте без слов... Это можно было сравнить только с пением Шаляпина, которого я наслушался, посещая концерты старого коллекционера...

Через много лет мне подарили на день рождения долгоиграющую пластинку Долухановой, которую я не устал слушать.

И ещё один подарок послесталинского времени. Изданная малым тиражом пластинка музыки Дм. Шостаковича: «Из еврейской народной поэзии»

Увы, прошло много лет, и 4 декабря 2007 года я узнал, что в Москве на 90-м году перестало биться сердце великой певицы...

Запомнился мне и неприятный скандал, свидетелем которого я оказался в том же зале Дома Учёных. Выступала супружеская пара, имя которой навсегда войдёт в золотой фонд музыки. Нина Дорлиак, камерная и оперная певица, и Святослав Рихтер.

Они тогда приехали в Киев во второй раз. Нина – прекрасный вокальный педагог, одухотворённая певица, обладавшая, к сожалению, посредственным голосом, подготовила со Святославом Теофиловичем изысканную программу, в которую, насколько помню, вошли романсы Шуберта, песни Гуго Вольфа, Шопена, Шимановского.

Слушатели надеялись, что, как и на прошлогоднем концерте в Киеве в первом отделении будет дуэт, а во втором сыграет великий пианист. К этому стремилась и Дорлиак, но в начале второго отделения супруги вышли вдвоём...

Несколько голосов заорало: «Рихтер, хотим Рихтера...»

В зале поднялся шум. Лицо пианиста покрылось красными пятнами, а растерянная Нина стояла, опустив глаза. За что ей такая кара...

Шум прошёл по залу, и Святослав Теофилович, взяв об руку жену, решительно оставил зал...

Это была странная пара. Мне казалось, что их брак был замешан не на супружеской любви, а на музыке. Нина всю жизнь относилась к мужу с большой теплотой и одновременно с поклонением, понимая, что живёт с гением...

Они прожили вместе пятьдесят два года, но так и не перешли на «ты»...

***

Пора подвести итоги нашего рассказа о выдающемся коллекционере Сергее Николаевиче Оголевце.

Увы, столь дорогие для нас граммофонные посиделки внезапно прервались. Дочь Сергея Николаевича отдалась сердечному влечению, вышла замуж и родила ребёнка. Муж оказался непутёвым, а ребёнок капризным – в итоге нам стало негде собираться для прослушивания граммофонов.

Прошло несколько месяцев, и мне позвонил огорчённый Старик. Со страданием в голосе он сообщил о несчастье – ставший любимым внучком разбил ценную пластинку Шаляпина. Дальше хуже – растерянный Сергей Николаевич пришёл к нам домой и предложил купить раритет шаляпинской коллекции – пластинку со знаменитой арией из оперы Жака Галеви «Жидовка», которая начиналась словами:

– Рахиль, ты мне дана небесным проведеньем...

Пластинку я купил и позвонил Юре. Выяснилось, что и ему пришлось приобрести несколько шалапинских дисков – огорчённый Старик, оправдываясь, объяснял, что внук и жена болеют, зять сбежал, а денег нет даже на молоко.

Мне так хочется, чтобы пластинки попали в хорошие руки, – со слезами в голосе добавил он...

Потом наступили трагические для всех нас события, связанные с аварией в Чернобыле, и связь со старым коллекционером оказалась потерянной...

Однако на помощь пришёл лучший лекарь – время, жизнь в пострадавших от радиации районах нормализовалась, и брошенные Сергеем Николаевичем зёрна стали давать всходы – теперь мы стали обзаводиться компакт-дисками и заграничными плеерами.

Первый такой аппарат мой друг привёз из Польши. Потом диски нам стали дарить друзья, коллеги и ученики из разных стран. После очередного приезда «соросовского» профессора Фиалкова из «загранки» раздавался телефонный звонок, мы собирались в его тесном кабинете на Русановской набережной, и открывали для себя новые оперные шедевры.

В 1998 году, уезжая жить в Германию, я вынужден был расстаться со своей коллекцией книг и пластинок. Юра хорошо понимал моё состояние, но когда увидел сложенные на полу книги о вокале – «Записки оперного певца» Сергея Левика, «Выдающихся итальянских певцов» В.Тимохина, мемуарную прозу Шалапина, Карузо, Джильи, Лауро-Вольпи и многое другое – годами нажитые «сокровища» прежних лет, – не выдержал и дрогнувшим голосом спросил – неужели можно там обойтись без всего этого?

– Разумеется, всего уже не переслушаешь и не перечтёшь, – добавил он примирительно. – Тут не выдержал я, и совсем не из-за пластинок. Юра был уже тяжело болен, и сказанное имело суровый подтекст...

Юрий Яковлевич Фиалков был не только выдающимся учёным-химиком, но и известным писателем, автором книги «Доля правды», которую я издал в Санкт-Петербурге (Алетейя, 2004).

***

Пластинка звучит долго, но наш век порой оказывается слишком коротким. Поэтому радость слушателя и собирателя музыки сочетается в моём последующем рассказе с грустью, вызванной потерей друзей, разделявших со мной страсти меломана.

Давно ушёл из жизни наш учитель Сергей Николаевич

Оголевец.

Долго болел и умер Юрий Яковлевич Фиалков. Я счастлив, что успел познакомить его с лучшими достижениями мирового оперного искусства. Лёжа в больнице с проигрывающим устройством, он прослушивал музыкальные записи в формате MP-3, а во время коротких выходов из больницы старался покупать новые компакт-диски. По поводу «Золушки» Россини с участием Чечилии Бартоли он слабеющей рукой смог написать мне только одно слово: «и-з-у-м- и-т- е-ль-н-о»...

3. Шаляпин - долгий путь к славе

Почти семьдесят пять лет отделяют нас от живого Шаляпина. Преклонный возраст позволил мне прослушать десятки его лучших записей, окунуться в его прозу и в то, что написано о нём. Что позволило ему стать подлинным музыкальным гением, создателем русских опер?

Я уверен в том, что однозначный ответ на этот вопрос не возможен, необходимо изучение всех этапов его творчества, *за пядью пядь*.

Особенностью долгого пути Шаляпина к славе было отсутствие поражений.

Это было постоянное восхождение.

Постараемся проследить за его этапами...

Шаляпинские «университеты»

Используя материалы его книг и воспоминания биографов, в первую очередь художника Константина Коровина, постараемся проследить этапы «большого пути», говоря словами Горького «его университеты», ключевую роль в которых сыграло общение с выдающимися деятелями русской и европейской культуры и искусства.

Именно эти контакты помогли Шаляпину «открыть к себе любовь пространства, услышать будущего зов»... (Пастернак).

Проследим за ключевыми этапами его учёбы, общении с выдающимися деятелями русской и европейской культуры, первым европейским триумфом в театре Ла Скала в Милане, триумфальными гастролям по многим странам - к тому, что в последствии обернулось мировой славой великого певца...

Начну с бегства от родителей (где пьяный отец постоянно избивал мать), бездомности, бродяжничества, полуголодного существования, поисков любой работы. Нищенский заработок молодого бродяги чаще всего был связан с выступлениями в балаганах, пением в церквях и хорах музыкальных обществ, но параллельно и с работой грузчика и крючника. В семнадцать лет он набавлял себе для солидности два года. Постоянно голодал,

иногда пьянствовал и бывал бит. Вначале избегал, а потом легко сходилась со встречными женщинами, которых «не любил, но жалел» - характерное для Руси определение.

***

Первые антрепренёры его странствий по великой Руси – *Семёнов-Самарский*, руководитель малороссийской труппы – *Деркач*, режиссёр Любимов, выдающийся провинциальный актёр – *Мамонт Дальский*. Униформой молодого певца тогда был «пейзанский костюм» – шерстяное трико, стоптанные туфли, короткие штанишки, короткий плащ, картонная шапка, обшитая атласом... Ноги в стоптанных туфлях вначале тряслись, но со временем окрепли. Смешной и жалкий вид подходил для выступлений в оперетках и малороссийских операх...

В Уфе 18 декабря 1890 года он впервые спел сольную партию.

Из воспоминаний самого Федора Шаляпина:

По-видимому, и в скромном амплуа хориста я успел выказать мою природную музыкальность и недурные голосовые средства. Когда однажды один из баритонов труппы внезапно, накануне спектакля, почему-то отказался от роли Стольника в опере Монюшко «Галька», а заменить его в труппе было некем, то антрепренер Семенов-Самарский обратился ко мне - не соглашусь ли я спеть эту партию. Несмотря на мою крайнюю застенчивость, я согласился. Это было слишком соблазнительно: первая в жизни серьезная роль. Я быстро разучил партию и выступил. Несмотря на печальный инцидент (я сел на сцене вместо стула).

Семёнов-Самарский все же был растроган и моим пением, и добросовестным желанием изобразить нечто похожее на польского магната. Он прибавил мне к жалованью пять рублей и стал также поручать мне и другие роли. Я до сих пор суеверно думаю: хороший признак новичку в первом спектакле на сцене при публике сесть мимо стула. Всю последующую карьеру я, однако, зорко следил за креслом и опасался не только сесть мимо, но и садиться в кресло другого. (Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. - М.: Вече, 2000, с. 155-156.)

***

Все хвалили его хороший голос, и однажды выпив, он решил выступить перед Тифлисским профессором *Дмитрием Андреевичем Усатовым*, и на вопрос: – Можно мне учиться петь? Тот ответил: – Должно!

Супруги *Усатовы* кормили молодого певца, давали полезные советы поведения за столом, а учитель порой

бесцеремонно колотил Федюшу палкой, приговаривая:

– Лодырь, лодырь, ничего не делаешь!

Усатов подготовил для Шаляпина шикарный бенефис – третий акт «Русалки» Даргомыжского, серенаду Мефистофеля и трио из «Фауста» Гуно. Собралось множество публики. Спектакль имел большой успех. Певцу подарили фрак, золотые часы, серебряный кубок и триста рублей наличными. *Усатов* поднёс ученику лавровый венок, которым его когда-то наградила публика, но вытравил с ленты своё имя, заменив надписью: «ШАЛЯПИН».

Главным подарком было рекомендательное письмо *Усатова* в контору Большого театра. Там он встретился с известным антрепренёром *Лентовским*. Спел арию из «Дон Карлоса», подписал контракт и получил в качестве аванса сто рублей...

Дальше была стажировка в Тифлисском оперном театре, в Оперной студии, антрепренёра *Любимова*, труппе Мариинского театра, в Частной опере *С.И. Мамонтова*.

На этой сцене раскрылось **гениальное дарование** Шаляпина, спевшего в операх: Ивана Грозного в "Псковитянке", Мельника в "Русалке", Сусанина в опере "Жизнь за царя" ("Иван Сусанин"), Досифея в "Хованщине", Бориса Годунова и Варлаама в опере "Борис Годунов", Варяжского гостя в "Садко", Олоферна в опере "Юдифь", Мефистофеля в "Фаусте" Гуно, Дона Базилио в "Севильском цирюльнике" – вот не полный перечень спетых Шаляпиным партий в частной опере.

Небывалый успех Шаляпина в театре Мамонтова заставил высшее театральное руководство пригласить его на работу в московский Большой театр, где он получил право выбора, а потом и постановки оперных спектаклей (ряд спектаклей, в которых выступал Шаляпин, был лично им поставлен).

Взяв из литературы, истории, музыки, живописи, скульптуры всё, что могло обогатить его гениальное дарование, Шаляпин поднял искусство оперного певца на небывалую высоту. Его триумфальные выступления позже оказали влияние на развитие вокально-сценического искусства России и нескольких западных стран.

Затем на пути был Панаевский театр в Санкт-Петербурге во главе с дирижёром *Труффи*, Маринский театр с *Направником*, огромный успех на эстраде Дворянского собрания...

Вскоре гордый собой молодой певец заказал визитные карточки с надписью: *Артист императорских театров...*

Началось чудо восхождения, важной ступенью которого была **поддержка** одного из крупнейших меценатов Москвы

Саввы Ивановича Мамонтова.

Познакомился Шаляпин с ним в Нижнем Новгороде и написал словесный портрет человека, сделавшего неоценимый вклад в российскую культуру:

«Однажды, во время обеда с известной предпринимательницей Винтер я увидел за столом плотного коренастого человека с какой-то памятной монгольской головою, с живыми глазами, энергичного в движениях. Это был *Мамонтов*, он посмотрел на меня строго, и ничего не сказав мне, продолжил беседу с молодым человеком, украшенным бородкою Генриха IV. Это был **К.А.Коровин**»

Так произошло знакомство Шаляпина с двумя талантливыми и влиятельными людьми, позволившими ему со временем объединить известных деятелей русской культуры - художников, композиторов, литераторов, историков и артистов. Эта культурная элита со временем позволит Шаляпину создавать российские оперы.

Постараюсь на конкретных примерах показать, как на практике происходили **«сцепления»** – знакомства великого певца с лучшими представителями русской культуры.

Самым близким другом Шаляпина оказался *Константин Коровин*, с которым они постоянно вместе жили на Волге, в деревне, в Москве и в эмиграции. В книге Коровина один из разделов назван «Рассказы о Шаляпине». Коровин снял портрет друга на смертном одре и проводил его тело в последний путь...

Мамонтов познакомил Шаляпина с двумя большими картинами *Врубеля*, выставленными в отдельном помещении: «Микулой Селяниновичем» и «Принцессой Грёза». Шаляпин не сразу принял живопись *Врубеля*, но со временем творчество художника его захватило.

Отношение Саввы Мамонтова к Шаляпину со временем перешло в любовь. Он несколько раз предлагал певцу на выгодных условиях перейти в его театр. Поняв, что Шаляпин расположен к итальянской балерине Иоле Торнаги, Мамонтов предложил молодым людям очень выгодные контракты и высокую оплату.

Вскоре они поженились. Посаженным отцом был Мамонтов, свидетелями – ближайшие друзья – *Коровин и Рахманинов*. Сыграли свадьбу под Москвой в деревне Путятино. Черноглазая невеста с нимбом рыжеватых волос была не лыком шита. Выучилась в Ла Скала, стала в 16 лет примой балериной оперы Сан-Карло в Неаполе, популярной европейской танцовщицей. По известности вначале она опережала будущего мужа. Фёдор посвятил молодой жене два новых куплета известной

песни Гребинки «Очи чёрные». Родилось в молодой семье шесть детей, но не все выжили...

К сожалению, Мамонтов не добился от Шаляпина ответного чувства. Певца интересовали деньги и карьера артиста императорских театров.

Он равнодушно отнёсся к аресту Саввы Мамонтов, хотя мог бы своим участием облегчить его участь...

Круг художников, с которыми знакомился Шаляпин, постепенно расширялся. В театре Мамонтова часто бывали **В.Серов, Врубель, В. Васнецов, Архипов.**

Д.Поленов помог певцу сделать прекрасный эскиз для костюма Мефистофеля.

Вначале в театре Мамонтова скептически отнеслись к постановке оперы Римского-Корсакова «Псковитянка». Опера пугала и самого Шаляпина – в ней не было ни арии, ни дуэтов, ни трио.

Но историк **В.О. Ключевский** и художники ввели певца в эпоху Ивана Грозного.

Шаляпин несколько раз ходил в Третьяковскую галерею смотреть картины Шварца. Помог портрет царя Ивана Грозного работы **Васнецова.**

Упорно работая, Шаляпин нашёл интересные подходы к сложной роли. Выехал на сцену верхом и запел.

Образ царя был найден.

На одной из постановок «Псковитянки» побывал **Владимир Васильевич Стасов** – выдающийся русский искусствовед, музыковед, критик и крупный правовед.

Лидер кружка, объединявшего русских композиторов и художников, так называемой «могучей кучки». Примыкающий к ней юноша – поэт Маршак назвал Стасова «атаманом могучей кучки».

Шаляпин оставил в своих записках описание первого знакомства со Стасовым:

В двери встала могучая фигура с большой седой бородой, крупными чертами лица и глазами юноши.

– Да вы ещё совсем молоденький! Сколько Вам лет, откуда Вы?

Он познакомил Фёдора со скульптором **Антокольским**, крепко расцеловал и со слезами на глазах ушёл.

На следующий день *Стасов* пригласил Шаляпина в Публичную библиотеку и усадил на почётное место – в кресло, на котором сидели Гоголь и Тургенев.

Редко, кто в жизни наполнял меня таким счастьем и так

щедро, как он, – вспоминал позже Шаляпин.

Стасов посвятил роли Ивана Грозного несколько статей, первая из которых называлась: «Радость безмерная». Отмечая гениальный рост артиста, как художника – творца, он отмечал, что Шаляпин не только выступает на сцене, но и передаёт сложные стороны характера Грозного – свирепость, бессилие, притворство, ложное смирение. Каждый образ – настолько выпуклый и пластичный, что подходит для самостоятельной фигуры.

При этом великому артисту и певцу всего 25 лет!

С годами дружба между Стасовым и Шаляпиным крепла. Артист не раз обращался к нему за советами.

Стасов первый предсказал, что молодого певца ждёт мировая слава...

Летом 1898 года вместе с **С.В. Рахманиновым** и приглашённым дирижёром Шаляпин занялся изучением музыки **Мусоргского** к «Борису Годунову». Рахманинов старался «музыкально воспитать» певца, познакомил его с принципами музыкальной гармонии, сыгравшей большую роль для понимания Мусоргского и других русских композиторов. Но Шаляпину этого было мало, и он обратился к известному русскому историку **В.И. Ключевскому**, который объяснил певцу суть диалогов между героями опер «*Борис Годунов*» и «*Хованщина*». Рассказ историка сам по себе показался Шаляпину очень артистичным.

Шаляпин, как ни один из выдающихся певцов смог соединить в своём творчестве русскую (а потом и западную) культуру с её музыкально-вокальной и артистичной передачей.

«Шаляпинские скандалы»

На первых порах, став оперным премьером, молодой Фёдор Иванович, даже слегка выпивши, скандалов себе не позволял даже у любящего его Саввы.

Но по мере вхождения в славу, распоясывался всё больше. Один раз даже отказался от роли, принеся театру большой убыток. В других случаях – требовал заменять дирижёров и гнать вон неугодных оркестрантов, устраивая «шаляпинские паузы».

Характер у Федора Ивановича, когда расходился, мог стать даже мордобойным. Когда оркестранты фальшивили или выпивали, – пару раз приходилось учить их кулаком, правда, потом извиняться и платить неустойку.

Но нередко правда была на стороне певца.

Почувствовав в себе силу не только певческую, но и постановочную, он находил дефекты в партитуре и старался их выправить.

Особенно певца раздражали непослушные дирижёры

Для него партитуры никогда не составляли «святого писания». Певец мысленно вступал в спор с композиторами, не соглашался и с исполнительством. Считал, что ноты – авторские записи, иногда надо «наполнять» музыкой.

Ещё одна особенность Шаляпинского пения – особые завершения романсов и песен.

Как он пел «Элегию», «Персидскую элегию», «Сомнение», «Из-за острова на стрежень...» и многие другие вещи! Ноты для него не могли передать голосовых завершений этих и других его произведений – это был удел, доступный только такому гению, как Шаляпин...

Больше всего певец не ладил с дирижёрами, но здесь возникло исключение, ставшее сюжетом недавно найденного рассказа.

Еврейский друг Фёдора Шаляпина

Подобное название главы может вызвать недоумение, поскольку у великого певца с дружбой, мягко говоря, было не всё в порядке. Об этом свидетельствует его отношение к «благодетелю» Савве Мамонтову и некоторым другим людям искусства, которых он «любил», пока в них нуждался. Исключение составляло отношение к **Стасову, Коровину, Рахманинову, Горькому** и некоторым знаменитым людям... Поэтому большой интерес представляет очерк журналиста Михаль Арье, напечатанный по материалам публикации Аарона Оримиана в сборнике «Евреи в культуре Русского Зарубежья». Очерк посвящён постоянной дружбе великого певца с еврейским дирижёром **Мордехаем Галинкиным**, благодаря которому Шаляпин не только морально, но и материально поддержал идею создания еврейского оперного театра в «подмандатной» территории *Эрец Исраэль*!

Мордехай Галинкин, 1875 года рождения, уроженец Херсонской губернии и выпускник Варшавской консерватории, был одним из немногих дирижёров, который умело и притом скрупулёзно выполнял указания Шаляпина, и дружба их многие годы оставалась прочной. Однажды Шаляпин предпринял попытку устроить Мордехая дирижёром в императорский Мариинский театр, но получил категорический отказ – евреям туда вход был закрыт.

Шаляпин испытал чувство обиды за друга и посоветовал ему продолжить музыкальное творчество за границей.

Галинкин с юных лет лелеял надежду создать в Эрец-Исраэль первый оперный еврейский театр, но еврейство галута было бедным и не имело средств для подобной акции.

Мордехай в 1917 году создал инструментальный квинтет

«Зимра», который гастролировал по всей России, и выручка от сборов помогла скопить первую сумму на строительство еврейского театра.

Перед отъездом в Эрец Исраэль Галинкин обратился за материальной помощью к Шаляпину. Фёдор Иванович терпеть не мог отдавать деньги «ни за что», – на благотворительность. Тем не менее, он уважил друга и передал в пользу будущего еврейского театра целиком весь сбор от благотворительного концерта.

Концерт состоялся в апреле 1918 года в переполненном зале Петербургского Народного Дома (две с половиной тысячи мест).

Шаляпин поклонился и запел на непонятном для слушателей языке...

Позже выяснилось, что это была спетая на иврите «Атиква», ставшая потом гимном государства «Израиль».

Ни до этого, ни после Шаляпин не выступал со столь необычной программой, в которой прозвучали песни и романсы на русском и на идиш.

Нужную для строительства театра сумму собрать не удалось, но мечта еврейского музыканта сбылась – он организовал первый в Эрец Исраеле оперный ансамбль.

Мордехай Галинкин похоронен в Израиле, на старом кладбище города Ришон ле-Цион. На скромном надгробии начертаны слова на иврите:

*Мордехай Галинкин, сын Мордехая, основатель и дирижёр
Израильской оперы...*

***

У Шаляпина была бездна талантов – **трезвый ум, умение общаться с людьми разного культурного уровня, способность к быстрому изучению языков** – все оперные партии он пел на языках оригинала. Однажды, в молодости на пути за границу, не зная тогда английского, он в купе поезда с помощью мимики дал «интервью» журналисту, которое вскоре было напечатано в газете «Гардиан». Журналист восхищался остроумием русского певца. Был случай, когда на концерте в Народном Доме Санкт-Петербурга певец спел несколько вещей на идиш.

Но главным, гениальным талантом Шаляпина была способность объединения музыкальной и других видов культур, принесённых на алтарь искусства оперы. Именно это, говоря словами Пастернака, дало ему возможность «привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов»...

Мировой триумф Шаляпина в театре Ла Скала

В начале марта 1900 года тогдашний директор Ла Скала Джулио-Гатти Казацца задумал поставить в своём театре провалившуюся и забытую оперу «Мефистофель» Ариго Бойто.

А. Тосканини

Для успеха нужна была «свежая кровь» – молодые талантливые исполнители. Среди приглашённых оказались русский бас *Фёдор Шаляпин (Мефистофель)*, известный выступлениями на Парижской Всемирной выставке 1900 года, молодой, но уже знаменитый *Энрико Карузо (Фауст)* и *Эмма Корелли (Маргарита)*.

Шаляпин боялся провала и заломил очень высокий гонорар в надежде, что театр не пойдёт на такие расходы. Но контракт был заключён, и Шаляпин обратился за помощью к *Рахманинову*. Друзья начали работать над музыкой оперы на вилле в Италии, даже не дождавшись получения партитуры. У Шаляпина была двойная нагрузка – он умудрился за короткий срок выучить **итальянский язык**.

История триумфального дебюта описана в книге Шаляпина, в очерках Дорошевича, болгарского певца Райчева и писателя Амфитеатрова.

Самым пикантным обстоятельством было то, что Шаляпин и знаменитый итальянский дирижёр **Артуго Тосканини** до первой встречи не знали, кто есть кто.

Поэтому Тосканини предложил Шаляпину, как

начинающему солисту репетировать в полный голос. Хорошо, что самолюбивый певец на этот раз следовал указаниям Тосканини без амбиций. Но после второй репетиции Тосканини, не выдержав, воскликнул в конце: «Браво!». Эта была победа Шаляпина, которая навсегда вошла в историю оперного искусства.

Зал и здание Театра ла Скала

Вторым важнейшим элементом звёздного дебюта был неожиданный сюрприз, который русский бас преподнёс коллективу театра, а потом и слушателям. Он отказался от приготовленного театром облачения для Мефистофеля, вышел на репетицию полуобнажённым, с помощью кисти с краской подрисовал себе бицепсы. Зрители были потрясены необычным для солистов своеволием, а заодно и прекрасным телосложением Шаляпина.

Тут уже не только дирижёр, но и руководство театра, музыканты оркестра и работники сцены поняли, что **безумному русскому дьяволу надо предоставить полную свободу действий...**

Третий раунд – пение, окончательно положило слушателей на обе лопатки. Подобного баса итальянцы никогда не слышали...

Всех потряс грохот аплодисментов, включая самого Мефистофеля, который, лишившись дьявольской самоуверенности, шатаясь, вышел на поклон. Он с трудом держался на ногах, а публика свистками и овациями неистово восхваляла русского гения...

Амфитеатров написал, что в антрактах зрители выглядели ошалевшими, растроганными, говорили друг другу, что никогда больше не услышат такого певца.

При этом забыли, что осторожный **Тосканини** удвоил число репетиций оперы.

Следует отметить парадокс, состоявший в том, что обоих, Тосканини и Шаляпина объединяло стремление к режиссуре

оперных спектаклей, но при этом итальянец главное значение придавал авторскому замыслу, а русский певец стремился стать создателем поставленных им опер, часто изменяя авторскую цельность произведений.

Шаляпин в роли Мефистофеля

Позже Малер напишет, что самое главное в музыке не написано в нотах...

Самостоятельность Шаляпина ярко проявилась во время *Дягилевских русских сезонов 1907 года* за границей, где звучала музыка Римского-Корсакова, Рахманинова и Глазунова, а Шаляпин много вносил своего в постановки опер «*Иван Грозный*», «*Псковитянка*», «*Борис Годунов*», а также сцен из «*Руслана и Людмилы*» и «*Князя Игоря*».

***

Возвращаясь вновь к *Шаляпинскому триумфу*, прислушаемся, однако, к его рассказам, в которых сквозит не только гордость, но и страх перед характерной для Ла Скала «вольницей».

Певца пугала не клака, а внутренние «нравы» великой оперы. Слушатели и работники театра обычно уже после первых актов увертюры, и первых слов арии включались в борьбу с исполнителями. Они не прощали не только «петуха», но и любой, даже самой мелкой ошибки и не считали нужным себя сдерживать.

Свист сплошь и рядом был не главным волеизъявлением. В ход могли пойти и помидоры (старинные театры были когда-то трактирами) и другие «подручные средства»...

Самое удивительное то, что подобные «нравы» не изменились и в наше время...

Шалапин в своей книге приводит пример с выступлениями знаменитого тенора **Ф.Таманьо**. Его с воплями вызывали на бис, но после ухода со сцены, освистывали всех других исполнителей. «Храм искусства» в этом театре итальянцы с лёгкостью и теперь готовы превратить в притон...

Шалапин с одной стороны хвалил итальянских слушателей, которым пришёлся по душе, а с другой – не скрывал своего страха перед ними.

Устойчивая слава «Мефистофеля» Бойто

История некоторых выдающихся опер неразрывно связана с провалом их первых постановок.

Вот далеко неполный список провалившихся опер, без указания на причины провала, о которых писать не стоит: «Травиата», «Риголетто», «Трубадур», Верди; «Кармен», Бизе; «Норма» Беллини, «Парсифаль» Вагнера; «Свадьба Фигаро» и «Дон Жуан» Моцарта с участием тенора Джузеппе ди Стефано, «Севильский цирюльник» Россини;

На русских сценах – «Дон Жуан» в Большом театре, «Садко» Римского – Корсакова в Кремле....

В этом *«провальном кругу»* значится и менее известная опера «Мефистофель» композитора Арриго Бойто, который приобрёл большую известность либреттиста опер Верди «Отелло» и «Фальстаф», а также как автор либретто «Джоконды» композитора А. Понкиелли.

Бойто, проявив литературные познания, включил в либретто своей оперы обе части гётевского «Фауста». В итоге премьера оперы, состоявшаяся в 1868 году, длилась шесть часов. Это был полный провал. Сюжет оказался слишком философичным, и громоздким для сцены.

Трудяга Бойто не пожалел восьми лет жизни на сокращение и переработку оперы, и благодаря уже описанному участию Фёдора Шалапина и Артуро Тосканини добился громкой славы для своего детища.

После Шалапинского триумфа в Ла Скала «Мефистофель» в качестве илягера широко пошёл по свету, и стал дебютом Шалапина и в Метрополитен-Опера.

Роль Фауста после смерти Энрико Карузо начал петь

самый знаменитый после него тенор – **Беньямино Джильи**, который опасался, что публика его не примет так горячо, как Шаляпина.

Но Джильи вместе с Тосканини поставили «Мефистофеля» по-новому. Тенор умудрился спеть партию Фауста тремя голосами – юноши, человека средних лет и старика. Был изменена и постановка «Мефистофеля».

Это был величайший успех Беньямино Джильи, которого публика на премьере вызвала 35 раз!

Но неожиданно в ноябре 1922 года выяснилось, что в очередной, если не ошибаюсь, третий раз Шаляпин заявил о своём желании вновь приехать в Нью-Йорк для исполнения прославившей его оперной партии.

Джильи, ставший после смерти Карузо первым мировым оперным тенором, с волнением встретил известие о гастролях прославленного русского баса. Он мечтал его услышать, и в то же время боялся конкуренции с великим басом. Но опасения оказались напрасными, стоило Шаляпину запеть, как Джильи пришёл в восторг:

Я слушал его впервые и понял, что большего совершенства достичь нельзя. Это был самый настоящий дьявол: внушительная статная фигура, полубнажённая грудь, коварное лицо, выразительная мимика, быстрые необычные жесты, словом, дьявол во плоти. В Прологе на небесах он выросал откуда-то снизу. Угрожающий, чудовищно огромный, волочил ноги, словно страшный паук. Длинные чёрные волосы, собранные в огромный вихор надо лбом придавали его лицу вид японской дьявольской маски. Он бессильно тянулся страшными лапами к тронутым пламенем лепесткам роз и медленно сникал распростёртый на земле – Фауст победил!

Его прекрасный отлично поставленный голос был необычайно красив, особенно когда звучал во всю силу. К тому же голос поражал мощью и широтой диапазона. Это был пример вокализации, контролирования дыхания, умения менять интонации и строить музыкальные фразы.

Нас обоих много раз вызывали на сцену, но я старался держаться в тени, отдавая предпочтение Шаляпину».

Один из редких случаев, когда средняя по качеству опера оказалась трамплином для триумфов трёх великих певцов!

***

Мне кажется закономерным, что, начав с описания коллекции пластинок у старого «шаляпиниста» С.Н.Оголевца мы пришли в заключении к творческим свершениям великого певца.

4. Билет в Большой...

Ностальгическая глава из несуществующей ныне страны СССР.

Знаменитый Большой театр в Москве в начале шестидесятых годов двадцатого столетия. Дефицит с билетами во все времена, и мы такие молодые, но опытные меломаны, как всегда штурмуем театр, где в опере «Борис Годунов» споют замечательные певцы, причём реально, а не понаслышке...

Звёзды первой величины: Пирогов, Козловский, Лемешев, Нэлепп, Рейзен, Лисициан, Кривченя, Максакова и другие народные артисты.

Мой друг Гоша, высокий и тощий как скелет, проник в толпу, и как страус, вертя головой, сверху наблюдает за конкурентами. Заметив вращающееся кольцо безбилетных, стремительно бросается к человеку, засунувшему руку во внутренний карман, и спокойно отходит с двумя билетами в кулаке. Потом вежливо рассчитывается с «потерпевшим», которого чуть было, не разорвали на части.

Спектакль имел феноменальный успех – Козловского – «Юродивого» – после первого акта оперы, и Пирогова – «Бориса» в конце спектакля аплодисментами вызывали по семь раз.

В послевоенные годы в период борьбы с космополитизмом советская критика пыталась внедрить в умы идею о преимуществах русской вокальной школы перед зарубежной..

Якобы музыковед, критик и правовед Стасов писал, что итальянские певцы отмеривают успех ногами, «до-диезами», а у русских главное мерило – талант; говорили об особенностях старорусской школы пения...

Мне посчастливилось видеть и слышать певцов, чей талант был особенным, присущим только им. Среди них были участники той гала-оперы Мусоргского, на которую нам в тот вечер удалось попасть. Некоторых из них я хорошо знал по концертам в Москве, Ленинграде и Киеве.

Соперничество корифеев Большого театра

Рискуя показаться банальным, расскажу о двух русских гениях, которых не раз слышал на оперной сцене и в концертах. В молодые годы Лемешев и Козловский, оба лирические теноры исполняли на сцене Большого театра одни и те же партии; но отказывались встречаться на одном и том же концерте – подобное соревнование могло нарушить их паритет в глазах многочисленных поклонников.

В 1956 году, впервые попав в Большой, я – счастливчик

оказался на премьере очень редко идущей оперы Д. Обера «Фра-Дьяволо». Это был великолепный образец французской комической оперы с галльским остроумием, лёгкостью и изяществом композиторского мастерства.

Опера полна изящных лирических сцен; в ней почти отсутствуют вокальные трудности – лишь одна ария главного разбойника, оправдавшего название оперы, обладает относительно высокой тесситурой. Голос Сергея Лемешева очень динамично встраивался в музыку «Фра-Дьяволо». Существует более вульгарное выражение - певец «купался» в мелодиях вокального произведения с ариями, куплетами, бесконечными терцетами, хоровыми ансамблями и виртуозной динамичностью главной роли. Чрезвычайно важно и то, что Лемешев был тогда в прекрасной форме и расцвете своего таланта. Недаром, в своей книге: «Путь к искусству», (М. 1968) певец ссылался на свой большой исполнительский успех в этой опере.

Подвигом Лемешева, стало исполнение всех романсов П.И. Чайковского. (Я присутствовал на одном из четырёх исполнительских циклов).

Следует напомнить, что Сергей Яковлевич в конце карьеры частично утратил красоту и силу голоса - поблекло пиано и пианиссимо, но на сцене артист казался молодым, сохраняя мужское сценическое обаяние. Наэлектризованные слушатели битком набитых залов старались не замечать вокальных изъянов кумира, который для них всегда оставался гением.

Лемешев в молодые годы обладал красивым мягким тенором с прекрасной полётностью звука. Он до конца жизни сохранил сценическую свободу, естественность исполнения и благородство. Болезнь лёгкого и «жизнейское барство» – любовь к излишествам сказывались на его вокале, но при этом он оставался великим артистом, не утрачивая певческого лиризма, романтизма игры и свойственной только ему изнеженной томности, которая задевала струны сердца не только лемешисток, но и всех нас.

Обычно экспрессивность певца передаётся красиво взятыми нотами, но Лемешеву в последние годы для передачи души музыки особенно важен был поэтический текст.

В вашем доме, как сны золотые,

Мои детские годы текли.

В вашем доме узнал я впервые

Прелесть чистой и нежной любви...

В этом куплете происходило тончайшее слияние поэтического стиха и музыки Чайковского. Голос певца замирал, и в нём прослушивалось скрытое рыдание. Тончайшим лириком был

певец в сценах с Ольгой, Онегиным и особенно в предсмертной арии перед дуэлью...

Поэтические строки помогали Лемешеву доносить до слушателя очарование исполняемых произведений. С каким тончайшим лиризмом у него звучали: «Ах ты, душечка», «Колокольчики мои», «Соловьём залётным», «Я тебе ничего не скажу»; в каждом романсе или песне, как в цветке, он находил свои краски, одному ему понятную радость и печаль...

Из оперных записей молодого Лемешева невозможно забыть партию Надира («Искатели жемчуга» Ж.Бизе), где певец не уступал Собинову.

В конце исполнительской деятельности Сергей Яковлевич часто болел, и вынужден был делать большие паузы между выступлениями.

Но я радовался каждой возможности его послушать. На последнем концерте в Киевской филармонии он чувствовал себя плохо. Первые три романса спел с трудом, голос тремолировал. После третьего романса сделал паузу, но четвёртый романс «Снова, как прежде один...», спел с таким блеском и надрывом, что у всех на глазах были слёзы. Дальше вновь кроткая разминка, но после перерыва концерт пошёл хорошо. Сергей Яковлевич много пел «на бис». Слушатели в конце встали, долго не стихали восторги, и в гардеробе царила радость, как в доме, где после болезни выздоравливал больной...

Соперничество великих артистов – Лемешева и Козловского вошло в историю русского вокала. Оперный репертуар у них частично совпадал, но в жизни и судьбе они были антиподами. У Лемешева – человека и певца – душа была нараспашку. Козловский же был скупым рыцарем своего голоса, который он сохранил до глубокой старости.

Лемешева артистом сделала широта русской природы, а Козловского – работа над собой, боязнь спеть фальшиво; лишь однажды в молодости в «Севильском цирюльнике» Иван Семёнович ненароком «пустил петуха», и потом пятьдесят лет каждый раз, выходя на сцену, боялся вновь согрешить!

Сцена у церкви Василия Блаженного в опере «Борис Годунов», которую вёл Козловский – Юродивый продолжалась всего семь минут. Не напрягая голоса, великий артист передал в ней страдание Руси; от личной обиды за отнятую копейку он перешёл к народной скорби и бросил в лицо царю Борису страшные обвинения. В короткой партии проявились лучшие черты таланта певца – тончайшая нюансировка звука, тонкий психологизм и безупречная музыкальность.

Я побывал на трёх концертах Козловского в пору его семидесятилетия; сильный голос по-прежнему мягко звучал на всех регистрах. Как гениально он пел вокализ Рахманинова, чередуя ослабление и нарастание звука в финале; в украинских песнях глубокий лиризм сочетался у него с драматизмом. Он, как никто другой потрясающе владел паузами. Это особенно проявлялось при исполнении романсов: «Я вспомнил вас и всё былое...» и в «Тишине» Кашеварова, где при описании красоты лунной ночи, певец делал долгую паузу, после которой обрушивал на слушателей волну звука в слове «тишина».

Совсем недавно я прослушал в «Севильском цирюльнике» популярного в Европе «россиниевского» лирического тенора Яна Диего Флореса. Его граф Альмавива показался мне пресным по сравнению с певшим эту партию Козловским: наш певец, используя возможности комической оперы, позволял себе фиоритуры с верхним «до» и басовым «фа» большой октавы.

До последнего времени я думал, что Козловского и Лемешева не знали на Западе, но недавно в музыкальном отделе Кельнской библиотеки я наткнулся на два компакт-диска Козловского с отличными записями арий из «Севильского цирюльника», «Риголетто», «Травиату», «Богемы», «Паяцев» и «Лоэнгина». Он полностью записал эти оперы на русском языке. Современных экспертов поразили высочайший музыкальный уровень пения, хотя Козловский решительно пренебрегал канонами итальянского бельканто. Один из критиков предположил, что подобные «пассажи» заставили бы знаменитого дирижёра Артуро Тосканини, «перевернуться в гробу», но музыкальность Козловского была названа «экстраординарной».

Оба артиста были сущим наказанием для организаторов концертов – один мог «заболеть», проспать, отказаться выступить. Другой – Козловский, всегда приходил в театр или на концерт заранее, но часто вступал в споры с дирижёром, требуя «укрошения» оркестра – постоянно берёт свой голос, и не всегда пел в полную силу даже на правительственных концертах.

Лемешев достаточно бесцеремонно обращался с поклонницами, «сырницами» (они часами ожидали выхода кумира в соседнем с его домом магазине, где продавали сыр). Козловский умело скрывался от почитательниц его таланта, но при встречах щедро давал автографы, галантно целовал дамам ручки...

Но здесь, как писал Пастернак, «кончается искусство и дышит почва и судьба».

Сергей Яковлевич Лемешев в 1968 году издал о себе книгу «Путь к искусству» («Искусство», М.)

Эта книга интересна не только сама по себе, но и благодаря рассказам о своих коллегах по консерватории, студии К.С. Станиславского, Большому театру СССР и концертной эстраде.

О самом Лемешеве лучше всех написал писатель Юрий Нагибин.

...Сейчас мне думается: я услышал голос Лемешева, очарованный его обликом, откликнулся на его красоту, ценить которую научила меня живопись. Только на полотнах старых мастеров видел я лица такой красоты и благородства. А прибавьте к этому изящество движений, аристократизм в каждом жесте. Откуда у крестьянского сына, выходца из деревенской тверской глубинки, такая изысканность, тонкость повадки, сочетавшей свободу со сдержанностью? Истинно народный человек, Лемешев, когда требовалось, без малейшего насилия над собой становился настоящим аристократом, это коренилось в редкой восприимчивости богато одаренной натуры, а закреплено хорошей школой — все-таки он был прямым учеником Станиславского. Прекрасная наружность, которой не мешал скромный рост певца: так безукоризненно был он сложен, строен, широкогруд, — стала для него в зрелости, когда развеялась юношеская беспечность, источником чуть ли не мук. При всей своей редкой доброте, скромности, врожденном расположении и доверии к людям Сергей Яковлевич приходил в ярость от необузданности поклонниц. Он хотел, чтобы в нем видели певца, а не писаного красавца. Даже похожие на мясников представители бельканто, случалось, приходили в отчаяние от напора почитательниц, каково же было тенору с внешностью Адониса? Рискаю разгневать милую тень, ибо знаю, сколь тягостно было ее владельцу языческое поклонение необузданных поклонников, я все же вынужден подтвердить, что с закупоренными ушами и отверстыми глазами действительно сперва увидел внешний образ — картину, и, как ни странно, з р е л и щ е отверзло мне слух. И этот слух уловил прежде всего необыкновенную окраску голоса певца — тот единственный в мире, теплый, нежный, волнующий, не поддающийся определению в бедных словах, лемешевский тембр, позволяющий мгновенно узнать его по едва слышной, замирающей вдали ноте. Вот на какой волне внесло меня в музыку.

(Из эссе Юрия Нагибина «Певучая душа России» о Сергее Яковлевиче Лемешеве. «СМЕНА» 1981, №№ 13, 14.)

***

На могилу Ивана Козловского вместе с цветами я бы

возложил рассказы об его благородстве артиста и человека. Он организовал музыкальную школу на родине, в селе Марьяновка, которую материально поддерживал до конца жизни.

Здание Большого театра

В тяжёлые для евреев годы нараставшего антисемитизма, «борьбы с космополитизмом», уничтожения еврейского антифашистского комитета, убийства Михоэлса, Козловский не переставал посещать спектакли «Еврейского театра». Вокруг него сразу возникло отчуждение. Боялись публично произнесенных слов похвалы спектакля – формы непрямого осуждения советского режима. Бывшие друзья перестали приходить к нему домой, где за столом часто бледной статуей восседала вдова убитого Михоэлса – Анастасия Павловна Потоцкая. Она неизлечимо заболела. Но до кончины успела написать воспоминания, в которых благодарила Ивана Козловского за поддержку...

На похороны Сталина Козловский не пришёл...

***

Соперничали в Большом театре и два лучших баса – Александр Степанович Пирогов и Марк Осипович Рейзен.

Пирогова мне довелось слушать в Борисе Годунове Мусоргского и в партии Сусанина в опере Глинки.

К большому сожалению, Рейзена «живьём» я слышал только в короткой партии летописца из Бориса Годунова.

Я познакомился с его творчеством, уже находясь в

Германии во время подготовки лекции, посвящённой 115-летию со дня рождения певца. Прослушал почти все записанные им отрывки из русских и западных опер, романсы, русские и украинские песни.

Гениальность певца, участника первой мировой войны, единственного, кого сравнивали с Фёдором Шаляпиным, глубоко меня потрясла.

Ведущие певцы

И.Козловский, С.Лемешев, М.Рейзен

О творчестве Рейзена мной написан очерк, который носит художественно исторический характер. Его цель – восстановить память об одном из самых выдающихся басов двадцатого столетия.

После ухода Шаляпина в России, Болгарии и Италии было много великолепных басов, которых называли последователями гениального баса. Можно допустить, что их мастерство и голос напоминали русского гения, но любое сравнение с Шаляпиным кажется мне не этичным.

Тем не менее, приведу отзыв одного из наиболее известных русских педагогов Сергея Яковенко: *Помимо того, что Марк Осипович Рейзен объективно великий певец, огромный мастер, (очень жаль, что в то время наши певцы очень мало гастролировали за границей, я думаю, он бы занял ведущее место и в Ла Скала, и в Ковент-Гардене, и в других великих театрах), но Марк Осипович ещё и мой любимый певец. Я в вузах читаю курс «Истории вокального искусства», и, когда мы доходим до русской музыки и русских певцов, я показываю записи Рейзена, ни у кого не поворачивается язык сказать, что это не замечательно, найти хоть какие-то недостатки. Это потрясающее бельканто. Я сравниваю Марка Осиповича и с Фёдором Ивановичем Шаляпиным, ставлю записи, к примеру, Ивана Сусанина*

шаляпинского и рейзеновского, но, господь меня простит, мне рейзеновское исполнение нравится больше...

Позволю заметить, что уже на заре своей карьеры, ещё до работы в Большом театре, Марк Рейзен был известен за границей, и записал в Англии несколько пластинок. Пару его компакт-дисков я обнаружил в специализированном магазине в Кёльне.

Французы считали, что их бас-профундо Адам Дидур партию в опере «Мефистофель» исполняет лучше, чем Шаляпин (к этому вопросу мы ещё вернёмся).

Но это частный случай – Запад перед Шаляпиным преклонялся...

В книге С.Я. Лемешева все отзывы о коллегах вежливо-сдержанные, но при упоминании Рейзена становятся восторженными:

На сцене Большого театра я впервые встретился с Марком Осиповичем Рейзеном, с которым много раз мне пришлось спеть «Фауста», «Севильского цирюльника», «Лакме», «Руслана» и т.д. Его большое дарование достигло тогда своего зенита и привлекло прежде всего редкой гармоничностью. Стройный, высокий, он владел своеобразной пластикой: строгость поз, скупость движений придавали каждому его жесту какую-то особую значительность, содержательность, я бы даже сказал – величественность. Борис Годунов, Досифей, Руслан, Нилаканта, Варяжский гость – эти образы Рейзена при всем своём внешнем скульптурном очертании несли глубину и мощь характеров.

Но главную роль в этом, конечно, играл его голос, огромное вокальное мастерство. Рейзен в такой же мере владел громоподобным forte (стоит вспомнить хотя бы, как он пел знаменитую арию дона Базилио!), как и нежнейшим pianissimo. Не случайно Марк Осипович так любил петь в концертах «Кольбельную» Моцарта! Публика, да и мы все, артисты, заслушивались его кантиленой, тончайшей фразировкой. В его Нилаканте жила огромная ненависть к поработителям и глубочайшая нежность к дочери: в стансах голос Рейзена звучал предельно певуче, красиво и свободно. А с какой тонкостью вокальной фразировки, с какой саркастичностью пел Марк Осипович серенаду Мефистофеля, да и вообще всю партию! И рядом вдруг смешной, трусливый Фарлаф – одно из замечательных созданий Рейзена. И, конечно, непревзойдённый в наше время Досифей.

Высокую оценку исполнительскому искусству Рейзена дала одна из лучших певиц Большого театра Наталья Дмитриевна Шпиллер, которая пела с ним в Севильском цирюльнике, Борисе

Годунове, Сусанине, Евгении Онегине: «разнообразие вокальных красок, красота тембра, элегантность фразировки. Могучий голос с нежным ріано, тонкой филировкой... Сдержанный темперамент, глубокая интерпретация всех ролей, высочайшее вокальное мастерство...»

А вот сравнение Марка Рейзена и Александра Пирогова, сделанное известным басом Большого театра Иваном Петровым: *«...Рейзен обладал гренадёрской фигурой, красивой внешностью и могучим, бархатистого тембра басом, которым мастерски владел. И хотя оба певца обладали басом кантанте, – они были совершенно разными. У Александра Степановича звучание голоса носило более сильно выраженную русскую окраску. Его голос был очень сочным, плотным, ярким наверху. А у Марка Осиповича голос мягкий, певучий, более подходящий для партий Мефистофеля, Дона Базилио, хотя он также прекрасно пел Руслана и Досифея».*

Я не уверен, что, сравнивая голоса, можно оценивать национальность певца. Лучшие русские или славянские мастера вокала в итальянских операх всегда кажутся итальянцами или французами, но последние в русских операх - чаще всего поют и выглядят иностранцами.

Соперничество Козловского и Лемешева носило профессиональный, а Пирогова и Рейзена, по-моему, национальный характер.

Рейзен был человеком очень самолюбивым и волевым. До Большого в Мариинском театре он был басом- корифеем, который пел все первые басовые партии.

Его обижало, что в Большом, во время частых гала концертов в присутствии Сталина, руководства страны и делегаций, роли Бориса Годунова и Сусанина значительно чаще доставались Пирогову, а Рейзен пел партии второго плана.

Непревзойдённым во все времена была его партия Досифея, но «Хованщина» Мусоргского, громоздкая и сложная для постановки опера, шла редко.

Поклонники рассказывали, что однажды, когда «Досифей» вышел на поклон, Пирогов в шутку сказал ему: «Какой ты Марк, – ты мрак Рейзен». Шутка была вполне уместной, поскольку Досифей у Рейзена был мрачным фанатичным заговорщиком с низким басом профундо. Однако шутка Рейзену не понравилась, и он придул Пирогову обидное прозвище...

Роль Досифея была одним из лучших достижений артиста. Огромная мощь голоса, статная фигура, облачённая в черную рясу, медленная, уверенная поступь, властный жест – всё это

производило огромное впечатление.

Вспомнить хотя бы его первое появление, когда Досифей в разгаре спора Хованского с сыном и стрельцами, останавливает их: «Стой, бесноватые! Пошто беснуетесь?».

Дальше Иван Петров писал, что Рейзен был великим исполнителем маленьких ролей – *полный достоинства и благородства Гремин из «Онегина»*. *Эту партию он великолепно пел и в девяносто лет, совершая своеобразный подвиг, попавший в книгу рекордов Гиннеса! Незабываемый Варяжский гость из Грозного края. Гротескный Дон Базилио, дающий в середине арии высокую ноту. Поющий скороговоркой труднейшее рондо, хитрый и трусливый горе-рыцарь Фарлаф из «Руслана и Людмилы»...*

Верхние ноты на рiано Марк Осипович брал завораживающе мягко, они звучали как на большом смычке виолончели. У зрителей дух захватывало.

Романсы и народные песни Рейзен пел с задушевностью, отточённостью, ясным ощущением стиля, тонкой психологической убедительностью. Артист гениально передавал высокую простоту, драматизм и лиричность произведений Шуберта, Чайковского, Бородина и других композиторов.

В серии «Великие исполнители России XX века» диски Марка Рейзена долго не издавались, но я уверен, что его слава великого баса в ближайшие годы возродится. Это связано с тем, что с его участием в Большом Театре записано одиннадцать опер. Сохранилась фильмография «Большого концерта» (1951), оперы «Алеко» (1953), «Хованщина» (1959). Из этих фильмов можно делать DVD–диски. Многие произведения Рейзена можно бесплатно скачивать из Интернета. Сохранилось их высокое качество.

Главный «меломан» Большого театра

*Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца...*

Осип Мандельштам

Как известно, Сталин считал себя непревзойдённым специалистом и знатоком всех областей жизни великой страны.

Музыка и литература была его особой вотчиной, в которой он правил, казнил, миловал и присваивал премии своего имени.

Не удивительно, что к этой вотчине принадлежали два главных театра страны – Большой и Московский Художественный театр им. М. Горького, носившие звания академических, а в

прошлом императорских.

Вождь лично подбирал в них состав ведущих исполнителей, предпочтительней мужчин.

Я воздержусь от хорошо известных советским людям идеологических статей и выступлений, связанных с разгромом музыки Дм. Шостаковича и его оперы «Катерина Измайлова» («Сумбур вместо музыки» – это выражение придумал сам великий меломан), а также от описания покаяний Ваню Мурадели, создавшего для Большого театра оперу «Великая дружба».

Мои записки можно отнести к числу баек, которые, однако, могут послужить примерами, характеризующими «главного меломана» и его окружение.

Присутствие Сталина в театрах и на концертах сопровождалось «вальпургиевыми вечерами НКВД». Задолго до его приездов проверялись все помещения театров, гримборные, ложи, в глубине которых сидели члены правительства, а иногда делегации дружественных стран.

Михаил Александрович вспомнил эпизод, когда он должен был выступить на сцене с исполнением романсов под арфу, на которой играла молодая, но тогда уже известная арфистка Вера Дулова.

Выйдя для репетиции на сцену, он не обнаружил аккомпаниаторшу, и сказал об этом дежурному по сцене. Тот возмутился: «Это не ваше дело, товарищ Александрович. У вас пропуск на сцену, вы там и пойте, а арфистке разрешено присутствие только в оркестровой яме».

Сталин создал из солистов Большого театра группу музыкального обслуживания кремлевских банкетов и дач, на которых он жил. Эти концерты чаще всего происходили по ночам, и для соблюдения секретности о них сообщалось по телефону за два–три часа до начала выступлений. За солистами и музыкальными инструментами посылались автомобили – ЗИМы.

Ночные концерты и «посиделки» с просмотром кинофильмов обрастали байками, которые при жизни вождя передавались шепотом – это было нарушением секретности.

Лишь однажды в опере Бородина «Князь Игорь» я слышал Максима Дормидонтовича Михайлова; звучание его голоса при исполнении роли хана Кончака было потрясающим – это был неповторимый шедевр русской манеры пения. Согласно одной из баек про вождя, певца, в прошлом диакона часто приглашал на Близкую дачу Сталин. Он ставил перед ним бутылку водки и стакан:

– Начни, Максим, с «Шотландской застольной», а потом

пой и пей, сколько душа пожелает.

Михайлов заводил любимые бывшим семинаристом религиозные песнопения, пока не доходил до высшей стадии опьянения. В конце вокально-бокального вечера на край стола ставили стакан, и бывший пономарь, взяв низкую ноту, без труда сбрасывал его на пол.

Насколько помню, Михайлов пел в Большом только партии Кончака и Ивана Сусанина, за которые был награждён Сталинскими премиями.

Приглашённые лица развозились по домам далеко за полночь. Сначала женщины. Среди них народные – тучная Валерия Барсова, Наталия Шпилер, Людмила Максакова. В мужской компании можно было рассказать сальный анекдот, перепить, сказать не то, что позволялось. Друзья из НКВД не дремали. После отъезда «интеллигентов» Козловского, Рейзена, Ивана Петрова, Михаила Александровича, – обстановка становилась более свойской. Можно было перепить, выразиться, а порой и сплясать. Наступало любимое время Сталина, когда он сознательно ослаблял вожжи, провоцирую своих соратников.

***

Перечить вождю никто не смел – это было связано со смертельной опасностью. Первой жертвой мог стать Михаил Александрович, который попытался отказаться от теноровых ролей в Большом театре.

Его никто и слушать не стал. По указанию Председателя комитета по делам искусств были заказаны костюмы для партий Ленского, Дубровского, Альмавива и Альфреда, и обувь на высоких каблуках. Но певец всю жизнь «имел одной лишь думы власть» – стать камерным исполнителем. Он с юмором вспоминал о неудачных попытках выступлений на Рижской сцене. Особенно доносили его солистки – при росте 1 м 58 см, он был на 20 см ниже их ростом и на 20 кг – худее; дуэты приходилось петь, сидя с ними на скамейках.

Но Александровичу «повезло»: после войны началась борьба с космополитами, Александровичу запретили выступать в синагоге. НКВД пыталось обвинить его в том, что с неаполитанскими песнями он передаёт шпионам в зале антисоветскую информацию.

Александровича пытались обвинить и в сионизме. Припомнили состоявшийся по приказу Сталина траурный молебен в московской синагоге – поминальную «Эль Мале Рахамим» и другие псалмы.

Столпотворение в присутствии дежурных НКВД тогда

было колоссальным: тысяча шестьсот человек внутри, и двадцать тысяч на улице. Женщины падали в обморок, бились в истерике, многих укладывали в машины скорой помощи...

В Союзе так и не смогли до конца оценить великого певца, которого известный русский дирижёр Кирилл Кондрашин назвал «знаковой фигурой» музыкальной жизни в СССР: «его лёгкий лирический тенор соединяет в себе сладкозвучье Тельявини со славянской проникновенностью Козловского... Он оттачивает свои произведения с максимальной утончённостью.... Выдающийся мастер!»).

После смерти Сталина условия выступлений замечательного певца ухудшились, усилилась его травля, и он вместе с семьёй вынужден был эмигрировать в Израиль, прожил некоторое время в США, и окончил жизнь в Мюнхене (Германия).

После распада СССР певец несколько раз приезжал в нашу страну, где с триумфальным успехом гастролировал.

За границей Михаил Александрович стал «Королём канторов», достиг великих достижений в хазануте (еврейской манере пения).

***

А вот и семь раз повторённая в Интернете байка, касающаяся «любимца Сталина», трижды лауреата Сталинской премии, кавалера двух орденов Ленина, знаменитого певца Марка Рейзена:

В конце сороковых в кругах любителей искусства популярностью пользовалась такая байка (за истинность истории сегодня, разумеется, уже никто поручиться не может). Исходя из общих принципов сталинской кадровой политики и учитывая всё нарастающую «борьбу с космополитизмом», тогдашний председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко решил заблаговременно «почистить кадры» и дал указание уволить из Большого театра Марка Рейзена. Вскоре после этого Марку Осиповичу позвонили из Кремля и предупредили, чтобы он был готов завтра выступить на даче Сталина. Рейзен сообщил в ответ, что он уволен и уже не является солистом Большого.

Секретарь Сталина Поскребышев настоял на приезде Рейзена. В назначенное время за ним был прислан ЗИМ.

Рейзен спел, как всегда, прекрасно. После выступления Сталин вызвал певца к себе в кабинет, позвал присутствовавшего там же Храпченко и, указывая на Рейзена, спросил: – *Это кто?* – *Это певец Рейзен, Иосиф Виссарионович.* – *А ты кто?* – *Председатель Комитета по делам искусств Храпченко.* – *Нэправильна,* – *сказал Сталин.* – *Эта салыст*

Государственного академического Большого театра, народный артист СССР Марк Осипович Рейзен, а ты – дэрьмо. Павтари! И облившийся холодным потом Храпченко вынужден был повторить эту сталинскую фразу. – Вот тэпэрь правильно! – удовлетворённо произнёс вождь...

Больше Храпченко никто в Кремле не видел.

А вот перед нами уже не байка, а страшилка. Достоверный отрывок из книги известного писателя, историка, журналиста Аркадия Ваксберга: «Из ада в рай и обратно», Москва, 2003.

Речь шла о подписании пресловутого письма лиц еврейской национальности с признанием несовершенных преступлений. ...Смог я поговорить – тогда же, в декабре девяносто первого, – и с ещё одним реликтом из той же плеяды – с прославленным басом Большого театра Марком Рейзеном. Когда я ему позвонил, певцу было уже девяносто шесть лет, в трубке звучал совсем не тот голос, который будил меня из черной тарелки репродуктора в кромешной тьме зимней московской рани: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Как ему не хотелось, чтобы я пришел для этого разговора! Но я все же пришел. Почему-то не работало отопление. Марк Осипович сидел в некогда роскошной, богато обставленной и – совершенно нежилой, выстуженной комнате. В дубленке и валенках: Меншиков в Березове наших дней. Повел меня на кухню, где горели все четыре конфорки газовой плиты. Я вытащил магнитофон – он властным жестом от него отмахнулся, повелел не включать. «Ну, было там какое-то сборище. Смутно помню. Прислали «ЗИМ». Какой-то академик держал речь: надо исполнить свой гражданский долг. Я сказал: «Мой гражданский долг – петь. У меня сегодня спектакль. Может прийти товарищ Сталин. Когда спою, присылайте «ЗИМ» снова. Тогда поговорим». Не прислали.

Как известно, запланированная «отцом народов» страшная акция расправы с евреями не состоялась. Помогла Смерть вождя, скорей всего насильственная. Для неё очень подошла бы знаменитая музыка Мусоргского.

Испокон веков гибель тиранов уносит за собой тысячи ни в чём не повинных людей. Так было сразу после смерти Сталина. Задолго до этого Мусоргский написал «Песни и пляски смерти». Сама Смерть у него персонализирована. Но в творчестве гениального Дм. Шостаковича, скрытая в музыкальных произведениях панихида над Трупом и его временем будет жить века...

5. Театр Ла Скала и его «нравы»

Знаменитый оперный театр Ла Скала в Милане иногда называют Меккой оперного искусства. Проведя многие годы за «железным занавесом», я, тем не менее, много знал об этом театре из книг. Поспешу успокоить читателя, что не собираюсь выкладывать всё, что знаю.

Только то, что сам слышал и видел, а также рассказы оперных корифеев – Россини и Шаляпина.

Моё личное знакомство со знаменитым театром состоялось впервые в 1974 году во время гастролей Ла Скала в Москве.

Оно совпало с приходом в театр нового руководителя и выдающегося музыканта Паоло Грасси, при котором театр стал процветать. Был создан филармонический оркестр под руководством Клаудио Аббадо, потом его сменил Риккардо Мутти (обоих я много раз слушал). Стараюсь и теперь не пропускать их выступлений с оркестрами.

Увы, из-за постоянных склок, характерных для Ла Скала, они покинули свой любимый театр, но охотно выступают с концертами в разных странах...

Приехав в Москву, я ринулся к Большому театру, за колоннами которого скрывались от милиции перекупщики. Купил с большой переплатой три билета на «Симона Бокканегро» Верди, «Тоску» Пуччини и «Золушку» Россини.

В первой из названных опер пели замечательные певцы – Пьетро Капуччили (баритон) и болгарский бас Н.Гяуров. Всё было хорошо видно, но плохо слышно, поскольку моё место на втором ярусе располагалось почти над оркестром, заглушавшим голоса певцов.

«Тоска» Пуччини была, как теперь говорят, «супер». Из программы я узнал, что партию Каварадосси поёт начинающий тенор, некто Пласидо Доминго (как выяснилось, один из лучших певцов нашего времени, которому недавно исполнилось 70 лет). Вторая (предсмертная) ария вызвала у многих слушателей слёзы.

Со мной это произошло и на представлении оперы Россини «Золушка», которую исполняла молодая, но уже всемирно известная негритянка с жемчужными зубами Джесси Норманн. Звуки её контральто меня потрясли и показались волшебным чудом.

Скажу без преувеличения, что этих спектаклей мне никогда не забыть.

Рассказ о посещении театра Ла Скала

Прошло еще долгих восемнадцать лет, и меня пригласили

прочсть лекции в старинном университете города Павия. В свободный день я рано утром приехал в Милан и оказался в огромном здании центрального миланского вокзала.

Можно было найти киоск, купить карту Милана и на трамвае добраться до театра Ла Скала. Но у меня не было терпения ждать, и я решил дойти пешком до театра.

Узкие улицы сменялись широкими, изгибались и вели к Миланскому собору. Звенел и скрипел на узкоколейке старый трамвай. Совсем, как на древних улочках Львова.

Многие здания были обшарпаны, лишены истеблишмента, характерного для современных городов Европы. Италия не роскошный гранд или идальго, как Испания, а обедневший аристократ, величие которого связано с прошлым.

Даже на фоне запущенности моя старая болонья в сочетании с седыми колочками небритой бороды привлекала внимание неторопливых прохожих. Под солнечными лучами плащ выглядел порывевшим и вдобавок был порван подмышкой. Пожилой бомж торопился и не затруднял себя необходимостью объяснений. Приближаясь к прохожим, произносил только ключевые слова:

– Синьор (синьорина)! Ла Скала!», – и показывал на ноги, желая объяснить, что не нуждается в транспорте.

Некоторые в испуге шарахались, но переспрашивали: «Опера?» и, включившись в игру жестов, показывали направление, приговаривая, «дестра», «синистра», «ректум». Улицы извилисты и вопросы приходится задавать много раз. Но наступил момент, когда долговязый пожилой итальянец, похожий на Дона Базилио, указал на просвет в конце улицы - «Куа». Сердце нервно стучало, и я чувствовал: это здесь.

В конце улицы просматривались силуэты двух зданий: одного серого, с колоннами, довольно импозантного, другого – облезлого, неопределённого цвета.

Еще двести метров, и я по фотографиям и гравюрам узнаю знаменитый оперный театр. В его неказистости и облупленности фасада есть что-то родное, наше советское. Именно так выглядят многие старые здания в наших городах. С тоской и неким осуждением во взгляде смотрит на оперу стоящий напротив мраморный Леонардо да Винчи, окруженный сподвижниками.

Сегодня нет спектакля. На следующий день приезжаю в Милан и выхожу на знакомую площадь. Без труда узнаю в группе жестикулирующих людей поклонников оперы. Они указывают на небритого длинноносого мужчину – синьор может говорить по-

английски.

– Есть ли надежда на билет?

– Надо записаться в очередь. Ваш номер 93. Входной билет на галерею стоит 5 тысяч лир, но место будет стоячим. Записываюсь в очередь – и это так знакомо. Неужели именно сегодня осуществится моя мечта, и я побываю в Ла Скала! За углом кассы театра, к которым подходят нарядные итальянцы. Моложавая синьора из очереди объясняет мне, что самое дешевое сидячее место стоит 10 тысяч лир. Вытаскиваю купюру с каким-то портретом и цифрой 10. Кассирша отрицательно машет головой:

– Нет дешевых билетов, синьор.

Пытаюсь по-английски убедить ее:

– Синьорина, я всю жизнь мечтал о Ла Скала, а денег у меня мало.

– За углом, записавшись в очередь, можно попасть в театр за 5 тысяч лир. – Но я не воспринимаю музыку, стоя. Я уже не так молод и давно на ногах.

– Нет дешёвых билетов, синьор.

Итальянка за спиной, слегка отодвинув меня, приблизилась к кассе и пытается уговорить кассиршу, но та непреклонна. Тогда дама с жестом отчаяния вытаскивает из портмоне 10 тысяч лир и платит за меня.

– Это недопустимо. Альфонс, – думаю я про себя, рассыпаясь в благодарностях.

И вот держу заветный билет с эмблемой прославленного театра. Не торопясь, приближаюсь к обшарпанному фасаду. Посетители галерки уже выстроились в очередь и жестами приглашают меня занять в ней место. Гордо качаю головой:

– Грацие, синьоры. Мой выбор сделан. Он разорителен, но благороден!

Вот уже распахнуты двери, и я вместе с нарядной публикой оказываюсь в вестибюле театра с зажженными канделябрами и позолотой. Капельдинеры в черных мантиях с позолоченными ожерельями проверяют билеты. В их облике нечто средневековое. Увы, дальше вестибюля пройти не удастся. Жестом мне указывают на боковой вход, ведущий на галёрку.

Лестница очень длинная и крутая. Вход только сверху, а в театре пять ярусов, не считая бельэтажа. Грязновато, нет и следов позолоты, и ощущается запах кошек. Преодолев многие лестничные марши, оказываюсь на галёрке. Стройная девушка в черной мантии предлагает оставить одежду и вещи гардеробе – за пять тысяч лир. Но можно и не раздеваться.

С трудом втискиваюсь в узкое кресло последнего ряда.

Передо мной огромная люстра. Сцена оказывается сбоку. Если, как следует, вытянуть шею и попросить соседа убрать локти с барьера, то можно увидеть часть сцены.

Огромный театр очень красив. Матовые, как из кости, стены. Изящная позолота, розовый бархат лож, прекрасные фрески потолка.

Но вот таинство начинается. Медленно гаснет люстра, и освещенными оказываются только многочисленные пустые ложи нижних ярусов. Их розовый бархат и стены постепенно тускнеют, и театр погружается во мглу. Свет прожектора освещает дирижера. Гром аплодисментов, и первые такты оперы Ф. Чилеа «Адриана Лекуврёр».

Не могу сказать, что спектакль меня разочаровал, но я ожидал большего. Гастроли театра Ла Скала в Москве были более яркими. С первого раза при средних исполнителях я не смог оценить качество оперы. На сцене не было звезд, и театр оказался полупустым... Но я был счастлив, что побывал в этом, святом для меня месте, и что моя мечта сбылась.

В состоянии эйфории я не обратил внимания на позднее начало спектакля – в восемь вечера. После второго антракта стало ясно, что опера окончится почти в полночь. Надо было срочно добираться до вокзала и возвращаться из Милана в Павию. Расписание поездов я заранее не изучил, и эйфория начала сменяться тревогой.

Огромный миланский вокзал в двенадцатом часу показался необычно пустым и тихим. Не слышно гулких объявлений диктора с перечислением маршрутов каждого отходящего поезда. Исчезли лотки продавцов, закрылись многочисленные киоски. Мне повезло, последний поезд на Геную, проходящий через Павию, отправлялся через 25 минут.

На пустом перроне стоял состав из десяти ярко освещенных вагонов, и ни в одном из них – ни души. Пройдя весь состав, добрался до пульмановского вагона. Рядом с ним стояли двое мужчин в форменной одежде – экипаж состава. Инстинктивно потянулся к ним и спросил, сколько остановок до Павии; оказалось, что шесть.

Кроме меня в поезде не было пассажиров. Раздался гудок, и медленно поплыли мимо огни вокзала.

Приехав в Павию, я вовремя успел на последний городской автобус, и быстро добрался до колледжа Кардано. Найти это место ночью было нелегко.

Кругом была тишина, и только изредка машины полировали шоссе возле дома. Накрапывал дождь, и тянуло

болотными запахами от реки. Единственная дверь в колледж была наглухо заперта, огни в окнах погашены, студенты спали. Звонки и стук ногой в дверь ничего не дали.

Дальнейшие события развивались по-театральному. Пожилой мужчина, нервно озираясь, фланировал вдоль колледжа в надежде, что кто-нибудь из запоздавших студентов поможет проникнуть в здание. Но полпервого ночи – время слишком раннее для одних и позднее для других. Внезапно осветилось окно на втором этаже. Стройная девушка в ночной рубашке расчесывала длинные волосы. Мужчина нервно бросился к окну:

– Синьорина, пожалуйста, помогите мне открыть дверь!

Не надеясь на познания синьорины в английском, свою речь я сопровождал активными жестами с мастерством достойным великого мима Марселя Марсо.

В колледже не блюли нравственность, и каждый мог возвращаться, когда пожелает. У меня тоже было три ключа, но я так и не разобрался, каким из них можно открыть входную дверь.

Студентка жестом успокоила меня, натянула халатик и опущенным пальцем показала, что спускается вниз. Возникла она внезапно откуда-то сбоку и через калитку и сквер провела меня во двор колледжа.

Когда я засыпал, мне снились гаснущие огни знаменитой оперы. Я ушёл после второго акта, и поэтому Адриану в этот вечер не успели отравить, и её голос продолжал для меня звучать...

Прошло много лет, и в 2010 году из французского оперного театра по программе «Арте» транслировалась «Адриана Лекуврёр» с участием румынской певицы Анжелы Георгиу, немецкого тенора Йонаса Кауфманна и русской меццо-сопрано Ольги Бородиной.

Теперь эта опера кажется мне одной из лучших в мире.

***

Есть пословица – ничто так не старит человека, как годы. Театр – не человек; он способен возрождаться. Знаменитый оперный режиссер Франко Дзеффирелли поставил в 2007 году на сцене Ла Скала «Аиду». Этот дорогостоящий спектакль прошёл лишь несколько раз, но был записан и размножен с помощью видеокассет и телепередачи.

Благодаря музыкальным открытиям Чечилии Бартоли, один из последних сезонов театра после капитального ремонта был начат первой написанной Сальери оперой «Призванная Европа».

В 2009 году телепрограмма ZDF-Theater устроила своеобразный конкурс лучших опер всех времён. Многие из них

впервые были поставлены в Ла Скала, потерявшим, однако, пальму первенства по причинам финансового характера и внутренних склок, свойственных во все времена Мекке оперного искусства.

Начнём со времён Россини. «Севильский цирюльник» был поставлен в 1816 году. Сохранились воспоминания самого композитора о двух первых спектаклях этой непревзойдённой оперы-буфф.

...Вначале публика осмеяла самого композитора, который появился в красно-коричневом костюме с золотыми пуговицами. Потом освистали маскарадный наряд дон Базилио; артист после прекрасно спетой арии о клевете оступился, упал и разбил в кровь лицо, а публика, не разобравшись, потребовала исполнить падение на бис. Всеобщий восторг вызвала музыка финала, но неожиданно на сцену выскочила испуганная кошка, поцарапавшая Розину. Зрители стали её поощрять громким мяуканьем.

Растерянный Россини после первого акта ушёл из театра, а на следующий день не явился на спектакль; однако при втором исполнении публику будто подменили – восторженно принималась каждая сцена, а в конце прозвучали овации. Бушующая людская масса потребовала композитора, спрятавшегося в конюшне своего дома на заднем дворе. Восторг толпы закончился битьём стёкол...

***

Уже в наше время корифеи Ла Скала - Клаудио Аббадо, а потом сменивший его главный дирижёр Риккардо Мутти из-за несогласия с профсоюзами были изгнаны из Ла Скала, не считаясь с тем, что театр с успехом поставил выдающиеся оперы - «Сицилийскую вечерню», «Дон Карлоса», «Бал Маскарад», «Трубадура» «Реквием» Верди, и др.

Завсегдатаи галёрки – «логгионисты» добились изгнания из театра известного английского дирижёра сэра Антонио Паппано, требовали снизить гонорары дирижёрам мирового класса Зубину Мета, Лориа Маазелю.

Свистунов поддерживают профсоюзы и забастовщики.

Боясь физической расправы (камнями) сбежал со сцены во время первого акта «Аиды» Радамес, партию которого пел один из лучших мировых теноров, сицилиец по происхождению Аланья, часто выступающий с женой румынской певицей Георгиу. Аланья подал в суд, но его не поддержал знаменитый постановщик спектаклей Ла Скала Ф. Дзеффиррели, сказавший, что «тенор не должен был вести себя как маленький мальчик».

Порывшись в историю, я выяснил, что в своё время «свистуны» прогоняли со сцены Лучано Паваротти, Пласидо

Доминго, Катю Риччарелли.

Окончание следует

Артур Штильман

«В Большом театре и Метрополитен Опере»

Из книги воспоминаний

Музыканты бастуют!

аступил сентябрь и тут, как гром среди ясного неба – разразилась забастовка в Метрополитен опере! Оказалось, что весной контракт с Юнионом американских музыкантов не был заключён из-за невозможности прийти к соглашению о сокращении количества работы для штатных музыкантов с пяти спектаклей в неделю до четырёх – для оркестра и хора (театр даёт семь спектаклей в неделю – с понедельника по пятницу по одному, а в субботу – два спектакля). В других «цехах» были свои требования и свои контракты, но театр не мог начинать работу, не подписав контракт на следующие два года именно с оркестром и хором.

В середине сентября должна была начаться работа в оркестре Нью-Джерси, но и там была объявлена забастовка!

Имея две работы, при этом в Нью-Джерси даже штатный контракт, теперь я оказался без всякой работы. Все вновь приехавшие, попадавшие в подобные ситуации говорили вслух, (конечно со своими знакомыми-иммигрантами): «Всех бы их в Советский Союз! Там бы им показали забастовки! Брежнева на них нет!»

Ещё в апреле, когда я начал ходить на первые репетиции в МЕТ Оперу, разразилась забастовка работников нью-йоркского общественного транспорта – сабвея (метро) и автобусов. Так как мы жили в северной части Манхэттена, то на сабвее путь в Линкольн Центр, где находятся МЕТ Опера, Сити-Опера и зал Филармонии – Эвери Фишер Холл, занимал меньше получаса (по московским измерениям – примерно расстояние метро «Сокол» – Центр). Теперь был единственный способ добраться туда – это такси. Но денег на такси в оба конца у меня просто не было. Так

что приходилось ехать в одну сторону, а в другую искать попутчиков, или идти пешком... 11 километров! Один раз, по хорошей погоде я прошёл этот путь в 130 кварталов за два с половиной часа, так как ещё нёс скрипку. Впрочем, по молодости лет это была вполне приятная и неусттомительная прогулка. По мере приближения к дому было видно, как менялся состав населения города. Идя по Бродвею на север, пересекая 90-е улицы, начинал встречать латиноамериканское население при почти полном отсутствии белого. Негритянское население в основном жило в районе 125-й улицы, но во внутренних районах острова – примерно после 110-й стрит. Сразу стал заметен другой уровень жизни – не слишком опрятные дома, подозрительно много праздно шатающейся публики. Я решил изменить маршрут и пойти по набережной. Она, как и Бродвей, поднималась довольно круто вверх. Вид на реку Хадсон (как её называли в Москве – Гудзон) был потрясающе красив. Гигантская река отливала местами зеленоватым, местами серо-стальным цветом и казалась огромной ширины. Недалеко виднелся Джордж Вашингтон бридж – мост имени Вашингтона, построенный в 1931 году. На этот мост похож московский Крымский мост, только нью-йоркский в два раза длиннее – 1450 метров.

Это было приятным знакомством с городом. Вообще любые города нужно начинать исследовать пешком. Но до апреля было просто не до того, а теперь вынужденная прогулка оказалась первым знакомством с городом, в котором теперь нам предстояло жить.

***

При нашей такой дешёвой и такой дорогой сердцу первой квартире, мы могли пока продержаться до окончания моего пособия по безработице. Плюс я начал также получать из забастовочного фонда оркестра Нью-Джерси еженедельный маленький чек. А что потом? При этой мысли меня, вполне понятно, охватывала холодная паника. Тёплой она быть не может. Тем более, что из Москвы я получал от родителей «ободряющие» письма такого содержания: «Вот, ты уже скоро восемь месяцев как приехал, а на работу устроиться *не можешь*». Разве можно было им объяснить, что у меня даже *два* места работы, но оба ушли в проклятую забастовку, и что тут никто ничего поделать не может – это вроде стихийного бедствия!

Прошли осенние еврейские праздники – Новый Год и Йом Кипур (казалось, что в это время почти весь город не работал). Начался октябрь. Было по-прежнему тепло, иногда днём даже жарко. А положительных новостей никаких нет: Нью-Джерси, как

оказалось, закрылся на целый сезон. Правда, офис, то есть бухгалтерия, менеджеры, директор оркестра – продолжали получать свою зарплату в *течение всего года до начала следующего сезона в октябре 1981 года!* Да, административная власть никогда и нигде себя не забывает и не обижает!

Я продолжал упорно заниматься и изучать ускоренным темпом симфонический репертуар – история с моим поступлением в Большой театр 14 лет назад в каком-то ином варианте снова стала повторяться. Но пока что юнионная газета «Local 802», то есть отделение № 802 «Американской федерации труда – Конгресса производственных профсоюзов» AFL-CIO никаких сколько-нибудь интересных объявлений об открытии вакантных мест не давала.

К концу подходил октябрь – второй месяц забастовки (кстати – пугало ещё одно обстоятельство – в 1968 году МЕТ Опера бастовала целый сезон!).

Что было делать? Мой соученик по Консерватории, а теперь концертмейстер группы виолончелей в Симфоническом оркестре Далласа Юрий Аншелевич и его жена нашли для меня временную работу – заместить на время отъезда в Европу профессора техасского штатного Университета в Остине на один семестр – с Нового года. Фамилия профессора была Рабинович. Это был не «наш» Рабинович, а бельгиец. Он приехал в Нью-Йорк, встретился со мной и попросил ему поиграть. У скрипачей всё начинается обычно с Сонат и Партит Баха для скрипки соло. Я ему сыграл 1-ю Сонату соль минор и как только закончил Фугу (ту самую, которую в марте играл для Джино Кампионе, а потом и Рею Гневеку), мой потенциальный работодатель воскликнул: «Где ты так научился играть Фугу?» Я рассказал ему историю, как мне в конце 1949 года довелось присутствовать в квартире Абрама Ильича Ямпольского в ожидании своего прослушивания и слышать занятия профессора над этой Фугой с Игорем Безродным. Вторым источником я назвал ему Хенрика Шеринга. Он, казалось, был очень взволнован. Потом попросил сыграть ему (всё это без фортепианного аккомпанемента!) одну часть Сонаты Бетховена №7, пьесе Сарасате «Цыганские напевы», фрагменты из «Сюиты в старинном стиле» Шнитке, после чего он сказал: «Я не думал, что мне так повезёт и я встречу такого скрипача, как ты! В общем, приезжай в Остин на мастер-класс, как-нибудь совладаешь с английским, и дело сделано! Я очень рад с тобой познакомиться. Любые рекомендации от меня – куда угодно! Спасибо и до встречи в Остине!»

Я должен был прилететь в Остин в середине ноября. И в

это время MET объявляет об окончании забастовки! С одной стороны это было замечательной новостью, а с другой... С другой мне было очень обидно, что мне так и не удастся поработать в американском университете, о чём я втайне мечтал ещё в Москве. Но увы – «Мечты, мечты, где ваша *слабость...*»

Моя «слабость» была в том, что если бы я уже работал в Метрополитен Опере хотя бы лет пять, то мог бы организовать себе отпуск на полгода и даже на год. Но я только едва начал и, конечно никто не мог меня отпустить без потери всяких надежд на работу в MET в будущем. Всё же я пришёл в офис к Маркусу, где он мне сказал следующее: «Я понимаю, что работа в Университете творчески интереснее работы в оркестре. Ты там сможешь играть сам, составить себе даже квартет. Но я не могу сохранить для тебя это место. Так что я тебе советую как отец – позвони в Остин и скажи всё честно – MET открывается и тебя не отпускает персонал менеджер. В самом деле – у тебя семья, ты должен получать еженедельные чеки, а что ты будешь делать после твоей работы в Остине? Будешь всю жизнь кочевать из одного Университета в другой? Нет, это для тебя не годится. Итак: до встречи в следующей вторник на репетиции. Мы открываем сезон 2-й Симфонией Малера с Джимми (Левайном – А.Ш.). Не забудь! В 10.30 утра. Вторник. Удачи! (Good luck!)»

Мне пришлось, придя домой тут же позвонить Рабиновичу в Остин и сообщить ему такую новость. Он был страшно расстроен, потому что уже был уверен в том, что сможет беззаботно уехать на полгода в Европу. Очень мне было неприятно его расстраивать, но выхода не было. Я ему объяснил ситуацию в MET и передал слова Эйба Маркуса. Он, грустно согласился, что другого выхода у меня нет и пожелал успехов в моей новой американской жизни.

Репетиции 2-й Симфонии Малера для запоздавшего начала сезона начались 17 ноября. И только 9 декабря состоялось открытие сезона с участием оркестра, хора и солистов. Это было второе самое радостное событие после моего дебюта в MET в конце марта.

ОРКЕСТР МЕТ ОПЕРЫ. ДИРИЖЁР И СОЛИСТЫ

Немного странным мне показался выбор для открытия сезона – Симфония Малера №2, хотя и её название «Resurrection» – «Воскрешение» подходило к моменту открытия – снова возродился MET после опасности быть закрытым на весь сезон, что уже случалось раньше.

Левайн репетировал это грандиозное сочинение очень тщательно. Он ничего не навязывал, он лишь *делился* своим

видением мира малеровских образов. Совершенно незабываемой была работа над второй частью – «Лендлером». По замыслу автора, после смерти героя, то есть окончания первой части, должна быть сделана пауза в пять минут, после чего весь цикл – остальные четыре части исполнялись бы без перерыва (вся Симфония идёт примерно час двадцать минут). Вторая же часть рассказывала о самых прекрасных мгновениях *жизни* героя повествования (а возможно, что и автор видел здесь себя самого?). Левайн предупредил, что между первой и второй частью во время концерта будет перерыв, но, конечно, не в пять минут, как того желал автор, а где-то в две, две с половиной минуты. Вторая часть увлекла всех, её исполняли с такой любовью и эмоциональной отдачей, что казалось, все участники превратились в «соавторов» композитора. Это было прекрасно – «прожить» при каждом исполнении – даже на репетиции – эту гениальную музыку. Солистами в последней части были Джудит Блейген и Мэрелин Хорн – знаменитости не только американской, но и международной сцены.

В начале второй недели репетиций мы подошли к финальной части, где и поют солисты, а также хор МЕТ оперы. Я впервые услышал этот хор в главном репетиционном зале на 3-м нижнем этаже – уровень Си – «C Level» . Хор этот пел как минимум – на шести языках! Не могу сказать, что он звучал лучше, чем хор Большого театра (у меня всё пока было «на слуху», ведь с момента моего последнего спектакля в Большом театре в июне 1979-го до марта 1980-го прошло не так уж много времени – всего девять месяцев!) Хор МЕТ Оперы был высококвалифицированным, опытным в актёрском отношении на сцене, и главное – с превосходной артикуляцией! Каждое слово пелось с необычной чёткостью всех гласных и согласных, нигде не смазывая ключевые звуки. Так что красота голосов солистов и хора – вещь, конечно, важная, но и владение звуком, артикуляцией, абсолютная сценическая свобода и блестящий ансамбль – эти важнейшие компоненты были вне всяких сомнений на мировом уровне исполнительского искусства. Впрочем, в «Хованщине» хору Большого театра не было равных!

Я сразу же обратил внимание на то, как Левайн относится к звуку струнных инструментов, особенно скрипачей. Дело не только в том, что он дирижировал лучшими оркестрами Америки и слышал с детства необыкновенно богатый тон Филадельфийского оркестра под руководством Юджина Орманди, Кливлендского с Джорджем Сзеллом (так звался в Америке известный чешский дирижёр Георг Щель), где Левайн был недолго в начале своей

карьеры ассистентом дирижёра, дело было в том, что Джеймс Левайн каким-то непостижимым образом умел передавать оркестру *своё* слуховое представление красоты звука симфонического оркестра.

Иногда он что-то напевал, имитировал двумя руками игру скрипача, и тут же находил полное соответствие своему звуковому представлению в игре скрипачей и других струнных групп оркестра. Нужно сказать, что часто в оркестрах «звуковой образ» рождается от звука первого концертмейстера-солиста. Им был, как уже говорилось Рэймонд Гневек, ученик одного из студентов Эжена Изаи и Жака Тибо, то есть его собственный звук принадлежал полностью французской школе игры на скрипке. Этот подход к звукоизвлечению требует совершенной красоты *каждого* звука, не терпящий ни одной ноты, сыгранной с минимальными издержками некачественного звучания. Каждой ноте придавалось значение такое же важное, как и длинным – самым прекрасным мелодическим эпизодам. Этот подход к звуку передавался и всему струнному оркестру. Поэтому на таком фоне мастерства звукоизвлечения требования Левайна были легко выполнимы. К этому времени он уже был за пультом оркестра MET достаточно долгое время – 14 лет.

Снова мне вспоминались после репетиций с Левайном попытки Юрия Симонова в Большом театре объяснить оркестру своё видение и ощущение качества тона. Он начинал обычно тереть большим и указательным пальцами друг о друга в попытке изобразить что-то такое, что соответствовало его звуковому представлению. Но почему-то никаких изменений не происходило, хотя сам он был альтистом в до-дирижёрской профессии. Мне и теперь кажется, что за время его работы в Большом театре оркестр пользовался своим звуком, сложившимся за долгие десятилетия до его прихода и отличавшимся богатством и благородством тона, свойственным только этому московскому оркестру.

Что было вне конкуренции в оркестре MET, даже по сравнению со многими лучшими американскими оркестрами – это мастерство исполнителей на деревянных и медных духовых инструментах. Я уже говорил о том, что о таком уровне игры я просто не имел представления. Строго говоря, он не шёл в сравнение даже с лучшими европейскими оркестрами. За исключением специфических групп оркестров Венской Филармонии и амстердамского Концертгебау.

Ещё во время моих первых репетиций оперы Вагнера «Парцифаль» я, услышав соло гобоя, на котором играла молодая девушка, совершенно забыл обо всём и даже забыл о вступлении

первых скрипок в одном из эпизодов оперы. Звук её был настолько неправдоподобно красивым, каким-то особо возвышенным, фразировка тонкой, но естественной, дыхание фразы казалось бесконечным. Было непонятно, как могла эта хрупкая девушка играть с таким невероятно длинным дыханием, исполняя, казалось, бесконечную фразу не набирая дыхания. Ведь игра на духовых очень родственна пению – в обоих случаях звук зависит от запаса воздуха в лёгких исполнителя – духовика.

Это была Илэйн Дуvas, вскоре также и профессор Джульярдской школы. Когда я немного освоился с английским, то рассказал ей о впечатлении, произведённом на меня её игрой на одной из моих первых репетиций «Парцифалья». Она восприняла мои слова очень тепло. Конечно, ей было приятно, что вот только недавно прибывший из Москвы скрипач Большого театра был столь впечатлён её исполнением.

Илэйн Дуvas – первый гобой оркестра Метрополитен

Мне довелось слушать её игру в оркестре театра в течение 23-х лет, и никогда за эти почти четверть века её мастерство не поблекло! При том за эти годы она родила двух дочерей! Всё это действительно казалось в то первое время необычным и просто неправдоподобным.

Через много лет - в начале 2000-х – Илэйн Дуvas рекомендовала в оркестр МЕТ оперы своего протеже, даже не ученика, а услышанного на большом американском конкурсе гобоистов (бывают и такие!) молодого Евгения Изотова – первого

и единственного до той поры исполнителя – духовика из России, не только принятого в лучший американский оперный оркестр, но обладавшего действительно уникальными исполнительскими качествами, очень похожими на исполнительский стиль самой Илэйн Дукас. Теперь этот молодой человек – первый гобоист лучшего в мире Чикагского Симфонического оркестра.

Но это было потом.

Первый флейтист МЕТ Оперы Майкл Парлов

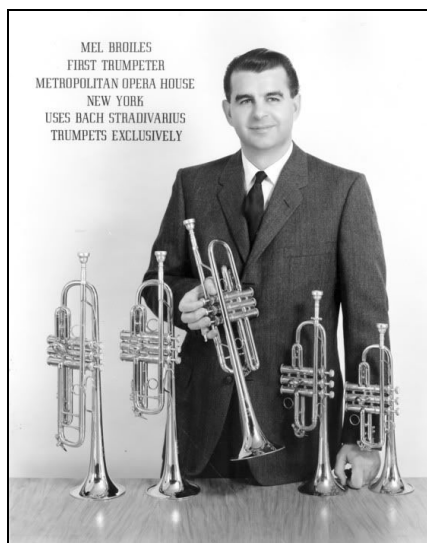
А пока я привыкал к новой обстановке, где никогда ни одно пожелание Левайна не нужно было повторять дважды – всё делалось мгновенно и совершенно естественно. Это происходило не из-за страха перед музыкальным директором – никому такое не могло бы придти в голову – это было возможным благодаря высочайшей квалификации всех участников оркестра – штатных или приглашённых – не имело значения.

Отношения музыкантов с Левайном были очень простыми – он обращался к большинству по первому имени, что предполагало несуществующее в разговорном английском «ты», и в свою очередь все обращались к нему самому так же по первому имени – «Джимми». Это тоже было огромным контрастом по сравнению с советскими оркестрами. Трудно себе представить, чтобы в Москве кто-то, даже близкий приятель, мог бы публично обратиться к дирижёру, называя его Юрой, Борей, или Кириллом. Впрочем – разные страны – разные традиции.

Вторым событием для меня было знакомство с

исполнительским искусством первого флейтиста Майкла Парлова (Michael Parloff). Звук его золотой флейты и вправду был тоже золотым – исключительной красоты, мягкости, но и силы, хотя он никогда не форсировал. Просто это был его природный дар – чарующий, большой и красивый, но мягкий тон придавал игре всего оркестра какую-то особую краску, высветляя всё остальное, происходящее в партитуре.

Первым трубачом-солистом был в то время Мэл Бройэлс. Блестящий исполнитель, обладавший огромной виртуозной техникой, он также отлично исполнял эстрадную и популярную музыку (но не джаз!). Мы с ним очень часто говорили на различные темы и оказалось, что он знал Т.А. Докшицера и даже встречался с ним в Америке. Мэл был чрезвычайно высокого мнения об игре Докшицера, что было особенно примечательным – услышать такие похвалы из уст первого трубача МЕТ Оперы.

Мэл Бройэлс

Совершенно изумительной игрой на валторне отличалась принятая уже при мне Джули Ландсман. В операх Вагнера она демонстрировала чудеса виртуозности игры на своём инструменте. Она также была украшением оркестра МЕТ. Но, собственно, кто им не был? Все участники были исполнителями высшего класса – артистами, виртуозами и превосходными музыкантами. Об одном из первых кларнетистов оркестра Джозефе Раббае уже говорилось

выше.

Контрабасовая и альтовая группы технически играли на неизмеримо более высоком уровне, чем в советских оркестрах. Если виолончели, по моему мнению, в красоте звучания уступали советским коллегам, то контрабасисты в массе своей были артистами-виртуозами. То же самое можно сказать и об альтистах в оркестрах Америки. Я бы не сказал, что альтисты Большого театра уступали в звучании альтистам в MET, но мои новые коллеги владели в совершенстве современным репертуаром, играли очень много камерной музыки, и технически были готовы к исполнению любых самых сложных сочинений Рихарда Штрауса, Альбана Берга, Шёнберга, Бартока, Стравинского, Дебюсси, Равеля.

Это моё «открытие музыкальной Америки», хотя и в одной сфере оркестра MET Оперы – об оркестре штата Нью Джерси уже говорилось выше – было и волнующим, и бесконечно интересным. Иногда бывало даже странно – действительно с июня 1979 года по март 1980-го прошло всего девять месяцев, но сколько событий! Эмиграция из Москвы. Лишь через два месяца и два дня после отлёта из Москвы, после Вены и Рима – мы в Нью-Йорке! И ровно через два месяца – я на первой своей репетиции в Метрополитен Опере! Всё это время я находился в состоянии «взволнованного оптимизма».

***

Итак, новый сезон открылся с опозданием на два с лишним месяца.

9 декабря оркестр, хор и солисты MET оперы исполнили 2-ю Симфонию Малера. Джимми Левайн дирижировал это гигантское сочинение **наизусть!** Было от чего приходиться в восторг – буквально каждый день!

Исполнили мы эту Симфонию на двух концертах. Для меня это было незабываемым событием – потрясающе красиво звучащий оркестр, дирижёр – совершенно свободно владевший на память всей партитурой Симфонии, казалось без всяких усилий достигает порой невозможной глубины малеровской музыки, захватившей всю 4-х тысячную аудиторию, изумительные певцы-солисты, неправдоподобная игра второй флейтистки Надин Азин, исполнявшей также большие соло-каденции на флейте пикколо при паузах оркестра в финале Симфонии – от всего этого буквально захватывало дух! Первый концерт-открытие сезона остался в моей памяти навсегда.

Но теперь из-за опоздания в расписании работ по подготовке новых опер, работа в MET была очень напряжённой. В

результате забастовки члены оркестра МЕТ добились снижения нормы недельных спектаклей до 4-х. Репетиции не входили в недельную базовую оплату оркестра. Они оплачивались дополнительно. Так как спектаклей в неделю было всего семь, то остальные три спектакля должны были исполнять «постоянные приглашённые». Через четыре года, когда МЕТ снова стоял на грани забастовки, наша группа «постоянно-приглашённых» в составе 35 человек, включая скрипачей, виолончелистов, контрабасистов, альтистов, ударников и духовиков получила сверхштатный дополнительный контракт с теми же правами и с той же оплатой, что и регулярные штатные исполнители. Мне в какой-то мере случайно повезло – первый сезон, хотя и начавшийся с опозданием, был настолько напряжённым, что если бы оркестр Нью-Джерси не ушёл в забастовку на целый сезон, то скорее всего мне пришлось бы из него уйти и я бы чувствовал себя очень неблагодарным по отношению к Томасу Михалаку. А так я мог работать с полной нагрузкой в театре, не заботясь пока о своей второй работе.

В тот первый сезон мне иногда приходилось играть *все семь недельных спектаклей плюс репетиции!* Это было более чем нелегко. Но это было в то же время замечательно. Не столько из-за денег, хотя они были исключительно важны – ведь из Москвы мы приехали в полном смысле слова «на нуле», но из-за постоянной работы в лучшем в то время оперном театре мира.

***

Созвездие певцов, выступавших на сцене МЕТ в мои первые два сезона там вообще не поддавалось никакому описанию – несравненный тенор Карло Бергонци, ещё молодые Доминго и Паваротти, Хосе Каррерас, Николай Гедда, изумительный баритон Пьеро Капучилле, Руджиеро Раймонди, Николай Гяуров, Джером Хайнс, Марти Талвела, испанский тенор Альфредо Краус – вероятно лучший исполнитель опер Доницетти. Ещё выступали две гран-дамы мировой оперы – Люсин Амара и Леони Ризанек. Часто пела Фиоренца Коссото, запомнившаяся по исполнению партии Розины в «Севильском цирюльнике» во время первых гастролей «Ла Скала» в Москве в 1964 году. Мирелла Френи, Катя Риччиарелли и Рената Скотто постоянно выступали на сцене МЕТ. Американские певицы Тереза Стратас, Татьяна Троянос, Роберта Питерс, Мэрилин Хорн, молодая Кэтлин Баттл, Леонтин Прайс, Леона Митчелл, Грэйс Бамбри, Катерина Мальфитано, венгерка Эва Мортон, шведка Биргит Нильссон, молодая Анне-Софи фон Оттер, английская певица Маргарет Прайс, мировая знаменитость из Уэллса Гвинес Джонс, несравненная Кири Те Канава,

австралийка Джоан Сазерленд, и наконец Монтсеррат Кабалье – сегодня только от перечисления этих имён буквально кружится голова.

Всемирно известный тенор Карло Бергонци – многолетний солист
МЕТ Оперы

Все они были в расцвете своих жизненных и творческих сил и мне иногда казалось, что такого вообще не может быть, что всё это мне снится, потому что немыслимое созвездие мастеров мирового вокала, режиссёров, художников и дирижёров - и всё это в одно время в одном театре действительно создавало ощущение какого-то волшебного сна.

Новые спектакли вводились в репертуар необычайно быстро. Возможно, они шли раньше, но восстановить на сцене оперу с её декорациями, костюмами, светом, точным графиком во времени смены картин – всё это требовало напряжения сил всех театральных «цехов», особенно в мой первый сезон из-за открытия, запоздавшего на два с лишним месяца.

Очень скоро после начала сезона мы начали репетировать оперу Альбана Берга «Люлю» – по-английски её называют только «Лулу» (либретто автора по пьесе германского драматурга Франка Ведекинда «Ящик Пандоры» 1905 г).

С музыкой оперы подобной сложности мне не приходилось сталкиваться никогда до осени 1980 года. Альбан Берг ученик и последователь Шёнберга, но в этой опере далеко не всегда следует шёнберговской додекафонной системе. Очень часто

он пользуется свободным письмом. Всё это огромное сочинение, как мне кажется, несёт в себе черты германского экспрессионизма тех лет. В основе оперы лежит криминально-эротический сюжет: Люлю – роковая женщина – танцовщица цирка, позднее варьете, обладает каким-то загадочным качеством сексуальной притягательности. При этом каждый её новый избранник либо умирает насильственной смертью, либо кончает с собой.

Интересен приём Берга: в последнем акте появляются новые действующие лица, партии которых исполняются теми же певцами, которые пели в первом и втором актах, но по ходу сюжета уже ушедшие в мир иной. В 3-м акте Люлю, её поклонники и её возлюбленная графиня Гешвиц прозябают на окраине Лондона. Люлю со всеми ними опустилась на дно: теперь она занимается проституцией. Зловещие появления новых персонажей ведут к смерти Люлю и её любовницы графини.

Джулия Мигенес-Джонсон в роли Люлю

Берг начал работать над оперой в 1929 году. Работа растянулась на многие годы. Весной 1935-го она была прервана смертью от полиомиелита Манон Гропиус – молодой 18-летней девушки – дочери знаменитого архитектора и основателя «Баухаус» Вальтера Гропиуса и Альмы Малер. Берг начал писать свой знаменитый Концерт для скрипки с оркестром («Памяти Ангела»). Он закончил это произведение, но через несколько месяцев сам умер от заражения крови. Опера осталась незаконченной. Она исполнялась впервые в двухактной версии в

1937 году в Цюрихской Опере. После войны она исполнялась в Париже в 1979 году с Терезой Стратас в главной роли, и за два года до этого в Метрополитен Опере – в 1977 году.

Всё это было несложно прочитать в буклете-программе к спектаклю. Так как опера уже шла в МЕТе до моего приезда, на этот раз осенью 1980-го это было простое возобновление. Для меня же всё это было настолько новым, что в первые дни репетиций было непонятно, как в такой труднейшей атональной партитуре могут столь легко ориентироваться певцы? Исполнительница главной роли Джулия Мигенес-Джонсон в этом возобновлении «Люлю», уже пела эту оперу, но профессионализму её и её коллег я не переставал удивляться.

Сколько труда нужно было положить только на то, чтобы выучить этот текст и музыку наизусть? А актёрская игра, имеющая в этом спектакле особенное значение, а мгновенные переодевания между сценами? Всё это создавало невероятный спектакль-синтез: эротическая драма в столь экспрессионистском музыкальном оформлении производили огромное впечатление на публику. Зал был всегда переполнен на этом спектакле. Участвуя в этой постановке, я понял, что восприятие публикой Нью-Йорка подобного сложнейшего сочинения было естественным и, что называется «беспроблемным» – публика полностью была вовлечена и поглощена в адекватное ощущение этого сочинения. Я подумал о московской публике – сколько спектаклей «Люлю» (если бы это когда-нибудь разрешили!) могло бы пройти в Москве? Если учесть, что основной публикой были бы те же студенты Университета, музыканты-профессионалы, композиторы и музыковеды, то больше чем на два спектакля зрителей бы не нашлось. Во всяком случае московские врачи, адвокаты, и основная зрительская масса к восприятию подобного сочинения тогда не была готова. В этом была также огромная разница между Москвой и Нью-Йорком 1980 года. (Приятно было узнать, что несколько лет назад в Большом театре с огромным успехом прошли несколько спектаклей «Воццека» Альбана Берга. Как изменилась жизнь! Правда произошли эпохальные события и прошли почти тридцать лет!)

Соня Тучинская

Внук Чуковского

В последние десятилетия жизни Чуковского настигло такое сказочно-всеобъемлющее признание, которое даже среди «богатых и знаменитых» выпадает на долю немногих. Ему было горько сознавать, что зенита своей славы он достиг как автор стихов для детей, а не как критик и культуролог, автор блистательных монографий о Некрасове и Чехове, о языкознании и мастерстве перевода. Первые писались в молодости, помпезно легко – без черновиков, усилий и пота. Вторые были результатом каторжного, мучительного, непрерываемого ни на день труда всей жизни.

Так или иначе, но настало время, когда совершенно неправдоподобная по размаху слава обрушилась на него всем своим сладким бременем. К середине пятидесятых не было в огромной стране человека, который не знал бы его в лицо и по имени, не было дома, где детям не читали бы перед сном Муху-Цокотуху и Доктора Айболита. Он пишет, переводит, рецензирует, читает лекции, пестует молодых, строит на свои средства детскую библиотеку в Переделкино, справляет юбилеи, получает почетный диплом Оксфордского Университета в Англии и высокие правительственные награды у себя дома. Его книги для маленьких издаются миллионными тиражами, и на них воспитывается уже второе поколение советских детей. На него работает целое почтовое отделение – он получает сотни писем в неделю. «Дедушке Корнею» - вместо адреса на конверте – самое убедительное и неоспоримое доказательство его феноменальной, общенародной и кажется никем, кроме Гагарина, непревзойденной славы.

Статус патриарха к тому времени приходит к нему не только в литературе. Несмотря на общую молодость и юношески задорное очарование нестареющего лица, несмотря на прямую осанку и детские проказы, семейное прозвище у него было «Дед». К концу пятидесятых у него было пятеро взрослых внуков и правнучка.

Детей моего поколения нельзя было оторвать от радиоточки, когда в ней раздавался его магический фальцет, с первых мгновений распознаваемый, медлительный, с неподражаемыми певучими интонациями. Какой острой завистью проникались мы к этим неведомым нам счастливым, внукам Чуковского, – ведь это для них он писал сказки, для них сочинил своего прелестного Бибигона. Невдомек было, нам, малолеткам, что внуки Чуковского давно выросли и не слушают больше сказку про крошечного мальчика с Луны... Но полвека спустя ее слушаю я... слушаю в машине, и убаюканная сладчайшим, до слез знакомым голосом, на час возвращаюсь туда, куда возврата нет – в свое полунищее, подвальное, в ленинградское свое детство.

Да, я родился на Луне,
Сюда свалился я во сне.
Меня на родине зовут
Граф Бибигон де Лилипут.

...На каникулы внуки «съезжались на дачу», в Переделкино, куда сам Чуковский окончательно перебрался с Тверской в начале 50-х. Загородный дом в Переделкино стал его любимым пристанищем, его цитаделью – главной и единственной средой обитания.

Тема «Чуковский – дед», не менее увлекательна, чем, скажем, «Чуковский – некрасовед». Одно из внуков Чуковского, сына погибшего в первые годы войны любимца всей семьи – Бориса Чуковского, звали Женя. Он не гостил у Деда, а просто жил у него. Чуковский и его жена, Мария Борисовна, заменили ему родителей. Вот именно об этом Жене и пойдет у нас речь.

Осиротевший Женя жил в семье Деда с трех лет и примерно с этого же возраста ставил перед домашними сложные педагогические задачи. Учился Женя кое-как, живя на даче, пренебрегал садово-огородной повинностью, и что было самым непростительным в глазах Деда, отказывался читать баллады Жуковского. При этом он увлекался стрельбой по движущимся мишеням, скоростной ездой и пиротехникой и с ним постоянно случались истории, которые не давали скучать его воспитателям.

К.И.Чуковский

Вот одна из них, рассказанная в 1994 году самим Женей, вернее Евгением Борисовичем Чуковским:

Расскажу о самом памятном, поскольку являлся главным его зачинщиком. Мне было лет 13. "Дед, – сказал я, – давай сделаем чудо! Пусть костер (знаменитые «костры Чуковского» в Переделкино дважды в год собирали сотни детей и взрослых) загорится сам" – "А ты точно так сделаешь?" – "Точно", – клятвенно пообещал я.

Что я сделал? Взял плитку с открытой спиралью, насыпал на нее полкило охотничьего пороха, прикрутил к плитке провода и всунул все под хворост. В середину костра вылил 11 литров (!) бензина.

Выходит к гостям Корней Иванович в военном головном уборе индейца, который ему привезли в подарок из США, и сообщает, что сегодня костер будет волшебный, который зажжется, лишь только он скамандует. "Костер, зажгись!" – говорит Корней Иванович, и я нажимаю на кнопку.

Дальше произошло невероятное. Воя огромная куча хвороста поднялась на высоту двух метров и зависла. А из-под нее хлынуло оранжевое бензиновое пламя... Нас всех спасло чудо.

В ту же секунду костер сел на место, подмяв под себя и огненный смерч. Увидев "атомный гриб" над лесом, тут же примчался пожарный обоз. "Как в следующий раз будем зажигать костер?" – осмеливаюсь спросить у деда. "Спичкой, только спичкой!"

В воспоминаниях внука есть и другие, необычайно трогательные истории, о том, как Дед учил его азбуке и счету, как Дед приручил домашнего паука, скармливая ему на ужин мух-цокотух, как домашние по вечерам в очередь «усыпляли» страдающего свирепой бессонницей Деда многочасовой читкой. Но одна история особенно поразительна. Эта маленькая «педагогическая поэма» достойна того, чтобы привести ее здесь целиком.

Я думаю, что никому не нравится, если под окном то и дело трещат винтовочные выстрелы.

Упражнялся с винтовочкой я, а выстрелы вынужден был слушать мой Дед. Всякий другой на его месте отнял бы у внука опасный инструмент, и всё. Но эту винтовку раздобыл я себе сам, и Дед не считал возможным отобрать ее.

Однако стены дачи были уже порядочно истыканы пулями, кое-где в стеклах попадались аккуратненькие дырочки, окруженные паутиной трещин, и дом был, можно сказать, на военном положении. Терпеть дальше было уже невозможно. И как-то ночью Дед мою винтовку украл. И спрятал. Спрятать что-нибудь от мальчишки очень трудно, потому что мальчишка знает в доме все потайные местечки. И уже через несколько часов я извлек мое оружие из-за книжных полок, стоявших на стеклянной террасе.

Возле дома стрельбу пришлось прекратить. Полигон перенесся вглубь участка. Я сделал в стрельбе большие успехи, и певчие птицы перестали по утрам улаживать слух своими трелями.

Это было беспощадное уничтожение всего, что бегало, прыгало и летало на расстоянии винтовочного выстрела от меня. И когда очередная моя жертва брякалась оземь, я делал на прикладе ружья аккуратненькую зарубочку.

Еще дважды исчезала по ночам винтовка. И оба раза она незамедлительно возвращалась к своему владельцу. Дед, однако, про стрельбу ничего не говорил. Я – тоже.

А уже начала попевать земляника, и надо было обрывать усы и рыхлить землю. Тут и заметили мы, что многие кустики стали чахнуть, потому что в пазухах листьев, как будто кто-то плюнул, пузырится белый сок. Там, в середине, сидела бледно-зеленая тварь величиной меньше половины спичечной

головки. Она нещадно тянула из растения соки, окружая себя таким вспененным плевком. Дед назвал паразитов слюнявчиками и велел уничтожить их всех. Руками.

Занятие медленное, бесперспективное, невероятно скучное. И вот, когда я, проклиная свою несчастную судьбу, вытаскивал из плевка уже сто сорок седьмого слюнявчика, чтобы предать его немедленной смерти, подошел Дед и протянул мне хорошее увеличительное стекло.

– Посмотри, какие у него глаза, – сказал он.

Сквозь стекло на меня смотрели две черненькие бусинки. Там был и рот, и усы, и ножки. И вообще из отвратительно зеленоватого кусочка слюнявчик превратился в животное, у которого есть свои желания, свои враги, своя защита, да мало ли что еще!

Давить его на ногте и противно и страшно. Я завернул слюнявчика в бумажку.

– Это всегда так, – сказал Дед. – Как только присмотришься поближе, так и думаешь: как же я теперь его убивать буду? Поэтому так просто убивать издалека.

Он не сказал ни слова про винтовку.

Но почему-то стало очень трудно стрелять по птицам.

Чуковский часто отмечал в Дневнике, что Женя – «другой», не такой, какими были четверо его детей. В переписке с дочерью, Лидой, часто встречается запись: «Женя, кажется, выправляется».

В начале 1955 года умирает жена Чуковского, Мария Борисовна, которую Женя называл «бабенка» и которая любила и баловала его больше других внуков. После ее смерти заботы о 18-летнем Жене полностью ложатся на плечи Деда.

А сам Дед, достигший к тому времени оглушительной известности, почестей и достатка, ощущает страшное одиночество, смертельно тоскуя по ушедшей жене, остро переживает свою вину перед ней за многочисленные измены. Вот дневниковая запись тех дней:

Меня тянет не только на могилу к М.Б., но и в могилу. Как будто высунулась из могилы рука и тянет меня, тянет с каждым днем все сильнее, и я не сопротивляюсь, не хочу сопротивляться, не имею воли к жизни, и вместо всех книжонок, которые я хотел написать, мне по-настоящему хочется писать завещание.

Неуемный внук Чуковских, Женя, в год смерти бабушки увлекался скоростной ездой на мотороллерах и легковых автомобилях, и всю семью, включая неутешного в своем горе 73-

летнего старика, постоянно лихорадит из-за его юношеской любви к лихачеству.

Мемуарная запись Александра Раскина, сделанная им со слов очевидца:

Приморское шоссе под Ленинградом. Легковая машина со скоростью не меньше ста километров обгоняет мой „Москвич“. Машину ведет молодой человек, который правит... одной ногой, небрежно положив ее на руль... Знаете, видал я лихачей, сам лихач, но такого...

Так же лихо и бесшабашно Женя гонял по Переделкино и его окрестностям на мотороллере. Об одной истории связанной с вечерними мотто-пробегами рассказал Раскину сам Чуковский:

Как-то летним вечером Женя повез меня покататься на своем мотороллере. Ну, вы понимаете, ездит он довольно быстро. По дороге идет с кем-то Валентин Петрович (Катаев). Я успеваю ему крикнуть: «Прогулка перед сном...» и тут же слышу ответ: «Перед вечным сном!»

«Помню, я спросил Чуковского:

– Корней Иванович, а зачем вам ездить на мотороллере? Ведь эта штука не очень-то надежна.

– Вот поэтому я и езжу с Женей, – ответил Чуковский, – с дедом он все же не ставит рекордов.

В августе 1955 года с Женей случилась беда. С осами, досаждавшими обитателям дома, боролись до этого простым и испытанным способом: Осиные гнезда снимали и топили в ведре. Через какое-то время этот способ показался Жене чересчур старомодным и он решил, что гнезда надо не топить, а взрывать. Силы взрыва он не рассчитал: ему чуть не оторвало руку, раздробило плечевую кость. Сам Евгений Чуковский вспоминал, как Дед, разбуженный взрывом, прибежал и, услышав от окровавленного внука: «Прости меня, пожалуйста», – принял это за последнее «прости» и, «обезножев, опустил на стул».

Одна из величайших мук моей жизни – тот вечер, когда я его, обескровленного, с торчащей наружу костью, с висящими жилами вез к Склифосовскому», – дневниковая запись Чуковского от 23 августа.

Из воспоминаний Александра Раскина:

– Но как же вы разрешили этот взрыв? – спросил я.

– А что мне было делать? Ведь он все равно бы это устроил. По крайней мере, я уменьшил заряд вдвое. И теперь я уверен, что взрывов больше не будет, – сказал Чуковский.

Рука у Жени не срасталась очень долго, потом был второй перелом...

Похоже, что рассказ о Жене Чуковском – это история с хорошим концом. По крайней мере, внешние приметы указывают на то, что Женя, в конце концов, «выровнялся» и превратился в уважаемого и нужного обществу человека. Закончил операторское отделение ГИКа. Работал кинооператором на съемках научно-популярных фильмов. Женился на дочери Шостаковича, родил сына и успел познакомиться с ним Деда.

Благодаря приведенным выше дневниковым и мемуарным записям в нашем воображении возник вполне отчетливый образ. Наверное, не будет ошибкой сказать, что это образ непоседливого искателя приключений, переделкинского Тома Сойера, иногда отчаянного до безрассудства, но всегда полного «живой жизни» и обаяния.

На этом, отдав дань педагогическому гению Чуковского, можно, было бы, собственно, и поставить точку. Можно, ...если бы переписка отца и дочери Чуковских не содержала двух посланий Лидии Корнеевны, целиком посвященных Жене. Как известно, дочь Чуковского была, в отличие от отца, совершенно не склонна к конформизму, что в конце концов, и привело ее к исключению из Союза Писателей, а в дальнейшем – к диссидентству. В своей собственной семье, как и в семье советских писателей, она тоже слыла человеком неуживчивым и бескомпромиссным. Во всяком случае, более бескомпромиссным, чем хотелось бы боготворимому ею отцу.

Вообще говоря, у бескомпромиссности есть еще одно название: принципы. «Нравственные категории абсолютны, так как заданы свыше и в силу этого не могут зависеть от внешних обстоятельств» Именно этому главному принципу кантовского императива, она, воинственная безбожница, героически следовала всю свою жизнь. Требуя такого же неконформизма от других людей, она возлагала на них, посмеем заметить, и на своего отца, в том числе, тягостную и непосильную ношу.

...Дальнейшие комментарии по поводу писем Лидии Корнеевны придется отложить на после-знакомства с ними читателя этих заметок.

Вот они, эти два письма.

Декабрь, 1956 года.

Дорогой Дед,

Очень прошу тебя потребовать от Жени две вещи:

А. Не ходить по квартире без штанов

Б. Не отвечать грубо по телефону

Когда я вернулась из Малеевки, по крайней мере, 10 человек мне жаловались: без вас мужской голос очень грубо

отвечает. Когда звоню из Москвы в Переделкино, с трудом дозваниваясь (занят коммутатор), Женя нарочно отвечает еле-еле, нагло-бесстрастным голосом, и нельзя понять – занят ли ты, спишь ли, подойдешь ли? Сегодня мне сказала Таня Литвинова: «Я дозвонилась на дачу, подошел Женя. Я спрашиваю, как здоровье К.И.?» «Он отвечает: У меня экзамены, и я ничего этого не знаю».

Но у меня каждый день экзамены, а я 25 раз в день должна отвечать его мальчишкам – где он, когда придет. И отвечаю, и спрашиваю, что передать. Он ходит по квартире в подштанниках, не стесняясь меня, и когда я сержусь и обижаюсь, отвечает: «Ведь я у себя дома, в своей квартире».

– Но и в своей квартире нельзя быть хамом, – говорю я.

Мудрая Люша (дочь ЛК) стоит на таких позициях: «Не стоит себе портить нервы» «Себе дороже стоит». Оно так, но Женино хамство тоже дорого обходится. Он считает нормальным, что я ему должна подавать, а он не должен ничего – даже надевать штаны. Притворяется дураком: «Митька (младший внук Чуковского) совсем голым бежит».

Женя возвращен безнаказанностью, тем, что от него никто ничего не требует. (Единственный способ жить с ним мирно – не требовать. Тогда он снисходителен).

Я тебя очень прошу: не веди психологических разговоров, а скажи, что если он будет ходить без штанов – ты не позволишь ему подходить к телефону. Он должен отвечать внимательно и учтиво, и толково, а не отделываться. Если занят, пусть не подходит совсем.

Февраль, 1957 года

Дорогой дед.

Недели через две Женя вернется домой из больницы, Я считаю, что сейчас — последний срок, когда можно, после перерыва, попытаться привести в порядок эту запущенную и погибающую жизнь. Зависит это в первую очередь от тебя и во вторую – от всего коллектива взрослых, окружающих Женю. От нашей согласованной воли.

Вот мои «конструктивные предложения»:

1. Когда он вернется, потребовать (безгневно, нераздраженно но твердо) ответа на 2 вопроса:

1) Почему он 5 дней скрывался перед тем, как лечь в больницу? У кого он жил и что там делал?

2) На какие деньги он жил 5 дней?

Я подозреваю, что жил он на те 1700 р., которые взял у Анастасии Ивановны (экономка, вела дом К.И. Ч.) на резину. Мы ведь не знаем, сколько стоила резина в действительности, –

может быть, 1000, может быть, 800, может быть, 1200. Во всяком случае, маловероятно, что кто-то почему-то держал его у себя безвозмездно. И почему? зачем? ведь известно, что Жене есть, где жить. Что же он лгал тому человеку, который его приютил?

И кто приезжал за ним в больницу?

Думаю, что Женя на эти вопросы отвечать откажется.

Пусть. Но их все же надо задать ему, чтобы он понял, что он «на учете».

II. Я сказала бы ему: тебе 20 лет. У тебя есть паспорт. Ты можешь жить, где хочешь и как хочешь. Но если ты хочешь продолжать жить с нами и у нас – то вот условия, на которых я тебе разрешаю остаться:

1. Ты будешь с утра до вечера учиться (об этом будет сказано подробно в разделе III).

2. Ты не будешь иметь никакого отношения к машинам и мотоциклу – до перехода на 2-й курс, до полного излечения руки, до «прав». Никакого, ни в какой мере. Ни к машинам, ни к гаражу, ни к бензину, ни к резине. Гараж и бензин и резина – дело Геннадия Матвеевича (личный шофер К.И.Ч.). Тебе запрещается вход в гараж.

Когда будет нужно, тебя посадят в машину, но как пассажира, а не за руль.

Это – наказание за все проступки. (Кроме того, это единственный способ спасти руку).

3. Ты обязан приходить вовремя к столу, 3 раза в день, в общее для всех время. Анастасии Ивановне запрещается подавать тебе отдельно, Потому что у тебя нет никаких дел, требующих нарушения порядка. К столу выходить, вымыв руки.

4. Ты обязан приходить домой не позднее 11 часов. Если надо позднее (театр, кино), обязан предупредить. К 10 утра надо быть готовым – т.е. выславшимся, вымытым, одетым; кровать застлана, комната прибрана и проветрена. (Только пол натирать и стекла мыть у Жени в комнате должна Маруся (домработница К.И.Ч.), остальное – он сам.)

5. Категорически запрещается ночевать вне дома. (Меня очень удивило, что, когда я тебе в первый раз сказала «Женя не пришел ночевать», – ты отнесся к этому вполне равнодушно.) Между тем если разрушен ночной сон, то разрушается самое главное: распорядок дня. В Жениной жизни самое главное наладить именно распорядок, ответственность за каждый час. Как можно днем работать, если ночью где-то валандаешься? Это раз. И два: занятые, работающие, тесно живущие хорошие

люди не станут ни с того ни с сего оставлять у себя ночевать чужого, вполне благоустроенного мальчика. Зачем? почему? Значит, он либо что-то лжет им на нас, либо он ночует у каких-то людей весьма сомнительных, нечистых. (Недаром он скрывает – где? у кого?)

6. Необходимо отстранить Женю от всяких покупок (толкую об этом я лет 10). Он склонен к денежным махинациям, жаден к деньгам и вещам. Зачем в нем развивать это? Если в хозяйстве нужен холодильник или ковер, то ведь есть и без Жени кому позаботиться. Жене надо давать деньги только на его нужды и притом требовать отчета до копеек притворяясь скупым и мелочным Отчета и сдачи. Совершенно непонятно, почему после вранья, исключения из Института и пр. гадостей Женя был премирован роскошными ботинками и замшевой курткой. Он должен быть одет, и одет хорошо – т.е. опрятно. Если же на грязные ноги и рваные носки надевать бальные ботинки и в этих ботинках ходить по грязи и снегу, — ничего, кроме омерзения, это ни в ком не вызывает. Ведь есть баишаки и за 180 р. и за 250 – почему 400? Если же покупать роскошные предметы, то, во-первых, после: каких-нибудь успехов, а во-вторых, требуя, чтобы он берег их, чтобы на каждый день у него были обыкновенные вещи, чтобы он учился быть чистым, аккуратным, а то нарядность при неряшестве гадость.

7. Надо предупредить Анастасию Ивановну, что ты запрещаешь ей:

1) кормить Женю на кухне или у него в комнате не вовремя. Опоздал к обеду – пусть ждет ужина.

2) открывать ему дверь позднее положенного часа.

3) давать ему деньги. (Пусть дарит свои, если хочет, ты его долгов платить не будешь.)

8. Предупредить Геннадия Матвеевича, что у Жени нет больше никаких машин, что вход в гараж ему запрещен, что о всякой Жениной попытке нарушить это правило он, Геннадий Матвеевич, должен докладывать тебе.

9. И теперь самое главное – исполнение. «Проверка исполнения».

Кто будет этот человек, который следит за всеми этими «не»?

Только коллектив взрослых – весь, целиком и совершенно неуклонно, непреклонно, согласованно. Тот, кто первый заметит, что у Жени грязные руки или что он встал не вовремя. Каждый. Катя и Маруся, я и Анастасия Ивановна, ты и Геннадий

Матвеевич. Только один человек был в силах взять это целиком на себя, служить для Жениной разболтанности каркасом:

Марина (невестка Чуковского). К сожалению, ее помощь утрачена. Теперь остается одно:

все. Разумеется, ты не в силах заниматься контролем, но каждый раз, как ты столкнешься с нарушением заповедей или кто-нибудь при тебе укажет Жене на их нарушение, ты не должен молчать или переводить разговор на другое, а должен, как Верховная Власть, подтвердить справедливость. Каждый, кто жалуется тебе на Женю, должен быть уверен (и Женя!), что ты не отменишь принятого, установленного решения.

III. Все это запреты. А вот положительные требования, без которых запреты бессильны и бессмысленны.

Основа всех Жениных вывихов – полное, постоянное безделье.

Ему нужен учитель или два учителя. Часов с 10.30 до 3-4 он должен с кем-нибудь заниматься. Учитель должен быть не только знающий, но и волевой, требовательный, точный. Ничего кустарного. Он должен много задавать – часа этак на два. Предметы: 2 языка, история, литература, может быть – марксизм. У Жени как у всех людей – должен быть свободен только вечер. При таком режиме он за лето может многое успеть, многому научиться, выработать в себе навыки труда, режима. Тогда и в Институте, есть надежда, он станет вести себя иначе.

Вот комплекс мероприятий, предлагаемых мной.

Л.

P.S. Не думаешь ли ты, что до его прихода надо сбыть мотоцикл? Продать, отдать. Во имя сохранения руки.

Радужно-обаятельный образ Жени, возникший в нашем воображении до знакомства с письмами Л.К., несколько потускнел, не правда ли? К концу второго письма с этим образом происходит зловещая метаморфоза. Симпатичный юноша на наших глазах превращается в отгалкивающего, нечистого на руку и хамоватого типа, с замашками Шарикова.

А между тем, письма Л.К., хотя и необычайно резкие как по тону, так и по требованиям, предъявляемых ею отцу, продиктованы не ненавистью к Жене, а любовью и жалостью к нему.

– Какая там к черту любовь, не говоря о жалости, – скажете вы. Злая и мелочно придиричивая тетка катит на племянника и подговаривает богатого деда перекрыть ему кислород. Нет, вовсе не так. Любовь, в понимании Лидии

Корнеевны, должна приводить к благу того, на кого она направлена. А иначе это не любовь, а преступное и халатное попустительство, которое кончается «запущенной и погибающей жизнью».

Мы не знаем, какова была реакция Чуковского на императивы, предъявленные ему его непримиримой дочерью. В обширном томе их переписки отсутствует ответное письмо Деда.

А все-таки, каким же был Женя на самом деле? Таким, каким видели его насмешливые глаза Деда или каким прозрели его почти слепые, но от этого не менее зоркие глаза Л.К.?

Прямого ответа тут быть не может, а могут быть только догадки и допущения.

Дело в том, что силою обстоятельств, мне слишком хорошо известен Женин тип. К этому типу принадлежат, как правило, люди яркие и разнообразно талантливые, но не слишком озабоченные драматическими последствиями своих часто не детских уже проказ. Их, по обыкновению, любят соседи, друзья дома, и родственники, которым не довелось жить с ними на одной территории. Чуковский не в счет. Ему, по нечеловеческой его занятости, иногда легче было откупиться от внука, чем обдумывать адекватное наказание для его очередного бесчинства. Хотя, именно на этом принципе - «преступление – наказание» и настаивает в своих письмах Лидия Корнеевна. Настаивает... ради спасения погибающей Жениной души. Она одна, и никто другой, разглядела ту пропасть, на краю которой стоял двадцатилетний Женя. Ее глазам нельзя не доверять...

И все-таки, что-то удерживает от того, чтобы видеть Женю только беспощадными глазами его тетки. «Что-то» заключается в предположении, что ни один живой человек не укладывается ни в какое схематическое представление о нем, и великие из великих понимали это уже тысячу лет назад:

Мы источник веселья – и скорби рудник.

Мы вместилище скверны – и чистый родник.

Человек, словно в зеркале мир – многолик.

Он ничтожен – и все же безмерно велик!

При всем моем величайшем уважении к непреклонной нравственной позиции дочери Чуковского, не могу удержаться, чтобы не привести один поучительный отрывок из воспоминаний Ольги Грудцовой.

Семь часов утра над перилами балкона (на втором этаже) появилась голова внука Жени.

Женя – Дед, у меня родился сын.

Корней Иванович – Поздравляю. Сколько?

Женя. Пятьдесят – На пеленки.

Корней Иванович – Хорошо. Получишь. Только моей крови там меньший процент, чем Дмитрия Дмитриевича. Я – прадед, а он – дед. Скажи ему, чтобы он взял на себя большую часть забот.

Женя – Хорошо.

Корней Иванович – Надо послать розы Гале.

Женя – Старик Нилин еще спит, пойду нарву у него в саду.

Голова исчезла.

Через некоторое время привезли младенца. Корней Иванович долго, с удивлением рассматривал его. А когда все уехали, с грустью сказал:

– Рождаются, чтобы умереть, умирают, чтобы родиться... В этой комнате умерла Мария Борисовна, и сюда же принесли новорожденного...

И на следующее утро:

– Не могу отделаться от впечатления, оставленного правнуком. Мария Борисовна обожала Женю. Он стал у нас жить, когда ему было три года. Однажды Мария Борисовна уложила его спать в свою постель и ушла куда-то. Я сидел в кабинете и работал. Слышу – Женя орет благим матом. Пошел к нему, стал его уговаривать: подумай об этом, о том... Успокоился. Я вернулся к себе. Опять орет... Пошел снова. Только сяду работать, как он начинает кричать. Я наконец так рассердился, что побил его и ушел. Сижусь и думаю: что же я наделал? Он маленький... Сирота... И что будет, когда Мария Борисовна узнает? Решил пойти приласкать Женю и просить, чтобы он ей не рассказывал. Прихожу, а он спит! Крепким сном спит!

Мне, в этом неприятном эпизоде, видится доказательство тщеты любой системы воспитания, и снисходительно-либеральной, по Чуковскому и последовательно-бескомпромиссной, по Лидии Корнеевне. Все предопределено. Воспитанием можно добиться хороших манер и знания иностранных языков. Все остальное – не в нашей воле. Поэтому от нас требуется терпение и любовь. На этом более чем спорном предположении и завершается, наконец, эта сумбурная история с педагогическим уклоном.

Сан-Франциско, Ноябрь 2011

Дмитрий Хмельницкий

«Учиться у СССР – значит учиться побеждать»¹

Советская архитектура в центральной и восточной Европе

Взавхватив в 1945 г. Восточную Европу, Сталин начал приспосабливать ее к своим нуждам. Новые просоветские марионеточные правительства должны были научиться управлять новыми, на советский лад организованными государствами. В числе прочего нужно было научиться управлять архитектурой. Но сама советская архитектура, прежде чем стать образцом подражания для европейских «младших братьев», прошла через пятнадцатилетний период перерождения, который начался в 1929 г.

До конца двадцатых годов архитектура в СССР была частью общеевропейской художественной культуры.. Советская диктатура мешала ей развиваться в силу социально-экономического устройства страны, но до поры до времени не посягала на художественную свободу.

Новая экономическая политика, объявленная Лениным в 1921 г., разрешала частное предпринимательство в определенных границах. Это позволяло архитекторам иметь мелких частных заказчиков, проектировать кооперативное жилье. Но таких заказов было очень мало. Поскольку крупная промышленность и практически вся недвижимость были национализированы, главным заказчиком для всех советских архитекторов стало государство в лице разнообразных ведомств и министерств.

---

¹ Доклад, прочитанный на немецко-польском коллоквиуме "Социалистический реализм и национальная традиция. Учет, оценка и постановка на охрану ключевых объектов в Варшаве и Берлине". Берлин, сентябрь 2011. "Учиться у СССР – значит учиться побеждать" – официальный лозунг в Германской Демократической Республике.

Советское государство 20-х годов было политической диктатурой, ставящей себе экспансионистские цели. Поэтому главными ее целями было, как и позже, при Сталине, развитие военной промышленности. Социальных программ практически не существовало, поэтому объем строительства, имеющего социальный смысл, был ничтожным.

В это время строилось очень немного поселков и квартир для рабочих. В основном, жилье было не квартирным, а коммунальным. В проектах крупных заводов 20-х годов предполагалось строительство жилья всех типов: от общих бараков для сезонных рабочих до коттеджей заводской администрации, но финансирование таких поселков всегда стояло под вопросом.

От 20-х годов в 2,54 см СССР сохранились, в основном, здания, имеющие идеологический характер (напр. рабочие клубы), и административные здания – министерства, научные институты. Плюс некое количество жилых домов и санаториев для правящей элиты разных уровней, которые, как правило, проектировались и строились втайне, без публикаций в прессе.

Это время – эпоха советского авангарда – было самым лучшим временем советской архитектуры. От него осталось очень мало хорошей архитектуры, поскольку строительная активность в СССР была низкой. Однако это время дало гигантское количество очень хороших проектов и имен замечательных, а иногда и гениальных архитекторов, которые получили мировую известность именно благодаря проектам.

Это было возможно только потому, что в тот момент в СССР, при тотальном политико-идеологическом терроре, еще не было художественного террора.

До 1932 г. в СССР не проводилось централизованной художественной политики. Партийная элита была относительно самостоятельна и поддерживала самых разных архитекторов – и классицистов, и конструктивистов.

Архитекторы были обязаны, как и все прочие, декларировать свою верность советской диктатуре, но в художественных вопросах они были вполне свободны. Теоретические и художественные проблемы архитектуры можно было открыто обсуждать в прессе. Можно было образовывать художественные объединения разных направлений и с разными художественными программами, хотя регистрация таких обществ и была затруднена.

Кроме того, сама профессия архитектора оставалась относительно свободной. Хотя большинство архитекторов

работало на государственных предприятиях, но они могли иметь частную практику, свободно брать заказы и выступать от собственного имени.

И, что особенно важно, – в это время проводилось множество архитектурных конкурсов, которые были настоящими. То есть, было известно кто заказчик, жюри состояло из специалистов, а не только из партийных чиновников. Решения жюри были обоснованными, принимались открыто, а не тайно и анонимно, как позднее, при Сталине. Собственно говоря, благодаря конкурсам 20-х годов, советская архитектура того времени и стала знаменитой.

Только тогда, когда Сталин пришел к абсолютной власти (то есть в 1928-1929 гг.), советская архитектура начала мутировать и превращаться в сталинскую, то есть – в тоталитарную.

Начало сталинизации советской архитектуры относится к 1928-29 гг., когда были фактически заблокированы художественные и теоретические дискуссии.

Сталин санкционировал создание чисто партийных художественных объединений во всех областях культуры и искусства. В архитектуре это была ВОПРА - организация «пролетарских архитекторов», Соперничество между различными архитектурными группировками стало выражаться в дискуссиях о том, какая из них наиболее марксистская. Попытки публиковать самостоятельные теоретические работы влекли за собой немедленное обвинение в антимарксистской ереси. А нежелание отвечать на такие обвинения и доказывать свои марксистские убеждения влекло за собой опасность ареста по политическим обвинениям. Это было время резко ужесточившегося террора, которое на партийном языке называлось «усилением классовой борьбы».

К 1930 г. была ликвидирована профессиональная свобода – все архитекторы были насильственно превращены в государственных чиновников. Частная практика была запрещена, проектная деятельность оказалась сконцентрирована в государственных проектных организациях, подчиненных различным ведомствам и трестам.

Между 1928 и 1932 гг. в СССР были запрещены и распущены все независимые общественные организации вообще – от профессиональных сообществ (инженерных, медицинских, краеведческих, художественных) до обществ краеведов и любителей эсперанто.

К 1932 независимая от государства общественная жизнь в СССР полностью перестала существовать.

В апреле 1932 г. было издано постановление ЦК ВКП(б) о роспуске всех художественных объединений. Их должны были заменить единые Союзы советских писателей, художников, архитекторов, композиторов и т. д. Это были псевдообщественные организации – «творческие Союзы», – находившиеся под строгим партийным контролем.

Реформа «творческих объединений» означала официальный запрет на личные художественные взгляды, в том числе и в архитектуре. Больше в СССР не могло быть конструктивистов, рационалистов, классицистов и т.д. Все архитекторы становились «советскими архитекторами», у всех отныне должны были быть общие взгляды.

С этого момента и вплоть до развала Советского Союза, советская архитектура стилистически контролировалась партийными органами и Союзом архитекторов, как цензурным ведомством.

В феврале 1932 г., накануне ликвидации всех художественных объединений в СССР, было объявлены победители в конкурсе на Дворец советов. Решение об этом, несомненно, принимал лично Сталин. Официально высшие премии получили три проекта, и ни один из них не имел никакого отношения к современной архитектуре. Фактическим победителем был объявлен эклектический проект Ивана Жолтовского. Проекты крупнейших европейских архитекторов, участвовавших в конкурсе, остались не замеченными.

Это решение означало ликвидацию остатков художественной свободы в СССР и введение художественной цензуры. Одновременно был запущен процесс создания нового государственного стиля, следовать которому должны были все архитекторы страны.

Проектировать отныне предписывалось в том стиле, который в данный момент нравился партийному руководству.

С весны 1932 г. современная архитектура во всех ее проявлениях и вариантах была запрещена к применению. Было ясно дано понять, что высшему начальству нравятся стилизации под старину и что отныне только в таком духе и следует проектировать.

Одновременно были оборваны всякие независимые связи между советскими и западными архитекторами. В 20-е годы, несмотря на коммунистическую диктатуру, советские архитекторы (во всяком случае, некоторые) ощущали себя частью европейского профессионального сообщества, и пытались решать общие теоретические проблемы. С 1932 г. советские и западные

архитекторы оказались разделены железным занавесом, и личные контакты между ними оказались невозможными.

Начался процесс переобучения советских архитекторов. В Москве была создана специальная комиссия во главе с близкими Сталину архитекторами – Щусевым и Жолтовским. Комиссия должна была утверждать все самые важные новые проекты и пересматривать уже утвержденные.

Начались переделки под классицизм уже утвержденных проектов и строящихся зданий.

За этим последовала реформа архитектурного образования. Не только студентов, но и уже получивших дипломы архитекторов, заставили обучаться «возрождению классического наследия». Главным авторитетом в области архитектурного образования стал Иван Жолтовский. Старые профессора-конструктивисты перестали быть конструктивистами и в короткое время автоматически превратились в классицистов.

С середины 30-х годов в СССР современных архитекторов больше не стало. Все без исключения оказались вынужденными заниматься «возрождением классического наследия». Те немногие, которые не сумели приспособиться, исчезли из архитектуры.

Ликвидация в 1929 г. НЭПа и запрет частной собственности позволили Сталину сосредоточить в своих руках все промышленные, продовольственные и финансовые ресурсы страны и начать процесс, который был официально назван индустриализацией промышленности. В реальности это был процесс милитаризации страны за счет населения, жизненный уровень которого был опущен до абсолютного минимума. Главной целью пятилетних планов 30-х годов было строительство военной промышленности и армии, которая должна была через 10-12 лет стать самой сильной армией в мире.

Для достижения этой цели в СССР были проведены глобальные социальные реформы. Весь труд в стране стал принудительным – в той или иной форме.

В промышленности было введено рабовладение (ГУЛАГ, спецпереселенцы, трудовые армии, мобилизации), в сельском хозяйстве – крепостное право.

***

Если в 20-е годы внутренняя политика советской власти была асоциальной (т.е. исключала разработку и проведение социальных программ, направленных на повышение уровня жизни населения), то сталинская политика была антисоциальной. Она была направлена на снижение уровня жизни населения с целью максимального использования всех ресурсов страны в военно-

промышленной области.

Во время первой пятилетки была уничтожена вся естественная, не зависящая от государства, структура обеспечения населения жизненными благами. Не стало частной торговли, частного производства продовольственных и промышленных товаров, исчезли магазины, рестораны, трактиры, исчезли все отрасли частных ремесел.

Соответственно этому изменились социальный смысл и типология советской архитектуры при Сталине.

Сталинская архитектура была полностью лишена социального значения в обычном смысле этого слова. Перед ней не ставилась задача улучшать среду обитания населения.

В 1920 годы индивидуальных квартир для рабочих (и вообще для обычного, непривилегированного населения) практически не строили. Однако тогда существовал идеологический миф о том, что когда-нибудь все рабочие будут жить в отдельных квартирах. В 1929 г. само понятие «рабочая квартира» оказалось под запретом. Было объявлено, что единственно правильная форма жилья – «обобщественное жилье». То есть общежития. В 1929-30 гг. в СССР прошла серия конкурсов на обобщественное жилье и дома-коммуны. Но в 1930 г. и эта кампания была запрещена, поскольку разработанные тогда программы домов-коммун предполагали определенный уровень комфорта и благоустройства. Это были многоэтажные каменные здания с центральным отоплением, канализацией, общими кухнями, строить которые правительство не собиралось.

В реальности с 1929 г. массовыми типами жилья для рабочих в СССР были общие деревянные бараки и землянки, без отопления, без горячей и холодной воды, без ватерклозетов, душевых и кухонь.

Если во второй половине 20-х годов на одного городского жителя в СССР приходилось где-то 5,5 кв. м. на человека, то в начале 30-х годов норма расселения снизилась до 3-3,5 кв. м. В некоторых новых промышленных городах - до 2 и даже до 1,7 кв. м на человека. Эти метры располагались, в основном, в очень плохих деревянных бараках, чаще всего общих, не разделенных на комнаты.

К концу 30-х годов норма расселения в СССР стабилизировалась на уровне около 4 кв. м. на человека и не менялась вплоть до середины 50-х годов. Никаких планов решения жилищной проблемы в сталинское время не существовало. Финансирование жилищного строительства только поддерживало этот статус-кво.

Проекты массового жилья больше никогда не публиковались и не обсуждались в советской прессе. В качестве советской жилой архитектуры с 1932 г. официально публиковались только дорогие и пышно разукрашенные дома для партийного и советского руководства.

Они подавались в прессе как жилые дома для всех, хотя предназначались только для 2-3 % городского населения максимум.

Архитектурная типология в сталинское время стала очень примитивной. Она практически не включала в себя общественную инфраструктуру.

Так называемые «социалистические города» при промышленных предприятиях все годы сталинского правления представляли собой большие барачные поселки без удобств. Редкие лавки, магазины, распределители и школы располагались в таких же бараках. Абсолютно необходимым элементом советского рабочего поселка были общественные бани, потому что возможность мыться дома отсутствовала. Впрочем, и бань всегда и повсюду хронически не хватало.

Отдельно, как правило, располагался небольшой поселок комфортабельных одноквартирных и многоквартирных домов для партийного и административного руководства.

Центром поселка или города служила площадь, на которой стояли здания партийного комитета, советской администрации (иногда военный штаб и здание НКВД-ОГПУ). На главных улицах, ведущих к центру, строили здания для министерств и ведомств и жилые дома для руководящих работников.

Обязательным элементов большого города был театр. В небольших городах и поселках – дома культуры. Сталин любил театр, но главной задачей этих сооружений было проведение партийных конференций и прочих официальных мероприятий.

Типологически официальная советская архитектура была феодальной. Она выполняла две главные задачи:

1. Обслуживала узкий правящий слой
2. Декорировала центральные улицы и площади городов, превращая их в монументальные ансамбли, символы государственной мощи и места проведения ритуальных политических церемоний.

Практически все профессиональные задачи, которые касались массовых потребностей и улучшения жизни населения, перед сталинскими архитекторами не ставились вообще.

Этим сталинская архитектура принципиально отличалась от архитектуры других европейских стран, включая нацистскую

Германию. В европейской архитектуре 20-60-х годов главной профессиональной проблемой было строительство массового жилья и всей связанной с ним инфраструктуры.

В сталинской архитектуре этой и многих других проблем не возникало. Город как место жизни обычных людей не существовал в сознании сталинских архитекторов.

Можно назвать несколько особенностей, делавших сталинскую архитектуру тоталитарной и отличавших ее от нормальной.

1. Обязательная государственная служба всех архитекторов.
2. Государственная художественная цензура.
3. Введение единого государственного стиля.
4. Запрет на личные художественные и профессиональные взгляды.
5. Редуцированная типология архитектуры.
6. Потеря социального смысла архитектуры.
7. Исключительное использование архитектурных сооружений в качестве идеологических символов режима.

Именно такой архитектуре предстояло научиться восточно-европейским архитекторам, имевшим несчастье оказаться на территории, захваченной Советским Союзом в 1945 г.

Характерный ее пример – послевоенные высотные здания, одно из которых было построено в Варшаве с помощью советских заключенных.

Сам сталинский архитектурный стиль – нечто ордерно-неоклассическое – не был обязательной и неперменной особенностью советской архитектуры. Если бы Сталину нравилась готика или древнеегипетская архитектура, то советский имперский стиль был бы неоготическим или древнеегипетским. А советские теоретики архитектуры объяснили бы, почему наследие именно этих исторических эпох следует считать вершиной художественного развития мировой архитектуры и в обязательном порядке возрождать.

Специфика сталинской (и послесталинской) советской архитектуры заключалась не в конкретном стиле, а в особой организации профессиональной деятельности и художественной цензуры, позволявшей партийному начальству управлять всей проектной деятельностью в стране.

Хрущев в 1955 г. запретил неоклассицизм, но оставил нетронутой всю систему государственной организации проектирования и контроля за архитектурой. В результате возник тоталитарный модернизм, определивший облик советских и

восточноевропейских городов в 50-80-е годы.

Борис Суслович

Моление о чуде

Стихи

Прогулка

А.Р.

1

Плывём по морю мы.
Нас, как сельдей, набито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.
Плывёт морской челнок
Меж судеб и наречий.
Попутный ветерок.
Земля, до скорой встречи...

2

Ты наверху стоишь,
Заглатывая воздух.
Вокруг такая тишь –
Слышны на небе звёзды.
Средь полуночной тьмы
Их, как сельдей, набито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.

3

Накатит, как волна,
Счастливая минута,
Прозрачная до дна,
Вздымающая круто
До звёздной вышины,
Где море с небом слито
От носа до кормы,
От юта до бушприта.

2006

***

И никогда не умирать!

А. Аронов

На тротуаре упавшая птица –
Сплюснутый серый комок.
Лишь захотелось ей остановиться

И, оглянувшись, наверх возвратиться –
Вышел отпущенный срок.

Сложены вместе ненужные крылья,
Лапы поджаты к груди.
В горле последние звуки застыли –
Точка сплетения небыли с былью –
Тихо, темно впереди.

Я пробегу, обрывая подошвы,
Выплеснув слёзы из глаз,
Мимо летящего в спину: «Ну что ж ты,
Как онемевший, ослепший, оглохший?
Рядышком был – и не спас».
2006

Рождение

Разгляди в глубине циферблата
Перепрятанный памятью миг,
Что на долю секунды возник
Перед тем, как уйти без возврата.

Не река, а прозрачный родник
Брызжет светом в днепровские скаты,
И сентябрьского грома раскаты
Заглушают младенческий крик.
2007

***

А.Р.

Польхающею краскою
Вечер обольёт окно –
И на стол поставит красное
Аргентинское вино.
Мы горюем или празднуем?
Милая, какая разница:
Буде всё пьяным-пьяно...
2007

***

А.Р.

Поживи без стихов, поживи.
Будто сахара мало в крови,
Будто воздуха мало в груди –
Жди - не - жди.

Как легко тебя взять на испуг!
Лихорадочно ищешь вокруг
Пирожок или колы глоток.
Как жесток

Серый день... как бессмыслен... как пуст.
Только строчки, сходящие с уст,
Как погасшего солнца лучи.
Тсс... Молчи.
2008
***

Яви хрупкая граница.
Вроде сплю – и сон мне снится
От какого-то лица
Без начала и конца.

Просыпаюсь. Засыпаю.
И опять бреду по краю:
В осыпающейся мгле
По душе, как по земле.
2009

Исход (*тетраптих*)

Фараон

По следу торопится вражья погоня.
Сыны фараона близки.
Но Чермное море бегущих не тронет,
Законам земным вопреки.

Пройдут, аки посуху. Сходу. С размаха.
Как птицы, потянутся ввысь.
И грозный владыка затрясся от страха,
Услышав: «Забудь их! Очнись...»

Но ненависть выжжет проснувшийся разум,
И конница хлынет вперёд,
Гонимая в бездну хозяйским приказом
Настичь ускользнувший народ.

Владыка мгновения, верою полный,
Что нет его воли сильней.
И только морские тяжёлые волны
Сомкнутся над ним – и над ней.

Моисей

Ты спустишься вниз, переполненный счастьем,
Горячим, как солнечный свет,
Спеша поделиться им: крошечной части
Достанет на тысячу лет.

Но где же евреи? Ты как инородец:
Никто не встречает, не ждёт.
И прямо в глаза ухмыляется вроде
Сверкающий жёлтый урод.

И злобной усмешкой оскалятся дали.
И рабство вернётся к рабам.
И ты пошатнёшься, роняя скрижали –
И рухнет невидимый Храм.

Народ

Куда ты идёшь, сумасбродный пророк,
Гоняясь за собственной тенью?
И жизни твоей приближается срок,
И нашему долготерпенью.

Пустыня направо, налево, кругом,
Лишь ветер шевелит барханы.
...А ночью приснится покинутый дом –
Заброшенный, мёртвый, желанный.

Творец

Когда последний час настанет,
И я ступлю на Твой порог,
Не поминай мне обещаний,
Которых выполнить не смог.

Пожалуйста, не будь жестоким,
Мой Г-споди, мой Господин!
Пускай я не гожусь в пророки,
Но это знаешь Ты один.
2009

Детская песня

Фа-фа-ми... Ты звучишь всё сильнее...
Ре-ре-до... Что мне делать, скажи?
Фа-фа-ми... Васильком засинеешь
Ре-ре-до... В колосющейся ржи.

Возвращаться – плохая примета,
Даже если бы было куда...
Мой цветок василькового цвета,
Я не видел тебя никогда.
2009

Иврит

Язык молитвы и Завета,
Мы не становимся роднее:
Другой ведёт меня по свету,
Другой стихи и слёзы сеет.

Я виноват перед тобою,
Но силы нет перемениться:
Взлететь над будущим, как птица,
Как знамя бело-голубое.
2009

***

Звонок – и вроде как ушло,
Исчезло одиночество.
Возьмёт удача под крыло,
Пока ей не расхочется.
Пятиминутный разговор,
Похожий на свидание.
Я будто бы смотрю в упор,
Предчувствуя заранее
Движенье губ, движенье глаз.
В двухсотый раз. Нет, в первый раз.
2009

***

Признанья ждешь? Забудь об этом,
Не пререкайся с целым светом,
Когда новорождённый стих
Очутится в ушах твоих;

Когда задышит учащённо
И первый крик издаст ребёнок,
Тебя за палец ухватив...
Порадуйся: малютка жив.
2010

Свадьба

Ты ответствуешь каждому слову раввина,
И твой голос негромкий звенит.

Уцелевший отросток погибшей общины,
Как струна, напряжённый левит.

Звук молитвы летит, как небесная манна,
Ожидание входит в зенит.
Что ты шепчешь о двух берегах Иордана,
Предвкушающий счастье левит?

Радость пенится, брызжет без края, без меры,
От земли до роящихся звезд.
И, рванувшись навстречу, всей тяжестью веры
Ты расплужишь стакан о помост.
2010

**

Из света в сумрак переход...

А. Блок

Ты слышишь: утекает время.
Секунды хлещут напрямик
Сквозь дыры в нём. В какой системе
Координат найдётся стык
Меж неприметным настоящим,
Что машинально мимо прёт,
И будущим? Что мы обрящем,
Когда случится переход
Из света в сумрак? Или как там?
А может, пошутил поэт:
Согласно некоторым фактам,
Такого перехода нет.
2010

***

Вспоминая Экзюпери
Растрескавшиеся следы –
Ботинки казённые грубы.
Последняя капля воды
Поранит иссохшие губы.

Шатаясь, брести на восток
По самой безлюдной планете.
В ноздрах – раскалённый песок,
В ушах – обжигающий ветер,

В глазах – пленой – миражи,
И путь к ним, по счастью, нетруден...

А в глотке молением о чуде
Топорщится жизнь.
2011

Ирина Егорова

Место встреч параллельных прямых

Белый мамонт

Я поняла! Мне нужен белый мамонт. Вернее, тот, кто мне нужен, явление в жизни такое же распространённое, как белый мамонт... на Пушкинской площади.

И.Е.

Наша история

знаю тебя всю жизнь и два месяца. Впервые мы встретились полтора года назад. Я сразу узнала тебя, но тут же постаралась забыть: у тебя дети, жена (хоть и в другом городе) – нет, нет, этот суп мы уже ели!

Но недавно, ночуя в моей прихожей, ты внезапно разглядел меня через мои давнишние любовные строчки. Процесс узнавания дал неожиданный эффект. Узнав меня, ты заметался по квартире и прямо среди ночи кинулся спасаться бегством, оставив под столом домашние тапочки в обескураженной хореографической позе. Не скрою, я удивилась такой реакции на мои стихи, но не стала тебя удерживать.

На следующий день я получила от тебя предложение (в письменной форме), от которого трудно (даже очень трудно) было отказаться. Но я очень постаралась и ничего не ответила. Тогда мы зависли в воздухе, даже не касаясь друг друга, и до твоего отлёта так и не смогли понять, кто мы и где мы.

Как только между нами вклинились Расстояния, мы тут же начали понимать, что к чему, и чем дальше, тем больше. Нас устремило, нацелило друг в друга, и это повлекло за собой самые разнообразные пространственно-временные изменения, которые происходят и происходят себе, как хотят. И дать более вразумительное определение этим явлениям пока не представляется возможным.

***

Тогда жила совсем другая я.
Но, находясь у самого у края,
Вдруг – «баттерфляем» – прыг из забытья...
Я – та же, тем, что каждый день – другая.

Задача

Всё. Достаточно ревела.
Слёзы горькие утри ж!
Вот он, вот – мой мамонт белый,
Только – вписанный в Париж...
В кружева дворцов и арок...
Нет, ей-богу, зареву.
Я дана тебе в подарок,
Но – вплетённая в Москву!

Бог придерживал заначку.
Но – шутник, ему всё мало –
Он припас для нас задачку
Почуднее интеграла.

Что же – выть, как волк с волчицей,
Выгнув шеи по жирафьи?
Может, как-то изловчиться,
Сделать что-то с географией?
Тут – слегка подвинуть горы,
Перелить чуть-чуть моря,
Чтоб явилась пристань скоро,
Где бы бросить якоря.

Глобус, временем вертимый,
Хоть немного поменять!
Сделай это, мой любимый!
Сделай это – для меня.

***

От счастья занялась, как от пожара.
Неужто – да... и встреча эта – та?
Неужто – пара, пара, пара, пара!
Меня не звать! – Я счастьем занята!

Возможно, недостойно и преступно...
Но, ради Бога, только ты не сглазь!
Я нынче для сигналов недоступна.
Я занята! – Я счастьем занялась!

От берегов я, не моргнув, отчалю.
Всё – через край... и я перелилась.
Я больше за себя не отвечаю!
Я занята! – Я счастьем занялась!
***

Плывут во времени дома,
Стремительно старея,
Мелькает лето и зима,
Но я бегу – быстрее.

Летит с эпохой судьба,
Как знамя гордо рея.
Пусть общепринята ходьба,
А я – бегу быстрее.

Клокочет времени родник,
Ухабы жизни брея.
Скользит неуловимый миг,
Но я бегу – быстрее!

***

Мы лежим, прильнув как можно ближе.
Я в Москве лежу, а ты – в Париже.

***

На грани я не устою –
Прыжок – и сердце парашютом.
Ну, а умру – любовь твою,
Осмелясь, снова попрошу там.

***

Я за этим и родилась –
Мне с судьбой неуместен спор.
Если б я от любви спаслась –
Бог расторг бы со мной договор.

***

Да, будем продираться через
Хитросплетения причин –
Чтобы доплыть, как рыбам в нерест,
До устья Млечного пути!

В словах и ласках рассыпаться.
Плыть по течению и вспять.
Чтоб засыпать, и просыпаться...

И снова вместе засыпать.

***

Пусть же мы друг друга избалуем...
Беги ко мне, лети ко мне, спеши –
Пронзительным, протяжным поцелуем
Доцеловать до самой до души!

В зените солнце, и любовь в ударе,
Природа отдаётся нао всем.
Судьба лишь раз такие встречи дарит,
И то, поверь мне, далеко не всем.

***

Телу горячо и сердцу тесно.
Бесконечна затяжная ласка...
Я – твоя пожизненная песня,
Ты – моя прижизненная сказка.

***

Всё. Одна, от пяток до макушки...
Сон ещё творится за двоих.
Ведь по простыням и по подушке
Бродят толпы атомов твоих.

В доме конфетти рассыпал праздник,
А во мне – во всей разбрызган ты –
Нежный, сумасшедший безобразник,
Просто человек моей мечты.

Почему в Париже снег

Природа нацепила траур белый
И молча терпит инеем разлук.
А мне – ни усмирить живое тело,
Ни дотянуть к тебе горячих рук!

Тянусь дорогой, щупальцами ветров,
Пушкаю вьюгой свой протяжный зов,
Чтобы тебя, за сотни километров,
Потрогать нежно пальцами снегов.

***

В Париже снега не было ни грамма
Уж сколько лет... А я тебе пришлю.

Пусть снег к твоим ногам – как телеграмма
Из наших зим – что я тебя люблю.

***

Сон убежал... ну, хоть и не ложись.
Внутри гудит – зима, весна ли, лето?..
Ведь нам не даст никто другую жизнь,
И всё случиться может только в этой.

***

Событие свершилось – ты и я,
Теперь бы нам ещё – со-бытия!

Частушка

Я с тобою пала бы
Прямо бы на палубу.
Если нету палубы –
Пала б – где попало бы!

***

Летаю! И куда же приземлиться?
Я – журавлиха. Воздух мне – земля.
Зачем она нужна – в руке синица?
Предпочитаю – в небе журавля!

***

Вечная любовь случилась с нами.
Время поперёк? – Такое дело!..
Вечность измеряется не днями,
А прорывом через их пределы.

***

Теки себе, мгновенье, ты – прекрасно!
Сейчас от изречения удержишься.
И, растопырив душу всяко-разно,
Я, подставляясь, впитываю жизнь.

***

Все прохожие тупо глазели:
Окна в небо – глаза-бирюза!
А глаза – просто так и без цели –
Бескорыстно горели глаза.

***

Сожмёт ли судьба тебя хваткой паучьей

И нитью седою –
Я ласковой буду водою текучей.
Я буду водою.

Снега закружатся всё чаще и чаще?
Ветра отовсюду?
Я пламенем буду, от пляски дрожащим.
Я пламенем буду.

Скуют одиночества серые плиты,
Молчание злое –
Я буду землёю, плодами налитой.
Цветущей землёю.

Заботы обступят дремучею чащей,
Аукнутся эхом?
Я радостью буду, от солнца звенящей,
Безудержным смехом.

А если дорога с тобой приключится
В далёкие страны –
Я воздухом буду пьянящим, душистым.
Я воздухом стану.

Высшая математика

*Параллельные прямые
пересекаются в бесконечности.
(Неэвклидова геометрия)*

Мы с тобою живём параллельно –
Дети, творчество, дом, суета
Втиснуть каждую жизнь в акварель? Но
Не вместится ни эта, ни та.

Минут толпы минут быстротечно...
Стих мой что-то сегодня притих...
А давай забежим в бесконечность –
Место встреч параллельных прямых!

Где угодно – в Одессе, в Марселе –
Где волна свой наморщит атлас,
Наших жизней скрестим параллели,
Чтоб сбылась бесконечность – сейчас!

***

Пусть снова заплетаются миры –
Какой тут нынче – дольний или горний?
Метнётся сердце выйти из игры –
И ты его захватишь только в горле.

И не поймёшь, что позже, что сперва,
С чего судьба – чем дальше, тем капризней...
Такие вдруг посыплются слова,
Которым места нет в обычной жизни!

Мы

Так не бывает – мы друг другу впору! Точно – микрон в микрон. Ведь кто-то специально подгонял!

Не говоря уж о телах, искусно повторяющих каждый изгиб, ладно приспособленных и настроенных друг на друга, как тончайшие инструменты, с сейсмографической чуткостью!

Да что тела! Я легко умещаюсь в тебе вся целиком, вместе со своим настоящим, прошлым и будущим, и даже с будущим в прошедшем – с таким временем, которого вовсе нет в моём родном языке. Я пришла в тебя со всем, что уже натворила и с тем, что ещё предстоит, с близкими людьми, разбитыми иллюзиями, с талантами, заботами, с прозрениями и первобытными инстинктами, с лавинами, бурями, извержениями вулканов, световыми потоками и улётами за пределы вселенной.

И все многочисленные Я, которые живут во мне: хорошие и не очень, здравомыслящие и безбашенные, страстные и целомудренные, любящие и отчаявшиеся, растерзанные опытом и до глупости наивные, просветлённые и бесстыдные, бесстрашные и ранимые, умелые и неосведомлённые – все-все, которых я давно знаю и о которых пока не догадываюсь – всем им свободно в тебе и легко. И странно, что ничего не нужно скрючивать, поджимать, гнать, прятать, наказывать, приукрашивать, выворачивать наизнанку. Всему моему обширному, безалаберному хозяйству есть в тебе место! В избытке – ведь есть даже, куда ещё расти!

И я вмещаю тебя полностью – с твоими путешествиями, опутанного детьми, проблемами, кулинарными опытами, друзьями, историей пьянства, родственниками, научными исследованиями, домашним хозяйством, практической географией, скандалами, привязанностями. Тыходишь в меня полностью, с тремя языками и таким родным, навечно одесским говорком, с трепетностью юного хулигана под видом учёного доктора. Умеющий говорить и слышать, дарить и принимать дары, щедро любить и быть любимым.

Ты живёшь во мне – углублённый в себя и открытый всему живому, творящий свои миры и сбитый с ног семейными передрыгами. Ты обитаешь во мне колючим и гладко выбритым, растерянным и отчаянно отстаивающим жизнь, жадно-любопытным мальчишкой и чувственным, мудрым Мужчиной, удерживающим любовь непомерного масштаба.

И нет ничего странного, что мы помещаемся друг в друге. Так губка находится в воде, а вода – в губке. Так океан вмещает в себя подводное царство, а подводное царство несёт в себе океан. Так Земля и небо навеки пронизаны и пропитаны друг другом. Ведь небесная атмосфера только в отдалении прикидывается синим куполом. На самом деле небо незаметно начинается прямо из земли, вплотную прилегает к ней, повторяя и обнимая каждую клеточку и проникая далеко, в самую глубину.

Выходит, такое бывает! Мы нашли друг друга. Нам повезло, как океану и... как земле и небу!

***

У этого Неба на все времена
Земля – и невеста, Земля – и жена,
И вечно желанна, и страстно нежна,
Любима, нова, ненаглядна, нужна...

Они слились в любовном танце – и
Обманна видимость дистанции!

***

Врут, что любовь рассудочней с годами.
Вот затопила – и не усмиришь...
И, распластав себя над городами,
Сцепились мы мостом Москва – Париж.
Сезоны не сошлись. Ты посмотри же –
Москва в снегу, Париж уже в траве!
Но ты спешишь ко мне – домой, в Париже,
И я бегу к тебе – домой, в Москве.

Звонок – и припадём как можно ближе:
– Какие мысли бродят в голове?
– Как день твой пролетел в твоём Париже?
– А где металась ты в своей Москве?

И я услышу и почти увижу
Твой дом, детей... в окошке – шум ветвей...
Вот «скорая» завывала по Парижу...

Другая вторит ей – уже в Москве.

Где берега нам – те ли или эти?
И ждать чего – срастёмся или, нет?..
Но знаешь, ведь стихии – те же дети.
Нам и за них с тобой держать ответ.

Так как же быть – скорбеть плакучей ивой?
Или – лавина, паводок, аврал?..
А может – умереть такой счастливой,
Какой ещё никто не умирал?!

***

Переплавить в радость боль –
Значит – быть самой собой.

***

Сидит на ветке стрекоза
И с нею мы – точь-в-точь.
Не погаси мои глаза!
Спаси – не обесточь!

***

Меня ты кутал в ласковый Париж.
Он впору – не велик мне и не тесен.
А может, ты меня удочеришь? –
Укроешь пухом колыбельных песен...

***

Вдыхает лес весенний запах плоти.
Вцепились в землю щупальца корней,
Чтобы забраться глубже, пропороть и
Могучие стволы поднять над ней.

Мы были все всегда одной породой
Давно-давно, ещё до бытия.
Тут место, где сливаются с природой.
И этим местом оказалась я!..

Звереет ритм прилива и отлива,
А я послушна – хоть верёвки вей...
И небо в нас уставилось пытливо
Сквозь пальцы растопыренных ветвей...

Друг другу изливаясь, возлежали.
Всё растворилось... – спать, и спать, и спать...

А небеса нас молча умножали
И, неделимых, множили опять.

***

Покинув болью стиснувший покров,
Растёт дитя, как дрожжевое тесто...
Мы выросли на целую любовь.
И в прежней шкуре нам уже не место.

Любовь болит, брыкается, живёт...
Ей невтерпеж – расти готова снова.
И – вон из кожи – снова кожу рвёт.
И просит – формы, мысли, дела, слова!

***

Хоть зазорчик во времени узкий,
Приезжай, чтоб меня обнимать,
Мой немецкий француз полу русский –
На свою полу Родину-мать!

Станешь жаркой любви эпицентром.
И войди, уважаемый сир,
В эти тапки с одесским акцентом –
Филиал твоих стран и квартир.

***

В движенье, в асимметрии и в грозах
Я опытным путём нашла ответ –
Что счастье в бесконечно малых дозах –
Не то, что – бесконечно счастья нет.

Той самой пробы – из одной породы.
Боюсь, что я и впрямь твоё ребро!
И нас макают в жизнь, как электроды,
Чтоб токи напыляли серебро.

***

*Париж, Paris, требующий женского рода
в своем родном французском, раскинулся
передо мной, как лучшая в мире женщина,
предлагающая сделать с ней что угодно и
обещающая что угодно взамен*

А.Контуш

Не знаю, миг ли, вечность или год, но,
Изведав россыпь всевозможных сцен,
Со мной ты можешь сделать что угодно!

И что угодно получить взамен.

Мой дальний ближний!.. Ближе, ближе, ближе!
Не оторваться, только пригубя.
Соперничать – так уж с самим Парижем.
Ну, а любить – так уж любить тебя!

Перед тобой раскинусь... всё отдать ли?
Как золотоискателю – Клондайк.
Желанный мой счастливый обладатель,
Возьми меня живьём – и обладай!

Мне хватит жизни. Но никак не меньше.
Так не трудись, не протирай подошв –
В моём лице – найдёшь ты столько женщин!
И в теле – ты не меньше их найдёшь.

Не знаю, как, но, не избывши жажды,
Протиснемся сквозь годы, города...
И «никогда» проявится в «однажды»,
Перетекая плавно в «навсегда».

***

Нет, не покой перин и пышек,
Тот, что занежит и растлит,
Я выбираю то, что пишет –
Меня. И что меня растит.

«Там путь закрыт!» – твердили вы, и –
«Не может быть!»
Возможно, но...
Я эту жизнь живу впервые
И ничего не решено.

Душа – на вырост. Всё – на вынос...
Как чудо-меленка – коржи,
Творю я Божию повинность –
Любя, возделываю жизнь.

Пусть изойду семью потоками...
Пусть нараспашку – каждый вздрог –
Иду воздушными путями,
Где нет проторенных дорог.

***

Не считаясь, не тая,

Прыгнула в огонь и я...
Только это – жизнь моя,
Это не агония.
***

Запрудой время... встало мёртвой глыбой –
При долгом, изнурительном посте...
А сердце скачет пойманною рыбой,
Обшаривая взбрыками постель.
***

Не в суету карьерных лестниц –
В тебя втянул водоворот,
И проживаю год – за месяц.
Я в месяц умещаю – год!

Ещё живу и плодоношу.
Ты на окраине души
Любовь мою тяжёлой ночью
В чужой дали – не удуши!

Ты слышишь?.. дышит и стучится,
Ликуя, жалуясь, маня...
Такого больше не случится
Ни у тебя, ни у меня.

Дачные планы

А мне б вести в своей отчизне,
У грядки лёжа на диване,
Вегетативный образ жизни...
И размножаться почкованием!

***

Сад засадить во всех углах
Черешней, персиком и сливой.
И отразиться в зеркалах,
Где видел ты меня счастливой.

***

Где же, наконец, эксплуатация?
И к чему такая я приличная? –
Я – твоя российская плантация!
Я – твоё хозяйство заграничное!

Наш дом

У нас счастье – мы вместе!!! Живём мы даже очень неплохо.

Есть, конечно, некоторые бытовые сложности... Например, дом у нас, пожалуй, слишком уж просторный – целое поднебесье. Нет, конечно, есть комнаты покомпактнее: в Москве, например, ещё – где-то под Москвой, у самого леса; кое-какие апартаменты имеются в Одессе – у моря, в за-Парижье, и даже в самом Париже, в том числе уютная машина с недавно исправленным отоплением. Так что жильё у нас – обширное, грех жаловаться.

Только вот планировка не очень удачная. Из моих комнат в Москве тебе слишком далеко добираться до работы.

Да и на своей парижской машине тебе меня на работу подбросить – наверное, около недели получится.

А ещё соседей у нас кругом – навалом. И места общественного пользования иногда междоусобно раздроблены до такой степени, что сильно затруднительно перемещение по дому не только при помощи наземных, но даже и воздушных средств передвижения.

Конечно! «широка страна моя родная, много в ней»... да и за её пределами тоже... Оттого и уследить за всеми трудно – дети, друзья, родители разбрелись произвольно по городам и весям, по странам и континентам.

Кроме того, пахотные поля наши, как нарочно, приделаны на этих просторах – где попало! Опять издержки необдуманной планировки. Оно бы, конечно, неплохо подыскать жильё покомпактнее, в пределах одной страны, города, квартиры.

И всё же мы лихо ведём совместное хозяйство – вместе готовим, попутно раскрывая кулинарные тонкости, кормим детей, оказавшихся в наибольшей территориальной близости, советуемся в методах воспитания, за ужином делимся животрепещущими новостями и дневными впечатлениями, иногда выпиваем на двоих, с удовольствием чокаясь и ощущая аромат вина, налитый в бокалы друг друга.

Ночью, лёжа в постели, мы обмениваемся поцелуями, шепчем друг другу ласковые слова и поём колыбельные песни. А проснувшись, не забываем пожелать друг другу доброго утра и рассказать свои сновидения.

Но, как ни крути, есть и серьёзные неудобства в таком обширном доме. Во-первых, чтобы окликнуть, постоянно приходится прибегать к различным средствам связи (телефон,

Интернет и пр.).

А самое существенное – конечности друг до друга редко дотягиваются, и прочие части тела!!! – очень мешают соседи и сослуживцы: встречаются, требуя виз, билетов, документов, своевременного выхода на работу и прочих глупостей.

Ведь и душе понятно, что с частями тела не всегда поспоришь! Так что, пожалуй, придётся, ещё много чего перекраивать... А куда деваться – будем думать...

***

Пусть в доме вечный тарарам,
Я – странница. Моя страница
Всегда открыта всем ветрам.
Я по природе – ученица.

Профессору

На далёкий небоскрёб
Пулей прилетела б я,
Вся тебе досталась чтоб –
Загорелотелая!

***

Почему я ненормальная?
Кабы знать бы, чем заряжена!
Я – магнитно-аномальная
Вулканическая скважина.

Хоть пластичная и мягкая,
Но из лавы – не из ваты я.
И мурлыкая, и мявкая –
Извержением чреватая...

***

Молчание – игра с огнём –
Большой удара и пореза.
Мне в душу – тонкий ход конём
Из раскалённого железа.

***

В небесах – опять переучёт.
Вся в слезах, раздулась туча флюсом.
Взвившись, змейка молнии течёт,
Вклинясь между минусом и плюсом.

И в объятия влажные приняв,
Дождь промямлит, пробормочет, ну и
Всю, до слёз, исчмокает меня
Многokrатным мокрым поцелуем.

***

*Реже, чем однажды,
но чаще, чем никогда*
А.Контуш

Держусь (иначе не бралась за гуж бы),
Хотя давно стою не на земле.
Я не хочу, чтоб победила дружба –
Ты мне любви до краешка налей!

Так что ж – тупик цикличного сюжета –
Отдушина от, вроде бы, жены?
А мне не дали в небе спас-жилета,
И все мосты на землю – сожжены...

Вон человечки – кто спешит из дому,
Кто в дом шагает – с семьями и без...
И, в общем, поздно подстилать солому,
Когда, скользнув, уже слетишь с небес.

Ещё тянусь (а свет слепит и режет) –
Врасти, спаяться через города...
Да, «реже, чем однажды»... вправду – реже.
Но чаще, говорят – «чем никогда»?

***

Печати от порезов и ушибов:
«Оплачено!» (оплакано, обвыто).
В работе исправления ошибок
Всё заросло и зеленью обвито...

Не то, не так, не столько, вверх ногами...
Осталось неизменным только имя.
Ведь всё, что с нами было – стало нами,
Сбываясь, мы становимся другими.

***

Мы судьбу – за ушкóм и по спинке
Ублажали... да всё – ерунда.
Счастье хитро ушло по тропинке,

Что ведёт неизвестно куда.

***

Стираешь памяти рисунки –
Нет ни зарубки, ни запила.
Мороз затягивает лунки –
Те, что я сердцем протопила!

***

Намеренно и неслучайно,
Меня собой заполюя,
Не приучай себя к молчанью –
Не убивай в себе – меня!

Рассеянно пожав плечами,
Вполне прилично, не грубя,
Не приучай меня к молчанью –
Не убивай во мне – себя!

***

Всё, отхожу, сдаюсь без боя.
Что радости – с тобой в борьбе?
Я предоставлена тобою –
На растерзание себе.

Холодный спрут мне сердце, руки
Связал и потащил ко дну.
Души задраиваю люки
И ухожу на глубину.

***

Буксует сердце, ночь толкая...
Какой мучительный накал.
А я стихами истекаю,
Как смертник кровью истекал.

***

Что? Родные? Мы не оскорбим их.
Я – отдельно. И отдельно – ты.
Лучше ампутировать любимых
Под анестезию суеты.

***

Ну, вот и удушено пламя...
И, сжав меня в тёмном углу,

Амур, упираясь ногами,
Корчует из сердца стрелу.

***

Всё. Ты – не мой. И я немею,
Быть не твоею не умея.
Нас проглотила немота.
И ты – не тот, и я – не та.

***

Слушать чаек скрипучее соло.
Их следы распознать на песке.
Стать бы пеной морскою и солью.
Или мячиком в детской руке.

Горизонт проскакать на коне бы,
Ветром глядя упругую стать:
Не читать ничего, кроме неба,
Ничего, кроме волн не листать.

Море

Взвыло от края до края,
Мышцы решило размять,
С ног поцелуем сбивая,
Тащит к себе – не отнять.

Пенный оскал разевая,
Видит – скачу и дразнюсь –
Пробует, мнёт – какова я
Буду на ощупь и вкус?

Да! Заверти – я такая –
Сердца проси – не руки!
Море, кипя и лаская,
Рвёт с меня все лоскутки.

Мощью взбухает громадной,
Чувства не может избыть.
Море – любовник мой жадный –
Знает, как нужно любить!

***

Проститься, решить, доказать и –
В такси, переулки, дома...

Но мы, поперёк обязательств,
Сойдём этой ночью с ума.

Что ж пропасть висит между нами? –
Содрать, и с одеждами – вон!
И искру добудем, и пламя –
Из тех, первобытных времён!
И ввысь унесёт ультразвуки,
И хлынет с рычанием вниз,
Навзрыд отвергая разлуки,
Голодной любви вокализ.

***

Тебе – покой и кодекс прав дан.
Мне вздох – шипящий уголёк.
И чем ты более оправдан,
Тем безнадежнее далёк.

***

К тебе, отягчённому навыков суммою,
и всяческих стран повидавшему виды,
застрявшему где-то в пределах разумного,
затёртому там, как во льдах Антарктиды –

чего простираюсь сквозь ветры и ночи?
Ведь ясно, что не дотяну я конечность...
но пусть хоть сигналы тебя пощекочут,
где кроется жизнь, обрамлённая в вечность...

***

Ты вырван из меня... я не судья.
Героем вышел, как из битвы, и
пролом, что ты оставил, уходя,
имеет очертания твои.

Изрешетилась мыслями до дыр.
Ни сердцем не понять, ни головой...
В пролом гляжу, уставясь в этот мир,
А мир – в меня глядит – сквозь абрис твой.

***

Хотя б надежды всполох робкий!..
Что – боль? Какая ерунда!
О, нескончаемые скобки
От никого – до никогда!

Уроки нелюбви

Ты советуешь: больно – не больно,
Для симметрии двух половин
Проломить треугольник любовный,
Чтобы выйти – в квадрат нелюбви.

Карту рая, за край отступая,
Наступив, пополам разорви.
Вытесняя любовь, уступаем
Возводимой в квадрат, нелюбви.

***

Ты иди, моя боль – отпускаю.
Отыщи половинку свою!
В путь тебе – ни глотка, ни куска я,
Ни опоры с собой не даю.

Ты иди, моя нежность слепая –
Распахнись пустоте впереди,
Наугад осторожно ступая,
Голым сердцем на ощупь – найди!

***

Нет в пустоте ни конца, ни краю.
Я не болею. Я умираю.

«Я умираю»? Нет, соврала –
Не умираю. Я умерла.

***

Жизнь понеслась вприпрыжку, вроде.
Забыты «если б» да «кабы»...
Вот только ноет к непогоде
Сокрытый перелом судьбы.

***

Ох, и сердце моё – дойная корова...
Я и мёртвая –
живей тебя – живого!

***

Ещё один из жизни вычтен год.
Учёт утрат и боли заверши...
А если подсчитать наоборот? –

Умножить время – на прирост души?!!

***

Как кличет сквозь космос – сигналами разными,
Почти отчаявшийся уже,
Безумный учёный – собратьев по разуму,
Так я – любимого по душе!

Водопад

Почти внутри, совсем вплотную, рядом,
Я в потрясенье Рейнским водопадом.
Семнадцать тысяч лет могучим станом
Он – весь навыхлест, в танце неустанным.

Ежесекундно извергая тонны,
Со страстью месит массы – рёв и стоны...
Неиссякаем в нетерпенье пеня,
И воздух весь – в испарине и пене.

Разгул, почище мотовства и пьянства.
Вот это – мощь! Вот это – постоянство!

Я вся поражена любовным ядом,
И всех теперь сверяю – с водопадом!..

Молитва

Верую, Господи, в неслучайность случая, в неподотчётность Твою, парадоксальность, непредсказуемость, любовь и чувство юмора.

Верую, что не всегда ты хочешь от нас того, что правильно.

И что на одну и ту же Твою загадку ответы у всех должны оказаться разными.

Верую, что жизнь свою нам нужно прожить так, чтобы Тебе, Господи, было интересно. А это трудно. Но Ты же для нас стараешься!

Верую, Господи, что параллельные прямые пересекаются в бесконечности. Если Тебе очень захочется. Иначе – на что она, бесконечность, если даже там не пересечётся?

Но если у неё, у бесконечности нет ни конца, ни начала, то какая ей, в сущности, разница, когда и где нам, параллельным, пересекаться! Так почему бы – не сейчас? И не здесь, на этой Земле, где-нибудь? А, Господи?

Да, забыла!
И спасибо Тебе за всё, что Ты делаешь!

***

Жизнь исподволь исправит «нечет» в «чёт»
Движеньем, преднамеренно случайным.
И вновь толкает, жаждет и растёт
Тот Бог, что скрыт в зерне первоначальном.

Ольга Олгерд

Ангелы трёхмерного пространства

Стихи

ам, где вкус тишины – позабытый и
странный,

И плывёт под ногами пастельное небо,
Дремлют улицы, ёжась в туманном пространстве... -
Им бы снега.

Где меняются лица земли полюсами,
Там стоят, не считая дождей километры,
Корабли, что целуют закат парусами. -
Им бы ветра.

В мире слов, где улыбки на слёзы похожи,
И цветут на балконах бесстрастия герберы,
Там сутулятся лица уставших прохожих. -
Им бы веры.

Стынут, ветром прошитые, хрупкие зимы,
Где, роняя предчувствия в морок ненастья,
Пишут женщины письма далёким любимым –
Им бы счастья.

***

Можешь кричать, можешь в небе искать покой, -
Всех нас запишет зима в ледяные святцы.
Знай, если я не иду за хмельной толпой –
Это не значит, что я не люблю общаться.

Хочешь - за небо - а лучше – за сны держись,
Те, чья реальность роднее тебе и ближе,
Верь, если я не пою про иную жизнь,
Это не значит, что я её ненавижу.

Слушай, как змейкой под сердцем скребётся грусть,
Мир до рассвета бесстрашен и одинаков.
Помни, когда я над сущностью зла смеюсь,
Это не значит, что я не умею плакать.

Жизнь невесома,
Взбирается по плечу
Сердце эпохи за маетной круговертью.
Если я в каждом прохожем себя ищу,
Это не значит, что я не найду бессмертье.

***

Спи, мой придуманный берег,
Пока ты спишь
Я обойду города ледяных иллюзий,
Там, где дрожат черепицы замёрзших крыш,
Где за безмолвными окнами дышат люди.
Вьётся дымок,
Топит печку уставший Бог,
Но обогреть ледяные сердца не в силах.
Спи, мой волшебный,
Я кошкой свернусь у ног,
Только почувствуй, что радость не уходила.
Месяц по-прежнему входит в наш светлый дом,
Звёзды – проворные окуни – плавниками –
Трогают небо.

Мерцает хмельным огнём
Чья-то душа, не уставшая петть веками.
В мире, где бредит метелью седой камыш,
Иней ложится на зимнее пепелище.
Спи, мой предсказанный странник,
Пока ты спишь,
Я снеговые дороги тебе расчищу.
И оживлю светлячков, что блестят в траве,
Словно заснувших нечаянно динозавров.
Спи, мой любимый,
Пока не взошёл рассвет,
Я приготовлю бесстрашье тебе на завтрак.

***

Город, что множит мои манеры,
Медленно входит в квадрат дождя.
Кто ты, идущий сквозь лица скверов?
Кто я, живущая без тебя?

Сердцем впадая от комы - в кому,

На тротуарах немых веков,
Вечной бедой и тоской ведомы,
Кто мы, спешащие не в любовь?

Мир до утра декабрём раскрашен,
Я устремляю молитвы ввысь,
Чтобы дороги земные наши
Хоть на мгновенье -
Пересеклись.

***

Стань бунтарём, и над миром зимы кружись,
Там, где не слышится вьюги хмельно пенье,
Это не наша, а чья-то чужая жизнь
Слышишь? - взбирается медленно по ступеням

В логово тьмы, где дрожит в тишине мангуст,
Будто предчувствуя вслух появление кобры.
Всходят туманы,
Я снова в тебе смеюсь -
Мир, что из песен и вечных сомнений собран
В мега-мозаику млечного витража,
Где засыпают вечерние чьи-то мысли...
Буду ответственать, буду в тебе бежать –
Сердцем дрожа под фонарными снами листьев,-
Мой ледяной, мой неслышный, просторный дом,
Снегом встречай меня, хлебом, добром и чудом,
Верой моей,
Предсказаньем моим ведом,
Кто ты, каких воплощений ты и откуда,-
Странный попутчик, чьи истины дни пьянят,
Чьи межсезонные игры встречало утро
Встречи с тобой, где в тебе засыпала я,
Чтобы проснуться - земной, молодой и мудрой.

***

Оттолкнувшись в снах от добродетели,
Что не стала ложью или бременем,
Мы живём - великие свидетели
Своего не встреченного времени.
Разделив себя на междометия,
Перейдя рубеж своей фантазии,
Нам хотелось муки долголетия
Усыпить предзимней эвтаназией,
В городах, где бредят тротуарами
Сонные лукавые прохожие,

Мы с тобой давно не ходим парами
С вечностью, на суетность похожую,
Мы и сами – голуби вчерашние,
Пьем простуду залпом, не поморщившись,
Смешивая в рюмке ром бесстрашия
С тёплой газировкой скоморошества,
Но пройдёт зима – в сапожках юности
И метель в окне оставит сеянцы,
Полночью, укравшей эхо лунности,
Нас обнимет чудо и – развеется.

***

Спорим, сегодня над будущим небо синее,
Там, где осенняя роща дрожит осинами,
А на балконе цветёт до утра глоксиния,
Тают туманы, и звёзды во тьму глядят.

Спорим на дождь, что над будущим эхо громкое,
Правнук Борей закрутит роман с позёмкою,
Строки мои зазвенят голосами звонкими,
Если prospory – я выберу путь дождя.

Спорим на мысль, что над прошлым сегодня пасмурно,
Там, где полночные звёзды казались астрами,
Где погибали сомненья твои глазастые,
Если проспоришь – я мысли твои прочту
Там, где фиалки воркуют с грозой до вечера,
Спорим на снег, что печали болеют вечностью,
Что малодушие светом и смехом лечится.
Если проспоришь – я снег обращаю в мечту.

***

В царстве воды сны моллюсков возводят храм,
Дремлет ракушечный бог на песчаном дне,
Я понимаю, что где-то - в далёком там
Вечер остался, в котором нас больше нет.

Мир полнолуния помнит твои шаги, -
Звонкие волны согреют твоё плечо.
Если увидишь меня на земле – беги,
В сердце моём океанская кровь течёт.
Может отважишься – сделаешь первый шаг
В царство подводное в пенной моей глуши.
Видишь, как дышит в кораллах моя душа.

Что же ты плачешь?

Дыши под водой.

Дыши.

***

Не думай, что небо способно разбиться,
И сниться устанет земля,
Жизнь - вечный полёт бесприютной синицы
В страну журавля.

Где ставит судьба снеговые заслоны
Вернувшимся солнечным дням,
Жизнь – вечная тяга раскидистой кроны
К уснувшим корням.

Как прежде, доверившись мыслям мятежным,
Ты в небо разведаеть брод,
Жизнь – сорное поле, где гордо и нежно
Фиалка цветёт.

А там, где весна наступает мгновенно,
И ветер над вечностью стих,
Жизнь – кровосмешенье моих вдохновений
И песен твоих.

***

Устала ль?
Милый, Бог с тобою,-
В сознание ясном, во хмелю,
Я поклянусь картиной Гойи,
Что этот мир не разлюблю.

Я буду клясться фугой Баха,
Сонагой Шуберта, холстом
Буонарроти и без страха
Припомню, что сказал Толстой

О вечном маетном движенье
Дымящей жизни вверх и вниз,
А ты, рассветный от рожденья,
Мне тоже тайно поклянись:

Луной, подсолнухом Гогена,
Тоской, звенящей между строк,
Походкой Крокодила Гены
И причитаньем Фрекен Бок,

Мельканьем суетных ночёвок,
Игрой в античные слова,
Котом, что в цирке Куклачёва
Играет всесезонно льва,

Лицом уставшего Сократа,
Застиранным плащом судьбы,
Бессмертьем, ручкой от домкрата,
Ты поклянись и может быть

Тебе поверю, что в тумане
Твои глаза любви не льстят,
Что жизнь не стала и не станет
Одной их вымученных клятв.

***

Когда оракул прошлых лет
Мне боль и нежность напророчит,
Когда мой светлый силуэт
Сольётся с силуэтом ночи,
Когда предсказано - а вдруг?
Мой день возьмёт судьбу в ладони,
сыграет марш влюблённых рук
Одна из рода Паулоний,
Когда сойдёт немая тень
Со стен уснувшего собора,
И в полнозвучной темноте
Проступят нежности узоры
На подоконнике времён,
Где ток столетий между нами,
Там в тишине под лунный звон
Мы обменяемся тенями,
Чтоб длиться на исходе дня,
К бессмертью прошлое ревнуя...
Очнись от снов,
Ты не меня -
Ты тень свою в окне целуешь...

***

Ангелы трёхмерного пространства.

И когда они скажут: чего же ты ждёшь, беги,
На восток под органную музыку трёх веков,
В край трёхмерного счастья, где длятся мои шаги,
Под ликующий шёпот влюблённых в метель ветров,

В мир трёхгранного чуда, где сосны во тьме звенят,
И хрустальная хвоя звенит под шагами лис,
Там, листая зарницы, ты снова найдёшь меня,
В окружении суетных тел и усталых лиц.

Под декабрьским зонтом, там где любят и ждут сильней,
Где, баюкая мысли потомков любви немых,
Троекратное эхо моих говорливых дней
Уместилось к рассвету в трёхместный рюкзак зимы.

Где бросали окурки погасших до срока звёзд
Те, кто знали по имени каждую жизнь до нас.
Где влетали трёхцветные бабочки зимних гроз
В говорящие окна моих галогенных глаз.

Но когда они скажут, что в небе полынь - трава
Позабыла, как пахнет летящий в рассветы снег,
Остановится время в звенящих твоих словах.
Но когда они скажут -
Ты снова начнёшь свой бег.

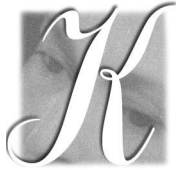
Ирина Маулер

Эмиграция... Скоро осень

Из новых стихов

От редакции. Поздравляем Ирину Маулер с присвоением ей Союзом писателей Израиля премии им. Давида Самойлова. Желаем новых творческих успехов.

МУЗЫКА

огда звучала музыка в саду,
Нетерпеливо август тряс осину,
Которая прижалась телом длинным
К скворечнику.
И было все едино,
И только яблони скрипели на ветру.
Носились по двору сухие листья –
Над ними поработал август кистью.
И клавиши в диезах и кудрях,
Завитых Моцартом, Бетховеном и Богом,
Ложились укрощено и полого
Мальчишке пианисту прямо в ноги
И стрелки замирали на часах.

Весна врывается в дверь открытую,
Повисли соловьи над лесом
И ветер весело насвистывал
Забывтую за зиму песню.

И пахли забываясь пламенно
На тонких ножках, как впервые,
У каждой придорожной впадины
Простые маки полевые.
И наливаясь, как озимые
Душа в стремленьи лип коснуться

Меняла сапоги резиновые
На крылья бабочек-капустниц.

Писал апрель такими красками,
Такою первозданной силой,
Что чувствовал себя лишь пасынком
Поэт и плакал... от бессилья.

***

Накрапывают краски
Дождем весенним наспех
На дом и на качели,
Смычок виолончели,
На всякий род занятий,
На брюки и на платья,
На грусть и расставанье,
На встречи и признанья,
На день и год недели,
На песню колыбельную
Накрапывают разом...
И все меняют сразу.

***

Лепестком атласным к руке -
Роза красная на стебельке
И похожа она на дом
Вот бы жить в таком день за днем
Чтоб на завтрак- бокал росы
Чтобы день на руках носил
Чтоб нырять в этот дом пчелой
Добывая там мед земной.
Чтобы радость в дому - всегда,
Чтоб над домом – моя звезда
Чтоб качал на ветру гамак -
Только так, только, только так.

***

Походя, впопыхах, на бегу
Бросил мне, словно прохожий,
Слово – его подняла, берегу,
На ночь рядом с собою кладу,
Утром с ним на работу иду,
Его обнимаю, беседы веду
И, знаешь, уже без него не могу.
Как жаль, что вы с ним непохожи...

***

Если чего-то очень ждать -

Обязательно случится.
Сначала в дверь к тебе постучится,
Робко зайдет познакомиться,
Застенчиво улыбнется,
Сядет на краешек дивана,
Не зная с чего начать, поделится новостью,
О погоде поговорит, о жарком лете,
Признается, что не верит в плохие приметы
Вежливо чашку чая поднесет к губам,
Кашлянет в сторонку,
Скромно опустив глаза,
Прислушается к бою часов
В твоей комнате, спросит про твой любимый цветок,
Поможет помыть посуду, убрать со стола,
А потом вдруг поднимет глаза...
Я же говорила тебе – надо просто
Очень ждать.

***

Эмиграция... Скоро осень.
Птицы срочно летят на юг -
Просто в этой стране им очень
Зябко и неудобно.
Восемь
Длинных месяцев
Ливень в косы
Заплетает тепла уют.

В ночь из города птичья стая
Вылетает в края мои
И стучат одиноко ставни
В тех домах, что они оставили.
Ты не думай, что их заставили -
Эмигрируют по любви.

Эмиграция ... Я не птица,
Но из осени я вольна
Улететь хоть в Москву, хоть Ниццу.
Отчего же ночами снится
Город, где довелось родиться?
Этот город - моя страна.

Буду жить на чужих просторах,
Загорать у чужих морей
И пойму, может быть, не скоро

Через год, а быть может сорок:
Эмиграция - это обморок,
Это морок души моей.

Людмила Штерн

Десять минут о любви

еще с рассвета задал мелкий колючий дождь. Ветер жалобно завывал в каминной трубе. Листья вязов и тополей уже облетели, и голые ветви гнулись под порывами ветра и царапали оконные стекла, словно просились в дом. К шести вечера совсем стемнело.

А в просторной гостиной викторианского дома в Конкорде под Бостоном, тепло и светло. Все лампы зажжены, в камине потрескивают поленья, и отблески пламени играют на черных, блестящих спинах двух сестричек-доберманов - Наты и Таши.

Эта гостиная выглядит ожившей сценой из английского романа XIX века. Для полноты картины не хватает страдающего подагрой старого лорда в глубоком кресле. Он должен быть в бархатной домашней куртке с вензелем на нагрудном кармане. (Куртка может быть темно-зеленой или вишневой). Длинные ноги лорда должны быть прикрыты клетчатым пледом, к креслу прислонена палка с серебряным набалдашником в виде конской или собачьей головы. Лучше – конской, потому что на ковре у кресла должна посапывать живая собака, великолепный белый с черными пятнами дог, вероятно, однолетка хозяина и участник его детских игр. (Автору известно, что собаки так долго не живут.) Рядом на столике должны поблескивать бутылка скотча, хрустальный стакан и серебряное ведерко с несколькими кубиками льда. Старый лорд должен просматривать Sunday Times и посасывать трубку. Ароматный дым голубыми кольцами должен уплывать к потолку.

Но хозяин дома, профессор Пол Уилкок, высокий, худой, быстрый, с острой бородкой и яркими, живыми глазами, никоим образом не напоминает английского лорда. На нем потертые джинсы, кеды и красный свитер с дырками на локтях. В ухе - замысловатая серьга. Хотя профессору за семьдесят, выглядит он как пятидесятилетний йог или стареющий хиппи.

Профессор Уилкок - специалист по современной русской литературе. Сфера его интересов - "андеграунд", иначе говоря -

бывший самиздат. Профессор много раз бывал в Советском Союзе и любит щегольнуть знанием ненормативной лексики.

Мы, несколько эмигрантов из бывшего Союза, впервые приглашены к профессору в гости. Совсем недавно приехав в Америку, мы чувствуем себя беспомощными и неуверенными, хотя каждый из нас является обладателем какой-нибудь советской кандидатской степени.

Гостеприимный Пол Уилкокк старается нас развлечь. Подливает джин и виски, разносит сухарики, кубики сыра и тонконаструганные сельдерей с морковкой, которые надлежит макать в луковую замазку.

Мы предлагаем тост за падение коммунизма, конец холодной войны и расцвет русско-американской дружбы. На дворе начало девяностых.

- Хотите знать, друзья мои, зачем я пригласил вас сегодня? - спросил Пол, - Признаюсь, мною руководили чисто эгоистические соображения. Мне давно хотелось узнать, что представляют собой русские женщины. Толя Пеллер, проведите сравнительный анализ, кто лучше, русские или американки? Да не стесняйтесь, выкладывайте правду. Мои доберманы - Ната и Таша - не служат в КГБ. А вы, дамы, приготовьтесь сравнивать американских и русских мужчин. Скоро наступит ваш черед... Ну, Толя, вперед!

- Боюсь вас разочаровать, профессор, но я не знаток ни американских, ни русских дам. Я одержал всего одну победу в жизни, - соблазнил Ольгу, и мы сразу поженились. Победа оказалась Пирровой, она оставила меня через год. Какой из меня эксперт?

- Значит, на американских красавиц вы внимания не обращаете?

- Как-то не до того, профессор. Я здесь всего полгода. Сперва, искал квартиру, потом работу. У меня кошмарный английский, и, к тому же, нет денег.

- Позор, да и только, - Пол трагически воздел руки к потолку, - я просто обязан снабдить вас двумя - тремя телефонными номерами.

После второй порции джина глаза нашего хозяина заблестели, на щеках обозначился румянец.

- А что вы, леди, думаете об американских мужчинах? Или тоже их не заметили?

- Американские мужчины - пуритане и очень наивны... особенно ваши, так называемые, протестантские англосаксы, - сказала Юлия Грачева, искусствовед из Киева. Она недавно

развелась с мужем, и эта тема ее заметно волновала.

- Мы все еще пуритане? - глаза Пола расширились от ужаса, - Какое страшное обвинение! А я - то, старый дурак, тешил себя мыслью, что мы - вторая после Швеции страна по падению морали.

Профессор Уилкоккс сделал еще один глоток джина. Юлия хихикнула, прикрыв рот рукой.

- К сожалению, я не знакома ни с одним шведом. Видела несколько фильмов Бергмана, они меня в такую тоску вгоняют...

Слово взяла биолог Надя Гарбер, одинокая, пухлая брюнетка лет тридцати.

- У меня впечатление, что американские мужчины слишком заняты карьерой и успехом. Я тут познакомилась с одним. Его единственная тема разговора - как дешево он купил дом, и как удачно через месяц его продал, и как часто он меняет машины, и сколько раз в году ездит на Карибское острова. Сам предложил пойти в кино и купил один билет. Стоит у кассы и ждет, когда я за свой заплачу. Я просто обалдела. Все же, наши мужчины такого себе не позволяют.

- Как вы меня расстроили, - Пол соорудил скорбное лицо, - Выходит, мы - нация, потерянная для любви?

- У американцев очень прозаическое к любви отношение, - Надя решила добить профессора Уилкоккса, - Им невдомек, что возлюбленных осыпают цветами, и посвящают им стихи и романсы.

- Надька, когда тебя в Киеве последний раз осыпали цветами? - перебила ее Майя Добина, миловидная девушка, только что кончившая Одесскую консерваторию по классу виолончели.

- Очень даже осыпали! - с вызовом сказала Надя, - И я уверена, что и ты бы не возразила...

- Лично мне этого на дух не надо, - пожала плечами Майя, - Встретились, хорошо провели время и разошлись, как в море корабли. И никто никому ничем не обязан.

- Какое отношение твоя философия имеет к любви? - огрызнулась Надя.

- Может, никакого... Но и проблем никаких. Слышала песню Барбары Стрейзанд "Мое сердце принадлежит мне?" Мое кредо, как тут принято говорить - enjoy and have a good time. Я, например, с детства запомнила такие стишки:

Пригласили человека на обед,
Очень вкусно пообедал человек.
Человеку налили вина,
Крякнул он и выпил все до дна.

Угостили человека табачком,
Затянулся с удовольствием дымком.
Предложили человеку любовь,
Удивленно человек поднял бровь.
А на кой она мне нужна?
Взял и выбросил любовь из окна.

Природа разбушевалась. Струи дождя хлестали в окно.
Ветер выл, грозя превратиться в ураганный.

Гриша Разумовский, физик из Саратова, снял очки и потер глаза.

- Наверно, тебя здорово кто-то обидел, Майя. Но, вообще-то, я согласен - свое сердце держать безопаснее "при себе". Когда-то в юности, я без памяти был влюблен в одну девушку: просыпался и засыпал с мыслью о ней. Посвящал ей поэмы и сонеты, которыми набил обувную коробку и выбросил в Волгу, когда она вышла замуж за моего лучшего друга. Я даже выпил бутылку какой-то отравы, пытаюсь покончить с собой, и месяц провалялся в больнице. Ну, а год спустя мы столкнулись на улице. И сердце не дрогнуло, и ноги не подкосились. Мы поболтали о пустяках минут пять и разошлись. Я смотрел ей вслед, на ее стоптанные каблуки, "дорожку" на колготках, и как она, скособочившись, тащит авоську с апельсинами, и чувствовал себя последним идиотом: неужели из-за этой женщины я чуть было не отдал концы?

Пол притих и слушал наши разговоры, слегка покачивая головой. Но вдруг встрепенулся, взглянул на часы и всплеснул руками.

- Господи, вы, наверно, умираете с голоду. Уже давно пора садиться за стол, но я ожидаю еще двоих гостей. Потерпите чуть-чуть. Наваливайтесь на крекеры, морковку и сыр. А я пока что расскажу вам одну историю. Может быть, она развеет ваш скептицизм по отношению к американцам. История эта короткая и займет не дольше десяти минут.

"У меня есть друг детства Кристофер Харингтон. Мы выросли на соседних улицах, учились в одной школе, играли в одной футбольной команде. В 1943, когда нам стукнуло восемнадцать, пошли в военно-воздушную академию в Западной Вирджинии. Потом судьба нас разлучила. Я оказался на военной базе в Тихом океане, а Криса отправили в Европу. Конец войны он встретил на Эльбе, на военном американском аэродроме. В нескольких милях от их базы были расквартированы части I-го Белорусского фронта и советский военный госпиталь.

Русские и американцы очень подружились. Американцы

приглашали русских в свой клуб смотреть голливудские фильмы, и сами ходили к русским на танцы.

Там-то Крис и встретил медсестру Тасю Воробьеву. Они без памяти влюбились друг в друга, и Крис сделал ей предложение. Была в их биографиях одна мистическая деталь. Оба родились в один день, 30 сентября, и они сочли это счастливым предзнаменованием. Тася попросила у своего начальства разрешения выйти замуж за американца, и ее даже не отговаривали. В тот же день отправили в Россию. Она даже не успела Крису предупредить.

Парень просто обезумел от отчаяния. Его командиры начали переговоры с высокими советскими чинами, и Крису даже устроили встречу чуть ли не с замом Рокоссовского, который объяснил, что Тася уехала домой повидаться с матерью, и недели через две вернется. Ему дали ее адрес в Великих Луках и предложили написать письмо. Крис писал ей каждый день, но не получал ни одного ответа. Прошло несколько месяцев, и отчаявшийся Крис решил действовать на свой страх и риск.

В один прекрасный день, лейтенант Кристофер Харингтон вошел в ангар, вывел оттуда трофейный истребитель Хайнкель - 9 и полетел на поиски возлюбленной.

Как только он пересек границу и вошел в воздушное пространство Советского Союза, за ним устремились два советских истребителя. Он взяли его в клещи, покачивая крыльями, что означало - приказ садиться. Крис послушался, последовал за ними и приземлился на военный аэродром около города Несвижа в Белоруссии.

Допрашивали его несколько недель, поднимали по несколько раз в ночь, по три дня не давали ни еды, ни воды. Крис рассказывал историю своей любви и повторял, что летел в Великие Луки на поиски невесты. Следователи не поверили ни единому слову, отправили его в Москву, судили за шпионаж и дали пять лет тюрьмы и десять лет лагерей строгого режима.

Переговоры о его судьбе велись на самом высоком уровне, Трумен лично просил Сталина помиловать Крису, но, увы, безрезультатно. Он отгрозил тюремный срок от звонка до звонка и пять лет лагерей. Освободили Крису только в 1955, спустя два года после смерти вашего отца народов. Десять дней после освобождения он провел в американском посольстве в Москве. Сотрудники посольства решили, что лейтенанту Харингтону надо набрать несколько фунтов, прежде, чем он предстанет перед родителями и сестрой. Крис просил разрешения погулять по Москве, и за три дня до отъезда посол дал ему немного денег и

выпустил из посольства для знакомства со столицей великой державы, в застенках которой он провел лучших десять лет своей жизни. Вице-консул разрешил ему погулять одному, поскольку Крис прекрасно говорил по-русски, на любом диалекте.

Выйдя из ворот посольства, Кристофер Харингтон взял такси, поехал на вокзал, купил билет, и отправился в Великие Луки на поиски своей Таси. Ну, и невезучий же он оказался парень! Сел не в тот поезд и очутился в запретной зоне. Там, кажется, находилась фабрика по пошиву военной формы, а советская параноя все засекречивать хорошо известна. При проверке документов в вагоне выяснилось, что у него нет ни пропуска, ни паспорта.

Догадались, чем кончилось дело? Крис схлопотал еще три года лагерей за нарушение паспортного режима и пребывания в закрытой зоне без специального разрешения.

"Я НЕ УЕДУ ИЗ ЭТОЙ СТРАНЫ БЕЗ ТАСИ, КОНЕЧНО, ЕСЛИ ОНА ВСЕ ЕЩЕ ПОМНИТ И ЛЮБИТ МЕНЯ", – сказал Крис на пресс-конференции в американском посольстве, после освобождения в 1958 году. Эта фраза облетела крупнейшие газеты мира, кроме, разумеется, советских.

А что же Тася? Она никогда и не бывала-то в Великих Луках. Все эти годы она жила в Новгороде. Окончила Педагогический и преподавала в школе английский язык. Замуж не вышла, жила одна, и понятия не имела о приключениях Криса. Ни одной весточки от него за эти годы она не получила.

В 1958 году вашей страной уже правил великий гуманист Никита. Незадолго до освобождения Криса настало время детанта, начало "таять", и Хрущев издал указ, разрешающий браки с иностранцами.

К Тасе приехали три гебиста выяснить, знает ли она американца по имени Кристофер Харингтон, и хочет ли его видеть. Войдя в её комнату в новгородской коммуналке, они обомлели. Все стены были завешаны портретами Криса, увеличенными с одной единственной фотокарточки, которую он ей подарил в те далекие годы на Эльбе.

На этот раз все было "законно". Ваш покорный слуга в то время работал переводчиком в американском посольстве в Москве, так что ему, то есть, мне, выпала честь быть шафером на их свадьбе..."

Профессор Уилкоккс замолк, подошел к камину и подбросил в огонь поленьев. Они затрещали, ярко озарив его лицо.

- Господи! прошептала Юлия Грачева, - Прямо, как в сказке! Неужели такое бывает в жизни?

- А что с ними случилось дальше? Вы их видели с тех пор? Они живы? - посыпалось со всех сторон.

- Очень надеюсь, что живы, - улыбнулся Пол Уилкоккс, - мы с вами ждем их к обеду.

В этот момент раздался звонок. Ната и Таша, толкаясь боками, с лаем бросились в переднюю. Профессор Уилкоккс поспешил к дверям. Мы услышали смех, приветствия, и голос Пола - "What happened? My guests are starving." Другой мужской голос ответил - "So sorry, we apologize, we got a flat tire." А веселый женский голос сказал по-русски: "Привет, Ната, привет, Таша, как вы похорошели, девочки".

Мы, как по команде, вскочили со своих мест. Мистер и миссис Харингтон вошли в гостиную, улыбаясь и бормоча извинения.

Тася - стройная, седая дама, в голубом шелковом платье с ниткой жемчуга на шее, и Крис - коренастый, среднего роста господин в джинсах, клетчатой рубашке и спортивной куртке. Заметная лысина, круглое брюшко и отмороженные щеки в красных пятнах.

Крис усадил Тасю в кресло и встал сзади, облокотившись на спинку. Мы не могли оторвать от них глаз. И вдруг потолок пополз вверх, окна сузились, удлинились, и стекла покрылись разноцветными витражами. Паркет под ногами превратился в каменные плиты. Голос Пола, предлагающий гостям выбор между скотчем и джином и тоником, гулко зазвучал в стенах средневекового замка. У Таси по плечам заструились белокурые локоны, а за креслом, в темно-вишневом плаще и бархатном берете, чуть склонился к своей возлюбленной бессмертный Ромео.

Монтекки и Капулетти. Американский пилот и русская медсестра в эпицентре холодной войны.

Вспомнились стихи. К сожалению, не помню чьи. Может быть, Константина Липскерова?

...Веет легкий ветерок из сада,
На полу дрожит полоска света.
У камина задремали рядом
Дряхлые Ромео и Джульетта.

.....
.....

Вейте, вейте ветры расставаний,
Не жалейте, что наш жребий труден,
Что в стране исполненных желаний
Мы не будем.

А, может, все-таки, будем?
Ведь Крис и Тася родились 30 сентября, в день Веры,
Надежды, Любви.

Евсей Цейтлин

Талант исчезновения

Из книги «Шаги спящих. Дневник этих лет»

Надо выжить. А чтобы выжить, надо быть незаметным. Вот урок, который усваивает тот, кого часто бьют... Еврею нужно носить маску, впитывать язык, необходимо быть актером, чтобы выглядеть таким, как все вокруг.

***

Жизнь в диаспоре подобна участи лицедея: она приводит к тому, что человек «срастается» со своей маской, забывая, как выглядит его собственное лицо.

Раввин Адин Штайнзальц

Вопрос

Плотно, надежно летний вечер покрывает собой суету дня. Но вот в комнату, запыхавшись, влетает с улицы четырехлетний малыш. Ему необходимо выяснить и – немедленно:

- Мама, мы, действительно, евреи?

- Да, - только и успеет ответить.

Тут же хочет она спокойно, с достоинством пояснить: евреи – народ, как любой другой, все нации равны... Но сначала погладит сына по голове, прижмет к себе! Мальчик однако резко вырвется и, кажется, отбросит не только руку матери, но и произнесенные ею фразы. Интуиция ребенка точнее любых слов. Он чувствует главное безошибочно. Разобрал это главное по интонациям услышанных во дворе анекдотов, отдельных реплик, смысл которых не понял. Но он не сомневается, что не ошибся. И – боится, боится! Сам не зная, чего.

Все же сын с надеждой заглянет ей в глаза:

- Мама, неужели нельзя ничего поправить? Совсем ничего?

Разговор этот она передаст мне через пятнадцать лет. Несколько месяцев назад. И теперь я постоянно приглядываюсь к нему: какие выводы сделал для себя, когда понял, что «ничего

нельзя поправить?»?

Выводы стары.

Мальчиком он, к примеру, поражал всех своей щедростью: еще ходил в старшую группу детского сада, когда начал раздаривать все, что принято и не принято дарить. И дело не только в отзывчивости сердца: каждого встречного он хочет превратить в друга – во что бы то ни стало. И это ему удается – удается угадывать чужие слабости, входить легко в чужую жизнь. А два года назад он поступил на физический факультет университета и теперь уже делает серьезные доклады в студенческом научном обществе.

Формулирует ли он для себя свою надежду четко? Не знаю. Но угадываю ее: многочисленные друзья, научная карьера, а также карате, которым занимается с восьмого класса, помогут ему стать «не хуже других».

Раза два встречал его в кафе, в компании сверстников. Недолго, издали наблюдал – так, чтобы он не заметил меня, не смутился. Он был элегантен в обычной униформе моды тех лет – черной майке, брюках-«варенках». Был красив – все той же, одних раздражающих, других притягивающих красотой своего народа: матовая кожа, лучистые – серые, а временами голубые – глаза; смоляные, волнами волосы. Был раскован, весел, находил то и дело повод для шуток, однако, кажется, не был пошл.

Не странно? – спросил я себя. Ведь привык видеть его сосредоточенно погруженным во множество чужих и своих забот, тщательно отмечающим в маленьком блокноте исполнение ежедневного плана. Конечно, он всегда составляет этот план сам, давно и ни в чем не советуясь с родителями, которых, не сомневаюсь, нежно, но чуть снисходительно любит: будто обладает недоступным им знанием. Потому он иногда выглядит раньше времени постаревшим – точно придавлен серьезностью и бесповоротностью будущего.

Впрочем, вспоминаю: когда звонит телефон, он первым поднимает трубку и часто преображается – кажется, резкий, зимний сибирский воздух врывается в двухкомнатную малометражку с низкими потолками. «Ну, так что там у нас?» – произносит бодро. Эти слова – невольный условный знак самому себе – знак, который должен вызвать точно такой же условный рефлекс.

Он отворачивается к стене и – чувствую это по голосу – становится веселым, легким, юным совсем человеком.

...Он все-таки пока еще такой разный, окончательно, до

конца, не сформировавшийся.

Когда он открывает мне дверь, я смотрю в его глаза: в них – неистребимая наша печаль, всегдашняя готовность евреев понять всех, со всем примириться, во всем найти свою правду.

Я жму ему руку и думаю: что он ответит когда-нибудь сыну на тот же старый вопрос?

1982

Пыль

Она пробовала учить дочку моих родственников музыке, но потом – недели через две – отказалась. Промолвила презрительно:

- Я не привыкла получать деньги даром, а здесь нет и намека на способности.

Все это не имеет теперь никакого значения. Девочка, которую мрачная сила родительского упрямства все же заставила выучиться играть на фортепьяно, давно стала взрослой и – Пантофель была права – выбрала другую профессию. Наконец, позади уже остались долгие, похожие друг на друга годы: они ломали, старили, они, вроде бы, незаметно, но всегда жестоко испытывали нас.

Мы жили в одном подъезде: наша семья – на пятом, она – на первом этаже.

Почему однажды я напросился к ней в гости, а потом стал бывать у нее - не часто, но регулярно? По возрасту годился ей в сыновья. Общих интересов у нас не было. К тому же она встречала меня скорее неприветливо, чем радушно.

Сначала мне казалось: я прихожу к Пантофель из-за острого ее языка, не щадящего никого и ничто. Однако вернее другое: в самой интонации ее речи, в ее жестах, в воздухе ее маленькой квартирki я неосознанно, но очевидно различал тяжелое дыхание судьбы.

- Слушаю... Ах, это вы...

Пантофель недовольно бурчала в трубку и - неизменно приглашала в гости.

Только теперь начинаю понимать ту сумятицу чувств, что туманом окутывали ее. Она была рада мне, хотя и потом, при встрече, говорила с той же усмешкой, чуть цедя слова. Разумеется, рада: наконец-то могла прямо, безжалостно высказать свои утаенные мысли – те, делиться которыми с русскими знакомыми ей не позволяло достоинство.

- Евреи – это пыль, - с вызовом повторяла Пантофель.

Она ничуть не сомневалась, что ее утверждениям не

нужны доказательства, но все же порой развивала свое сравнение:

-...Вы не задумывались, почему *их* всюду ненавидят? А ведь все так просто! Народ, как и любой человек, имеет срок жизни и должен умирать вовремя, а не путаться под ногами у молодых. Евреи же... *Они* давным-давно отжили свое и теперь мешают всем: хитрят, подлаживаются, втираются, куда только можно... Ну как же надоела *их* извечная скорбь, *их* претензия на всезнание, предвидение: все уже было, было, было... А человек до всего должен доходить собственным умом! Мы не зря не любим тех стариков, что только предостерегают, наставляют. Вы-то, разумеется, знаете: у японцев это старичье раньше просто отводили в горы, на кладбище – подошел срок, пусть умирают там. И правильно!

Она энергично прерывала свой монолог; бывало, лишь махнет рукой: и так, мол, все ясно – «пыль, только пыль...»

Сидела передо мной прямо, как старая балерина, по привычке не позволяющая себе расслабиться в кресле. Поза Пантофель точно отражала суть ее странного существования. Иногда я думал: как и зачем она живет, если из всего, что когда-то беспокоило и терзало ее, осталась одна ненависть – чем-то еще согревающая ее ненависть к собственному народу.

Правда, помню, однажды Пантофель недоуменно спросила меня и – должно быть, в который раз – себя:

- Пыль... А что, собственно, такое пыль? Почему она возникает и, прежде всего, там, где живет человек? Не замечали: в комнате, из которой все выехали, пыли почти не бывает?

Об этих скрытых, а потому особенно сильных, будто сжатых пружиной молчания, чувствах Клары Пантофель никто не подозревал. Конечно, в музыкальной школе, где она до самой пенсии заведовала учебной частью, подметили: к ученикам и преподавателям – евреям – Пантофель особенно строга: не выискивает специально недостатки, однако никогда их не прощает. Думали, это обычная у евреев болезненная предусмотрительность: вдруг упрекнул в солидарности со «своими»?

Но я не сомневался: Клара Пантофель давно уже ничего не боялась.

Вспоминая о ней, вдруг замечаю, что невольно избегаю описаний. Например, описания ее однокомнатной квартиры, где все походило на районную поликлинику – было чисто, но безлико; или описания ее одежды, также лишенной индивидуальности; или того, как она неизменно угощала меня зеленым чаем: «Это полезно!»

Думаю сейчас о другом. Антисемитизм, встречающийся среди самих евреев, не так уж таинствен, непонятен, как порой кажется. Это противоестественная, но вполне объяснимая реакция загнанного судьбой человека. Однажды он начинает ненавидеть соплеменников, которые якобы виноваты в его неудачах и несчастьях, а иногда – странно абстрагируясь – не может уже выносить самое себя.

Конечно, в основе антисемитизма Клары Пантофель тоже было отчаяние - стесившееся в душе одного человека отчаяние нескольких поколений.

Она никогда ни на что не жаловалась. Только из многих наших разговоров (в сущности, случайно) я узнал о судьбе ее родных. Деда до революции растоптали погромщики в Кишиневе. Отца и мать забрали в тридцать седьмом как врагов народа (Клара в это время уже работала после окончания консерватории в Сибири).

Почему она не вышла замуж? Разумеется, никогда ее об этом не спрашивал, хотя еще на моей памяти она была довольно хороша собой. Но невозможно было представить кого-то рядом с Пантофель: все ее существо излучало отталкивающую, испепеляющую любого нормального человека энергию.

Таким образом ее вовсе не оригинальная теория вызревала медленно, в одиноких раздумьях. В мире все справедливо, рассуждала она; если уж сама жизнь выталкивает евреев, значит, они должны уйти.

Кто же у нее все-таки был?

Я знал, что иногда ее навещала бывшая ученица – всегда меланхоличная старая дева; та считала своим долгом «оказывать помощь», а Пантофель язвительно высмеивала ее печали.

Однажды летом я познакомился с сестрой Клары Михайловны, тоже уцелевшей в тридцать седьмом и в войну. Она вернулась из эвакуации в Минск, выучилась на инженера, имела сына и пьяницу-мужа, но радость жизни находила во всевозможных экскурсиях.

Клара Пантофель на всю жизнь осталась хрупким подростком. А сестра ее оказалась породистой шатенкой: она рассказывала мне о своих поездках, играя блестящими глазами, достав блокнот, где были аккуратно переписаны все ее маршруты. Так говорят о любви, не замечая банальности ситуации.

Через год любительница путешествий умерла от скоротечного рака. Сообщив об этом, Пантофель не плакала. Все

ее мысли теперь занимал племянник. Тому исполнилось двадцать шесть; не помню, где он работал, но, помню, учился заочно в институте и собирался жениться.

- Только бы не взял в жены еврейку, - тоскливо заклинала Пантофель. – Наши внуки должны быть счастливы.

После смерти ее сестры мы встречались гораздо реже. Я подумал: наверное, эта смерть окончательно убедила Клару Михайловну в правоте ее жизненной философии.

- Простите, я занята, - и в телефонной трубке раздавался шелчок.

Как-то, придя к ней, сразу заметил перемену: она вся вдруг как бы подсохла, сморщилась. При этом судьба по-прежнему смеялась над Пантофель – теперь она походила на еврейку все больше и больше. Всегда сжатые тонкие губы обрамляли глубокие морщины – следы неизменной усмешки. Резко выделялись на лице глаза, форму которых принято сравнивать с миндалем.

Во время нашего разговора она – видимо, по привычке – страдальчески взглянула в зеркало. Я понял: она пугалась отражения. Она презирала собственное лицо.

И, наверное, потому почти перестала в тот год выходить на улицу.

Пантофель похоронили торопливо, как хоронят всех одиноких людей.

Когда мы возвращались с кладбища, ее племянника уже ждали представители домоуправления: надо быстрее освободить квартиру, туда должна заселиться мать-одиночка с двумя детьми, а вещи... их ведь можно пока перенести в пустующий, через несколько кварталов, сарай? Вряд ли это была только забота о несчастной женщине, скорее – опасение: как бы приезжий еврей не начал химичить, не попытался сам занять жилплощадь.

Через день я случайно увидел, как дворник и некий дюжий парень (видимо, друг новой жилицы) перетаскивали скарб Пантофель. Они решили составить все у подъезда, чтобы потом, разом погрузить вещи в машину.

Разворачиваясь, грузовик переехал кресло, в котором так любила сидеть покойная. Кресло разлетелось на несколько частей, пружины резко распрямились и вытолкнули из темного чрева охапки скатавшейся пыли.

1986

Другие глаза

Они притягивали меня своей загадкой еще тогда, раньше, когда его официальная биография была совсем уж скупа. Обычные еврейские глаза за большими стеклами очков.

Потом, после «перестройки», стали появляться странные подробности – в основном в желтой прессе, в газетах русских «патриотов». Но, впрочем, и в солидных изданиях. Дескать, фамилия его матери – Флекенштейн; рано умерший отец, кажется, тоже был евреем.

Серьезные люди в это не верили. Ну, скажите – как, каким образом еврей мог оказаться во главе КГБ, а потом стать руководителем антисемитского государства? И это – в эпоху строжайшей проверки анкет. Да и доводы очень шатки. Вот мать: известно ведь – ее просто *удочерила* еврейская семья.

Однако я поверил в *это* сразу. Не в том дело, что знал: еврейские семьи до революции не могли усыновить или удочерить ребенка, если тот не приходился им родственником. (Такова была традиция, объяснять которую сейчас – не к месту).

Меня убедили другие детали, одиноко и жестко торчащие из благостных воспоминаний о нем.

Как тщательно заметал он любые следы, ведущие в его детство, юность, молодость...

Направленный на работу в Петрозаводск и мечтающий о большой карьере, решительно и навсегда оставит в Ярославле первую семью. Хотя совсем недавно, своей рукой, вывел на обороте супружеского фотоснимка признание, похожее на стихи: *«Если Вам когда-нибудь будет скучно, если Вы хоть на минуту почувствуете себя несчастными, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье – заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к нам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы».*

Что потом проникло в его душу? В чем нашел счастье? Никогда больше не видел жену. С сыном и дочерью встретился только в старости, да и то не по своей инициативе.

Директор детдома, где он рос и где им так гордились, однажды передаст ему привет – на провинциальной партконференции, через его же, командированного туда, сотрудника. Тот имел глупость донести теплые слова до адресата. И на несколько лет был удален от шефа.

...Я думаю сейчас не о той, известной, его жестокости, которая была даже предопределена должностью. Я думаю о его жестокости по отношению к себе. О бессонных ночах. О том, как с

оглядкой на разоблачение просчитывал каждый шаг. О том, как сам с подозрением вглядывался в собственные фотографии.

Хотел ли он когда-нибудь сделать пластическую операцию? Допытывался ли у врачей: в какой степени специальные контактные линзы могут изменить выражение глаз?

2004

Фреда Калин

Москва без Петушков

елёная вывеска гласила «Военторг. Магазин», а соседка, кажется, говорила, торговая точка Военторг. Всё остальное совпадало: прямо по переулку и слегка налево небольшой подъём, напротив - здание с танком на крыше - военная академия. Кэтрин потянула на себя облезлую дверь с островками пыльно-зелёной краски. В магазине ни души. Пусто, тихо. Но вот за стендом с рулонами пёстрых клеёнок раздалось шуршание. Лениво вышел раскормленный кот. Он одарил её безразличным взглядом серо-голубых глаз и затерялся среди разрозненных предметов мебели. Её внимание привлекло трюмо - по крайней мере, бабушка именно так называла этот туалетный столик с выдвигаемыми ящичками и тройным зеркалом. До этого Кэтрин видела нечто подобное только в старых фильмах. За трюмо, судя по лоткам бывшего белого цвета с тощими, невымытыми картошкой и морковкой, следовал овощной отдел. Органические, подумала Кэтрин: ни пестициды, ни удобрения, ничего кроме лопаты к ним, похоже, не прикасалось. За овощным следовал отдел со всякими продуктами питания. Скоропортящиеся под стеклом, а банки и пакеты сзади на полках — точно, как она видела в русских магазинах Нью-Йорка, но этикетки другие, пока ещё не изученные. Дальше отдел спиртного. Оказывается, существует водка за 60 р. Всего за два доллара? Надо будет сказать Нику. И наконец, она увидела главное, зачем пришла. У них есть отдел, где *всё*, объяснила ей вчера соседка. И действительно *всё*: от пластмассовой посуды и детских дайперсов до неизвестных ей духов «Серебристый ландыш» и старого знакомого «Трезора». Она постучала по прилавку. Тишина. Немного подождав, кашлянула и громко сказала:

- Здравствуйте, здесь кто-нибудь есть?

Из-за занавески в проёме стены появился небритый старик. На нём были обвислые тренировочные штаны и растянутый свитер. На худой морщинистой шее одуванчиком слегка покачивалась голова с великолепной шапкой седых волос.

- Тебе, девушка, чего, капустки? – Он прошаркал к овощному отделу. - Сегодня хорошая, все берут. Сейчас взвешу.

- Вы продавец?

- Не, не продавец, да не хочу девчонок беспокоить.

- Мне бы ещё стиральный порошок и много другого вот из этого отдела. – Кэтрин указала на заветные полки.

- А-а-а... - Старик скрылся за занавеской. Оттуда накатила «душистая» волна. Запах знакомый с детства. Да, конечно, это был аромат горохового супа со свиными рёбрышками. Её бабушка, еврейка - безбожница, иногда варила такой по секрету от детей, но к полному удовольствию внучки. Кэтрин снова осталась одна. Минуты через две из-за занавески выплыла «девчонка». Белолицая, румяная, круглая, она уставилась на покупательницу серо-голубыми, как у кота, стеклянными глазами.

- Мне, пожалуйста, стиральный порошок.

Продавщица не тронулась с места, только вопросительно шевельнула бровями в направлении разноцветных коробок. Кэтрин сообразила - нужно выбрать.

– Самый эффективный, пожалуйста.

Продавщица повела плечом, выбрала одну из коробок, брякнула её на прилавок и выбила чек.

- Сколько?

Движением зрачков она указала на чек.

- Но мне нужны ещё вон те две мисочки... и дуршлаг... и белая кастрюлька... и ножницы...

Продавщица безмолвно доставала перечисляемые предметы и кидала на прилавок. Пластмассовые падали с глухим стуком, металлические дребезжали.

- Пожалуй, всё, - наконец сказала Кэтрин и протянула пятисотрублёвую купюру. Зрачки «девчонки» наполнились укоризной, затем упёрлись в капусту.

- За капусту я ещё не платила.

Кэтрин вдруг захотелось извиниться - ведь она оторвала немую продавщицу от супа.

- Дядь Коля-а-а-а, - закричала немая, - спроси там Наську пятьсот разменять. У ей в бакалейке есть. - Она повернулась к Кэтрин. - Щас. А воше мы не сберкасса.

Кэтрин с изумлением ощутила, как из тайников её души всплывает почему-то вечно виноватая шестилетняя Катенька. Появилась худощая, миловидная Наська.

- Сейчас мы вас, миленькая, разменяем и сдачку сдадим и пакетик для п-а-а-рашочка отдельный, за три рублика, - затараторила она, утирая рот тыльной стороной ладони. – К-а-а-

лбаски не хотите? Только сегодня привезли, и с-а-а-сисачки любительские.

- А молочные у вас бывают?

- Ой, девушка, ну вы даёте! Кто ж это в нашу торговую точку молочные завезёт? Только если с кем хорошим перепутают.

Капуста, однако, оказалась вкусной и с пятисот сдачу нашли, и порошок неплохо отстирывал. Впоследствии Кэтрин узнала, что если бы не этот старый Военторг, дяде Коле жить было бы негде, и он бы был «бомж», что означает *bum*. Несмотря на близость академии, военных в Военторге она так никогда и не встретила.

- У офицеров денег таких не водится, чтоб рядом с Садовым кольцом жить, а домой тащить далеко, - объясняла соседка. - А то, что этот магазин уцелел, так без таких советских анахронизмов нам было бы худо. Ведь на «Азбуку вкуса» мало кому хватает.

Кэтрин и сама поражалась дороговизне московской жизни. Деньги, выделенные компанией Ника им на устройство, исчезли в первые же три дня. Это-то частично и вынудило её постучать в дверь приветливой соседки и попросить у неё совета, где, например, купить молоток не за тридцать долларов, а за три.

- Ну, ещё бы, миленькая, я по пакетам вижу, вы с мужем всё покупаете в «Стокмане» да в «Седьмом континенте». Этак никаких денег не хватит – зря, что американцы.

Так Кэтрин узнала о «торговой точке военторг» и ещё нескольких «советских» магазинах поблизости. Посещая их, она всякий раз что-нибудь делала не так, и её непрерывно образовывали. - Уж пора бы научиться говорить *сразу*, что воду из холодильника, - раздражённо выговаривала ей продавщица, меняя бутылку с витрины на бутылку из холодильника. - Вы что читать не умеете? Сегодня только цельное, бизжиренное нет, - ставила под сомнение её способность понимать написанное продавщица молочного отдела. - Девушка, ты ж вроде не слепая - очередь оттуда... - И так далее. На новогоднем вечере, устроенном компанией мужа, Кэтрин спросили, что ей больше всего запомнилось за первые три месяца в Москве. Она вообще-то над этим не задумывалась и сама немного удивилась, когда с языка тут же слетело, - Хамство. Повсеместное, бытовое хамство.

История её семьи совершила виток в тридцать восемь лет и, если не вернулась (к счастью) на круги своя, то повторилась по спирали. Когда ей было три года и её звали не Кэтрин Коро, а Катенькой Коровицкер, родители отправились на заработки в район полярного круга. Коренные ленинградцы, они, работая в

родном городе, не могли свести концы с концами. Теперь же, она приехала с мужем с той же «меркантильной» целью из прославленного Боингом и Билом Гейтсом города Сизтла в престольный град Москву. География поменялась - идея осталась той же. Не то чтобы они плохо зарабатывали дома, но в Москве Нику предложили в два с половиной раза больше. Было бы не по-американски, да и не по-каковски, а просто глупо, упустить такой случай. Благодаря любящей, образованной бабушке, Кэтрин великолепно владела русским: никто из иммигрантов, привезенных в США детьми, не говорил так чисто и правильно как она. Однако современная речь москвичей не походила ни на певучую, чуть манерную речь бабушки, ни на выговор Качалова с шипящих университетских плёнок. Отрывистые, рубленые фразы, произносимые с истеричным накалом, которые ворвались ей в уши на людных улицах Москвы, неприятно резали слух.

Приехав, они с Ником ахнули. Дважды! Сначала, от московской златоглазости – обещанные календарями луковицы церковей горели даже в отсутствии солнца. Затем, от количества красивых женщин и шуб. В Кэтрин вдруг проснулось желание прибавить семь сантиметров к своим ста-шестидесяти-пяти, стать на десять лет моложе и, запахнувшись в норковую роскошь, продефилировать в салон красоты на Тверской. По неопытности она не сразу отказалась от предложенной компанией Ника машины. Наивная, она полагала, что машина поможет в передвижениях по городу и... будет соответствовать имиджу (бабушка поправляла, «образу») московской дамы из русских гляцевых журналов. (Полистав один, начитанная бабушка прошептала «блеск и суета хулиганов»). Кэтрин и в голову не могло прийти, что эти дамы просиживают часами в сумасшедшем московском трафике так же, как и усталые владелицы «жигулёнков», и что машину им не присылают, когда есть нужда, а шофёр сидит у них «на коле двадцать-четыре/семь». Вообще-то правильно сказать «сидеть на колу», а не на коле, недоумевала она, но причём тут эта древняя попытка? Позже распознавать исковерканные английские слова её научила англичанка Мелинда. От машины Кэтрин отказалась через неделю, а от шубы, к удовольствию Ника, сразу. Сработал американский менталитет. Подметать Тверскую, Ямскую, и любую другую шкурками замученных зверьков она была неспособна при всём искреннем восхищении красотой и женственностью этих манто.

Главными занятиями Кэтрин в Москве было «делать жизнь» Нику и себе, и работа над привезенными из дома заказами. Дни её распределялись между часами у компьютера,

хозяйственными хлопотами и шатанием по городским улицам и улочкам, переулкам и переулочкам. Несмотря на заскорузлый индивидуализм, как природный так и усугублённый профессией, у неё вскоре возникла потребность в *собственной* стае. (Ведь вынь белую ворону из стаи чёрных, как она узнает, что она белая? Сравнить – то не с кем. Никто не каркнет, ты, милка, какая-то др-р-р-угая. И не узнает она, что она особенная, и будет думать, ошибочно конечно, что обыкновенная. Так и до снижения самооценки недолго докатиться, и до притупления самосознания дойти). Стаей, к которой она прибилась, стали женщины - экспатриантки. «Девушки» со всего мира (её поражал этот феномен пренебрежения возрастом - в Москве всех женщин называли девушками, если только они не выглядели как столетние бабушки), они любили не только поболтать - и так, и под рюмочку - но ещё делали для Москвы много хорошего бесплатно, волонтерствовали. Кэтрин вносила свою лепту, безотказно посещая заседания клубных комитетов, куда её приглашали, чтобы помочь общению. Кроме английского и русского она, славист по образованию, говорила на польском, украинском, белорусском и сербохорватском. Во время этих заседаний она и познакомилась с англичанкой Мелиндой. Подвижная, острая на язык, с курчавой головкой и холодными насмешливыми глазами Мелинда обращала на себя внимание таким же свободным русским, что у Кэтрин, и сообразительностью. И ещё тем, что уже в десять утра от неё исходил лёгкий аромат спиртного.

- Результат утреннего возлияния, называемого опохмелкой, - не колеблясь, объяснила Мелинда.

- То есть, это как бы клин клином вышибают? – удивилась Кэтрин.

- Именно. Это очень по-русски, а один из моих прадедов, говорят, был гусаром и кутилой. Русским языком Мелинда, как и Кэтрин, была обязана бабушке. Но её бабушка, судя по случайным, вскользь брошенным фразам, не осыпала внучку нежностями. Мелинда поддерживала её материально, хотя говорила о ней редко и не без сарказма. Пару раз у неё вырвалось *Grandma from hell*. Родители в жизни Мелинды вообще отсутствовали - во всяком случае, она никогда их не упоминала, а когда Кэтрин упоминала своих, делала вид, что не слышит, или меняла тему разговора. Она работала в редакции The Moscow News уже восемь лет.

- Тебя не тянет домой? - как-то спросила Кэтрин.

- Нет, здесь лучше платят и благосклонней относятся к пьющим девушкам, - засмеялась Мелинда. Они были симпатичны и интересны друг другу.

Узнав, что Ник и Кэтрин поселились прямо над квартирой-музеем П.А. Флоренского, англичанка неожиданно проявила жгучий интерес к деятельности этого заведения: от часов работы и посещаемости до имён директора и уборщицы. Из любопытства Кэтрин обратилась к своей верной помощнице, Википедии. Та ей поведала, что давным-давно многие называли Флоренского светоносным, чуть ли не Леонардо да Винчи XX века. Однако бабушкин любимый философ Н.А. Бердяев окрестил его рафинированным реакционером. Бешеная ненависть «светоносного» к евреям *ВЫНУДИЛА* его предложить спасти мир путём оскпления этой нации и *ВЫНУДИЛА* Кэтрин занести его имя в список личностей, ей глубоко отвратительных. «Апологет религиозного тоталитаризма» в тридцать седьмом он получил пулю в лоб наряду с евреями, борцами за равенство и братство. Значит пуля тебе на роду написана, - объясняла Кэтрин портрету на экране компьютера, - узнай ты, что над тобой поселилась еврейка, сам бы себе пулю в лоб пустил. Энциклопедическая информация, однако, не проявила повышенного интереса Мелинды к музею. Однажды Кэтрин показалось, что в конце их переулочка стоит джип её новой подружки, хотя из-за плохой погоды и расстойяния она могла легко ошибиться. С первой же их встречи она поняла, что Мелинда на вопросы отвечает исключительно по желанию, поэтому лишнего не спрашивала, тем более, что подвыпив, та сама делилась многим, известным ей как журналистке, но не ставшим достоянием широкой публики.

Мелинда обычно заезжала за Кэтрин перед очередным собранием комитета или походом на девичник. В остальное же время Кэтрин пользовалась одиннадцатым номером (так в детстве, глядя на её тощие ноги, шутила бабушка) или городским транспортом. Садиться одной в такси или, тем более, к «частнику» Ник не позволял, да она и сама побаивалась. В её великолепном русском языке водители такси и владельцы побитых фиатов, обшарпанных лад и неуклюжих волг (а они-то и подвозят усталых пешеходов) легко улавливали что-то нездешнее. Она не без зависти, но и не без внутренней дрожи за их безопасность, наблюдала, как московские Катеньки, не колеблясь, запрыгивали к «частникам». И ведь не боятся, что завезут, ограбят или ещё чего-нибудь похуже, полувосхищалась - полунедоумевала Кэтрин. Единственный прецедент произошёл с ней, когда водитель подобной таратайки предложил ей выйти за него замуж. Из машины она вылетела пробкой, сунула ему в полтора раза больше денег - сдачи не надо - только б избавиться.

Когда чрезмерная любознательность - качество, которое

она, видящая себя в будущем писательницей, всячески культивировала - заносила её далеко от дома, и одиннадцатый номер объявлял забастовку, Кэтрин садилась в троллейбус. Чаще всего это был «Б» - «букашка», курсирующий по Садовому кольцу. Путешествие на «букашке», каким бы коротким оно ни было, всегда воспринималось как маленькое приключение, но однажды превзошло всё, на что её американское воображение было способно. Катенька (в «букашке», как и в «советских» магазинах, Кэтрин куда-то улетучивалась) сидела у окна, и ей казалось, они плывут по пёстрому океану автомобильных крыш. Вернее не плывут, а дёргаются: «букашка» постоит-постоит, потом прыгнет метра на два и опять стоит. Водитель, женщина лет тридцати-пяти, крепкая, румяная – классическая русская баба с картин Кустодиева – за каждый метр дороги вела неравную борьбу с юркими легковушками и сваливающейся с электрических проводов штангой. Водрузить штангу на место, то есть, управляя канатами, зацепить дугу за провод, казалось сложным, требующим ловкости трюком. Когда троллейбус в очередной раз споткнулся – на этот раз о брошенную у тротуара машину - и штанга в который раз свалилась, по всему троллейбусу раскатился зычный женский голос, - Суки нетраханые, кидают свои ё-ые тачки где попало. – Водитель в несчётный раз вытащила из-под сиденья рабочие рукавицы и отправилась на поиски владельца машины. Нашла. Он выскочил купить сигареты и с кем-то заговорился. Крупный темноволосый мужчина, по виду из южных республик. Кэтрин уже сталкивалась с тем, что в России таких часто называли чёрными, а чёрных – о, ужас! - неграми. Настоящих чёрных не только не называли «африканскими русскими», но нередко били, а иногда и убивали. Вообще, по словам Мелинды, в убийствах особо преуспел Питер - колыбель революции. Той самой, целью которой было установить равенство и братство всех народов на земле. Её девяностолетняя бабушка, умница, светлая голова, по телефону объяснила, - Понимаешь, Катюня, ведь когда алмазы извлекают из недр, на их место валится окружающая пустая порода, и чем крупнее был алмаз, тем больше этой грязи. Уничтожение культурного слоя петербуржцев - самого широкого в России - освободило благодатное пространство преступности, ксенофобии и всякой другой дряни.

До Катеньки долетали только обрывки речитатива, обращённого водительницей к провинившемуся: чёртово отродье.. понаехали тут, говно виноградное.... тусуешься, чумазый, раковые палочки сосёшь... да за это вам всем болты пообрывать. Профессиональная переводчица, Катенька высунулась в окно, чтоб

ни слова не упустить. Кое-что она не расслышала, а кое-что не решилась бы воспроизвести даже в уме. Наконец, отношения были выяснены, и троллейбус поплёлся дальше. - Что п-да казённая, куда суёшься? – это уже было адресовано водительнице помятого фиата, пытающейся влезть впереди «букашки». – А ты, бульда-недоносок, нех-ем деланный, куда прёшь, зеньки–то из ж-пы вынь...

Где-то Кэтрин читала, что в старину на торговых площадях Москвы особенно колоритной бранью отличались не мужики, а именно бабы-солдатки. Конечно, она была знакома с «классическими» русскими ругательствами, но эти были куда выразительней - руки так и чесались достать блокнот и ручку, но она не решилась. Тем временем пассажиры разделились на два блока: порицающий и поддерживающий. Одни осуждали непростительно грубое поведение водителя во время исполнения служебных обязанностей, а другие считали, что оно вполне оправдано ситуацией. Последние высказывали своё мнение крайне резко, но бесспорно проигрывали водительнице в богатстве словарного запаса и виртуозности фразеологии.

– Неопалимовский, - наконец объявила та Катину остановку, - Ну что, верста коломенская, выходить будешь? – это длинному парню впереди, пытающемуся вытянуть свой чемодан. - Я тебе не толерастка, час ждать.

К середине жаркого московского лета Кэтрин поняла, что и она не «толерастка». Тридцатиградусная жара выдавливала народ из города на берега речушек, озёр и водоёмов, а она так и не смогла заставить себя освежиться ни в одном из них. У неё начинался зуд от одного вида многолюдных нечистых пляжей. Оставался холодный душ. Горячую воду отключили на два месяца – «техническая профилактика». Понять, почему каждое лето всю страну лишают горячей воды так надолго, было невозможно. Ник и Кэтрин пристрастились к бане – там почему-то горячая вода была. Иногда снимали частное отделение, приглашали друзей и на протяжении трёх часов парились, погружались в ледяной бассейн и пили пиво под лещика – большое, дорогостоящее удовольствие. Недешёвыми были и поездки в пансионат «Бор». Туда босс Ника пристраивал их «по благу», чтобы не дать мозгам ценного специалиста расплавиться от городского зноя. Почему при наличии свободных номеров в пансионате всё равно требовался «блат», им тоже понять было не дано. До Перестройки «Бор» был местом отдыха правительственной элиты. После Перестройки демократизировался до уровня бизнес элиты. Интересно, до чего он «опустится» через пару лет, иронизировал Ник. Кэтрин

поразило, что в памяти вдруг всплыли запахи, звуки и образы её детсадовского детства. Скрип половиц и дверей, текстура одеял, простыни с печатями на уголках, ковровые дорожки в коридоре... Ей иногда казалось, что если поглубже втянуть в себя воздух, почувствуешь запах манной каши. Всё кроме, пожалуй, люстр и бассейна, несло тот же почти неуловимый отпечаток. - Это неизбывный дух нашей исторической родины проникает в твою эмоциональную натуру через все пять органов чувств, - шутил Ник. - Пансионат он хоть и элитарный, но всё равно бывший советский.

Природа в «Бору», странно называемая природой средней полосы, напоминала ей русскую девушку. Тоже среднюю. Не красавица - не урод, миленькая, скучноватая. Полная противоположность приехавшей погостить Мелинде. Во время пребывания журналистки их вдруг стали оповещать, что сауна уже подогрета, а массажист появится, как только они пожелают. Постели предлагали менять ежедневно, и в ресторане их ожидал лучший столик с бесплатной бутылкой советского шампанского на льду. Вино недорогое, но тот факт, что раньше первые десять минут к ним вообще никто не подходил, делал его королевским. Лишь одно происшествие во время визита Мелинды оставило неприятный осадок. Гуляя с подружкой по асфальтированным дорожкам, проложенным через лес, Кэтрин шутила, что *такой* нонсенс ей нравится, потому что она никогда не была с природой на ты.

- Я не из тех, кого деревце от дождика укроет – мне крыша нужна, и листик шафранный мне ранку не залечит – только антибактериальная мазь помогает, - смеялась она. - И птичка в клювике попить не принесёт – самой приходится наливать. А по этой жаре мои птички в Москве – это продавщицы киосков с водой. Знаешь, их способность становиться невидимыми поразительна. Они так ловко прячутся в глубине своих миниатюрных избушек, что это должно стать предметом изучения для разведчиков и исполнителей номера «человек-невидимка». Стучишь по стеклу десять раз – никого; пытаешься заглянуть внутрь – никого; только соберёшься уходить, вдруг в окошке появляется тётя, да иногда такая, что лицо в окошко не помещается. Куда там вмещается остальная фигура, просто уму непостижимо.

- Надо взять у них курс, - усмехнулась Мелинда.
- Тебе зачем? Ты же худышка.
- Ты ж говоришь, полезно для шпионов.
- Я сказала разведчиков.

- Одно и то же, - слегка заплетающимся языком ответила уже успевшая принять «пять капель» англичанка. - И для журналистов.

Кэтрин забыла бы этот разговор, если бы через несколько часов, возвращаясь несолоно хлебавши из бассейна - по субботам он закрывался раньше - она не застала Мелинду, фотографирующей разбросанные по столу бумаги Ника. На звук хлопнувшей двери Мелинда вздрогнула, резко повернулась и, увидев Кэтрин, неестественно быстро произнесла, - Интересная картинка, хочу повесить у себя такую же. - Но Кэтрин успела заметить, что фотографировала она отнюдь не висящую над столом картинку. Джеймс Бонд в юбке, вернее, Мата Харри в штанах. Только этого нам и не хватало, подумала она, но сделала вид, что поверила.

Ко всему, с чем она сталкивалась, Кэтрин относилась как к потенциальному материалу для книги, а потому её интересовало всё. *Info junky*, называл её Ник. В Москве у него обнаружился старый друг детства. Коренной москвич, он часто приглашал Кэтрин на открытия выставок и разнообразные литературные «тусовки». Для него, испытанного «мандельштамовца», они были естественной средой обитания, а порой и выживания. Для неё они стали освежающим дуновением. В помещении «для своих» - небольшом, уютном, обветшалом пространстве, зачастую где-то под крышей - они потягивали водочку и похихикивали над «булгаковцами» и «платоновцами», которые часто и до хрипоты спорили по поводу феномена Москвы.

- Москва - город, увлекающий своими тайнами, - романтизировали «булгаковцы».

- Москва - женщина, дающая жизнь, - идеализировали «платоновцы».

Кэтрин курила в форточку и слушала, проникаясь муками и радостями малоимущей интеллигенции. Окна этих пристанищ зачастую выходили в экзотические московские дворы. Ей, правда, быстро дали понять, что экзотическими они выглядели только для неё, иностранки. Но она действительно нигде больше не видела, чтобы великолепное, раскидистое дерево склонялось над переполненными мусорными ящиками и тут же, рядом со свалкой битого кирпича и ржавого железа, весело зеленел цветничок, а чуть в стороне, в детской песочнице отдыхала стая бездомных собак. Она так никогда и не смогла ответить себе на вопрос: существование этих бродячих стай - признак равнодушия и бесчувственности москвичей или гуманности, потому что их не «пускают на мыло»? И вообще Кэтрин никак не могла для себя

решить хорошие они или плохие эти москвичи. А как было бы удобно и просто, если б можно было всех записать в милые - интеллигентные или злые - глупые. Ведь именно так поступают русские по отношению к иностранцам. По неведомым ей причинам они все, почти без исключения, считают американцев бескультурными и тупыми.

- Сразу видать, вы не американка, - сказала ей однажды соседка.

- А кто же я?

- Но вы же отсюда – значит наша. И умная тоже, интеллигентная.

- А вы когда-нибудь сталкивались с американцами?

- Да мне и сталкиваться не надо, я так знаю, читала – дурные они. Им бы только пиво пить да на машинах гоняться.

Если они дурные, хотелось спросить Кэтрин, почему же в Америке моя шестидесятисемилетняя мама ходит в кино, в клуб, в театр, ездит в круизы и выглядит моей сестрой, а вы, пятидесятипятилетняя «девушка», чуть ли не со слезами мне объясняете, что вас вычеркнули из жизни? Но не спросила.

- Да ничего в нашей стране для нас нет, - повторяла соседка. - Со студенческого проездного перешла сразу на бесплатный пенсионный – вот и вся радость. Иногда разве что соберёмся с подругами, разопьём бутылочку да песни наши попоём, а ведь мы ещё не старые, много чего хочется.

- То есть получается на вас, ещё молодой, умной, достойной, общество поставило крест? – переступив свою американскую корректность, всё-таки спросила однажды Кэтрин.

- Получается так, - грустно подтвердила соседка и то ли чтоб изменить тему разговора, то ли вспомнив, вдруг обронила, - К вам тут подруга заходит, курчавая такая, кто она?

– Журналистка. Работает в «Московских новостях» на английском языке. А почему вы спрашиваете?

– У-у –ы-м, - неопределённо протянула та. - Да так... газетчики эти народ ушлый... всё-то им расскажи: что да как, да когда, да кто и почему...

Кэтрин не забыла инцидент в «Бору». Чтобы разобраться в происходящем она старалась общаться с Мелиндой чаще. Однажды пригласила её зайти в кинотеатр «Стрела». Над выцветшей голубой вывеской, перечёркнутой красной стрелой, красовался ярко светящийся неоновый знак «Каро-Фильм».

- Так и не долетела эта их стрела до светлого коммунистического будущего, – усмехнулась Мелинда.

- Что? – не поняла Кэтрин.

- Ничего... Воспоминания. Я ведь год проучилась в Москве, когда мне было девятнадцать.

Было тихо, пусто, на пятчасовый сеанс никого.

- Нам, пожалуйста, два билета. Серединку, если можно, - попросила Кэтрин.

- У нас всё серединка. Тысяча двести рублей.

- Сколько? Больше двадцати долларов за билет?- изумилась Кэтрин. В Штатах билет в кино не стоил и половины. В ушах зазвучали жалобы соседки, а перед глазами всплыл голубой пятидесятикопеечный билет её дошкольного детства. - А почему так дорого?

- У нас кожаные кресла с управлением... и вообще.

- Пойдём? - спросила Кэтрин Мелинду. Та пожала плечами - как хочешь. Замаячило что-то, с чем она ещё не сталкивалась. - Пойдём.

Кэтрин поняла: как давно исчезли кареты из Каретного переулка и не шуршит сено на Сенной площади, так никуда больше не летит и красная «Стрела». А превратилась она в евроотремонтированный кинотеатр Каро-Фильм с залом стандартного размера, в котором, однако, размещено всего одиннадцать рядов по пять мест в каждом. Но что это за места! Такие не найдёшь даже в первом классе воздушного лайнера. Широченные кожаные кресла с вращающимися боковыми столиками: хочешь - сиди, хочешь - лежи или полулежи. Ощущение, что это не столько кинотеатр, сколько стилизованный под кинотеатр салон свиданий усугублялось присутствием в заднем ряду ещё одной пары. Юноша и девушка увлечённо тыкали пальцами в свои мобильники, бурно объяснялись и громко любили. Присутствие двух взрослых женщин их нисколько не смущало.

- Откуда у них столько денег? - спросила Кэтрин Мелинду. - Они ведь и билеты купили, и в буфете, я заметила, посидели...

- Как правило, молодёжь их типа, то есть молочно-восковой зрелости и квадратного интеллекта, - усмехнулась журналистка, - может «круто» зарабатывать только наркотиками. Теперь уже не только наша газета, но и русская медиа в открытую говорит, что наркомания среди молодёжи стала национальным бедствием. Глупые, желторотые птенцы... сегодняшняя Москва предоставляет *golden mine* возможностей делать деньги, а они лезут в самое страшное.

- Но, по-видимому, и самое доходное?

- Это как сказать... если есть мозги, в Москве можно зарабатывать буквально на всём.

- Например?

- Понимаешь, пока на любую коррупцию всегда находится ещё большая коррупция, а на любое беззаконие ещё большее беззаконие, нужно только научиться оставаться на стороне победителя, и деньги польются рекой.

- А коррумпировано и незаконно всё и вся, ты это хочешь сказать?

Мелинда неопределённо улыбнулась.

Материал для книги накапливался быстро, но ещё быстрее в Кэтрин накапливалось раздражение на собственную бесхитрость. Как-то она очутилась в один и тот же день с утра на станции метро Щёлковская, а ближе к вечеру на станции 1905 года. Её поразило, что у выходов этих станций в диаметрально противоположных районах города стояли молодые люди одинаковой восточной внешности с одинаковыми объявлениями «Куплю старую швейную машинку». Видимо ребята сбежали из какой-нибудь воюющей республики и пытаются открыть свою швейную фабричку, подумала она. Вечером за обедом поделилась с мужем, смотри, мол, как свободное предпринимательство работает, позволяет людям со смекалкой выживать в чужом для них городе. Ник изумился до такой степени, что не донёс ложку до рта.

- Кэт, ну ты совсем, - он покрутил пальцем у виска. - Кто, ты думаешь, может хотеть продать швейную машинку?

- Я думаю старушка. Она и не шьёт давно, и деньги позарез нужны.

- А старушка сможет сама притащить её на рынок или в комиссионку? Нет. Значит, прочитав объявление, она приведёт такого вот «добра молодца» к себе домой, а там уж всё зависит от степени старушкиного невезения – то ли её просто ограбят, то ли ещё и пришибут.

Кэтрин почувствовала, как у неё запылали щёки от негодования и досады на себя. Правы москвичи: дура - американка. Однако «бизнес» заезжей молодёжи с машинками вскоре показался детским лепетом. Одним прекрасным августовским утром (а таких выдалось немного, потому что гнетущую жару быстро сменил морозящий холодный дождь), она вышла из дома и, привычно поприветствовав барельеф А.П. Флоренского средним пальцем правой руки, направилась к метро. Пройдя квартал, она увидела, как у дома по соседству с полюбившейся ей «торговой точкой Военторг» остановился невзрачный красный фиат. Синхронно распахнулись обе передние дверцы, и оттуда, как по команде, выскочили двое бритоголовых в

одинаковых чёрных костюмах с длинными чёрными зонтиками наизготовку. Они на секунду переглянулись, в унисон хлопнули дверьми, так что автомобиль вздрогнул, и направились к двери подъезда. Неподалёку стояли два милиционера. Наблюдали. Тут она остановилась, разинула рот на интересную киношную сценку и только через несколько секунд сообразила, что зонтики – это винтовки, а милиционерам, скорее всего, заплачено, чтобы ни во что не вмешивались. Испугавшись, она перебежала на другую сторону улицы. Оглянулась – бритоголовые уже исчезли в подъезде, а милиционеры закурили. Через три дня, идя в том же направлении, мимо того же злополучного подъезда, она увидела на асфальте что-то светящееся. Подошла ближе. Две свечи и фотография молодого парня, не более тридцати: скуластое русское лицо, чёрная куртка. Позже Мелинда рассказала, что это был модный среди юношества певец, который чего-то с кем-то не поделил. Такое решение спорных вопросов для Москвы может и не ново, но Кэтрин и через три года не позабыла чёрные фигуры с «зонтиками» и охраняющих бандитов, спокойно курящих милиционеров через дорогу от военной академии - символа мощи и порядка. И свечи тоже.

Кэтрин Коро не была искательницей приключений и уж тем более авантюристкой - просто, любопытная и неравнодушная, она многое замечала. Президент одного из трёх женских клубов, членом которых она состояла, попросила её поработать над годовым отчётом и как образец дала отчёты за предыдущие два года. В папках хранились протоколы ежемесячных (последний четверг каждого месяца) совещаний комитета, включающие перечень присутствующих. Листая их, Кэтрин заметила, что каждый третий месяц имя Мелинды отсутствовало. Это тем более бросалось в глаза, потому что именно грамотная, сообразительная Мелинда обычно и вела, и подписывала протокол. Шёл октябрь, очередное совещание комитета выпадало на двадцать шестое - через неделю. Получается как раз третий месяц, сосчитала Кэтрин.

Двадцать шестого она вышла из дома чуть ли не на рассвете. Накануне она сказала Нику, что они с «девушками» едут на далёкую экскурсию в Ясную Поляну. – Не забудь свой мобильник, - напомнил Ник. – Не волнуйся, - чмокнула мужа Кэтрин.

Такси нашлось сравнительно быстро – в шесть утра в Москве мало кто куда едет. Она обрадовала шофёра, пообещав заплатить за полдня, даже если они управятся раньше. Затем дала адрес Мелинды. Они остановились под аркой, метрах в двадцати от её джипа, припаркованного напротив подъезда. Ждали

сравнительно недолго. Было 7:30, когда Мелинда вышла из подъезда. Она была тщательно одета и причёсана. А ведь любит с вечера выпить и утром долго поспать, отметила Кэтрин. Совещание комитета начиналось в десять. Как она и предполагала, в такую рань Мелинда собралась ехать не на совещание.

- Следуйте за ней, - сказала она шофёру.

- Любовница мужа что ли? – поинтересовался он. Кэтрин неопределённо пожала плечами. – Ладно, можешь не говорить, ты не одна такая.

Они следовали за Мелиндой немного дольше часа. Сначала через весь город, затем по быстро оживающему шоссе, пока не свернули на узкую асфальтированную дорогу. За первым же поворотом они увидели машину Мелинды на обочине, а саму Мелинду усаживающейся на заднее сидение чёрного Мерседеса. На переднем сидел большой, серьёзный бритоголовый. Он и шофёр Мерседеса выглядели родными братьями. Всё это Кэтрин рассмотрела за считанные секунды, потому что водитель такси, громко матюгнувшись, стал вдруг размахивать руками, всячески показывая бритоголовым, что виноват. Под их взглядами, холод которых, казалось, проникал через стёкла обеих машин, он стремительно развернулся и ринулся обратно к шоссе. Когда Кэтрин оглянулась назад, чёрный Мерседес с Мелиндой уже исчез за поворотом.

- Ну ты, девушка, даёшь, - перевёл дух водитель. – Знал бы, на кого из-за тебя напорюсь, никогда б не поехал.

- А кто они эти люди?

- Ты что маленькая, сама не видела, какая у них тачка и вообще?

- Я, честно говоря, в этом не разбираюсь.

- А тут и разбираться нечего – сразу видно мужики большому человеку служат.

Шофёр замолчал, и её хитроумные попытки вытянуть из него больше информации ни к чему не привели.

Через неделю Кэтрин и Мелинда встретились на ленч в кафе на Тверской. Они закончили свои «витаминные» салаты и перешли к кофе, когда Кэтрин сказала с деланным спокойствием, - Может, расскажешь о своей дополнительной, нежурналистской деятельности?

Мелинда недоумённо переспросила, - Какой деятельности?

- Той, которой ты занималась утром двадцать шестого числа.

Лицо Мелинды за одну секунду сменило несколько выражений: изумление, растерянность, упрямая ожесточённость. Зная подругу, Кэтрин не удивилась бы, если б та посоветовала ей не совать нос в чужие дела. Однако после короткого молчания Мелинда пожала плечами и сказала, - Ничего такого я не делала. В гости ездила.

- Ну да, на утренний чай с бритоголовыми амбалами, - съязвила Кэтрин.

Мелинда повременила, как бы принимая решение, - Нет, не с ними, с их боссом. Я с ним давно дружу.

- И дружите вы раз в три месяца.

Брови Мелинды выскочили за пределы оправы её дорогих очков, - Ну ты даёшь. Тебе надо было быть журналисткой – такая же ищейка, как и я. Да, раз в три месяца он приглашает меня поговорить.

- О погоде и здоровье твоей бабушки, - продолжала иронизировать Кэтрин.

- Ладно, хватит, я скажу - ничего такого в этом нет. Мы с ним обмениваемся: я ему информацию – он мне баксы.

- Какую информацию?

- Например, такую, которая помогает одному серьёзному господину повалить акции, или репутацию, или связи другого и скупить по дешёвке, а то и за бесценок, его *assets*. Ценная информация она ведь и от соперника помогает избавиться, и свои активы пополнить на десятки, а может и сотни миллионов.

- То есть, компромат.

Мелинда пожала плечами. - Ты же помнишь эту русскую поговорку «назови хоть горшком - только в печь не сажай». Информацию я собираю из самых, что ни на есть, открытых источников, а станет она компроматом или умрёт в чьих-то архивах – это не моё дело. Я прирождённая тусовщица - сама знаешь. Из журналистских и эксклюзивных клубов не вылезаю, на посольских приёмах регулярно. Выпить люблю, так что мне открывают души и потаённые мысли многие известные особы, а с памятью у меня, слава богу, всё в порядке.

- И ты всё интересенькое исправно доставляешь «боссу» в обмен на баксы. Он у тебя кто, промышленник, кагебешник, или политик?

- Это тебя не касается.

- Согласна, но неужели тебе так сильно нужны деньги, что ты добровольно полезла в отношения с этим твоим «боссом»? Даже я уже поняла, что если в один «прекрасный» день, такой вот босс решает, что ты знаешь *too much*, ему расправиться с тобой

ничего не стоит.

Мелинда чуть побледнела.

- Во-первых, не добровольно. Я его встретила в ночном клубе три года назад и согласилась по пьянке. Позже деваться было некуда. И, кроме того, мне кажется, в нём всё-таки есть элемент порядочности...

Кэтрин закатила глаза к небу и вздохнула.

- Кэт, ты пойми, девять лет назад я работала в маленькой лондонской газетёнке и вела утреннюю передачу на малоизвестной радиостанции. Я еле сводила концы с концами – иногда даже приходилось жить у бабки. А тут вдруг, о подарок небес! Меня приглашает The Moscow News. Деньги на оплату квартиры, командировочные, зарплата больше лондонской и бонус. Я просто ошалела от радости. В восемьдесят пятом я жила год в Москве по обмену студентов. После этой их Перестройки обо мне вспомнили как о носителе языка. В Москву понаехало несколько тысяч иностранных специалистов с семьями. Раньше The Moscow News читали в основном преподаватели английского и студенты, сдающие «тыщи» - язык был сухой академический. Для нового контингента его требовалось оживить.

- Ты сама говоришь, они тебе хорошо платят...

- Да, но это Москва. Дороговизна растёт непрерывно...

- ...а ты уже привыкла к дорогим ресторанам и отборным винам и коньякам.

- Вот именно. Поначалу я подрабатывала тем, что отдавала кое-какую *пикантную* информацию в интересующиеся ею публикации.

- П-у-б-л-и-к-а-ц-и-и... Ты имеешь в виду бульварную печать, типа СПИД-инфо?

- Типа. Не под своим именем, конечно. Но они теперь платят гроши.

Кэтрин допила свой кофе и отодвинула чашку на край стола. - А что ты выискивала в нашем доме? Соседка сказала ты приходила несколько раз, приставала к жильцам с расспросами.

- Ах это, - усмехнулась Мелинда. – Надеялась, что обнаружу ещё один небольшой приработок.

- В нашем доме?

- Ты не знаешь, а я знаю, что директора таких музейчиков, как квартира Флоренского, нередко списывают на них доходы от своих других, «некультурных» бизнесов. Мне не так уж трудно докопаться до их двойных бухгалтерий, если таковые существуют. И... можешь не смотреть на меня так, да, я их шантажирую. Газетчиков они боятся как огня. Один от меня откупился сразу, а

двое других платят немного, но ежемесячно. Я своего упускать не собираюсь.

От такой откровенности Кэтрин даже слегка затошнило. - Но это не достойно тебя! Ты ведь прекрасная журналистка, настоящий профессионал...

- Вот именно. Это означает прирождённая ищейка. И тусовщица. - Мелинда заговорила горячо и быстро, - *Я party animal*. Я захожу практически повсюду, будь то клубы, посольства, или частные резиденции всяких известных людей...

- Или квартиры друзей-специалистов, - не преминула вставить Кэтрин, но Мелинда даже внимания не обратила.

- ...которые, кстати, любят меня приглашать. Где бы я ни была, я собираю информацию. Всегда. Тусовка – моя жизнь, а добыча информации – моя работа, - продолжала распалиться она. - Почему же мне не продавать результаты моего труда? Шахтёр добывает уголь – я добываю информацию. Информация - дорогостоящий товар. Чем она хуже угля?

Мелинда разглаговольствовала ещё минут сорок. Её прорвало: видимо откровенная беседа приносила ей облегчение. Кэтрин очень хотелось уйти. Наконец англичанка спросила, - Тебя подвезти? Я на машине.

- Нет, я, пожалуй, пройдуся. - Кэтрин махнула приятельнице рукой и зашагала прочь так быстро, как только позволял её одиннадцатый номер.

***

Никому предложили продлить контракт ещё на год. Он не возражал – работа интересная, платят сказочно - решение было за Кэтрин. Она колебалась: интересы и высокие заработки мужа – сильный довод. Что она может противопоставить? Ещё одно жаркое лето? Но ведь это несерьёзно. Решение пришло неожиданно, во время экскурсии. Гид подробно и интересно объяснял конструкцию русских изб. Петушки их главное украшение. Накладной, резной, или скульптурный, красивый петушок создаёт впечатление мира и довольства в избе. - А заодно отвлекает внимание от конька, на котором он сидит, - улыбнулся гид. - Залюбовавшемуся петушком зрителю невдомёк, что брёвна, возможно, покосились или подгнили.

И сам петушок об этом не думает, внезапно осенило Кэтрин. Самовлюблённый, высоко поднятый, он позабыл, что если повалится конёк, изба рухнет и погребёт его вместе с собой. Ей вдруг стало абсолютно ясно, что слепящая златоглавость, роскошная норкошубость, ароматы немислимо дорогих ресторанов – это и есть раскрасавец петушок. А она за год,

проведённый в избе - Москве (её собственный «феномен Москвы») переполнилась ощущением гниения сердцевины брёвен. Она не Мелинда и не Катенька. Она Кэтрин, и *эта* изба не по ней.

- Меня петушком не заманишь, - решительно сказала она Нику во время обеда.

- Что? Не понял?

Через месяц, как только закончился его контракт, они уехали.

Александр Бураковский

Абрам дурак

Рассказ

- апа, - сказала вдруг Аня, - не сиди дома, иди, погуляй. Смотри, как хорошо вокруг, словно в селе. Иди к озеру, покорми гусей, ты ведь любишь это делать.

Дочь с зятем только возвратились после дальней поездки: отвезли внуков в еврейский лагерь на летние месяцы, и им не очень нравилось, что Абрам «крутится под ногами». Он это сразу понял, и знал: когда Аня обращается к нему официально - «папа», а не привычным словом «балабусик», как называла его покойная жена, значит, что-то ей не нравится. И лучше не перечить. И он вышел...

Старый кирпичный двухэтажный дом, который теперь принадлежал дочери и зятю, стоял на короткой, не более 200 метров в длину, улочке, похожей на лестницу, упирающуюся сверху в огромное ухоженное еврейское кладбище, а внизу – в дорогу, с другой стороны которой тоже было еще большее кладбище, но иное: без памятников и надгробий с могеновидами, а лишь с небольшими металлическими плитками, невидимыми над аккуратно подстриженной травой, если бы не маленькие американские флажки, воткнутые в землю почти у каждой из них.

И когда Абрама и внуков привезли сюда из Бруклина на смотрины, и он увидел эту удивительную чистоту и ухоженность на кладбищах, и сказал, подходя к дому, где им теперь предстояло жить: «прекрасное место, отсюда и носить-то далеко не надо», Аня ответила одним продолжительным словом – «Па-па!». И он, как обычно, умолк.

Уже в доме, когда они ходили из комнаты в комнату со второго этажа на первый, а затем спускались в бэйсмент с окнами, похожими на бойницы в дзотах времен войны, и снова поднимались вверх, младшенький – Яша, все время не отпуская руку Абрама, вдруг тихо спросил: - Дедушка, почему ты сказал «носить далеко не надо»?

Абрам вышел из дому. Заканчивалась весна. Он

остановился. Посмотрел направо вверх, налево вниз, их дом стоял примерно посредине. Пусть и короткая, но широкая улочка с асфальтированной дорогой, конечно, мало была похожа на сельскую, подумал он. Не видела Анюта еще настоящих сельских улиц, покрытых, в лучшем случае, булыжником. Когда мы уехали из Киева, Анютке было 14 лет, что она видела!

А что видели внуки, родившиеся уже в Америке, что они будут знать о прошлой жизни, думал он с огорчением. Аня не любит, когда я рассказываю Яше и Мише о прошлой жизни, о войне, об их прадедушке и прабабушке. Говорит: «Па-па, они еще успеют об этом узнать». И он умолкает.

Абрам постоял еще с минуту, раздумывая, и направился вверх «по лестнице». Он подошел к невысокой металлической ограде кладбища, сквозь которую оно хорошо просматривалось, и остановился передохнуть. Перед ним простиралось огромное поле памятников, похоже – из черного и серого гранита, подумал он, вспомнив оставленные в Киеве на Берковцах памятники отцу, матери и жене, внезапно умершей накануне эмиграции. На ближайших плитах он легко различал надписи на древнееврейском языке, но прочесть их не мог. И подумал: а если бы они были и на идиш, разве он смог их теперь прочитать?..

Может быть, внуки выучат идиш, подумал он. Так ведь бывает. Яша – возможно и выучит, но не Миша, очень похожий внешне на его покойную жену, прекрасно знавшую идиш. И это противоречие огорчало Абрама.

С тех пор, как они 15 лет тому назад эмигрировали в Америку, (он это хорошо помнил, ибо последние, особенно быстро летящие годы, считал) Абрам все чаще думал о своей прошлой жизни, о судьбе родителей, переживших две страшных войны, о жене - так рано оставившей его одиноким, о будущем дочери, зятя, внуков. Что ждет их завтра?.. Материально дети не особенно нуждались, оба работали программистами в серьезных американских компаниях и наступивший экономический кризис их, слава богу, не очень сильно коснулся. Но мир в последние годы стал очень уж напоминать Абраму годы его детства: беспокойные, агрессивные, непредсказуемые...

Абрам шел вдоль вершины холма по узкой дороге со странным названием Dwasline. Справа и слева вниз уходили улочки, очень похожие на ту, где теперь стоял дом его детей. Но здесь дома и участки вокруг них были побольше. И он вспомнил, как зять рассказывал накануне покупки дома, что еще 70 лет тому назад в этом районе была большая ферма, поля и пастбища. А перед войной хозяин фермы по имени Dwas стал распродавать

свою землю. Сначала часть ее купили под кладбища, а затем началось здесь и строительство. Потому и их дому было всего 60-70 лет от роду. И жили здесь до них лишь три хозяина. Последней была женщина 93 лет, овдовевшая 30 лет тому назад и жившая больше с детьми, имевшими уже свои семьи. Да и дом сохранился в отличном состоянии, но участок за ним густо зарос деревьями, кустарником, бурьяном – настоящие джунгли.

Абрам любил ходить. Еще несколько лет тому назад, до того, как ему «стукнуло» 75, он не только много ходил, но и подрабатывал, разнося пиццу в районе Брайтона, где он тогда жил в большом кирпичном доме неподалеку от детей. Рядом с его домом была пиццерия, хозяином которой был многолетний эмигрант-албанец по имени Тони. Пиццу он готовил настолько профессионально, что Абрам первое время разевал рот, словно «варежку» (так он сам называл свое удивление), наблюдая как артистично Тони жонглировал тонко раскатанным куском теста, то подбрасывая его в воздух, то пружинисто лоя растопыренными пальцами, и снова ловко укладывая на гранитную плиту, посыпанную мукой. И жалел, что не может заснять это действие на видео.

- Это нужно видеть, - восхищенно говорил он Ане, рассказывая о своем боссе.

Но дочь не разделяла его восторга, говорила укоризненно: - Тебе, балабусик, что, есть нечего? Холодильник у тебя полный. Зачем ходишь подрабатывать? Не позорь нас перед соседями.

Но Абрам не слушал дочь. В молодости он пытался стать кинорежиссером, но ничего из этого не вышло. И потому до эмиграции проработал на своем заводе ровно 44 года: сначала слесарем-сборщиком, затем – монтажником, а последние 26 лет – инженером, окончив заочный московский институт. И теперь не представлял себя без работы. Он часто слышал от знакомых, что мы, мол, свое Там уже отработали, и потому Здесь можно уже отдохнуть. И отдыхали. И не только те, чей возраст позволял уходить на SSI, но и гораздо моложе, придумывая себе разные болячки, и таскаясь постоянно по врачам. И постепенно действительно становились больными, непрерывно принимая лекарства от болезней, которых не имели, и говорить с ними о чем-либо другом, кроме их болячек, уже было невозможно. Так Абрам окончательно потерял интерес к своему другу детства Срулику Рабиновичу, ставшего Там Васей Реко, а Здесь – снова Рабиновичем, но теперь - Сэмом. И Абрам остался один, и поговорить-то не с кем было. А писать письма и звонить по телефону бывшим друзьям и коллегам, теперь живущим в разных

странах, он не решался. А вскоре и звонить-то стало почти некому.

Сначала Тони давал Абраму только одну работу: мыть грязную посуду, ходить в близлежащий магазин за покупками, подметать в пиццерии, и чистить, выскребивать полы и столы после окончания работы. Но платил он исправно, выдавая Абраму в руки каждую пятницу наличными из расчета: по восемь долларов за час работы. Первые недели Абрам ежедневно записывал отработанные часы. Но каждый раз, когда получал расчет, оказывалось, что Тони округлял сумму в большую сторону. А когда Абрам сказал об этом, пытаясь вернуть незаработанные деньги, Тони рассмеялся, похлопал Абрама по плечу, сказал:

- Все правильно, ты отличный работник, заслужил.

Абрам понимал слова Тони не столько, зная английский язык, сколько по мимике и жестам. И почти никогда не ошибался.

Однажды, когда в пиццерии были часы пик, Тони послал Абрама отнести пиццу в соседний «билдинг», где жили, преимущественно, пожилые люди. И Абрам отнес, страшно покраснев, когда ему вручили чаевые: по доллару за каждую пиццу. И несколько секунд стоял перед закрывшейся перед ним дверью, ощущая неимоверное смущение, словно поступил нечестно, не по-мужски. Он знал, что молодые люди, развозящие пиццу на машине, работали здесь только ради чаевых. И понимал, что вскоре и ему придется так поступать, не быть же белой вороной. Но вдруг, впервые в жизни, получив эти деньги, не знал, что с ними делать. Возвратившись в пиццерию, он выложил два доллара перед Тони. И тот вдруг стал очень серьезным, не понимая, почему Абрам отдает их ему. А когда понял, усадил Абрама за стол, сел рядом и несколько минут объяснял, что это его честно заработанные деньги.

- Они твои, - несколько раз повторял он. И Абраму было стыдно, ему показалось, что Тони считает его недоумком. Но как объяснить, что это впервые в жизни.

Через несколько дней Тони снова послал Абрама в «билдинг» отнести пиццу, сказав, хитро улыбаясь: - Абрам, звонили твои бабульки, просят, чтобы только ты принес им пиццу. Чем ты их так приворожил, а?

Абрам знал, о ком говорил Тони. Он запомнил этих двух старушек, живущих в одной квартире. Когда он впервые принес им пиццу, они расспрашивали его: кто он и откуда. И он несколько минут объяснял на своем английском, что родился в Киеве, есть такой город в Украине. А Украина – это такое независимое теперь государство на территории бывшего СССР. Но только когда он произнес слово «СССР», старушки дружно улыгнулись, стали его

благодарить, а когда он вышел за дверь и разжал кулак, увидел в ладони не один доллар, а пять. И снова стоял несколько секунд в замешательстве.

Перед отъездом из Бруклина Абрам пришел к Тони попрощаться. Последние годы он уже не так часто подрабатывал в пиццерии, ноги болели бегать по этажам билдинга, но изредка заходил в гости, проводывал. И Тони всегда усаживал Абрама за стол, угощал самым вкусным, что имел в то время, и всегда передавал приветы от старушек, которые до сих пор спрашивали о нем.

В этот раз, выслушав Абрама, Тони стал грустным. Смотрел несколько минут в глаза, словно прощался навсегда. Поднялся, испек в печи свежую пиццу с сыром, грибами и помидорами, зная вкусы Абрама, уложил ее аккуратно в фирменную коробку. Улыбнулся. Обнял за плечи. Сказал, протягивая пиццу, и не обращая внимания на возражения Абрама:

- Будешь в Бруклине, заходи, я тебе всегда рад. - И они обнялись, словно старые друзья...

В последний день Абрам пошел «прощаться с Брайтоном». Он ходил по знакомым улицам, заглядывал в магазины, где сотни раз бывал, прислушивался к шуму метро над головой (теперь он ему не мешал), а напоследок направился на деревянный Бордвок, где особенно часто гулял, вглядываясь в далекую кромку океана и слушая русскую речь. И вдруг увидел Сэма. Он шел с незнакомой женщиной под ручку и громко смеялся.

Абрам отвернулся, но Сэм его заметил.

- Вера, - крикнул он, будто дама стояла в километре от него, - посмотри сюда, кого я вижу! Это правда: ты уезжаешь в Нью-Джерси? Ты что – дурак? Вера, посмотри на этого камикадзе. Ты что, там тоже будешь пиццу развозить, Абрам?..

Улица Dwasline закончилась, упираясь в другую, идущую перпендикулярно. Абрам остановился. Озеро находилось впереди, за домами. К нему было два пути: повернуть налево мимо большой ортодоксальной синагоги с огромными окнами из цветного стекла, либо направо - к хилой речушке, вытекающей из озера, вокруг которого круглый год паслись серо-зеленые дикие гуси, давно привыкшие к присутствию человека. Здесь их было много, не меньше сотни. Озеро заканчивалось небольшим, в два метра высотой, рукотворным водопадом, за которым речушка продолжала свой извилистый ход, прячась под мост, над которым проходило шоссе, а затем убегала в тень огромных деревьев, расширяясь, сбавляя течение.

Абрам повернул направо. Здесь у речушки в густой тени деревьев парка, было всегда сумрачно, пустынно, не плавали, как слева в озере, множество гусей, уток, чаек, разнообразных птиц, не гуляли люди, не ездили велосипедисты по многочисленным аллеям, не было шумно и весело вокруг. Но именно здесь в прошлый раз он вдруг увидел семь снежно-белых уток. Они держались кучно, будто одна семья. А верховодил у них огромный, по сравнению с ними, гусь серого цвета с длинной светлой шеей. Он вальяжно переступал с лапы на лапу. И все утки тут же послушно следовали за ним. Вода в речушке была чистой. Ее берега то суживались до расстояния в два-три метра, и тогда течение становилось быстрым, то расступались, и течение почти останавливалось. Здесь утки и плавали, чаще всего – парами.

Абрам любил за ними наблюдать. Как они загребали воду короткими розовыми лапками, которые распрямлялись, словно весла, при гребке, и складывались, будто крылья, на холостом ходу. Чудо природы, восхищался Абрам. И наблюдал, как доверчиво и неуклюже выходили они из воды вслед за своим предводителем, распрямляясь, отряхивая водяную пыль. И еще он обратил внимание, что на небольшой полянке у воды, куда направились утки, лежали зачерствевшие корки хлеба. Значит, не один я сюда прихожу, подумал он.

Сегодня белые утки, все также плавая парами, теперь вели себя агрессивно, и часто одна из них притопливала другую, прытко взбираясь на ее спину сзади, словно топтала подругу, хлопая при этом крыльями, чтобы подольше удерживать равновесие. Игра эта повторялась, и повторялась. Абрам быстро сообразил - чем они занимались, кувыркаясь в воде. Улыбка не сходила с его лица. Как все в природе гармонично, думал он. Жизнь продолжается! И как несправедливо, что седьмая утка хаотично плавала среди пар, занимающихся любовью, будто не обращая на них никакого внимания. Девочка она, или мальчик? думал Абрам. И когда «семерка» вдруг вспрыгнула на только что освободившуюся от притопливания «чужую девочку», и его тут же жестко отогнал зазевавшийся «мальчик», Абрам стал громко смеяться. И радоваться, что его сейчас никто не видит, и никто не слышит, что бы люди подумали...

Придя домой, он рассказал Ане об увиденном. Дочь грустно посмотрела на него, покачала головой, сказала: - Я знаю об этих утках, в синагоге люди рассказали. Кто-то купил их своим детям, а когда цыплята подросли, и хлопотно стало за ними ухаживать, отнес на озеро.

Абрам ничего не ответил. Может быть потому, что дочь

напомнила о синагоге, где службы вела по субботам молодая женщина-раввин, играющая на гитаре. И ему казалось это диким. Тем более что водила она в эту синагогу и мальчишек, еще ничего не понимающих в жизни. Да и добираться до нее надо было на машине. В то время, когда на соседней улице стояла другая, привычная синагога.

Или же потому, что так все просто объяснилось, и его фантазии о происхождении белых уток рассыпались.

Теперь, приходя на озеро, он спускался ниже моста и долго смотрел на них, похожих на белокрылых ангелов, думая о своем. Они вызывали в его мозгу массу ассоциаций, связанных с его постоянными размышлениями о своей жизни, нынешней судьбе Израиля, многотысячелетней истории евреев, которые сегодня, как и 70 лет тому назад, когда началась война, словно кость в горле почти всем государствам в мире. Почему? За что? Спрашивал он себя, и не находил ответа.

Сумерки под деревьями наступили быстро. Абрам посмотрел на часы. Сказал, обращаясь к белоснежкам, беспечно снующим по поверхности воды:

- Пока, «мои жидята», до завтра. Я вам принесу свежего хлеба.

И пока он шел к дому, нежность к этим маленьким беззащитным существам не покидала его. И он подумал: а ведь действительно, эти белые утки рядом с сотней других гусей, множества чаек, диких голубей, угольно черных нырков, почти постоянно обитающих на этом рукотворном озере, будто евреи, живущие среди других народов две тысячи лет.

- Может быть, они и есть евреи, а Абрам? - спросил он себя вслух, и снова стал смеяться, оглядываясь по сторонам, не обращает ли на него внимание кто-либо, еще подумают, что сумасшедший.

На другой день Абрам сел за свой компьютер, нашел в интернете «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», книгу «Мир животных...», и стал рассматривать фотографии и описание уток и гусей, сопоставляя их с тем, что видел на озере. Тут были «украинские», «московские», «пекинские», «мускусные», «американские», «индейские» белые утки, но ни одна из них не была похожа на белоснежек. Он выяснил, что утки имеют несколько групп, два десятка родов и около 50 тысяч видов. И пришел в уныние.

- Чем-то «мои жидята» таки похожи на евреев, - сказал он, с опаской снова оглянувшись по сторонам, и грустно улыбнулся. В это время к нему подошли дочь и зять. И Абрам поделился с ними

своим «открытием». Аня промолчала, а зять сказал, покровительственно улыбаясь:

- Абрам Исаакович, если Оно выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то Это, вероятно, утка и есть.

Анюта улыбнулась, глядя на мужа. Абрам промолчал. Скептицизм зятя раздражал его. И он до сих пор иногда задавал себе мысленно вопрос: почему она так любит этого самовлюбленного умника?

Теперь он приходил к озеру почти каждый день, иногда встречая здесь женщин с детьми, приносящими хлеб, как и он. Еврейских детей он распознавал мгновенно: они все были очень аккуратно одеты, особенно – девочки, и смотрели на людей не по возрасту настороженно. Было ясно: родители их учат с пеленок остерегаться незнакомых. Абрам улыбался им, здоровался, помахивая рукой, но только самые маленькие отвечали встречной улыбкой, или движением руки. Кто повзрослей, смотрели с опаской, оглядываясь вопросительно на старших.

В районе, где жил теперь Абрам, было относительно много евреев, преимущественно – ортодоксальных. Их черные плащи, черные костюмы и шляпы, светлые кисти цецит, выглядывающие из-под пиджаков у взрослых мужчин, и из-под белых рубашечек у только научившихся ходить мальчиков, умиляла Абрама. Такой же строгой и однообразной была и одежда женщин и девочек. Такой концентрации религиозных евреев он не видел даже в Бруклине. И он теперь чаще обычного пытался представить себе своих внуков в этом же одеянии. С Яшей не было никаких проблем. Миша же, никак не вписывался в образ. Почему, задавал себе вопрос Абрам, и не находил логичного ответа.

Разглядывая встречных евреев, Абрама раздосадовало то обстоятельство, что все они, особенно – женщины, проходя мимо, словно не замечали его: никогда не посмотрят в лицо, не поздороваются. Но он не обижался. Не осуждал. Знал, откуда корни растут. И только одно беспокоило: как реагируют на такое поведение окружающее население?

По субботам, отправляясь к уткам на озеро, и встречая по дороге религиозных евреев, он здоровался словами «а гит шабэс». И они непременно отвечали коротким «шабэс», на миг внимательно вглядываясь в его лицо. Только на миг. И все равно давно утерянное, таинственное, непередаваемое чувство причастности к далекому прошлому, ушедшему со смертью отца и мамы в неведомый мир, согревало его память.

Каждую субботу и воскресенье дети на день, иногда – на два, ездили к внукам, часто беря и Абрама с собой. И каждый раз,

когда они подъезжали к частному пансионату, расположенному в горах среди лиственного леса и множества небольших озер вокруг, первыми, кого они видели, были их дети, стоявшие у ворот.

- Ах, ты мое золото, - говорил Абрам, обнимая Яшу, льнувшего к нему. - Мишенька, не прячься за маму, иди ко мне, я за тобой тоже соскучился...

В июне Абрам не ходил на озеро, и даже не навещал внуков, не было времени. Накануне Аня сказала, уезжая к ним:

- Балабусик, пожалуйста, ты остаешься в доме «старшим – куда пошлют». Я тебя очень прошу, будь серьезным, папа. Твои утки никуда не денутся.

Абрам удивился, когда она хочет, то и «папа» в ее устах звучит совсем иначе, даже нежнее чем «балабусик», подумал он. Но сказал только: - Хорошо, Анютка, если нужно.

Теперь он все дни проводил на участке позади дома, на котором приглашенные зятем люди виртуозно, словно цирковые артисты, срезали бензопилой деревья частями, начиная с вершины, предварительно обвязывая каждую из них веревками. И осторожно опускали каждую часть на землю, распиливая уже здесь на более мелкие куски. Затем - все это вывезли. И теперь участок был покрыт лишь толстым слоем опилок, листьев, сучков, мелких веток. И Абрам пытался навести здесь хоть какой-то порядок. Страшно уставал. А когда зять и дочь возвращались с работы, он принимал душ и мгновенно засыпал.

Наконец, наступил день, когда он мог отправиться на озеро. С раннего утра Абрам готовился к встрече, словно собирался на свидание. Он взял с собой заранее купленные Аней пшено, просо и зерна пшеницы, разложенные по отдельным кулямкам. Была суббота. Абрам спустился по «лестнице» вниз, и пошел к озеру напрямик. - «А гит шабэс», - радостно говорил он, встречая одетых по-праздничному мужчин. - «А гит шабэс»... Ближе к озеру появились на дороге и женщины с детьми: мал-мала – меньше. Они шли, словно уточки плыли по воде, один за другим. Замыкала шествие мама с коляской, в которой лежал самый маленький.

Абрам шел и радовался, глядя на детей. Они пробуждали в нем неимоверной силы чувство принадлежности к народу, внесшему неопределимый вклад в цивилизацию. Народу, гнанному отовсюду и всегда. Только в старости Абрам так остро стал ощущать эту свою принадлежность. И солидарность.

- Почему только сейчас? - спрашивал он себя. Но не было у него исчерпывающего ответа.

Впереди уже был виден мост. И справа, в низине, под еще

больше разросшимися деревьями, семь белоснежных уток ждут его.

Он спустился. Сегодня здесь было сумрачнее обычного. Сперва Абрам увидел белое гуся, медленно плывшего впереди. За ним тянулись утки, выросшие, повзрослевшие. Абрам стал считать: один, два, три, четыре, пять. Где остальные? Он спустился к воде, ища глазами остальных, оглядываясь по сторонам. Берега речушки заросли высоким бурьяном. Абрам пошел налево, заглядывая под мост. Пусто. Направо. Пусто...

На знакомой лужайке у воды было много хлебных корок, крошек. Он подошел к воде и стал кликать уток, демонстративно высыпая на лужайку пшено, просо, зерна пшеницы, но они никак не реагировали на его жестикуляцию, лишь отплыли к противоположному берегу, и что-то выискивали в нависшей над водой траве.

Абрам решил оставить их в покое. И стал бродить вдоль берега. Теперь он обратил внимание и на то, что оба берега были изрыты глубокими норами, особенно – у моста. Под мостом из воды торчали коряги, валялся мусор. И вдруг он увидел, словно движение рыбы на поверхности воды. Но из воды выплыла огромная водяная крыса с длинным хвостом, и спокойно, не обращая на него внимания, шмыгнула в одну из нор. Абрам остолбенел. Ему стало страшно. Он брезгливо оглянулся вокруг себя. Первая реакция сменилась ужасом и гневом: броситься вслед за этой крысой, растоптать ее, уничтожить, но он понял свое бессилие.

Может быть, забить норы камнями. Но где их взять столько? И что это даст? Они вырыют другие. Осторожно оглядываясь по сторонам, он возвратился к уткам. Казалось, они не сдвинулись с места, все еще прижимаясь друг к другу.

На другой день с утра он снова отправился к речушке. Ничего не изменилось. Затем Абрам захворал. Болело горло и текло из носа. Аня, уходя на работу, оставила на его столике термос с горячим чаем, банку мёда и его любимое овсяное печенье. И ничего не сказала, только грустно смотрела. И Абрам уснул.

Через неделю он выздоровел и снова отправился на озеро. Теперь за гусем плавали только три утки. Берега речушки были еще больше изрыты норами. А недалеко от лужайки, в небольшом углублении среди травы, он нашел, похоже, два утиных яйца: одно больше, другое – поменьше. На большем, слегка пожелтевшем, была небольшая трещина. Меньшее – было белоснежным и невредимым. Он осторожно взял их в руки, и ему казалось, словно

он чувствует тепло, проникающее сквозь скорлупу.

Абрам возвратился к речушке, склонился к воде в том месте, где у противоположного берега, прижимаясь к белошеему гусю, искали что-то в воде его «жидята», и осторожно, чтобы не уронить содержимое, раскрыл ладони, пытаясь привлечь их внимание. Но они никак не реагировали.

Придя домой, он нашел две пустых консервных металлических банки из-под итальянских помидоров, в которых дочь высаживала рассаду для огорода, и стал собирать на участке сухие листья, остатки опилок, опавшие и почерневшие почки с деревьев, мелкий мусор, выстеливая из всего этого ложе для яиц. Ему казалось, что если создать для них утепленное гнездо, накрывать его чем-нибудь, сохраняющим тепло, можно будет заменить наседку.

Пришла Аня, молча смотрела, чем занимается отец, сказала спокойно:

- Папа, лучше сделать гнездо в стеклянной посуде.

Она направилась на кухню и принесла две глубоких пиалы. А затем – и немного ваты. И стала смотреть, как Абрам готовил новое ложе для будущих утят. Когда он закончил, и стал искать место, где бы их расположить, она сказала.

- Ночью, лучше всего их оставлять на веранде, здесь безопаснее и теплее. А днем - выносить на солнышко.

Абрам так и сделал. И теперь каждое утро он выносил пиалы во двор, и размещал так, чтобы солнце согревало их. А вечером возвращал обратно и накрывал на ночь своей старой, изношенной шерстяной курткой, которую хранил уже более 30 лет. Иногда он осторожно брал яйца в руки, пытаясь почувствовать хоть какое-то шевеление в них, согревал дыханием, приставлял к уху, пытаясь услышать малейшие признаки жизни.

Еще через две недели белоснежные утки за мостом исчезли. Абрам мысленно представлял, как ночью крысы загрызали их, спящих. А, может быть, это сделали бродячие собаки, или какое-нибудь другое ночное зверье, думал он.

Еще несколько дней одиноко бродил вокруг лужайки большой гусь, словно искал своих уток. Затем и он исчез. И ниже моста речушка стала выглядеть, словно мрачная пещера, где обитают лишь черные водяные крысы с длинными хвостами.

Теперь Абрам все свое внимание обращал на «высиживание» яиц. Поднаторев в Интернете, он строил планы о том, как это может произойти. Но время шло, а птенцы не появлялись.

Однажды вечером за вечерним чаем Аня объявила: - В

следующее воскресенье едем забирать мальчиков. Зять молчал.

- Мы возвратимся к концу дня? - Неуверенно спросил Абрам.

Зять прекратил пить чай, макая в чашку овсяное печенье, посмотрел внимательно на Абрама, на жену, медленно сказал: - Естественно!..

Когда машина подъехала к пансионату, впервые у ворот не было детей. На территории негромко играла музыка, а дети сидели на временной сцене, перед которой, стоя, выступали их учителя и воспитатели. И Абрам подумал: почему на сцене «зрители», а в зале – «актерь»? Может быть так надо, как и алфавит – справа налево... Выступил и директор пансионата. Абраму показалось, что он его видел во время прогулок вокруг озера: такой же темный костюм, шляпа, черная борода с проседью.

В обратную дорогу машину вел зять. Теперь Аня сидела с ним рядом. А Абрам с мальчиками – на заднем сидении. Яша слева, Миша справа. И Миша спросил, едва они отъехали: - Абрам, скажи: ну, яйца уже вылупились? А Яша вдруг ткнул кулачком брата в бок и крикнул: - Он тебе не Абрам, а дедушка.

Аня удивленно оглянулась на сыновей, сокрушенно покачала головой. Оглянулся мельком и зять. Но оба ничего не сказали.

Еще через неделю, перед заходом солнца, когда Абрам переносил пиалы с улицы в дом, и укрывал их шерстяной курткой, на веранду вошли зять и Аня. Из-за их спин выглядывали Миша и Яша. И дочь сказала:

- Папа, послушай. Прошло уже 30 дней. Птенцы не появятся. Мы в Интернете посмотрели: для этих уток срок «высиживания» три недели. Что-то не сложилось. Не переживай, пожалуйста.

- Абрам Исаакович, - сказал зять, - если хотите, мы купим живых белых утят на рынке. А когда они подрастут, отнесем их на озеро.

Абрам выпрямился. Несколько секунд смотрел внимательно на обоих. Потом сказал, обращаясь к внукам: - А что вы думаете?..

- Oh, man!¹ - Сказал Миша.

- I said stop it!² - Крикнул Яша...

Миша пошел в школу. Яша – в подготовительный класс. Жаркое лето пролетело быстро. Наступала осень. В этом году она

---

¹ Ну, знаешь! (жаргон)

² Я сказал – хватит!

была теплой. Теперь, после того, как детей утром забирал от дома большой желтый школьный автобус, и до того времени, как привозил обратно, Абрам был свободен. Чаще всего он ходил гулять к озеру, но никогда не переходил дорогу у моста, даже старался не смотреть в ту сторону. Он по-прежнему любовался встречными детьми, и прислушивался к их голосам. И, глядя на озеро, где все меньше оставалось разнообразных птиц, чаек, и лишь тучные гуси все так же проворно ловили на лету хлеб, разбрасываемый детьми, он видел перед собой белоснежную семерку, почти вслух повторяя: где вы теперь, «мои жидята»?

Но теперь к нему вдруг возвратилась и старая, невыносимая боль, которую он гасил в себе все годы иммиграции: снова отчетливо увидел свою жену Розу – спокойную, ласковую, никогда не повышавшую голоса ни на него, ни на дочь. Снова вспомнил, как сучила она руками в последние секунды жизни, уже не видя ничего вокруг, будто искала на своей груди его руки, но не замечала их. И он плакал, горько рыдал, пряча слезы от посторонних, но ничего у него не получалось...

Однажды Аня с зятем решили поехать на Брайтон за покупками. Они делали это раз в два-три месяца, впрок закупаая то, чего не купишь в местных магазинах. Дети и Абрам поехали с ними. Распределились так: Яша попросился гулять с Абрамом, а Миша – решил ходить за покупками с родителями. Абраму и Яше дали два часа времени. Аня оставила им свой телефон. И они двинулись в путь.

Дед с внуком шли вдоль Брайтона, держась за руки. И Абрам все время говорил, говорил.

- Смотри, Янкеле, ничего здесь не меняется. Живут люди в Америке, а вокруг – русская речь, русскоязычные вывески над магазинами, ресторанами, аптеками. Ты можешь себе это представить? Это феноменально, Янкеле!..

И трудно было понять: восхищается ли он, или критикует. И к шестилетнему ли внуку обращается, или к взрослому человеку. И сам он – взрослый ли человек, проживший жизнь. Или снова становится ребенком.

Яша молчал, глядя то на дедушку, то разглядывая вывески, людей. И еще крепче сжимал руку Абрама. Он не понимал его слов, но они его гипнотизировали. Он настолько верил в то, что говорил Абрам, что для него слова ничего не значили, только голос, интонации, убежденность завораживали его. Но если бы его попросили все эти слова повторить, он бы повторил, как набор непонятных звуков. Как музыку, которую понимать не обязательно, а только чувствовать и помнить. И ему казалось, будто все это он

уже слышал. Но где, когда? Он не мог бы ответить, если бы кто-нибудь вдруг об этом спросил. И, вообще, что значит «думать»?

Миша часто кричит на него: «Думай, думай, а не болтай». Но он помнил, что мама говорила эти же слова Мише. - Сам думай, - отвечал ему Яша, отбегая в сторону, чтобы не получить тумака от брата. Но что это значит: думать?..

- Янкель, дорогой мой, - не унимался Абрам, - ты понимаешь: Брайтон – это единственное место во всем мире, в огромном мире, Яшенька, где до сих пор живет кусочек Советского Союза. Здесь можно снимать фильмы о прошлом прямо на улицах, и никому платить-то ничего не надо. Боже мой!..

И вдруг в голове мальчика что-то шелкнуло, заклинило, он перестал слышать слова Абрама.

- Дедушка, купи мне мороженое, - попросил он вдруг, словно не ел его тысячу лет. И Абрам остановился, замер на миг...

Они пересекли Брайтон. Мальчик осторожно облизывал мороженое, поглядывая по сторонам, и не выпуская руки Абрама.

Абрам посмотрел на часы. Сказал внуку? - Янкеле, пойдём к океану.

Они вышли на Бордвок. И Абрам обратил внимание на то, что здесь ничего не изменилось, если не считать новой крытой ротонды, где теперь играли в домино, карты, шахматы и решали мировые проблемы.

Деревянный настил все так же был полон народу: гуляли парами, сидели на скамейках, ездили на велосипедах. Все так же был прекрасен океан, а пляж – полон загорающих и купающихся людей. А с противоположной стороны – рестораны, кафе, дома. И голоса, громкие голоса вокруг, русскоязычная речь со всех сторон... Он искоса смотрел на мальчика, увлеченно евшего мороженое, и думал о том, как мало он знает своих внуков.

И вдруг Абрам услышал истошный крик со стороны ротонды, словно человека резали по живому:

- Абрам! Абр-а-а-м! Иди сюда. Мы тебя давно не видели. Все еще развозишь пиццу, дурак!..

От неожиданности Абрам побледнел. Остановился. Сердце вдруг стало неистово колотиться. И больно дышать. Ему казалось – все вокруг смотрят на него. И вдруг Янкеле вырвал руку из его ладони и бросился к ротонде, крича на бегу что-то невнятное. Мороженое на бегу выпало из вафельной чашечки на деревянный настил. Но он этого не видел. Добежал, швырнул чашечку в человека перед собой, споткнулся, упал. И наступила тишина, словно парализовало всех вокруг.

Абрам с трудом поднял с настила внука, взял на руки,

обнял. Мрачно посмотрел на остолбеневшего Сэма, и, ни на кого не глядя вокруг, развернулся и пошел прочь.

- Он сам дурак, дедушка, - шептал внук, все еще тяжело дыша и прижимаясь к Абраму.

- Не обращай внимания, Янкеле, - сказал Абрам, - мало ли на свете глупых людей. Ничего с этим не сделаешь. Это – от Бога!

Теперь они снова шли рядом, молча держась за руки. Абрам посмотрел на часы. Они опаздывали на 15 минут. И уже поспешно стали спускаться с Бордвока, направляясь в сторону книжного магазина Санкт-Петербург.

- А то, что уточки у тебя не родились, - это тоже «от Бога»? - вдруг спросил Яша.

И в это время зазвонил телефон. И почти одновременно они издали увидели, что их уже ждут. Зять весело размахивал рукой, обращая на себя внимание. Аня стояла молча. Миша что-то кричал.

- Все в порядке? - участливо спросил зять.

- Папа, мы же договорились! - сказала обиженно Аня.

- Ты ел мороженое! - воскликнул Миша, показывая на пятна на рубашечке брата.

- Ма-а-а-м! I want it too³.

---

³ Ма-а-ма! Я тоже хочу

Нина Горланова

Лав стори

Митя всегда мечтал, чтобы в изголовье у него висела географическая карта, поэтому в общежитии он сразу же свою мечту исполнил, а соседи посмеивались: мол, конечно, карта тоже женского рода, но...

– Когда ты бабу себе заведешь? Тоже выискался: студент-одиночка.

И даже на английском, когда читали какую-то «лав стори», ему пришла записка, где женским почерком было написано: «А у тебя уже есть своя лав стори?». Митя не ответил, да и не знал, кому. Девушек он почти не замечал, и даже ночью ему никто из них никогда не снился. А видел он обычно один и тот же сон: вдруг лестница на пятый этаж общежития обвалилась, и он не может попасть в свою комнату, а там вещи, книги по фантастике – из библиотеки, и карта... Нелегко привыкать к житью на пятом этаже, если до этого восемнадцать лет жил на первом. Как и привыкнуть к городскому укладу, если до этого жил в маленьком поселке. Митю поражали мелькающие на улицах люди с деловыми лицами и плачущие старушки, сидящие в парке. Особенно не нравились толпы агрессивных подростков. Он мог постоять за себя, но само ощущение рассеянной повсюду агрессивности давило.

За первый месяц жизни в Перми Митя словно покрылся твердым панцирем, коркой, и всё от этой необходимости защищаться: от соседей по комнате, от машин на улицах. Все было немило ему здесь: и то, что солнышко пробивается сквозь смог и никак не может пробиться, и то, что даже гром гремит как-то технически, словно груды камней вывалили из самосвала. Но особенно раздражала давка в транспорте. Ему было неприятно смотреть, как те, кто вошли последними, висят, как орангутанги, ухватившись одной рукой за поручень, на ухабах и поворотах стучаясь головой о стенки, двери и стекла. Митя решил на выходные съездить домой, но по пути на вокзал трамвай сломался, всех высадили, стали ждать другой, а он пришел переполненный, и началась битва: мелькали сумки, шапки, выпученные глаза, но

трамвай не ждет, он меланхолически трогается с места, и тут раздается дикий крик. Но вагон уже набрал скорость, он далеко, а на остановке остался лежать человек, так страшно орущий. Митя вытянул шею и увидел, что у него торчит белая кость, а ступня – неизвестно где... И какая-то женщина истерично спрашивает кого-то:

– Кто виноват? Никто не виноват! Мы всегда так торопимся.

Он подумал: ведь здесь мне нужно жить.

Опоздав на пятичасовую электричку, он приехал в Верещагино ночью, а нужно было еще пять километров идти по дороге, и он инстинктивно старался держаться ближе к лесу, к деревьям, словно те давали силы. Наконец Митя увидел серебристый свет луны над туманом реки, почувствовал единство со всем окружающим – пришло успокоение. Ощущение замкнутости в скорлупу прошло, «корка» начала отпадать, словно он смыл с себя городскую грязь. И так потом было всегда: за месяц в городе «корка» на нем нарастала, замкнутость душила, а стоило приехать в лес – все улетучивалось сразу.

Митя как бы раздвоился: одна его половина училась в техникуме, выслушивала насмешки однокурсников, а другая – вспоминала дом, лес, слушала шорох листьев под деревьями, ловила закаты над Камой. И эта половина стала мной. Да, я – часть Мити. Когда мои ноздри ловили запах свежего воздуха, долетевшего из-за городской черты, я терял равновесие, хотелось туда, в поля, но столько задано чертить, что я лишь забежал на минутку к сестре, которая напоминала о доме. Она была на два года старше и училась на втором курсе медицинского. Однажды мы вместе поехали на экскурсию по городу: старинные особняки, ажурные чугунные решетки, лепные украшения. Экскурсовод упомянула, что в таком вот особняке могла жить чеховская дама с собачкой. А я читал этот рассказ и почти увидел, как выходит на улицу дама с собачкой, в длинном платье, застучали каблучки ее черных ботинок. Потом я один прошелся по этим улицам старой Перми, и словно какая-то музыка сопровождала мои походы, когда я невольно воображал, что вот-вот произойдет встреча. Митя, конечно, не мог предвидеть, что через несколько лет Родион Щедрин создаст музыку к балету «Дама с собачкой» и Майя Плисецкая будет танцевать главную партию. Но я уже почувствовал, что в городе есть свои ритмы, своя музыка. И это было особенно замечательно, если смотреть на мигающую рекламу, на потоки идущих друг за другом машин, которые подчиняются лишь светофору, и он, ритмично пульсируя,

отправляет колонны машин в разные стороны. Особенно слышна была музыка города, когда ехал в автобусе и рядом – в другом ритме – спешили пешеходы по тротуару. Но внутреннее равновесие от музыки города у меня не установилось. И тогда Митя ходил к трамплину, поднимался как можно выше и смотрел на виднеющиеся вдаль поля и полосу леса. Или он вставал раньше всех в общежитии и выходил на улицу, когда небо еще только высветлялось и кусты сирени были сырыми от росы, от газонов шел, поднимаясь, естественный запах земли. Птицы в городе пели только в это время, когда все спали, словно этим своим сном город давал возможность выйти из-под спуда тонким знакам природы. Но люди просыпались и всё затаптывали, глушили.

А это была уже весна. Соседи по комнате звали Митю то за пивком, то в баню, где они парились по пять часов. Однажды Митя пошел с ними и был поражен, до каких тонкостей они дошли в этом банном деле. «Сегодня в бане холодновато, – говорил Давыдков. – Даже грязь не так отходит. Когда жара, грязь сильнее слезает».

Митя называл, как все, Давыдкова – Давыдом. С ним были более дружественные отношения хотя бы потому, что оба поступали сначала в университет, на физику, но сдали на тройки, и когда Митина сестра посоветовала брату толкнуться в техникум, Давыд пошел туда же. Потом, через несколько лет, Митя все же поступит (заочно) в политехнический институт, а Давыд уже никогда и никуда стремиться не станет. Он становился как бы антиподом Мити: то и дело менял подружек, водил компанию со своими бесчисленными двоюродными и троюродными братьями, жившими в Перми. Что-то записывал в дневник, на котором латинскими буквами было начертано русское слово «Пьянки», и много рассказывал Мите о своих успехах у женщин, приводя какие-то совершенно фантастические подробности. Митя даже однажды спросил его: мол, не боишься, что ли, заразиться?

– А пусть твоя сестра откроет прививку против венерических болезней – сразу Нобелевскую премию получит, – уклончиво ответил Давыд. – Ты б меня с нею познакомил, а?

Но были у него и свои плюсы: не мелочился, как другие, мог вообще отдать все, что попросят. Но и сам мог взять все, что захочет. Однажды взял из-за окна килограмм Митино сыра, поел, но между рам не положил, и сыр засох, но я не обиделся, а просто сказал:

– Ну вот, Мите как-то Бог послал кусочек сыру...

– Давыд как анти-Бог для тебя, – заметила тут сестра (они

уже были знакомы).

Этот анти-Бог все время подначивал Митю: мол, смотри – все кругом парами... И вот однажды в столовой Митя увидел девушку с заплаканными глазами. Он исхитрился познакомиться, но оказалось, что никакого несчастья у Аллы нет, а есть просто аллергия на весенние запахи, вот и слезы. Но Митя по инерции продолжал знакомство с девушкой. Они раза два-три в неделю встречались и гуляли по улицам Перми. Это было волевое усилие – стать как все. Но разговоры о правильном товарном соседстве (Алла училась в торговом техникуме) давали ощущение разрастающейся пустоты внутри. Давыд, впрочем, постоянно спрашивал, сотворил ли Митя уже что-нибудь с этой красоткой, и я отвечал, что познать душу женщины мне гораздо интересней, чем тело. Слова, правда, были другие, но смысл такой. Затевался спор: что важнее в женщине, Давыд, как истинный анти-Бог, смеялся и обещал мне доказать, что все бабы созданы лишь для одного.

Однажды вечером в комнату вбежал вечно куда-то спешащий в вечных поисках чего-то Давыд и закричал:

– Митя, собирайся! Есть возможность прекрасно провести время. – А сам подмигивал то левым, то правым глазом.

Митя в принципе был свободен, а новые знакомства он даже любил – нужно ведь глубоко познавать город, в котором предстояло жить. Пришли они в трехкомнатную квартиру, где за столом расположилась типично мужская компания: сухое вино, дым импортных сигарет, разговоры о битлах, об электронике. Ребята оказались интересными: как студенты вузов, так и рабочие. Один уже пришел из армии и рассказывал анекдоты о своем командире, который требовал, чтоб строем ходили под барабанную дробь, но один раз увидел строй без барабанщика и закричал: «В части дизентерия, а вы без барабана!»

Вдруг я заметил, что за столом появилась девушка в светлом платье, которая как бы освещала застолье. У нее были сиреневые губы, очень необычные, и я подумал, что в этой интеллектуальной компании она, конечно же, уже имеет прочного поклонника, так что нет смысла стараться ей понравиться. Я ушел на кухню, где Давыд говорил об эмбарго на пшеницу, а кто-то другой – о категории трагического у Шекспира. Я ничего не знал ни о том, ни о другом, но Давыд решил нас познакомить:

– Митя, это мой брат Василий. Был троюродный, но в знак уважения я нынче перевел его в двоюродные братья.

Я оставил их спорить и пошел в комнату, где в это время девушка с сиреневым ртом танцевала. Мне показалось, что у нее руки растут во время танца, и, чтобы не втянуться в любование ею,

снова рванул на кухню. Бутылка сухого, что стояла между братьями, оказалась пуста, и темами они уже поменялись, точнее – всё перепутали, мелькали слова «трагическая пшеница» и «эмбарго на Шекспира». Я понял, что все сильно набрались и мне пора уходить. Но тут ушел Василий, а на кухню пришел какой-то потный парень – я с трудом узнал того, что недавно мобилизовался. Он опять стал рассказывать анекдоты из армейской жизни, я смеялся, Давыд куда-то исчез, и вдруг он похлопал меня сзади по плечу: «Твоя очередь!» Я почему-то сразу дал ему в морду, он упал, вскочил, мы сцепились, но нас тут же растащили, и Давыд зашептал: «Имей в виду – их десять человек! Ты хоть сходи и посиди просто, а то...» А я уже слышал крики: «Кого он из себя корчит!» и «Зачем его позвали?»

Митя взял в руки ключ, который ему предложили, и пошел в ту комнату, куда его подталкивал Давыд. Я закрылся этим ключом, уже видя ту девушку. Она лежала обнаженная в позе ожидания, глаза закрыты. Значит, она была уже со всеми, остался один я. У меня вдруг появилось такое чувство, словно я шел и с размаху получил подсечку – в таких случаях падаешь и ударяешься так, что кажется: вылетают глаза. Все в этой комнате было мне отвратительно. Я прошел к окну и раскрыл его, но тут же почувствовал отвращение к тому шпингалету, которого коснулись пальцы. Наташа (я уже знал ее имя) открыла глаза – они были мутными. Сиреневое пятно вокруг рта расплзлось далеко. Сознание ее от алкоголя, конечно, почти выключилось, и смотрела она вопросительно: «Кто такие мужчины и что с ними делают?» Но наконец она все-таки посмотрела на меня заинтересованно: «Почему ты не идешь ко мне?» А за дверью уже слышался похабный хохот. Видимо, прошло много времени. Требовали, чтобы я уходил, а мне и самому хотелось как можно скорее покинуть эту комнату. Давыд вышел со мной на улицу, он рассказал, что его брат учился в одном классе с Наташей, в одном дворе до сих пор живут все эти ребята. Они уже год так собираются, когда наклеивается пустая квартира, сначала пьют, а потом забавляются по очереди с Наташей. И больше никого из девушек не приглашают. Давыд все болтал и болтал, словно боялся, что я начну высказываться, он суетился, на остановке трамвая все выскакивал на рельсы и выкрикивал: «Грамваюшка! Где ты-ы?!» А рядом на афише был изображен красивый террариум. Я пригляделся: реклама нашего зоопарка, довольно броская, и змеи с таким невинным видом изображены.

– Монстриум, – сказал я Давыду и замолчал. А сам себе сказал: вот ты и познакомился еще с одной стороной городской

жизни. Не раз мне придется съездить в лес, чтобы вытряхнуть из души все...

Когда они сели в трамвай, Митя не мог смотреть на женщин. Ему казалось, что все они под одеждой такие же грязные и мокрые. Что из них так же течет мужская сперма, как он только что видел... монстры... Какая-то девушка протянула ему абонемент закомпостировать, но отвращение было так сильно, что он выронил его. И вышел из трамвая. Пошел пешком. Он уже не видел в женщинах людей, а лишь организмы, предназначенные действительно для одного, как говорил Давид. И в то же время я знал, что это изживу, выживу.

И как раз начиналась практика на заводе, нужно было рано приходиться в цех. Я шел и смотрел на розовый восход за горизонтом – там природа, праматерь моя, которая даже выше, чем моя физическая мать. Природа породила меня, но неужели этих людей, шаркающих по асфальту, она тоже породила?

А на заводе – циклично-равномерный шум машин, ритмичные движения рабочих. Все технологическое – приборы, станки – я стал воспринимать с ощущением легкой дурноты, у меня начался еще больший дискомфорт, чем до этого. И вдруг, уезжая с завода, я столкнулся в автобусе с Наташей. На улице я бы отвернулся, прошел мимо, а тут – куда деться? Она поздоровалась и покраснела.

Пришлось ответить. Какая-то старушка передала ей абонемент: «Барышня, пробейте!» Ничего себе: барышня! Хотя для посторонних она могла показаться порядочной девушкой: все ее поведение было одновременно очень естественным и застенчивым. Освободилось место, Наташа села и предложила мне сесть рядом. Какая-то женщина с переднего сиденья обернулась и сказала мужу: «Смотри – какая красивая пара».

Митя сжался от этих слов. Какая пара! Эта девушка, сидящая рядом, не человек, а лишь организм, созданный для литров алкоголя, а потом для... Его чуть не вырвало. К счастью, скоро нужно было выходить, и он выскочил, и все кончилось. Но через неделю они снова столкнулись в автобусе, и опять от всего поведения Наташи веяло чистотой, смущением, так что Мите пришлось заставить себя вспомнить: она голая, грязная, лежит в том монстрариуме, только так он нашел силы противостоять. Некуда свернуть в тесном автобусе, пришлось слушать Наташин рассказ. Она мечтала о каникулах, хотя не знала, куда поехать. Рассказывала, что в Казани умер ее отец, после него остались дом, сад, а в саду – мачеха. Митя заметил, что Наташа повторяет – не нужна, никому на свете не нужна, кроме компании

одноклассников. На этот раз Наташа вышла из автобуса первой, и он видел, какой легкой походкой она пошла от автобуса, какие у нее чистые линии ног и какая персиковая (по оттенку волос) грива, пронизанная солнцем.

Мите хотелось бросить все и уехать домой, но он знал, что мать будет презирать его.

А весна шла своим ходом, в небе пролетали стаи птиц, и по ним Митя представлял, что происходило за городом, в природе, а на меня словно сеть накинута. Нужно взлететь, а не могу даже крылья расправить. Тогда я стал каждый день на полчаса заходить на Разгуляй – на кладбище. Там деревья, слышны птицы, нет запаха бензина. А потом вдруг в одну ночь выскочила трава, еще светлая, так как хлорофилла в ней пока было мало, и от этого что-то детское разлилось по всей природе. И запахло смолой от молодых листьев. Я шел блаженно по тропинке, перепрыгивая через лужи, под ногами шелестела прошлогодняя листва, было чувство близости ко всему этому, и вдруг в конце аллеи я увидел Наташу. Она медленно шла навстречу и меня не видела. Я хотел свернуть, убежать, но тут чувство, которое ко мне шло от деревьев, остановило меня, приказало не суетиться. Я вдруг почувствовал, что ее воспринимаю так же, как все окружающее: как эту клейкую листву, свежую траву, как это небо, полное птиц. Наташа была как не Наташа: глаза подняты. Я проследил за ее взглядом и увидел журавлиную стаю. Утки – те летят судорожнее, чаще машут крыльями, а журавли – более плавно. Дыхание, которое у меня до этого стеснялось и стеснялось, изменилось – что-то случилось во мне, и стало возможно дышать, а сеть, которою я был опутан, порвалась. Я ясно почувствовал вокруг себя взмахи напряженных крыльев, устремленные вперед острые носы этих птиц. Они мощно летели вперед, туда, где сейчас расцветает все, раскрываясь навстречу солнцу. Я почувствовал, что через этих журавлей, в стае которых оказался, мне роднее стала Наташа.

Пройдет несколько лет, и Митя узнает, что в японской культуре журавль – символ бессмертия, он увлечется японскими поэтами и даже снимет несколько слайдов в качестве иллюстраций к хокку Басе. Но почему чудо произошло тогда на кладбище, когда сверху пролетали журавли? И он понял, что все успеет в своей жизни. Они вместе пошли по дорожке. Наташа сказала, что идет от тетки, что ей нравится ходить этим путем, потому что тетка ей не очень-то рада, у нее свои заботы, а если пройти по кладбищу, то потом о тетке забываешь.

И тут же ушло куда-то все, что он знал о ней плохого. Он чувствовал, что теперя навсегда прекратятся встречи ее с той

компанией монстров. Может, и те ребята не будут монстрами: повзрослеют, обзаведутся семьями. Я даже увидел, как в будущем эти мужчины, ставшие отцами, будут получать квартиры, покупать хрусталь, забудут Наташу, потому что у них будут вполне взрослые способы самоутверждения.

Митя стал проводить с Наташей все свободное время, тем более что наступила сессия, а у него ни одного часа пропуска, по большинству предметов он получил «автоматы» и мог часами рассказывать Наташе, как поступит в вуз, защитит диссертацию, сделает массу полезного для людей. Она сказала, что впервые столкнулась с человеком, который думает о будущем, хочет работать для этого. Однажды, после смерти матери, Наташа сидела в своем любимом саду, как вдруг увидела за забором женщину, которая жадно считала яблоневые деревья.

Она даже пальцы загибала. Потом эта женщина стала мачехой, и отец сразу изменился. Наташа говорила всегда немного, но так, что Митя не мог забыть ее некоторые фразы по нескольку дней. Однажды они шли мимо Феодосьевской церкви – с удивительно чистыми линиями скатов, и Наташа сказала:

– Какая церковь красивая – жаль, что Бога нет.

Она стала приучать Митю к городской жизни, водила на концерты, в оперу. Он раньше думал, что это нечто для людей праздных, в каждой опере одно и то же: балкон и бас, но оказалось, что это не так. В слиянии голоса певца с оркестром Митя обнаружил то же, что испытал он, когда впервые попал в лес после месяца в городе, когда видел сияние луны над туманом реки... И он вел в антракте Наташу в буфет, где на них все глазели так, что ему хотелось увести ее в фойе, но он не знал, можно ли с бутербродами выйти туда, и он спрашивал об этом ее.

– Если хочешь, значит, пойдем! Не обращай внимания на условности.

– Но это ведь храм условности.

Она показала Мите кафе «Кама», в котором стояли огромные аквариумы, а в них плавали золотые рыбки, – там казалось, что можно отдохнуть от города.

Она учила меня городской жизни незаметно, ненавязчиво. Как-то я сажал ее в такси, но не мог проводить, потому что спешил к сестре. Наташа крикнула из машины:

– Ну, звони маме, что я выехала, через двадцать минут буду!

– Какой маме? У тебя же нет мамы, – растерянно сказал я.

– Куда же звонить?

Таксист засмеялся, и только тогда я понял, что сморозил

глупость. Ведь Наташа хотела внушить уверенность водителю, что ее где-то ждут, что нельзя девушку обидеть и куда-то завести...

Я чувствовал себя сильнее с каждым днем. Раз она стерла кожу на пятке – этой весной первый раз была без чулок, а кожа после зимы нежная. И я поднимал ее на трамплин на руках, на одном дыхании – а там сто ступенек. И среди сверстников я стал пользоваться уважением, мог двумя словами прекратить драку в общежитии. Все, из-за чего я мучился, отошло куда-то на второй план, все стало получаться у меня на заводе. Я уже не боялся, что утром опоздаю в цех, не успею купить билет на электричку.

Наташе нравилось, когда мы выезжали за город. Однажды увидели лося, и она удивилась, что его след похож на след коровы. В другой раз мы набрали на озеро, окруженное мертвыми стволами берез. Вода, чистое голубое небо отражалось в ней вместе с белыми стволами, и эта бело-голубая вода без зелени листьев произвела бы без Наташи на меня удручающее впечатление, но с нею все было по-другому. Мы оба чувствовали, что со временем на этом месте вырастут новые молодые деревья. И все это я ощущал через Наташу, а она все шла вперед, мелькало ее ситцевое платье. Она носила простые светлые платья, но они так на ней сидели, что часто оглядывались даже девушки, не только парни. И один грузин в магазине, когда я был в стороне, у прилавка, спросил Наташу:

– Девушка, платье французское?

Она смутилась и ответила:

– Польское.

Грузин разочарованно отошел, тем более что увидел меня. Теперь дальше про озеро. Наташа шла в своем платье вдоль по берегу, вокруг озера, а я – за ней. Она не спешила, молчала, а я гадал, почему погибли деревья. Но при этом я все время ощущал, что мое сознание находится как бы внутри ее сознания, что мы – единое. И экспериментировал: то отставал, то обгонял ее, то забегал сбоку, но ощущение, что я – внутри, не проходило. И из-за этого наложения я становился богаче, видел все ярче и замечал больше. Словно Митя стал неким кристаллом, и благодаря Наташе у него появились новые грани, через которые окружающее входило в него по-новому. Митя уже знал, что драгоценные камни меняются от тепла живой человеческой руки – как и он сам от присутствия Наташи. Город теперь казался ему светлее, а улицы – шире. И все благодаря ей! Хотя говорили мы с Наташей не о городе. Повторяю, что она почти всегда говорила мало. Мы даже не целовались, хотя и обнимались, когда спали в палатке. Она чувствовала меня на расстоянии, как и я – ее. Если я видел плохой

сон, например, будто меня опускают в красную кровь, она спрашивала потом при встрече: «Что тебе страшное снилось?» А бывало, что я не мог заснуть, мне чудилось, что она плачет, где-то кем-то обиженная. А утром я ехал и узнавал, что Наташа в самом деле плакала всю ночь: было тяжело, когда вспомнила родителей, но я приехал, и все это у нее прошло. Как и у меня проходило, когда город начинал давить: стоило Наташе взять меня за руку, как становилось легче. Я постоянно чувствовал себя с ней и в то же время как бы посреди поляны ромашек, и кругом бабочки выются, а сверху – яркое солнце. Я даже постоянно ощущал запах ромашек. Потом, когда Митя узнает больше о быте городских женщин, он поймет, что она, видимо, мыла волосы настоем ромашки. А иногда было другое ощущение: будто бы он выбегает, благословленный Наташей, в поле, полное цветов. Я бегу по этому цветущему полю, а впереди маячит какая-то еще более заманчивая даль, и я уверен, что смогу добежать, все смогу, всего, чего хочу, добыюсь. При этом я не могу сказать, что каждое появление Наташи были восторг и счастье. Она была нужна мне, как воздух, как вода. Даже влечения к ее телу я не испытывал, мне хватало, что эта женщина дала мне крылья. Хотя однажды что-то наметилось такое. Митя засмотрелся на ноги Наташи, когда они шли по лугу. Вдруг она говорит: «Что-то стало тяжело идти». А Митя не смог сразу переключиться и представил, что обнимает ее ноги выше колен. Тут Наташа схватилась за дерево и остановилась: «Я не могу идти». Мы сели под этим деревом, разговорились о цветах. Я говорил, а сам думал о том, что мое желание сковало ее. Но не знал, хорошо это или плохо, поэтому продолжал говорить о цветах. Она любила их, умела собрать будто бы ненароком красивый букет. Я от нее научился воспринимать цветы как сущности. Желтые одуванчики, к вечеру полузакрывшиеся, она называла «полуцветы-полусосьминоги», и я с тех пор стал их любить именно вечером, в таком полузакрывшемся состоянии.

А окружающие, конечно, не воспринимали серьезно наше единство, ведь многие знали о Наташином прошлом. Митя обычно ходил на свидание к ней мимо торгового техникума, и не раз там с треском распахивалось окно общежития, и та знакомая девушка с аллергией – красавица Алла – на этот раз уже с настоящими слезами на глазах кричала на всю улицу: «Митя, куда ты идешь! Одумайся! Митя, Митя!» Но для него все другие девушки в это время не существовали, а Наташа была больше, чем человек: сама природа, ожившая в большом городе, слившаяся с машинной цивилизацией.

Если Митя читал в основном фантастику, то Наташа читала – с его точки зрения – какие-то странные книги: по икебанае, по истории имен. Имя Дмитрий, оказалось, происходит от Деметры, греческой богини земледелия, и первоначально звучало как Деметриос.

Потом были каникулы. А в сентябре Митю неожиданно послали в колхоз, и он не успел даже предупредить Наташу – лишь послал из села телеграмму: «Видел подснежники. Митя». Это было в самом деле: в осеннем лесу, на поляне, среди едкого дыма от сожженной ботвы он нашел белый подснежник и услышал запах его. Видимо, какие-то микроэлементы были в почве особенные, и цветок расцвел осенью. Я, нюхая нежный, похожий на граммофончик подснежник, сразу ощутил себя в другой реальности: весна, запах почек, зернистый тающий снег. А вокруг меня на самом деле яркая осень, жаркий довольно денек, какие не редкость в сентябре, в лесу – как в бане (в той местности было много воды).

Когда я вернулся в город и попал на свой завод, мне уже нравилось все в моей профессии металлообработчика. Блестящие титановые листы на полу цеха сливались с прекрасным будущим. А я сильно любил фантастику. Это перешло ко мне от матери. Мы однажды собирали с ней рыжики под кустами можжевельника. Был прохладный осенний день, некуда спешить, грибов довольно много, и вот она не торопясь начала пересказывать «Аэлиту», и благодаря этим странным кустам можжевельника, напоминающим нечто космическое, я увлекся этой книгой, а после и другими. О будущей цивилизации любил фантазировать, поэтому титан сразу полюбил. Я думал: эти листы лежат сейчас на полу цеха, под ногами, а потом, может быть, они будут мчаться в небе. Блеск титановых искр завораживал меня – этот металл вообще обладает рядом свойств, еще мало используемых, – их будут учитывать в будущем, ведь век железа кончится...

В тот день – день приезда – они встретились вечером, но он не узнал ее. Спросил о телеграмме – девушка ответила, что – кажется – получила. Кажется! Я заговорил об этом, она сказала, что не стоит придирается к словам. Она не понимала меня, как раньше. словно это была другая девушка, та, которой просто хочется поскорее выйти замуж.

Ко мне на свидания стала приходиться другая девушка с глазами, руками и ногами Наташи, с ее голосом, но это была не она. Она даже если цветы трогала, то говорила не то, что я мог ожидать. На клумбе возле общежития в конце сентября еще цвели анютины глазки, и Наташа сказала, что они растут так, словно

являются одной семьей – несколько цветов в кустике. Иногда на мгновение она вдруг взглядывала на меня как та, прежняя Наташа, но потом снова исчезала и вскоре исчезла совсем – как след дыхания на зеркале, постепенно, но неумолимо. Я мучился без нее, советовался с сестрой, у которой и увидел фотографию Марины Цветаевой, переснятую из книги «Мой Пушкин». Поэтесса так походила на мою Наташу в пору, когда она была собой, словно они были одним человеком. Сестра считала, что кто-то, наверно, внушил Наташе: мол, чего этот парень так долго не делает предложения, а она пошла на поводу этого доброжелателя, поэтому и раздражена. А сделай в самом деле предложение, советовала сестра.

Но, по-моему, это было заблуждением: ведь Наташа как раз ни к чьему мнению никогда не прислушивалась, даже к мнению моды. Если все девушки носили в то время «платформы», она считала их грубоватыми и ни разу не надела, хотя подруги подарили ей пару таких туфель на день рождения. Дело было в другом... И не мог же я сделать предложение не-Наташе! А Наташи не было больше. Не было, и всё! Я мучился, искал ее, но не находил. Помню: последний раз мы вместе ездили за город в выходные, и я снова чувствовал корни деревьев, которые здоровы, потому что они питаются энергией солнца. Постепенно приходило равновесие, наступало состояние оцепенения, растворения в запахах коры, смолы, и ветер то дул, то переставал, и я ощущал, как вся природа словно дышала, и я дышал вместе с нею... Но Наташи не было здесь.

Уже много лет спустя я понял: она не считала себя чистой и думала, что будущего у нас нет. Она, наверное, трагически воспринимала, что меня не тянет к ней плотски. Но если б я тогда знал, что для сохранения наших отношений нужна близость, – Боже мой! Ведь это такой пустяк, я пошел бы на все, чтобы спасти то, что было. Физическая близость – цемент, который может удержать, но Митя не знал об этом тогда. А Наташа, конечно, знала, но не считала себя вправе как-то закрепить меня возле себя. Потом только Митя поймет ее благородство – тогда, когда будут попытки романов с другими женщинами, которые в переломные моменты начнут кокетничать, не приходя на назначенные свидания, заманивая в постельные просторы. Наташа себя недооценивала, так же, как и свою нужность Мите. А ведь потом, без нее, город снова окатил его холодом, улицы стали узкими, сдавливающими. Мите часто стало сниться, как он бежит по темным холодным переулкам, а вверху, в небе, летит птица, она пытается снизиться и пробиться ко мне, но некая невидимая

преграда мешает ей. Лишь два перышка почему-то падают мне на руку. Лишь когда Митя женился и у него родилась дочка, эта птица словно пробилась к нему: он взял в руки тельце ребенка, теплое, нужное, и испытал вдруг такое чувство, что птица с ним... Я после свадьбы вел дневник. Но слов всегда не хватало, и я записал только: «Держал Настю на руках – слабые косточки, но от всего тельца исходит сила. Ко мне все возвращается».

Но вернемся назад. Митя потом искал женщин, похожих на Наташу. Если на танцах он замечал ноги, похожие на ее, то ожесточенно начинал ухаживать. А поскольку девушки ценят такое и откликаются, полностью раскрываясь, я в результате этого неизменно обнаруживал, что Наташи в этом теле нет. Однажды я бежал за незнакомкой в японском платье, которая не шла, а семеняла, как было модно в то лето. Ноги закрыты платьем, а волосы – грива подсвеченных солнцем прядей – показались родными. Но потом оказалось, что Наташи и в этом теле нет. Я даже находил много любопытного в новых знакомствах, ведь женщины все равно более интересны, чем мужчины, – в общении, я имею в виду. Слабый пол – переходя на технический язык – инструмент с более широким диапазоном. Но Наташи не было нигде. Я, наверное, много горя принес знакомым девушкам и женщинам – об этом я задумался, лишь когда Давид пришел однажды с синяком под глазом. Сказал, что моя сестра «белу ручку приложила».

– Я за ней приударил, а она ударила...

Митя сначала был сражен наглостью Давида, но на претензии получил ответ: сам-то чем лучше? И пошло перечисление. Давид слишком хорошо наблюдал за Митей, в то время как тот не уследил даже, когда друг сделал ребенка его собственной сестре. Потом была дикая гонка за врачом для убийства невинного младенца (рожать для Давида, которому был не нужен ребенок, сестра не хотела, а обращаться официально было слишком поздно). Это потрясло Митю. Когда все закончилось, в пургу, в полночь он шел из больницы домой, догнал девушку, которая не знала, как добраться до родителей – транспорт внезапно встал из-за заносов. Такая погода, сказал он ей. В городе природы нет, а вот погода есть, это да. Та девушка и стала вскоре его женой. Он любил повторять: возле нас остаются те, кто нас достоин, и мы – возле тех, кого мы достойны...

Частенько он это повторял, но о Наташе не забывалось. Не хватало ему ее. Митя начал путешествовать летом по уральским рекам, с их порогами и пением птиц по берегам. От этого снова у него возникало ощущение, что Наташа близко, вот-вот появится.

Потом эти приступы пошли густо: и осенью, во время дождей, и весной, во время таяния снега, – снова кажется, что вот-вот она появится. И вчера я пришел домой после того, как рассказал вам все это, ну и всю ночь чувствовал приближение встречи. А утром, на работе, вдруг удача с внедрением изобретения, хотя в последние месяцы как раз не очень-то везло. А когда я был с Наташей, удачи были постоянны. И в дочке я все больше нахожу черты Наташи, словно через меня она вошла в мою Настю.

Недавно мы работали в овощехранилище вместе с девушками из парикмахерской. Разбирали картошку. Мужики, конечно, много внимания уделяли парикмахершам. Когда одна пожаловалась, что замерзли ноги, молодая такая блондиночка, все сразу стали кричать: мол, наши молодые люди вас согреют, но сразу договоримся: остановиться на коленях и ничего выше не греть! Когда я слышу такие шуточки, мне до того становится всех жалко, что я почти плачу. Я думаю, что здесь много обмана: ведь когда мужчина и женщина дошутятся до постели и лягут, а потом встанут – вот только тог да они поймут, что все-таки не для этого начинали те разговоры...

И я стал рассказывать парикмахершам, как ходил на выставку флористов. Митя посещал эти вы ставки в поисках Наташи, но находил там только мертвые цветы. Пока он рассказывал о пейзаже, сделанном из тополиного пуха, одна из парикмахерш смотрела на него совершенно Наташиным взглядом. И у меня до сих пор желание пойти у нее постричься – они нас приглашали, когда мы прощались. Но я знаю, что не пойду, что не найду там Наташи. Поэтому я вызываю время от времени ощущение, будто я на поляне ромашек; вокруг вьются бабочки. Вверху – солнце. И город – далеко-далеко. И Митя все ищет и ищет Наташу.

Андрей Чередник

Теплый снег

Рассказы

Круговорот

О том, что и под землей не затухает жизнь. А с ней - наши "тараканы".

вершилось! И в свои неполные сорок я уже мог безбоязненно смотреть в будущее. Единственное, что омрачало, - это дикая сырость. Вначале особого дискомфорта я не испытывал, но со временем в крышке гроба образовалась трещина, через которую непрерывно сочилась грунтовая вода. Когда ее скапливалось слишком много, возникало неприятное чувство, будто лежишь в собственном дерьме... Весь следующий год влага доставала невероятно, особенно весной, когда таял снег, и осенью до первого снега. Но, по мере того как с меня сходили остатки плоти, брезгливое ощущение притуплялось, и оставалась лишь ломота в костях - не больше.

Вообще, место, где находится городское кладбище, - не подарок. Кругом такой туман и сырость, что и живой занует, а что уж говорить о нас - детях подземелья, навек прикованных к здешнему нездоровому климату.

Так вот, плавал я в этой слякоти, убивал время размышлениями о гармоничном и вечном, как вдруг услышал сверху гулкие звуки. Кто-то настойчиво ломился вниз. Сразу мелькнуло: ларек ставят.

Еще наверху я часто воображал себе, что вот так же, как сейчас, лежу, а сверху предприимчивые кооператоры воздвигают торговую палатку. Мысль о том, что на мне будут кошунственно торговать помидорами или жарить шашлык всю дорогу, казалась отвратительной...

Но что же они там все-таки задумали...

Звуки подступали все ближе, и вскоре гроб, а вслед за ним

соседний вытащили и куда-то поволокли. А еще через пару часов надо мной суетливо порхали люди в белых халатах.

"К чему эта клоунада? Медосмотр, что ли? Не поздно ли спохватились? - кисло подумал я. - Или, может быть, пока я отлеживался, медицина успела так далеко шагнуть к оживлению трупов?"

Однако по обрывкам разговоров, которые удалось подслушать остатком уха, я понял, что реанимацией не пахнет и причина моего извлечения на свет самая что ни на есть тривиальная, хотя и занимательная.

Но начну по порядку.

Как было неопровержимо установлено, меня отравили цианидом. Ампулу с остатками жидкости нашли, убийцу вычислили, приговорили к высшей мере и прикопали по соседству со мной. Однако несколько месяцев спустя стажер, проходивший практику в убийном отделе, случайно набрел на мою фотографию и обратил внимание на вмятину на лбу. А чуть позже, всего в километре от моего тела было обнаружено и предполагаемое орудие убийства - садовая лопата, край которой удивительно точно соответствовал контуру вмятины, и (что характерно!) на заступе не было волос, поскольку я был лысый. Это лишний раз подтверждало достоверность новой гипотезы. Первое дело было закрыто, тем более что результаты дактилоскопии, подоспевшие после приведения приговора в исполнение, показали, что бедняга ампулу не трогал, а кто трогал - было уже не важно, поскольку к этому времени выросла другая папка с броским названием "Дело N 2", которая и покатила по узким коридорам и кабинетам следственного отдела.

Однако по заведенному порядку, чтобы уничтожить "Дело N 1" и дать полный ход "Делу N 2", требовалось выполнить одну формальность - пройти медицинское освидетельствование.

Для нашего контингента это называется эксгумация. Я понадобился для осмотра летальной черепной травмы, а мой сосед - для повторного сличения его пальчиков со следами на ампуле, чтобы запротокोलировать несовпадение в присутствии обвиняемого. Этого требовали правила.

Такой поворот событий был для парня просто подарком. Ему вернули бы доброе имя. Все-таки, как ни крути, а лежать с таким тяжким обвинением не всякому под силу, а тем более - молодому, морально неокрепшему организму. Теперь только я понял, почему бедняга у меня под боком все время хлюпал носом. Сначала я думал, от сырости, но теперь-то я знаю, что он всхлипывал от обиды на решение прокурора.

В душе (во всеуслышание, увы, не получалось) я рукоплескал скорому и счастливому закрытию Дела N 1. Лишь одно обстоятельство портило радость: ни отравления, ни удара лопатой не было. А был какой-то верзила, который сзади стянул мне шею леской от удочки. Я хорошо запомнил только рост, потому что его плечи возвышались над моими.

Впрочем, если дело поручено профессионалам, они наверняка разберутся в моей вмятине (я ее действительно заполучил, но не от убийцы, а по одному пьяному делу десятилетней давности), и новая версия будет благополучно похоронена. Если же за дело, как и в первый раз, возьмутся недоучки, значит, опять ложный след, повяжут по отпечаткам на черенке лопаты какого-нибудь честного сельского труженика, и вот вам еще одна жертва нерадивых органов. Интересно, у кого на счету больше вот таких невинно пострадавших, у преступников или у правосудия?

Если бы можно было как-то подтолкнуть ребят, чтобы задержались на моей шее, если только время не затерло следы удавки!

Я бы охотно помог следствию, но чем? Да и кто я такой, чтобы давать советы? Труп. Не более. Я вообще лишен права голоса. А если бы и не был лишен, то как его подать? Никаких звуков не получается, даже шипящих. Язык, размякший и частично съеденный почвой и сыростью, наотрез отказывается выполнять команды. А ведь еще полгода назад неплохо удавались свистящие согласные.

Ладно, пусть делают что хотят. Только бы шею не проглядели.

А тем временем внесли и на столе рядом разложили соседа.

Лучше бы у меня не было края правого глаза, которым я рассмотрел парня. Так я ему позавидовал! Мальчишка был просто чудо, то есть вполне сгодился бы на обложку приличного журнала. У меня наверху остался куда более землистый и синопный приятель, которого медкомиссия каждый год неизменно признавала практически здоровым, хотя единственным основанием для этого была его способность двигаться. Если бы эта самая комиссия выстроилась у стола с этим парнем, бьюсь об заклад, она даже признала бы его годным к воинской службе, настолько ладно он смотрелся.

Конечно, при более придирчивом осмотре можно было заметить, что мальчик набух от влаги и в отдельных местах чуть тронут гниением. Но если подретушировать бело-синие и

землистые тона, что-то сообразить с глазами и сфотографировать на журнал, то с обложки на вас будет смотреть доброе, благообразное лицо. Припухлость кожи вполне сойдет за некоторую полноту, характерную для людей обеспеченных и преуспевающих, а сонный, отсутствующий взгляд выдаст в нем человека не обремененного житейскими заботами (что, кстати, правда), сытого и где-то благополучного. Так выглядят члены правительства, парламента и генералы.

Разумеется, никакой его заслуги здесь не было. Юношу привели в исполнение всего три месяца назад, так что время и сырость еще не успели наложить свой грим. Три месяца спустя я тоже выглядел таким же франтом. Но сейчас я старичок... Как-то вдруг стало ужасно неловко за свой запущенный вид. Контраст неимоверный. Парнишка, наверное, злорадствует, что я такой жалкий. А тут еще медсестричка - зашла к нам, увидела меня и грохнулась на пол... Совсем неприятно. Хоть бы прикрыли чем-нибудь...

Ладно, отдам остатки тела на растерзание этим горе-экспертам и послушаю их мудрое заключение. Парень, наверное, тоже ждет с нетерпением торжественной церемонии закрытия Дела номер 1. Я почти физически чувствую, как он весь подобрался и замер. Впрочем, последнее в нашем положении несложно.

На следующий день с утра наша палата наполнилась медиками, судебными экспертами и другими околосудебными лицами. Все были вооружены фотоаппаратами и блокнотами, а главный держал наготове диктофон. Видимо, он и будет спикером палаты.

Настал момент выяснить про себя всю правду. Когда еще узнаешь так подробно... Там, наверху, от меня всегда прятали медицинскую карту. Говорили, что не положено. Больной (пока жив) не должен ничего знать о своем здоровье, кроме того, что ему говорит врач. Если мне и удавалось каким-то образом стянуть историю болезни, я, спрятавшись в укромном месте, как запрещенный самиздат, смаковал клубничку про свое сердце, печень... хотя и не понимал многих слов. Но теперь можно было открыто, не прячась, прослушать историю моих органов, по крайней мере тех, которые еще не истлели окончательно.

Спикер с диктофоном внимательно склонился надо мной и зазвучал:

- При наружном осмотре...

Как, неужели будет еще и внутренний? Не защекотали бы... Ладно, долой цинизм, послушаем дальше.

- ...у трупа...

Могли бы понежнее обозвать!

- ...в нижней части тазобедренного...

Издали начали, ну что ж, мы не спешим.

- ...обнаружена гематома...

Что-о-о??? Какая еще гематома, двоичники! Там же скелет!!!

- ...уплотнение ткани, без серьезных аномалий на поверхности...

Ткань? Да еще плотная? Недоумки, неужели не видят, как я похудел... Без аномалий - это естественно. Аномалии сошли вместе с поверхностью.

- ...в районе ключицы...

К шее подбираются... ну, еще чуть-чуть...

- ...не отмечено никаких повреждений, зато на шее...

Так. Напряглись, ребята, не спешите. Ответ в районе шеи.

- ...смещение позвонка, а в остальном...

Так я и думал. Смещение увидели, а выводов никаких. Дело дрянь. Интересно, а их учат анализировать головой? А вот, кстати, и про голову...

- ...вмятина в районе лобной кости неизвестного происхождения...

Ага! Не поняли, чем меня тюкнули. Это обнадеживает. Может быть, все же выкинут эту фантазию с лопатой?

- ...скорее всего, нанесен садовой лопа...

Ну, вот и финал! Приехали! Подогнали мою вмятину под лопату, недоумки. Теперь будут искать исполнителя. Заранее ему сочувствую.

Осмотр был закончен. Парня моего сильно не терзали. Ограничились быстрым наружным осмотром чисто для проформы, а потом сняли пальчики, подтвердили отсутствие на них состава преступления и, если можно так выразиться, отпустили с богом.

На следующий день нас положили на место, и я занялся подсчетом всех плюсов и минусов пережитого.

Плюсов было всего два.

Первый плюс - парню, конечно, крупно подфартило с моей вмятиной. Теперь будет лежать со смытым пятном. Кстати, он и не хлопает больше. Второй плюс - кто-то из рабочих, пока несли гроб, хозяйственно провел замазкой по трещине в крышке.

А дальше? А дальше заведут дело, возьмут хозяина лопаты и опять этот круговорот в природе: обвинение - захоронение - опровержение.

Ладно бы на этом дело закончилось, но ведь у меня на

боку и на спине еще две ножевые и одна пулевая царапины сидят. Если все они так же отчетливо запечатлелись на фотографии, то считай еще три новые версии (три потенциальные жертвы) и опять медосмотры...

Господи, зачем только меня убили? Ведь сколько народу по моей вине теперь ляжет. А парень и в самом деле больше не сопит. Отмучился бедняга. И слава богу. Хоть одному из нас полегчало.

Теплый снег

Утро в "Жаворонке" начиналось для Веры по-разному. Со скрипа деревьев, с назойливых воробьев, с сонного лая собак. А последние две недели оно начиналось с ворон. Их карканье, причем под самым окном, не предвещало ничего хорошего. Она была почти уверена, что вороны садились у дерева под ее окном не случайно, а чтобы обсудить перспективы ее, Веры Матвеевны, дальнейшего пребывания в этом доме. В вороньих устах такие перспективы могли означать только одно: пора.

"Жаворонком" именовали дом престарелых. Название было нелепым, хотя, возможно, подобрано с наилучшими побуждениями - бодрить обитателей, вызывая веселение ассоциации. Но уж больно не вязалось это слово с мрачным, серым домом, который контрастно и даже, как Вере казалось, гневно выступал из лесной зелени. Весной и летом "Жаворонок" всем своим видом бросал вызов цветению и росту. И лишь осенью выглядел более умиротворенным, сливаясь с тусклым фоном всеобщего увядания, которое полностью отвечало его назначению - усыплять.

Зарыться бы в одеяло и заткнуть уши, чтобы не слышать ворон. Зачем эти громкие намеки? Как будто мало других. Например, вставание с постели. В один прекрасный день она не сможет этого сделать. Потянется, зажмурит глаза и... всё произойдет легко и просто, как по рывку стрелки вокзальных часов отваливает от перрона поезд...

Но сегодня день состоится. Только надо поторопиться, иначе она останется без завтрака. Непонятно, зачем в этих стенах режим? В санатории, в больнице, где твое пребывание отмеряется количеством своевременных процедур, выпитых в строго предписанное время лекарств, нормированных прогулок, - там режим оправдан и поэтому уважаем. Лечебно-восстановительное заведение так и задумано, чтобы поправить твое здоровье. А что, скажите на милость, собираются поправлять в тебе здесь?

В столовую Вера обычно не спешила. Очень не хотелось брести по коридору в массе ковыляющих, шаркающих, скрипящих

и кашляющих. Самый вид процессии усугублял ощущение собственной немощи. А еще и вливаться в этот поток? Нет уж, увольте! Поэтому она заходила в последний момент, когда все рассаживались за столики.

- Так, кушаем бодренько! Не замираем! - поставленным голосом ораторствовала дежурная дама, чем-то похожая на содержательницу дома свиданий. Время от времени она прихлопывала в ладоши, очевидно, чтобы не давать старикам уснуть за тарелкой. Вера выяснила, что это - часть лечебной терапии. Непонятно только, от чего лечат? От возраста? Ну, допустим. А куда выписывают излечившихся? Вера испытывала садистское желание изнурять себя этими болезненными вопросами. Возможно, для того чтобы привыкнуть к таким же болезненным ответам. Но потом, устав терзать себя, возвращалась к одному и тому же простому объяснению. Дом был платным и даже весьма. Отсюда и дополнительные телодвижения персонала, который просто-напросто отработывал повышенную зарплату.

- А теперь разбегаемся. Мальчики-девочки, на воздух. Не пропускаем солнышко! Гуляем все! - Почти как в дискотеке "Танцуем все". Последний сильный, как удар гонга, хлопок в ладоши возвещал об окончании завтрака. После чего дежурная матрона выплывала из столовой, как актер за кулисы, на ходу срывая с себя маску радости и становясь естественно-будничной.

Веру сначала этот аттракцион занимал, как всё новое. Но очень скоро начал раздражать. Эти "мальчики и девочки", два прихлопа, три притопа, обращение, как со слабоумными. И вообще, какой к лешему жаворонок, когда они давно уже свою песню отпели. Назвали бы уж богадельней. Не так броско, зато схвачена суть.

- Мамуль, ну ты скажешь. Какая это богадельня! Это пансион, - возмущалась дочка, когда Веру собирали в дорогу.

- Хорошо, пансион, - примиряющим голосом согласилась Вера Матвеевна. - Но потом не удержалась, чтобы опять не связвить: - А давай его еще краше назовем. Курорт. Будем считать, что сдаете вы меня на санаторно-курортное... как бы это выразиться... тление. Притом бессменное. Как тебе такой вариант?

- ...и уход там отменный, - продолжала Ира, словно не слыша ее иронии, - сиди себе и расслабляйся. Читай, вспоминай. Кормят неплохо, как-никак пансион частный. Недешевый, между прочим.

- Да... недешевое - всегда отменное, это верно... Там и с музыкой проводят. Знаешь, о чем я подумала, дочка? Когда сдают в утиль тару или макулатуру, всегда что-то получают в поощрение.

Либо деньги, либо книжку в новом переплете. Или бутылку. Полную, разумеется. Вот бы и с нами так же. Сдал дряхлую бабулю с застарелой ишемией, никудышной печенью и тромбофлебитом, прибавил что-нибудь для веса, а взамен тебе выдают молодую бабулю, полную сил и вполне пригодную для хозяйственных нужд. - Немного подумала. - Хотя... это имеет смысл, если мы идем на переработку с пользой для страны. Скажем, на удобрение для клубники. Ладно, не делай такое лицо, будто лимон жуешь. Я пошутила. Развлекаю себя таким манером, понимаешь...

Когда Вере было тяжело, она хваталась за шутку. Но сегодня юмор не спасал. На душе делалось все тяжелее.

- Ма, ну, тебя опять понесло. Давай сейчас мы дружно разрыдаемся. Не драматизируй. Всех переживешь. Еще и правнуков... - она остановилась, поняв, что совершила промах. В самом деле, о каких правнуках может быть речь, когда при малом внуке ее уже сдают как отработанный материал.

Воцарилась неловкая пауза, но Вера быстро свернула тему:

- Хорошо, идите куда-нибудь. Я должна еще собраться. - В эти последние минуты прощания с домашним уютом она хотела побыть одна.

А сейчас Вера сидела за столиком, рассеянно прокладывая столовой ложкой тропинки в рисовой каше, и думала, что сегодня ровно год, который она здесь отмотала. "И еще зачем-то жива". Любопытно, как долго приличествует гостить в этом месте? Пока не начнут шумно вздыхать, мол, не пора ли честь знать? Но об этом потом. Сегодня юбилей, который надо отметить. Годовщину принято отмечать, где бы она тебя ни застигла и независимо от повода. А чтобы настроение тоже было юбилейное, лучше на это время убраться из "Жаворонка". Скажем, в лес. Благо он под боком. Там можно подвести итоги и рапортовать об успехах. Правда, с адресатом заминка. Кому докладывать - непонятно. Дочка с мужем и Игорьком на севере. Да и будет ли им интересен скучный отчет старушки о том, как она все еще дышит. Вот если бы... тогда даже и нагрянут, чтобы отдать последний долг.

- Вера Матвеевна, доедать будете? Мы закрываем. Надо проветрить помещение.

- Да-да, конечно. Понимаю, у Вас ведь режим. - Вера поспешно проглотила остатки каши и вышла из-за стола. В самом деле, проветрить бы эти авгиевы конюшни, пропитанные тяжелым духом старости, от которой даже дом посерел. Короче, прочь отсюда - и в лес. В лесу даже самое черное выглядит иначе.

Она вышла наружу и направилась в полуголый лесок неподалеку. А по пути перебирала события прошедшего года, выискивая хоть что-нибудь памятное. Но безуспешно. Единственное, что всплыло в голове, - вычитанное в этих стенах изречение какого-то мудреца, который сказал: "Мы умираем, как только перестаем хотеть жить". В таком случае получается, что она живет по инерции. Любопытно бы узнать, какой длины у человека тормозной путь после того, как он сказал себе "стоп"?

Сначала Вере действительно казалось, что она вот-вот умрет. Разве не за этим она здесь? Пытаясь приучить себя к тому, что иначе и быть не должно, она выстроила для себя целую философию. Каждое заведение служит какой-то цели. В столовой принято кушать, в больнице болеть, в казино играть в рулетку, в доме отдыха отдыхать. А здесь - угасать. А коли так - надо соответствовать. Но любая попытка привести себя в полное соответствие нагнетала тоску, от которой невозможно было укрыться. Одно время Вера боролась с ней довольно оригинальным средством. Оказывается, тоску можно прогнать, если встретить ее у входа с еще более мрачным видом, да еще гавкнуть: "А вот я сейчас возьму и помру! И уйдешь ты, матушка, ни с чем". Тоска пугалась такого исхода и на какое-то время ретировалась, а Вера даже немного веселела от такого остроумного решения. "Запатентовать бы", - шутила она про себя. Одно огорчало - средство было кратковременным, а силы на оборону иссякали.

Первые дни в "Жаворонке" Вера хваталась за все, что в этом убогом интерьере способно было излучать жизнь. Разглядывала юношей санитаров, вневедомственную охрану, медработниц, мясистую заведующую производством. Вот оно, спелое, сочное! Без морщин и костылей! Где-то - осанистое и мускулистое, а где - округлое, розовое. И тянется одно к другому, повинувшись законам природы. Мужчины пощипывают женщин. А те в ответ взвизгивают и хлопают "нахалов" по рукам, притворяясь возмущенными. "Сережка, здесь же люди!!!". - "Какие? Где? Которые в колясках?" "Вполне понятное недоумение", - подмечала Вера. Старики почти не смущают. В самом деле, они уже без пяти минут предмет местности. Скоро она сядет в коляску, и тогда окружающая жизнь и вовсе перестанет ее замечать. Даже птицы и звери не будут бояться. Сидишь, а рядом резвятся, сводят счеты. Вот зверь подполз. Или человек. Уже не важно. Уместился у твоего подножья и вершит свои дела. В волосах птицы гнездо свили - пара горлиц. Возможно, в следующем году они снова прилетят к ней, чтобы построиться там же. Горлицы и аисты часто гнездятся в

одном и том же месте. А ты наблюдаешь за ними, как в скрытый глазок. Но пока еще фауна тебя сторонится. Пока еще люди держат себя в рамках. Плотские и чувственные страсти пока еще кульминируют не на твоих глазах, а в темноте, в укромных углах, когда дом засыпает. Как-то вечером, выйдя в коридор, она услышала за стеной дежурной легкое поскрипывание пружин и шепот: "Не надо, ведь зайдут!". И удовлетворенно констатировала: "Значит, все-таки стесняются". А потом всё потонуло в набежавших воспоминаниях. Лёнька! Те же ночи и поскрипывание в самое неурочное время. "Верочка, да никто сюда не войдет!". В интимные минуты он был таким же нетерпеливым. Не хотел ее дожидаться. И ушел... опять не дождавшись...

- Мам, тебе будет хорошо в своем кругу. Общие воспоминания, будет с кем посплетничать. А мы же вечно мотаемся где-то.

Наивный ребенок. Неужели непонятно, что эта гонка, этот вселенский бардак как раз оживляли, вовлекая в суету сует. А здесь она выпала из обоймы и валяется, как пустая гильза в груди себе подобных. Дом растиражированных зеркал, где каждый встречный - почти ты сам. И напоминает он тебе лишь об уйме пролетевших лет и больше ни о чем.

Незаметно она добралась до леса. До чего же здесь хорошо! В лесу все равны - старик, юноша, младенец. Обновляясь из года в год, кусты, трава, ветки подают тебе пример вечной молодости. Лес не делает скидки ни на возраст, ни на болезни. И в этом нет ни малейшей черствости, а, напротив, - высшая гуманность. Он принимает тебя в союз вечнозеленых, без условий и членских взносов.

Погруженная в эти мысли, Вера не заметила, как прошла изрядную дистанцию. Никогда так далеко не забредала. Надо возвращаться. Вдруг вдали послышался шум, за которым различались детские голоса. Только этого еще не хватало. Вера старалась приучить себя не думать о внуке. В тяжелые бессонные ночи, когда память мучила с особым садизмом, ей иногда хотелось ударить себя по голове так, чтобы забыть внука, Иру. Это не страшно. В конце концов, и они ее забудут. Но она боялась в наступившей амнезии потерять Леню. Стереть память о нем означало бы совершить предательство.

Звуки продолжали доноситься до нее, и Вера пошла на голоса. Скоро она наткнулась на серый трехэтажный дом, прикрытый орешником. Дом удивительно напоминал "Жаворонка", отличаясь от него лишь решетчатой оградой. За ней копошились дети вокруг груды песка, а с ветки свисала старая шина, очевидно

заменяющая качели. "Не детская площадка, а вольера для молодняка в зоопарке, - подумала Вера, - не могли уж песочницу приличную соорудить и качели нормальные повесить. Интересно, что здесь? Детский сад? В таком пустынном месте? А для летнего садика не сезон, вроде бы. Может быть, больница?"

Заинтересовавшись, она подошла вплотную к забору.

- Сыночек, а ты что не играешь? - В углу, почти прислонившись к решетке, стоял мальчик лет пяти и разглядывал ее. - Как тебя зовут?

Он молчал и продолжал изучать ее. Лицо было серьезным.

- Ты не хочешь играть с другими, тебя кто-то обидел?

При звуках ее голоса дети сбились в стайку и подошли к решетке. Десятки глаз строго изучали ее. Несколько минут они стояли неподвижно и молча. Вере стало неловко от этого противостояния.

Странные дети, необычные. Возможно, она просто отвыкла от них. А может быть, после года изоляции стала видеть то, что раньше оставалось незамеченным? Нет, определенно не такие. Дети во всю кричат, плачут, бегают. А эти полуживые какие-то, чем-то похожие на старичков в "Жаворонке". И взгляд не детский. Губы плотно сжаты, а в глазах какой-то большущий, тревожный вопрос. "Толпа одиноких детей", - пронеслось у нее в голове.

- Вам что-то нужно, бабуля? - Из дома вышла средних лет женщина.

- Да вот... - растерялась Вера, - заблудилась немного. Как к "Жаворонку" пройти ближе?

- Вы оттуда? Как же это вас сюда занесло? Да вы присядьте. Вам плохо?

Вера действительно еле стояла на ногах и оперлась о дерево.

- Заходите внутрь. Я вам водички дам. Может быть, лучше чаю? У меня только что закипело. - Было заметно, что она обрадовалась случайной встрече.

- Спасибо, дочка. Сейчас отдышусь немного и пойду обратно. А что здесь у вас? Детсад? Летний сезон вроде бы прошел. Да и на детсад как-то не очень похоже... А я тут ходила, слышу, вроде плач. Ну, и решила посмотреть. - После чая она немного размякла и разговорилась. - Я из "Жаворонка", вот гуляла... У меня Игоречек тоже был, внук. Но они уехали, а теперь ни слуху ни духу. Уже целый год как одна. Решила погулять, а тут эти дети... - слова, копившиеся целый год, наконец-то нашли выход. Захотелось поделиться с этой женщиной, согретой ей

чаю. Вот кому бы рассказать про весь прожитой год! В "Жаворонке" она почти все время молчала. Там если и выслушают, то по обязанности. А эта неожиданная собеседница, похоже, действительно рада ей. Не гонит, не отмахивается от нее. Да и сама хочет поговорить. Вера уже собиралась рассказать ей про наседавших на нее ворон, но женщина перебила:

- Верно, на детсад мы не похожи. И сезонов у нас не бывает, - она грустно усмехнулась: - Сезоны за забором остались. Детдомовские мы. - И зачем-то добавила: - Такие вот дела...

- Там вот почему они... не такие, - прошептала Вера, но та услышала.

- А какими им быть? - ее голос вдруг стал резким. - Мне "отказников" дали. Так я их называю. Кого в роддоме оставили. Отказались от них, понимаете? Да нет, не понимаете. Я уже два года пытаюсь понять, как такое возможно. Другие они, верно. За чужое расплачиваются. По какому такому закону, скажите?!

Вера молчала.

- Любить их нужно. А я не могу! Не-мо-гу! Хотя они ждут! Понимаете, ждут! - она отвернулась и ушла в свои мысли.

- Почему не можете? - нарушила молчание Вера.

- Почему? Я расскажу. Все расскажу, - ее голос задрожал. - Я до этого в детском садике работала, а потом, когда сынишка... когда Володенька мой... утонул, смотреть на детей не могла. Ненавидела лютой ненавистью. Ведь они живы, а он... а его нет... - она говорила через силу, каждый раз набирая полную грудь воздуха. - А потом пошла сюда. Не потому что их возлюбила, а просто зло разбирало на мамок, которые их оставили. И еще подумала: мой Вовка ведь тоже один где-то мается, неприкаянный, без меня. А на этих сироток посмотрю - и как будто через них ему руку протягиваю. Ласкаю его, такого же сиротинушку... Потом думала полюбить их, но не могу. Так сильно, как Володьку, все равно не получится. Может быть, наполовину. А им моей половинки не нужно. После всего - и чтобы только на половинку?! Нет уж!

Она закрыла лицо руками и некоторое время тяжело дышала сквозь ладони. А потом отняла руки от лица:

- А если бы и полюбила кого, так все равно разойдемся. Они же временные, побудут здесь, потом их заберут, а я буду одна. Уже совсем одна. Наверное, лучше уж как сейчас. Простите, бабушка, что я все это выплеснула, но в дверях увидела, как он вас разглядывал, аж заглодало вон тут, - она прижала руку к груди. - Все! Не будем об этом! Давайте я лучше кипятку добавлю. Чай-то простыл совсем. - Помолчала немного, но потом снова заговорила,

стараясь быть спокойной: - Я вам больше скажу. Они даже тосковать не умеют. Я ж знаю, как ребенок тоскует. По детсадику знаю. Его родители оставляют, он весь в соплях, а потом ждет. В глазах слезы, капризный, требует маму, папу. Или просто смотрит на ворота, на дверь, как щеночек покорный. Они свои права знают и бунтуют, борются за них. Кто внутри себя, кто кричит. А здешние даже не ведают, что все это значит, когда не пришли, не забрали. Поэтому им не тоскливо. Но и не весело. Им никак. А все же чего-то хочется, чего-то не хватает. Душа-то на месте, и все чувства с ней. Но внутри у них всё колотится, я же вижу. Иногда делается страшно. Особенно ночью... Пойдемте, я вам что покажу.

Она схватила Веру за руку и потянула в соседнюю комнату.

- Вот, посмотрите. - Она протянула ей тигренка. - Это ж как надо над ним измываться долго, чтобы так распотрошить. Другие играют в игрушки, воображают себе папу-маму. Вон детки, вон берлога. А эти... посмотрите, как искромсали. Что они в нем искали, ну, скажите?! Зачем им понадобилось живот ему потрошить, голову вывернули с корнем, посмотрите! - Она с остервенелым отчаяньем стала вышвыривать из тигренка тряпки. - Нет, ну скажите, не молчите, что?! Что они там искали?!

Вера с ужасом наблюдала эту сцену, а потом наклонилась над разбросанным по полу тигренком и произнесла тихо, почти про себя:

- Себя они искали. Того самого, который затерялся внутри...

И вдруг ее обуяла острая жалость к убитой горем, почти помешанной женщине, которая пытается сдержаться, но не в силах. Она подошла к ней и погладила ее по плечу:

- Успокойся, Ира. Тебя ведь Ира зовут? Как и мою дочку, надо же... Не мучай себя. Я тоже одна. Целый год. Да что там год - как Лёньку, мужа, похоронила, так и одна. Последнее время Игорек, внучек мой, крепко держал. А потом им надо было уезжать, а меня, стало быть, в "Жаворонок". Нет, я не в претензии. Понимаю, болячек у меня накопилось, одна с собой не справлюсь. Но ведь все равно - сдали. А я даже писать не решаюсь им. Внутри чувство: а вдруг не понравится им, что я еще живу. Страшно от таких мыслей, а приходят. Дом-то недешевый, а у них и так денег в обрез. Поэтому сижу тихо и молчу. Не то что хочется умереть... Я еще пока не разобралась с этим. Но и жить как-то неловко стало. Не для этого же меня туда... - Она наклонилась и стала подбирать разбросанного по полу тигренка. - Ты лучше скажи, кто тот мальчик?

- Витька? - Лицо у Иры посветлело.- Что у забора стоит, решетку носом долбит? Да как все. Нет, не как все. Вру я вам. Чертенюк бесконтрольный. Никак его не разберу. Но тянет к нему до невозможности. Самый из них молчун. Иной раз стоит как вкопанный, а потом вцепится в кого-нибудь или в игрушку. У нас мало игрушек, мы недавно здесь. Приходится делить. Так вот, вцепится и не отпускает, как бульдожка. И не плачет. Глаза сухие. Они вообще редко плачут. Да и разве ж это плачут? Так, поскуливают. Ой, я сейчас. Опять, наверное, сцепился с кем-то. Посидите здесь, - она выбежала из дому.

- Ну-ка, я кого-то... - Послышалась возня. Потом она объявилась.

- Еле растащила их. Что-то опять не поделили, а что - не говорят. Каждый под курткой что-то прячет. Партизаны. Вот кого в разведку брать. - Она улыбалась.

За окном таял недолгий, осенний день. Вера спохватилась.

- Темнеет уже, Ирочка. Спасибо тебе за все. Пойду я. Пока доберусь. Может, еще к ужину поспею. Не грусти. - Она уже направилась к двери, как вдруг обернулась, почувствовав на себе тоскливый взгляд женщины: - Можно я завтра приду?

- Если не утомит, - обрадовалась Ира. - Далековато до нас, но вы приходите. Я буду ждать. Знаете что... - она подошла к ней почти вплотную и опять перешла на шепот, - приходите, и к вечеру тоже. Если что, я вас отвезу обратно. У меня старенький мотоцикл с коляской. Мотор только нужно перебрать. Уже год как на приколе стоит. Я здесь все время дежурю. А то и на ночь остаться можете. Место есть. Я приберу. Глупо, наверное, что я вас втянула в эти разговоры. Но такая тоска меня взяла, а тут вы появились, как волшебница добрая. Нет, не добрая, злая. Растравили только меня. Приходите, Вера. Пока они суетятся, я еще терплю. А как спать лягут, уж такая тишина, хоть вешайся. Жутковато становится. Но зато Володька ко мне приходит. Как все улягутся, он и приходит... весь мокрый, с него струйки воды стекают... он таким лежал, когда его вытащили. Вы знаете, все время воды боялся, чуть капля попадет на лицо, орал, как поросенок. А тут весь в капельках этих самых, что со лба его вытирала. И лежит тихо-претихо... Нет, не могу я больше, - ее голос опять задрожал, - уходите сейчас, Вера, пожалуйста, уходите.

За воротами Вера оглянулась назад. Дети продолжали смотреть ей вслед.

- Витюша, я скоро приду. - Прошептала она ему губами. Помахала рукой и пошла прочь, то и дело оглядываясь назад. А он стоял, прильнув лицом к решетке, и смотрел, смотрел... "Завтра

принесу ему игрушку", - подумала она.

Перед сном Вера долго ворочалась. Дом не давал покоя. И женщина, безуспешно пытающаяся в этом глухом месте зарыть свое горе, и сами дети в масках взрослых, с глазами - строгими и пронзительными.

Она пришла сразу после обеда. Площадка была пуста. На пороге стояла Ира. Увидев Веру, она воспрянула:

- А я чувствовала, что вы приближаетесь. Каким-то кошачьим чувством поняла, что вы рядом. А Витька в изоляторе.

- В изоляторе?!

- Ага. Достоялся. Другие двигаются, а этот стоит, как вкопанный. Ну вот и подмерз.

- Можно к нему?

- Нужно! Кашляет он сильно. Да оклемается. На них, как на собаках, миг все заживает.

Вера прошла по темному коридору. Витя лежал, закутанный до носа, и смотрел на потолок, втягивая его в себя.

- Ну что, герой? Достоялся на холоде?

Он кивнул.

- А чего молчишь? Нет, не надо, не говори. Посмотри, что я тебе принесла? Это тебе. От Игорька осталось.

- От какого Игорька?

- Внучек у меня, Игорек. От него это. - Она вытащила Петрушку и положила ему на подушку. Петрушка был оставлен ей на память. Она его держала в тумбочке, стараясь, чтобы цветной мальчик с бубенчиком на шляпе не попадался ей на глаза. А сегодня схватила его и принесла сюда. В тумбочке ему не место.

- Он веселый, правда? Посмотри.

- Внучек - это что?

- Внучек? - она смешалась... А ведь он действительно не знает этого слова. И других слов - "бабушка", "мама" - тоже не знает. Как она ему объяснит, что это значит? Внутри что-то больно сжалось.

- Ты лучше погляди, какой у него бубен.

- А как его зовут?

- Как зовут? Да просто Петрушка. Петя, если хочешь. Ты с ним подружишься. Он добрый. И вот тебе еще... - она порылась в сумочке и достала яблоко. Но он не заметил его, замороженный Петрушкой.

- Поправляйся, Витенька. Мне скоро надо идти, но я...

Неожиданно он ухватился за ее рукав:

- Ты придешь? Зачем ты уходишь?

- Я приду. Завтра. Обещаю.

- Ты приходи.

- Приду, милый. Ой, ну ты схватил, однако. Рукав оторвешь. Сильный, как медведь.

Он нехотя отпустил ее рукав, потом взял Петрушу и отвернулся с ним к стенке. Вера хотела что-то сказать, но горло словно удавкой сдавили. Она быстро поднялась и вышла, не в силах ничего произнести.

Несколько дней Вера никуда не выходила. Болело сердце, к тому же открылся кашель. На четвертый день утром услышала мотор. Ира почти вбежала к ней, взволнованная, красная.

- Бабуля, бабулечка, Вера, как вы?! Что случилось?! Родненькая, куда вы исчезли?! Я уж бог знает что подумала. Нервы-то на пределе. Думала, расстроила вас тогда. Слава богу, живая. - Она рухнула на стул, пытаясь отдышаться.

- Рада тебе, Ира. Захворала немного. Злоупотребила осенним холодом, вот и слегла. Ты скажи, что с Витькой? Я лежала, и все мысли о нем, о вас...

- Да ничего не случилось...

- Не темни, я же вижу. Ты говори, хуже мне не будет. Хуже уже было, дальше некуда, - улыбнулась Вера.

- Ну, тогда скажу. Случилось. Больше чем случилось. Господи, я так и знала. Беда с ними. Это ж угольки. На них что ни бросишь, всё вскипает. Перестал кушать. Вчера выскочил на улицу с Петрушкой и в сетку его просовывает. Да куда вы, Вера? Вам же еще плохо. Лежите, а я ему привет передам, скажу, вы скоро придете...

- Нет, едем. Сейчас прямо едем, - засуетилась Вера. - Я ему апельсинчик только возьму.

Через несколько минут они были в пути.

- Вон, видите своего Петрушку? - Ира показала на забор. - Это Витька его пристроил. Я хотела вытащить, так он в меня вцепился, чтобы не трогала.

Петрушка наполовину вылез из решетки. Шея перекрутилась, материя местами треснула. Видно, что его изо всех сил старались просунуть через крупную ячейку и вытолкнуть наружу. Они с Ирой кое-как втянула игрушку обратно и вошли в дом. Витя сидел на стуле с замотанной платком шеей.

- Витенька, что ты с Петькой сделал, разбойник? Ты же его изранил. Погляди, живого места не осталось.

- Тебя опять не было.

- Захворала у тебя бабуля. Старая стала. Так что ты с Петушком натворил?

- Я его за тобой посылал. Ты больше не уйдешь?

- Нет, больше не уйду. И мы будем вместе. Всегда! - От своих слов и от Витиного молящего взгляда в ней крепла уверенность, что иначе и быть не может. - Но ты должен... - Вера вынула из сетки апельсин. - Ты должен вот что съесть. - Витя схватил его и потянул ко рту. - Нет, Витенька, что ты! Его же нужно очистить! - И пока он глотал дольки, не выпуская ее руки, она другой рукой гладила его по голове и думала о том, что он первый раз ест апельсин.

- Витенька, я приду. Будем гулять в лесу, играть с Петрушкой. Больше его не посылай за мной. А сейчас отпусти меня тихонько. Я же пообещала. И болеть тоже будем вместе. Ты на этой кровати, я на той, напротив. Идет?

- Идет, - повторил он за ней. - Только ты не уходи... - но разжал руки, а потом взял помятого Петрушку, уложил его в кровать и лег рядом.

- Вера, в самом деле, перебирайтесь к нам. - Ира стояла в дверях и утирала глаза фартуком. - Если что, я и за вами ухаживать буду. Сил хватит. Сейчас обратно вас отвезу. Поправляйтесь. Сам Бог вас послал...

- Теперь уж никуда не денусь, Ирочка. А кого послал Бог и к кому - еще будем выяснять, - засмеялась Вера. Что сделал, то сделал. Хорошо он поступил с нами или плохо - ему воздастся там, по месту жительства, - она показала на небо.

Вера ехала обратно и думала, что и в самом деле хочет переехать к ним, где открылся шанс вернуть жизни утраченный смысл. А нужно ли это сейчас, когда так мало осталось?.. Как вдруг ее сразило! А ведь смерти-то нет! Где она? Кто и когда ее видел? Не плод ли это нашей больной фантазии? Не обманываем ли мы себя? Придумали смерть, расставляем повсюду ее зловещие атрибуты, а потом мечемся в поисках выхода из нагнетаемой нами же тьмы. И тоскливо мечтаем об Эльдорадо, где вечный свет и наши надежды. Что за нелепость! Разве эта мифическая земля - не та, на которой мы стоим сегодня? И разве не здесь обретают плоть и оживают наши желания? Обман! То, что мы наивно принимаем за смерть, на самом деле лишь короткий миг, посланный, чтобы отдышаться, а затем появиться опять и продолжать вплетать в бесконечно вьющийся узор жизни наши мысли, чувства и любовь!

Пораженная этим озарением, она всю дорогу не произносила ни слова.

На рассвете Веру разбудила необычная тишина, нарушаемая легким скрипом, точно ступали по упругому ковру. Эти звуки она угадывала еще девочкой. Сомнений не было. Вера соскочила с кровати, подбежала к окну, удивляясь необычной

легкости в теле, глянула наружу и чуть не запрыгала от радости, увидев в разгорающемся небе первые снежинки. Пухлые и яркие, они тихо ложились на землю, выкладываясь в причудливые рисунки. Затаив дыхание, она рассматривала эти рисунки, пытаясь вникнуть в их смысл, а потом махнула рукой: "Ну и пусть нам непонятно. Зато мы видим красоту".

И сгорая от нетерпения, сорвала с вешалки пальто и выскочила на улицу. А там запрокинула голову, как любила делать в детстве, и подставила лицо ватным облакам, роняющим на землю сотни тысяч сверкающих звезд.

Теплое снежное утро! Как долго тебя не было!

Стоял конец марта

Иван Сплюйкин ни разу не был за границей. Оно бы ничего страшного, да стала с ним твориться ерунда, от которой отвязаться не было никаких сил.

Хотя Иван никогда наружу не выбирался, о загранице все же имел представление, поскольку не раз просматривал зарубежные киноленты. Просматривал, но все сомневался: возможно ли такое? "Сегодня, - цинично рассуждал он, - когда реальная жизнь по качеству все больше уступает трехмерной графике, такую "заграницу" можно легко соорудить на компьютере. Сканируешь объемное тело, а потом только цвет да анимация".

Но заграница настойчиво теребила его сознание, и, в конце концов, Иван в нее поверил. И едва поверил - будто камень сомнений с плеч долой. Выпрямился, похорошел и, что характерно, стал по ночам видеть цветные сны. До этого ничего подобного с ним не случалось. Вернее сказать, сны он видел часто, но заграницы в них не было. А отечественные сновидения выходили черно-белыми, сумеречными и плохого качества. Что-то вроде старых-престарых лент с Чаплином, только без хохм. Единственным приметным в этих снах местом были пинки в зад. Однако, в отличие от чаплинских шуточных пинков, удары были болезненные и несправедливые. А мелькающие во сне озабоченные серые человечки, - очевидно, народ - то и дело срывались и бросались наутек от милиции, налоговых органов, партии и правительства. Удирали всегда с оттопыренными карманами и припрятав что-нибудь под полой.

Заграница, пусть даже на экране, сохраняла внутри Ивана равновесие. Регулярные просмотры иностранных фильмов закрепляли позиции, усвоенные с детства. Однако под тяжестью местных условий эти позиции то и дело потрескивали. Цветные

сны блекли, мигали, а зарубежные предметы принимали все более привычные очертания. Небоскребы и эйфелевы башни "приседали" до крыш соседних лабазов. Английские двухэтажные double deckers, зеленели и сплющивались в пузатые, кособокие автобусы типа "Львів" - чахлое дитя украинской социндустрии. А цветастые шали мексиканских танцовщиц все чаще походили на бывшие когда-то белыми халаты девушек из отдела "Фрукты и овощи", с приставшими к этим халатам шмотками прелой капусты и следами раздавленных помидоров. Через какое-то время эта причудливая мозаика из чужого и родного окончательно опошлялась и принимала черно-белые национальные тона.

Возможно, Сплюйкин превозмог бы такое оскудение, если бы сон не прерывался. Но сон прерывался. И утром, едва Иван открывал глаза, в его сознание шумно врывается страна и, засучив рукава, принималась разрушать некогда устойчивые понятия и суждения. Сплюйкин начинал путать причину со следствием, подлость часто принимал за хитроумие, а рассеянность - за щедрость. Появились сбои с арифметикой. В одном магазине Ваня горячо вступился за женщину. Она не принимала от покупателя две бумажки по 100 и требовала 200 одной купюрой. Две по 100 она считала за половину. Иван вместе с другими пристыдил мошенника. Однако когда на выходе мысленно сложил достоинства двух банкнот, встревожился и заспешил к знакомому терапевту.

- Рубашку не задирай. Мы это не лечим, - произнес доктор. И, выдержав паузу, чтобы насладиться эффектом, доверительным шепотом добавил: - Вот что я тебе скажу, Ваня: хотя я теперь доктор платный и, стало быть, в тебе материально заинтересованный, осмотрами терзать не буду. Потому что я тебя люблю. И, любя, открою всю правду. Собери-ка сэкономленные на мне денежки, да поезжай за рубеж. Гонорара, который ты мне не заплатишь, как раз хватит на туда и обратно. Там и придешь в норму. Что, не веришь? Тогда почитай вот это. - И положил перед Иваном зарубежную газету. На странице жирным курсивом было выделено *To stay sane you have to move out of the country at least 3 times a year* (чтобы остаться в здравом уме, следует выезжать из страны по меньшей мере три раза в год). От этих слов Иван вздрогнул, а потом нерешительно подвинул к себе обрывок газеты.

По статье выходило, что безвыездное пребывание в стране со временем вызывает серьезные аномалии в голове. Авторы иллюстрировали этот вывод ссылками на проведенные обследования взрослого населения. Опрашиваемых делили на две группы: невыезжавшие и выезжавшие. И тех, и других просили

совершить несложные арифметические действия, а затем дать оценку плохим и хорошим поступкам в предлагаемых примерах. Задания были несложными, и большинство невыезжавших в целом их выполняло правильно. Но за внешней незамысловатостью задачек крылся подвох. В самом конце спрашивалось "А вы уверены?" В этом-то вопросе и заключалась суть эксперимента - проверка на прочность. И те, кто никуда не выезжал, начинали нервничать, шарить глазами по стенам, умоляюще смотрели на устроителей эксперимента и молчали.

Напротив, выезжающие регулярно на провокационный вопрос не реагировали. Делили и умножали без запинки. А в предлагаемых ситуациях легко отличали скопидомство от бережливости, хамство от острословия, вседозволенность от уверенности, бесхребетность от дипломатии, жестокость от изобретательства, а доносительство от любви к закону.

- Прочитал? Ну вот. Наука, брат, - ничего не поделаешь. Только поезжай подальше от эпицентра. Так лучше. И еще один добрый совет - не связывайся с визами. Виза расшатывает нервы и грозит угробить весь эффект. Видишь очередь в соседний кабинет? Это те, кто сломался на оформлении виз. Можешь поговорить с ними, но лучше их не трогать.

Иван вышел из кабинета и подумал о визах. Про них он слышал. Умные люди объяснили Ивану, что визы - давнее изобретение. С их помощью государства рассчитывали просеивать сомнительный контингент и впускать только тех, кто умудрился соединить в себе честность и большие деньги. Честные, но без кредитной карточки отбраковывались. А те, что с кредиткой, долго и нудно проверялись - сначала на состоятельность, а потом на честность. Последнее включало в себя беседу с консульским работником, детектор лжи, повторное собеседование по результатам детектора, анализ на беременность и предоставление наглядного свидетельства о намерении вернуться домой (обратный билет). Люди со слабой психикой ломались и надолго или навсегда остывали к визовым государствам. Особенно дулись на славян и их близких соседей, которые в угоду Западу подло покинули братский безвизовый союз. Иван знал одну такую обиженную семью. Оба были заядлыми грибниками. И, не имея средств на Париж и Лондон, они ездили в Словакию, где собирали грибы. "Там всегда были замечательные лисички", - грустно рассказывала семья. Виза положила конец грибной охоте под Братиславой. Ощетинились визами также леса Чехии, Венгрии и Польши.

И принялся Иван опрашивать знакомых, кто ездил: как, мол, там и в каком месте ему полегчает. Но впечатления были

слишком пестрыми, чтобы понять, где же все-таки лучше. Склонный к обобщениям, он пытался из обрывков слов, восклицаний и жестов нарисовать в воображении некую единую страну с названием Заграница. Но однородной территории - вроде Японии - с усредненной внешностью, привычками и образом жизни не получалось. И еще настораживало то, что на щеках у всех рассказчиков горел румянец возбуждения, в глазах - очевидное счастье, а по сути вопроса - ничего толкового и порой сплошные претензии.

Претензии огорчали, но и ошарашивали непонятной капризностью. Один его соратник, приехавший из двухнедельной командировки, обрушился на туалетную бумагу, которая у них, дескать, не такая мягкая, как в рекламе. Иван терпеливо слушал его стенания, но сочувствия не испытывал. Он хорошо помнил время, когда рулоны этой бумаги заменяли стопками прессы, и ни один пользователь никогда не жаловался на ее качество. Если кто и страдал, то, скорее, люди, уважавшие печатное слово. Одинокие старушки, тихое интеллигентное еврейство, работники библиотек добросовестно прочесывали хозяйственные магазины в поисках рулонов. И лишь после многократных неудачных попыток и не в силах больше терпеть, раздираемые внутренним конфликтом, с болью отрывали клочки от печатных страниц, сознавая, что губят реликвии. Но основная масса не отличалась подобной щепетильностью. Иван на всю жизнь запомнил, как к нему из Тюмени приехал свояк с семьей пожить на дачу в Подмоскowie. Быстро употребив подшивки старых журналов, тюменцы принялись за выцветшие книги, которые Сплюйкин берег пуше глаза. Когда гости уехали, Иван долго возился в туалетном домике, собирая и разглаживая нанизанные на проволоку письма Екатерины Великой, воспоминания декабристов и другие пожелтевшие странички, не успевшие исчезнуть в черной пасти выгребной ямы.

Раздраковив западные рулоны, соратник иссяк. И лишь в конце сказал, что это была Франция. "Но ты не думай, Вань, они там все заодно".

Испания тоже разочаровала. Из услышанных историй Иван понял, что Испания, особенно ее столица, кишит голубыми юношами, агрессивно затягивающими одиноких мужчин в свое сексуальное меньшинство. Испанцы легко распознают их в толпе. Голубой, по их приметам, - тот, кто всячески выпячивает свою мужественность и рельеф мускулатуры, прилично одет, аккуратно отутюжен, до блеска начищен, гладко выбрит, стильно причесан. Непосвященные могут спутать его с обыкновенным мужчиной

приятной наружности. Испанки, подчеркивающие фигуру и линию ног, - опять же сексуальное меньшинство либо представительницы древней профессии. Потертые джинсы, кеды, бесформенная куртка, отсутствие макияжа, затрапезный, бесполоый вид - люди со здоровой ориентацией. Ивану советовали выглядеть именно так, чтобы не приковывать к себе двусмысленные взгляды. Лучше всего, как рекомендовали доброхоты, ходить по городу в сопровождении женщины.

Не все, однако, выглядело столь мрачно. Италия, к примеру, порадовала. Знакомый, побывавший в Риме, с восторгом рассказал Ивану, как в первый же день на него прямо из окна свалилась пара неплохих джинсов. Он и раньше слышал о еще сохранившейся традиции итальянцев выбрасывать мусор прямо из окна. Но его поразило, что в понятие мусор местное население вкладывает вполне пригодные к употреблению вещи. Из окон Италии на него летели предметы, которые еще годы могли бы с пользой просуществовать в семье. То же самое впечатляло в Германии. Но в Германии этот мусор аккуратно выставляли на обочину в мешочках. Совершив такое открытие, он стал регулярно выбираться в Европу за этим самым мусором. И всегда поездом, где объем багажа не лимитировался.

Встречал Иван и пару из Швейцарии. Но она была немногословна. "Зимой и летом одним цветом", - произнесли оба. И добавили, что коренных швейцарцев не видели, потому что находились в долине, где одни иностранцы. Коренные швейцарцы живут в Альпах. По словам очевидцев, они мелковатые, жадноватые, не любят шума и обо всем необычном заявляют в полицию. Плечистые и добрые швейцарцы - редкость и обитают лишь в тех горных районах, где когда-то проходил Суворов со своими солдатами.

Африка до Ивана почти не доходила. Туда ездили редко и, в основном, режиссеры и операторы, снимающие борьбу третьего мира за независимость. Одно фотокорреспондента Иван все же отловил. И тот рассказал. Но не про Африку, а про то, как завалил ответственное задание - отснять восторг стран, избавившихся от колониального гнета. Задание он не выполнил, поскольку так и не смог найти население, где никто бы не ковырял в носу.

- Иван, ты представляешь! Я спозаранку выбежал на улицу и пытался отловить женщин с корзинами на голове, да так, чтобы схватить их в натуре. Но... они все время держат палец там!!! Ну, как я мог их снимать в таком виде?

Он долго бился над местным населением. Платил им свои скромные суточные, выстраивая прохожих в шеренгу,

треугольником, полукругом. Но африканцы не понимали, чего он добивается. Стояли неподвижно, и даже держали руки по швам, но при этом растерянно улыбались. Отчаявшись выдавить из них массовый восторг, репортер плюнул и переключился на фламинго. Но птиц снимал без энтузиазма, машинально, обрабатывая остаток командировки. А, вернувшись домой, был отстранен от работы с формулировкой "идеологическая незрелость" и ушел на свободный рынок, где к тому времени активно формировался зрительский спрос на флору и фауну. С уходом идеологов народ расправил плечи и громко стал требовать показа разной экзотики, в том числе птиц, зверей и рыб. Быстро уловив конъюнктуру, фоторепортер с головой окунулся в съемку и тиражирование фильмов о флоре и фауне Африки. Работа была выгодной и почти не требовала расходов, поскольку кадры снимались не в африканских саваннах и не на дне океана, а в зоопарках, зоомагазинах, в гастрономических отделах "Живая рыба" либо через стекло домашних аквариумов.

Знакомых, побывавших в Штатах, было немало. Сплюйкин охотно спешил к ним на огонек и, формулируя свои вопросы, невольно переходил на "вы". Они отличались повышенными знаниями в области цифр и превосходно производили в уме арифметические операции. Те, кто пробывал за океаном длительное время, не расставались с карманными калькуляторами. Все увиденное и услышанное они раскладывали на аккуратные столбцы, где значились вес, объем, количество кирпичей и металлических скоб, джоулей, калорий и т. п. А по калькулятору подсчитывалась сумма выгоды, упущенной в результате простоя этой груды кирпичей, скоб и калорий. На вопросы Ивана об американских нравах, приехавшие отделялись общими фразами, что, дескать, убивать и грабить - однозначно плохо. Там это уже поняли, и вот-вот дойдет до других. И что справедливость существует, но пока лишь в черновом варианте. Поэтому на сегодняшний день искать ее лучше всего не в законах и не в адвокатских конторах и судах, а на экранах фильмов с суперменами. В этих фильмах перед американцами прокручиваются образцы крупной и мелкой несправедливости, а Кларк Кент все еще демонстрирует возможные варианты борьбы с ней. Но пока только в пределах Соединенных Штатов. "И вообще, нам, как они, еще рано..." - с томной усталостью отделялись они от ивановских допросов, хотя глаза счастливо блестели и у них.

Все рассказы совпадали лишь в одном - отсутствие очередей. Иван и раньше слышал, что за границей очередь -

мимолетная случайность, недоразумение, вызванное временным заторможением мысли либо технической поломкой пропускного аппарата, но никак не состояние нации. Эта особенность увлекала многих уехавших, хотя, как опасались врачи, отпуская своих пациентов за границу, грозила тяжелым похмельем по возвращении на родину.

Вопреки мнению расхожей литературы, сравнивающей очередь с гидрой, озлобленной по всей длине тела и лишь у головы - умиротворенной и подобострастной, Иван не считал это явление чем-то темным и угнетающим. Стояние в очереди было для него актом физической близости с народом, к которому он притирался не только телом, но и настроением. В очереди он полнее всего ощущал себя частью общества, притом без всякого напоминания от средств массовой информации.

Получалось, что жить невозможно нигде. Длительное проживание в одной и той же стране раскрывает перед тобой всю зернистость кадра, а с ней - все дефекты, до последнего прыщика, но картинка постоянно меняется, как фата-моргана. Англичане - чопорные и жадные, вроде дирекции работного дома в "Оливере Твисте", вдруг поворачиваются к тебе буйной и развеселой головушкой футбольных болельщиков. Однако через какое-то время вновь запахиваются в футляр, надевают цилиндры и цедят сквозь зубы сакраментальные формулы вроде "мой дом - моя крепость" и "держи свой норов при себе". Индусы - мудрецы, добросовестно накапливающие в каждой новой жизни положительные пункты, через некоторое время превращаются в мелких уличных воришек и жуликоватых продавцов. А служители буддистских храмов Таиланда, рассказывающие о реинкарнации, в конце сеанса требуют заплатить за лекцию, а потом бегут за тобой и кричат вслед что-то обидное про инфляцию.

Из всех разговоров Иван так и не смог вывести цельную картину. Однако понял одно. Жить за границей невыносимо, но бывать там надо и как можно чаще. Временный - для страны желанный гость, страна для него - радушная хозяйка, пока вы не присмотрелись друг к другу. Поэтому задерживаться больше чем на год не надо. Или ты испортишь, или тебя испортят. К тому же, после года принято платить налоги. В общем, все хлопали Ивана по плечу и советовали ехать. Но при этом не заикливаться на одном и неустанно внушать себе, что где-то еще лучше.

Накопив мнения, Иван задумался и вышел в парк. Над ним мелкой ватой осыпалось зимнее облако. На скамейке кот оседал кошку и нацеливался совершить таинство любви. Сплойкин рассеянно подергал кота за хвост, но кот сердито

засопел и укусил его за палец. Тогда Иван не стал мешать, встал со скамейки и отвернулся. А через несколько секунд услышал нечеловеческий вопль: "Что ж ты, дура, орешь?.. Сама же просила" - и, не оглядываясь, пошел прочь. Он шел и произносил про себя стишок, который разучивал ребенком.

У занесенных снегом кочек...
нашли мы маленький цветочек,
полузамерзший, чуть живой,
должно быть, сильно припекало
сегодня солнышко с утра,
цветку под солнцем жарко стало
и он подумал, что пора, и вылез...

"А может быть, и правда, рано я из-под снега-то...
решился. Подпустишь к себе Запад, а потом, как эта кошка..."

Иван оглянулся. Кошка с довольным мурлыканьем каталась по траве и с благодарностью смотрела на своего "мучителя". Стоял конец марта.

Эдуард Бормашенко

Т"01

"Огненный лед" Генриха Соколика

мигрантские рукописи не только горят, их ждет нечто худшее: их не читают. Современному читателю немного говорит имя Генриха Соколика, и мало кто слышал о трактате "Огненный лед", книге удивительной глубины и изящества, по глубине и зоркости рефлексии ничуть не уступающей лучшим образцам философской литературы прошлого века. Комментирование – благородное философское занятие, но в моем обращении к книге Соколика присутствует еще и элемент конфуцианского "исправления имен", мне хочется, чтобы имя Генриха Соколика заняло подобающее место в истории мысли XX столетия.

***

"Огненный лед" начинается с буддистской притчи о дереве "ашока", которое можно увидеть лишь после того, как его придумаешь. Буддистские философы заметили, что «видевший низкое дерево "ашока" не признает за дерево высокое "ашока", если не знает, что такое дерево». Эта притча, задает тон трактата, с первых строк нам ясно, что речь пойдет о музыке познания. Гуманитарии в XX веке философствовали охотно, представители точного знания нехотя и сквозь зубы. С некоторых пор в обществе физиков философские разговоры стали почитаться неприличными. Моден был анекдот, приписываемый Анатолию Абрахаму: расфуфыренная дама, раздраженно тыча зонтиком в разлегшегося на солнышке в зоопарке гиппопотама, спрашивает служителя: скажите, любезный, это самец или самка? Служитель надолго задумывается и отвечает: "Сударыня, по-моему, этот вопрос может интересовать только самца гиппопотама, а он – знает". Нехитрый смысл притчи таков: физик сам знает, как ему делать свое научное дело, а философские помочи ему без надобности.

Анекдот – хорош, но следствием подобного подхода к познанию стало расцветшее в последние годы пышным цветом ученое ремесленничество и отъединение науки от мудрости,

вредоносное для обеих. Генрих Соколик был мудрец, и его интересовало, что собственно значит "знать", что сообщают нам науки и искусства, дает ли нам знание свободу от мира вещей, или, напротив, порабощает нас, и можно ли распознать в дереве дерево, если заранее не знать о его существовании. Иначе говоря, есть ли в нашем сознании, некий отдел, не продиктованный информацией поступающей в него извне, независимый от внешнего мира, известный изначально и превращающий несущийся на нас поток сведений в *знание*?

Генрих Соколик

***

Главный мотив "Огненного льда" таков: научное познание *неестественно*, или точнее *противоестественно*. Непосредственное созерцание дерева нам не позволит ничего узнать о дереве. Дереву абсолютно все равно, созерцаем мы его или нет, назовем так, или иначе, разместим в той или иной клетке биологического классификатора, дерево не знает о том, что оно дерево. Узнать что-то о дереве мы сможем, лишь только навязав ему *внешнее, чуждое* самому дереву соглашение. Познание вещей возможно только в рамках соглашений самим вещам чуждых, во всяком случае, научное познание, суммированное в томах, заполнивших библиотеки мира. Естественное созерцание треугольника не позволит мне распознать в нем треугольник. Лишь, *условившись* заранее называть треугольниками фигуры с

тремя сторонами, мы узнаем треугольник. Познание условно.

В популярных книжках, как правило, наивно объясняют переход от науки Аристотелевой к Галилеевской, современной; теоретику-Аристотелю, де, не приходило в голову бросать камни, а вот умница Галилей додумался до экспериментального метода. На самом деле, познавательный скачок был значительно серьезнее: именно Галилей изобрел теоретический метод, заменив естественное созерцание природы, *условным* миром физического эксперимента, проводимого в искусственных, навязанных природе извне условиях.

Условно и физическое измерение – основа основ точных наук. Измеряя стол линейкой, вы сопоставляете столу эталон длины, внешний по отношению к столу, и никакого отношения к нему не имеющий. Столу совершенно все равно, какой он длины.

Напротив чувство – безусловно. Если вы начали сравнивать объем талии и груди вашей возлюбленной с аналогичными параметрами других женщин – ваше чувство мертво. Любимая женщина – не одна в ряду многих. Если вы хотите установить самый ли умный и добрый ваш отец, вы лишены сыновнего чувства. Чувство – непосредственно и абсолютно. Абсолютна и вера; религия вырабатывает изощренные схоластику и казуистику, позволяющие понимать мир в рамках всех тех же условных (логических) соглашений, но, ни схоластика, ни казуистика к акту веры, к вере самой по себе никакого отношения не имеют. Вы можете выяснить место иудаизма в ряду других религий, но это также отличается от Веры, как изучение учебников техники секса и гинекологии от непосредственного познания женщины.

***

Окунувшись в микву, я всякий раз подхожу к растущему возле миквы средиземноморскому дубу. Наверно таково волшебное свойство вод миквы, но в этот момент я чувствую дерево, я физически ощущаю текущие в нем соки, я чувствую его помимо слоев культуры, образовавших на мне столь плотную корку, что кажется, что имена эта культурная корка и есть – "я". Это чувство непосредственно, нерасчлененно и безусловно, и не имеет никакого отношения к тому рода знания о живом, которое именуется биологией.

***

Полезно распутывать сплетение условного и безусловного. Удобно рассматривать человеческую мораль в координатах стыда, чести и совести. Честь и стыд условны, они зависят от принятых в обществе соглашений, совесть – безусловна

и абсолютна.

Неумение отделять условное от безусловного, может дорого стоить. Г. Соколик приводит пример шекспировского Лира. "Лир считает, что его королевская сущность – он верил в нее всю жизнь, не зависит от условностей (от раздела царства), но шут объясняет ему, что разрубив венец, он оставил себе столько же сущности сколько ее осталось в разбитом яйце". Здесь обыгрывается игра слов: по-английски корона и верхушка яйца – "crown". "Вера метафизика в неотделимость сущности от слов, которыми он манипулирует, ставит его в трагическое положение, хотя, казалось бы, он весь – в реальности". Воронель как-то не вполне в шутку обронил, что своим изумительным успехом большевики, обязаны исключительно удачному названию своей партии – ну, как же, эти требуют еще больше чем остальные. Завороженность западных лидеров словами "демократия" и "революция", уверенность в том, что эти слова неотделимы от того, что происходит в арабском мире, не позволяют им разглядеть реальных примитивного погрома и возврата к докультурным формам человеческого общежития.

Вся человеческая культура построена на добровольном следовании условным соглашениям, но наибольший воистину невероятный успех выпал на долю этих соглашений в теории познания. "Оказывается, существуют понятия, доступные лишь игре, то есть культурному языку". Тот, кто занимается современной физикой, знает, как далеки ее понятия от реальности. Разреженный воздух общей теории относительности и квантовой механики предельно удален от мира вещей, но, все же, тоненькой ниточкой еще с этим миром связан. Полное же торжество условных соглашений наступает в математике, "в рамках которой мы не знаем, о чем говорим, и верно ли то, что мы говорим". Математика, страхнув оковы реальности, совершенно не привязана к контексту вещей. Поразительная эффективность математики, согласно Соколику, связана именно с ее умением "говорить вне контекста". В этом умении с математикой может посостязаться только музыка. "Грамматическая структура математики настолько высока (насколько независима от психологического контекста), что в математических предложениях нельзя найти даже следов общепристорического элемента. Ведь любые исторические ссылки носят содержательный, то есть полностью "немузыкальный" характер, а именно в математике "немузыкальность", содержательность до конца преодолевается... Теоретическая физика... до известной степени привязана к контексту, а значит "принадлежит к более низкому типу музыкальности".

Для того чтобы перенестись в царство истины, надо научиться "говорить ни о чем", как это делают математики, надо отвязаться от мира вещей. Говорить музыкально, ладно можно только ни о чем, надо, чтобы слова заиграли со словами, звуки со звуками, краски с красками. Эта игра будет становиться все более изощрена, правила этой игры (грамматика языка) – все совершеннее и отточнее, но, вступив в эту игру, мы вступаем в мир свободы, не ограниченной косным миром вещей.

Я думаю, что Генрих Соколик, скончавшийся в 1982 году, и не догадывался, как далеко пойдет современная наука по пути реализации столь воодушевляющей программы. Родилось уже поколение физиков не только никогда в физической лаборатории не работавших, но и не испытывающих в Лаборатории никакой потребности. Специалисты по теории струн уже живут в королевстве свободы духа, избавившись от кандалов физического эксперимента, не заметив, того, что их королевство граничит, а порой и наползает на княжества схоластики, астрологии и алхимии. Впрочем, Генриха Соколика такое соседство бы не смутило, перед игрой – все равны.

Генрих Соколик работал в области теории гравитации, достигшей благодаря гению Эйнштейна, высшей физической музыкальности. Теория гравитации, навязав природе внешний, донельзя изощренный язык, замкнулась на себя, как говорил Эйнштейн, она содержит в себе свои основания. Этот язык, по вере физиков, и есть сущность, природа тяготения, человек, посмотрев на уравнения общей теории относительности, спрашивающий: а в чем же сущность явления гравитации, находится вне физической игры, эти уравнения и есть "сущность" тяготения. Так зритель, смотрящий спектакль и спрашивающий: а что там, за кулисами? – вне игры театральной.

В царстве музыкальной истины властвует гармония, ей не грозит главный враг гармонии – случай, думаю, что Эйнштейн не принял квантовой механики, где случай неустраним, по соображениям именно музыкальным.

***

Современная физика решительно отказалась от подлинности в пользу всеобщности, от онтологии в пользу описания природы при помощи искусственного языка, обладающего донельзя изощренной, «взбесившейся» грамматикой. Совсем не зря марксистские и нацистские философы обвиняли теорию относительности в Талмудизме. Знакомому с Талмудом, известно, как мало в нем онтологии; изучающему предлагается следующий скрытый ответ: Б-гопознание и есть интеллектуальная

игра по правилам, зафиксированным в Талмуде. Оказывается, что отдающимся этой игре, доступны вещи, недоступные естественным созерцателям, взыскующим истины, неотделимой от вещей.

***

Любопытно, что один из мудрейших наших современников, рав Адин Штейнзальц, полагает страсть к абсолютной истине, одним из проявлений вековечного стремления человеческой души ко злу. Велик соблазн – прожить жизнь в безвинном мире игры: играй по правилам, и ты без греха. Но еще более велик соблазн натянуть упрямый, косный мир вещей на великолепно обустроенные правила игры. Это та деятельность, которой посвящают жизнь революционеры (Данте помещал революционеров, не пришедших к власти в чистилище, революционеры, добравшиеся до власти – в аду).

Есть необычайно глубокий комментарий средневекового еврейского мыслителя Рабейну Бахье на сцену борьбы Яакова с ангелом. По мнению Рабейну Бахье, Яаков, не отпуская ангела, требовал ответа на вопрос: может ли человеческий разум окончательно избавиться от оков материи, можно ли перейти в мир чистой мысли? Ответ ангела был отрицательным, окончательно перерезать ниточку, связывающую мышление с миром вещей – человеку невозможно. Разуму предназначено прихрамывать, смирившись с невозможностью избавиться от следов реальности в сознании. Ни к какой реальной вещи понятие абсолютной истины – неприложимо. Чтобы там ни думали математики, – и их прекрасная игра не отгорожена непроницаемо от внешнего мира. Математика не познает мир, а научает нас говорить о вещах "изымая их из контекста", в этом суть всякого культурного мышления, но это уже мысль Г. Соколика.

***

Итак, культура сводится к созиданию выделенных миров, изъятых из их естественного окружения. Здесь мы сталкиваемся с любопытным психологическим явлением: обывательской сосредоточенной ненавистью к тем, кто готов в этих мирах, жить. «Ненависть нацистов к "еврейской науке" можно объяснить не только, как проявление типичных для них зоологического расизма и демагогии, но и как неприятие людьми обиденного мышления теоретической мысли, всегда содержащей идею "зеркального царства", то есть изъятости. Иначе говоря, эти люди бессознательно отождествляли "еврейское" и "гетто". Тогда понятно, какую роль в их мышлении играл образ юного Зигфрида, разрубающего копьё договоров, снимающего "естественным

мечом" неестественные соглашения. В этом отношении именно теократия (как ни парадоксально это звучит), всегда была защитой теоретической науки от динамической безответственности светских правителей, которым ближе "естественная наука" Лысенко или Гете».

Ясно, что антисемитизму уготовано бессмертие, ибо евреи от своей "изысканности" из окружающего мира не откажутся ни за какие коврижки.

***

Ненависть обыденного мышления к игре в познание понять несложно, но не одни мещане презирали науку. Теоретическое мышление третировал и Толстой, здесь ссылкой на обывательщину не отмахнешься. В чем причина? Чем же привлекали Толстого выдуманные им мужики? Нерасчлененной, внекультурной реакцией на ситуации, события из контекста принципиально не изымаемые, главное из таких событий – смерть. Мировые традиции выдумали правила и на этой случай, но стоящему у разветстой могилы не до правил (как сказано у наших мудрецов: "не утешай скорбящего, когда мертвый перед ним" Пиркей Авот, 4, 23).

Для обыденного мышления – и смерть обыденное, привычное дело в контексте жизни, часть естественной "реальности, в которой события развиваются неограниченно, как записи в дневнике". Такой подход к неизбежному – утерянный рай, недоступный безгрешным игрокам в познание. Для теоретика смерть – трагедия, часть "трагической реальности, содержащей все свои элементы, включающей в качестве необходимого элемента – конец". Но дело в том, что сами игроки, жрецы культа разума, с годами подустают от своего священнослужения, их гложет тоска по детскому, безусловному восприятию мира, и приходится выдумывать "мужиков".

В нас заложена тоска по тому, что Г. Соколик называл "миром кошек". В чем разница между собакой и кошкой? "Люди условились с собаками, как какую зовут, и собаки, согласившись считать эти относительные клички своими именами, подчиняются человеку. Но кошки не заключали с нами никакого соглашения, ибо у них есть свои имена, нам не ведомые. Поэтому кошки будут гулять сами по себе..." Под тонким слоем культуры в каждом из нас бушует "мир кошек", мир без условностей и правил, мир, в котором есть место и удали, и, ухарству и беспечности. Периодически вспыхивающая популярность "русского стиля" на Западе происходит от вот этой вековой зависти цивилизованного человека к дикарю, никогда не покидающему

контекста событий. Станным образом эти же чувства периодически всплывают и в науке, ими продиктованы талантливые книги Фритьофа Капры, пропагандирующего новый нерасчлененный взгляд на природу.

Верно и то, что зазор между теоретическим, музыкальным и обыденным сознаниями у исповедующих религию разума велик, как никогда. Обычно, такие конфликты снимались реформацией, как будет выглядеть научная реформация, предсказывать не берусь.

***

Г. Соколику принадлежит и замечательная мысль о сосуществовании двух времен: музыкального и естественного. Естественное (если угодно бергсоновское) время уникально и неразложимо. В нем ничего не повторяется, ибо в естественном мире все связано со всем. Но есть и другое время, теоретическое или музыкальное, "выемка" в обычном времени, "куда устремляется музыка, несказанно его возвышая. Вычлененное время воспроизводимо, для него существует "в другой раз". Чистейшим воплощением "изъятого" времени, конечно же, служит идея Субботы, неотделимая для ортодоксального еврея от субботних песнопений.

Мне кажется совершенно необходимым непрерывное осознание со-бытия этих времен, ибо разум, поселившийся в теоретическом времени, начинает грезить всемогуществом, точнее, становится ориентирован на всемогущество. Ведь, сам теоретический разум навязывает бытию свои законы, и все воспроизводимо. Естественное (Соколик называет его также «эпическим») время грозно напоминает о том, что ничто неповторимо, и всякий ушедший миг исчезает безвозвратно. Никому не дано жить лишь только в музыкальном времени, день, который весь Суббота еще не наступил.

Я позволю себе закончить свой очерк пассажем, завершающим "Огненный Лед". "Когда двадцать пять лет назад я вошел под своды Волшебной Горы, снаружи я оставил много человеческого, ибо все живое мне казалось смешным. Мой отказ от живой жизни не был позой. Это странная книга, в которой автор от гордости приходит к смирению и сердечному сокрушению. Я не думаю, что иудаизм – единственный путь к Богу, но мне смысл этой драмы, открылся именно через экзистенциальную связь с Ним".

Примечания

1. Г. Соколик, краткая справка: родился в 1929 году в Ленинграде (в статье в Википедии, указано место рождения – Ростов-на-Дону).

С детства страдал от полиомиелита. Физик-теоретик, работал в области теории поля, физики элементарных частиц. С 1972 г. в Израиле. Умер 6 августа 1982 г. Я справился с календарем – это был канун Субботы.

Все "закавыченные фразы", не сопровождающиеся точной ссылкой на источник, – цитаты из трактата Г. Соколика "Огненный Лед".

Лорина Дымова

О Левике, Шуберте и о том, какие игры играет с нами жизнь

то это было? Как называлось?

Любовь?

Нет, не любовь.

Отношения учителя и ученицы?

Не было никакого учителя. Да и ученицы, в общем-то, тоже. Для ученицы было поздно.

Влюбленность? Товарищество? Восхищение друг другом?

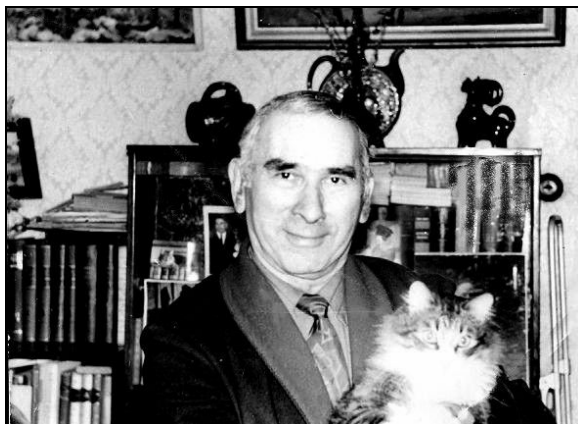
Всё не то. Скорее всего, этому просто нет названия. ЭТО находится в точке пересечения всех этих чувств, не являясь в чистом виде ни одним из них. Оно удерживается на грани каждого, не соскальзывая во что-то одно.

Итак, Вильгельм Вениаминович Левик.

Уже не помню, как мы познакомились, помню только где – разумеется, в Доме литераторов. Кто-то нас представил друг другу, потом несколько раз мы оказывались на одном вечере, на одном собрании, за одним столом. Смотрели друг на друга с симпатией, разговаривали – с каждым разом все оживленнее. Потом вообще стали чувствовать себя если не друзьями, то людьми одной породы, «одной крови».

Несмотря на свои семьдесят четыре года, он был чрезвычайно элегантен, статен, жизнерадостен, громкогolos. Очень любил находиться в компании молодых женщин, и, благодаря его возрасту, в эту категорию попадали многие, в том числе и я, которой тогда было сорок три. При встрече он целовал дамам ручки, но всегда с легкой иронической улыбкой, а потому это не выглядело старомодным. Говорил комплименты, бессовестно преувеличивая талант и молодость своей собеседницы, - словом, общение с ним было сплошным удовольствием. Я тоже сразу попала под его обаяние, но его известность, всеобщая любовь к нему и поклонение мешали мне, безвестной, мало и с трудом печатающейся, быть естественной и

не скованной. Но он с легкостью это преодолевал, и спустя десять-пятнадцать минут я уже чувствовала себя вполне в своей тарелке и забывала, что рядом со мной сидит «живой классик».

Вильгельм Вениаминович Левик в кабинете с котом.
Фото А.Н.Кривомазова, 1979

Когда я подарила ему только что вышедшую долгожданную первую книжку стихов (десять лет она пролежала в издательстве), несмотря на тщедушность и непрезентабельный вид сборника, Левик долго поздравлял меня, а на следующий день даже позвонил и долго говорил о книжке, неумеренно и щедро расточая похвалы. Я конечно понимала, что он преувеличивает, зная, что он хвалит всех подряд, но, что и говорить, было приятно. Через какое-то время Левик с заговорщическим видом сказал мне, что его жена – актриса, что-то прочитала мою книжку и приглашает меня к ним на обед. Разумеется, я почувствовала себя польщенной, с радостью приняла приглашение и с тех пор время от времени бывала у них. С женой Левика, Татьяной Васильевной, мы сразу же почувствовали друг к другу симпатию, и обе получали от встреч и разговоров большое удовольствие. Сейчас, когда я уже старше, чем она в то время, я могу оценить ее мудрость: масса молодых женщин, которые крутились вокруг ее мужа и которыми он восхищался – простодушно, по-детски, но, тем не менее, искренне, – не представляли для нее опасности, если они были на виду и дружили с ней тоже. Левик был так непосредствен и доверчив, что от него можно было ждать чего угодно, и если бы вдруг какая-нибудь длинноногая наяда решила с его помощью устроить свою литературную судьбу, неизвестно, чем бы это

кончилось.

Однажды он пригласил меня к себе в свою мастерскую, которая находилась возле Никитских ворот. Я знала, что, вдобавок ко всему, Левик еще и профессиональный художник, и мне, разумеется, было страшно любопытно увидеть его картины своими глазами: неужели он умеет еще и это? Он показал свои работы, много работ – в основном, портреты, выполненные маслом в академическом стиле. Хорошие это были картины или нет – судить не берусь, я мало что понимаю в живописи. Если человек мне симпатичен, и к тому же он еще оказывается и художником, его картины мне очень нравятся. То же самое было и в случае с Левиком: он показался мне художником замечательным, и, видя мое восхищение, он сразу же заявил, что обязательно напишет мой портрет, чем я чрезвычайно возгордилась. С тех пор я стала ходить к нему в мастерскую и бывала у него довольно часто. Сразу же скажу, что до портрета дело так и не дошло: все время оказывалось, что именно в этот раз необходимо что-то обсудить, или прочитать, или послушать, а портрет... что же, в другой раз.

Мы пили чай с пирожными, которые Левик покупал в ближайшей кондитерской перед моим приходом, он читал свои новые переводы и – что меня тогда удивляло – совсем как начинающий переводчик, ждал одобрения и похвалы. И главное – от кого? От меня, которая, как я теперь понимаю, и сама-то еще мало что умела, имени которой не знала ни одна собака. И, тем не менее, прочитав свой перевод из Гельдерлина (он тогда переводил немецких романтиков) Левик вопросительно смотрел на меня. «Замечательно!» – говорила я, хотя стихи эти меня не задевали, и если немецких романтиков я когда-то все же прочла, то исключительно с образовательной целью и еще потому, что переводил их Левик. А однажды я имела глупость сказать, что к Гейне я отношусь спокойно и не разделяю восторга, который испытывают по отношению к нему другие. Боже, как Левик огорчился! Он чуть не плакал, приводя все новые и новые аргументы в пользу стихов великого немца. Я что-то лепетала о том, что переводы Левика из Гейне превосходны, просто я люблю другую поэзию – ничего не помогало. Еще сильнее я пожалела о сказанном, когда Татьяна Васильевна, оставшись со мной наедине, проговорила укоризненно: «Зачем же вы сказали Вильгельму Вениаминовичу, что не любите Гейне! Он ведь ночь после этого не спал и все время твердил: «Ну, уж если Лорина так к нему относится, чего же ждать от остальных!..» Как могла, я заглаживала потом свою дурацкую оплошность, но, по-моему,

сделать это мне так и не удалось: Левик простил мне мои слова, но не забыл их.

А еще мы слушали музыку. Левик страстно любил Шопена, Моцарта, Шуберта, и в этом мы с ним, слава Богу, совпадали. Но о музыке рассказ впереди, а пока Левик читает мне свои переводы, стихотворения других поэтов, собственные стихи, написанные «на случай», то есть к юбилею или еще к какому-нибудь событию в жизни друзей. Показывая только что напечатанную в газете или журнале статью о себе, он больше всего радуется, когда о нем говорят, что он вовсе никакой не переводчик, а подлинный поэт. А впереди, причем уже совсем скоро, его юбилей – семьдесят пять лет, и в связи с этим грядет целая череда юбилейных вечеров в разных творческих союзах. И вдруг ему приходит в голову мысль, чтобы на одном из его вечеров, а именно в ЦДРИ, вступительное слово о нем сказал не очередной литературовед или академик, а, как он говорит, «дама приятная во всех отношениях», то есть я. «Ну, какой публике интересно, – рассуждает он вслух, – если один старик говорит о другом старике? Нет, хватит! На вечере в ЦДРИ это сделаете вы!»

Он ждет моих возражений по поводу того, что он старик, но ни в коем случае не относительно выступления на его вечере. Однако мне не до этих тонкостей, я прихожу в ужас!

- Ни за что!!! – почти кричу я. – Это абсурдно! Это невозможно!

- Возможно, возможно, – скороговоркой произносит он и, с удовольствием глядя на мою растерянность и полное замешательство, добавляет: – Возможно, и вы это сделаете. Решено!

И действительно, на вечере в ЦДРИ я говорила о Левике. Понимая, что буду на сцене в состоянии «гроги» и ни о какой импровизации речи быть не может, я написала текст и выучила его, причем выучила назубок – так, что с любого места и с любого слова могла продолжить текст до самого конца без единой запинки. Я собиралась рассказать о том, как небожитель, почти Бог, некий Левик, имя которого я знала по книгам, однажды материализовался и оказался живым человеком, который разговаривает, смеется, пьет чай. И что словосочетание «Вильгельм Левик» с того времени, как я научилась читать, было и остается для меня знаком поэзии высочайшей пробы. Что на стихах, подписанных его именем, я училась, как и многие, вкусу, культуре, мастерству. Ну и конечно, что Левиком создан целый мир, в котором царствует истинная поэзия, а это значит, что он вовсе не переводчик, а поэт, потому что свой собственный

отдельный мир умеют создавать только поэты.

Я до сих пор не знаю, что я сказала в тот вечер, а что забыла – я летела, как с высоченной горы, кажется, даже закрыв глаза, чтобы было не так страшно, и очнулась, только сидя в первом ряду в зале, хотя предполагалось, что я должна буду все первое отделение сидеть на сцене. Судя по радостной детской улыбке, Левик был доволен. Мои приятели, сидевшие в зале, тоже меня хвалили, но, возможно, из вежливости или чтобы утешить и ободрить. Я действительно не знаю, что и как я говорила, но теперь это уже не имеет никакого значения.

После юбилейных торжеств жизнь снова вошла в свою колею, я раз в неделю или в две бывала у Левика в мастерской. Одним из главных удовольствий для нас стало слушанье музыки. Левик часто бывал за границей и каждый раз привозил пластинки – в основном, классику в самом разном исполнении. Однажды он привез несколько сочинений Шуберта – вещи невероятной красоты. Особенно одна из них, которую мы слушали несколько раз, и он был счастлив, что мне она нравится не меньше, чем ему.

А потом, через несколько месяцев, я ему позвонила и позвала к нам в гости: мы справляли пятидесятилетие моего мужа. Хотя Левик только что вернулся из Праги и был, по его словам, очень утомлен, тем не менее, он твердо пообещал прийти.

- А у меня для вас сюрприз! – радостно сказал он мне напоследок. – Я привез для вас ТОГО Шуберта! Сочинение № 99. Нашел!

И услышав, как я обрадовалась, счастливо засмеялся.

Придя к нам, первое, что он сказал мне тихонько:

- Я нарочно не принес пластинку, чтобы вы поскорее пришли ко мне. Вместе послушаем, там другое исполнение.

- Когда? – спросила я.

- Давайте послезавтра. Завтра у меня встреча в издательстве. Только позвоните на всякий случай, с десяти я буду в мастерской.

Еле дождавшись послезавтра и десяти часов, я набрала номер его телефона, но телефон не отвечал. Подождала еще полчаса. Длинные гудки. Это было странно - человек он был обязательный и в случае, если что-нибудь мешало встрече, непременно звонил. В двенадцать часов я встревожилась, но решила подождать еще какое-то время, прежде чем позвонить ему домой: не была я уверена, что его жена знает о наших встречах.

Но через полчаса она позвонила сама.

- Лорина... Вильгельм Вениаминович умер... Вчера...

Поздно вечером пошел умыться перед сном и упал.

Это был конец. Мгновенный и, хочется верить, безболезненный.

ТОГО Шуберта я искала долгие годы, но его не было нигде. Были любые другие его сочинения, но не это.

И вот, спустя двадцать три года, когда мы с мужем уже жили в Иерусалиме, к нам в гости приехал из Голландии сын с семьей. После того, как были вытащены из чемоданов и подарены все подарки, сын протянул мне отдельно лежащую плоскую коробочку.

- А еще вот что, - сказал он.

Я открыла коробочку и увидела диск, на котором было написано: «Шуберт. Сочинение № 99».

19.12.05.

Алла Цыбульская

«Ричард III» – трагедия В. Шекспира

та грандиозная пьеса была представлена летом 2011 года лондонской группой “Пропеллер” на гастролях в Бостоне на сцене драматического театра Хантингтон.

Явление классической драматургии – в театральном претворении – она может быть универсальной – на все времена, и тем самым, обобщенной, никакому реальному времени не принадлежащей.

И напротив, она поддается сознательному ограничению каким-либо конкретным временем, соотносению с узнаваемыми современниками приметами тоталитаризма.

Лондонский театр “Пропеллер”, ставя “Ричарда III”, избрал путь кажущегося сужения, действие пьесы и его персонажи помещены в эпоху нацизма. Можно ли полагать, что пространство пьесы оказалось при таком подходе ограничено рамками времени Второй мировой войны?

Нет.

Ибо вышеупомянутая корреляция демонстрирует жестокость с той наглядностью, от которой можно отшатнуться с криком боли.

И такая неподдающаяся сдерживающему контролю реакция – свидетельство художественной правды и силы этого спектакля, его права будить сознание людей на все времена. В одной конкретной кровавой эпохе отражаются подобные другие...

Напомню: природа зла – пружина пьесы. Его масштаб и торжествующая низкая ухмылка. Его воздействие и влияние. Подчиняющая сила. И потоки крови, что буквально хлещут отовсюду, пока не потопляют пролившего их тирана, рвущегося к власти. Идя по трупам, переступая на своем пути жертву за жертвой, Ричард III одержим безумной идеей восхождения к трону, которая и приводит его к расплате –гибели. Неизбежный крах подобной личности, разоблачение бессовестности и

безжалостности – вывод великого автора, создавшего кровавую трагедию в эпоху английского Ренессанса.

Пьесу трактуют по-разному, иногда в соответствии с исторической древней эпохой правления королевского рода Ланкастеров, Ричард III принадлежал к ней (до установления династии Тюдоров), или вневременно, или ассоциируя ее с каким-либо определенным диктаторским режимом.

Ричард III – Ричард Клотье

Труппа “Пропеллер” и режиссер постановки Эдвард Холл соотносят время действия этой хроники с режимом нацизма, а в качестве художественного метода прибегают к приемам перформанса, рожденного в середине XX века и ошеломляющего жестокой эксцентрикой. С самого начала спектакля: “Входит ужас”. На сцене люди в белых масках, надетых на головы персонажей, точнее, это белые противогазы, оставляющие открытыми только глаза. Они не только страшны, но также и обезличены, обезиндивидуальны, они – олицетворение тупой и нерассуждающей силы. Время от времени в их руках оказываются гиперболические по размеру устрашающие шприцы – орудия пыток врачей, служивших нацистам. Укол – и жертва обречена, обесмыслена, мертва. Шекспировские убийства через потопление, отравление, удар шпаги, и пр., казавшиеся прежде проявлениями индивидуальной звериной жестокости, заменены холодной методичностью действий врачей-нелюдей, осуществивших в середине XX века массовые убийства, не имеющие себе равных по

масштабам. По явной мысли режиссера-постановщика Эдварда Холла, неизменно им подтверждаемой, самое чудовищное происходит с теми, кто впрямую в убийствах не участвует, а при них присутствует.

Привыкание к жестокости становится темой спектакля.

Парочка убийц – (Сэм Свейнсбури и Ричард Фрайм) выглядят как два опереточных простака, обсуждающих свои репризы на фоне кровавых деяний. Они не реагируют на крики боли пытаемых и убиваемых потому, что это для них – обыденное будничное явление. Они равнодушны к тому, что вершится у них на глазах. Смертная мука – операция, произведенная над королем Эдвардом IV – (братом Ричарда III), когда врач у живого вынимает кишки и наматывает их на руку (кресло-каталка, в которой находится несчастный, повернуто к зрителю спиной), не мешает им преспокойно попивать пиво. И пока сами они не попадают в лапы других убийц, дух этого человеческого отребья не потревожен. Повторю, самое страшное, что выявлено в этом спектакле, – это привыкание к убийству.

Знак нашего времени?

И в самом деле: приходится констатировать, что человеческая жестокость, допускавшая пытки во все времена, на своем пути через столетия, обогатившие мир прогрессом в технике, культуре, искусстве и литературе, ничуть не поубавилась. Напротив, она внедрена в сознание масс. Разве мы после просмотра документальных кадров по телевидению с повстанцами, которых сейчас расстреляют, отказываемся от ужина? Разве мы незаметно не привыкаем видеть на экране кровопролития, расстреливаемую толпу, находящихся в заточении узников, которым угрожает смерть? Разве мир не пребывает в полном равнодушии к кровавым преступлениям?

Так, в великом творении Шекспира обнаруживается аспект философский и общечеловеческий, в котором отражается уже наше время.

Ричард III – в исполнении Ричарда Клотье – с военной выправкой, с серыми стальными завораживающе гипнотически глазами, с расчесанными на косо проборо седыми волосами, это красавец-ариец, которого уродом не делают ни бутафорский горб, ни нога на протезе, ни кисть руки, высывающейся из рукава металлическим штырем. К нему что-то приковывает, у него дьявольская харизма скорпиона. И методично, растворяясь в каждом мгновенье, хамелеонствуя, подчиняя, плетя козни и интриги, stalkивая людей вокруг себя лбами, этот Ричард идет к

своей цели.

Его первая жертва – Эдвард IV, тихий человек с трагическими светлыми глазами, близкий к помешательству из-за внезапной запертости в больничной палате (Роберт Хандс). Заболевшего оклеветать и “убрать” легко. Монолог обреченного звучит тихо и надрывно. Он осознает, что загублен...

Его вторая жертва – другой брат – герцог Кларенс (Джон Дугал), подвергнут не утоплению в бочке (по тексту), а умерщвлению еще более страшному, изуверскому, с применением медицинских экспериментов в концлагерях...

Уничтожить детей Эдварда IV – наследников трона – дело вообще проще простого. Как известно из истории, их заключили в Тауэр перед убийством.

Трогательные образы крошек представлены в виде марионеток, выводимых на сцену с помощью кукловода. Применяв открытую условность, режиссер и художник (Майкл Павелка) подчеркивают застывшее выражение страха на невинных личиках. После их гибели уже нет ничего, перед чем Ричард мог бы остановиться. Он объявляет их нелегитимными, не имеющими права на наследование трона. И нет ничего, что бы мешало его торжеству. Как и нет препятствия, которое бы он не обошел. Требуется жена? И леди Анна, не успев отойти от гроба мужа, примет его предложение... Кольцо с бриллиантом вытасчено жестом фокусника перед ней, и она “куплена” в мгновение... А вскоре как помеху другому более выгодному браку, он уберет ее без проволочек. У актера ледяной убийственный взгляд... Леди Анну (Дугалд Брюс-Локхарт), как и королеву Элизабет (Доминик Тигн) – вдову Эдварда IV, как и королеву Маргарет (Тони Белл) – вдову короля Генри VI в спектакле играют мужчины, поскольку труппа сохраняет английские традиции эпохи Ренессанс, когда женские роли играли мужчины, так как женщины на сцену не допускались. В какой мере это придает выразительности сегодня? К сожалению, ни в какой. Можно сказать, что образы остались схематичны. Традиция театра шекспировского времени воскрешена, но осталась музейной. Живого женского очарования и проявления чувств не было, как и столь модной ныне андрогинности...

Сценически шаг за шагом воссоздается путь кровавых злодеяний, совершаемых Ричардом. Цель достигнута. Но тут значительным становится то, как “короля играет свита” – горстка палачей-убийц в белых полумасках-противогазах с атрофированной способностью сострадания. Ричард жесток, жестоки и они. Они не лучше. Они совершают преступления не из

страха перед ним, а из разбуженного им кровавого инстинкта. Они подхватывают замашки властелина, направленные на хладнокровное издевательское уничтожение невинных, увеличивая число жертв...

Так продолжается пока в битве Ричарда не одолевает граф Ричмонд, впоследствии король Генрих VII, первый король династии Тюдор.

Но заметим, поскольку действие спектакля соотносится с режимом нацизма, открытого фехтовального боя с эффектной героикой на сцене нет. Просто являются другие люди, заноса палки над головами недавних победителей, и опуская их, точно нанося смертельный удар. И Ричарду не дано произнести свою знаменитую фразу: “Коня, коня, полцарства за коня!”. Даже маленького романтического ореола ему не оставлено. Чудовищу в спектакле обеспечена жалкая гибель.

В Москве в театре “Сатирикон” в наши дни постановка этой пьесы режиссером Ю. Бутусовым собирает полные залы. В роли Ричарда III на сцену выходит Константин Райкин. Возможно, это одна из его лучших работ. Динамика внутреннего преобразования актера и техники его движения ошеломляет. Ричард К. Райкина страшен, низок, гадок и наслаждается своим преуспеванием на фоне красивых и успешных людей, им загубленных. Он, подволакивая ногу, и кособочась, при помощи подвязанного горба, ошеломляет способностью перелететь сцену от одной кулисы к другой, чтобы осклабиться в ухмылке в момент очередного торжества. Своим даром проникать в глубины искаженного деформированного болезненного сознания он вызывает тень великого Михаила Чехова...

Обе постановки заставляют задуматься о человеческом попустительстве, позволяющем править миром злодеям, что выходят на арену истории.

Актеры ищут и используют подчас самые разные краски в воссоздании образов, словно играя на разных инструментах. Так, Ричард Клотье по физическому облику и холодной манере игры не имеет ничего общего с зажигающимся и одержимым Константином Райкиным в роли Ричарда III. Но от каждого исходит игровая стихия, опасная энергетика, ощущение сильного биополя... Воздавая должное мастерской игре лондонского актера, я никуда не могла уйти от воспоминания об игре московского...

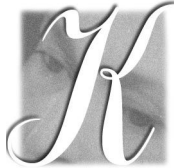
Незабываем в роли Ричарда III Лоуренс Оливье, мощный портрет этого “антигероя” создал Михаил Ульянов на сцене театра имени Вахтангова. Шекспировские образы-архетипы вечны. Мировая эстафета их воплощений продолжена... А каждое новое

сценическое решение пьесы становится еще одним звеном или откликом на неискоренимые в мире кровавые злодеяния...

Михаил Юдсон

Края рая*

Книга эта выращена-вытащена, вылеплена-вырезана из одного куска авторской души. Единство текста – нет глав, сознательно отпущенный на волю поток любви и ненависти, иронии и боли – и несет нас, и швыряет пенно между Сциллой детства и Харибдой пенсии. "Не просто коктейль из эмоций – но роман-исповедь, роман-зависть, роман-бегство", – утверждает аннотация. Послушаем и пробежим след в след.

Диалогия "Тень отца" – изгнание из рая вначале, изгнание из ада – на десерт. Две части-струи, обнявшись, сливаются воедино. Дорога обложка к обеим. Поэтому опишу: заброшенная одноколейка в глухой степи, окрест полын с бурьяном, мало что

---

* Александр Мелихов, "Тень отца", Москва, изд. АСТ; Астрель; 2011 г.

не терновником, путник-скиталец с рюкзачком-сидором и фибровым чемоданчиком – поджидает явно несуществующий поезд – над ним струя светлей лазури, летают чайки и в облаках плывет, да нет, стоит на приколе, отдав якорь на цепи, ржавая баржа цвета российского флага. Воздушный корабль!

Символов навалом, и мы, понимающе покивав, прощаемся с обложкой и попадаем в книгу. Добро пожаловать, круг первый – изгнание из рая. Автор долго с нами тут не расшаркивается, а с ходу, первым же предложением бьет под дых: "Скажите, можно ли жить с фамилией Каценеленбоген?" Читателя скрючивает: "жи, жи", слышите ли вы? А, задрожали, кто понимает! Обжигающий первый кнут! Дальше помягче-с: "Не в тысячу ли раз сластнее фамилия Фердыщенко?" Если читатель не окончательный идиот, он схватывает с полуслова – исполать тебе, исповедь, самобичевание! – устраивается поудобнее на условных полатях и начинает поглощать и усваивать.

Текст выстроен, в общем-то, привычно: детство, отрочество, в людях, провались они... Жаль, мало про университеты – промелькнуло краешком что-то, лучащееся счастьем. Лев Янкелевич Каценеленбоген, питерский ученый человек, интеллигент запечный, рассказывает нам, подперевши скулу кулачком, о своем сказочном детстве в казахстанских степях, о днях и трудах золотых, о канувшем там Эдеме. "Клянусь, я не знаю места прекраснее!" Там были всеильные мама Любовь Егоровна Ковальчук и папа Яков Абрамыч (Янкель Аврумович, естественно) – о, боги, боги, Каценеленбоги! Там жгла жара – райское пекло! – и дули ледяные ветра, и папа носил из колодца враз по четыре ведра, и крестился двухпудовыми гирями, и был он – Учитель. И мама не отставала – учительница-заступница, и читала вслух, и лечила боль. А вокруг кипела жизнь-жестянка – пацаны, животные, познание природы и общества. Плюс постепенное понимание того, что человек – существо общественное, верный муравей, винтик Единства, шпунтик блаженного "Мы". Остальное – мура и лажа. Где-то там, снаружи, бродят чужаки – жида еврейские, жаждущие щелбанов и уничтожения. Детский мир, эта лавка чудес, оказался похож на взрослый, вздыхает умудренный автор, только объем раздулся, а так – те же полые люди на голой земле, всхлип пупсов по Спасителю, по Единому-сыну.

"В некотором блаженном младенчестве я считал, что еврей – просто неприличное слово... но теперь-то я понимаю, что еврей – это не национальность, а социальная роль. Роль чужака. Не такого, как все".

Что ж, я не поленился – подсчитал – уже на второй странице книги это чертово недюжинное слово встречается тринадцать раз, да на следующей – десяток, не вру, ей-ей! Размножается делением, втискивается, тянет своих...

В тексте част переход от захлебывающегося радостью, залихватского детского языка, дивной дворовой фени – к согбенной, налитой язвительностью, взрослой рефлексии. Пересекаются также временные пласты – "И бабушка, причитая, тщетно кидалась с горшком во все стороны, как энтомолог (Набоков?) с сачком – я со смеху чуть не отдал концы". Изысканно описываются жуки: "неспешные, огнетушительного цвета, терпеливо расписанные чернью вычурных камуфляжных фиордов" – да, да, это взгляд акмеиста, а не "широкого жиденка" из степной мазанки. Или, скажем, резня кабана – здесь автор тоже не тянет резину, а сразу вздергивает читателя "за ногу кверху" – замечательный физиологический очерк с питьем крови из кружки и выдавливанием кулаком кала из кишки: "Сальтисон, где ты?.. Загляни к Каценеленбогену!"

А там и похвальная баллада черному хлебу – горбушка с салом да чесночком! Герой непринужденно принимает форму этого самого хлеба, окружающей русской среды, из кожи на абажур лезет – ан тщетно, втуне, тавро на лбу горит, клейма негде ставить – ка-це-не... "Больше всего я боялся оказаться чужаком среди своих где угодно – в комнате, на улице, в городе, в стране... И все же оказался чужим во всей Солнечной системе".

Книга сия – во многом жалобная, как вой Иова, одновременно страшная и сладкая, как будто больной зуб неустанно трогаешь языком, что-то такое у Федора Михайловича, умученного дантистами, ох, не зря он в "Господине Прохарчине" назвал кляксу – "жид на бумаге". Стереть их – и всё делов, окончательное решение!.. Мне же, читатсону юркому, так и хочется подмигнуть запанибрата автору: "Да брось ты! Лопай что дают! Вышли мы все из планктона, из запруды советского детства. Головастики очкастые! Мы все из одной камеры, а детство – оно и есть Единство! Целиноград – Степногорск, Сталинград – Волгоград... Ты где живешь в книге – Ворошилова, девятнадцать? А я, в натуре, Таращанцев, три... Рассказы из одного кармана! Твои кайнозойско-казахстанские холмы и мои волжские обрывы, заплывы на камере – автомобильной крышке, и стрельба из поджигов, и бросание в костер найденных на Мамайке – Мамаевом кургане – гильз, мин, спаси Единый, и сладкий твой "безмянный корень" я помню, мы называли его "солодик" – о, прекрасный старый мир, родимый птичий двор, скотский хутор! Сколько зим!..

Ах, оправдание добра, всеединство тонкошеее! Всество обедает, а юдофобство отдыхает!"

Понятно, что и Эдем не мед, что чужих частенько поджидает дуст – а уж таков суровый суд судьбы! – но суть-то в том, что нам и он ништо! Ништjak, прорвемся! Удивительная живучесть, вот и Вась-Вась Розанов мурчал отходя – "живите, евреи". Спасибо, барин, на добром слове! Ломают кости, режут, жгут – мужик перекрестился и пошел громить? Бывает, однако, – Русь, брат, не забиждайся, просветление нашло! "А мне не больно – курица довольна!" Эта детская присказка рефреном, на одной ножке – эх, кухочка! – прыгает по книге. Заговаривая, утешая... Текст густ, и тени воды нет – все превратилось в желчь, в боль, в колючие звезды-желтяхи. Едкая загустевшая авторская ирония-полукровка – эдакая жидко-еврейская печаль пополам с тоской... Печь аль моя светла?..

О, изгнание из рая детства, где всегда можно уткнуться в теплые мамины колени, где спасет и подхватит крепкими руками "евр. морда" (это ласково об отце)! Прощай навек, средняя школа им. Сталина – конвейер Единенья, слянья, спайки, спилки нумеров!.. Далее, подчеркивает автор, двигаемся "раз-мы-каюсь". Тут уже, по его выражению, наше Мы распадается на пригоршню "я" и возникает беспристрастность чужака – отщепенческая память, говори! Другие берега жизни, Ленинград, университет – наш мулат любому рад! И рока тяжкий млат его не раздробил, и котелок варит, и жена – кустодиевская краса – любит, и детиквартероны – на загляденье.

Несколько мешают только, выются вокруг, путаются под ногами – всякие мелкие инсекты-антисемиты. Галдят, кучкуются, гадят, "всех русских скликают против меня". Но это уже не вселенский собор, не философия Общей Судьбы и Особого Сопещания – а бытовая мелочевка. Я, например, таких сбиваю на ходу щелчками с лапсердачка – и двигаю себе в Дом Собраний. Мудро сказано в этой книге, правда, по другому поводу: "Немедленно удалить!" Абсолютно согласен! Ну их к лешему, "угловых химер" нашего земного собора, без них тошно!

А я хочу остаться на иных страницах Мелихова – "вместе с повисшим, не успев коснуться дышащей жирной сыростью почвы, водопадом зелени, пронизанной лакированной алой картелью черешни и фиолетовыми синяками накаченных солнечным медом слив". Это вам не серо-бурое "евреи черпают силу в сдавленности" – тут малиново-звонко "обдает подлинностью"!

Спасибо автору за совместное погружение в разноликий и

многоцветный детский мир – хотя наверняка он не совсем этого от просвещенного читателя-средняка добивался. Да я ведь, увы, читатель-кулак, мироед умиротворенный – люблю гнуть свое и всей душой рвусь в тот нарисованный уютный угол, медвежий овал, где шоссе зовется "саше", где небо было непроезжим, зато – асвальт, асвальт! Благодаря Саше Мелихову я вышел на это подзабытое мной "саше" и пошкиндилял – в путь, в книгу, все дальше и дальше по страницам – путешествие на край рая, эдакого эдемного Израиля детства.

Конечно, я не только глазел, читая, но и посильно размышлял. Вот, к примеру, Единство и борьба с ним – да его дубась не дубась – "процедура не имеет естественного конца", их гребут, они крепчают, – а вот демонический образ еврея-борца, сверхнедочеловека, наоборот, как-то хилеет, начинает поправлять сползшие очки и утирать вспотевшее чело. Эх, не зря маменька читает этому сыночку Янкеля про Леньку Пантелеева – вечная жизненная школа им. Достоевского! Тут же, через пару верст листов, прихрюля борхосова Библиотека и обнаружилась жена-кустодиевка – библиотекарша тож... Да и назван герой, сам признаётся, в честь писателя Толстого. В общем, больше читайте и познавайте жизнь – я давно об этом догадывался.

Немного печально заканчивается первая часть книги: "На душу мне снова спускается покой. То есть безразличие. То есть счастье". Мда, Платон (Каратаев) мне друг, но истина... Не стал, не стал Лев Каценеленбоген, роевое народное существо, жителем Единства, не обрел блаженства. Усомнился, словно платоновский Макар. "Сволочь!" – как писал копытом на полях тов. Сталин. И тут начинается часть вторая – про отца, про места, куда Макар телят не гонял – "Изгнание из ада".

Теперь читатель сталкивается с новым Львом Яковлевичем Каценеленбогеном (ишь, длинный какой, цаца – пока-а на лагерной поверке из строя вызовешь!) – не ветхим, конечно, но чуток постаревшим, загнанным рутиной, взрослым галутом, тянутием лямки. Он без лишних слов, вежливым Вергилием ведет ввергать нас в "скромный ад советской канцелярии" – в собес, или как там нынче это на Руси, словом, тащит оформлять свою пенсию. Судьбоносный день! Если Левушку-ревушку из детской нашей книги до дрожи волновала "непохожесть", еврейство как некое уродство, несмываемое родимое пятнище, то Льва Янкелевича вдобавок донимает возраст: отныне он принялся с другого конца поедать себя – "старик, пенсионер". И уж как родной прайд – жена и дети – ни утешают его, он впадает в депрессию: "Пенсионер, пенсионер!" Да там

внутри еще и Сион таится – совсем таки плохо...

Читал я, кажется, у Дж.Лондона, как дикари на островах вырыли пиратский клад и нацепили себе в носы и уши медные пенсы и золотые соверены. Так вот, современному питерскому пенсионеру Льву Каценеленбогену казалось, что у него в носу продет медный грош – знак раба Пенсии, и удостоверения спрашивать не надо! "Я уже понимал, что мне будет стыдно смотреть людям в глаза – я буду невольно читать в них гадливое сострадание: пенсионер, пенсионер, пенсионер..." Ах, как Мелихов это вдохновенно описывает – Песнь Пенсий! "Я понял, что все действительно кончено: я старик... Мелькнула жизнь, как летний сполох, и нет ее... И тут меня озарило: мои милые папочка и мамочка! Их могила меня добьет... Доехать, добрести, взглянуть на любимые лица, понять, что их больше нет и не будет, потом кое-как доползти обратно, скрыться в своей норе, уткнуться в подушку и еле слышно стонать, стонать, стонать..." Это я надергал последовательно со страниц, чтобы канву вам выставить – не то чтобы я сбиваюсь на пересказ, просто текст несет меня перекатами. Итого: герой садится в электричку и едет на могилу в пригород, айд спускается в Аид – поговорить с родными душами.

Очень точно тут у Мелихова описано – а почитайте сами, не буду я, до слез похоже на жизнь. Или, скорей, она – на прозу? Помню, стоял я так же осенью – дождь моросил, голые ветви кладбищенских деревьев – осин, что ли, тоска смертная, серое небо – и разговаривал с родителями – то задирая голову и лоя ртом капли, то утыкаясь в выпуклые эмальки... Это свойство талантливого текста – он переносит тебя в свой мир, и ты там не соглядатай, а правожитель. Обустройстваешься, обживаешься – еще и из своей жизни чего-нито незаметно перетаскиваешь, пересаживаешь, вкрапливаешь. Так я сросся с героем книги Мелихова – родня с первого дня, как взялся читать! Сроду и у меня, добавлю, был кол по Единству и банан по Общей Судьбе, и я вечно мечтал отползти в кусты, на вольные хлеба...

А Лев Янкелевич тем временем едет домой – "паломничество к двуспальной могиле предков вновь вернуло мне безразличие, то есть мудрость" – и в вагоне электрички встречает седого контролера, безропотно идет за ним в тамбур – и узнаёт своего отца. Разговор с Тенью в качающемся тамбуре распадается на составляющие: во-первых, Лев получает от Янкеля строгую отповедь: не будь скромным, не служи ближнему, такому же убогому, как сам, правды нет, нигде нет, мы букашки на проезжей части, не надейся на мир иной, где тишина и покой, и уходит конвой, как было нацарапано на дверях лагерного морга, даже ад –

не сахар, тем паче и оттуда изгоняют, и классическое "чую, сынку, чую" стучит колесно "кочую, сын, кочую"... Во-вторых, просьба: отомсти моему убийце, следователю НКВД, его фамилия Волчек. Наконец, в-третьих: вот тебе мои лагерные воспоминания в толстой канцелярской папке – почитай, это поучительно.

Тут как раз станция конечная, отец "без следа растворился в вокзальной суетоке", а Лев остался и повел меня, читателя-собачку, дальше на поводке. Однако за время пути я тоже успел подрасти и начал схватывать на лету: ага, герой увидел папку – и получил папку с рукописью; угу, первая часть книги – исповедь сына, значит, вторая – "довольно пухлая отцовская исповедь". Врезались и заветы-наказы в качающемся тамбуре-чистилище: не тишь-у-гладью жив сын-человек, а качкой, лязганьем и устремлениями к высокому! Помните же белыми ночами, бедные люди – тамбуром, а не гладью!

Сын открывает папку с пожелтевшей листвой, отцова тень откашливается и начинается отчетная дантень, терцины-тройки, палочное Единство – и нас ведут сквозь строй кругов и рвов, на стройку коммунизма-воркутизма. "Белые ночи!" – ностальгически вспоминал потом один тамошний зэка, проканавший в премьер-министры Израиля – Менахем Бегин. Ах, Воркута, что Колыма – чудная планета, двенадцать месяцев зима, остальные – лето. И в лето такое-то, гласит летопись в папке без ботиночных шнурков (отобрали), вышел Отец из Киева – и пошел по этапу...

Тут возникает роман в романе – пахнуло морозом, второй кашей, Третьей Речкой, лагерной прозой – один-день иван-ден, звон рельса на подъеме, Александр Исаевич, Варлам Тихонович, эпиграф из Герцена... Но Мелихов и здесь не разочаровал – он создал замечательную стилизацию, записки Хорошего Человека из мертвого дома, хождение чистой души по лагерным мукам. Яков-Янкель, ангел в бушлате, преобразует ледяной ад если и не в райский сад, то в уступы Чистилища – точно. Охрипкое воркованье "езде люди, трудись, возлюби и воздастся", раннее воркутинское христианство, Архипилат Гулаг, кожаный плащ с кровавым подбоем... В книге сгущается тьма, трещат ребра и дровишки, летят щепки – гул ада с отблесками соответствующего пламени из-за заслонки обложки...

Но и это зло пройдет, а добро останется. Вот где объявилось Общее Дело – бригада! Паши, живи и радуйся. "Это тебе не университет, тут думать надо. Работа давала не только хлеб насущный – она давала спайку с людьми, моральную силу". И спайку, и пайку – горбушку черняшки. А дружба бригадная не ржавеет вовек – зэки мужики простодушные, мастеровитые, на все

руки, дети разных народов! А что в аду приходится ударничать, ну что, ну ладно, ад – это другие, их тоже можно понять... Ад – антипод, тень, другой край рая – тоже люди живут... За закрытыми дверями!

Что же касается завета сыну: "Отомсти следователю! Найди Волчека!" – то все, естественно, кончается ничем, то ли всепрощением, то ли да ну его к черту... Хорошая, между прочим, фамилия для следователя – Вол Чека! Волчара дозорный! Сколько их щелкало голодными зубами вокруг невинного (красного, красного!) Янкеля – Волчеки, Хаиты, Бруки... Сидели бы себе в местечке, шили бруки, так нет – повылезали из нор, ровно крысы...

Кстати, о крысах. Это смысленные безобидные зверьки, которых люди заражают своими отвратительными болезнями (чумой, коллективизмом), часто появляются на страницах романа. Ведь понятно, что перед нами своеобразные записки подпольного человека – "Подпольщика!" – как восторженно выдохнул бы юный Янкель. Даже название вскользь мелькает – "Из-под крысы". Крысы в книге всюду – в Воркуте отец-учитель, могучий богатырь Иаков Крысобой укокошил целый выводок (эх, в Кокушкино бы его!), больше двадцати вредителей извел – двадцать два бы надо, на каждую букву алфавита...

Льву же Янкелевичу, в принципе, крысы не мешают, если не шумят под ванной, даже где-то симпатичны – "если бы не голый хвост"! Ишь, какой ксенофоб! А что уж тогда говорить о моем горбатом шнобеле, кипе на курчавости и пейзах до пят?! Ах, на себя бы, кум, оборотился!.. Ирония – это тоже своеобразная нора, например, мне она позволяет забиться подальше от праны внешней правды, зарыться поглубже от ужаса снаружи, оборотить спраналево драматическую Тень Отца в местечковое "А цто, нет?"

В романе обитает любовно (Любовин – Кацеленбоген) выписанная былина о битве грозного Льва и одинокой растерянной крысы у него на кухне. Там все было, как доктор Коган прописал: сперва рефлекс условный – после рефлексия, сначала пришибет, потом оплачет... Крысяточки кровавые в глазах... А ведь крысы преданно жили бок о бок с совлюдьми и на Крайнем Лагерном Севере, в вечной мерзлоте, и в ссыльных казахстанских степях, куда загнала соввласть, – и дуст не брал. Кого-то это мне напоминает... Животрепещущие души! Жаль, дудочки эксодусной не нашлось, мошенатроенной гармошки!

Прогрызая роман насквозь, я убедился, сколько в него Мелиховым вкусного и интересного напихано. И вехи символов

расставлены искусно: бредет седоусый железнодорожник в голубой рубашке с погончиками, "напоминающими рудиментарные крылышки"; мелькает невзрачный ангел-хранитель из агентства безопасности "Migaculum", то есть "Чудо" – мир аукнулся, клюм (ничто по-древнееврейски), вакуум. "Разгром", – подтверждает нищий еврей, вечный бомж возле метро, мерзнувший на метелице. Левинсон какой-нибудь...

Воистину – исповедь отца, сына и "украдчивого еврейского духа"! Из дибукинистической литературы знаем мы о бесплотном духе и злой (обычно) воле его многостраничной. Но "Тень отца", эти письма на деревню Тео – книга на диво добрая. Автор верит, что у человечества как особи все еще, может быть, кончится ничего себе – белым-бело от шварцев! А что "идеал нашей цивилизации – человек человеку лакей" – так после ремизовского "человек человеку бревно" сие явный прогресс. Лишь бы не "человек человеку волчек"...

Закрыл я книгу – дочитал, дохрумкал и даже заднюю обложку. Пронзительная проза – трагичная и трогательная. Причем Александр Мелихов не просто излагает, занимательно рассказывает непростую историю – он мыслит. А это вам не университет! Не зря Александр Кабаков написал на обложке "Тени отца": "Мелихов – редкое явление в прозе. Он ясно видит и отчетливо думает". А Александр Кушнер присовокупил: "При всем своем рационализме Мелихов лиричен и влажен, даже наивен – и это сближает его прозу с поэзией". А Александр Житинский подвел черту: "Писатель Мелихов бесстрашен почти до неприличия". Экий дружеский кагал Александров! А как же – своего тянут!..

Напослед из вредности поспорю с аннотацией, которая учит, что Александр Мелихов – писатель "петербургской школы". По какой шкале, после какого шкалика, какими мармеладовыми это расфасовывается, по коробкам укладывается и подписуется "укладчик номер такой-то"?! Нету, нету ни школы им. Сталина, ни петербургско-гамбургской – все лишнее. Александр Мелихов – просто себе писатель. Милостью Божьей.

Борис Кушнер

**Ты, сердце, можешь
разорваться**

**Несколько заметок о книге
Павел Антокольский Далеко это было
где-то...***

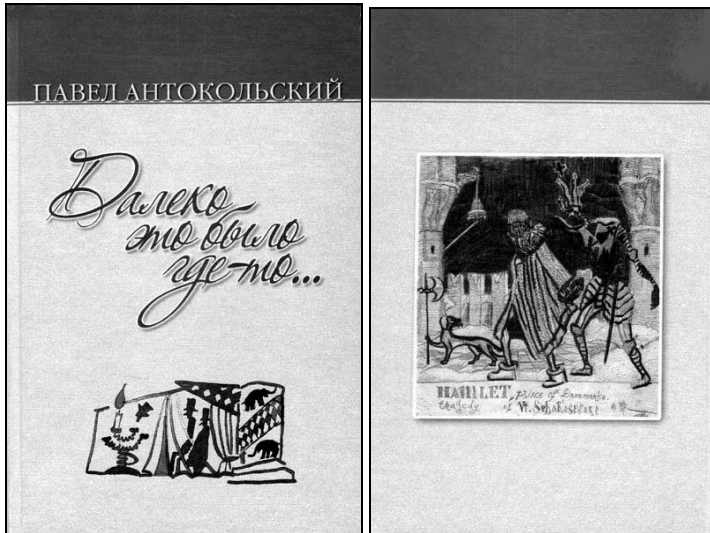
В конце октября нынешнего (2011) года почта принесла мне неожиданный и замечательный сюрприз. Я получил от публикаторов – моего однокурсника Андрея Тоома и его жены Анны – уникальную книгу произведений Павла Григорьевича Антокольского (1896-1978), деда Андрея. Уникальность издания заключается во многом, но, прежде всего, в первопубликации огромного числа ранее неизвестных произведений выдающегося поэта. Речь идёт о более чем двухстах стихотворениях (большая часть раннего периода 1916-1919 гг.), двух ранних пьесах, первой полной публикации автобиографической повести «Мои записки», написанной вскоре после смерти Сталина, в июле 1953 г. и охватывающей период с 1914 г. до марта 1942 г. К сказанному добавлю, что книга иллюстрирована не публиковавшимися ранее фотографиями, а также рисунками П.Г. Антокольского и друга его молодости Ю.А. Завадского.

Нет никакого сомнения, что мы имеем дело с событием в литературоведении, важной вехой в истории литературы. Безусловно, «новыми» стихами, пьесами, повестью Антокольского займутся литературоведы, которые изучат творческий почерк

---

* Павел Антокольский. Стихи. Пьесы. Автобиографическая повесть. Составление, публикация, комментарии Андрея Тоома, Анны Тоом. Дом-музей Марины Цветаевой. Москва, 2010 (464 стр., 1000 экз.)

молодости поэта, разберутся во влияниях и т.д. Работа эта, в сущности, начата составителями в их предисловии¹ и комментариях. Для меня же главным является художественное событие, читательская встреча с поэтом.

Скажу сразу, что, может быть парадоксальным образом, стихи Антокольского были из самых первых запомнившихся мне наизусть. В весьма нежном возрасте, ещё до школы услышал из чёрной тарелки репродуктора тенора, выводившего «Как соловей о розе»... Песня чем-то меня сильно задела, попробовал играть её одним пальцем на пианино. Каждый раз слушал с неослабным волнением, благо повторяли «Соловья» по радио часто.

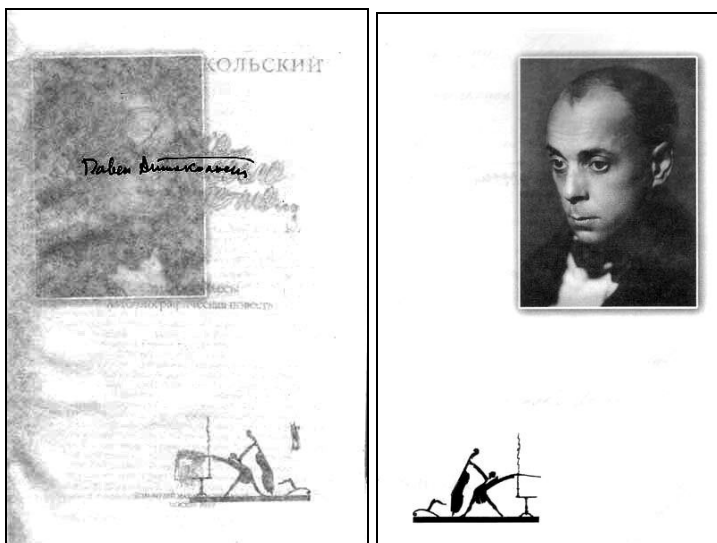
*Как соловей о розе
Поёт в ночном саду,
Я говорил вам в прозе,
На песню перейду.
Вам песня посвящается,*

¹ Составители опубликовали предисловие, подборку стихов и первую часть автобиографической повести из книги «Далеко это было где-то» в интернет-журнале «Семь искусств»:
<http://7iskusstv.com/2011/Nomer11/Toom1.php> и
<http://7iskusstv.com/2011/Nomer12/Toom1.php> (все упоминаемые сайты посещались в ноябре-декабре 2011 г.).

*И вы смелей ответьте,
Ведь песнею кончается
Всё лучшее на свете.
Звезда моя, краса моя,
С которой я обвенчан,
Ты лучшая, ты самая
Любимая из женщин.*

Конечно, я не понимал, что значит «обвенчан», но строки эти, соединённые с музыкой, очаровывали меня, наполняли каким-то светлым волнением.

С юностью пришло осознание источника волнения: оба автора, и поэт и композитор, безмерно любили своих «самых лучших», когда сочиняли песню. И этой любовью переполнен маленький шедевр. Автобиографическая повесть Антокольского полностью подтверждает моё впечатление, а Тихон Николаевич Хренников оставил и прямое свидетельство²:

«...Помню, сочинил песню "Как соловей о розе". В ту

---

² «Как это было. Тихон Хренников о времени и себе». (Диалоги вела и тексты обработала В. Рубцова). Москва, «Музыка», 1994б стр. 35. Этот же эпизод описан в интервью Хренникова журналу «Алеф» (номер 900, 2002 г.). В Интернете: <http://www.peoples.ru/art/music/composer/hrennikov/interview.html>.

пору (конец 1935-го, начало 1936-го года – Б.К.) я был влюблён в свою будущую супругу Клару. В доме театра Вахтангова я тогда снимал комнату в двухкомнатной квартире актрисы К. Ясунинской. Моя комната как раз находилась над квартирой Р. Симонова. В тот момент Клара пришла ко мне, и я, обрадованный, показал ей только что написанную песню «Как соловей о розе». Однако ей песня не понравилась, она сказала, что слова П. Антокольского значительно ярче, чем мелодия. Тут же она пошутила – хорош влюблённый, который не может сочинить любовную серенаду. Я на это ей ничего не сказал, но, когда она пришла на другой день, я показал ей на эти слова новую песню. Так появилась серенада «Как соловей о розе», одна из моих любимых мелодий».

Много позднее я смог оценить самобытную простоту, загадочную точность стихов Антокольского, соединённую с такой же совершенной музыкальной интерпретацией. А сегодня, оглядываясь на прожитую жизнь, повторяю замечательную максиму: «Ведь песнею кончается всё лучшее на свете». Давно нет на свете поэта, покинул нас музыкант³, нет их любимых, их вдохновительниц на все отведённые им времена, а «всё лучшее на свете», пережитое, выстраданное этими вдохновенными людьми, стало песней. И живёт, отзывается в чутких сердцах и душах.

Да простит читатель нескромность – вот мой собственный неожиданный резонанс в недавнем осеннем стихотворении:

***

Я вышел в лес. Сквозь частокол
Простор небес чудесен.
И возгорелся мой глагол –
О, сладость новых песен!
Уже зима в моём краю,
Виски в седом морозе –
А я пою себе, пою –
.....
Как соловей о розе...
4 ноября 2011 г., Johnstown

Последняя строка явилась внезапно, сама собой. Конечно, эхом размышлений об этом эссе.

Ранние стихи Антокольского особенно интересно читать

---

³ Тихон Николаевич Хренников родился 28 мая (10 июня) 1913 года, умер 14 августа 2007 года.

параллельно с его автобиографической повестью.

Вот как сурово отзывается в 1953 году сам автор о своих первых (1915-1917 гг.) опытах⁴:

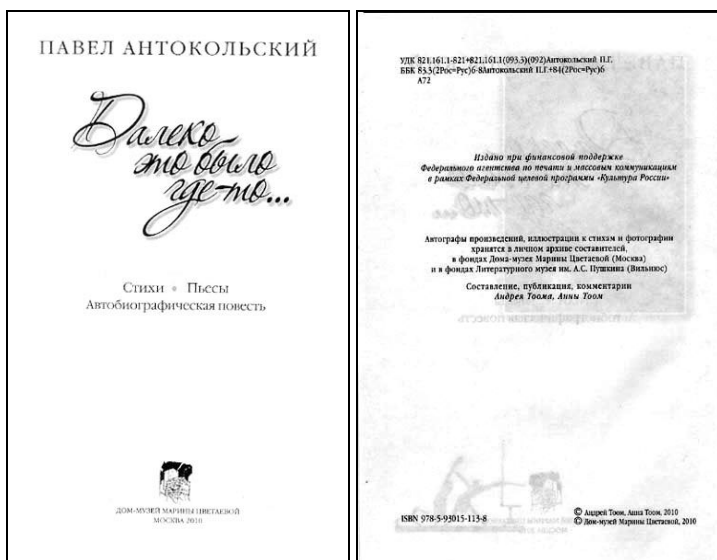
В моих стихах начали появляться театральные образы вроде Пьеро, Арлекина, Пиковой Дамы... Это тоже шло от Блока, но шло также и от студии, от непосредственного общения с этими новыми знакомцами, среди которых при желании можно было отыскать и Коломбину и Арлекина и самого Чёрта-Дьявола. Ещё не существовало эстрады типа Вертинского, но её возможность уже была в воздухе той эпохи. Мои ранние стихи представляли один из эмбрионов такой эстрады. Их ритм был романсового происхождения. Я выражался туманно, но уже гнул в одну определённую сторону. Оригинальности не было никакой. Был продукт времени и только. Представитель среды, собирательное среднее. Это выражалось и в том, что моя работа была лишена смелости. Как будто я хотел затеряться в хоре других голосов, только бы не выделиться резкой нотой, только бы не вырваться на вольный простор. Явление противоположное тому, как начинали в те же годы футуристы. Мне не приходило в голову, что искусство начинается с резкого отщепенства, с выпада из среды. Может ли искусство начинаться с противоположного? Вопрос стоит раздумия. Сейчас у меня нет ответа. Очевидно, всё дело в эпохе. Бывают времена преэминентности и эпигонства. Я был таким, хотя родился и не вовремя. Поэтому меня сначала обгоняли сверстники, потом младшие, а потом, наконец, обгоняли ученики. Я всегда знал, что надо мной не каплет, что впереди вагон времени, что жизнь удивительно длинна, и по чести сказать, это знание меня не обмануло.

Никак не могу согласиться с этим приговором! Да и не обязан читатель соглашаться в таких случаях с автором. Художественные произведения – как дети. Взрослеют, вылетают из гнезда и свой у них полёт, своя дорога. И верна, глубоко верна известная максима: «Текст знает больше автора». Творческий процесс – загадочная вещь, вряд ли доступная самоанализу, здесь сказывается волнение подсознательного, а возникающие ассоциации, внутренние связи выходят и за эти границы. К сказанному можно добавить, что читатель, в свою очередь, знает больше текста, ибо привносит в чтение, в интерпретацию собственный жизненный опыт, собственную интуицию, собственное подсознательное. В конечном счёте, автор,

---

⁴ «Далеко это было где-то», стр. 236-237.

интерпретирующий своё произведение, оказывается просто ещё одним, правда, особенно осведомленным читателем.

Ранние стихи Антокольского действительно переполнены буйным романтизмом. Юный поэт был увлечён театром, занимаясь в студии Вахтангова, пробовал свои силы, как актёр, постановщик, автор пьес. Из всего этого творческого вихря, разыгрывавшегося в трудные предреволюционные времена Первой мировой войны, в конце концов, выявился первостепенный талант поэта.

Юноша отдался опьяняющей сказочной атмосфере театральной жизни, этой вечной игре, в которой реальность и вымысел перемешиваются неразделимо. Отсюда и бьющие через край условности, пёстрая вереница театральных масок, литературных образов. Здесь персонажи *Commedia dell'Arto* соседствуют и взаимодействуют с Татьяной Лариной, Беатриче, Изольдой⁵:

*Пройти сквозь строй веков, сквозь тысячи обличий
И в каждом зеркале свой образ отразить.
В Татьяне Лариной, в Изольде, в Беатриче
Мгновенной нежностью кому-то просквозить.*

Поверхностное чтение отметит почти шаблонную условность этих строк, но стоит задержаться, приглядеться и

⁵ Там же, стр. 46, 1916 г.

услышишь – пока ещё шёпот – настоящего таланта. Здесь и непринуждённая, только абсолютному языковому слуху доступная звукопись (игра «з» и «ч») и великолепный образ второй строки. Автор видит своё отражение, своё воплощение в собирательных образах Прекрасной Дамы, Бессмертной возлюбленной. В свою очередь это возвращает нас к самым началам, к той Любви, которая создала этот мир и движет его, и о которой прекрасно сказал Данте⁶:

*Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный
Божественная двинула Любовь.*

В романтическом ключе трактуются юным поэтом евангельские персонажи⁷:

*А в каменном небе гремит
Огромная грамота Гнева.
И в пламенном небе горит
Младенца несущая Дева.*

Ранние стихи Антокольского покоряют свежестью молодого голоса, музыкальностью звучания, смелостью, открытостью эмоций. Всё это для меня особенная радость на фоне выжженного модным постмодернистским скептицизмом, если не цинизмом, сегодняшнего ландшафта российской словесности. Наталья Иванова так и назвала свою статью в номере 11 (2011) «Знамени»⁸: «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности». В конечном счёте, что такое поэзия, как не чудо общения душ? И душа, способная увидеть красоту и печаль этого мира, запечатлеть её магией слова, такая душа и есть поэт. В отличие от более или менее даровитых версификаторов.

Конечно, с Прекрасной Дамой соседствует её неперемнная спутница Смерть. В молодости вообще так сладко грезится о смерти. О том, как заплачет Она, прекрасная, гордая, неприступная... Правда, и здесь талант вносит своё, неповторимое, рисуя чёрными тонами жуткую, но достоверную, почти по Хичкоку сцену:

***

*Я обезглавлен на Страстной Неделе.
Шёл мокрый снег. И в пять часов утра
Ко мне пришли защитники, сидели,*

---

⁶ Перевод М. Лозинского.

⁷ Там же, стр. 69, осень 1916-1917 г.

⁸ В интернете <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/11/iva1-pr.html>

*Пока я сам им не сказал: «Пора»!
Жена мне обещала: «Не забуду».
Вертлявый ксёндз латынью щегольнул, –
Всё убеждал, что надо верить чуду
И, кажется, не очень обманул.
Что было после, – к сожаленью, тайна.
Я только исполнительный актёр.
Я только тень. Я молод чрезвычайно:
Мне двадцать лет осталось до сих пор.
По облакам, пурпуровым и снежным,
Я прохожу с кровавой головой.
Из ангелов – кто будет самым нежным?
Кто раздробит мой панцирь гробовой?
И снится мне – недалеко от цели –
Нахлынет свет – и кончится игра.
Я обезглавлен на Страстной Неделе,
На площади Мадонны, в шесть утра.
Осень 1916-1917*

А вот футуристический городской пейзаж, с удивительной метафорой четвёртой строки:

***

*Плоскогорьями крыши убаюкай,
Убаюкай вокзальным гудком,
Усыпи августовской разлукой
Под клеёнчатый чёрным дождём,
Чтоб засохли чернильные бредни,
Чтобы плачущий голос затих,
Чтобы был недописан последний
Лучший стих.
Осень 1916-1917*

В моём восприятии это стихотворение перекликается с юным пастернаковским «Февраль. Достать чернил и плакать!». Отмечу укороченную последнюю строку, приём, устойчиво встречающийся в ранних стихах Антокольского, и являющийся одним из проявлений его метрической свободы, включающей дыхание метра, *rubato*.

Тут же, рядом на стр. 66 книги чудесное романтическое стихотворение:

***

*Два голоса поют у старого рояля,
Заглушены слегка ненастями портьер:
– Слыхали ль вы? О, нет! Вы больше не слышали.
Мы пели до утра, и сторож запер сквер.*

*Пьём небо жёлтое из хрупкого стакана.
Нам снится хладный мех и хладные духи.
И снятся главы нам прочтённого романа.
И снится, как слова слагаются в стихи.
Пьём небо дымное, пьём золотую горечь
Высоких куполов, бессильный ветер пьём,
Пьём черноту и гром, и скуку людных сборищ.
Уходит молодость, но мы ещё поём.
Осень 1916-1917*

«Ненастьями портьер», «сторож запер сквер»! Какие метафоры...

На удивление мало в эти годы задевало автора нарастание огромного размера событий. Но когда эта тревога прорывалась в стихи, поэт одевал её в пышные романтические одежды.

***

*В. Шестакову
Её глаза как два меча
Из крови и железа.
Коня пришипорив сгоряча,
Летит по Городу, крича, –
И в крике – Марсельеза.*

*Когда она кричит назад:
– Гей, кто нас ждет у входа?
Звончее песни, ярче взгляд
И гул народных баррикад
Ответствует: Свобода!*

*И, опьянев как от вина
В её кровавом свете,
Испепелённая страна
Главу склоняет, влюблена
В любовницу столетий.
Зима-весна 1916*

Настоящая Свобода на баррикадах, сошедшая в стихи с полотна Делакруа. Мне эта особа всегда казалась зловещей. Ведьма, да и только. Лишь метлы и ступы не достаёт. В самом деле, если романтизм (как, впрочем, и любой «изм») в искусстве чреват эстетически опасными преувеличениями, политическая романтика склонна оборачиваться преступлениями гигантского масштаба, морями крови.

В 1953 г. Антокольский вспоминает⁹:

В феврале-марте 1917 <ода> я пошёл добровольцем в революционную милицию. Моё служение продолжалось очень недолго. Тогда же я начал писать первые гражданские, политические стихи. В них сказалось давнее увлечение историей, декабристами, сказался декламационный пафос, тоже воспитанный с давних пор, сказалось, наконец, общепринятое увлечение показной стороной революции, беспредметное возбуждение при виде толпы с красными флагами.

Есть нечто самоубийственное в возбуждении и в поддержке революций образованным слоем. А ведь революция в некоторых своих чертах напоминает прорыв канализации – столько нечистот выбрасывается наверх. И что тогда происходит – среди многого прочего – именно с научной и творческой интеллигенцией, об этом можно не говорить.

Справедливости ради, замечу, что автор и в разгуле юного энтузиазма мог улыбнуться своей горячностью¹⁰:

*Вы встретили меня у фонаря,
Когда ушли от сумрачной обедни.
О, жизнь моя! О, нищая заря!
Пустые, романтические бредни.*

К той же романтической идиоме раннего Антокольского относится и неоднократное обращение к форме итальянского сонета, которой начинающий автор владеет с завидной уверенностью:

ЮНОСТЬ

*Пройти метель судьбы и полдень райских роз,
Пройти подземный мрак и райскую дорогу,
Искать Её везде, молиться Ей и Богу,
И в строфы претворить магический вопрос.*

*И знать: Она простит. И давнюю тревогу
Волшебнo отведёт от набежавших слёз.
И в медном золоте струящихся волос
Припомнит, наконец, и Имя и Дорогу.*

*Но это там, в конце... Крестовый путь в начале.
Мой рдяный Солнцебог не перешёл зенит.*

---

⁹ «Далеко это было где-то», стр. 252.

¹⁰ Там же, стихотворение «Я вынул из подвала ржавый меч», стр. 56, весна 1916 г.

И струны, что поют, о главном умолчали.

*И стаи кораблей томятся на причале...
Но если надо плыть – под ветром зазвонит
И будет парусом струна моей печали.
Октябрь-декабрь 1915*

Неологизм «Солнцебог» напоминает искромётного Игоря Северянина, а в целом же в раннем творчестве Антокольского явно сказывается значительное влияние Блока¹¹. Пожалуй, это можно сказать обо всей той поэтической эпохе. Очарование Блока во многом определяло её. Признаюсь, что только умом, не сердцем могу понять эту ауру, окружавшую петербургского Мастера. На мой взгляд, некоторые из «очарованных» далеко превосходили талантом своего кумира.

Вот эта магическая сила Блока ярко описана в автобиографической повести Антокольского. Расстояние времени (повесть создавалась в 1953 году), множество грандиозных событий, перевернувших все основы жизни и бытия, никак не снизили свежести воспоминаний, воскрешения давних эмоций. И здесь, и ниже не могу удержаться от обширных цитирований. Было бы кощунством пытаться пересказывать прозу Антокольского «своими словами». Тем более, что язык повести – простой, ясный, точный, временами как бы сухой, и в итоге всеми этими качествами неизясымно элегантен, сам по себе является художественным событием.

Итак¹²:

Несколько раз я уже упоминал имя Александра Блока. Весною двадцатого года я впервые увидел его и услышал его чтение на каком-то литературном вечере в Тенишевском училище в Петрограде. Выступали все литературные корифеи. Помню растрёпанного, в чёрном сюртуке и белом жилете, закапанным вином, Сергея Городецкого, шепелявящего: «Славлю я, славлю я племя славян...». Помню Мандельштама, стоявшего боком к слушателям, напряжённого, надменного, читавшего так, как будто ему нет никакого дела до нас, а стихи – «Впервые за стол лет и на глазах моих меняется твоя таинственная карта» – были поистине прекрасными. Помню Кузьмина, Ауслендера, Потёмкина. Словом, это был парад знаменитостей в пользу

---

¹¹ Составители отмечают незамеченное ранее и достаточно неожиданное влияние Черубины де Габриак.

¹² «Далеко это было где-то», стр. 243–244.

раненых воинов. Аудитория реагировала посредственно, ни у кого из выступавших не было значительного успеха. Блок вышел незаметно, затянутый в чёрный сюртук, тихий, твёрдый. Его встретила овация, – первая за весь вечер. Он читал:

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух.
Да, таким я и буду с тобой.

Читал «Перед судом», «Везут, побряхтывая, дроги мой полинялый балаган», «Утреет, с богом, по домам»... Из зала кричали: «Незнакомку!» – но Незнакомки не было.

Как описать это чтение? Оно было нарочито мертвенным, сухим, невыразительным. Даже ритма он не подчёркивал, скорее наоборот, убивал ритм вялым прозаизмом интонаций. Он просто докладывал слова – и делал это, чуть запинаясь. Казалось, что и стихи – чужие для него, не им писаны. А между тем аудитория слушала, затаив дыхание, очарованная, за гипнотизированная, – она не проронила ни одной буквы. Так велико было обаяние этого высокого, прямого человека с бледным лицом и копной золотистых волос. Таким образом, Блок как бы отпалкивал от себя свою силу, считал её чем-то ненужным и неценным, давно пережитом и случайным, а она снова и снова давала о себе знать. Когда он кончил стихи, аплодисменты выросли вокруг плотной стеной. Он принимал их только равнодушно. В чём же был секрет его обаяния? В том, что он единственный из всех искренне рассказывал свою собственную жизнь – нелёгкую и одинокую. Всё, что он писал, было правдой. И слушатели это знали. Знали, что речь о серьёзном, о гибели, о душе. Нет, это не «литератор модный», не «слов кощунственных творец». Он, может быть, и не добр и презирает большинство из сидящих в зале и читать ему, наверное, скучно... и пускай!

И вот он кончил совсем, ушёл с эстрады, был объявлен следующий поэт, но я понял, что после Блока мне слушать некого и сошёл вниз за пальто. Когда вышел и пошёл по набережной Фонтанки, сразу увидел, что впереди идёт Блок в чёрной фетровой шляпе, лёгкий, изящный, беспечный, стучит палкой по тротуару. В зубах у него дымилась папироса. Он кинул её за паранет в воду, закурил другую. Я шёл следом за ним. Он рассеянно обернулся, оглядел меня, ускорил шаг. «Подойти или не подойти, окликнуть или не надо» – пока я мучился этой дилеммой, он скрылся.

Мне и по сей день кажется, что я сделал ошибку, не познакомившись с Блоком, а тогда она и подавно мучила меня. Вот, казалось, возможность даётся раз в жизни. Почему я

упустил её, почему не окликнул этого нужнейшего мне человека, самого облюбленного, зачитанного до дыр поэта, которому я стольким обязан! Я был одним из многих и в этой неудачной встрече с Блоком и в своём отношении к нему.

Молниеносные портреты людей, с которыми Антокольского сводила судьба, напоминают мгновенные зарисовки талантливых рисовальщиков, когда характер непостижимым образом схватывается одной уверенной линией. Как не вспомнить здесь рисунки поэта, опубликованные в книге? Сказанное относится и к значительным фигурам художественной истории и к более скромным «соучастникам» жизни поэта. Каждый человек – мир.

Остановлюсь на нескольких особенно отзывавшихся во мне эпизодах.

Цветаева. Встреча с этим огромным дарованием сыграла важную роль в становлении поэта Антокольского¹³.

«Прежде, чем излагать дальнейшие события, надо вернуться назад. Поздняя осень 1918 года, не то октябрь, не то ноябрь. Мне сказали, что на кухне меня спрашивают. Я вышел и вижу в полумраке силуэт женщины с маленькой девочкой. Она сказала, что должна передать мне привет от одного общего знакомого, предложила спуститься вниз и проводить её.

Мы вышли. Шёл мелкий, мокрый снег. Я услышал, что она только что вернулась с Дона, провожала мужа, который бежал к белым. Общий знакомый – это Сергей Г., наш студиец, поступивший так же точно, как её муж. Это был рослый молодой человек с некрасивым, энергичным, характерным лицом и прекрасным низким голосом. Он действительно пропал месяц назад, и мы сильно горевали, ибо возлагали большие надежды на этого человека.

Моя спутница не назвала себя. Мы шли по Пречистенскому бульвару. Она сказала, что Сергей в вагоне читал мои стихи, и они ей понравились. Было темно. Я не видел её лица. Она говорила чуть отрывисто, высоким голосом. В подборе слов, в манере произносить их чувствовалась особая выучка. Она выбирала слова точнее, чем это требуется в житейском разговоре. Каждая фраза была по-своему отточена, не скажу кругла или изящна, нет, просто отточена. И вдруг меня осенила догадка! Как же! Сергей Г. говорил, что дружит с Сергеем Е. А Сергей Е. – муж... Ну, конечно же, так. Это она.

– Скажите, вы не Марина Цветаева? – обратился я к

---

¹³ Там же, стр. 258-259.

собеседнице.

– Да, это я.

Мы условились встретиться ещё. Она позвала меня к себе. И очень скоро я поднимался вверх по крутой деревянной лестнице старого московского двухэтажного дома в Борисоглебском переулке и очутился на антресолях. Марина встретила меня в пустой огромной комнате, на стене висел сломанный велосипед вверх ногами, по углам валялись какие-то пожитки, спали её девочки, одна шестилетняя, с которой я уже был знаком, другая, годовалая, – несчастный, умственно отсталый ребёнок, вскоре после того умерший.

Марина ввела меня в свою комнату. Это была крохотная мансарда с низким потолком. Здесь и днём было темно, так как единственное окно всегда было плотно занавешено. Марина была ночной птицей и день превратила в ночь. Мебель была старая, дедовских времён, дворянская. Какой-то секретер, какие-то ампирные канделябры, чучело орла на стене, маленькие французские книжки начала прошлого века, широкая тахта, покрытая ковром, – да мало ли в Москве странных человеческих берлог, ещё и поныне дышащих прошлым, мрачно говорящих о чьём-то чудаческом одиночестве! Я перевидал их многое множество на своём веку, но комнаты Марины не забуду никогда. Она была воплощением неблагополучия, неустройства, полного презрения к хозяйству, к быту. Всё вверх дном, в беспорядке, в забросе, как будто это старая корабельная каюта, пережившая двенадцатибалльный шторм.

Хозяйка сварила кофе на маленькой спиртовке, поставила корзинку с чёрными сухарями. Впоследствии оказалось, что это вообще её единственная пища. Я пробыл у неё всю ночь, и много раз приходил потом. Очень пылкая дружба соединила нас. Имя этой дружбы: поэтическое братство. Любви между нами не было.

Стихи Марины в то время представляли собой поэтический дневник, который она вела непрерывно, изо дня в день. Всё, что она думала и чувствовала, противоречивое, смутное, бесформенное, глубоко личное или общезначимое, – всё это немедленно, по горячим следам превращалось в короткие стихи. Она жила только для того, чтобы писать стихи. Многие из сочинённого тогда вошло потом в сборник «Вёрсты», но большинство стихов сгинуло бесследно. Хорошо это было или плохо, я теперь не знаю, но тогда стихи Марины произвели на меня огромное впечатление – тем, что предельно были связаны с жизнью. Это была стенограмма минутных прихотей, но за

прихотями всегда стояла душа, живая, изменчивая, ещё очень молодая – может быть, молодая навсегда.

Марина была рослая, некрасивая женщина с открытым, скуластым русским лицом, стриженная по-курсистски, с ровной чёлкой на лбу. Она шагала по улице широкими мужскими шагами. Через плечо у неё висел охотничий патронташ, набитый папиросами. Все её дружбы – это короткие, но очень пылкие и восторженные привязанности. Они возникали внезапно и исчезали без следа. Впрочем, след всегда оставался в стихах. Марина зачёркивала не стихи, а предмет своего увлечения».

Этот микрочерк перевешивает увесистые тома биографий. Сколько сказано, как сказано! Поразительная по точности характеристика человеческого и поэтического почерка Цветаевой, горения, обжигавшего и её, и многих вокруг, и, в конце концов, закончившегося катастрофой в Елабуге... Безвестность могилы не «рифмуется» ли с бесприютностью, с бесконечным внутренним одиночеством поэта?

Здесь можно задуматься о том, как часто настоящий художественный дар безмерно дорого достаётся и самому обладателю таланта и всем, кто рядом, вокруг...

С милой иронией вспоминается Антокольскому встреча в начале двадцатых с Пастернаком¹⁴.

Вот я сижу в комнате Пастернака на Волхонке, читаю ему своё лучшее. В ответ он бубнит длинный вдохновенный вздор, и через неделю я замечаю, что говорю пастернаковским голосом, что завываю и чудачу под него, что в стихи мои закрались пастернаковские рифмы. Наваждение продолжалось долго. Оно было непонятно, потому что тогда как раз я ещё не питал особой склонности к нему лично и к его стихам. Это пришло значительно позже.

Здесь метко схвачена испытанная многими «заразительность» Пастернака. Вот родственное замечание Левика, относящееся к пастернаковским переводам¹⁵:

Я говорю о Пастернаке, который пошел по совершенно иному пути. Здесь индивидуальность переводчика присутствует решительно всюду. Мы даже начинаем сомневаться – наши ли

---

¹⁴ Там же, стр. 277.

¹⁵ В. Левик. Нужны ли новые переводы Шекспира? В книге «Мастерство перевода: 1966». М., Советский писатель, 1968, стр. 97. В интернете http://www.kuzbass.ru/moshkow/koi/SHAKESPEARE/shks_translations.txt

современник Пастернак? Потому что, оказывается, не только старый король Лир, не только юная Джульетта, но даже безграмотные могильщики из «Гамлета» уже читали и стихи и прозу Пастернака, полюбили его творчество, заразились отдельными его словечками и общим строем пастернаковской фразы.

Оказывается, и юная Джульетта не избежала речевого обаяния Пастернака! В этом обаянии, действительно, есть нечто мистическое. Переделкинскому Мастеру сходят с рук и двусмысленности, и вопиющие небрежности, за которые любого другого и критики, и читатели растерзали бы на месте. Этому феномену посвящена большая статья покойного Максима Шапира под невероятным названием «"...А ты прекрасна без извилин..." (Эстетика небрежности в поэзии Пастернака)»¹⁶.

Можно отметить и сходство персональных драм Антокольского и Пастернака.

*Был такой вечер, когда я привёл к Зое в Монетчиков переулок Володю Луговского. Мы сидели троём чуть не до рассвета. Потом возвращались с ним, где-то на Балчуге ели сырую репу и морковь. Он пел дифирамбы моему выбору. Я низко ему поклонился. Это ещё больше нас сблизило. В те времена мне казалось, что я рождаюсь во второй раз. Мне шёл тридцать первый год*¹⁷.

Выразительное текстуальное совпадение «*рождаюсь во второй раз*»: «Второе рождение» – так назвал книгу стихов своей любви Пастернак.

Воистину любовь – сердце поэзии. И как неистово любили поэты! Не зря сказано¹⁸:

Любимая – жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный.

Душа поэта способна вспыхивать как сухой лес в засуху от удара молнии. Одна такая вспышка прошла через всю жизнь Антокольского¹⁹.

Весна 1916 года растянулась, как многодневное и

---

¹⁶ «Новый Мир» 2004, №7,
http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/7/shap9.html. Я обсуждал эту статью в эссе «Доктора поэзии»
<http://berkovich-zametki.com/Nomer48/Kushner1.htm>.

¹⁷ «Далеко это было где-то», стр. 307.

¹⁸ Борис Пастернак.

¹⁹ «Далеко это было где-то», стр. 237.

еженощное расставание студийцев до осени. Мы уже хорошо знали друг друга и любили друг другом восхищаться. Стремление Вахтангова создать хороший коллектив принесло плоды. Мы были сентиментальны и патетичны. В большом ходу было «любить Студию» – нечто беспредметное и наивное, никто не конкретизировал, не подвергал анализу понятие «Студии» и понятия «любви». Улицы Москвы были нарядны, полны беженцами из западных областей. На Тверском бульваре звучала лёгкая, быстрая польская речь. Оркестры играли гимны Антанты, среди них особой популярностью пользовалась бельгийская Брабансона. Однажды в цирке на Цветном бульваре я увидел трупку бельгийцев гимнастов, среди них совершенно юное существо в венке белокурых кудрей, худощавая девочка лет 15-16. В финале их боевого номера она запела какую-то томную песенку и с большим задором кинулась вниз с трапеции, рассыпая по арене ленты цветов бельгийского флага – чёрную, жёлтую, красную. Горячая смуглота этого сочетания цветов способствовала моей внезапной любви к гимнастке. Больше никогда я её не видел, но фантастическое впечатление осталось на несколько лет. Я запомнил мелодию песни и подбирал на неё слова:

Можно ли выше канатные кольца закинуть,

Можно ли купол своєю рукою раздвинуть...

Много раз я искал в вечерней московской толпе подобие этой бельгийской девочки, и конечно обманывался. Она исчезла. Странно признаться, но эта вторая любовь гораздо сильнее задела меня, нежели встреча с Шурой²⁰.

Немедленным эхом появилось пламенное стихотворение, наверняка подсказанное мгновенным вдохновением²¹:

В ЦИРКЕ

Я помню трёхцветный каскад,

Бельгийскую ленту вкруг талии,

Её просвистевший канат

И дикое сальто-мортале.

А голос пронзительно пел

В дыму электрической ночи

О том, что весёлый удел

Мышиного писка короче.

И там, на песке золотом,

---

²⁰ Первое длительное увлечение поэта.

²¹ Противоречие в датировке предыдущего отрывка и стихотворения легко объясняется небольшой аберрацией памяти мемуариста.

*Где красные фраки глазели,
Стегал по опилкам хлыстом
Двойник синеглазой газели.
И пела, и пела всю ночь
Звезда, пролетевшая низко,
Она, королевская дочь,
Бельгийская эквилибристка.
1915*

Какие свежие чистые звонкие строки! Как вкусно выговаривается бель-гий-ская экви-ли-бри-стка!

И, пройдя через пьесу «Обручение во сне» (1917 г.), прекрасная недоступная возлюбленная обратилась в любовь всей жизни, в спутницу на всю жизнь, в Зою Бажанову²².

«Главной была – Стелла! Ранняя моя юность с бельгийской эквилибристкой Стеллой из «Обручения во сне» ещё раз воскресла. И я отлично отдавал себе в этом отчёт. Это был сознательный автоплагиат. Я сводил концы с концами и самому себе доказывал непрерывность лирической темы.

Но у Стеллы было и другое, совсем не собирательное, совсем не символическое имя. Она уже вошла в мою жизнь, воплотилась в ней полностью, стала хозяйкой моих черновиков, другом в работе, вечным и единственным спутником жизни. Стелла – это была Зоя».

Читал я про летящую под куполом эквилибристку и вспоминал своё... Зима. Заснеженное Новодевичье кладбище. Стена с нишами. Прохожу вдоль стены и застываю на месте перед фарфоровой фотографией юной цирковой гимнастки. Жизнь девочки оборвалась на семнадцатом её году... И незамысловатые стихи:

«Другие встретят солнце
И будут есть и пить,
И, может быть, не вспомнят,
Как мне хотелось жить».

А вокруг фотографии всей цирковой семьи. Не люблю я цирк!

С этими строками перекликается страшное свидетельство Антокольского: поэт отзывался на любое человеческое страдание. Людей близких, людей своего художественного круга и людей безвестных²³.

На Волге и Каме (1921 г. – Б.К.) мы видели потрясающие

---

²² «Далеко это было где-то», стр. 304.

²³ Там же, стр. 275.

картины голода, разорения, гибели сотен людей. Русские, татары, мордва толпились на причалах; семьи, деревни были в пути, и этот путь поистине никуда не вёл. Когда актёрский пароход стоял где-то в загоне, многие из нас подхватили малярию. В их числе был и я. Много дней провалялся, оглушённый хиной, в липком поту, в Перми, в больнице. Рядом умирал татарский мальчик. В полузабытьи я видел, как он встал с койки и, шаря по стене, идёт к выходу. Мальчик остановился у двери, прислонился к косяку, и горько заплакал. Очевидно, я потом потерял сознание, потому что, когда я пришёл в себя, мой сосед уже лежал на боку, рот был оскален, стеклянные глаза широко открыты. Пришли санитарки и унесли в простыне длинное, тощее тело.

«И может быть не вспомнят / Как мне хотелось жить»... Г-ди, как хотелось жить ребёнку! И вот теперь, в 2011 году я – спасибо поэту – знаю об этом мальчике, помню о его погубленной жизни.

Невозможно без волнения читать военные стихи Антокольского. Потрясающее по силе и смелости стихотворение, написанное после посещения в 1944 году развалин нацистского лагеря уничтожения Собибор.

ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ

*И тогда подошла к нам, желта как лимон,
Та старушка восьмидесяти лет,
В кацавейке, в платке допотопных времен –
Еле двигавший ноги скелет.
Синеватые пряди ее парика
Гофрированы были едва,
И старушечья, в синих прожилках рука
Показала на оползни рва.*

*«Извините, я шла по дорожным столбам,
По местечкам, сожженным дотла.
Вы не знаете, где мои мальчики, пан,
Не заметили, где их тела?»*

*Извините меня, я глуха и слепа.
Может быть, среди польских равнин,
Может быть, эти сломанные черепа –
Мой Иосиф и мой Веньямин...
Ведь у вас под ногами не щепень хрустел.
Эта черная жирная пыль –
Это прах человеческих обугленных тел», –
Так сказала старуха Рахиль.*

*И пошли мы за ней по полям. И глаза
Нам туманила часто слеза.
А вокруг золотые сияли леса,
Поздней осени польской краса.*

*Там травы золотой сожжена полоса,
Не гуляют ни серп, ни коса.
Только шепчутся там голоса, голоса,
Тихо шепчутся там голоса:*

*«Мы мертвы. Мы в обнимку друг с другом лежим.
Мы прижались к любимым своим,
Но сейчас обращаемся только к чужим,
От чужих ничего не таим.*

*Сосчитайте по выбоинам на земле,
По лохмотьям истлевших одежд,
По осколкам стекла, по игрушкам в золе,
Сколько было тут светлых надежд.
Сколько солнца и хлеба украли у нас,
Сколько детских засыпали глаз.*

*Сколько иссиня-черных остригли волос,
Сколько девичьих рук расплелось.
Сколько крохотных юбок, рубашек, чулок
Ветер по свету гнал и волок.
Сколько стоили фосфор, и кровь, и белок
В подземелье фашистских берлог.*

*Эти звёзды и эти цветы – это мы.
Торопились кончать палачи,
Потому что глаза им слепили из тьмы
Наших жизней нагие лучи.
Банки с газом убийцы истратили все.
Смерть во всей её жалкой красе
Убегала от нас по асфальту шоссе,
Потому что в вечерней росе,
В трепетанье травы, в лепетанье листвы,
Очертанье седых облаков –
Понимаете вы! – мы уже не мертвы,
Мы воскресли на веки веков».*

1944

В Собиборе было убито около двухсот пятидесяти тысяч евреев. Здесь же 14 октября 1943 года произошло единственное в

истории Второй мировой войны успешное массовое восстание заключённых в лагере смерти. Поразительна смелость, с которой поэт обращается к еврейской теме, к еврейской символике – читая стихотворение, невозможно не думать о праmaterи Рахили с её сыновьями Иосифом и Вениамином... И это в сталинские времена! И это поэт, который до того, кажется, отталкивал от себя своё еврейство, по меньшей мере, им не интересовался. Какой контраст – на сей раз – с Пастернаком!

Знал ли о «Собиборе» Антокольского Евтушенко?

Павел Антокольский и Вениамин Каверин написали очерк о восстании в Собиборе, опубликованный в журнале «Знамя» № 4, 1945 г. и вошедший в «Чёрную книгу» Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана. Как известно, набор «Чёрной книги» был в 1948 году рассыпан. Опубликована она была уже в постсоветское время.

В 2008-2010 году двумя изданиями вышел сборник материалов о Собиборе, содержащий многие неизвестные ранее свидетельства и документы²⁴. К 2010 году относится и документальный фильм Александра Марутяна «Арифметика свободы», существующий так же в варианте с английским дикторским текстом. В этой версии я показал его нашим студентам. Когда свет зажётся, молодые американцы долго молчали. Они были потрясены. Потом – сначала робко – стали задавать мне вопросы...

Война принесла Антокольскому тяжелейшее горе – погиб единственный сын. Миллионы людей получили в те годы такие похоронные. За всех них, для всего этого горя нашёл единственные возможные слова поэт. Поэма «Сын» – вечное надгробье, неподвластный времени памятник и сыну Антокольского, и моему отцу, всем, кто не вернулся...

.....
*Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребённых.
На этом кончается повесть о сыне.*
1943

Автобиографическая повесть «Мои записки» обрывается внезапно, на полуслове. Составители книги замечают²⁵:

«...В своём повествовании Антокольский подошёл к весне-лету 1942. Это был период, полный волнений за

---

²⁴ Виленский С. С., Горбовицкий Г. Б., Терушкин Л. А. «Собибор», составители — М.: Возвращение, 2010.

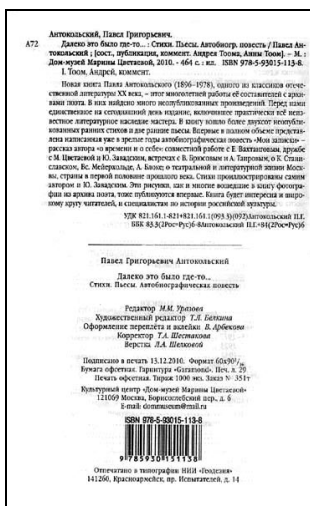
²⁵ «Далеко это было где-то», стр. 438.

находившегося на фронте сына. В первом же бою Владимир Антокольский погиб. Воспоминания об этом ранили. В этот раз Павел Григорьевич разволновался так, что писать дальше не смог»

Такое горе даже время не лечит. С ним уходят в могилу...

Позднее творчество поэта отмечено движением пусть не к «неслыханной», как у Пастернака, но всё же простоте. И – главное – стремлением понять прожитую страшную эпоху и своё место в ней. Прочитирую опять составителей²⁶:

«Повесть ("Мои записки" – Б.К.) написана в июле 1953 года. За два месяца²⁷ до этого умер Сталин. Связь между событиями несомненна. Завершился важный период истории, участником которого был и поэт Павел Антокольский. Складывается впечатление, что в этой повести он собирает воедино свою жизнь и личность – так переживший стихийное бедствие, когда самое страшное уже позади, ощупывает себя, проверяя цел ли. "А совесть у меня цела?", – словно спрашивает себя Павел Григорьевич и отвечает всем текстом своих воспоминаний: "Да, цела"».

Сказанное, несомненно, относится и к ряду поздних стихов Антокольского, не публиковавшихся при его жизни. Из двадцать первого века нетрудно было бы расставить всё «по

²⁶ Там же, стр.9.

²⁷ Небольшая хронологическая неточность: Сталин умер 5 марта 1953 г.

полочкам». В реальном же времени, как показывает история, с одной стороны революционная романтика обладает страшной увлекающей силой, а с другой неограниченная персональная земная власть (каковой обыкновенно заканчивается распевание «марсельез») обладает своеобразным очарованием. Кажется, Наполеон в своё время сетовал (вероятно, полусушутя), что римские императоры могли объявлять себя богами, а в его девятнадцатом веке такое уже невозможно. И в моём двадцатом веке я не встречал словосочетаний типа «божественный Сталин». В остальном же, благодаря могучей силе новой коммуникационной техники, фактическое обожевление тиранов происходило с размахом, которому наверняка позавидовал бы тот же божественный Август. Речь идёт о гигантских языческих псевдорелигиозных культах двадцатого века. И одного страха, поддерживаемого всепроникающими механизмами тотального террора, здесь было мало, преступные властители жаждали любви. Кинохроника запечатлела оргастические сцены выражения такой любви обезумевшими от счастья толпами. Сталин, Гитлер, Мао, Ким Ир Сен... Что это – проявление врождённого мазохистского инстинкта, заложенного в *homo sapiens*? Интересная тема для социальной психиатрии.

Но не только «массы» (марксистское словечко, подхваченное нацистами, выражающее начальное пренебрежение человеческой индивидуальностью) поддавались языческому восторгу. Обаянием беспредельной власти вождя были захвачены и самые выдающиеся представители творческой интеллигенции. Нет необходимости называть имена.

Для художника, пережившего страшные времена тирании с их дьявольскими соблазнами, неотвратимо наступает время тяжёлых раздумий. И поэт Антокольский сочиняет горькие стихи, которые даже в послесталинские советские годы было невозможно опубликовать.

.....
*Только за ноги навших у нас волокут,
Только в пропасть бросают, в шальную пучину,
И трепещет под ветром кровавый лоскут,
Красный флаг, означающий первопричину.*

*Продолжается жизнь. Революция-Мать
Продолжает строптивное, страшное дело.
А чего не доделала, недоглядела, –*

*То временно. Это не грех и сломать*²⁸.

1953

*И трепещет под ветром кровавый лоскут, / Красный
флаг, означающий первопричину...* Сказать так в 1953 году мог
только человек огромного мужества и такой же проницательности.

В том же ряду находится и беспощадный самоанализ
поэта²⁹:

***

*Мы все лауреаты премий,
Вручённых в честь него,
Спокойно шедшие сквозь время,
Которое мертво.*

*Мы все, его однополчане,
Молчавшие, когда
Росла из нашего молчанья
Народная беда.*

*Таившиеся друг от друг
Не спавшие ночей,
Когда из нашего же круга
Он делал палачей,*

*Для статуй вырванные тонны
Всех каменных пород,
Глушившие людские стоны
Водой хвалебных од, –*

*Пускай нас переметит правнук
Презреньем навсегда,
Всех одинаково как равных –
Мы не таим стыда.*

*Да, очевидность этих истин
Воистину проста!
Но нам не мёртвый ненавистен
А наша слепота.*

1956

Мне хотелось бы завершить эти заметки великолепным

---

²⁸ Стихотворение «Мы в Истории вычеркнем это и то», там же, стр. 175–176. Публикуется впервые.

²⁹ Стихотворение было опубликовано только в 1997 г., уже в постсоветское время...

«итоговым» стихотворением Антокольского. Лучше все равно не скажешь...

Я РАССКАЗАЛ

*Я рассказал о жизни, как умел, –
О всём, что знал – о счастье, о несчастье,
О мертвецах, что выкрашены в мел,
Об их сердцах, разорванных на части.*

*Я рассказал о том, как человек
Растет из глины, музыки и муки,
Как по следам его далеких вех
Проходят любознательные внуки.*

*О том, как каждой смерти суждено
Стать на земле строительной частицей.
И это было творчество. Оно
В моих стихах уже не уместится.*

*И это было юностью. Пора
Признаться в том, что радости хватало.
Мне часто снилась радость до утра.
Кончался сон, когда она светала.*

*Чем это было? Жизнью. Только так!
Рассказ о ней не выдуман. Он точен.
Вы скажете, что автор был чудаком?
Вы, может быть, и правы, да не очень.
1956*

Декабрь 2011 г., Pittsburgh

Виктор Гопман

Под эгидой ООН*

Оссийский начальник на любой должности имеет врожденное обыкновение не бояться никого и ничего. Так он привык вести себя и при Иване Грозном, и при Петре Великом, а уж последующие правители и вовсе не способны были понудить его к перемене устоявшихся привычек. Принеси ему любой документ, подписанный хоть в самых заоблачных административных высях, он может дать ему ход, а может и засунуть на самое дно самого нижнего ящика письменного стола - и поминай, как звали (и тебя, и документ, и лицо, подписавшее его наверху). Вот ты пришел к нему (да и начальникек-то не ахти, из средненьких, директор гостиницы), имея при себе бумагу шикарного вида - на бланке с изображением государственного герба, подписанную Одним Из Тех, Чьи Портреты Развешивают На Улицах В Государственные Праздники, заверенную красной печатью Его Канцелярии. Бумагу, начинающуюся словами «Правительство Союза Советских Социалистических Республик проводит международный семинар...» - ну, прямо-таки дипломатическая нога, в самом деле. А он равнодушно сунет ее в папку «Входящие» и скажет, демонстративно подавляя зевок: «Ладно, оставьте, мы (*мы!*) разберемся, позвоните через пару недель».

Совсем иная реакция, однако, будет на бумагу, где в первых же строках (собственно, прямо-таки в первой строчке) написано: «Правительство СССР проводит международный семинар *под эгидой ООН...*» Право, не берусь судить, почему именно эта аббревиатура оказывает столь магическое воздействие на руководящие кадры страны необъятных Советов (может, все дело в привычке беспрекословно реагировать на слово длиною именно в три буквы?) - но, прочтя эти волшебные слова «под эгидой ООН», начальникек встрепенется, улыбнется кривоватой,

---

* Замечание для ориентации: время действия – первая половина 70-х гг. XX века.

но вполне доброжелательной улыбкой и скажет: «Поможем чем можем. Давайте свои конкретные пожелания!» Как известно, формула «Поможем чем можем» - это реакция на просьбу *равного себе*; выше ее только формула «Будет сделано», как реакция на распоряжение очень большого партийного начальства (вариант - «Бу сде», в ответ на партийное указание менее устрашающего уровня).

Собственно говоря, благожелательная реакция директора гостиницы была предопределена еще накануне, в тот самый момент, когда он согласился поговорить со мной по телефону. Сначала трубку взяла, естественно, секретарша, и вот она-то оказалась первым человеком во всей бесконечно длинной цепочке чиновников различного калибра, разговор с которыми я на протяжении последующих шести месяцев неустанно начинал с этих волшебных слов: «Добрый день! Вас приветствует Оргкомитет Семинара ООН!»

Семинар был включен в генеральный план ооновских мероприятий еще в прошлом году, после чего месяца три, не меньше, ушли на оживленную переписку с нью-йоркской штаб-квартирой. Наконец в середине марта пришло официальное письмо из Секретариата ООН - в три адреса: МИД, Госкомитет по внешнеэкономическим связям и наше министерство. Именно нам было поручено «от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик» проводить этот Семинар - то есть пахать, грызть землю и вообще делать всю черную работу. Остальные два адресата брали на себя общую координацию, то есть обязались присутствовать на первом заседании Оргкомитета (по одному представителю), на церемонии официального открытия (также по одному представителю), ну, и на всех банкетах (не меньше пяти человек от каждой стороны).

Получив долгожданное письмо, мы, прежде чем показать его высокому начальству, засели обмозговать это дело. Мы - это начальник отдела внешних связей (в дальнейшем именуемый по краткому варианту своего имени - Пит), Игорь (сотрудник этого же отдела, на которого будет взвалена львиная доля вышеназванной черной работы, при том, что он будет именоваться во всех документах лишь Административным директором) и я (человек, приглашаемый Питом как бы со стороны, для того, чтобы Игорь не захлебнулся этой черной работой; в итоговом документе я буду значиться как Старший переводчик). За плечами у нас не одно мероприятие такого рода, друг друга мы знаем как облупленных, и потому без долгих рассусоливаний беремся за дело: через час самое позднее надо будет нести письмо к замминистра,

курирующему внешние связи, и глупо идти к нему без конкретных предложений. Значит, на окончательную выработку предложений - час (притом, что в принципе у нас уже имеются кое-какие соображения, обсосанные за эти три месяца переписки с Нью-Йорком).

Первым делом надо решить, кто у нас будет Исполнительным директором. Это должен быть человек, скажем так, многоликий. Во-первых, из числа министерских руководителей (статус!). Во-вторых, связанный по своей работе с тематикой Семинара (он реально будет отвечать за подготовку всех советских материалов, то есть должен лично знать всех тех специалистов, которые эти доклады будут писать - за неплохие ооновские денежки, между прочим - и вытаскивать из них эти доклады клещами). В-третьих, имеющий хорошие отношения с замминистра, курирующим Семинар (именно ему придется выклянчивать высокую подпись, причем порой под письмами самыми неожиданными - в гостиницу, в ресторан гостиницы, в другой ресторан, где кормят вкуснее, хотя и значительно дороже, в таможню, в Большой театр, в цирк, в УВИР, в поликлинику, обслуживающую иностранцев - да мало ли куда). В-четвертых, имеющий хорошие отношения с Хозяйственным управлением министерства и, главное, с его транспортным отделом (машины будут нужны круглосуточно, а где их взять!). В-пятых, в-шестых, в-седьмых... И, главное, еще раз во-первых, чтобы был человек по возможности хороший - нам с ним полгода предстоит иметь дело. Естественно, есть у нас кое-кто в уме, и сейчас мы заняты окончательным перетряхиванием кандидатур. Всем хорош *А*, но одна беда - как примет на грудь, так начинает петь хохляндские песни на языке оригинала. В свое время это очень нравилось большому ооновскому начальнику с длинной и труднопроизносимой индийской фамилией, процветавшему при Генеральном Секретаре (уточним: ООН, а не КПСС) с короткой бирманской фамилией. Но в позапрошлом году заокеанский меломан ушел в отставку по старости лет, а в прошлом году *А* запел было на банкете по инерции (и по-украински), и следствием этого сольного выступления стал дикий скандал, учиненный большим советским (уточним: мидовским) начальником, который, как неожиданно оказалось, на дух не переносил за душу берущую поэтику украинского народа. Скандал разросся до таких высот, что *А* вообще могли бы взять - причем не за душу, естественно, а за другое место, но вроде бы обошлось, вот только из ооновской обоймы он выпал - и, по всей вероятности, до тех пор, пока не отправят на пенсию мидовского чина. Следующий по алфавиту *Б*,

как выясняется, с недавних пор тоже лишен доверия - после того, как напился до невозможности на приеме в шведском посольстве. И ведь вот что интересно: блевал он со всей, как говорится, культурностью, без нежелательных свидетелей, в надежно запертой кабинке туалета и втихаря, то есть без этих мучительных стонов и реготания, свойственных русскому человеку, попавшему в такую беду - а пооди ж ты, выследили (причем неизвестно, кто!) и, как водится, стукнули. Против кандидатуры *В* восстаю я - этот человек опасен тем, что чуть-чуть знает английский, и поэтому работать с ним невозможно. Во время бесед - официальных, дружеских или за рюмкой чая - он вдруг просветленно заявляет: «Не надо переводить, я и так все понимаю». Ну, ты, естественно, отключаешься и следишь за разговором вполуха - как вдруг он: «Я не понял этого слова - переведите!» А какого-такого слова он не понял - поиди-разбери. В общем, трудно с ним, и я заявляю официальный протест, который, на мое удивление, принимается. Ну, а дальше, как говорится, по тексту: *Г* - он г... и есть, *Д* - просто не годится, *Е* прямо-таки в принципе не годится, *Ж* - сами понимаете... Дело кончается тем, что Пит говорит: «Ну вас туда-то и туда-то, больно вы переборчивые. Мне посоветовали Людмилу Петровну - вот пусть она и будет».

Пит звонит по внутреннему замминистра - тот у себя и свободен. Пока он собирает бумаги в красивую папочку, напоминаем: «Договорись о дежурной машине и о ксероксе». То есть, чтобы он официально получил высокое разрешение пользоваться этими принадлежащими всему министерству благами во внеочередном порядке.

Ксерокс, вообще говоря, это отдельная история. В описываемые времена еще не существовало портативных множительных устройств - то есть их не существовало в пределах, ограниченных государственной границей Страны Советов. Более того, имеющаяся на вооружении (иначе про эти агрегаты размером в полкомнаты не скажешь) копировально-множительная техника состояла к тому же еще и на спецучете, потому что известно было, что с ее помощью можно репродуцировать сочинения идейных врагов и тем самым подрывать основы. Поэтому для размножения двухстраничного документа тиражом двадцать экземпляров требовалась разрешающая подпись заместителя министра. А для бесперебойной работы семинара необходимо обеспечить столь же бесперебойный поток документов - рабочие материалы, меморандумы, сообщения секретариата, служебная информация (не путать с информацией для служебного пользования!)... Особенно круто приходится, когда заседания семинара уже идут

полным ходом - надо возить материалы на размножение в здание министерства и тут же доставлять готовый тираж в конференц-зал (минут сорок только в один конец, особенно в часы пик). Помнится, как-то надо было размножить выступление большого ооновского чина и раздать его делегатам. Ну, присутствующий на заседании замминистра собственной своей рукою начертал: «Срочно!» и даже позволил использовать для курьерских целей его персонального водителя. Объявили перерыв, попили кофейку с пирожными, а тираж все не везут. Ооовец (эдакая ехидная японская мордочка) и говорит заместителю министра (через мое посредство, естественно): «Когда же, ваше превосходительство?» Разумеется, «превосходительством» можно кликать только министра, но поскольку сам министр на семинарских сборищах из принципа не показывался, то зам рассматривался всеми приезжими из Нью-Йорка как бы в качестве самого главного человека. Ну, зам отвечает японцу спокойно, что повезли размножаться, скоро будут. А япошка, столь же спокойно: «А почему бы вам, ваше превосходительство, в интересах экономии времени не привезти множительный аппарат прямо вот сюда, в конференц-зал?» Мое дело телячье - я перевожу, что сказано, а про себя думаю: «Ну, сейчас начнется». Оно и началось. Зам уставился на нас с японцем совершенно безумным взором (явно прикидывая, как можно было бы притащить сюда этот аппарат размером в пять письменных столов) и вдруг говорит мне: «Нет, вы что-то не так переводите - как же это можно притащить сюда аппарат размером в пять письменных столов?» После чего мы с японцем в два голоса пытаемся убедить его в том, что, вообще-то, на свете существуют портативные ксероксы. Он слушает, а в его выпученных глазах: «Не верю!» Такое же недоверие к собеседнику, кстати, таится и в раскосых глазах ооновского начальника: «Что ж ты, превосходительство, дурочку-то валяешь?»

Итак, Пит уходит к начальству, а мы с Игорьком тем временем садимся на телефон - первым делом надо застолбить гостиницу. В те годы на всю Москву была только одна гостиница, в которой имелся конференц-зал - «Украина». Естественно, сесть делегатов в одном месте, а возить каждый день (собственно, два раза в день, на утренние и дневные заседания, а с учетом того, что туда и обратно, так и все четыре раза) - это искать приключений на свою, мягко говоря, голову. Значит, надо убедиться, что конференц-зал свободен в нужные для нас дни, и сделать это безотлагательно.

Звоним. Естественно, отвечает секретарша директора, первый человек, который слышит от меня волшебные слова: «Добрый день! Вас приветствует Оргкомитет Семинара ООН!»

Магия трехбуквенной аббревиатуры срабатывает немедленно - слышу, как она докладывает: «Иван Иванович, это из ООН!» И тут же в трубке гнусавый тенорок: «Иванов слушает». Объясняю ситуацию. «Приносите письмо, побеседуем», - отвечает товарищ Иванов вполне по-свойски. Договариваемся на завтра, в девять. Все остальные звонки будут иметь смысл только после этой встречи, в ходе которой товарищ Иванов скажет нам, на какие конкретно дни мы сможем рассчитывать.

Пока Пит сидит у начальства, можно прикинуть кандидатуры переводчиков. Ну, с линейными вполне однозначно - по неписанным законам мы должны обойтись собственными силами, то есть привлечь тех работников министерства, которые говорят по-английски. Их, реально говорящих, как нам известно, всего трое, но больше, к счастью, нам и не потребуется. Синхрон будут обеспечивать тоже знакомые ребята, только бригадир у них незнакомый - некая Леночка, недавно вернувшаяся из женевской долгосрочки и горячо рекомендуемая нам Толяном как "моя старая боевая подруга - не подведет!". Самое время сейчас позвонить ей и договориться о встрече на конец дня - что мы и делаем.

Тут появляется Пит: «Значит, так, мужики. Людмила - директор. Бухгалтер - как обычно. Машина в нашем распоряжении с завтрашнего дня. Сейчас надо подготовить общий приказ - Рыжий тут же подпишет («Рыжий» - это замминистра; он действительно рыжеватый - в тех местах, где не лысый, а где лысый - там веснушки). Садимся и пишем». Мы, в свою очередь, докладываем о предстоящем визите Леночки и о завтрашней поездке в гостиницу (кстати, надо будет машину заказать к десяти к гостинице, чтобы возвращаться оттуда уже не своим ходом). После чего садимся и пишем (пишет, собственно говоря, Игорь - у него почерк самый понятный, а мы диктуем на разные голоса).

Ну, вроде пока все. Пит звонит Л.П. и спрашивает, говорил ли с ней уже Рыжий. «Тогда заходи, начнем работать!» Через пару минут на пороге кабинета возникает хрупкая фигурка; одета со вкусом, хотя, разумеется, и отдает в туалете дань своему официальному положению среднего уровня министерской начальницы, в распоряжении которой около десятка теток разного (преимущественно, зрелого - то есть, предклимактерического) возраста; светлые волосы уложены в строгую прическу; с виду наших лет (хотя, может, и постарше - как говорится, маленькая собачка до старости щенок, а она невысокого роста). Начинаем прокачивать разные разности (тематика выступлений, список докладчиков, сроки - пока ориентировочные - готовности материалов на русском языке, чтобы не задержаться с переводом,

два списка участников - формальных, приглашаемых только на открытие, и фактических, которым интересно присутствовать на всех заседаниях...).

В разгар беседы открывается дверь, и входит еще один представитель Администрации Семинара - Дима, прикрепленный к министерству куратор от компетентных органов. Вальяжный мужик с приятным баритоном, всегда безукоризненно одетый и неизменно распространяющий легкий аромат дорогого французского одеколона (а иногда и отечественного коньяка, из тех, что по умеренным ценам). Работать с ним просто - он не вяжется к мелочам, а если есть возможность, то закрывает глаза и на более масштабные вопросы (в смысле, пропускает их мимо ушей). Его основной девиз: «Мужики, чтобы у нас все было тихо!» В этой конторе он проездом - последние свои три года отсидел в Токио и ждет очередного назначения. Дима любит вкусно поесть, слегка выпить и словить кайф в узком кругу линейных переводчиц, вполголоса напевая песни нашего детства. Одним словом, на таких кураторов надо молиться - особенно если сравнивать его, скажем, с предыдущим товарищем из тех же органов. Тот, по иронии судьбы, тоже звался Димой, только был хромым, маленьким, тощим и постоянно кипел пламенной злобой - на иностранцев, говорящих не по-нашему, на нас, понимающих по-ихнему, и на себя, по-ихнему не говорящего и не понимающего, несмотря на проведенные в Женеве пять лет с хвостиком.

День завершился знакомством с Еленой (или Еленой Николаевной, если судить по ее отстраненному и отчасти неприступному виду). Точно в назначенное время она стремительно ворвалась в кабинет - высокая темноволосая дама, выглядящая настолько не по-нашему, насколько могут выглядеть умные российские красавицы, с пользой - для себя и для своего временного заграничного работодателя - проводшие несколько лет за рубежами нашей необъятной родины. Сразу же взяла быка за рога: определившись с тематикой семинара и прикинув объемы работ, перешла к условиям, скрупулезно уточнила цены по всем позициям, пристально изучила текст нашего типового договора и предложила ряд поправок. Одним словом, приятно наблюдать работу профессионала.

Назавтра мы с Игорем встречаемся в мрачном вестибюле гостиницы «Украина». Информировав мрачных швейцаров: «Нам назначено к Иван Иванычу», поднимаемся по левой лестнице и, миновав парикмахерскую с туалетами напротив, мимо конференц-зала проходим к приемной директора. Сообщаем секретарше, кто

мы такие; она вроде бы даже улыбается нам: «Иван Иванович вас ждет». Заходим в мрачный кабинет, здороваемся, выкладываем на стол документы - письмо за подписью Рыжего, украшенное красной гербовой печатью, и папку переписки с Секретариатом ООН, где сверху подшит полученный нами вчера разрешающий документ. Иван Иванович с опаской берет папку, почтительно листает ее (по морде видно - что ничего не понимает, потому что по-английски, но уважает, поскольку все послания на внушительных зарубежных бланках). Потом берется за письмо Рыжего - здесь он чувствует себя спокойнее, потому что язык понятный. Внимательно читает дважды, потом откладывает в сторону и, сняв очки, благожелательно оскаливается: «Пожалуйста, товарищи, какие ваши конкретные пожелания». Высказываемся по сути дела и по срокам. Он задумывается, потом начинает лихорадочно листать лежащие перед ним несколько ежедневников в роскошных кожаных обложках. Потом неуверенно говорит: «Кажется, пока у нас ничего на это время не намечено. Но надо посоветоваться с товарищами». Вызывает секретаршу и просит пригласить директора конференц-зала и начальника службы размещения. И чаю на нас на всех, что само по себе хороший знак. Директор конференц-зала, высокий тощий мужик с мордой давно махнувшего на себя рукой алкоголика, подтвердив, что зал свободен весь сентябрь, быстро уходит. Ну, с ним все ясно: ставим литровую бутылку экспортной «Столичной» и вьем из него веревки без малейших проблем. Появляется секретарша с чаем, печеньем и сообщением, что «Татьяны Владимировны найти не может». У нас отлегают от сердца - значит, наша добрая подруга Танечка за минувший год никуда не ушла и по-прежнему сидит на размещении. Это Иван Иванович и алкаш здесь новички, а с Танечкой мы знакомы очень даже хорошо. Ждем ее появления, а пока пьем чай и чинно разьясняем Ивану, насколько его личная помощь в деле организации Семинара окажет воздействие на укрепление авторитета Советского Союза на международной арене. Он пыжится, важно кивает и говорит, что международное значение такого рода мероприятий весьма велико и что возглавляемый им коллектив приложит все усилия для того, чтобы с честью... В это время в кабинет влетает великолепная блондинка в шикарном костюмчике из недешевого парижского магазинчика, благоухающая французскими же духами, при первом взгляде на которую свежий человек только раскрывает рот в изумленном восхищении - что, впрочем, делаем и мы, хотя знаем ее уже несколько лет. «Слушаю вас внимательно, Иван Иванович», - почтительно говорит она, при этом незаметно для Вани

подмигивая нам. - «Вот, Татьяна Владимировна, товарищи из Организации Объединенных Наций, надо бы им помочь». - «Сделаем, что надо, - бодро заявляет Татьяна. - Пишите резолюцию, и я поработаю с товарищами». Иван, сопя, выбирает толстый красный карандаш и, прикусив от напряжения нижнюю губу, что-то карябает на углу нашего письма. Татьяна вырывает бумагу у него из-под руки, вчитывается в каракули, удовлетворенно кивает головой и говорит: «Пойдемте, товарищи, к мне, проработаем вопрос».

Татьянин кабинет - собственно, клетушка - через дверь от директорского. В проходной комнате сидят три ее сотрудницы, приветствующие нас сдержанно, но вполне дружелюбно. «Девочки, минут двадцать меня нет ни для кого», - говорит Татьяна, прикрывая дверь. Человек, даже совсем далекий от всех этих гостиничных и прочих бластмейстерских дел, и тот не мог бы ни поразиться такому отношению со стороны Татьяны Владимировны, красивой женщины, входящей, безусловно, в первую сотню самых влиятельных людей Москвы. Мы с Игорем про себя тоже не устаем дивиться такому к нам - именно к нам лично - отношению. Познакомились мы три года тому назад, тоже во время ооновского семинара, когда Татьяна сидела еще в проходной комнате, но уже была правой рукой тогдашней начальницы Виолетты. Это был жуткий семинарчик, в смысле организационных трудностей: участвовали министры практически всех европейских стран, то есть не только восточных и южных, но и самых что ни на есть западных, причем француза черт принес даже с женой. Ну, естественно, и от страны Советов участники были соответствующие, а на открытии присутствовал хотя и не Сами Понимаете, Кто, но Почти Что - по каковому поводу конференц-зал почтили своим присутствием мальчики из «девятки» и все посольства прислали представителей в приличном ранге... словом, суматоха была внушительная. А Татьяна тогда буквально только-только переехала в Москву с мужем, подпольным узбекским миллионером, который и устроил ее на завидную должность в одной из главных московских гостиниц. Она была из приличной русской семьи, с войны осевшей в Ташкенте; кончила там университет и вполне сносно говорила по-английски. Замуж вышла, по ее собственному признанию, с тоски, потому что надоела нищенская жизнь; но муж оказался приличным мужиком, без восточных штучек - перевез ее в Москву и не держал дома на привязи. Правда, работу выбрал ей сам - разумеется, не без учета и своих интересов. Виолетта ненавидела ее всей своей сучьей душонкой - за молодость, ум, богатство. И,

осознав уровень нашего семинара, назначила Татьяну ответственной за его проведение, в тайной надежде, что та оскандалится и сломает себе шею. Но объединенными усилиями мы провели все мероприятие без серьезных срывов, несмотря на ежедневные неизбежные мелочи, которые способны довести человека до белого каления и седых волос, а также вопреки козням фиолеттиных клеветов и капризам госпожи французской министерши. Ну, то, что мы подружились тогда - было не удивительно. Удивительно другое - когда на следующий год мы снова обратились в гостиницу, Татьяна (уже занявшая к тому времени место Виолетты) встретила нас с такой искренней радостью, что мы даже растерялись - хотя и не подали виду.

Вот и сейчас, закрыв дверь своего владения, она сказала: «Приятно видеть вас снова, мальчики. Ну, давайте - что там у вас». Прикидываем примерные сроки заезда: мы вселяемся в штабной номер в четверг с утра, первые участники начинают прибывать, по-видимому, в воскресенье, а основная масса во вторник, официальное открытие в среду. (Заметим в скобках - это моя идея, которую я стараюсь по возможности регулярно проводить в жизнь: начинать работу любого международного мероприятия не традиционно, в понедельник, а в среду - соответственно, в среду же, через неделю или через две, и заканчивать. У этой простенькой идеи масса достоинств. Во-первых, основная нагрузка при встречах-проводах падает на будние дни, а не на субботу-воскресенье (меньше проблем с водителями, вопящими о сверхурочных; все службы - таможня, ОВИР и прочее - работают в нормальном режиме, и в случае ЧП нет необходимости искать человека, от которого зависит принятие нестандартного решения, где-то на даче, отрывая его от заслуженного отдыха). Во-вторых, заезд и выезд из гостиницы также приходится не на выходные, и вся администрация тоже сидит на рабочих местах. В-третьих, обе пятидневки заседаний включают субботу и воскресенье, когда все учреждения закрыты, и тем самым участники избавлены от кошмара раздвоения личности и не рвутся между необходимостью присутствовать на заседании и потребностью съездить в посольство или еще в какое-нибудь место. В-четвертых, Study Tour, устраиваемый после первых пяти дней заседаний, тоже приходится на середину недели, что резко облегчает проблемы с билетами (поезда идут полупустыми) и упрощает работу тем, кто принимает нас во время этого Study Tour в другом городе (в будни все легче организовать по сравнению с выходными). Есть еще и в-пятых, и так далее, но хватит и сказанного.)

Дальше смотрим, сколько нам понадобится и каких

номеров. Вообще мы даем каждому участнику определенную сумму суточных, а он сам решает, жить ли ему в одноместном или делить комнату со своим коллегой, что обходится дешевле. Люди, приезжающие из так называемых развивающихся стран, предпочитают сэкономить деньги для других целей - и это их дело. Плохо, правда, что мы практически до последнего не знаем, сколько нам потребуется одноместных номеров и сколько двухместных - а это серьезная проблема, особенно для гостиницы, и хорошо, что Татьяна волевым решением позволяет нам бронировать лишние номера и потом отказываться от них буквально в последнюю секунду.

Теперь вопрос с люксами (трехкомнатными номерами) и полулюксами (двухкомнатными). Спрос на них постоянно велик, особенно на так называемые «распашонки», которых в гостинице всего десяток. «Распашонка» - это полулюкс, но очень удобный: огромная прихожая со встроенными шкафами во всю стену (куда мы складываем все материалы семинара - внушительных размеров стопки докладов всех стран) и две комнаты - направо и налево, тоже очень большие (в одной размещается советская администрация, в другой - ооновская). Кроме того, «распашонки» расположены в торце длинных коридоров, как бы вдали от гостиничной суеты. По старой дружбе Татьяна всегда обеспечивает нам хотя бы одну «распашонку» для штабного номера, что очень непросто ввиду чисто болезненного пристрастия, которое питают к ним грузинские продавцы цветов и азербайджанские торговцы фруктами. Оговариваем и этот вопрос.

Ну, главные проблемы записаны в татьянин ежедневник и, значит, решены. С мелочами будем разбираться по ходу дела. Прощаемся и бежим искать ждущую возле гостиницы машину, потому что время тоже бежит, а сегодня предстоит сделать еще массу дел.

По приезде собираемся у Пита в кабинете - естественно, с Людмилой - и рассказываем о наших успехах. Тут же составляем английское послание в Нью-Йорк с указанием точных дат начала и окончания Семинара, и Людмила несет его Рыжему на подпись. Мы тем временем звоним насчет оборудования для синхронного перевода. Ну, здесь особых проблем нет. Они очень рады, что заседания будут в «Украине», где есть вся необходимая проводка и вообще легко работать. Уточняем дни и время работы, количество участников, количество рабочих языков и, соответственно, количество будок.

Далее - заказы. Людмила заказывает научной общественности доклады по семинарской тематике, а мы с

Игорьком - папки, блокноты и прочую канцелярскую мелочевку с эмблемой Семинара, а также нагрудные значки. Людмиле проще, она соберет у себя всех потенциальных докладчиков, и поначалу они согласятся с радостью. Еще бы, такая возможность - выступить на международном мероприятии, чтобы потом гордо козырять этим на всех сложных поворотах своей научной карьеры; плюс к тому и денежки, по ооновским расценкам, что тоже на дороге не валяется. Другое дело, что потом - как показывает богатый и печальный опыт - Людмиле придется выбивать из них готовые тексты буквально палкой; они будут со свойственным российскому человеку раздолбайством клясться: «Через недельку... через пару дней... уж точно завтра...». А Елена будет звонить нам и холодным тоном напоминать, что, дескать, мы и сами, как коллеги, должны бы знать, сколько времени требуется на перевод даже готовых докладов, а на перевод не вполне готовых - вдвое больше, и это будет вам стоить, товарищи администрация...

Нам же с Игорьком предстоит колгота другого рода. Простенький текст, который надо нанести золотом на папка и прочих блокнотах (буквально: Организация Объединенных Наций, Экономический и Социальный Совет, название Семинара, место и дата проведения - но на двух языках) придется согласовывать в самых неожиданных инстанциях, включая и пресловутый Главлит (то есть советскую цензуру) - прежде чем его можно будет растиражировать в количестве аж сотни экземпляров. А значки - это отдельная песня: все те же инстанции, цензурные и нецензурные, плюс еще получение спецодобрения в министерстве культуры в смысле его (то есть значка) эстетической ценности. То есть, не будет ли он оскорблять глаз советского человека, привыкшего на каждом шагу созерцать только идеалы красоты.

Есть и еще предварительные заказные дела - но это так, по мелочи. Надо обрадовать коллег в Питере сообщением, что Семинар прибудет к ним на пару-тройку дней, дабы ознакомиться с их профессиональной деятельностью, а также с красотами Северной Пальмиры. И надо заранее общнуться с администрацией интуристовских железнодорожных касс - хотя и не в сезон, и среди недели, но все-таки нам потребуется почти два вагона СВ. И кстати о культурной программе - надо уточнить, когда Большой театр начинает сезон осенью, и попытаться закинуть им предварительную заявочку, которую они, конечно, не возьмут - но, по крайней мере, скажут, когда в августе можно будет ее принести. Что касается другого обязательного места, куда водят иностранных гостей, а именно, цирка, то там, к счастью, сезон длится без перерыва, и надо просто подать заявку вовремя. И еще надо

посмотреть, не изменились ли с прошлого года условия и сроки заказа экскурсий - обзорная по Москве (именуемая в экскурсионных бюро, по старинной советской манере, аббревиатурно - МСНР, что означает, как нетрудно догадаться, «Москва - столица нашей родины»), Кремль, с неизбежным визитом к Главному Покойнику (впрочем, это дикое на взгляд нормального человека занятие пользуется у иностранцев большой популярностью), Оружейная палата. И приложить максимум усилий, чтобы проникнуть в Алмазный фонд (то есть, надо еще одно письмо с автографом Рыжего).

А параллельно - составляется и детализируется смета Семинара. Приходится учитывать массу неожиданных мелочей, с которыми пришлось столкнуться в прошлые разы, и, соответственно, закладывать в некоторые статьи кое-какой избыток денег, чтобы потом можно было спокойно взять оттуда наличные, столь необходимые в критические моменты, возникающие, кстати, сплошь и рядом. Ну, например, встречаешь участника вечерним рейсом, на заказанной по статье «Транспорт» машине. А рейс задерживается на четыре часа, и водила говорит, что у него кончилась смена и он видал все это в гробу. Ты ему, конечно, не подписываешь путевку, он тебя, конечно, посылает туда-то и туда-то, ты его посылаешь обратно, после чего он уезжает. А через четыре часа, в разгаре, можно сказать, ночи, надо вести прибывшего в гостиницу - и на какие, спрашивается, денюжки, если бы не было в кармане этих самых наличных. Потому что хитрая графа «Непредвиденные расходы» давно уже стала объектом пристального внимания разных проверяющих, и оттуда много не почерпнешь. А наличные требуют все - и носильщики, и официанты, и водители за лишний час работы, и техники, устанавливающие оборудование для синхронного перевода, за лишний микрофон, якобы не предусмотренный по схеме, и проводники, и швейцары... список этот бесконечен.

Проведя заседание Оргкомитета, мы переходим на работу в стандартном режиме. С утра делаем необходимые звонки, а потом разбегаемся по всем возможным и невозможным идиотским инстанциям и мотаемся там до обеда. Вернувшись, подводим итоги и снова беремся за телефон, составляя план беготни на последующие дни. В промежутках сочиняем разные письма в эти самые инстанции, и Людмила таскает их Рыжему на подпись. Через пару недель общие контуры того, что гордо именуется «план-график», начинают выясняться, и тогда мы делаем первую попытку зафиксировать его для наглядности.

Берем лист ватмана и расчерчиваем его по месяцам, чтобы

на каждый день приходилось по клеточке: в июне клеточки поменьше размером, в июле побольше, а в августе и сентябре - совсем большие, аж целые клетки, и уже на все дни недели, включая и выходные. Фломастерами разных цветов разносим по этим клеткам сроки выполнения разных дел. Красный цвет - подготовка, перевод и издание докладов; синий - контакты со смежными совучреждениями; зеленый - контакты с ООН; желтый - контакты с Питером и заказ билетов на поезд; черный - контакты с гостиницей (несмотря на наличие едва ли не любовных отношений с Танечкой, за этими людьми нужен глаз да глаз); коричневый - культурная программа... И на стенку этот лист, на видное место. Такая настенная живопись действительно дает прекрасное представление о ходе событий. Если видишь денек, сверкающий всеми красками спектра, то ясно, когда именно надо собраться и стиснуть зубы. А если видишь подряд несколько клеток пустых или с одной-единственной записью, то тем более есть повод для беспокойства: не упущено ли что-нибудь из виду, не расслабляемся ли понапрасну.

Вывесив эту великую бумагу на стену, мы не то, чтобы ощущаем облегчение - просто тяжелая жизнь входит в привычную колею. Можно уже спокойно составлять недельные планы поездок по разным местам и делать это таким образом, чтобы повсюду обернуться на машине. Можно чуть расслабиться, когда попадают не очень забытые денечки. Можно позволить себе просто так прокатиться к Танечке и попить у нее кофейку, болтая не о чем. Вообще-то такие дружественные поездки отнюдь не следует считать праздным времяпрепровождением, потому что только так и можно держать руку на пульсе и предупреждать разные неприятности.

А неприятности не заставляют себя ждать. Вдруг в начале июля Татьяна сообщает нам, что дирекция гостиницы получила заявку из Совмина на какое-то их мероприятие, и трусливый директор решает пожертвовать нами, несмотря на наше право первородства. Два дня мы ведем активные действия - заготавливаем мощное письмо, в котором наш Семинар возводится в ранг едва ли ни важнейшего дипломатического события всего года. Людмила проявляет себя в полном блеске - она не только уговаривает нашего министра поставить свою подпись, она еще заставляет Рыжего позвонить по вертушке в МИД и выпросить у них аналогичное письмо за подписью ихнего хотя бы замминистра. С такими двумя бумагами мы отправляемся в гостиницу, и Татьяна - спасибо ей! - идет к директору вместе с нами. Мы потрясаем своими внушительными бумагами и орем на

него в три голоса; замороченный Иван, вытирая потную лысину, при нас звонит в Управление делами Совмина и зачитывает наши письма. К счастью, там сидят неглупые ребята, без звука признающие свое поражение. Их письмо было подписано Управляющим делами Совмина, то есть фигурой хотя и превосходящей по степени влияния и нашего министра, и мидовского зама, но чисто формально имеющего более низкий ранг. Можно сказать, что они расслабились и допустили ошибку, сродни той, которая характерна для неумелого преферансиста - в свой заход кинули маленький козырь; мы же не только перехватили игру старшим козырем, но вслед за тем бросили еще одну крупную карту козырной масти, взявши «две на чужой игре». На прощанье мы запугиваем бедного Ваню до посинения, сообщив ему, что дело находится на контроле в МИДе, а также «в других инстанциях» - зловеще добавляю я. Это означает, что мне пришла простенькая мысль - для верности подключить Диму и попросить его, чтобы он сам или через верха организовал звонок по своим каналам. И даже лучше не Ивану, а его заму по режиму: пусть тот и сам струхнет, и доведет начальство до полной невменяемости. Безусловно, это хорошая идея, потому что тем самым мы заодно и заедем зама по режиму, с которым в сентябре придется общаться регулярно, подписывая бесчисленные пропуска: на советских участников, не проживающих в гостинице, на весь персонал - синхронщиков, техников по синхрону, водителей, курьеров и прочая, и прочая. А главное - всей администрации и линейным переводчикам надо будет сделать круглосуточные пропуска. Как я впоследствии объясню Людмиле: «И ты, правда, всего лишь на месячный срок, будешь приравнена в своих правах к валютным проституткам, которым дозволено входить в гостиницу в любое время дня и ночи».

Мотаясь взад-вперед по городу, мы стараемся не терять времени даром и не упускать из виду необходимые мелочи. В частности, заскакиваем в несколько книжных магазинов и выбираем полезные издания, которые надо положить в рабочую папку каждого участника - справочник по СССР, карту Москвы на английском, наборы открыток с видами Москвы и Ленинграда. Стоит это копейки, а всегда производит на участников хорошее впечатление. У Пита в кабинете на шкафу начинают формироваться залежи книжных пачек; в дальнейшем туда же мы будем громоздить и готовые доклады. А потом перетащим все это в штабной номер гостиницы.

Дни бегут за днями. Людмила железной рукой (молодец! иначе с этим народом невозможно!) выбивает из советских

докладчиков их тексты, и мы потихоньку передаем их Елене. Та прилетает за ними, стремительная, благоухающая английским мылом и французскими духами, наскоро выпивает с нами чашку кофе и исчезает восвояси.

К концу июля начинает активно работать линия связи «Нью-Йорк - Москва»; мы получаем предварительные списки участников, а также первые доклады на английском. У меня сразу возрастает нагрузка, но это приятная тяжесть, компенсируемая по ооновским расценкам. Елена приносит первые тексты на английском, а я - первые тексты на русском. Все это, параллельно с оригиналами советских докладов, сдается в типографию, и мы берем фломастер очередного цвета для того, чтобы записывать на своем огромном листе ожидаемые даты получения готовых тиражей. Вот уже первые пачки отпечатанных докладов занимают место на шкафу у Пита. Нет, тьфу-тьфу, пока все движется в нужном направлении, причем кое-что даже нормальными темпами. В середине августа, без особых задержек, мы получаем готовые папки с тиснением. Папки вышли удачно - синие с белым (ооновские цвета) и золотобуквенная двязычная надпись. Показываем образец Рыжему - тот доволен. И выступает с логичным предложением: созвать Оргкомитет, дать каждому члену в зубы по папке и подвести промежуточные итоги. Тем более пускай мидовцы доложат о том, как обстоят дела с визовой поддержкой: на каждого участника они должны послать телекс в соответствующее советское посольство, с указанием того, что МИД дает добро на выдачу служебной визы.

Между тем почта приносит первые приятные сюрпризы. Для начала, Нью-Йорк подтверждает, что вторым человеком от ООН на Семинаре будет Эндрю, наш старый приятель, рыжий весельчак и не дурак выпить, на какой почве у них еще пару лет тому назад установились тесные отношения с Димой. Кстати, Эндрю, видимо, плохо себе представляет основную димину специальность. Иногда я думаю: интересно, как бы он реагировал, познав истину. А вдруг не возопил бы в ужасе, а наоборот - начал бы делать заявления в ооновских кругах о том, что в кей-джи-би тоже бывают разные люди... Второй сюрприз - приезжает Мария. Веселая и очень компанейская тетка лет пятидесяти с хвостом, из нью-йоркского Секретариата. Здесь она будет техническим директором Семинара от ООН - то есть, на практике, будет заниматься всеми секретарскими делами, включая перепечатку рабочих материалов Семинара на английском. Мария прилетит за неделю до открытия Семинара, что очень кстати - при ее участии мы сможем эффективно подчистить все недоделки на самой, что

называется, финишной прямой.

Поток посланий из Нью-Йорка буквально с каждым днем становится все полноводнее, и вот у нас на руках список большинства участников, с датами прибытия и номерами рейсов. Берем книжечку аэрофлотовского расписания и уточняем время прибытия каждого самолета, после чего группируем прилетающих по дням и по часам. Теперь можно приступать к составлению графика встречи. Есть удобные рейсы, приходящие с интервалом плюс-минус полчаса - их мы объединяем в одну группу, и на такую группу выделяем мини-автобус. Есть, конечно, и мерзкие рейсы, например, в два часа ночи. На такой рейс приходится тратить ресурс, эквивалентный полной восьмичасовой смене легкового автомобиля, потому что машину надо заказать к часу ночи на домашний адрес встречающего, чтобы к двум быть в аэропорту, откуда в лучшем случае (если не опоздает самолет, не потеряется багаж, не случится еще какой-нибудь гадости) выедешь в четыре, в пять будешь в гостинице, и водила тут же запросится домой, скуля, что он и так перетрутился. А встречающий еще минут сорок потратит на размещение привезенного им участника, после чего поднимется прикорнуть до утра в штабном номере, а с восьми уже включится в общую деятельность. Но есть и прелестные, всеми любимые рейсы - например, тот, что идет по сложному маршруту Сингапур-Дели-Карачи-Москва; на нем прилетают участники не только из Сингапура, Индии и Пакистана, но и прибывшие на стыковку в сказочный бананово-лимонный городок представители Малайзии, Филиппин, Австралии, Новой Зеландии, а то и еще каких-нибудь тихоокеанских стран, откуда нет прямого рейса на Москву. Точнее говоря, нет прямого рейса Аэрофлота, потому что, естественно, ооновские денежки за перевозку всех участников достаются исключительно советской авиакомпании, и никакой иностранный перевозчик не заработает тут ни гроша.

Мы отдаем предварительный график встреч в транспортный отдел, и старший диспетчер начинает заранее ворчать, что эта бумажка, конечно же, никем соблюдаться не будет и что ему надоело каждый раз выручать нас в последнюю минуту... А куда он денется - если в крайних ситуациях все ресурсы отдаются в наше распоряжение - включая даже персональную «Волгу» Рыжего...

Да, вот так-то. Не успели оглянуться - август на исходе. Ну, что же, сделано достаточно, чтобы не очень волноваться - хотя, конечно, чего-то еще не хватает. Есть практически полный список участников. Есть билеты на «Красную стрелу». Есть твердое обещание не подвести с Большим театром. Есть билеты в цирк.

Заказаны все экскурсии - и нами, в Москве, и питерскими ребятами у себя. Кабинет Пита похож на книжный склад, что и хорошо. Пачки с печатной продукцией уже перекочевали в угол, ввиду их многочисленности, а на шкафу лежит пухлая стопка табличек разного размера: совсем большая, с названием Семинара - на дверь конференц-зала, такие же, но поменьше - на дверь штабного номера, и еще поменьше - для развешивания по всей гостинице в качестве указателей направления, на лобовые стекла автобусов, а также для прочих неизвестных пока, но многочисленных надобностей; таблички с названиями стран и организаций-участников, которые мы расставим на столах в конференц-зале... Ну, как водится, не хватает еще пары докладов советских участников, а также не полностью присланы зарубежные доклады - и их, очевидно, привезут с собой сами участники (а это уже мой личный минус, потому что вряд ли я успею перевести их, и тем самым недополучу определенную сумму, на которую, в общем-то, рассчитывал).

В пятницу звонит Мария и подтверждает свой прилет в среду. «Везу с собой массу багажа, доклады и прочую дрянь! - бодро орет она в трубку. - Встречайте с миниавтобусом! Целую всех знакомых и незнакомых!» Первым делом мы заскакиваем к транспортному диспетчеру и доводим до его сведения, что нам нужен РАФик в среду на весь день. С утра мы будем перевозить все барахло в штабной номер, а после обеда поедем за Марией в Шереметьево. Потом звоним Татьяне и сообщаем, что в среду с утра мы занимаем наш штабной, а часам к шести привезем нашу общую подругу. Татьяна помнит Марию по предыдущему семинару и поэтому, как мы надеемся, подберет ей номер получше - для чего мы и предупреждаем ее заранее.

В понедельник и вторник мы, наряду с прочими делами, начинаем паковать. Укладываем в картонные коробки из-под импортных консервов (большие и прочные!) всякую всячину, которая понадобится нам на протяжении этих недель: десяток пачек отличной финской бумаги, карандаши-ручки и прочие канцприннадлежности, кипу заготовленных табличек, гору документов по Семинару (потому что со среды мы уже сидим в гостинице, а здесь остается только секретарша отдела на связи, которая будет переадресовывать все звонки нам на новое место. Тщательно пакуем компьютер. Во вторник Игорь вырывается на пару часов и навещает замдиректора гостиницы по режиму, забрав у него все наши круглосуточные пропуска. Заодно заглядывает в штабной номер, который уже освобожден для нас; номер на третьем этаже, в нем недавно делали косметический ремонт - в

общем, за все бесконечное спасибо Танечке!

В среду с утра загружаем РАФик от души. Гостиничные швейцары на мощной телеге в три ездки перетаскивают наше барахло из машины, а мы приступаем к наведению порядка и уюта. Правую комнату мы забираем себе; это гостиная, с письменным столом, на который мы немедленно водружаем компьютер, с еще одним круглым массивным столом посредине комнаты, куда мы временно складываем документы; кроме того, там имеется диван, два мягких кресла, стулья вокруг стола, а также пианино - очень удобная вещь, поскольку дает возможность раскладывать на нем стопки документов в два ряда - сверху и на клавиатуре (в закрытом, естественно, виде). Левая комната - спальня; ее мы отдаем ооновцам; там тоже имеется небольшой письменный столик, а на гигантской двуспальной кровати Мария сможет временно разложить все привезенные ею документы. Потом мы устроим генеральную разборку всех материалов, рассортируем все документы по дням заседаний (и будем выкладывать в конференц-зале нужные пачки в конкретные дни), соберем десятка три полных комплектов (для раздачи участникам и просто желающим), а остатки, соблюдая порядок, запихнем в огромные шкафы в прихожей.

Мы прибыли в гостиницу всей боевой группой - Людмила, Игорек, я и линейные переводчицы Света, Аня и Марина. Попозже обещал подъехать и Дима, что и хорошо, потому что чем больше рабочих рук, тем лучше. Тем более, что мы с Людмилой поедем встречать Марию. Самолет в три, значит, нам надо выезжать не позже двух, а до этого неплохо бы что-то перекусить (ну, это не проблема, в гостиничном буфете с голоду еще никто не умирал). Значит, к часу пойдем в буфет, а пока суть да дело, неплохо бы сформировать папки. Первым делом надо распаковать все, необходимое для этих целей (тут-то и пригодятся коробки из-под консервов, куда можно складывать всю оберточную бумагу - каждая папка упакована как хрустальная ваза, и с такой же тщательностью завернуты блокноты, под стать папкам, тоже бело-голубые с двуязычной надписью). Потом приступаем к начинке папок: блокнот, справочник, карта, наборы открыток, ручка, листок с полезными телефонами... Мария привезет текст приветствия Генерального секретаря ООН, и этот листок тоже положим в папку. Кстати, как нам известно, Рыжий сейчас ведет дипломатическую игру на высшем уровне, пытаюсь заручиться согласием Одного Из Самых Больших Советских Начальников обратиться с приветствием к участникам Семинара (текст этого приветствия давно уже написан нами, но если согласие будет даровано, то

секретариат этого Начальника, разумеется, перешерстит всю страничку, и новый текст, подписанный Им Лично, будет размножен и тоже положен в папку - при условии, что Рыжий добьется успеха).

После обеда выходим боковым ходом, через ресторан, чтобы заглянуть в гастроном. Ну, все в порядке - есть полусладкое шампанское и три вида грузинских вин. Бросаем Игоря на хозяйство (между прочим, вот еще один из тех случаев, когда очень кстати наличные), а сами с Людмилой отправляемся в путь. Все идет по графику, и вот в три с минутами фотоэлемент раздвигает перед нами стеклянные двери "Шереметьево-2". Подходим к табло - наш рейс уже сидит, о чем свидетельствуют мигающие зеленые огоньки. Через пару минут появляется стрелочка - левое крыло. Направляемся туда, не мешаясь с толпой встречающих, непосредственно к заветной стойке справа, где написано «Для лиц с дипломатическими паспортами и официальных делегаций». Это как раз нас касается, причем дважды - мало того, что мы имеем мощную бумагу, с соответствующими подписями и печатями, где в алфавитном порядке представляемых ими стран перечислены все официальные участники Семинара (и это делает их «официальной делегацией»), так у Марии еще и ооновский голубой паспорт, что на практике не хуже дипломатического. Демонстрируем нашу бумагу гладким таможенным девицам, лениво курящим в ожидании прибывающих дипломатов, они пускают нас в зону, и мы проходим прямо к будочкам паспортного контроля.

Встречая незнакомых участников, обычно держишь в руках плакатик с названием семинара, и они сами реагируют на тебя. Но подруга Мария в письменных призывах не нуждается; вот она спускается в числе первых пассажиров и с высоты своего роста ищет меня. Заметила и радостно машет рукой. Отвечаю ей с такой же радостью - приятно видеть старых приятелей после годичной разлуки. Пока пограниц мудрит с ее паспортом, мы успеваем перекинуться несколькими словами. Тут возле меня неожиданно возникает глистообразная фигура в лейтенантских погонах: «Вы что, встречаете? На каком основании? Кто вас сюда пустил?» Ну, с такими придурками надо расправляться быстро и насмерть. «Младший лейтенант! - говорю я самым твердым официальным голосом. - Вам знакомы правила допуска в таможенную зону? Если мы находимся здесь - значит, на основании официальных документов, которые мы предъявили соответствующим властям. Границу мы переходить не собираемся, следовательно, в вашу юрисдикцию не попадаем. К тому же вы

мешаете мне работать, и я намерен довести это до сведения вашего начальства!» Он кривится и кричит пограничнику в будке: «Что там у нее? Какой документ?» И, получив ответ: «Ооновский паспорт», отходит с перекошенной мордой. «Что ему надо?» - спрашивает Людмила. - «Делать нечего», - говорю я. - «А зачем ты с ним так?» - «А ты бы хотела, чтобы он устроил тебе проверку документов со скандалом и на виду у всех? Им только дай волю...» Тем временем Мария уже на советской территории: поцелуй, знакомство с Л.П. и новые поцелуи, расспросы о том, как долетела, как дела вообще, как дела у общих знакомых и все такое...

Теперь надо ждать минут сорок, не меньше, пока чемоданы из багажного отсека самолета доставят сюда, на конвейер. Зная кипучую натуру Марии и сходный темперамент Л.П., предлагаю, не теряя времени даром, присесть по возможности в сторонке и посмотреть кое-какие бумаги, благо скоросшиватель с документацией у меня с собой (вообще-то я, разумеется, не собирался везти его в аэропорт, а в кейс положил сегодня утром, осторожности ради, чтобы не затерялся при переезде; потом же просто-напросто забыл выгрузить на стол в штабном). Вдруг смотрю - идет наш глист в лейтенантском мундире, а с ним мордастый майор, тоже с зелеными петлицами. Ну, думаю, суки, а вслух говорю: «Вы тут поворкуйте вдвоем, а я сейчас». «Как же я без языка...» - заскулила было Людмила, но я только махнул рукой и твердыми шагами двинулся навстречу орлам-пограничникам. Глист не успевает открыть ротовое отверстие, как я перехватываю инициативу и спрашиваю: «Товарищ майор, вы являетесь начальником смены?» Вижу, колеблется майор, не знает, соврать или нет - явно никакой он не начальник. Не дожидаясь ответа, продолжаю: «Есть предложение присесть на минуту и ознакомиться с некоторыми документами». И быстренько открываю папку, демонстрируя ему только жемчужины - письмо нашего министра, письмо мидовского замминистра; весь текст читать не даю, а показываю только на те абзацы, где говорится о важности Семинара для человечества и престижа СССР. И сразу же показываю черновик приветствия, написанного нами и напечатанного на нашем компьютере, но с Той Самой Подписью, за получение которой сейчас воюет Рыжий. То есть, самого росчерка там, естественно, нет, но Фамилия-И-Должность напечатаны черным по белому, а больше майору ничего не надо - он видит Подпись своим внутренним зрением и как бы приподнимается с черного клеенчатого аэропортового стула, как бы вытягиваясь по стойке «смирно» и как бы отдавая честь. «Вот такие дела, майор, - говорю я скорбным, но как бы дружеским

голосом, в том смысле, что лично к нему я никаких претензий не имею. - Вот так мы работаем, а некоторые пытаются чинить препятствия». Подчеркиваю интонацией - «некоторые», то есть вовсе не весь состав шереметьевской границы, а так, отдельные паршивые овцы. «Вот такие дела, - повторяю я отчасти элегически, но уже с оттенком гражданской скорби. - Тут представитель из штаб-квартиры ООН присутствует, и непосредственно при ней устраиваются провокации». - «Ну, зачем же сразу - «провокации», - говорит майор с некоторой даже угрозой, - надо еще разобраться...» - «Обязательно разберемся, - отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. - Вот я подам сегодня рапорт, и служебное расследование покажет...» Сказанное приходится майору сильно не по вкусу: «Ну, какой там рапорт, - говорит он почти примирительно, - какое расследование...» - «А такой рапорт, - отвечаю я с оловом во взоре и медью в голосе. - Сам посуди, майор, мне-то зачем свою жопу подставлять. Кто нашкодил, тот пусть и отвечает, а наше дело солдатское...» - «Значит, так, - отступает майор на последний рубеж. - Будем считать, что эпизода не было». - «Договорились, - вроде бы беззлобно отвечаю я. - Давай по петухам, да так, чтобы нью-йоркское начальство видело». Мы обмениваемся демонстративным рукопожатием, но про себя я решаю немедленно все рассказать Диме, и пусть он принимает оперативные меры по горячим следам - нам еще тридцать человек встречать, и любой ценой надо обеспечить зеленую улицу. Я подхожу к теткам, которые, к моему приятному удивлению, общаются между собой, то есть, выходит, что хоть какой-то английский у Людмилы есть, пусть на уровне советского вуза, но все-таки... Успокаиваю их, что все в порядке - впрочем, они видели наше историческое рукопожатие - и говорю, что отлучусь еще на минуту, позвонить в штабной. Подойдя к таможенницам у стойки, спрашиваю их небрежно: «Что это за лейтенант тут у вас в зоне разгуливает?» - «А, придурок, - бодро отвечают они, - только всем душу могает, следующую звездочку выцганивает». - «Мечтать не запретишь, но можно помешать, - загадочно говорю я. - Вот если бы от вас позвонить...» - «Для такого дела не жалко», - и пододвигают ко мне телефон. Сжато, но тенденциозно докладываю Диме ситуацию - что случилось, когда, в каком крыле. «Сейчас буду разбираться, - отвечает он. - А мы с Игорьком уже все закупили, и шампанское в заморозке. Давайте быстрее!..»

Прибываем в гостиницу к шести. В штабном уже все в порядке. Людмила с Димой накрывают на стол: бутерброды с рыбкой и ветчиной из буфета, сыр из гастронома, оттуда же и

яблоки, и виноград. Игорь самоотверженно трудится у компьютера. «Навешал я им этих... ну, дал чёсу, - сообщает мне Дима, аккуратно раскладывая нарезанный сыр. - Дозвонился до старшого по смене и сказал, что или завтра этого лейтенанта там не будет, или мы продолжим беседу на Лубянке...» (Тут уместно примечание: Дима вовсе на грозился вызвать шереметьевских ребят по известному всему миру адресу; просто командование пограничных войск и димино начальство находятся в одном и том же здании, которое в более спокойные времена занимало страховое общество «Россия»).

С небольшим интервалом появляются Татьяна и Мария. Татьяна выставляет на стол литровую бутылку вермута, а Мария начинает разгружать свою сумку. На стол водружается «Сиграм» с черной этикеткой, после чего начинается одаривание присутствующих заморскими гостинцами. Мне, в частности, перепадает бутылка джина и свежий детектив - то есть, то, что надо (у Марии прекрасная память). Начинаем рассаживаться. Дима с гусарским шиком пускает в потолок шампанскую пробку и призывает всех старых друзей выпить за радость встретиться снова и обрести новых друзей. Далее джентльмены переходят на виски с боржоми (за неимением содовой), а дамы пьют вермут, перемежая его с гурджаани. Вспоминаются разные эпизоды, связанные с застольем в рамках международной деятельности. В частности, наша с Игорьком любимая история о том, как предшественник Рыжего на посту замминистра вел стол на банкете с участием в основном слабых на это дело негров и, выпивая каждую очередную рюмку до дна, переворачивал ее над головой, чтобы показать, что выпито честно. Наивные негры начали ему подражать, и последствия оказались самыми трагичными: главный африканский босс, сидевший рядом с замом на почетном месте, блеванул под стол и забрызгал все брюки зама, о своем костюме уж и не говоря; что касается рядовых делегатов, то они в основном успевали добежать до туалета, но там возникла постоянно действующая очередь, и, как следствие, сложилась ситуация, которую кто-то из наших очень точно определил как «землетрясение во время военных действий». К чести советского руководства надо сказать, что эпизод разбирался в ЦК, и зам был немедленно отправлен на заслуженный отдых. Дима, в свою очередь, рассказывает эпизод о визите советской делегации в Японию: в знак особого внимания им был устроен прием с гейшами, во время которого один командир сибирской индустрии, недооценив воздействие на его действительно могучий организм теплого саке, впал в чисто самурайское неистовство и пытался

склонить к непротокольным действиям представительницу принимающей стороны, которая с целью умиротворения дорогого гостя была вынуждена продемонстрировать свое знание арсенала японских единоборств.

Через часок Татьяна отправляется домой, а мы решаем еще немного посидеть и обсудить семинарские дела - тем более, что по биологическим часам Марии еще только полдень сегодняшнего дня, и спать она не собирается. Разумеется, серьезного разговора сейчас не получится, но можно, по крайней мере, разобраться с привезенными ею докладами. Однако пластиковая лента, которой перехвачены ящики, не поддается тупым гостиничным ножам, и Мария лезет в сумочку за ключом от металлического чемодана, потому что там, в числе прочих чудес, имеются чудо-ножницы, которым нипочем эта чудо-лента. И мы начинаем разбирать чемодан, тем более, что это куда более занятное и увлекательное действие, чем разборка докладов. Умница-Мария привезла все, что нужно для работы избалованного американской промышленностью канцеляриста и чего в описываемые времена в Москве просто не водилось. Папки разных размеров, форм, прозрачные и разноцветные, бесчисленные коробки с фломастерами, маркерами, ручками, карандашами, скрепками любых форм и видов, разноцветными кнопками, блокноты, ежедневники, клей в немислимых тюбиках, и еще черт знает что... А вот и знаменитые ножницы, которые и впрямь перекусывают толстую пластиковую ленту без малейшего усилия со стороны режущего человека. Мария отлично знает (в смысле - помнит наши охи и ахи прошлых лет), что эта канцелярская мелочь - идеальный подарок на все случаи; кроме того, в чемодане имеются и другие подарочные вещи - американские флажки на подставке, настенные календари, карманные календарики, наклейки с ооновской символикой, и так далее, и так далее... Все это абсолютно незаменимые вещи - ну, например, с каким подарком ты пойдешь к директору гостиничного ресторана заказывать обед для участников семинара? Этот человек по-своему не менее могуществен, чем Татьяна, и у него есть все. Кроме, пожалуй, вот такого набора из трех коробочек: цилиндрической, в которой держат карандаши и ручки, кубической, полной разноцветных листочков бумаги для записей, и имеющей форму параллелепипеда, чтобы держать там всякую мелкую дрянь; все это белого цвета, на подносике и украшено голубой эмблемой ООН. Вот такую штуку он безусловно поставит на свой рабочий стол и будет неимоверно гордиться ею перед своими приятелями - чеченскими мафиози и грузинскими торговцами мимозой. А уж

нам за такую семидолларовую штучку он пойдет навстречу во всех смыслах, и отказа нам не будет ни в чем. Если, конечно, при этом мы еще дадим каждому из троих дежурных метрдотелей по шикарному ежедневнику с видами здания ООН на Ист-ривер и каждому официанту по шариковой ручке с эмблемой ООН и еще, пожалуй, всем по карманному календару. А вот этот настенный календарь, на половину текущего года и на весь следующий, с красочным изображением здания ООН и на его фоне флагов всех наций, развеваемых атлантическим ветерком, мы завтра повесим на стенке за спиной портье, и пусть все знают, кто хозяева в гостинице на ближайшие три недели! Ну, и разумеется, портье лично - коробку фломастеров в зубы. Отдельно откладываем дары Татьяне - такой календарь, и сякой календарь, и еще один, для дома, и пачку карманных на следующий год, чтобы она сама могла их раздавать в дальнейшем, и роскошный ежедневник в кожаном переплете, и письменный прибор из числа тех, что украшают столы больших ооновских начальников (это Татьяне будет особенно приятно), и еще набиваем для нее целую сумку разными функциональными мелочами, ручками, скрепками и прочими кнопками, и не забыть еще календарь в проходную комнату, татьяниным девицам, да и каждой из них кое-что лично, и чтобы не дай Бог, не обделить...

С утра начинаем активно разбирать все имеющиеся доклады и раскладывать их в разных комбинациях. Пятьдесят комплектов - доклады на английском (и оригиналы, и переводы), с первого дня заседаний по последний - для всех англо-говорящих участников, с некоторым запасом. Тридцать комплектов - доклады на русском (и оригиналы, и переводы), с первого дня заседаний по последний - для русскоговорящих участников, тоже с некоторым запасом. Эти комплекты мы выкладываем на пианино. Тут же я использую предусмотренный резерв, отложив в ящик письменного стола по одному комплекту - для синхронщиков. И в другой ящик - по комплекту для министерского архива. Остальные экземпляры надо сложить по дням заседаний и запихнуть в стенные шкафы в прихожей (потом каждое утро перед началом заседания будем сносить в конференц-зал материалы этого дня). Пока занимаемся этой нудной и малопродуктивной работой, спрашиваю девиц, кто хочет поехать со мной сегодня в Шереметьево. Хотя, оказывается, все, и я предлагаю тянуть спичку; обломанную вытаскивает Света. Оставляю их доразбираться с докладами и спускаюсь вниз, к портье. После обеда, говорю, привезем нового гостя, а пока, говорю, не украсьте ли ваш быт. Возникает вопрос относительно того, как прикрепить календарь на стену; я

предлагаю два альтернативных решения, вынув из кармана коробку разноцветных кнопок и рулончик скотча. Приклеиваем календарь скотчем, после чего отдаю портье и скотч, и кнопки, и припасенные фломастеры. Надо только не забыть (а лучше записать), что именно я дал, потому что всего их трое, дежурящих посменно, и самое страшное - это не дать всем одинаково. Теперь, раз уж я в вестибюле, даю каждому швейцару по ручке и по календару - и назад, в штабной.

После обеда хватаю Свету и едем в Шереметьево. Итак, заработал конвейер встреч. У нашего брата, переводчика, этот вид деятельности описывается через посредство цитирования детской загадки, напечатанной - как утверждают многие, на полном серьезе - в семидесятые годы в центральном советском журнале для самых маленьких: «Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно». Разгадка предельно проста - «качели», и да будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает. Правда, в нашем случае вторая строчка не вполне уместна - чего уж тут приятного делать около пятидесяти километров в один конец даже сейчас, в приличную сентябрьскую погоду. А вот в октябрьский дождь, или в февральскую пургу, или в мартовский гололед, да по две встречи в день, то есть пятьдесят километров на четыре...

Значит, в пятницу двое, в субботу еще пятеро, и еще двое в воскресенье. А далее прилетают Эндру и его босс, человек с длинной индийской фамилией и соответствующей длины именем; для внутреннего пользования я урезаю его до Виса. Начальство не летит прямым трансатлантическим утомительным рейсом, как Мария; прибыв в пятницу из Нью-Йорка в Париж, они влечь погужевались там и в понедельник невинными ангелами прибывают сюда. Их невинность особенно ярко характеризует тот факт, что в пятницу по телефону они сообщили, что прямо из аэропорта, минуя гостиницу, хотят поехать на встречу с Рыжим. Если это не безусловный признак острых мук совести, то пусть мне объяснят, что же это такое.

Через часок в штабной врывается Марина, причем настолько стремительно, что кажется, будто ее длинные темные волосы развиваются по несуществующему ветру. За ней следуют двое - господин и дама, хотя ездила она только за господином. Оказывается, что дама - вторая из той троицы, о которых мы не имели никакой информации; она прилетела где-то вскоре после нашего с Л.П. отъезда из Шереметьева и как овечка томилась возле справочного бюро под нашим объявлением, не решаясь взять такси и надеясь на чудо. Чудо и случилось, потому что Марина перед выездом подошла туда - на всякий случай - и удачно подхватила ее;

плюс Марине за инициативность. Вручаем прибывшим семинарские материалы, делим на двоих суточные - остальное доплатим завтра, часам к двенадцати, когда бухгалтер возьмет деньги из банка. Программа на сегодня даже перевыполнена, а завтра начинается уже по-настоящему боевая неделя.

Парижский рейс приходит к одиннадцати, и поэтому мы собираемся всей компанией в понедельник в девять, чтобы подвести промежуточные итоги и уточнить планы на день. Собственно, мы с Л.П. сейчас едем в аэропорт, а оттуда к Рыжему, и появимся в гостинице уже ближе к вечеру. Остальные - по графику. С машинами пока проблем - тьфу-тьфу - нет. На обратном пути из Шереметьево я откровенно люблюсь Людмилой, которая - само достоинство и очарование - сидит на заднем сидении между двумя ооновскими боссами и щебечет как птичка. Даже рыжий Эндрю, умеренно подверженный женским чарам, и тот демонстрирует положительную реакцию, а уж ссохшийся, седой Вис реагирует на светловолосую даму с повышенным вниманием и очень тоскует оттого, что Л.П. почти не врубается в его дикий индийский акцент, требующий моего самого активного участия в этой беседе. Практически всю необходимую информацию мы скармливаем вновь прибывшим еще по пути к Рыжему, поэтому сам по себе визит проходит достаточно формально и сворачивается за полчаса. Нас, однако, ждет сюрприз: на пару минут заскакивает лично министр, чтобы «приветствовать дорогих гостей и осведомиться о здоровье моего друга Бенджамена». Сам факт рукопожатия с его превосходительством членом кабинета министров производит на Виса необходимое впечатление, а упоминание имени Бенджамена (большой человек на Ист-ривер, уровня на три старше Виса в ооновской иерархии) позволяет закончить беседу на очень высокой ноте. Но оказывается, и это еще не все - министр предлагает дорогим гостям для поездки в гостиницу свою «Чайку». Усаживаемся в господский лимузин (я - на откидном сидении, лицом к остальному народу, чтобы легче было разговаривать) и летим как белые люди, с мигалкой и сиреной, что приводит индуса в состояние детского восторга.

Увидев за стойкой портье на стене повешенный мною накануне ооновский календарь, Вис неожиданно переходит на еще более высокую ступень восторга и долго втолковывает Эндрю, а также подвернувшемуся под руку (а может быть, и специально вышедшему навстречу) боссу из ОЭСР, как он и в его лице международное сообщество независимых наций высоко ценят дух уважения к ООН и к исповедуемым ею идеалам, столь характерный для страны, в столице которой они имеют

удовольствие находиться. В том же ключе разговор продолжается и в штабном, где он с одобрением отзывается о проделанной оргкомитетом подготовительной работе.

Во вторник с утра общаемся с директором конференц-зала и, получив от него ключи, вступаем в формальное владение помещением. Вскоре прибывают техники и начинают монтаж оборудования для синхронного перевода. Мы же приступаем к созданию своей атмосферы и своего уюта. Для начала вешаем на дверь большую табличку с названием Семинара на двух языках. Столы в зале стоят буквой П, и за короткой ее перекладной, предназначенной для размещения президиума, имеется ниша, в которой уныло красуется неизбежный бюст вождя мирового пролетариата; убираем его вглубь, за кумачовую занавеску, а саму нишу декорируем огромным ооновским флагом, повешенным вертикально. По внешнему периметру столов, накрытых темно-зеленой плотной материей и имеющих очень официальный вид, будут расставлены в алфавитном порядке таблички с названиями стран-участниц, по внутреннему периметру размещаются, тоже в алфавитном порядке, представители сначала международных, а потом национальных организаций. Дело это только непосвященному может показаться простым и даже тривиальным, а на практике неадекватная рассадка на всяческих международных форумах прочно занимает одно из ведущих мест в качестве причины скандалов - причем скандалов, принимающих самые неожиданные формы и имеющих зачастую далеко идущие последствия. В адрес Генеральной Ассамблеи ООН подаются жалобы о неуважении национального достоинства и нарушении права на равную правоспособность - а из-за чего? устроители поставили в зале заседания табличку, на которой название этой страны было выполнено не таким шрифтом, как у остальных участников, или флаг одной из стран отличался от других по размеру (даже если он был не меньше, а больше всех остальных; впрочем, в последнем случае можно ждать и коллективной жалобы). Именно поэтому мы никогда не рискуем; вот и сейчас до начала расстановки табличек мы позвали в зал и Виса, и Эндрю, и Марию. Да, принцип разделения ответственности, и пусть в нас кинет камень тот, кому не ведом этот грех.

Мы добиваемся от этой троицы внятного одобрения всех наших предложений по рассадке и не выпускаем их из зала, пока не расставлены все таблички. Потом размещаемся в двух черных «Волгах» и едем к Рыжему, в кабинете которого устраивается последнее заседание Оргкомитета. За рюмкой армянского коньяка утверждается окончательный порядок завтрашной процедуры

торжественного открытия Семинара: кто и в какой последовательности будет выступать с приветственными словами, кого изберут (ну ладно, чьи кандидатуры демократично предложат для единодушного избрания) на пост председателя Семинара и его двоих заместителей. Первая кандидатура - естественно, Вис; его замы - фигуры совершенно идеальные и безусловные: женщина, представляющая некое азиатское государство, и представитель очень бедной африканской страны, интеллигентнейшего вида негр, получивший свою докторскую степень в Кембридже. Все это немного похоже на заседание партбюро перед отчетно-перевыборным собранием, но хотим мы этого или нет, а так оно и обстоит в печальной и реальной действительности. Потом Вис, надувшись от гордости, сообщает, что ему поручено зачитать приветствие Генерального секретаря ООН. Рыжий ждет этого момента и кидает свою козырную: ему-таки удалось получить подпись под советским приветствием Семинару - правда, не Генерального секретаря (КПСС, естественно), но все-таки - премьер-министра. Это значит, что текст приветствия будет завтра опубликован в «Правде», а это автоматически означает заметку об открытии Семинара там же, пусть и на последней странице; мало того, высокое приветствие означает столь же автоматическое присутствие корреспондента главной вечерней программы теленоостей и показ открытия завтра же вечером по первой программе национального телевидения. Рыжий не скрывает своего торжества - да и есть чем гордиться, если говорить честно. Братаны из МИДа и ГКЭС сидят с такими мордами, будто не «Двин» пьют, а уксус; да, не проявили товарищи необходимой предусмотрительности, не учли всех нюансов, на слишком низком уровне представлены их ведомства, далеко обскакал их Рыжий. Забегая вперед, скажем, что ГКЭС обделался до конца, и на открытии присутствовал всего лишь ихний заводделом, как ранее и планировалось; мидовцы все-таки среагировали в последнюю минуту и делегировали замминистра - но и он окажется на втором плане, потому что Рыжий притащит нашего министра. Собственно, министр прискачет сам, чтобы лично зачитать высокое приветствие и промелькнуть на телеэкране.

Возвращаемся в гостиницу в приподнятом настроении. Сажаем Людмилу на телефон, чтобы она разъясняла средствам массовой информации смысл и значение Семинара, а сами с Игорьком беремся за более прозаические, хотя и не менее важные дела. Прежде всего, спускаемся к директору ресторана уточнить меню вечернего приема. Есть у нас опасения, что набегит народу больше ожидаемого, естественно, за счет неприглашенных, но

жаждущих совграждан, и поэтому мы принимаем превентивные меры. Решительно отказываемся от раскладки в пользу фуршета - опыт показывает, что стоя, человек съедает меньше. Икру черную заменяем на канapé с икрой, а икру красную - на яйца, фаршированные икрой. Это дает возможность сделать факт присутствия икры на столе значительно более заметным, не увеличивая ее общего количества - ведь не сравнить по визуальному эффекту одну хрустальную мисочку с икрой диаметром пятнадцать сантиметров и два фарфоровых блюда, диаметром сантиметров сорок каждое, где в окружении овощей и зелени красуются половинки крутых яиц, чуть притрушенные икринками; а второй-то вариант требует того же количества икры, только используется она более разумно. Вместо овощных салатов просим дать, пользуясь терминологией меню, «овощи натуральные», то есть крупно нарезанные огурцы и помидоры - так дешевле. Отменяем пару изысканных закусок и взамен вписываем в заказ побольше «ассорти мясного», а в рамках этого самого ассорти тоже просим класть поменьше дорогого карбонада и побольше дешевой ветчины. Директор, полностью понимая наше положение, по собственной инициативе обещает дать нам дешевый арахис, маринованные огурчики и маринованные грибы, отсутствующие в меню. Он же предлагает вместо бифштексов из вырезки поставить побольше люля-кебабов в фуршетном исполнении - маленьких и на спицах. И, наконец, с его согласия заменяем часть коньяка на водку, увеличивая тем самым количество и убойную силу спиртного.

Покончив с фуршетом, делаем постоянные заказы на все две недели работы Семинара: в конференц-зал к десяти и к трем часам, то есть к началу утренней и вечерней сессии - минеральную и фруктовую воду, а к половине двенадцатого, в перерыв, чай-кофе и пирожные. Директор и тут выступает с полезными инициативами: во-первых, пирожные он предлагает только сухие, миндальные (не будет крема, меньше напачкают посуду - что важно для него, да и меньше съедят - что существенно для нас), а во-вторых, он обещает дать строгое указание официантам, чтобы все нетронутые пирожные и неоткупоренные бутылки воды по окончании каждого дня отсылались нам в штабной. И кстати, добавляет он, после фуршета тоже пускай все остатки доставят к вам - я распоряжусь, а вы проконтролируйте. И вообще - в случае чего ссылайтесь на меня. Мы долго благодарим его за помощь, а он и говорит: «Вот эту благодарность, ребята, да в письменном виде мне в книгу жалоб и предложений. Только пусть подпишется кто-нибудь из зарубежного начальства». Ход его мыслей вполне

ясен: пришла к нему комиссия, а он ей - смотрите, у меня вот какие люди питались и были всем довольны... Нам же это никакого труда не составит: попросим Виса, и он напишет все, что мы ему продиктуем, а потом подпишется со всеми своими титулами.

Утром мы собираемся, одетые парадным образом – а вдруг попадешь в объектив телекамеры. Начинаем подбивать бабки: все участники имеют полные комплекты документов; дополнительные экземпляры документов на первый день лежат в картонном ящике, и надо только позвать швейцара, чтобы тот перенес их в зал; регистрационные карточки готовы (кладем их в тот же ящик); текст пресловутого приветствия должен привезти Рыжий; вода к началу заседания и кофе в перерыв заказаны... Спускаемся в конференц-зал. Еще раз проверяем, все ли таблички на столах стоят в должном порядке. Игорь остается ждать техников, официантов с водой и первых, самых нетерпеливых участников. Я иду в вестибюль к швейцарам, прошу перенести ящик из штабного в конференц-зал и заодно напоминаю, что к девяти часам пойдет поток народа, в том числе телевидение, корреспонденты и прочие. В это время открывается газетный киоск, и я спешно покупаю пять экземпляров «Правды» - для архива, для Виса, для Людмилы и еще на всякий случай. На первой полосе, в правом нижнем углу, напечатано приветствие, которое через пару часов будет торжественно зачитано перед неморгающим глазом телекамеры.

В штабном уже собрались все девицы, принаряженные, накрашенные, бодрые. Появляется Мария, чуть согбенная под тяжестью навешанного на себя золота. По одному подтягиваются Вис, Эндрю, еще несколько мужиков из ооновской системы - все в черных костюмах, строгие галстуки прихвачены заколками с ооновским гербом. У нас с Игорем, кстати, такие же заколочки - разве что галстучки полегкомысленнее. В половине девятого торжественной процессией направляемся в конференц-зал, оставив Анюту на телефоне.

Мария усаживается за столик и раскладывает перед собой регистрационные карточки. Бросаю Свету ей в помощь, а Марину (у которой язык получше их всех) прошу стоять рядом со мной - мы будем осуществлять общение наших безъязычных начальничков с дорогими гостями. Вообще-то совгражданам велено подгрести к половине десятого, именно для того, чтобы они не толпились без толку и не мучили себя, ооновцев и нас пустыми разговорами. К девяти начинают собираться участники; Вис и Эндрю, а также Л.П. с помощью Марины говорят им слова

приветствия, после чего передают их в руки Марии и Светы, для заполнения регистрационных карточек. А вот и компания ребяток хипповатого вида в джинсе, с ящиками и штативами в мощных лапах - телевидение. Начинается установка прожекторов, проба света и прочие дела. Все присутствующие проникаются сознанием собственной значимости, ощущая себя причастными к миру сенсационных новостей. В половине десятого в дверном проеме возникает окрыленный силуэт летящий под всеми парусами Елены, за ней в кильватере мощным дредноутом движется Саша, даже при галстукке и с виду вполне готовый к работе. Они сдержанно здороваются с верхушкой в черных костюмах, отдают общий поклон остальным присутствующим и скромно скрываются в тени будки. Следом появляются Рыжий и сам министр в сопровождении Димы. За ними идет водила Рыжего, которого немедленно перехватывает Игорь и, забрав у него пачку листов, содержащих исторический текст, кладет ее рядом с другими документами дня. Начинается церемония представления министра и Рыжего черно-костюмным мужикам, и я полностью погружаюсь в нее; впрочем, краем глаза вижу, как в зале в сопровождении своего димы появляется господин (товарищем назвать его не поворачивается язык) - по всей видимости, это и есть замминистра иностранных дел. Действительно, господин подходит прямо к нашей высокопоставленной кучке, ручкается с министром и Рыжим, и министр представляет его остальным. Господин бодро заговаривает с зарубежными гостями на английском (надо признать, весьма среднего уровня), а я шепотом передаю советскому начальству содержание их беседы. Чужой дима с мрачным видом приближается ко мне и явно начинает контролировать перевод. Без десяти десять появляется мужик из ГКЭС и обнаруживает себя в полном дерьме, потому что он (а) всего лишь завотделом на фоне высшего руководства других ведомств; (б) пришел позже других; (в) вырядился в светло-серый костюмчик; (г) вообще... К тому же Дима и дима смотрят на него так, что хоть выйди вон и повесься в сортире (расположенном, кстати, неподалеку, за углом). Но надо отдать ему должное - он твердо встречает взгляды обоих дим и даже как-то неумовимо дает им понять, что у него погоны пошире, после чего на равных приветствует троицу министерского ранга и обращается к остальным на безупречном английском.

Между тем Л.П. смотрит на часы и шепчет Рыжему, что уже без четырех. «Ну, что, товарищи, будем начинать», - говорит Рыжий с интонацией отчетно-перевыборного собрания. Начальство потянулось за свой стол, участники, вдохновленные

примером, тоже рассаживаются по местам согласно поставленным табличкам. Шумок замирает, у начальственного стола появляется Елена и громким, внятным голосом на двух языках объясняет, что русский язык - на первом канале, английский - на втором, говорить в микрофоны, расставленные по столам, можно, только нажав предварительно на кнопку и убедившись, что зажглась красная лампочка в подставке. Она скрывается в будке, и Рыжий, в качестве председателя Оргкомитета, бодро приступает к открытию заседания - естественно, не нажав кнопку микрофона. Телевизионщики врубают свои прожектора, аудитория замирает в сладостном экстазе, но идиллию нарушает мрачный голос Саши: «Кнопка!» Рыжий дергается, нажимает кнопку и повторяет уже сказанное, после чего процедура без особых приключений продвигается в оговоренном накануне направлении.

Вся говорильня, включая художественное чтение приветствий, выступления достойных и выборы самых достойных, а также процедурные сообщения по программе Семинара (что, где, когда), занимает, как и планировалось, полтора часа. Во время перерыва Вис с Рыжим на два голоса открывают глаза советскому народу через объектив камеры Центрального телевидения, Л.П. бодро излагает что-то (безусловно, то, что надо) в окружении нескольких мужичков с диктофонами - словом, Семинар на глазах становится событием и достоянием истории. Окончив допрос Л.П., несколько мужичков подходят к нам с Игорьком и, пряча диктофоны, осведомляются, почему ничего нет кроме пирожных с чаем. Такая наглость хоть кому не понравится, и я отвечаю в том же ключе: «Был еще кофе, но его выпили - пока вы работали». Один, самый борзой, не унимается: «А вечером будет что-нибудь?» Л.П. делает шаг к отшатнувшейся от нее кучке, и я, опасаясь, что она по слабости душевной и к тому же размякшая - как девушка, непривычная к славе - пригласит этих шакалов, предупреждаю любые ее слова твердым заявлением: «Вечером будет прием, вход по пригласительным билетам, выдача по списку, список вот у тех товарищей». И кивком указываю на обсуждающих свои проблемы двух дим. Не знаю, может, у Эндрю, как я уже говорил, и имеется недопонимание относительно статуса нашего Димы, но газетчики - ребята опытные и намек понимают сразу. И прекрасно - все-таки это не чужая, желтая и продажная, пресса, а наша, красная и проданная. В смысле, ангажированная. В смысле, даже если их в шею вытолкаешь, все равно они будут вынуждены написать только то, что ждет от них родная партия. А пьяные на фуршете и так будут, из числа своих; посторонних нам не надо.

После перерыва говорильня возобновляется - теперь уже

по конкретной тематике, ради обсуждения которой, собственно говоря, и устроен этот Семинар. Игорь идет в директорию ресторана, уточнить, все ли в порядке насчет вечера, я поднимаюсь в штабной, где Мария уже привела в порядок регистрационные формы. Мы сверяем написание имен-фамилий, названия организаций и должностей, занимаемых участниками, с тем, что имеется у нас в компьютере, после чего я делаю новую табличку: эти три позиции плюс дата вылета из Москвы и номер рейса. Да, не успело веселье начаться, как уже надо подумать о его конце. Сейчас я распечатаю эту табличку и пушу ее вокруг стола. Каждый участник своею личною рукою впишет туда необходимые данные, после чего мы соберем у них обратные билеты и подтвердим вылет. Для тех, у кого в билетной графе «Статус» стоит «ОК», проблем нет (как говорят аэрофлотовские девицы - «То ОК the ОК»). А вот если статус «RQ» (то есть «Request», в смысле, «Запрос») или вообще OPEN (то есть «Открытый билет»), то дело хуже. Это значит, что у человека есть только желание улететь, а конкретного места нет. Естественно, места фактически существуют, но только их придерживают по разным соображениям. Значит, мы ставим человека на «Лист ожидания», то есть формально включаем в очередь претендующих на эти места. А далее уже наши заботы. В простых случаях достаточно дать аэрофлотовской дамочке незамысловатый сувенир; однако, бывает, что приходится звонить по вертушке в министерство гражданской авиации.

Поэтому для себя мы делаем еще одну табличку - страна, фамилия-имя, дата, номер рейса, время вылета (узнаем по расписанию), статус билета (спишем с билета), «ОК» (здесь мы ставим плюсики после того, как получено подтверждение) и последняя большая графа со стандартной шапкой «Примечание». В этой графе мы пишем, что сделано для добычи места (например, «Нина обещала к среде» - то есть девушке Нине, сидящей здесь же, в гостинице, за аэрофлотовским компьютером, дали, скажем, блок американских сигарет, за что она обязалась решить все проблемы в течение недели). Кстати, на основе этой таблички делаем еще одну - график проводов: группируем вылеты по датам и по времени; через недельку, когда картина в достаточной степени прояснится, можно будет уже заказывать транспорт, чтобы развозить дорогих гостей в аэропорт.

Собственно, теперь это наши основные заботы - обеспечить беспроblemную отправку участников. Все остальное уже идет в нужных направлениях - участники благополучно прибыли и заседают, их выступления переводятся, московские

экскурсии заказаны, и бумаги, свидетельствующие об их оплате, лежат в сейфе у Пита, в одной папке с билетами в Большой, в цирк, а также в Ленинград и обратно. Нам остается теперь сидеть и ждать. Чего же ждет администрация международных мероприятий? Ясное дело, чрезвычайных происшествий. ЧП бывают разными - заболел участник, или потерял паспорт, или встретился с сыном своего земляка, студентом Университета Лумумбы (передал гостинчик из дома), а тот в знак благодарности познакомил его со специфическими сторонами московской жизни, о чем администрация узнает из милицейского протокола...

Кстати, не исключено, что первое ЧП нас ждет сегодня вечером - мы же представления не имеем о том, каковы наши гости во хмелю. Нет, если говорить серьезно, то прием, организуемый в первый вечер мероприятия - очень полезная вещь. Только так, в неформальной обстановке, и можно познакомиться со всеми участниками и узнать их получше; а если человек отказывается от такого знакомства, да еще и демонстративно - то сам факт отказа рекомендует его еще полнее, чем доверительная беседа под хмельком. Всем известно, что алкоголь сближает, особенно незнакомых людей, которым предстоит две недели заниматься общим делом. Все эти мыслишки лениво копошатся в голове, пока мы с Л.П. стоим у входа в банкетный зал и ждем дорогих гостей. Людмила сегодня будет хозяйкой бала - потому что Рыжий, памятуя печальную судьбу своего предшественника, старается на международных пьянках по возможности не показываться; вот и сегодня, узнав, что мидовский замминистра не собирается почтить своим присутствием, он тоже решил сачкануть, под предлогом того, что весь день просидел в конференц-зале, а на работе его ждет гора бумаг. Ну что же, мое мнение: меньше начальства - больше веселья.

Народ между тем подтягивается. Совграждане пришли все без исключения, и даже с превышением плана - то и дело мелькают совершенно незнакомые мне морды. Впрочем, пока Л.П. здоровается с непрошеными гостями, то есть худо-бедно опознает их, я не дергаюсь, отлично понимая, что имеется у советских докладчиков скверная манера приводить на банкеты свое личное начальство, чтобы казенной водочкой как-то подсластить ту горькую пилюлю, что не заведующий отделом или кафедрой, а их подчиненный делает доклад на международном форуме. Между тем появляется Дима в сопровождении своего мидовского коллеги, с которым они уже спелись, несомненно найдя массу общих знакомых. Насколько я понимаю, мидовский дима, отзывающийся, впрочем, на имя Андрей, будет представлять (здесь и сейчас)

внешнеполитическое ведомство Союза Советских Социалистических Республик. Ооновцы тоже приводят с собой друзей - двоих специфического вида ребяток из американского посольства. Из экономического атташата, спешит объявить мне (почему мне? очень интересно!) Эндрю. Видели мы таких экономистов - совсем под стать нашему представителю ГКЭС (тоже ведь Комитет по экономическим, с позволения сказать, связям...). А вот и он, легок на помине; идет и улыбается все той же улыбочкой, посредством которой он дал уже понять сегодня утром обоим димам, кто здесь старший по званию. Участники тоже не заставляют себя ждать.

Ну, вроде бы все в сборе. Л.П. вполне грамотно произносит первый тост - и сказала все, что нужно, и уложила в тот временной интервал, на протяжении которого рука, держащая полную рюмку, еще не начинает дрожать от напряжения. Далее, товарищ из ГКЭС, оценив обстановку и отсутствие высокопоставленных представителей иных ведомств, перехватывает инициативу и произносит неплохое, надо признать, приветствие, да к тому же на двух языках. Прямо скажем, нам всегда нравятся международные чиновники, не гнушающиеся лично выполнить почитаемую многими черной работу переводчика. Следующим к народу обращается Вис, который в очередной раз объясняет важность Семинара для человечества в целом, после чего испрашивает разрешения присутствующих здесь иностранных граждан и подданных, дабы от их имени выразить сердечную благодарность советскому оргкомитету за все то, что уже предстало глазам участников, а также - авансом - за то, что им еще предстоит увидеть, включая поездку в сказочный город Ленинград. На этом торжественная часть как-то сама собой увядает, переходя в серию более частных тостов.

Мы с Людмилой обходим присутствующих, изливая на них директорскую милость и перебрасываясь вполне бессмысленными репликами, выражающими, впрочем, всеобщее взаимное уважение. Между тем народ, уже слегка подавши и отчасти насытившись, начинает потихоньку тянуться к выходу. Группками по двое-трое, что свидетельствует об успешном достижении основной цели, ради которой и устраивался прием: неформальные отношения между участниками явно налаживаются. Игорек бдительно следит за официантами - выполняют ли они приказ дирекции: все остатки доставить в штабной. Да и впрямь, какого черта! официантам это все равно на один зуб, а вот нам самый раз, чтобы продолжить прием, только уже для более узкой компании.

Часам к девяти мы уже ждем в штабном избранных. Дисциплинка в ресторане железная, поэтому официанты без звука не только перенесли все, пригодное для дальнейшего употребления, но и накрыли круглый стол, стоящий посреди комнаты. Оказалось, что вполне достаточно еще осталось - и выпивка, и копчености, и грибочки с огурчиками, и овощи почти не тронуты, и маслин полный салатник... И целое блюдо кебабов плюс четыре полных соусника отличного острого соуса. Живем! А тут распахивается дверь, и на пороге возникает угрюмый официант, волокущий целый ящик шампанского, а за ним Стив из ФАО, негр из ЮНЕСКО, мужик из Женевского секретариата и представитель ОЭСР, шествующие гуськом, демонстрируя тем самым, что дар приобретен в складчину. Одним словом, однако! Хотя, собственно, нам-то чего дергаться. Все участники живут здесь же, так что до постельки как-нибудь доберутся. Елены нет - значит, утром будет кому на трезвую голову отсидеть в будке хотя бы первый час. Наш административный механизм запущен и крутится сам по себе, даже чай-кофе для перерыва на чай-кофе заказаны на все дни недели вперед. Так что - имеем право. Тем более что это, фактически, первое расслабление после жуткого последнего месяца - и ведь все пока идет тьфу-тьфу, где тут дерево!

Между тем угрюмый официант раскупоривает шампанское и наполняет фужеры, после чего присутствующие начинают дружно и слаженно набираться - с решимостью и профессиональным умением международных чиновников. Во время моих первых мероприятий такого масштаба и уровня я с интересом (отчасти, признаюсь, противоестественным) наблюдал зрелище, знакомое ранее только по книгам из ихней жизни: как здоровые мужики накачиваются шампанским. Позже болезненный интерес прошел, но непонимание осталось. Тем более что для себя лично в рамках этих мероприятий я открыл все прелести джина, сдобренного хорошим тоником (вещь, в Москве тех лет недоступная в принципе), и безусловность этих прелестей только усугубляла мое недоумение.

Вечер продолжался до последней капли спиртного. Народ расходился в весьма приподнятом, но безусловно дружественном настроении. Памятуя, что назавтра все-таки рабочий день, который желательно провести в относительно чистой атмосфере, я постарался организовать хоть какой-то аврал и побудил всех еще стоящих на ногах представителей совадминистрации вытряхнуть пепельницы, убрать оставшуюся еду в холодильник, а грязную посуду составить на сервировочный столик и выкатить его в

коридор - чтобы на утро мы не задохнулись. Распахнув после этого настежь все три окна, мы с чистой совестью отправились по домам.

Назавтра я прихожу первым, но не успеваю еще прикрыть все окна, как заявляется Людмила. Вскоре подгребают девицы и вползает Мария - все четверо просто идеальное наглядное пособие о вреде алкоголя. У вползающего следом Димы вид вообще жутковатый. Игорек держится бодро, но щеголяет в темных очках, то есть явно не в силах взирать на окружающий мир без омерзения. Спускаемся в зал, куда потихоньку стекаются участники заседания, внешний вид которых определяется в диапазоне между Димой и Игорем. Непохмельных в зале лишь двое - Рыжий и Елена - которые осуждающе взирают на весь этот пейзаж с натюрмортом. Первый металлическим голосом открывает утреннее заседание, вторая хрустальным голоском переводит сначала металл Рыжего, потом хрипы, вырывающиеся из гортани сегодняшнего докладчика.

Впрочем, с чисто профессиональной точки зрения трудностей у нее никаких, потому что докладчик импровизаций позволить себе не может, ибо в состоянии только монотонно зачехсть написанное, не отрываясь воспаленных глаз от текста и время от времени звучно хлебая минеральную воду. Елена же скользит своими серыми глазками по другому экземпляру доклада и переводит едва ли ни автоматически, следя только за тем, чтобы выступающий не пролистнул две страницы подряд - да и то не ради соблюдения смысла (в конце концов, это не ее заботы), а чтобы не отстать от докладчика на эту самую лишнюю страницу, то есть минуты на две. Опытный синхронщик неизменно придерживается Правила Номер Один «Будка должна звучать»: не важно, что и как несет, мычит, бормочет или лепит выступающий - главное, чтобы в наушниках беспрерывно звучал перевод, потому что если что-то и способно вызвать болезненную реакцию аудитории, так только паузы. Через полчаса появляется Саша, хотя и в темных очках, но явно готовый работать. Он прихватывает со стола бутылочку боржоми, здороваются с техниками, берет у них вторые наушники и с мужественным видом принимается разбираться в докладе - то есть, ищет страницу, на которой сейчас барахтается выступающий. Войдя в курс, он скрывается в будке, откуда, потягиваясь, выходит Елена. С приходом Саши перевод становится более адекватным оригиналу, потому что исчезает раздражающий и отчасти даже осуждающий контраст между хриплым рыком докладчика и нежным пением переводчицы. Саша вторит выступающему на тех же низких нотах, иногда срываясь в

рычание, но, будучи профессионалом, против смысла не грешит.

Елена подходит к нам с Людмилой, мирно сидящим в сторонке, достает из своей шикарной сумочки сигареты, смотрит на меня вопросительно, после чего со словами «Ах, да, вы же оба не курите» самостоятельно щелкает своим золотым Ронсоном. Потом, развалившись в кресле и вытянув роскошные длинные ноги, лениво говорит: «Ну, что, повеселились вчера?» - «Во-первых, - отвечаю я тоном обиженной добродетели, - не веселились, а осуществляли мероприятие по наведению мостов между участниками...» - «Им мосты ни к чему, - так же неторопливо говорит Елена, отгоняя ладошкой дым от глаз. - Им и так море по колено...» - «А во-вторых, - продолжаю я, дав улыбкой понять, что оценил ее шутку, - сама-то почему бросила товарищей в трудную минуту?» - «У меня дела, - неопределенно отвечает она, - и к тому же семеро по лавкам... И еще друг вчера приехал из Женевы, надо было повидаться. Так что ваш прием очень кстати оказался - и учти, между прочим, что я там была и даже переводила. На всякий случай, если кто спросит». А, думаю, понятненько: семеро по лавкам, да к тому же двое в разных койках. Впрочем, мне-то какое дело.

Тут к нам подходит Мария и заводит очередной разговор о формах, неправильно заполненных участниками. С одной стороны, ее просто-напросто мучит похмельный стыд, и своей показной деловитостью она выслуживается перед начальством, а с другой - действительно, ооновская бюрократия не уступает советской, и недополучение сведений о домашнем телефоне участника из Тринидада и Тобаго может привести к скандалу (а тот, небось, не заполнил соответствующую графу по самой элементарной причине: у него вообще нет домашнего телефона). Мария пытается добиться от Л.П. ответа на простенький вопрос: что этичнее - попросить участников, не полностью удовлетворивших любопытство Секретариата ООН, дозаполнить пропущенные графы, или же как ни в чем не бывало дать им новые бланки, еще раз предупредив о недопустимости пропусков и прочерков. Людмила с ужасом смотрит на меня, да тут еще и Елена, с каменным лицом, не шевеля губами, вполголоса, но очень вятно произносит классическое: «Готово дело! Белая горячка!» Мысленно махнув рукой, протягиваю руку и забираю у Марии прозрачную папочку с дефектными бланками: «Не волнуйся, я сам в перерыве подойду к ним, и после обеда ты будешь знать все про всех». - «Но этично ли будет таким образом напоминать людям, что изначально они недобросовестно выполнили просьбу Секретариата?» - спрашивает Мария. Искося смотрю на нее -

вроде бы и тени иронии нет на лице, а уж в голосе и подавно. Одна только служебная добросовестность. Чувствую, что Елена вот-вот расхохочется в голос, и поэтому, полуобняв Марию за плечи, веду ее к лифту, на ходу успокаивая, что все будет в порядке. Вернувшись к Людмиле с Еленой, нахожу их в самом развеселом состоянии духа. «Все-таки, как патриотка, не могу не отметить, - вещает Елена, - что наши русские напитки не имеют себе равных по силе воздействия на человеческую душу». - «Боюсь, что твоя правота не вполне полна, - реагирую я в том же тоне. - Утром у нее, конечно, болела голова, но все негативные ощущения немедленно были купированы с помощью алка-зельцер. А это - просто тупая добросовестность, столь ценимая на Ист-ривер. Между прочим, она там работает не один десяток лет, и все время на прекрасном счету, а зарабатывает, кстати, столько, сколько нам всем и вместе не снилось. И именно потому, что добросовестна».

Похмельный день тянется бесконечно. Я заполнил все пробелы и передал все формы заметно повеселевшей Марии. Мы еще раз связались с Питером и получили подтверждение о двух дополнительных номерах для посольских американцев. А день все тянулся и тянулся, и делать было нечего - потому что все, что можно было предусмотреть, было предусмотрено и сделано заранее, а ЧП, к счастью, не случилось. Вообще двухнедельный семинар в смысле трудоемкости и напряжения сил легче однедельного. В последнем случае не успели встретить дорогих гостей - как уже надо организовывать проводы. А сейчас мы можем расслабиться до конца первой недели - собственно говоря, напряженка начнется только после возвращения из Питера. Тогда надо будет составлять график отъезда, одновременно уделяя массу времени и сил подготовке итогового документа Семинара.

Итоговый документ - это краткое изложение всего сказанного на всех заседаниях, то есть доклады и их обсуждения, плюс выводы и рекомендации. В качестве автора обычно выступает опытный сотрудник Секретариата ООН, присутствие которого на подобного рода мероприятиях предопределено устоявшейся практикой, сложившимися традициями и отчасти здравым смыслом; для написания документа прибегают к специфическому языку, предусматривающему практически безусловное и уж во всяком случае бесконтрольное доминирование пассивного залога, с использованием лексики, благоприятствующей преимущественному употреблению многосложных слов; синтаксис же при этом имеет также определенные особенности, ориентированные главным образом на достижение такого положения вещей, когда на каждую страницу

приходится не более пяти-шести предложений, каждое из которых, соответственно, практически полностью укладывается в отдельный абзац, или, иными словами, имеет размерность, отвечающую длине абзаца. Вышеприведенная фраза дает некоторое, хотя и по необходимости упрощенное, представление о языке, используемом в системе ООН для написания итоговых документов.

Сотворение итогового документа начинается практически с первого дня работы Семинара; день вчерашний, по известным обстоятельствам, не в зачет, но завтра утром у меня уже будут первые три-четыре странички, которые можно будет переводить на русский и потом раздавать совучастникам. Перевод в таких объемах - это не труд, а просто приятное отвлечение от скучной необходимости сидеть без дела и трепаться с Марией (к тому же - не будем забывать - вся оплата идет по ооновским ставкам). Серьезная работа начнется только дня за три до окончания Семинара, когда участники приступят к детальному постраничному обсуждению документа, движимые благородным стремлением сделать максимальное количество поправок, в результате чего переписываются целые разделы - а это, естественно, требует перевода заново и в кратчайшие сроки (к началу утренней сессии), так что бывают случаи, когда приходится сидеть ночи напролет.

Так, без особых приключений, прошли первые семинарские денечки. В понедельник я с утра прихожу полностью готовым к питерской поездке: в моей любимой замшевой сумке джинсовый костюм, кроссовки, американские маечки с бодрими надписями («Easy does it - but do it!» и «Forget me not»), пара рубашек с галстуками, бритва и прочие мелочи. Вообще-то выезжать на вокзал будем не раньше половины одиннадцатого вечера, и после вечернего заседания с лихвой хватило бы времени смотаться домой, но перед отъездом всегда неизбежны проблемы, и к ним надо быть готовым. Да и лучше - собственно говоря, спокойнее - когда ты сам приглядываешь за ходом вещей. Вообще, слово «спокойствие» в нашем профессиональном лексиконе занимает одно из самых почетных мест, наряду с другими любимыми словами - «предусмотрительность» и «осторожность». Хороший международник не поленился встать на час раньше, выехать с запасом в сорок минут, несколько раз позвонить в одно и то же место, заготовить три экземпляра документов, и так далее, и так далее - если только все это хоть как-то гарантирует безотказность названного хода вещей. Опыт показывает - печальный опыт, заметим, - что расхлебывать неприятности куда

сложнее, чем их предупреждать.

Сегодня, однако, все идет - тьфу-тьфу - как по маслу. К десяти часам вся компания в сборе, автобус стоит у входа в гостиницу, и мы потихоньку приступаем к нашим дальнейшим действиям - ведь сама по себе посадка в автобус четырех десятков человек, даже без чемоданов, с одной только ручной кладью, занимает не менее четверти часа, а время идет, хотя его пока достаточно, потому что все остальное тоже идет - по графику.

В десять двадцать пять мы напоследок пересчитываем сидящих в автобусе, и я обращаюсь к ним со стандартным заявлением: «Дамы и господа! Сейчас я задам вам три вопроса, причем на первый хотелось бы услышать отрицательный ответ, а на второй и третий - утвердительные. Итак: вопрос первый - вы ничего не забыли в своем номере или где-то еще в гостинице? Второй вопрос - вы отдали портье ключ от номера? Третий вопрос - надеюсь, ваш паспорт у вас под руками, то есть в кармане или в сумочке?» И покончив с этим, говорю водиле: «Все. На Ленинградский. И не спеша - времени у нас навало».

Времени у нас и впрямь полно, но только потому, что выезжаем с запасом. А вот когда времени в обрез - наверняка попадешь в пробку, или случится еще какая-то гадость, вплоть до поломки автобуса. Но с предусмотрительными и осторожными, как правило, ничего плохого не происходит, и в начале двенадцатого мы мирно вкатываем в закрытые для посторонних ворота, что слева от здания вокзала, подруливая практически к платформе. К нам подсакивают носильщики; грузим сумки на телегу (вот и еще раз пригодились наличные денежки!) и движемся вдоль нашего состава, вдоль соответствующего цвета вагонов «Красной стрелы». Наша компания занимает аккуратно три вагона СВ; естественно, мы заранее расписали людей и по купе, и по вагонам, и перед высадкой из автобуса еще раз напомнили, кто едет в каком вагоне и с кем из переводчиков. Поэтому грузимся по вагонам без суеты, на радость проводникам, которые ценят такую организованность.

Вот тронулся поезд, и дела, естественно, начинают развиваться в неизбежном направлении. Эндрю, уже расслабленный, в полотняных брючатах и ярко-алой фланелевой рубашке, сопровождаемый Стивом из ФАО, чопорное англичанство которого позволило ему сменить ежедневную темную тройку всего лишь на твидовую двойку, подошел ко мне с официальным сообщением: заседание по подведению итогов первый недели Семинара начнется через полчаса в его купе. Форма одежды - без галстуков; стаканы каждый приносит с собой; присутствие

сотрудников администрации обязательно; не буду ли я столь любезен довести сказанное до сведения директора Семинара.

Короче говоря, через полчаса все мы уже сидели как миленькие, тесно прижавшись друг к другу, по пятеро на каждом диванчике, и Эндрю с Димой разливали по тонким железнодорожным стаканам утонченные заморские напитки, приобретенные под сенью российской «Березки». В разгар заседания по подведению промежуточных итогов на пороге купе возникла Елена, сопровождаемая роскошным мужиком. В принципе миллионеры, и тем более швейцарская их разновидность, именно так и должны выглядеть: итальянский костюм - с рекламы «Ферррари», улыбка - с рекламы «Роллекса», брюнет, и глаза пронзительно синего цвета - с афиши голливудского блок-бастера. И ни следа, ничегошеньки не осталось от той ледяной и безразлично вежливой Елены, к которой мы как-то привыкли за эти месяцы: глаза, сияющие безумно счастливым огнем, и тот незабываемый вид абсолютно удовлетворенной женщины, который свойственен только фотомоделям, рекламирующим океанские круизы на суперлайнерах. После взаимных представлений Елена отзывает меня в сторонку - «обсудить программу завтрашнего дня - для чего мы, собственно, и пришли». Усадив Этьена под бочок к Людмиле, выхожу с нею в коридор. «Ты знаешь, - говорит она, - мы передумали и будем жить в вашей гостинице. Этьен считает, что нечего болтаться взад-вперед, и тем более нехорошо, если я не окажусь под рукой в случае производственной необходимости». Э, голубушка, - думаю я, - вот оно как: «Этьен считает». И кто же это говорит - сама Мисс Независимость... А вслух отвечаю: «Во-первых, у нас на тебя не такие уж обширные планы, да и вообще я могу тебя заменить в любой момент, только скажи». - «Нет, это не профессионально», - и глаза на секунду становятся как у прежней Елены - ледяная сталь. - «Ладно, ладно, - даю задний ход. - Как решили, так и поступайте». Обговариваем кое-какие детали, и Елена уводит своего красавца. Вслед за этим расползаются по своим купе и все остальные.

Утренний Питер радует нас солнышком. Выгружаемся из вагонов и нестройной толпой движемся к автобусу, прихватив с собой и Елену с Этьеном. Нас селят в «Москве», неуклюже огромной круглой гостинице у Александро-Невской лавры. Как и ожидалось, суперлюкс за валюту для Этьена был предоставлен тут же, с поклонами и наилучшими пожеланиями. Ну, и все остальные размещаются согласно смете. Мы с Димой занимаем свой двухместный номер, кидаем на пальцах, кому первому идти в

ванную, Дима по обыкновению выигрывает и отправляется на процедуру очищения. Я тем временем разбираю сумку. Рубашки на плечики, пусть отвисятся. Бельишко на полочку, тапки под кровать, бритву в тумбочку. В комнате появляется очищенный Дима; кидаюсь ему на смену, быстро моюсь, надеваю свежую рубашку, повязываю новый галстук (с этим у меня строго - каждый день новый, благо их хватает недели на две, чтобы не повторяться: спасибо иностранным товарищам и господам за их дары), прихватываю папку с бумагами, и мы с Димой спускаемся в вестибюль, общаться с хозяевами и ждать участников.

Прикидываем программу - она составлена мило и не напряженно. После завтрака - поездка в местный офис, знакомиться с постановкой дел. Но поедем не напрямую, а наоборот, по возможности кружным путем, чтобы посмотреть город. После официального посещения - еще кружение по городу, в направлении обеда. После обеда - Эрмитаж. Завтра с утра - в Петергоф, а после обеда на недолго в Петропавловку и потом свободное время, которые желающие могут употребить на поклон святым могилам Александро-Невской лавры (стоит только перейти дорогу).

Спускаемся в вестибюль, где я немедленно сталкиваюсь со знакомой рыжеволосой красоткой. Одна подружек-гидесс, с которыми мне выпадало счастье работать. Кидаюсь к ней с криком: «Марианна!» Она видит меня и радостно улыбается. Целуемся. Вообще, прямо скажем, одна из радостей нашей идиотской кочевой жизни - это вот такие встречи с коллегами. Никаких особых отношений мы практически не поддерживаем, но встретившись в любом месте, где судьба очередной раз пересечет наши пути, мы целуемся - и пусть все видят, как мы любим друг друга. Пусть завидуют нашему братству. Братству - да, потому что такие поцелуи, как правило, чисто дружеские. Хотя, впрочем, бывает всякое. «Ты случайно не с нами? - спрашиваю Марианну. - «А ты - кто?» - в свою очередь спрашивает она. - «Семинар ООН». - «Тогда - случайно нет. С вами Томка стриженная. Вон она тащится...» В дверях появляется долговязая фигура в безупречном джинсовом костюме и с прической едва ли не короче моей. Марианна машет ей: «Сюда, сюда. Вот хозяин». Она знакомит нас. Тамара чуть ухмыляется и делает нечто вроде книксена. На это я - нас голыми руками не возьмешь - щелкаю каблуками. Девицы переглядываются, Марианна тихо и внятно произносит: «Я же тебе говорю - свои!» - «Раз свои, - говорю я, - значит, поцелуемся». Что мы и прodelьываем - как выясняется, на глазах подошедшей Людмилы, которую я тут же представляю Тамаре как директора

Семинара. «Отлично, - говорит Тамара деловым до нельзя голосом. - У вас все в сборе? Автобус 29-17, слева от входа. Правое переднее сидение - наше с вами, - она наклоняет голову в мою сторону, - левое переднее: ваше (кивок Людмиле) и официального представителя принимающей стороны. Чтобы дорогу водителю показывал. Можем садиться?» Я оглядываюсь - где мои девицы. Стоят, треплются. Впрочем, и я хорош - целуюсь напраполаю... «Девочки, - говорю строгим тоном, - все в сборе? Автобус 29-17, садимся!» Тамара вынимает из сумки ярко-оранжевый зонтик и поднимает его над головой: «Ориентир - оранжевое. За мной!»

И пошел раскручиваться первый питерский денек. По дороге на официальное мероприятие Тамара с водителем ухитрились выбрать такой маршрут, что мы повидали едва ли ни половину достославных петербургских мест. С делами мы покончили к двенадцати, и народ потянулся к автобусу, обогащенный новыми познаниями о состоянии и уровне развития их отрасли знаний в бывшей столице Российской империи. После обеда был, естественно, Эрмитаж, а после ужина – неизбежная пьянка.

Утром мы с Димой дружно направились лечить последствия такого уродливого явления нашей действительности, как похмелье. Мы никогда не стонем, не скулим, не ругаем жизнь вообще и данное конкретное утро в частности. Мы даже не похмеляемся. Для начала нам надо пару стаканов крепкого чая, а потом - плотный горячий завтрак. Все эти средства в изобилии представлены в гостиничном ресторане, и мы, заявившись туда к самому открытию, методически и планомерно начинаем восстанавливать пошатнувшееся здоровье. Итак - чай, потом копченая рыба, соленая ветчина (то, что нужно!) с квашенной капустой и овощными салатами, которые мы немилосердно солим и перчим. И ко всему этому густо мажем хлеб маслом. В следующий визит к стойке Дима обнаруживает в числе салатов тертую редьку, и мы отдаем ей должное, заказав себе предварительно по огромной яичнице с ветчиной и помидорами. Потом Дима еще берет сосиски, а я скромно блинчики с творогом. После всего этого самочувствие резко улучшается, и я, попивая пустой чай с медом, умиленно наблюдаю, как Дима завершает завтрак сыром, который поглощается с булочками в количествах убедительных и впечатляющих.

Умиротворенные, мы выходим на улицу, чтобы определиться с погодой. Солнечно и ветрено. Со стороны метро танцующей походкой движется наша Тамара. «Кстати, - вспоминаю я, - как там вчера Марина? Не очень набралась?» -

«Практически не пила». - «Так ей и надо, - ухмыляюсь я. - Значит, сегодня будет работать, потому что эта Томочка меня вчера укатала». Тамара тем временем приближается к нам и со словами: «Привет, мальчики» целует сначала меня, а потом, чуть поколебавшись, Диму. Принюхивается и говорит: «Чувствую, что вчера культурно посидели». - «Не беспокойся, - говорю я, - к тебе сегодня посадим непьющую Марину». - «Что, совсем не пьет? - искренне удивляется Тамара. - А язык-то она в таком разе знает?» - «Я сяду слева, в случае чего подстрахую».

Второй питерский день прошел великолепно. Посетителей в будни в Петергофе немного (еще одно достоинство графика, при котором Семинар начинается с середины недели), все фонтаны работали, и народ был счастлив. Остаток дня, вплоть до поезда, прошел без приключений. Разумеется, снова было организовано заседание в купе Эндрю, но посвящено оно было не подведению итогов, а планам на будущее. То есть: при участии непьющего Виса, без спиртного и действительно с разговорами по делу. Наши усилия теперь будут направлены на выработку итогового документа, по которому все, включая высшее ооновское начальство, судят об успешности мероприятия. Для меня лично это означает напряженную работу по вечерам, а ближе к концу - так и ночью.

Первый день второй рабочей недели Семинара приходится на пятницу. А вечером у нас билеты в цирк. Но днем предстоит другой цирк - беседа с транспортным диспетчером по поводу окончательного графика проводов. С утра мы идем к девушке Нине и проверяем, как обстоят дела с нашими проблемными авиабилетами. Как не смешно, но все в порядке; Нина вынимает из сейфа все наши билеты, с проставленным ОК, и мы, внося соответствующие данные в свой список, раздаем билеты владельцам. Теперь можно уточнить график проводов, чем мы и занимаемся с Игорем в течение получаса. График оказывается простеньким - много улетающих с интервалами в полчаса-час, и все такие рейсы легко группируются в один автобус, с одним провожающим. Или с двумя - на случай, если вылеты разделяет четвертьчасовой интервал: тогда они наверняка из разных крыльев, и в одиночку чисто физически не справиться. Распечатываем чистовой вариант графика, и Игорь отправляется с ним в диспетчерскую, предварительно созвонившись с ними и заодно уточнив номер автобуса на сегодняшний вечер (в цирк и обратно).

Следующие два дня - суббота и воскресенье. Опять благодать в полупустой гостинице, только у меня с каждым днем

все больше работы. На заседаниях уже вовсю обсуждают итоговый документ, вносят поправки, обсуждают поправки, а потом поправки к поправкам... Впрочем, все это не страшно, тем более что каждая страничка - это лишние денежки. Пока нет особых дел, девицы дежурят в зале посменно, по полдня, а Дима вообще берет на субботу и воскресенье тайм-аут с выездом на дачу для проведения неотложных осенних работ. Людмила честно появляется каждое утро и сидит, как и я, весь день - но в основном читает, потому что дел у нее сейчас реально никаких. Я же не встаю из-за компьютера, пользуясь возможностью подбить бабки и составить впрок разные списки, документы и отчеты, над которыми все равно пришлось бы сидеть после разъезда участников.

В понедельник с утра идем с Игорьком к директору ресторана заказывать прощальный банкет на вечер вторника. На сегодняшнем вечернем заседании будет закончен черновой вариант документа, а его окончательное обсуждение состоится завтра; так что к утру я должен сделать полный русский текст, сколько бы времени на это не потребовалось - хоть вся ночь. Впрочем, где-то часа в три я уже благополучно отстукиваю последнюю фразу документа: «В заключение Семинар выражает благодарность Правительству Союза Советских Социалистических Республик за все усилия, направленные на обеспечение его эффективной организации и бесперебойной работы». Все! Теперь скинуть на дискету. Выключить компьютер. И спать!

Утром я едва успеваю привести себя в порядок, как штабной наполняется людьми. Совграждане - из числа тех, кто после вечерней сессии не намерен ехать домой переодеваться к банкету - принаряжены. Все приятно возбуждены, и не удивительно: все-таки дело близится к концу, и пока что - тьфу-тьфу... Собственно, утреннее заседание будет вполне обычным - обсудят последние страницы, уделив, естественно, особое внимание выводам и основанным на них рекомендациям. А после перерыва - официальное закрытие. С участием представителей отовсюду. МИД, ГКЭС, далее - везде... Речи, скупые слова благодарности, пожелания... А потом все, включая многочисленных, прямо-таки с неба свалившихся представителей, плавно переходят в банкетную залу, где речи звучат по новой, но в сокращенном варианте, а слова благодарности достигают размера речей, и порой даже проливаются (в смысле, капают) скупые слезы вышеназванной благодарности. А потом - по указанию нашего друга директора - банкетные остатки переносятся в штабной, и секретариат расслабляется вволю. Кстати, сегодня в ночь уже

улетает первый участник; девицы тянули жребий, и провожать выпало Свете.

Потихоньку начинаем движение в сторону конференц-зала. Появляется довольный Рыжий, в парадном костюме с депутатским значком на широкой груди. Отдаю ему, как председателю сессии, экземпляр русского текста. «Неужели все готово?» - полупритворно восхищается он. Оказавшаяся тут как тут Людмила, не моргнув глазом, отвечает: «Как же. Плоды ночной работы. Вся ночь, можно сказать, на это ушла». - «Спасибо огромное. А вы, Людмила Петровна, пометьте себе, что за такие подвиги надо особую премию выписать. Ну, как дела с банкетом? Всех пригласили?» - «По списку, который мы с вами оговаривали». - «Ну и прекрасно. Давайте начинать».

Он идет к столу президиума. Участники начинают рассаживаться по привычным местам, а я отправляюсь в штабной, где мы с Игорьком прокачиваем окончательный общий график проводов, уже с фамилиями всех провожающих. Потом составляем и распечатываем индивидуальные графики для каждого из провожающих. Потом спускаемся к директору ресторана, чтобы окончательно уточнить все детали банкета, в том числе и возможность оперативного дозаказа спиртного, если вдруг количество гостей резко превысит ожидаемое. Пока вроде бы все.

К началу последнего заседания (оно же официальное закрытие) народ сходится в значительных количествах и даже качествах. От МИДа пока маячит только Андрей, но он обещает прибытие замминистра непосредственно к банкету и в сопровождении пары ответственных чиновников. Аналогичным образом грозят размножиться ряды представителей ГКЭС и прочих организаций, о которых еще вчера не было ни слуху, ни духу. Докладчики, как один, притащились не только с непосредственными своими начальниками, но и с руководителями более высокого ранга. Одним словом, это сладкое слово - халява!

Итак, заседание начинается. Рыжий кратко подводит итоги. Потом слово берет Вис и долго распинается о том, сколь идеально соответствует научная значимость Семинара его международному резонансу. Потом он переходит к организационным вопросам. Ну, что сказать - приятно, когда тебя хвалят, да еще и по-английски, да еще и под протокол, да еще и в присутствии разных высокопоставленных товарищей. Впрочем, практической пользы от этого - тьфу; ну, может, хоть премию выпишут поприличнее. После Виса слово берет лысоватый вертлявый мидовец в твидовом костюмчике - очевидно, один из тех обещанных Андреем ответственных чиновников, у которого

хватило совести приехать чуть пораньше, не прямо к первому тосту. Потом аудиторию развлекает красавец из ГКЭС - на этот раз шеголяющий в официальной темной тройке. Для начала он благодарит синхронщиков и предлагает им отдохнуть пару минут, потому что он сам будет переводить свое выступление, причем и на английский, и на французский. Потом начинает петь панегирики всем подряд, по списку. Резвится он таким образом минут пятнадцать - и это хорошо, потому что заседание явно подходит к концу, а до начала банкета еще немало времени, и хуже нет ситуации, когда присутствующие ходят кругами подобно голодным волкам, ожидая, пока временно отсутствующие подгребут к тому часу, который формально обозначен в программе. В заключение Рыжий подводит итоги итогов и приглашает всех отметить окончание этого славного события по русскому обычаю, банкетом а-ля фуршет. Смотрю на часы - до пункта, обозначенного в программе как «Официальный прием» остается двадцать восемь минут.

Собственно говоря, часа через три Семинар и окончился. Начальство с докладчиками разъехались по домам, с сознанием выполненного долга и в ожидании приятного визита в кассу - через месяц-другой, когда бухгалтерия подсобьет все бабки. Участники также начинают разъезжаться (скорее, разлетаться) по домам - первый вылет сегодня же ночью, последнее официальное мероприятие - проводы всей ооновской команды - через пару дней. В Шереметьево прощание с ними выливается в массовую демонстрацию торжества принципов международного сообщества.

А нам еще предстоит неделя работы - проводить всех в аэропорт, полностью закончить итоговый документ (с учетом сделанных сегодня утром окончательных правок), подвести все бухгалтерские итоги и закрыть смету, написать массу отчетов (это, правда, в основном заботы Димы) и проделать еще тысячу мелочей, включая сбор манаток и перевоз оставшегося добра к себе в министерство.

...В Москве уже глубокая осень. Холодные дожди. В магазинах появились первые в сезоне мандарины. У нас традиция - отмечать получение всяких международных гонораров коньячком (у Пита в кабинете, после работы, запершись на ключ). Вот сидим - сам Пит, Игорек, Дима и я. На журнальном столике - две бутылки армянского, тонкие чайные стаканы, мандарины вывалены на блюдо, служащее обычно подставкой для графина с питьевой водой. Сели. Разлили. Дима сказал свое неизменное - о дружбе. Да ведь она и есть самая важная вещь на свете, мужская дружба. Следующий заход - Пит предлагает выпить за то, чтобы

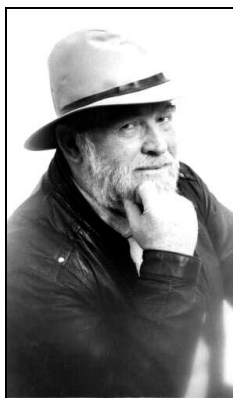
Секретариат ООН принял правильное решение насчет семинара на будущий год. Потом Игорек предлагает выпить за баб - хрен бы с ними, ведь среди них есть вполне приличные люди. Та же Елена, например. А остатки допиваем под мой тост: «За профессионалов - то есть за нас с вами. Сами себя не похвалим - кто же нас похвалит».

Об авторах

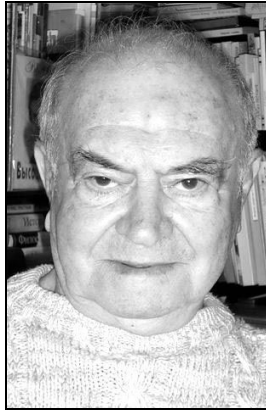
Василий Демидович – российский математик, доцент механико-математического факультета МГУ.

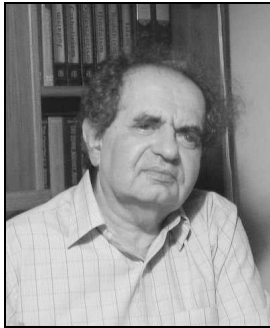
Евгений Майбурд – экономист, автор статей по истории, религии, культуре.

Игорь Фунт – редактор «Русской жизни», редактор изд-ва «Аэлита» («Уральский Следопыт»).

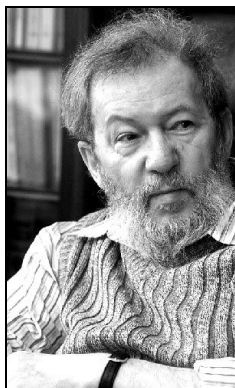
Леонид Столович – профессор Тартуского университета.

Михаил Цаленко – математик, правозащитник.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

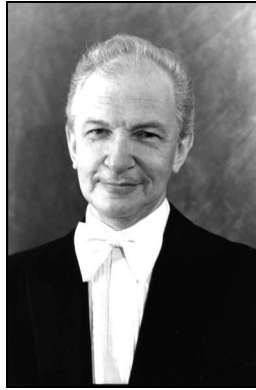
Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Ион Деген – врач, писатель, ветеран ВОВ.

Борис Рубенчик (Рублов) – профессор, доктор биологических наук

Артур Шильман – скрипач и дирижер, автор книг о музыкантах.

Соня Тучинская – программист, публицист

Дмитрий Хмельницкий – историк архитектуры, журналист

Борис Суслович – поэт.

Ирина Егорова – литератор, журналист, актриса, режиссер, педагог.

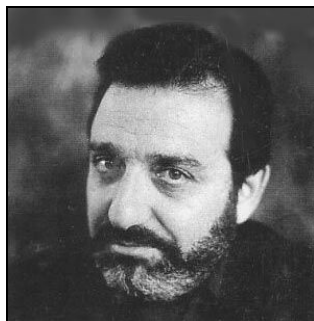
Ольга Олгерт – поэт, врач по образованию.

Ирина Маулер – член Союза художников Израиля, член Союза писателей Москвы и Израиля.

Людмила Штерн – литератор, научный сотрудник университета Брандайс.

Евсей Цейтлин – культуролог, литературовед, критик, прозаик. Автор множества книг. Редактор газеты «Шалом»

Фреда Калин – инженер, публицист.

Александр Бураковский – писатель.

Нина Горланова – писатель.

Андрей Чередник – работает в Вене (Австрия) в Международном Учебном экономическом центре. Печатался в ряде журналов России и Германии.

Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль

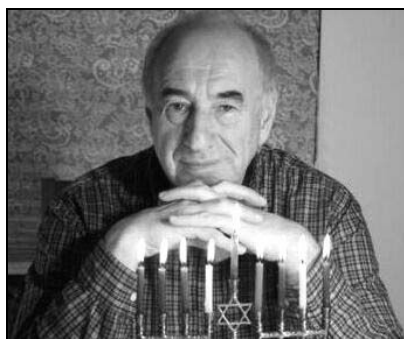
Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

Алла Цыбульская – театровед, журналист

Михаил Юдсон – литератор.

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Виктор Гопман – переводчик

Журнал «Семь искусств», январь 2012
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2012, 538 стр. 26,2 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины